100 ЗНАМЕНИТЫХ ЖЕНЩИН

SHOUT
SHARE
IT

Annotation

Героини этой книги совсем разные - и по профессии, и по характеру, и по образу жизни. "Личный оператор" Гитлера Лени Рифеншталь, отвергнутая обществом за сотрудничество с нацистами и тем не менее признанная этим же обществом гениальным кинематографистом; Валентина Терешкова- первая женщина космонавт, воспринимаемая современниками как символ эпохи, но на самом деле обычная женщина, со своими невзгодами и проблемами; Надежда Дурова - женщина-гусар, оставившая мужа и сына ради восторга боя; Ванга - всемирно признанная ясновидящая, использовавшая свой дар только во благо...

Рассказы о каждой из 100 героинь этой книги основаны на фактических материалах, однако не все они широко известны. Так что читатели смогут найти здесь для себя много нового и неожиданного.

- Татьяна Иовлева, Валентина Скляренко, Валентина Мац
- 100 знаменитых женщин.
  - ○
  - ○
  - ○
  - ○ Аннотация
-
- От авторов
- Стоявшие у руля государства
- ОЛЬГА
-
-
- РОКСОЛАНА
-
-
-
- ЕКАТЕРИНА МЕДИЧИ
-
-
- КРИСТИНА АВГУСТА
-
-
- ЕКАТЕРИНА II ВЕЛИКАЯ
-

- ВИКТОРИЯ
- МЕИР ГОЛДА
- ЦЫСИ (ЦЫ СИ)
- ГАНДИ ИНДИРА
- ТЭТЧЕР МАРГАРЕТ
- ЕЛИЗАВЕТА II
- ОЛБРАЙТ МАДЛЕН
- МАРГРЕТЕ II
- Бунтарки и подвижницы
- МОРОЗОВА ФЕОДОСИЯ ПРОКОПЬЕВНА
- КОРДЕ ШАРЛОТТА
- ВОЛКОНСКАЯ МАРИЯ НИКОЛАЕВНА
- ПЕРОВСКАЯ СОФЬЯ ЛЬВОВНА

- СПИРИДОНОВА МАРИЯ АЛЕКСАНДРОВНА
-
-
- Носительницы добра и милосердия
- НАЙТИНГЕЙЛ ФЛОРЕНС
-
-
- ВРЕВСКАЯ ЮЛИЯ ПЕТРОВНА
-
-
- РОМАНОВА ЕЛИЗАВЕТА ФЕОДОРОВНА
-
-
- РЕРИХ ЕЛЕНА ИВАНОВНА
-
-
- КУЗЬМИНА-КАРАВАЕВА (СКОБЦОВА) ЕЛИЗАВЕТА ЮРЬЕВНА
- (МАТЬ МАРИЯ)
-
-
- ВАНГА
-
-
-
- МАТЬ ТЕРЕЗА
-
-
-
- Служительницы науки
- ДАШКОВА ЕКАТЕРИНА РОМАНОВНА
-
-
- БЛАВАТСКАЯ ЕЛЕНА ПЕТРОВНА
-
-
- ПОТАНИНА АЛЕКСАНДРА ВИКТОРОВНА
-
-
- КОВАЛЕВСКАЯ СОФЬЯ ВАСИЛЬЕВНА
-
-
- СКЛОДОВСКАЯ-КЮРИ МАРИЯ
-

- ХОППЕР ГРЕЙС МЮРРЕЙ
- АДАМСОН ДЖОЙ
- Покорители неженских профессий
- ДУРОВА НАДЕЖДА АНДРЕЕВНА
- КОЛЛОНТАЙ АЛЕКСАНДРА МИХАЙЛОВНА
- РИФЕНШТАЛЬ ЛЕНИ
- ТЕРЕШКОВА ВАЛЕНТИНА ВЛАДИМИРОВНА
- АРТАМОНТ ЛИДИЯ
- Бизнес-леди
- ТЮССО МАРИ
- КЛИКО-ПОНСАРДЭН НИКОЛЬ БАРБ
- МОРОЗОВА ВАРВАРА АЛЕКСЕЕВНА
- ШАНЕЛЬ КОКО
- ЛАУДЕР ЭСТИ (ЭСТЕ)

- ХЭНДЛЕР РУТ
-
-
- УЗЕ БЕАТА
-
-
- ВЕРНОН ЛИЛИАН
-
-
- ТРАМП ИВАНА
-
-
- КРАГ ИРИНА
-
-
- УИНФРИ ОПРА
-
-
- Мастера слова
- САПФО
-
-
- СТАЛЬ ЛУИЗА ЖЕРМЕНА ДЕ
-
-
- ШЕЛЛИ МЭРИ
-
-
- ЖОРЖ САНД
-
-
-
- ПАВЛОВА КАРОЛИНА КАРЛОВНА
-
-
-
- РОСТОПЧИНА ЕВДОКИЯ ПЕТРОВНА
-
-
- БРОНТЕ ШАРЛОТТА
-
-
-
- ЛАГЕРЛЕФ СЕЛЬМА

- ВУЛФ ВИРДЖИНИЯ
- АХМАТОВА АННА АНДРЕЕВНА
- КРИСТИ АГАТА
- ЦВЕТАЕВА МАРИНА ИВАНОВНА
- МИТЧЕЛЛ МАРГАРЕТ
- САГАН ФРАНСУАЗА
- Кумиры сцены и экрана
- БЕРНАР САРА
- ЕРМОЛОВА МАРИЯ НИКОЛАЕВНА
- ДУЗЕ ЭЛЕОНОРА
- КОМИССАРЖЕВСКАЯ ВЕРА ФЕДОРОВНА
- РАНЕВСКАЯ ФАИНА ГЕОРГИЕВНА
- ЧЕХОВА ОЛЬГА КОНСТАНТИНОВНА

- ДИТРИХ МАРЛЕН
- ГАРБО ГРЕТА
- МАНЬЯНИ АННА
- БЕРГМАН ИНГРИД
- МАЗИНА ДЖУЛЬЕТТА
- ДЕНЁВ КАТРИН
- СТОУН ШАРОН
- Богини музыки и танца
- ПАТТИ АДЕЛИНА
- КШЕСИНСКАЯ МАТИЛЬДА ФЕЛИКСОВНА
- ПАВЛОВА АННА ПАВЛОВНА
- ЮРЬЕВА ИЗАБЕЛЛА ДАНИЛОВНА
- УЛАНОВА ГАЛИНА СЕРГЕЕВНА
- ПИАФ ЭДИТ

-
-
-
- ФИЦДЖЕРАЛД ЭЛЛА
-
-
- КАЛЛАС МАРИЯ
-
-
-
- ПЛИСЕЦКАЯ МАЙЯ МИХАЙЛОВНА
-
-
- ВИШНЕВСКАЯ ГАЛИНА ПАВЛОВНА
-
-
- КАБАЛЬЕ МОНТСЕРРАТ
-
-
- ПУГАЧЕВА АЛЛА БОРИСОВНА
-
-
- ХЬЮСТОН УИТНИ
-
-
-
- Волшебницы резца и кисти
- КАУФМАН АНГЕЛИКА
-
-
- БАШКИРЦЕВА МАРИЯ КОНСТАНТИНОВНА
-
-
- КЛОДЕЛЬ КАМИЛЛА РОЗАЛИ
-
-
- ГОНЧАРОВА НАТАЛЬЯ СЕРГЕЕВНА
-
-
- КАЛО ФРИДА
-
-
-
- Королевы спорта

- ЛАТЫНИНА ЛАРИСА СЕМЕНОВНА
-
-
- СКОБЛИКОВА ЛИДИЯ ПАВЛОВНА
-
-
- КУЛАКОВА ГАЛИНА АЛЕКСЕЕВНА
-
-
- РОДНИНА ИРИНА КОНСТАНТИНОВНА
-
-
- НАВРАТИЛОВА МАРТИНА
-
-
- ДЕРЮГИНА ИРИНА ИВАНОВНА
-
-
- ГРАФ ШТЕФФИ
-
-
-
- notes
  - 1
  - 2

Татьяна Иовлева, Валентина Скляренко, Валентина Мац

100 знаменитых женщин.

«100 знаменитых женщин»:

Фолио; Харьков; 2008
ISBN 978-966-03-4074-9

Аннотация

Героини этой книги совсем разные – и по профессии, и по характеру, и по образу жизни. «Личный оператор» Гитлера Лени Рифеншталь, отвергнутая обществом за сотрудничество с нацистами и тем не менее признанная этим же обществом гениальным кинематографистом; Валентина Терешкова – первая женщина космонавт, воспринимаемая современниками как символ эпохи, но на самом деле обычная женщина, со своими невзгодами и проблемами; Надежда Дурова – женщина-гусар, оставившая мужа и сына ради восторга боя; Ванга – всемирно признанная ясновидящая, использовавшая свой дар только во благо…

Рассказы о каждой из 100 героинь этой книги основаны на фактических материалах, однако не все они широко известны. Так что читатели смогут найти здесь для себя много нового и неожиданного.

От авторов

Памяти Валентины Дмитриевны
Кравченко посвящается

«Совершенная женщина есть более высокий тип человека, чем совершенный мужчина, но и нечто гораздо более редкое». Так утверждал не кто другой, как приверженец культа сильной личности немецкий философ Фридрих Ницше. Такое признание особенно ценно, если учесть, что сделано оно человеком, отнюдь не питавшим особого пиетета к представительницам прекрасного пола и считавшим их жизненным уделом кухню, церковь и рождение детей.

Отзвуки такого отношения к предназначению женщины в обществе, идущие с древнейших времен и характерные вплоть до XIX века, мы ощущаем нередко и в начале века XXI. Этому есть немало различного рода причин – исторических, физиологических, психологических, этических. Характеризуя их в своей книге «Смена власти», американец Элвин Тоффлер писал: «Благодаря природной физической или мускульной силе мужчины доминировали со времен племенных культур, где сильный всегда правил слабым. Мужчины стали управлять и индустриальной базой, а поэтому продолжали править, когда власть мускулов сменилась властью финансов. Мужчины начинали как охотники, женщины – как няньки; затем мужчины стали рабочими, а женщины превратились в домохозяек». В этих условиях приходится только удивляться, как наперекор общественным традициям отдельным женщинам все же удавалось стать личностями и занять достойное место в обществе. При этом их достижения распространялись не только на такие сферы деятельности, как культура, литература и искусство, считавшиеся более соответствующими женской природе. Не менее талантливо проявляли себя женщины и в политике, управлении государством, науке, технике, спорте, бизнесе. Нашлось немало и таких, которые достигли значительных высот в профессиях, исконно считавшихся мужскими.

Отбирая героинь для этой книги, авторы старались показать все многообразие видов деятельности, в которых знаменитые женщины сумели реализовать свои лучшие духовные и

физические качества – талант, энергию, характер, силу воли, изобретательность, находчивость, выносливость, умение сострадать, жертвовать собой во имя идеи, дела, своих близких. Такой подход обусловил тематическое построение книги. Для удобства поиска интересующих читателя персон в конце издания помещен алфавитный указатель.

Рассказать обо всех знаменитых женщинах, кумирах разных времен и народов, в рамках одной книги, конечно же, невозможно. И поэтому, к сожалению, в ней не нашли отражения судьбы многих других, не менее достойных героинь. Особенно это касается наших современниц, достижения которых со всей полнотой сможет оценить лишь грядущее поколение. Но какими бы из почетных титулов не наградило оно впоследствии своих избранниц, все они в равной степени заслуживают той оценки, которая прозвучала из уст американского писателя Кристиана Боуви: «После Бога мы в первую очередь в долгу перед женщиной: сперва она дарует нам жизнь, а потом придает этой жизни смысл».

Стоявшие у руля государства

ОЛЬГА

(род.? – ум. в 969 г.)

Святая равноапостольная княгиня киевская. Правила в малолетство сына Святослава.

«Праматерь всех царей русских», святая равноапостольная княгиня киевская – вот кем была Ольга (в разноязычных интерпретациях Хельга, Хальга, Алогия), в крещении Елена. В историю она вошла как великая устроительница государственной и культурной жизни Киевской Руси.

Вариаций на тему происхождения будущей княгини множество, и каждая подкреплена летописным или церковным источником. По летописным сведениям, она родом из Пскова и приходилась родственницей правившему тогда Олегу. Историк В. Н. Татищев утверждал, что она – внучка новгородского посадника

Гостомысла, предшественника Рюрика, и в доме звали ее Прекрасой.

В 903 г. девочку предположительно в десятилетнем возрасте привезли в Киев, чтобы обручить с 25-летним Игорем, сыном Рюрика, который позднее принял великокняжение. Согласно древнерусской традиции, официальное имя она получила по принадлежности к роду, по отцу. Вопреки красивой легенде о женитьбе княжича на малолетней простолюдинке, существуют научные версии того, что Ольга была все-таки знатного рода. В Древней Руси родовая принадлежность имела большое значение, и никто из князей никогда не женился на простых девушках. Олег, будучи регентом при Игоре и полновластным хозяином на Руси, пока тот не возмужал, не допустил бы такого неразумного поступка. А вот невеста из рода Гостомысла была вполне подходящей партией, обеспечивающей связь двух родов. Норманнскому конунгу Олегу, пришлому на Русь, легче было удержать власть при поддержке местной знати. Он имел огромное влияние и на Игоря, тот даже в довольно зрелом возрасте «ходил по Олеге и слушал его». Достаточно вспомнить, что легендарный поход Олега на Царьград (так в летописях называют Константинополь) и заключенный с греками договор были делами того же Олега – «великого князя русского», а новый договор 911 г. имел место, когда Игорю перевалило за тридцать. Полновластно править он начал с 912 г., то есть после смерти Олега. Но не будем гадать о достоинствах и недостатках молодого князя, согласимся с тем, что его брак был делом большой политики.

О годах правления Игоря известно мало. Ему довелось покорять древлян, оглядываться на печенегов, что появились в степях Причерноморья, и безуспешно воевать с Византией под давлением хазар. Приходилось князю совершать далекие и долгие походы, поэтому внутренними делами все более активно начинала заниматься Ольга.

Осенью 945 г. Игорь погиб от рук древлян, с которых хотел получить дополнительную дань. И княгиня осталась одна с сыном.

Широко известна легенда о троекратной мести Ольги жителям древлянской земли. Несмотря на то что они имели мирный вариант разрешения конфликта и даже предложили ей в мужья своего князя Мала, вдова сурово покарала их. Воспитанная в традициях викингов, она легко шла на обман и коварство, бесстрастно относилась к кровопролитию и смерти, чтобы утвердить свою власть. Первой местью было погребение заживо древлянских старейшин вместе с ладьями, в которых они

прибыли в Киев. Второе посольство по ее приказу сожгли в бане, а третье уничтожили во время тризны по Игорю под стенами города Искоростеня, где он погиб. Самым жестоким было последнее наказание: хитроумная княгиня пообещала, что отступит от города, взяв небольшую дань – по голубю от двора, а потом приказала привязать к лапкам птиц тлеющие лучины и отпустить. Голуби разлетелись по домам и сожгли город. После этой «науки» не только древляне, а никто из данников против Ольги не восставал. В этой истории столкнулись два различных мировоззрения, две психологии: с одной стороны, славянская открытость и прямодушие, вера в нерушимость данного слова, а с другой – выработанное вековой практикой варягов пренебрежение к понятиям нравственности, которые мешали в достижении цели. У последних коварство и ложь были предметом гордости, если приносили успех. А у славян нормы чести и совести были непререкаемым законом.

Вместе с тем Ольга обладала не только твердым характером, но и гибким умом, поэтому сделала правильные выводы. Она установила фиксированный объем дани с каждой земли. А потом начала «хождения» по своим владениям, чтобы самолично определить места и виды промыслов, размеры доходов с них и порядок распределения. Известно, что две трети она отдавала в распоряжение городского вече, а треть оставляла за собой и тратила в основном на строительство и благотворительность. Это была первая попытка государственного регулирования природопользования. Ольга установила систему «погостов» (от слова «гость», т. е. купец), которые стали центрами торговли и культуры, опорой княжеской власти, местами средоточия интересов иноземных купцов. Со временем они обрастали укреплениями, превращались в города, а с распространением христианства здесь строились храмы как обязательные приметы культурного роста.

При княгине Ольге в Киеве началось каменное строительство. На Старокиевской горе (это место называли Вышгородом) рядом с каменным теремом вырос еще и дворец, где появился богато украшенный фресками, мрамором и розовым шифером тронный зал для торжественного приема иностранных послов и гостей. А над торгово-административным центром высилась круглая башня. Уже в наши дни археологи раскопали здесь фундаменты древних зданий.

Ослабив влияние местных правителей, княгиня всячески стремилась укреплять централизованную форму власти. Но не менее важным, чем укрепление политической, экономической и военной мощи государства, она считала духовное обновление

народа. И сумела понять, что путь к будущему величию и возможности на равных общаться с такими господствующими империями, как Византия и саксонская Германия, лежит через принятие христианства. Но задача эта была не из легких.

История борьбы язычества с христианством на Руси уже тогда насчитывала почти двести лет, от похода и крещения князя Бравлина в Суроже в 795 г. И носила она переменный характер не только в народной среде, но и среди властителей: Аскольд был христианином, Вещий Олег – воинствующим язычником, Ольга вслед за Игорем поддерживала христианские веяния, внимательно присматривалась к сторонникам церкви, понимала прогрессивность их устремлений и решила идти одним путем с ними.

С этой целью и отправилась она в столицу Византии город Константинополь к императору Константину VII Багрянородному, снарядив флот и посольство численностью около двухсот человек (с обслугой – более тысячи). Константин яростно ненавидел и опасался русичей, памятуя разгромные для ромеев походы Аскольда, а затем и Олега, который в 907 г. прибил свой щит «на врата Царьграда». Но появление русского флота на Босфоре сделало свое дело.

Точная дата исторического визита не сохранилась, ученые относят его к периоду между 946 и 957 гг. До нас дошли не только богатые фольклорные свидетельства и хроники, но и оригинальные записи самого императора – он был историком и писателем. В произведении «О церемониях византийского двора» им описан официальный прием Эльги – архонтессы (т. е. правительницы) Руси в императорском дворце. Однако встречей остались недовольны обе стороны. Ольгу возмутило томительное (не один месяц) ожидание приема в порту, явная демонстрация пренебрежительного отношения к себе, весь церемониал, который предусматривал переодевание в византийские одежды, умащивание и опять ожидание, затем процедуру поклонов и падения ниц. От унизительных церемоний она отказалась и приветствовала Константина легким поклоном. Ей были оказаны необходимые почести, с ней подписали и торговые соглашения, однако главных задач княгине решить не удалось. Она планировала договориться об открытии митрополии в Киеве, как это было при Аскольде, и сосватать своему сыну императорскую дочь. Константин счел это дерзостью, подчеркнув своим отказом превосходство империи над Русью.

Существует легенда, будто бы он предложил Ольге руку и сердце, но получил отказ. На самом деле Константин был женат, а Ольге, хоть она и славилась красотой, было уже за шестьдесят.

Гораздо более правдоподобна первая цель визита. Ради нее Эльга Русинка встречалась с патриархом и якобы приняла крещение, а крестным отцом являлся сам Константин. Но факт крещения остается спорным. Во-первых, император нигде о нем не упоминает. А во-вторых, известно, что в этой поездке княгиню сопровождал духовник, что означает одно – Ольга уже была крещенной. Хотя возможно, что для придания особой важности визиту она решила вторично совершить обряд в самом Константинополе, давая тем самым понять: и она и ее страна готовы воспринять достижения византийской культуры. Она всегда держалась гордо, с достоинством. В былинном произведении «О взятии Царьграда княгиней Ольгой» запечатлена ее бескровная победа над надменным Константином. (А за моменты унижения она расквиталась, когда тому впоследствии пришлось просить войско, и ответила послам: дескать, пускай приедет и подождет так, как я ждала у него в порту, тогда и дам.) Отбывая домой, Ольга, нареченная в вере Еленой, получила благословение патриарха Феофилакта: «Благословенна ты в жонах руських, яко возлюби свет, а тьму остави»…

Как бы то ни было, крещение свидетельствовало об уме и дальновидности русской правительницы, определило ее внешнюю политику, направленную на укрепление независимости Руси. Этой линии придерживались в течение двухсот лет и ее наследники. Очень важно, что в насаждении христианства Ольга прибегала к ненасильственным методам. Она понимала, что в стране, где языческие верования имели глубокие корни, невозможно ввести новую официальную религию путем указа. Ведь даже собственного сына Святослава она не смогла переубедить и обратить в свою веру, он оставался язычником до конца дней. Княгиня мирилась с тем, что одни ее подданные молятся в храме (на днепровском берегу красовался соборный храм Ильи Пророка), а другие перед походом клялись на оружии в святилище Перуна. Прошли годы, прежде чем внук Ольги – Владимир покончил с этим и крестил киевлян в Днепре, уничтожая остатки капищ. Более того, воспользовавшись ослаблением Византии, он силой оружия заставил императорский двор выдать ему в качестве жертвы царевну и женился на ней, выполнив и это желание своей бабки – породниться, а значит, и уравняться в величии с могучей державой. Христианизация государства и союз с Византией, начатые Ольгой и завершенные Владимиром, по мнению академика Д. С. Лихачева, «ввели Русь в семью европейских народов на совершенно равных основаниях».

А историк С. М. Соловьев отмечал, что после принятия

христианства на Руси возникло также и новое отношение к женщине. Благодаря княгине Ольге они включились в процесс просвещения, ни в чем не уступали мужчинам в «книжности», а также имели «в женском естестве мужскую крепость», иначе говоря, занимались государственными делами – образованием, культурой, строительством, врачеванием, воевали и принимали послов. Примером такого характера была сама княгиня. Самоотверженная, терпеливая и мужественная, она умела не сгибаться в трудные времена, а наоборот – стала духовной опорой для многих людей. Фактически до конца жизни Ольга управляла Русью, потому что Святослав редко бывал в столице, почти все время проводил в походах. Когда в 968 г. князь воевал на Балканах, ей даже пришлось выдержать осаду печенегами Киева.

Предание нарекло Ольгу хитрой, а церковь – святой. Летописец Нестор называл ее звездой, которая предваряет восход солнца над русской землей. Почитание княгини со временем переросло в обожание и обожествление, затем последовало причисление ее к сонму святых. Когда произошла канонизация, мы не знаем, понятно только, что в домонгольские времена, так как день ее памяти (11 июля) встречается в письменных источниках с XIII в. Первые изображения княгини появились в хрониках и летописях, а затем начали воплощаться в иконах, в храмовых фресках и росписях Византии и Руси. Есть предположение, что остатки фресок Софиевского собора в Киеве, возведенного при Ярославе Мудром, изображают именно фрагменты приема русского посольства во главе с Ольгой в Константинополе. А более поздняя иконография, очевидно, берет начало с этих фресок.

Княжение княгини Ольги явилось поворотом в истории Киевской Руси. Страна обрела упорядоченное правление, вошла в политическую систему христианского мира. Благодаря ее мудрости Русь не попала в зависимость ни от Византии, ни от Германии. Уходящие в глубь веков отношения византийцев-греков и русинов получили новое развитие. Через русские земли от Константинополя по Днепру, через Киев и дальше на север, до Новгорода и Балтийского (Варяжского) моря шел знаменитый путь «из варяг в греки». Н. М. Карамзин писал, что Ольга «овладела кормилом государства и мудрым управлением доказала, что слабая жена может иногда равняться с великими мужами».

РОКСОЛАНА

Настоящее имя – Анастасия Гавриловна Лисовская
(род. ок. 1505 г. – ум. 1561 г.)

Любимая жена османского султана Сулеймана I Кануни.

Рассказывать о Роксолане очень непросто. Между нами лежит отрезок времени почти в четыре с половиной столетия, который содержит очень противоречивые сведения разного характера – от исторических хроник до легенд, от сухих цифр до эмоциональных художественных произведений, включая созданный украинскими кинематографистами сериал. Интерес к личности этой своеобразной женщины, жившей в эпоху Ренессанса, не ослабевает до сих пор.

Первая половина XVI в. была временем, когда турки вместе с

подвластными им татарами беспощадно грабили территории юго-восточной Европы. «Священная война» мусульман за свою веру имела целью порабощение христиан и оправдывала любые злодеяния. В 1512 г. волна опустошительных набегов докатилась и до современной Западной Украины, которая находилась тогда под властью Речи Посполитой. Историки считают, что в этом нападении участвовала армия численностью в 25 тыс. человек. Захватчики прошли от низовьев Днепра до Карпат. Разорение и горе, принесенное ими, были так велики, что до сих пор живут в фольклоре зарубками памяти о турецкой неволе и образе лютого врага. Через всю Украину тянулись скорбные дороги невольников – в крымский город Кафу (современная Феодосия), на самый большой рынок рабов, а затем через море в Стамбул. Этот путь проделала в числе других полонянок и девочка 12–14 лет, поповская дочь из городка Рогатин (теперь Ивано-Франковская область) Настя Лисовская.

Многие пишут, что ее продали сначала в Кафе, а затем на «женском» рынке Стамбула – уже как отборный товар. Однако существует версия, что ее передали в дар визирю Рустем-паше в качестве военного трофея. И это очень важный момент, поскольку женщина-товар, т. е. «купленная вещь», по законам шариата не могла стать женой султана или халифа. Только свободная женщина имела право родить наследника престола. При этом всех других младенцев мужского пола, рожденных от правителя, уничтожали.

Значит, Настя была приметной полонянкой, которую сразу же выделили среди прочих по внешним данным. Вдали от родины, среди чужих людей эта девочка не пала духом, а сохранила живость характера и веселость, о чем свидетельствует прозвище Хуррем (веселая, смешливая). Попав во дворец султана, в его гарем, где шла ожесточенная борьба за место… нет, не под солнцем, а подле солнцеподобного правителя, от прихоти которого зависела будущность и сама жизнь наложницы, девочка могла рассчитывать только на себя и на удачу.

Настю назвали просто – Роксоланой, по происхождению из Роксолании (так именовали тогда Украину по названию ираноязычных кочевых племен, населявших Северное Причерноморье со II в. до н. э. по IV в. н. э.). И стали готовить к встрече с султаном, если она заслужит того. Настя проявила ум и терпение, старательно обучалась всему, что полагалось освоить: языку (возможно, и не только турецкому), истории и культуре страны, ее обычаям, религии, а еще музицированию, пению, танцам, придворным порядкам и этикету, наконец, искусству ублажать… За всем этим внимательно следили хозяйка гарема

Валиде-султан (мать султана) и главный евнух. Через 2–3 года они сочли возможным представить Роксолану пред ясны очи Сулеймана I, устроив для этого праздник во дворце. С того дня, собственно, и началась ее невероятная судьба.

Роксолане удалось покорить сердце могущественного правителя, более того – сразу стать одалиской (на иерархической лестнице гарема это женщины, с которыми султан проводил ночи и которые получали шанс родить от него), а вскоре и любимой женой (считается, что единственной; те, что были до нее, – не в счет), подарившей Сулейману пятерых детей. Но и этого было мало, чтобы стать достойной спутницей жизни такого человека, каким был султан.

Сулейман I вошел в историю с прозвищем Кануни (Законодатель), так как сумел упорядочить и сделать незыблемыми на века многие законы Оттоманской Порты. Он правил империей с 1520 по 1566 гг. и обеспечил максимальное расширение ее границ и наивысший расцвет. Он был мудрым дипломатом и трезвым политиком, определявшим характер отношений с тем или иным государством. Строки Корана поучали правоверных: кто имеет хоть одного раба-христианина, не может считаться бедным. Удачливый полководец обрел несметные богатства, а с ними и еще один титул – Великолепный.

Многочисленных послов и гостей поражала роскошь султанского дворца Топкапы. Но дивились они еще и множеству талантливых людей, которыми окружал себя правитель. Это были богословы, поэты, зодчие, музыканты, которые составили славу османской культуры. Например, Ходжа Синан возвел мечеть Сулеймана (Сулеймание) в центре Стамбула, которая до сих пор является непревзойденным творением архитектуры. Гордился султан и своими мечетями, и медресе (школами), и больницей, и постоялым двором, и библиотекой, и банями как неотъемлемой частью мусульманской жизни.

Но не меньше удивляла иноземцев и привязанность султана к одной жене – Роксолане, которая царила среди сотен красавиц гарема. По свидетельствам хроник и записок послов, Хуррем-султан не просто сопровождала повелителя. Никогда не выказывая даже равного с ним положения (это было смерти подобно), она тем не менее производила впечатление человека, который во многом превосходил его, – прежде всего обаянием и изысканными манерами, эрудицией в различных областях знаний и осведомленностью. Она владела пятью европейскими языками и поэтому свободно общалась с гостями, а также замечательно пела и танцевала, слагала стихи. Роксолана была другом и помощницей султана в его делах, а когда он уходил в очередной

поход, по сути, правила государством.

Такой взлет может показаться невероятным. Но в Турции давно существовал закон, который запрещал правителю связывать себя брачными узами с представительницами знатных родов других стран, чтобы сохранить независимость в принятии политических решений. Поэтому женой могла стать любая рабыня султанского гарема, если она соответствовала физическим и духовным качествам. Настя свой шанс не упустила. В 16 лет она приняла ислам и стала законной женой 25-летнего султана. Через пару лет обликом она не отличалась от восточных женщин. Ей пришлось проявить также восточную мудрость и даже жестокость, чтобы удержаться на престоле и расчистить путь к нему для своего сына, который правил под именем Селим II (Рыжий) в 1566–1574 гг.

Относительно злодеяний Роксоланы мнения расходятся. Возможно, одни исследователи их преувеличивают, а другие чуть ли не канонизируют ее образ. Но отбросить совсем дошедшие до нас предположения, безусловно, нельзя. Есть версия, что Роксолана путем интриг и оговора избавилась от предыдущей жены султана по имени Черкешенка и ее детей, прежде всего Мустафы. Он был законным наследником султанского титула, но, став правителем, уничтожил бы всех детей Роксоланы. Вторым поверженным колоссом стал тот, кто занимал самый высокий пост в империи Сулеймана – Ибрагим-паша (Рустем-паша), от имени султана вершивший важные государственные дела и помогавший Мустафе править в одной из подвластных земель. Этому визирю Роксолана отдала в жены свою 12-летнюю дочь, с ее помощью «нашла» неоспоримые свидетельства заговора против султана и одним ударом уничтожила и визиря, и наследника. Это была борьба не на жизнь, а на смерть. Когда Роксолана выиграла ее, то фактически стала правительницей могущественной империи. Не пощадила она ни сыновей Черкешенки, ни своих собственных, дабы прямым был путь избранного преемника Сулеймана. Правда, этот счастливчик не оправдал надежд матери. Он остался в памяти потомков как Селим-Пьяница. Этим все сказано. С него начался упадок Османской империи.

Говорят, что жестокости Роксоланы ужаснулась даже мать султана, происходившая из рода Гиреев – властителей Крыма и привыкшая к коварству и хладнокровному уничтожению противников в борьбе за власть. Она любила Черкешенку и своих внуков от нее, их утрату не пережила и вскоре скончалась. Жители Топкапы боялись султанши Хуррем, а за стенами дворца люди не осмеливались даже шептаться о том, что там происходило. Сотни неугодных, опасных или неосторожных

погибали в умелых руках дильзисов – палачей с вырванными языками. Говорят, что из покоев жены султана вели две двери – одна в казну, а другая в тюрьму, откуда был прямой путь в воды Босфора. Но кто может знать это теперь наверняка?

В то же время известно, что Хуррем-султан всячески способствовала процветанию Стамбула, расширяя контакты с европейскими державами. В частности, она создала торговый клан «купцов двора», которые поставляли товары с Запада, переоборудовала причалы Золотого Рога, чтобы туда входили крупные торговые суда. На месте невольничьего рынка открыла кухню для голодных, школу для молодежи, дом для умственно отсталых и занималась другими видами благотворительности. После нее в городе остались несколько мечетей, построенных на ее собственные деньги.

Даже ознакомившись в общих чертах с биографией Роксоланы, можно представить себе невероятно трудную жизнь в замкнутом мире дворцовых интриг, в постоянном страхе быть сброшенной или уничтоженной. Жизнь вдали от родной земли и близких людей, без всякой надежды когда-либо увидеть их снова, а значит – в невыразимой тоске (такова уж славянская душа). Она, конечно, имела влияние на султана, однако не настолько, чтобы избавить земляков от страданий. За время своего правления Сулейман более 30 раз предпринимал походы на Украину. И это тоже было болью Роксоланы. Ее мучила предельная ясность относительно судьбы своих детей, поскольку право на существование и царствование обретал только один из них. Любила ли она Сулеймана, своего мужа и врага, который продержал ее в плену всю жизнь? Во всяком случае, другого близкого человека в Топкапе у нее не было. И всякий раз она с нетерпением ждала его возвращения из похода, как надлежало жене, опасаясь за его жизнь. А значит, и за свою… Можно только преклоняться перед мужеством этой женщины.

Прожила Роксолана около 55 лет. Сулейман оплакивал свою Хуррем, пережив ее на пять лет. Их восьмигранные гробницы стоят рядом, возле величественной мечети Сулеймана, что уже само по себе является невиданной у османов честью. Ее была удостоена Роксолана, которая правила в «мужской» империи. А Сулейман Великолепный завоевал уважение монархов Европы не в последнюю очередь и тем, что прожил сорок лет в моногамном браке (по сути, пренебрегая одним из законов шариата, ведь Пророк имел четырех жен). И этой избранницей судьбы была наша Роксолана – Анастасия Гавриловна Лисовская. Как написал в предисловии к своему роману «Роксолана» украинский писатель П. Загребельный, ее жизнь – «история борьбы никому не

известной девушки и женщины за свою личность, за то, чтобы уберечь и сохранить себя, а затем возвыситься над окружением, возможно, и над целым миром».

ЕКАТЕРИНА МЕДИЧИ

(род. в 1518 г. – ум. в 1589 г.)

Великая французская правительница, супруга Генриха II, игравшая в течение 28 лет одну из главенствующих ролей на «европейской сцене».

Эгоистичная властолюбица, жестокая убийца, честолюбивая лицемерка, хитрая интриганка… Таких эпитетов удостоила история Екатерину Медичи. Но никто не сможет отказать ей в праве быть при этом одной из самых знаменитых правительниц Европы и одной из самых знаменитых женщин. Судьба с детских лет определила ее характер и поведение. Желание выжить любой ценой и царствовать стало смыслом ее жизни.

Екатерина, внучатая племянница папы Льва X, Джулио Медичи, осталась круглой сиротой через 15 дней после своего

появления на свет 13 апреля 1518 г. В родовой горячке умерла ее мать, Мадлен де Ла Тур д'Овернь, графиня Булонская, а вслед за ней и отец, Лоренцо II Медичи, герцог Урбинский. Знатное происхождение сделало «красивенькую, пухленькую» крошку заложницей династических и государственных игр. Знаменитый поэт Ариосто сравнил ее с последней веточкой с несколькими листочками, оставшейся от могущественного рода, среди охваченной волнениями Флоренции. Окруженная роскошью и заботой сначала со стороны бабушки, Альфонсины Орсини, а затем дяди, герцога Олбани, богатая наследница в 1525 г. стала заложницей политических интриг против семейства Медичи. Климент VII освободил девочку и, чтобы обезопасить ее жизнь, фактически заточил в монастырской обители бенедиктинцев Мурате (или Замурованных). Монахини сочувственно относились к мягкой и приветливой девочке, но любви близких ей не хватало.

Во время осады Флоренции девятилетнюю герцогиню грозили то поместить в дом терпимости, то обнаженную выставить на крепостную стену под пули. Под видом монахини Екатерину тайно вывезли в Рим. Два года она жила в пышном Дамском дворце. Великолепие, созданное гением не одного поколения художников и архитекторов, сформировало ее утонченный художественный вкус, а богатейшая библиотека Ватикана воспитала интеллект. Медичи рано поняла, что ее чувства и желания никогда и ничего не будут значить: ее взаимная любовь к кузену Ипполиту нарушала «стройную систему» планов Климента VII. На ее руку и сердце претендовали герцоги Мантуи, Урбино, Милана. Победил французский король Франциск I, предоставив кандидатуру своего младшего сына Генриха. Жениху и невесте было только по 13 лет, и свадьбу отложили до совершеннолетия. Но контракт был тщательно разработан и подписан.

Екатерина не сопротивлялась. В течение года она постигала важность официальных церемоний и не пропускала ни одного празднества. Свадебные торжества состоялись в Марселе 23 октября 1533 г. и длились больше месяца. Ватикан и королевский двор Франции состязались в роскоши и богатстве. Угрюмый мальчик, Генрих Орлеанский не разделял влюбленности своей супруги. Он отдал предпочтение блистательной 30-летней красавице Диане де Пуатье, которая занималась его воспитанием, а затем Анне д'Эстамп. Екатерина не устраивала мужу сцен, хотя самолюбие ее страдало. А через четыре года замужества ей пришлось испытать позор удочерения незаконнорожденной дочери дофина, тогда как она никак не могла забеременеть. Десять лет ей пришлось жить в страхе получить развод, хотя на ее

сторону стал король, покоренный изяществом и умом невестки.

Жизнерадостность, гибкость и покорность стали лучшей защитой для Екатерины. Она хранила верность своему ветреному супругу, хотя своей точеной фигуркой, живыми глазами, изяществом привлекала взгляды мужчин. В 1536 г. Генрих Орлеанский неожиданно стал наследником в результате скоропостижной смерти брата. В Лувре ходили слухи, что преступление задумано Екатериной и осуществлено верными ей флорентийцами, но доказательств не обнаружили. Будущая королева продолжала веселиться, не забывая молить Бога даровать ей наследника. 19 января 1544 г. она родила первого сына Франциска, а затем еще девять детей: Елизавету, Клод, Карла-Максимилиана (будущий Карл IX), Эдуарда-Александра (Генрих III), Маргариту (знаменитая королева Марго), Франсуа-Эркюля, взявшего имя Франциска (герцог Алансонский и Анжуйский). Еще трое умерли во младенчестве.

Появление наследника ничего не изменило в ее положении Золушки при дворе, которой «разрешалось принимать ласки хозяина и рожать ему детей». Даже после смерти Франциска I (1547 г.) страной вместе с королем-любовником управляла Диана де Пуатье. Личная камеристка королевы была могущественнее ее самой. Иногда обе женщины объединялись, чтобы дать отпор третьей, как в случае с леди Флеминг, родившей от Генриха сына. Пока король развлекался или воевал, Екатерина вникала в государственные дела и придворные интриги, обрастала сторонниками. Она преследовала одну цель: ни в чем не отрекаясь от своих прав, сохранить наследство для своих детей, находящееся на территории двух стран. Это развило в ней ответственность и властность. Она лучше мужа представляла, как трудно будет это сделать в государстве, расколотом враждой на два лагеря – протестантов и католиков.

Суеверная Екатерина всегда верила предсказаниям и приметам и никогда ничего не предпринимала, не посоветовавшись с астрологами. В 1559 г. сбылось пророчество Нострадамуса. Накануне свадьбы старшей дочери Елизаветы с испанским королем Филиппом II состоялся рыцарский турнир, в котором принял участие король. Копье капитана Монтгомери сломалось о шлем Генриха и вонзилось в глаз. Спасти жизнь королю медикам не удалось. Екатерина до конца своей жизни не снимала траурных одежд в знак глубокой скорби о муже. Никто не знал, насколько было велико ее горе. Но теперь, когда власть фактически оказалась в ее руках, она собиралась ею сполна воспользоваться. И хотя трон занял ее 16-летний сын Франциск II, вдовствующая королева-мать фактически руководила

государством.

Главенствующим для Екатерины стало сохранить династию Валуа. «Будь что будет, а я хочу царствовать!» – скорее это было ее девизом, чем выбитые на гербе слова: «Свет и покой». От своих предков Медичи унаследовала все добродетели и пороки и шла к своей цели всеми законными и незаконными способами. Ее жизнь была заполнена страхом за свою судьбу и своих детей. «Волшебное зеркало» повторило Екатерине предсказание Нострадамуса, что на престоле она увидит всех своих сыновей. Франциск II совершил в нем по залу лишь один круг (умер в 1560 г.), Карл IX сделал 14 кругов, Генрих III – 15, «молнией промелькнул и исчез» герцог Гиз и его место занял Генрих Наваррский. Королева пыталась при помощи интриг, умиротворения, сталкивания противников лбами, всевозможных козней, вплоть до ядов, подкупа и убийств неугодных сохранить власть сыновей, а значит, и свою. Все попытки оказались тщетными.

28-летнее царствование лучше всего отражено в эпитафии, приведенной историком Л'Этуаль:

Здесь покоится королева – и дьявол, и ангел,
Достойная порицаний и похвал:
Она поддерживала государство – и оно пало;
Она заключила множество соглашений и устроила немало споров;
Она дала миру трех королей и пять гражданских войн,
Строила замки и разрушала города,
Приняла много хороших законов и плохих эдиктов.
Пожелай ей, Прохожий, Ада и Рая.

Ее сыновьям, а следовательно, и ей, выпало «штормовое» для Франции время правления. Глухая вражда между католиками и гугенотами грозила полностью уничтожить страну. Екатерина почитала себя спасительницей трона, но ее лавирование между двумя партиями, временные уступки только вызывали недовольство и в результате заканчивались резней и религиозными войнами. Государственная казна была полностью истощена, народ голодал, а Екатерина, выводя страну из одного тупика, тут же попадала в другой. Воспитанная при папском дворе, она, конечно, была на стороне католиков, но, боясь влияния могущественного рода де Гизов, часто становилась на сторону протестантов. Ее «миротворческая» политика не

устраивала ни одну из сторон. Лавируя и стравливая религиозных врагов, королева пыталась укрепить свою власть. Частично это ей удалось: с ее авторитетом считались и католики и гугеноты. Исполняя обязанности регентши при малолетнем короле Карле IX (1550–1574 гг.) и оставаясь просто королевой-матерью при Генрихе III (1551–1589 гг.), Екатерина фактически самостоятельно строила государственную политику Франции.

В отличие от своих сыновей-королей она была деятельной, энергичной, умела и веселиться и работать. Детей любила, но и любовь ее была властной. За неповиновение она могла и побить. И интересы династии всегда ставила выше их интересов. Династические браки, которые Екатерина устраивала, ни принесли счастья ни одному из рода Валуа. А свадьба Маргариты с ненавистным ей королем Генрихом Наваррским закончилась жуткой Варфоломеевской ночью. О любовных похождениях королевской дочери ходила масса нелицеприятных слухов. Это не особо волновало королеву (ведя добропорядочный образ жизни, она поощряла разврат), пока Маргарита не обратила внимание на Генриха де Гиза. Впустить в свою семью Гизов было для Медичи равносильно утрате трона. Чтобы не закончить свою жизнь от яда или кинжала, юноша быстренько объявил о своем браке с Екатериной Киевской и покинул Париж.

Конечно, брак с католиком был бы предпочтительней, но Карл X, временно попавший под влияние гугенота Колиньи, встал на сторону протестантов. Одна чаша весов перевесила, и Екатерина задумала сразу после свадьбы Маргариты с католиком Наваррским убить всех дворян-гугенотов, прибывших на торжество и «компактно» разместившихся в Лувре и вокруг него. Бойня началась в 3 часа ночи 24 августа 1572 г., накануне праздника Св. Варфоломея. К 5 часам утра спланированная акция была успешно завершена, но получила неожиданное для королевы продолжение: парижская беднота еще три дня «резала горло» всем подряд, не спрашивая вероисповедания, грабя и бесчинствуя. «Эпидемия» жестокости растеклась по всему королевству: было убито от 20 до 30 тыс. человек.

Не успела Екатерина «восстановить» мир и отправить сына Генриха править Польшей, как истек срок, отведенный «зеркалом» Франциску II. Королева-мать не пожелала отдать трон амбициозному и вечно недовольному герцогу Алансонскому и Анжуйскому. Она сохраняла его для любимого сына Генриха, который, решив править самостоятельно, допускал один просчет за другим. Дошло до войны между родными братьями, не говоря уже о короле Наваррском. Генрих III пытался показать свою власть, Екатерина спешила исправить его ошибки, используя свой

авторитет и государственную казну. В течение полутора лет 60-летняя королева колесила по стране в попытках разрешить проблемы и спасти род Валуа. Силы она растрачивала впустую. К 1585 г. в живых оставались только Маргарита Наваррская и Генрих III, ненавидевшие друг друга.

Власть Валуа подтачивали Гизы, они образовали фанатичную Святую Лигу. Постаревшая, страдающая от многочисленных болезней, королева не могла спасти авторитет сына, который то предавался чрезмерным удовольствиям, то впадал в депрессию и крайнюю религиозность. Во время пятой гражданской войны, пришедшейся на время ее правления, Екатерина взвалила на себя обязанности военного интенданта, во время осады Парижа следила за строительством фортификационных сооружений, организовывала разведку. В мае 1588 г. королевское правительство было свергнуто, Генрих III в страхе бежал, оставив мать и свою жену заложницами у Гизов. Королева сумела сохранить свое достоинство во время переговоров. Она с болью пережила отставку правительства, которое сама создавала, позор сына, который хотя и остался на троне, но королем в полном смысле слова не был.

15 декабря 1588 г. Екатерина слегла с сильным воспалением легких. Напоследок сын «порадовал» мать коварным и зверским убийством герцога де Гиза. Она поняла, что династия Валуа лишилась королевства. 5 января 1589 г. королева, которая в течение 28 лет, спасая семью, сумела сохранить и единство нации, скончалась. Бедняки шептались: «У нас больше нет королевы-матери, которая даст нам мир».

Шли годы. «Добрые» короли сменялись на престоле, и личность Екатерины Медичи обрастала зловещими подробностями: отравлениями, колдовством, убийствами неугодных. Многие забыли, что, по свидетельству современников, под ее черными одеждами скрывалась привлекательная жизнелюбивая женщина, с незаурядным характером и веселым темпераментом, с изящными манерами и строгим умом. Она с удовольствием устраивала празднества и строила дворцы (Тюильри, Суассонский отель), разбивала прекрасные парки и много читала, легко разбиралась в чертежах и сметах. Ее личная библиотека насчитывала 4500 томов, а при дворе королевы были «штатные» поэты и художники. Екатерина покровительствовала искусствам, прививала изящество манер придворным, и королевский двор при ней прославился на всю Европу. История ее царствования – это часть истории Франции.

КРИСТИНА АВГУСТА

(род. в 1626 г. – ум. в 1689 г.)

Королева Швеции, покровительница наук, авантюристка.

Власть никогда не была синонимом свободы. Человек, которого судьба наделила этой тяжелой ношей, может развязывать войны и подписывать мирные договоры, может уничтожать одни народы и даровать благоденствие другим, но он не имеет права на обычные человеческие чувства – любовь, страсть, ненависть… Правительница Швеции, королева Кристина вовремя поняла это. Впрочем, за долгую жизнь она успела вдоволь насладиться и свободой, и властью.

8 декабря 1626 г. в покоях супруги шведского короля раздался детский крик. Мария Элеонора Бранденбургская родила

наследника престола. По крайней мере, так подумали все придворные, услышав сильный голос ребенка и увидев его крепкое телосложение. Однако оказалось, что царствующее семейство пополнилось дочерью. Девочку назвали Кристиной Августой, но воспитывали ее так, как если бы она была Кристианом. В два года принцесса впервые совершила с отцом поездку по стране. В каждом городе ее приветствовали пушечными залпами. Для любого ребенка ее возраста подобные салюты обернулись бы нервным потрясением. Но Кристина, на радость отцу, только звонко хлопала в ладошки. «Дочь солдата должна привыкать к стрельбе», – считал король Густав Адольф.

Но если отец души не чаял в этой не слишком красивой девочке, то мать, мечтавшая о сыне, была к ней практически равнодушна. Густав Адольф дома бывал редко – в Европе уже давно полыхала война, и король довольно успешно сражался за протестантскую веру. Так что за Кристиной, как это ни удивительно, присматривать было в общем-то и некому. Казалось бы, с ребенка королевской крови все окружающие должны пылинки сдувать. Не тут-то было! Девочка так часто падала, что на всю жизнь осталась хромой…

Когда Кристине было шесть лет, король погиб на поле боя. После смерти мужа Мария Элеонора отправилась в Германию, не считая своим долгом заботиться о дочери. Густав Адольф, видимо, предвидел это. Уезжая в последнее сражение, он завещал опеку над юной принцессой самым просвещенным своим подданным. А они хорошо запомнили слова, сказанные правителем шесть лет назад: «Если это дитя сумело обмануть нас всех в первую же минуту своего появления на свет, то уж наверняка со временем даст сто очков любому мальчишке, поскольку будет умнее его».

И Кристина получила образование, достойное мужчины, более того, достойное короля. Восьмилетняя девочка в совершенстве знала французский, немецкий, латинский языки. Потом освоила еще пять – голландский, греческий, датский, испанский, итальянский. К десяти годам она уже неплохо разбиралась в европейской политике и даже проявляла некоторый дипломатический талант. Наверняка польский король Иоанн Казимир очень удивлялся, читая ее довольно разумные письма. Еще бы, ведь философию Кристине преподавал сам Рене Декарт! История, древняя и новейшая, астрономия, нумизматика – все эти науки были для нее не пресной пищей для ума, а настоящим увлечением. В те времена девушке подобало долго спать (дабы недосыпание не отразилось на свежем личике), потом очень долго одеваться, делать прическу. Будущая же королева поднималась с

постели в пять утра и принималась за чтение. На убранство у нее уходило несколько минут, полы ее платья часто были оборваны, а рукава – выпачканы в чернилах. Она обожала ездить верхом и охотиться, ведь среди ее воспитателей были не только выдающиеся ученые – огромное влияние на девушку оказал Аксель Бауэр, пьяница и сумасброд. В итоге 7 декабря 1644 г., в день совершеннолетия Кристины, на трон взошла не благовоспитанная восемнадцатилетняя девица, а мальчишка-баламут в юбке.

«Моя государыня управляет всеми делами сама, без какого бы то ни было содействия министров, время делит между государственными делами и научными занятиями. Она нисколько не заботится о своем туалете и своем убранстве, она выше женщины и вообще не может называться ею», – так шведский посланник во Франции описывал Кристину вдовствующей королеве Анне Австрийской.

Все двенадцать лет после смерти Густава Адольфа страной управлял регентский совет, во главе которого стоял канцлер Аксель Оксеншерна, мудрый и осторожный политик. Но несмотря на все его усилия, Кристина получила в наследство далеко не благополучное государство. Грандиозные планы Густава Адольфа, желавшего объединить под эгидой Швеции немецкие земли и укрепить тем самым в Европе протестантизм, после его смерти потерпели крах. Крестьяне и бюргеры вынуждены были платить огромные налоги дворянам. «Спор сословий» – так называют историки начавшуюся в это время в Швеции затяжную борьбу между аристократами и простым людом. Со всеми этими проблемами должна была разобраться Кристина. А ведь она была в том возрасте, когда девушка пытается разрешить только одну проблему – как побыстрее и поудачней выйти замуж. Но королева о браке и думать не хотела. В 1647 г. ее руки попросил двоюродный брат Карл Густав. И получил отказ. «Вы шестью годами старше меня, а между тем восторженны, как мальчик, начитавшийся романов», – сказала Кристина жениху.

Но кузен не обиделся. Ведь королева оставляла ему хоть очень иллюзорную, но все же надежду: рассмотреть его предложение года через три. А если свадьба не состоится, то она обещала, что никогда не пойдет под венец. Чтобы хоть как-то утешить влюбленного, Ее Величество посулила кузену… трон, предложив ему стать официальным престолонаследником. Впрочем, похоже, Карла Густава корона интересовала меньше всего. Он действительно любил Кристину. Правда, королева не была красива: невысокая, с детства кривобокая, смуглая, с крупным орлиным носом, крепким подбородком, она даже не

пыталась при помощи известных каждой женщине уловок скрыть недостатки и подчеркнуть то немногое, что делало ее внешность приятной, – красивые голубые глаза.

Три года она с завидным постоянством раздавала отказы: герцогу Бранденбургскому, двум сыновьям датского короля и королю польскому. «Даже самый лучший мужчина не стоит, чтобы ради него жертвовали свободой», – говорила королева.

Когда ей исполнилось двадцать пять, у ее ног снова был Карл Густав, теперь уже генералиссимус шведских войск. Принять его предложение Кристину упрашивал весь сенат. А ведь за ним стоял целая Швеция! Такую «всенародную» заботу легко объяснить: случись что с бездетной королевой – и страна захлебнулась бы в кровавой борьбе за трон. Но Кристина не сделала кузена своим мужем. Она выступила перед сенатом с такой речью: «Вот уже несколько лет, как меня убеждают выйти замуж… Брак налагает обязательства, мне еще неведомые, и я не могу сказать, одолею ли я когда-нибудь питаемое к ним отвращение. Между тем для блага королевства я должна принять меры не столь полезные для меня лично, зато надежные для его блага. Посему я желаю назначить преемника, который будет хранителем подданных моих и попечителем об их счастьи. Все качества такого правителя я нахожу в принце Карле Густаве… и я желала бы, чтобы именно на нем остановился народный выбор».

Убедить сенат было непросто, однако на то и изучала Кристина тонкости дипломатических ходов, чтобы в любой ситуации добиваться своего. Желая припугнуть несогласных с ней дворян, она в «споре сословий» приняла сторону простого люда, пригрозив сделать все земли государственными и тем самым лишить знать собираемых с крестьян податей и налогов. Вопрос о престолонаследии был немедленно решен в пользу Карла Густава. А Кристина тут же забыла о крестьянских бедах…

До того ли ей было! Королева только начала по-настоящему вкушать прелести монаршей жизни. Оказалось, помимо науки и политики есть еще и любовь, веселье, слава, роскошь. Кристина окружила себя фаворитами. Среди них были – французы граф Гарди и придворный лекарь Бурдела, поляк Радзиевский, датчанин гофмейстер Ульфельд, немцы Штейнберг и Шлиппенбах, итальянец Пимонтелли, швед Класс Тотт… Как видим, Кристина любила общаться с мужчинами. Несмотря на этот внушительный список, поговаривали, что королеве противен не столько брак, сколько интимные отношения с мужчиной. Подтверждением этому может служить отрывок из очень нежного письма, написанного Кристиной Эббе Спарре, единственной женщине, попавшей к ней в фавор: «Если ты не забыла то, какую

власть ты имела надо мной, то должна помнить и то, что я была во власти твоей любви двенадцать лет; я вся твоя настолько, что ты никогда не посмеешь оставить меня; и только моя смерть остановит мою любовь к тебе». Но чего можно было ожидать от женщины, получившей мужское образование и наделенной мужскими чертами характера? В отношениях со слабым полом Кристина могла оставаться самой собой – умной, сильной, своевольной. Мужчины же во все времена терпеть не могли этих качеств в любимой женщине…

Но не стоит считать Кристину лесбиянкой. Первым ее мужчиной был, видимо, доктор Бурдела, ставший ее наставником после смерти Декарта. Именно Бурдела приучил «коронованную спартанку» к пирам и роскоши. Она окружила себя философами, артистами и учеными, вела переписку с самыми просвещенными европейцами. Некоторых из них она сумела спасти от инквизиции. По-протестантски скромный до этого королевский двор заблистал не хуже французского. Кристина ничего не жалела для своих фаворитов. С легкой руки королевы дворянское сословие Швеции пополнилось восьмью новоиспеченными графами, более чем двумя десятками баронов. Траты были огромными, но не всегда бесполезными. Именно во время правления Кристины получили немалую поддержку шведские университеты, были открыты многие музеи. Не зря же ее называли «десятой музой», «северной Минервой», «дочерью полубогов». Но по мере того как возрастала популярность Кристины среди представителей королевских дворов Европы, на родине ширилось недовольство ее расточительной политикой. Она отстранила от себя старого канцлера, создав так называемую «молодую партию», которую возглавил граф Гарди. В стране назревал политический и финансовый кризис. Кристину сетью оплетали интриги и заговоры. И в это время королеве вдруг все надоело. Она решила покинуть трон и сменить вероисповедание. Это желание повергло в шок Швецию – еще свежа была память о короле Густаве Адольфе, погибшем в сражении за протестантскую веру. Летом 1654 г. его дочь в торжественной обстановке сняла корону и порфиру, сложила скипетр и державу. В тот же день на трон взошел Карл Густав, а Кристина покинула страну. Для нее начиналась новая жизнь. Свободная жизнь.

Рим ожидал Кристину с нетерпением. Еще бы! Переманить в католицизм саму королеву – о таком успехе при папском дворе даже не мечтали. Она въехала в Вечный город на белом коне, облаченная в костюм амазонки. Только теперь ее величали Александрой. Она приняла это имя в Брюсселе, во время обряда присоединения к католической церкви. Таким образом Кристина

отдала дань уважения папе Александру VII. Правда, скоро святые отцы сами были не рады, что пригласили в Рим эту коронованную бестию. Даже на богослужениях она вела себя довольно развязно. Впрочем, в Рим ее привело вовсе не религиозное рвение. Она искала здесь интересное общество. И нашла его. Кристина встречалась с художниками, посещала театры и музеи, собрала богатую библиотеку. О ее эксцентричных выходках говорил весь Рим. Но время шло, римская публика начала привыкать к королевским чудачествам. Да и Кристине в Риме стало скучно. Ее ожидал сверкающий Париж!

«Королева небольшого роста, толстая и жирная; лицо большое, цвет его, несмотря на некоторые следы оспы, довольно свежий; овал правильный, все черты женские, хотя несколько резки… глаза выразительные, полные огня… Что всего страннее, так это ее прическа: мужской, тяжелый парик, спереди высоко взбитый, очень густой на висках, а внизу весьма редкий; верхняя часть головы покрыта волосяной сеткой, тогда как нижняя представляет нечто вроде дамской прически… Платье ее, стянутое сзади складками, походит на наши камзолы, а короткая юбка подвязана небрежно; она носит мужскую обувь, и, если судить по походке, манерам и голосу, то можно биться об заклад, что это женщина… Она знает больше, чем вся наша Академия вместе с Сорбонной, и посвящена в интриги нашего двора не хуже меня», – так описывал прибывшую в столицу Франции Кристину герцог Гиз. Когда ее представили Людовику XVI и герцогу Анжуйскому, она их первым делом спросила о том, есть ли у них любовницы! Путешественница не отличалась изысканными манерами даже в самом высоком обществе. В театре, например, ей ничего не стоило положить ноги на барьер ложи. Вскоре Людовик буквально выдворил ее за пределы Франции. Но причина была вовсе не в дурных манерах шведской королевы. Кристина приказала слугам зарезать своего заподозренного в измене фаворита. Парижский двор мог ей простить все чудачества, но хладнокровное убийство… Мазарини написал ей гневное письмо. Неучтивый ответ шведской гостьи шокировал кардинала. В послании она осмеливалась называть самого влиятельного человека Франции по имени – Жюль… Перед возвращением в Рим Кристина успела посетить самую известную куртизанку всех времен и народов Нинон де Ланкло. Она пробыла у нее два часа и, говорят, была очень довольна этой встречей.

В 1660 г. в далекой Швеции умер король Карл Густав. Вопросов о престолонаследовании не возникало, ведь он имел сына. Но произошло невероятное – в Стокгольм приехала

Кристина и потребовала вернуть ей родительский трон. Ей холодно отказали и потребовали вторичного отречения от престола. Глубоко оскорбленная Кристина вернулась в Рим. Но про идею снова надеть корону не забыла. Когда умер польский король, она предложила полякам свою кандидатуру. Конечно, из этой авантюры ничего не вышло.

Последние двадцать лет жизни Кристина провела в Риме. Она написала несколько довольно любопытных философских трудов. Молва приписывала уже немолодой Кристине любовную связь с кардиналом Аззолини. Доказательств этому факту нет, но именно Аззолини стал после смерти королевы ее официальным наследником. Это случилось 19 апреля 1689 г. Авантюры и любовные похождения королевы еще долго были главной темой досужих разговоров. Как говорила сама Кристина, «ханжи не столько сокрушаются о собственных грехах, сколько об удовольствиях других людей».

ЕКАТЕРИНА II ВЕЛИКАЯ

(род. в 1729 г. – ум. в 1796 г.)

Российская императрица с 1762 по 1796 г. Пришла к власти в результате организованного ею государственного переворота. Проводила политику просвещенного абсолютизма. Оставила большое литературное наследие, состоящее из беллетристических, публицистических, мемуарных и научно-популярных сочинений.

В человеческой истории женщина, обладающая неограниченной государственной властью, явление отнюдь не редкое. Но мало найдется представительниц «слабого» пола, распорядившихся этой властью так, как сделала это российская императрица Екатерина II, в мировой истории по праву

заслужившая прозвище Великой. При этом она обладала чисто женским кокетством, неистребимым желанием нравиться и стремлением найти опору в мужчине.

Отец будущей российской императрицы, Христиан Август Анхальт-Цербстский, принадлежал к числу многочисленных германских принцев и не мог претендовать на престол, так как наследственным княжеством семьи управлял его двоюродный брат. Он был вынужден служить: сначала был генерал-майором прусской армии и командовал полком, позже стал фельдмаршалом и губернатором Штеттина (совр. Щецин, Польша). Здесь 21 апреля (2 мая) 1729 г. и родилась София Августа Фредерика Амалия.

Мать девочки, Иоганна Елизавета, была принцессой Голштинского дома и через многочисленных родственников находилась в родстве со многими королевскими и герцогскими домами Европы. Она была красива, легкомысленна и не единожды давала поводы к подозрениям в супружеской неверности. Впоследствии это породило слухи о том, что настоящим отцом Софии Августы Фредерики Амалии был прусский король Фридрих II, что, однако, не подтверждено серьезными исследователями.

Отца девочка очень любила, а к матери относилась холодно. Взбалмошная Иоганна Елизавета с детьми обращалась очень грубо, часто награждала их пощечинами. Когда дочери исполнилось семь лет, она забрала у нее все игрушки и заставляла целовать край платья у знакомых дам, чтобы подавить в ней гордость. В результате с ранних лет будущая императрица приучилась скрывать свои чувства. Между тем девочка имела живой и независимый характер, была умна и любознательна. Принцесса рано пристрастилась к серьезному чтению и приобрела привычку обдумывать прочитанное. Кроме того, София Августа Фредерика Амалия получила хорошее домашнее образование: овладела французским и немного английским языками, обучалась основам истории, географии, богословия, музыке и т. п.

В 1739 г. вместе с матерью она побывала в Эйтине, куда съехались члены Голштинского дома. Здесь она впервые увидела юного герцога Карла Петера Ульриха, который благодаря кровным связям мог претендовать сразу на две короны – шведскую и российскую. Слабый и хилый родственник не понравился принцессе. Но именно на этого герцога пал выбор русской императрицы Елизаветы, не имевшей собственных детей, когда пришло время позаботиться о наследнике престола. Она вызвала племянника из Голштинии, крестила его в православие

под именем Петра Федоровича и сделала наследником российского престола.

Теперь наследника нужно было женить. Среди немецких принцесс кандидаток было множество. Но Фридрих II Прусский особенно рекомендовал принцессу Анхальт-Цербстскую, и Елизавета вняла совету. 17 января 1744 г. вместе с матерью пятнадцатилетняя София Августа Фредерика Амалия отправилась в далекий Петербург.

По всей видимости, сердце юной принцессы в то время не было совершенно свободным. В своих «Записках» императрица сообщает, что в нее был влюблен один из братьев матери. А в некоторых публикациях сообщается, что София состояла в любовной связи с неким графом Б. Это, однако, следует отнести к числу многочисленных вымыслов о любовных похождениях императрицы. Через несколько лет после заключения брака по приказу свекрови, встревоженной отсутствием наследников у молодой четы, бывшая принцесса Анхальт-Цербстская, а теперь перешедшая в православие Екатерина Алексеевна, подверглась медицинскому освидетельствованию. Было установлено, что Екатерина – девственница. Ее инфантильный муж не мог исполнять супружеские обязанности.

С первых же месяцев брака, заключенного в 1745 г., будущая императрица оказалась в достаточно сложном положении. И не только из-за мужа. Елизавета невзлюбила невестку. Она казалась императрице слишком умной, а поэтому опасной. Екатерина жила в атмосфере постоянной слежки и недоброжелательства, хотя не имела недостатка в нарядах и драгоценностях. Ей не дали даже оплакать умершего отца, так как Елизавета заявила, что нечего горевать о человеке, который не был королем.

Однако Екатерина сумела не сломаться, обеспечила себе круг друзей и даже обзавелась любовниками. Но прежде всего она стремилась утвердиться в России. Быстро выучив русский язык, великая княгиня при каждом удобном случае старалась общаться с придворными, удостоивая особым вниманием знатных старушек. В своих записках Екатерина упоминает, что внимательно выслушивала их жалобы на здоровье, интересовалась современными обычаями, старалась быстро запомнить дни их рождения и даже клички мосек. Она всячески подчеркивала свою набожность и приверженность православию. Ее собеседники приходили в восторг и быстро распространяли по стране славу об умной, сердечной и доброй великой княгине. Нашла Екатерина друзей и среди молодых придворных. По ночам самые приближенные из них тайно собирались в ее покоях и устраивали веселые пирушки. Иногда Екатерина с

предосторожностями покидала дворец и отправлялась к друзьям. Все это оставалось незамеченным.

Но развлечения и наряды, недоступные в родительском доме, быстро ей наскучили. Все больше времени она стала уделять серьезному чтению – книгам Вольтера, Дидро, Монтескье, античных авторов, старалась постигнуть русские обычаи, интересовалась историей страны и бытом простых людей.

Однако отношения с мужем и свекровью продолжали оставаться напряженными. Парадный портрет великокняжеской четы из собрания Государственного Русского музея, написанный г. Х. Гроотом, говорит о многом. С одной стороны – явно нездоровый[1] взгляд Петра и тронутые циничной улыбкой губы. С другой – твердый прямой взгляд Екатерины и плотно сжатые губы, еле сдерживаемое отвращение. Один – воплощение самодовольства и наслаждения от власти над вверенной его заботам женщиной, другая полна скрытой решимости, ума и воли.

После уже известного читателю факта медицинского освидетельствования великой княгини Петру была сделана операция. Теперь он мог выполнять супружеские обязанности. 20 сентября 1754 г. Екатерина родила сына, нареченного Павлом. Однако к этому времени она уже имела любовника – молодого гвардейца Сергея Салтыкова. Это дало повод к возникновению версии о том, что унаследовавший после Екатерины престол император Павел не был сыном Петра III. Вопрос этот и поныне остается без ответа. Тем более что в мемуарах Екатерины есть намеки на то, что ее свели с Салтыковым специально, по приказу Елизаветы, дабы обеспечить рождение наследника трона. В то же время некоторые исследователи считают, что все это придумано Екатериной, чтобы поставить под сомнение права сына на престол.

Как бы то ни было, но Елизавета была рада рождению внука. Она тут же забрала его у невестки и воспитывала сама – к ужасу Екатерины, желавшей для сына совсем другой системы воспитания. Именно это стало в будущем причиной довольно сложных отношений между императрицей и ее наследником. Екатерина боялась, что Павел отстранит ее от трона. Есть предположения, что своим наследником она хотела сделать внука Александра.

Салтыкова спешно отослали из Петербурга, но Екатерина быстро нашла ему замену в лице молодого польского дипломата Станислава Понятовского. Но от Понятовского Елизавета тоже постаралась избавиться. Тогда в жизни Екатерины появился Григорий Орлов – бретер, силач, герой Семилетней войны и один

из самых красивых мужчин своего времени. Дело дошло до рождения у них в апреле 1762 г. сына Алексея, отданного на воспитание в чужие руки. Впоследствии он получил титул графа Бобринского, а Павел I признал в нем единоутробного брата.

К моменту смерти Елизаветы, последовавшей 25 декабря 1761 г., отношения между Екатериной и Петром совсем испортились. Великий князь обзавелся любовницей – отличавшейся редкой некрасивостью фрейлиной Елизаветой Воронцовой. Было весьма вероятно, что новый император отошлет жену в монастырь, а императрицей сделает Воронцову. Во всяком случае, он неоднократно заявлял об этом, а однажды даже решил заключить жену в крепость, но придворные отговорили его от этого скандального шага. Екатерине, давно нашедшей сторонников среди придворных и военных, отрицательно относившихся к вечно пьяному императору, сверх меры увлеченному прусскими порядками, не оставалось ничего, кроме переворота.

Безмерно преданный Екатерине, Орлов привлек к заговору своих братьев и других сторонников великой княгини из числа гвардейцев. 28 июня 1762 г. брат Григория, Алексей Орлов, разбудил великую княгиню и отвез ее в казармы Измайловского полка. Там ее провозгласили императрицей. То же повторилось в казармах Семеновского полка. Солдаты и офицеры сбросили введенную Петром III ненавистную им форму прусского образца и надели русские мундиры. Вскоре в Зимнем дворце началась присяга гражданских и военных чинов. А Екатерина в мундире Преображенского полка, бывшем ей чрезвычайно к лицу, верхом во главе войск направилась из Петербурга в Ораниенбаум, чтобы арестовать мужа. После неудачной попытки вступить в переговоры Петр направил жене письмо с отречением. На российский престол взошла новая императрица Екатерина II – после Петра I наиболее яркая и талантливая фигура в истории российского самодержавия.

Первые пять лет на троне дались Екатерине не легко. Она не могла не понимать, что престол ею узурпирован, а в глазах народа она является чужеземкой, поэтому действовала с огромной осторожностью. После свержения Петра III, вопреки обыкновению, никто из его приближенных не был отправлен в Сибирь. Даже его любовница, доставившая новой императрице много тяжелых минут, не пострадала, а ее дочь стала фрейлиной. Так Екатерина уже на первых порах сумела обрести доверие придворных и значительно ослабить опасность нового переворота.

Чтобы закрепиться на троне варварской, в понимании

европейцев, страны, императрица решила стать более русской, чем сами русские, и преуспела в этом. Женщина, до конца жизни говорившая по-русски с акцентом, делавшая огромное количество грамматических и орфографических ошибок, действительно сумела стать воплощением «русскости». В отличие от Петра I, она стремилась не к копированию западноевропейских образцов, а культивировала национальное, не вдаваясь в карикатуру, по сей день свойственную многим сторонникам национальной идеи.

Укрепившись на троне, Екатерина предприняла кардинальные шаги в области совершенствования законодательства в стране, необходимость в котором назрела уже давно. С этой целью 14 декабря 1766 г. она издала Манифест о созыве Уложенной комиссии, которая должна была устранить существующие противоречия в законах, а также помочь императрице, по ее собственным словам, узнать «нужды и чувствительные недостатки нашего народа». Для работы в комиссии депутаты избирались тайным голосованием, причем не только от дворянского сословия. Таким образом Екатерина ввела в России своего рода парламент. Увы, как и действующие ныне выборные законодательные органы власти, он был далек от совершенства. В комиссию попадали не те, кто был способен там работать, а люди, стремившиеся урвать кусок лично для себя. Малообразованные и не имеющие политического опыта, члены комиссии думали лишь о своих собственных, а не об общегосударственных интересах. В результате уже в конце 1768 г. Екатерина решила сама составлять законы и распустила комиссию, поняв бесполезность этого начинания. Ведь депутаты так и не смогли понять своих задач, хотя Екатерина сама составила для них Наказ, программу действий комиссии, в скором времени переведенную на все основные европейские языки и получившую широкую известность в Европе.

Текст программы несомненно свидетельствует в пользу того, что императрица стремилась к введению либерального правления. Она отрицательно высказалась по поводу применения пыток, признавала невозможным считать человека виновным до приговора суда. Порицала жестокое обращение с крестьянами, упомянув, что еще в древних Афинах строго наказывали тех, кто «с рабом поступал свирепо». А в случайно сохранившемся черновом наброске к программе, не вошедшем в переданный комиссии текст, писала о необходимости создания законов, которые от «злоупотребления рабства отвращали», давали бы гарантии рабам, то есть крепостным крестьянам, в том, «чтобы рабы в старости и болезнях не были оставлены». Почему последнее не вошло в окончательный вариант текста, можно

только предполагать. Но известно, что Екатерина уничтожила более половины написанного, а текст программы давала предварительно читать многим, намеренно выбирая людей с разными точками зрения. С ее разрешения они могли исключать из документа все, что было им не по нраву.

Многие современники и тем более потомки упрекали Екатерину в том, что она, будучи убежденной противницей крепостного права, не только не освободила крестьян, но закрепостила их в еще большей степени и расширила крепостное право на те земли, где его не было. Последнее произошло в рамках ликвидации автономий Украины, Лифляндии (Литвы) и Эстляндии (Эстонии). Эти автономии императрица считала «глупостью» и стремилась к тому, чтобы они «перестали глядеть, как волки в лесу». Но в данной ситуации следует в первую очередь иметь в виду фактор времени.

Господствующей формой правления для лидирующих европейских стран в XVII в. был абсолютизм, при котором монарху принадлежала неограниченная власть. В этой ситуации любые вольности, а именно их требовала украинская казацкая старшина, для правителя представлялись абсолютно недопустимыми и даже вредными. Созданию такого мнения способствовали и донесения доверенных лиц. К примеру, Григорий Теплов, которому императрица поручила составить записку о положении дел в Украине, утверждал, что произвол старшины приводит к неправедному захвату земель, несправедливому закрепощению казаков и крестьян (это подтверждается позднейшими статистическими данными). Более того, по мнению ряда ученых того времени, «свободный переход крестьян и казаков с одного места на другое приводил к двум негативным последствиям: бедный помещик становился еще беднее, ибо богатый сманивал у него крестьян предоставлением им льгот: свобода перехода не приносила счастья и крестьянину, а также казаку. И тот и другой предавались лености, безнравственности, пьянству, – прожив льготное время у одного богатого помещика, они переходили к другому, где пользовались новыми льготами». В результате в 1760 г. появился гетманский универсал, запрещавший крестьянам перемещаться на новые места без письменного разрешения помещика. Спустя три года Екатерина подтвердила этот универсал, сочтя его вполне справедливым и полезным для государства и своих подданных.

В то же время упразднение украинского гетманства – политической основы самоуправления Украины – напрямую не связано с именем Екатерины. Оно было ликвидировано еще при Петре I и возобновлено при его преемницах, шедших на поводу у

своих фаворитов. При Екатерине 10 ноября 1764 г. вместо гетманского правления была создана Малороссийская коллегия, включавшая четырех представителей России и такое же количество представителей от Украины. Это, безусловно, кардинальным образом ограничивало права и свободы украинской старшины и усиливало влияние монарха.

Во внешней политике с первых же лет правления Екатерина особое внимание уделяла сближению с Пруссией. Вместе с прусским королем Фридрихом II она в октябре 1763 г. посадила на польский трон своего бывшего любовника Станислава Августа Понятовского. Во время выборов немаловажное значение сыграла угроза, высказанная императрицей польскому послу в Варшаве: «Населить Сибирь моими врагами и спустить [на польские земли] запорожских казаков».

Требуя уравнять в правах католиков и православных, она вскоре после избрания Понятовского ввела в Речь Посполитую войска. Польский король стал послушной марионеткой в руках российского двора. Даже после того как проблема с урегулированием прав православных была решена, российские войска по-прежнему оставались на польских землях.

Польская шляхта не хотела мириться с создавшимся положением и начала искать союзников среди соседей. Вскоре Австрия потребовала от императрицы немедленного выведения войск с территории Речи Посполитой. Возможно, оба государства еще долго вели бы между собой дипломатическую игру. Но тут казаки напали на пограничное местечко, где жили и поляки, и турки. Турция немедленно объявила войну, которая продлилась 6 лет – с 1768 по 1774 гг.

Русский флот из 15 кораблей под командованием Алексея Орлова был мало подготовлен к операции по уничтожению турецкого флота, но сумел обогнуть Европу, войти в Средиземное море и в знаменитом Чесменском сражении 26 июня 1770 г. уничтожить 15 линейных кораблей, 6 фрегатов и около полусотни мелких турецких кораблей. Не менее удачными были и военные действия на суше. Были взяты Хотин, Яссы, Бухарест, Азов, Таганрог, очищены от османов Валахия и Молдова, заняты Перекоп, Керчь, Ялта.

Европейские страны с тревогой наблюдали за успехами русского оружия. Прусский король и австрийский император решили предложить России раздел Речи Посполитой, чтобы лишить ее возможности контролировать всю Польшу. А Австрия выступила с декларацией о намерениях добиваться возвращения туркам захваченных Россией земель. Екатерине же в борьбе с османами была нужна поддержка Фридриха II и Иосифа II В конце

концов пришлось согласиться на прусский вариант. И в сентябре 1772 г. состоялся первый раздел Польши, в результате которого Россия получила восточные белорусские земли.

После этого появилась возможность возобновить военные действия с турками. А после смерти султана Мустафы III османы согласились на мирные условия, предложенные Россией. Мирный договор был заключен 10 июля 1774 г. в деревне Кючук-Кайнарджи. Россия получила право на беспрепятственное плавание российских кораблей по Черному и Мраморному морям, территории между Бугом и Днестром, Керчь, Еникале и Кинбурн, а также 4,5 млн рублей контрибуции. Крым был объявлен независимым. Однако крымские татары поклялись императрице в вечной дружбе, и таким образом полуостров фактически тоже оказался под протекторатом России.

Все действия Екатерины, несомненно, были связаны с ее мировоззрением. В ее жизни особую главу составляют взаимоотношения с европейскими просветителями и попытки реализовать их идеи на практике, что, в конечном итоге, создало ей в Европе репутацию «просвещенной монархини». В то время многие европейские правители разделяли идеи Просвещения. Но наибольшую активность среди них проявляла именно Екатерина, состоявшая в переписке с Вольтером и другими видными авторами этих идей.

Впрочем, в России потомки отнеслись к этой стороне деятельности императрицы отрицательно. Многие, в том числе молодой Пушкин, считали, что слова ее расходились с делом, что в ее письмах не было искренности, а имело место лишь стремление произвести впечатление на философов и использовать их в собственных целях. Примерно такую же оценку «просвещенности» Екатерины дал и Энгельс. Вслед за ним советская историческая наука иначе, как лицемеркой, императрицу не называла.

Однако результатом 34-летнего правления Екатерины стало укрепление законности, а страна приобрела черты просвещенного государства. Недаром даже после пугачевского восстания, о котором за границей хорошо знали, Вольтер не отрекся от своей ученицы и не перестал славить ее на всю Европу, а Пугачева рекомендовал «без промедления» повесить. Идеальная же форма «просвещенного правления», о которой ратовали просветители, не была реализована ни в одной из европейских стран в силу того, что была утопичной. Это понимали даже многие современники просветителей. Например, французский посол в России, граф Сегюр, описывая впечатления от визита Дидро в Петербург, писал: «Она [императрица] восхищалась его умом, но отвергла

его теории, заманчивые по своим идеям, но неприложимые к практике».

Обвинители Екатерины в качестве одного из главных примеров ее лицемерия приводят то, что, зная об отрицательном мнении просветителей относительно крепостного права, императрица оставила существующий в России порядок без изменения. При этом забывают о том, что сами просветители не всегда советовали торопиться с этим. А учитывая настроения среди помещиков, Екатерина сохранила крепостное право, боясь протестов среди дворянства.

Будучи кокетливой и обаятельной, императрица все же обладала мужским складом ума. Она не умела вести светские разговоры и знала об этом, утверждая, что в парижском свете она вряд ли понравилась бы, так как не умела проявлять «тонкость чувств», обязательную для женщин той эпохи. Зато Екатерина блистала в разговорах, касающихся вопросов философии, истории и политики. И все же Н. М. Карамзин, подводя итог ее правлению, писал: «Екатерина – Великий Муж в главных собраниях государственных – является женщиной в подробностях монаршей деятельности». И это вполне справедливо. Прославленная на всю Европу правительница оставалась до мозга костей женщиной, со всеми присущими женской натуре недостатками, в частности резкой сменой настроения. Особенно явно это стало проявляться в преклонных годах, когда Екатерина давала волю истрепанным долгим напряжением нервам и срывалась на приближенных. Потом она просила прощения, старалась быть ласковой. Однако сказанное оставляло тяжелый осадок в душе близких ей людей. Именно это происходило со знаменитым поэтом Гаврилой Романовичем Державиным, бывшим одно время статс-секретарем императрицы. Одним из главных упреков в адрес Екатерины являются ее бесчисленные фавориты, точное количество которых никому не известно. Даже ссылка на то, что фаворитизм был достаточно распространенным явлением при дворах той чувственной и явно распущенной эпохи, не обеляет ее в глазах современников и потомков. Отсюда – огромное количество исторических анекдотов, дешевых фильмов и романов, созданных для развлечения обывателей. Однако при ближайшем рассмотрении и эта сторона жизни русской императрицы оказывается далекой от ординарности.

Кто знает, как сложилась бы судьба Екатерины, если бы в браке она обрела любовь, к которой стремилась всю жизнь. Неудачный брак отложил отпечаток на всю ее жизнь. И вряд ли Екатерину, вопреки мнению многих, следует обвинять в банальном разврате. Ее слова и поступки говорят о стремлении к

счастью и, как это ни странно, о чисто материнском отношении к фаворитам. Недаром каждого из них она стремилась поднять до своего духовного уровня, обучить навыкам государственного управления.

К концу жизни императрица стала безобразно толстой. По-видимому, ее одолевали многие болезни. Ножки, когда-то пленявшие современников, сильно отекали и превратились в безобразные тумбы. Готовясь к посещению императрицы, вельможи на лестницах делали специальные пологие скаты. Преодолеть ступеньки ей было не под силу. И все же даже в это время Екатерина сумела сохранить своеобразную красоту, обаяние и, как свидетельствуют современники, держалась «пристойно и грациозно».

Умерла Екатерина внезапно. 5 ноября 1796 г. она потеряла сознание, а утром следующего дня ее не стало. А вместе с ее смертью закончился блистательный период российской истории, который часто называют «золотым веком Екатерины».

ВИКТОРИЯ

(род. в 1819 г. – ум. в 1901 г.)

Королева Великобритании с 1837 года, последняя из Ганноверской династии.

В истории такой традиционно монархической страны, как Великобритания, не так уж много правивших королев: государством обычно управляли мужчины. После казни шотландской королевы Марии Стюарт прошло немало десятилетий, прежде чем на британский престол снова вступила женщина. На этот раз к управлению государством приступила королева Виктория, которой суждено было стать одной из самых значительных и заметных фигур в английской истории. Эта коронованная особа продержалась у власти целых 64 года из 82 прожитых, и в этом ей нет равных. Именно она, Виктория, дала

свое имя «викторианской эпохе» – эпохе экономического развития и формирования гражданского общества, эпохе пуританства, семейных ценностей и вечных, безвременных истин. «Викторианство» до сих пор считается в Англии райским, благословенным временем. «Викторианская семья», «викторианская мораль», «викторианская архитектура»… Эти слова и сейчас символизируют мощь и величие английской нации. В период правления Виктории Британия пережила невиданный экономический и политический взлет. В это время были изобретены и широко распространились фотография (Виктория обожала фотографию), музыкальные шкатулки, игрушки, открытки. Тогда же сложилась городская бытовая цивилизация: уличное освещение, тротуары, водопровод и канализация, метро. Благодаря ученым-инженерам Джорджу и Роберту Стивенсону стали возможны путешествия по железной дороге. Королева совершила свою первую поездку по железной дороге в 1842 г., после чего этот вид транспорта стал традиционным для англичан.

О том, что ей выпала честь быть наследницей британской короны, Виктория узнала лишь в 12-летнем возрасте. Ей никогда бы не удалось занять королевский трон, будь многочисленное потомство Георга III более богато наследниками. Но дочери и сыновья короля либо были бездетны, либо вовсе не вступали в брак, имея незаконнорожденных детей. Несмотря на то что в 1818 г. сразу трое сыновей Георга III срочно женились и попытались обзавестись потомством, «повезло» лишь одному из них – герцогу Эдуарду Кентскому, у которого родилась дочь Виктория, будущая королева Англии. Маленькую принцессу воспитывали в большой строгости: ее никогда не оставляли без присмотра, не разрешали общаться со сверстниками, полностью лишая свободы. С годами надзор матери, немецкой принцессы Виктории-Марии-Луизы, и ее фаворита Джона Конроя (престарелый отец Виктории умер через восемь месяцев после ее рождения) все больше тяготил наследницу. Став государыней, она отдалила эту пару от своего трона. Помимо матери воспитанием Виктории занималась строгая гувернантка Луиза Лецен, которую девочка слушалась во всем и очень любила, несмотря на ее суровый характер. Еще долгое время бывшая воспитательница сохраняла свое влияние у трона, пока законный супруг Виктории Альберт Саксен-Кобург-Готский не удалил ее от молодой королевы.

Впервые принц Альберт, приходившийся Виктории кузеном, прибыл с визитом в Англию в 1839 г. Для 19-летней королевы его появление при дворе было подобно удару молнии. Виктория

трогательно и по-девичьи сильно полюбила привлекательного Альберта. Сын герцога Эрнеста Саксен-Кобург-Готского был не только хорош собой, но и обладал множеством других достоинств: страстно любил музыку и живопись, великолепно фехтовал, отличался завидной эрудицией. К тому же принц не был легкомысленным гулякой, лентяем или мотом. Он моментально вытеснил из сердца юной королевы 58-летнего премьер-министра, лорда У. Мельбурна – ее незаменимого наставника в первый год правления. В этом моложавом, импозантном светском льве и удачливом политике Виктория видела доброго друга и была немножко влюблена в него. В своем дневнике она писала: «Я рада, что лорд Мельбурн рядом со мной, ведь он такой честный, добросердечный, хороший человек, и он мой друг – я знаю это». Но с появлением молодого кузена премьер-министр перестал занимать мысли Виктории. Она не стала ждать благосклонности принца Альберта и сама объяснилась с ним. «Я сказала ему, – писала королева в своем дневнике, – что была бы счастлива, если бы он согласился поступить так, как я хочу (жениться на мне); мы обнялись, и он был так добр, так нежен… О! Как я боготворю и люблю его…»

10 февраля 1840 г. с соблюдением всех традиций и правил многовекового британского этикета состоялась пышная церемония венчания Виктории и Альберта. Супруги прожили вместе 21 год, у них родилось 9 детей. На протяжении всей их совместной жизни Виктория обожала своего мужа, радуясь семейному счастью и взаимной любви: «Мой муж ангел, и я его обожаю. Его доброта и любовь ко мне так трогательны. Мне достаточно увидеть его светлое лицо и заглянуть в любимые глаза – и мое сердце переполняется любовью…» Несмотря на то что злые языки предрекали этому союзу неудачу, утверждая, что Альберт женился лишь из холодного расчета, королевский брак оказался идеальным, послужив образцом для всей нации. Представители буржуазии с одобрением взирали на усердие супругов в служении Англии.

За долгие годы правления Виктория полностью изменила привычное мнение общества о монархии. Ее предки, полагавшие, что королям и королевам можно все, не слишком заботились о репутации британской династии. Семейная традиция английского королевского дома была ужасающей: достаточно сказать, что Виктория стала 57-й внучкой Георга III, но первой из законнорожденных. Благодаря ей британская династия из вертепа превратилась в оплот семейственности, стабильности и незыблемой морали, создав совершенно новый имидж королевской семьи. К своему государству Виктория относилась,

как заботливая хозяйка к большому дому, в котором без ее внимания не оставалось ни одной мелочи. Она не отличалась ярким интеллектом или энциклопедическими познаниями, но с завидным умением исполняла свое предназначение – из всех решений выбирала единственно верное, а из многочисленных советов – самый полезный. Все это способствовало процветанию Великобритании, которая именно при Виктории стала могучей империей, имевшей свои земли в Индии, Африке, Латинской Америке. Удачная внутренняя и внешняя политика, победа в Крымской войне, экономический взлет Британии формировали у англичан культ королевы. Не будучи демократкой, она тем не менее смогла стать по-настоящему «народным монархом». Неслучайно ее последний премьер-министр лорд Солсбери говорил, что «Виктория непостижимым образом всегда точно знала, что хочет и что думает народ». В успешном управлении государством королева в немалой степени обязана мужу, который был для нее незаменимым советчиком и лучшим другом.

Альберт, от природы наделенный умом и волей, всячески помогал жене в решении государственных проблем. Хотя поначалу его обязанности были весьма ограниченны, постепенно он получил доступ ко всем государственным бумагам. С его легкой руки в Англии все стремительнее развивались рыночные отношения. «Делать деньги нужно из всего – неважно, какими способами», – учил Альберт королеву. Именно ему принадлежала идея Всемирной выставки машин, промышленных товаров и предметов искусства, которая состоялась в Лондоне в 1851 г. Эта выставка существует и сейчас, ее экспонаты являются основой коллекции замечательного музея Виктории и Альберта. Несмотря на то что в Англии не было и до сих пор нет формулы для определения положения мужа при царствующей особе, Альберт сумел стать «почти королем». Андре Моруа писал о нем: «Некоторые политики находили, что у него слишком много власти. А его идеи относительно королевской власти многие считают несовместимыми с английской конституцией… Он вел Англию к абсолютной монархии». Очень работоспособный, Альберт трудился не покладая рук, но жизнь его была очень недолгой.

В начале декабря 1861 г. «милый ангел», как называла мужа Виктория, заболел брюшным тифом и умер. В 42 года королева стала вдовой. Тяжело переживая смерть любимого, она надолго закрылась в четырех стенах, отказывалась принимать участие в публичных церемониях. Ее положение сильно пошатнулось, многие осуждали бедную вдову: ведь она королева и должна выполнять свой долг, чего бы ей это ни стоило. Как ни безутешно

было горе Виктории, все же через какое-то время она сумела приступить к государственным делам. Правда, прежняя энергия уже не вернулась к королеве, и многие события внутренней и международной жизни тех лет прошли мимо нее. Более всего она была озабочена увековечением памяти покойного мужа. По ее распоряжению в Гайд-парке был возведен мемориал со статуей принца, а также концертный зал Альберт-холл неподалеку от Музея Виктории и Альберта. Все в ее жизни было подчинено памяти любимого супруга. Она старалась жить так, как если бы Альберт был жив. По ее приказу в кабинетах принца ежедневно меняли воду в графинах, заводили часы, приносили свежие цветы. Решая сложные государственные проблемы, Виктория продолжала следовать его основной политике. «Я твердо решила, – писала она своему дяде, – бесповоротно решила, что все его пожелания, проекты, мысли будут для меня руководством к действию. И никакие человеческие законы не свернут меня с этого пути». Королеве Виктории удавалось ловко лавировать в сложных политических ситуациях, постепенно она снова возвратилась в «большую политику».

Настоящий расцвет ее правления пришелся на середину 1870-х гг., когда к власти пришел лидер консервативной партии Бенджамин Дизраэли. Этот человек, впервые ставший главой консерваторов еще в 1868 г., занимал особое место в судьбе Виктории. 64-летний премьер-министр покорил королеву своими почтительными высказываниями о покойном Альберте. Дизраэли увидел в Виктории не только государыню, но и страдающую женщину. Он стал тем человеком, благодаря которому королева смогла прийти в себя после смерти мужа и покончить с затворничеством. Дизраэли информировал ее обо всем, что происходило в кабинете министров, а она, в свою очередь, обеспечивала ему «желанный ореол особой близости к трону». В начале своего второго премьерства (1874–1880 гг.) он добился контроля Великобритании над Суэцким каналом и преподнес государыне это удачное приобретение как личный подарок. При его непосредственном содействии был также принят парламентский билль о присвоении королеве Виктории титула императрицы Индии. Дизраэли, который не мог гордиться знатным происхождением, в знак благодарности получил от нее титул графа.

Помимо него были и другие мужчины, добившиеся особой благосклонности королевы и сыгравшие в ее жизни немалую роль. Отношения королевы с ее слугой и доверенным лицом, шотландцем Джоном Брауном, впрочем, как и вся ее личная жизнь в период вдовства, окутаны тайной. При дворе говорили,

что Браун мог без стука входить в спальню королевы и оставаться там в течение многих часов. Не исключали возможности, что Викторию и ее слугу связывали не только любовные отношения, но и узы тайного брака. Были и такие, которые объясняли происходящее тем, что Браун – медиум и с его помощью королева общалась с духом принца Альберта. Когда Джон умер от рожистого воспаления, в память о нем Виктория заказала статую шотландца в национальном костюме.

В 1887 и 1897 гг. в Англии состоялись пышные торжества по случаю золотого и бриллиантового юбилея королевы – пятидесятилетия и шестидесятилетия ее царствования. Авторитет Виктории как конституционного монарха в стране неуклонно возрастал, хотя реальной власти у нее становилось все меньше. Подданные по-прежнему почитали свою государыню, а покушения на ее жизнь вызывали еще большие взрывы народной любви. Первое из них произошло в 1840 г., тогда от выстрела преступника королеву спас принц Альберт, второе – в 1872 г., на этот раз Виктория спаслась благодаря слуге Джону Брауну. Впоследствии в государыню стреляли еще четыре раза, и последнее покушение в марте 1882 г. было особенно опасным. Но тогда на железнодорожном вокзале Виндзора мальчик, ученик Итонского колледжа, успел ударить зонтиком преступника, целившегося в королеву из пистолета.

Виктория старела, в 70-летнем возрасте она начала слепнуть от катаракты, из-за больных ног ей было тяжело самостоятельно передвигаться. Но королева все так же продолжала царствовать в том мире, который всегда безраздельно принадлежал ей – в своей семье. Все ее дети, кроме дочери Луизы, имели наследников. Не без участия Виктории многие ее внуки породнились с представителями королевских домов Европы, в том числе и России (свою любимую внучку Алису она отдала замуж за наследника Российской короны Николая, и та стала последней русской императрицей Александрой Федоровной). Недаром Викторию называли бабушкой европейских монархов.

В последние годы жизни королева продолжала заниматься делами государства, хотя ее силы были уже на исходе. Превозмогая свои немощи, она ездила по стране, выступая перед войсками, принимавшими участие в англо-бурской войне. Но в 1900 г. здоровье королевы ухудшилось, она уже не могла читать бумаги без посторонней помощи. К ее физическим страданиям прибавились душевные, вызванные известием о смерти сына Альфреда и неизлечимой болезни дочери Викки. «Снова и снова удары судьбы и непредвиденные потери заставляют меня рыдать», – записала она в своем дневнике.

Королева Виктория умерла после непродолжительной болезни 22 января 1901 г. Ее кончина не была неожиданностью для народа, но тем не менее миллионам подданных казалось, будто смерть королевы на рубеже столетий влечет за собой мировую катастрофу. Это и неудивительно, ведь для многих англичан Виктория была «вечной» государыней – других за свою долгую жизнь они не знали. «Казалось, что колонна, державшая небосвод, обрушилась», – писал о тех днях британский поэт Р. Бридже. Согласно завещанию, Викторию хоронили по воинскому обряду. На дне ее гроба лежали алебастровый слепок с руки принца Альберта и его стеганый халат, рядом с ними – фотография слуги Джона Брауна и прядь его волос. Королева уносила в небытие тайны своей личной жизни…

«В Британии и не столь значительно в большей части Ирландии, – писал английский историк Д. Кэннедайн, – Виктория олицетворяла собой образ матери нации, нравственного идеала, возвышающегося над грубой повседневностью; в международном плане она стала имперским матриархом, который с материнской заботой председательствовал над более великой британской семьей, раскинувшейся на двух полушариях». Наследникам английской короны Виктория оставила устойчивый трон, и у тех были все основания благодарить ее за предприимчивость, рачительность и те богатства, которые она подарила царствующему британскому дому. В памяти же своего народа эта государыня навсегда осталась монархом, период правления которого стал одной из ярчайших страниц истории Англии. Королева Виктория по праву принадлежит к числу тех немногих правительниц, кого не только любили и ценили современники, но и кому историки никогда не отказывали в уважении.

МЕИР ГОЛДА

Настоящее имя – Голди Мабовитц-Меерсон
(род. в 1898 г. – ум. в 1978 г.)

Первый израильский посол в Советском Союзе. Премьер-министр Израиля, ставшая «матерью еврейской нации».

Она была дочерью плотника из Киева – и премьером израильского государства. Она закупала оружие и хорошо разбиралась в нем – и сажала деревья в пустыне. Создавая и защищая маленькую страну для своего народа, она стала легендой. Ее звали Голда Меир. Она была одной из первых в мире женщин, достигших положения главы правительства. До нее лишь на Цейлоне и в Индии государство возглавляли женщины – Сиримаво Бандаранаике и Индира Ганди.

Голди родилась 3 мая 1898 г. в Киеве, где ее отец Моше Ицхак Мабовитц работал столяром. В ее детстве «радостных или хотя бы приятных моментов было очень мало». Эпизоды, которые она помнила, были связаны с мучительной нуждой, в которой жила ее семья, бедностью, голодом, холодом и страхом погромов. В 8-летнем возрасте Голди с матерью, Блюмой, переехала в США, куда тремя годами раньше уехал отец, чтобы начать новую жизнь. Они обосновались в Милуоки, штат Висконсин, в самом бедном еврейском квартале города. Моше получал нищенскую зарплату, выполняя строительные работы, а Блюма открыла небольшую бакалейную лавку.

Закончив начальную школу в 14 лет, Голди собиралась поступить в среднюю школу и стать учительницей. Но родители хотели поскорее отдать ее замуж. Тогда она уехала к старшей сестре в Денвер, штат Колорадо, квартира которой была чем-то вроде центра для еврейских анархистов, социалистов и сионистов. Здесь девушка впервые услышала о национальном очаге для евреев, который они хотели создать в Палестине. Долгие ночные споры сыграли большую роль в формировании ее убеждений. Но пребывание в Денвере имело и другие последствия. Среди молодых людей, часто бывавших в доме, одним из самых привлекательных был тихий Моррис Меерсон, водивший девушку на лекции по литературе, истории и философии.

Вскоре Голди поссорилась с сестрой и ушла из ее дома. В 16-летнем возрасте она устроилась в магазин, где шили юбки на заказ. Так прошло около года, пока не пришло письмо от отца: «Если тебе дорога жизнь матери, ты должна немедленно вернуться домой». Вернувшись в Милуоки, Голди окончила среднюю школу и поступила в колледж для учителей, где начала изучать педагогику и стала активисткой в различных еврейских организациях. Сионизм наполнял ее жизнь и сознание. Она не сомневалась в том, что ее место в Палестине.

В декабре 1917 г. Голди и Моррис поженились, а весной 1921 г., продав все свое имущество, отправились к берегам «земли обетованной». Добравшись до Тель-Авива, они подали заявление в колхоз (кибуц) с поэтическим названием «Божьи просторы», а Голди даже взяла себе новое имя – Голда («золотая»), подчеркнув этим начало новой жизни. Позднее она вспоминала, как наслаждалась тем, что находилась среди людей, разделявших ее общественно-политические взгляды. Но Моррису было не по себе: ужасный климат, малярия, плохая пища, работа в поле – все это оказалось для него слишком тяжело, и ради мужа Голда согласилась оставить кибуц.

Муж получил плохо оплачиваемую работу бухгалтера в Иерусалиме. Они нашли маленький домик из двух комнат, без электричества, так что готовить приходилось на примусе в сарае. Их первенец Менахем появился на свет в 1924 г., а спустя два года родилась дочка Сарра. Чтобы платить за дом, Голда брала в стирку белье, которое стирала в корыте, нагревая воду во дворе.

Ее стремление к общественной работе нашло выход в 1928 г., когда она возглавила женский отдел Всеобщей федерации трудящихся. Вскоре все увидели, что Голда прекрасный организатор и оратор. К тому же ей пригодилось знание английского языка, на котором она говорила без акцента. В 1932 г. на два года Голда отправилась в США, чтобы подлечить дочь, у которой было обнаружено заболевание почек. Все это время ее муж оставался в Палестине. После возвращения Голда была назначена руководителем политического отдела федерации в Тель-Авиве, а Моррис работал в конторе фирмы «Шелл Ойл» в Хайфе и навещал семью по субботам.

В первой половине 30-х гг. в Палестину, где рынок труда не был готов к принятию огромного количества людей, хлынули еврейские беженцы из Германии. Тогда же была предпринята попытка разрешения этой проблемы на международной конференции, проходившей во Франции. Практические результаты ее были ничтожны, так как каждая из 31 стран-участниц нашла важные причины для того, чтобы не открывать двери иммигрантам. Голда в очередной раз убедилась в том, что ее народу необходимо свое собственное государство.

В ноябре 1947 г. Генеральная Ассамблея ООН приняла план раздела Палестины на две части, а в мае следующего года на карте мира появилась новая страна – Израиль. Голда была единственной женщиной среди политиков, подписавших Декларацию независимости: «Глаза мои наполнились слезами, руки дрожали. Мы сделали еврейское государство реальностью, и я дожила до этого дня». Многие ее соратники говорили позднее: «Если Бен-Гурион – отец Израиля, то Голда – его мать».

Через месяц после этого события она была назначена послом в СССР. Так спустя 42 года после того, как Голда покинула Россию, она вернулась туда в качестве представителя еврейского государства. Ей было не интересно заниматься рутинной дипломатической работой, но это продолжалось недолго – всего 7 месяцев. В начале 1949 г. она была заочно избрана в первый кнессет и вернулась, чтобы занять должность министра труда в правительстве Бен-Гуриона.

Новая работа оказалась не из легких. Иммигранты стекались в маленькое, охваченное войной государство и размещались в

палатках. Их надо было обеспечить всем необходимым, но продуктов питания, стройматериалов, оборудования, денег хронически не хватало. Министру труда пришлось выехать на сбор средств в США, Европу и Латинскую Америку. На этом посту Голда полностью могла проявить свою заботу о людях. Вспоминая те годы, она признавалась, «что это был наиболее плодотворный период в ее жизни».

С 1956 г. в течение 9 лет Голда исполняла обязанности министра иностранных дел. К этому времени она изменила свою фамилию Меерсон на еврейское имя Меир (в переводе с иврита – «озаряющая»). И к моменту своего избрания четвертым премьер-министром Израиля у нее было более 45 лет политического опыта: «Я поняла, что мне придется принимать решения, от которых будет зависеть жизнь миллионов людей. Однако на размышления времени не было, и раздумья о пути, который довел меня из Киева до кабинета премьера, надо было отложить на потом».

Это был период жестокого, но разумного правления. Соглашение о прекращении огня с арабской стороной было заключено, но на границах часто возникали конфликты. Правительство Израиля поддерживало боеспособность страны, искало пути мирного урегулирования.

В октябре 1973 г. женская интуиция подсказывала Голде – что-то не в порядке. Ее советники и члены кабинета уверяли: «Не беспокойтесь, войны не будет». Позже Меир вспоминала: «Я должна была прислушаться к голосу своего сердца и объявить мобилизацию. Я уже тогда знала, что должна была так поступить, и мне предстоит прожить с этим ужасным знанием всю оставшуюся жизнь». Трагедия унесла 2,5 тыс. жизней, многие из которых могли бы быть спасены, если бы кабинет поверил в силу предвидения Голды.

Во время этой войны ей было далеко за семьдесят, но она никогда не покидала офис более чем на час. На пятый день конфликта, когда израильская армия несла потери и казалось, что разгром близок, она позвонила госсекретарю США Генри Киссинджеру среди ночи, заявив его помощнику: «Меня не заботит, который теперь час. Нам нужна помощь сегодня, потому что завтра может быть слишком поздно». Сила и уверенность Голды сделали свое дело: американский воздушный мост заработал как раз вовремя, чтобы спасти нацию.

Она ушла в отставку 10 апреля 1974 г. после пяти бурных лет работы в должности премьер-министра. В Палестине было 80 тыс. евреев, когда она приехала сюда в 1921 г., и 3 млн, когда она покинула свой кабинет. В своем прощальном заявлении Меир

сформулировала концепцию выживания страны с позиций силы и агрессии: «Если Израиль не будет сильным, то не будет мира». Она могла бы сказать: «Если женщина не сильна и не уверена, то она не добьется власти». В этом выразилась бы сущность этой энергичной и властной женщины.

Голда никогда не требовала от народа верности себе лично, призывая лишь сохранять идеалы, в которые верила сама. Она не признавала никаких компромиссов. Мир для нее делился на черное и белое, а любой, кто не принимал ее мировоззрения, становился противником.

В личной жизни она никогда не была одинокой. Меир дружила с блестящим оратором Залманом Шазаром, который был ее наставником и любовником. Они путешествовали по всему миру в 30-е гг., и Шазар обещал развестись с женой и жениться на Голде, но так и не сдержал своего слова. И все же этот динамичный лидер, без сомнения, был тем мужчиной, который оказал на нее наибольшее влияние. Именно он стал тем президентом Израиля, который привел ее к присяге в качестве премьер-министра в 1969 г. Их отношения были началом большого количества подобных связей, что дало повод завистникам называть ее «Голда-матрац».

Интимные отношения связывали Меир со многими великими мужчинами в сионистском движении. Давид Бен-Гурион, Давид Ремез, Берт Кацнельсон, Залман Аранн и Генри Ментор были самыми выдающимися личностями, с которыми она работала и развлекалась на разных ступеньках своей карьеры. Все они помогли ей в продвижении на вершину.

В действиях Меир не было злого умысла. Просто эта страстная женщина жила естественно, так, как она видела и чувствовала. В ней было столько неудержимой энергии, что некогда было останавливаться, чтобы побеспокоиться о тех, кто уходил. Сама Голда признавала для себя первенство карьеры перед семьей: «Я знаю, что мои дети, когда были маленькими, много страдали по моей вине».

Меир была очень сильной, но простой женщиной. Будучи избранной на высший пост своего государства, она говорила: «Я была ошеломлена. Я никогда не рассчитывала стать премьер-министром. Я вообще никогда ни на что не рассчитывала. Я планировала, что поеду в Палестину, стану активным участником лейбористского движения». Единственным Богом Голды был сионизм, мир, в котором у еврейского народа был бы свой дом. Делом ее жизни стало создание такого дома.

Она умерла 8 декабря 1978 г. и была похоронена в Иерусалиме. Сегодня с уверенностью можно сказать, что

нынешний облик Израиля сформирован не в последнюю очередь женщиной по имени Голда…

ЦЫСИ (ЦЫ СИ)

(род. в 1835 г. – ум. в 1908 г.)

Маньчжурская императрица, фактически правившая Китаем на протяжении 47 лет. Бывшая наложница и вторая жена императора Сяньфэна, регентша при малолетнем сыне Тунчжи и племяннике Гуансюе. Беспощадно подавляла народные движения, отличалась консерватизмом, развращенностью, крайней подозрительностью и жестокостью.

Когда приближенные последней китайской императрицы Цыси, прозванной Драконом, собрались в комнате, где она готовилась отправиться в «мир теней», она была уже одета в «одеяние долголетия» и короткий жакет с золотыми вышивками. Соблюдая древние обычаи, ее попросили сказать последнее

напутственное слово. Напрягая слабеющие силы, умирающая тихо произнесла: «Никогда не допускайте женщину к верховной власти».

Родилась владычица многомиллионного Китая в ноябре 1835 г. в семье маньчжурского мандарина и с детства готовилась стать наложницей императора. В шестнадцать лет она вошла во дворец правителя Сяньфэна, в котором жили 3 тысячи наложниц и столько же евнухов. Ходили слухи, что спальню императора посещали десять любовниц в день. Девушки распределялись по рангам, и те, которые относились к низшему рангу, могли всю жизнь прожить во дворце, так и не встретившись с Сяньфэном. Когда Цыси переступила порог гарема, она оказалась в пятом, низшем ранге.

Юная девушка была весьма честолюбива, умна и по тому времени достаточно образованна. Она приложила максимум усилий, чтобы жизнь в позолоченной клетке не прошла даром. Цыси расчетливо подружилась с женой Сяньфэна, которая была на 15 лет старше ее и к тому же бесплодна. Когда слабеющий владыка решил, что ему нужен наследник, он попросил жену выбрать достойную наложницу. И та предложила свою подругу. К тому времени девушка прожила во дворце лишь три года, но одну мечту уже осуществила. Теперь она вошла в число приближенных к императору.

В апреле 1856 г. Цыси родила наследника китайского престола Тунчжи. Наложница стала центром внимания и восхваления со стороны придворных, но для нее важнее было внимание, которое ей уделял сам император. Он понял, что эта женщина очень умна и способна, и передавал ей все больше своих полномочий. Это был период, когда Китай начал терять многовековую традицию изолированности от внешнего мира. Французы и англичане приезжали туда как торговцы и привозили новые идеи, которые провоцировали антимонархическое движение в некоторых частях страны. Больше всего бунтовщиков было в городе Тайпын.

В ответ на проникновение иностранцев Цыси перевела двор в горы, окружающие Пекин. Она приказала публично рубить головы всем захваченным мятежникам, организовав кампанию террора против европейских торговцев и христианских миссионеров. Иностранцев запугивали, их лавки сжигали, а если они и после этого не уезжали, то рисковали головой. Цыси была намерена сохранить древние традиции феодального Китая и, конечно же, власть и богатство монархии. Она считала, что присутствие иностранцев угрожает национальной самобытности Китая, и была убеждена в необходимости их изгнания из страны.

Когда в 1861 г. Сяньфэн умер, его вдова и Цыси получили права регентов. Хотя власть должна была в равной степени принадлежать обеим, вдова императора, которую мало интересовала политика, с готовностью предоставила подруге возможность управлять государством. Однако такое положение устраивало далеко не всех. Не обошлось без заговора с целью убийства регентши-наложницы. Цыси ответила на это быстро и жестоко, приказав обезглавить около 500 заговорщиков.

Сын Цыси, который должен был стать императором, как только ему исполнится 17 лет, рос в довольно необычной обстановке. С юных лет Тунчжи пристрастился к разнузданным оргиям в притонах Пекина и познал все сексуальные извращения на практике. Когда молодой человек достиг совершеннолетия, Цыси издала декрет, в котором говорилось, что ее регентство окончено и начинается правление ее сына. У юноши была невеста, но мать относилась к его женитьбе отнюдь не благосклонно, опасаясь соперничества со стороны будущей невестки. Однако он пошел ей наперекор.

Вскоре после издания декрета о передаче власти император Тунчжи внезапно умер от оспы. Ходили слухи, что Цыси убила собственного сына, заставив евнуха после еды обтереть губы императора зараженным полотенцем. Эта версия выглядела весьма правдоподобной.

Конечно, Цыси вновь объявила себя правительницей Китая. Но тут выяснилось, что жена Тунчжи беременна. Это привело свекровь в бешенство. Если бы невестка родила наследника, он имел бы право со временем занять трон. Тогда Цыси приказала евнухам избить молодую вдову, чтобы вызвать выкидыш. Спустя три месяца несчастная покончила с собой. Никто не сомневался в причастности Цыси и к этой трагедии.

Правительница выбрала нового императора сама, что было нарушением древнего закона. Она объявила владыкой Китая своего племянника, которому дали имя Гуансюй – «бриллиантовый наследник». Мальчику в то время было четыре года, и он пока не представлял для нее опасности.

Ребенок рос окруженный любовью и заботой вдовы старого императора, той, что когда-то так полюбила молодую честолюбивую наложницу мужа. Цыси была очень недовольна тем, что мальчик попал под влияние другой женщины. И когда старая госпожа умерла, все при дворе были уверены, что ее отравила Цыси. Наследнику трона тогда было всего лишь 11 лет. Теперь императрица могла наслаждаться абсолютной властью. Тех, кто ранее осмелился выступить против назначения Гуансюя императором, она тут же казнила.

Уничтожая политических противников, Цыси укрепляла свою власть. На все важные должности она поставила своих родственников. Чтобы предотвратить проникновение в правящий клан постороннего человека, объявила о помолвке наследника с его двоюродной сестрой.

В 1889 г. Цыси была вынуждена оставить регентство. Молодому императору исполнилось уже 19 лет, но официальное вступление на трон было отложено до его женитьбы. Цыси занимала резиденцию в окрестностях Пекина. Дворец ее был великолепен – мраморное чудо среди зелени деревьев, окруженное озерами, на глади которых покачивались цветы лотоса. В доме было много украшений из чистого золота. Подобную роскошь могли себе позволить не многие монархи. Утверждали, что Цыси похитила деньги из императорской казны, а сообщником ее был главный евнух Лиляньин, жестокий и грубый человек, некогда развративший ее сына.

Цыси надеялась управлять страной за спиной императора, которого сама выбрала. Но между теткой и племянником образовалась глубокая пропасть. Он был добрым, образованным и прогрессивным человеком, стремился вывести Китай из изоляции, за которую цеплялась Цыси. Ее ужасало количество иностранцев, которым Гуансюй разрешил жить в стране. Всех их она подозревала в намерении превратить Китай в свою колонию. После того как в 1874 г. Япония захватила острова Лиучиу, Китай пригрозил ей войной. С помощью переговоров военное столкновение удалось предотвратить. Но в 1894 г., когда японцы попытались захватить Корею, войны избежать не удалось.

Война с Японией была короткой и стала несчастьем для Китая. В 1898 г., когда страна пыталась прийти в себя после позорного поражения, вокруг Цыси стали группироваться люди, которые тоже ненавидели иностранцев и опасались угрозы с их стороны. В летнем дворце Цыси формировалась оппозиция императору.

Гуансюй отдавал себе отчет в том, что без поддержки тетки ему будет трудно править страной. Но он также понимал, что она никогда не согласится на реформы, которые он хотел бы провести. Император решил арестовать свою тетку, но его замысел был раскрыт. Цыси действовала решительно: она заставила горе-заговорщика отречься от престола и заточила его на одном из островов, где он жил под охраной евнухов бедно и уединенно, так как его личные слуги были уничтожены. Многие придворные были уверены, что Гуансюя ждет судьба Тунчжи и его жены, но Цыси сохранила племяннику жизнь.

Шесть участников императорского заговора были арестованы

и казнены. Потом Цыси переключилась на иностранных миссионеров. По всему Китаю ей виделось присутствие коварных пришельцев, готовящих вторжение в страну. В ноябре 1899 г. она издала декрет, который не оставлял никаких сомнений – она не желала терпеть «чужеземных дьяволов». Этот декрет стал знаменем многих китайских консерваторов, боровшихся за сохранение национальных традиций и объединившихся в тайное общество под названием «Кулак во имя справедливости и согласия». Его члены были прозваны «боксерами» за ловкость в военном искусстве.

Когда в 1900 г. разразилось «боксерское восстание», государство поддержало его. Первой жертвой стал британский миссионер. Неприязнь к чужеземцам ощущалась в Китае повсеместно, и восставшие везде находили поддержку. Линии передач были перерезаны, железнодорожные пути взорваны, принадлежавшие западному капиталу фабрики сожжены. Цыси вела хитрую игру. Она делала вид, что защищает иностранных граждан, отправляя войска против восставших, но в то же время обещала армейским командирам большую награду «за уши каждого мертвого иностранца».

Вскоре императрица отказалась от двойной игры. По ее приказу китайские войска присоединились к восставшим. Убивали так много и часто, что порой не успевали убирать трупы. По Пекину стали распространяться инфекционные болезни. Иностранные державы, и прежде всего Великобритания, прислали войска, чтобы спасти своих граждан от жестокой расправы. Цыси была вынуждена бежать. Когда она покидала дворец, к ее ногам кинулась наложница свергнутого императора и умоляла позволить Гуансюю жить во дворце. Цыси приказала евнухам: «Сбросьте эту негодницу в колодец! Пусть она умрет в назидание всем непокорным».

После изгнания из Пекина императрица была вынуждена отказаться от привычной роскоши. Пища ее стала скудной, власть она потеряла. В стране царили беспорядок и насилие. Но вскоре «боксерское восстание» было подавлено союзными войсками, и Цыси разрешили вернуться в столицу после подписания мирных соглашений.

В последние годы жизни Цыси стала свидетельницей реформ, начатых в Китае под влиянием Запада. Она также была вынуждена отдать посмертные почести казненным по ее приказу императорским министрам и даже несчастной наложнице, безжалостно брошенной в колодец.

Летом 1907 г. Цыси перенесла инсульт, и здоровье ее резко пошатнулось. Здоровье императора тоже ухудшалось. Несмотря

на то что он не правил страной, Гуансюй сохранил уважение народа и получил право жить во дворце. Утром 14 ноября 1908 г. император умер. При этом очевидны были симптомы отравления. Подозрение пало на Цыси. Вполне вероятно, что она тайно, через евнуха, давала императору небольшие дозы яда в течение долгого периода. Старая императрица, прозванная подданными Драконом, пережила своего племянника всего на сутки.

ГАНДИ ИНДИРА

(род. в 1917 г. – ум. в 1984 г.)

Единственная женщина – премьер-министр в истории Индии, управлявшая страной в течение 15 лет. Дочь Джавахарлала Неру – одного из самых влиятельных индийских лидеров.

Судьба одарила эту женщину редкостным обаянием и твердым характером, что вызывало по отношению к ней и любовь, и ненависть. Должность премьер-министра Индии никогда не была легкой: огромный субконтинент с многочисленным населением изобилует не только замечательными памятниками древней культуры, но и острейшими проблемами – нищетой, болезнями, коррупцией, этническими и религиозными конфликтами…

Индира Ганди понимала, что ее жизни угрожает опасность. За день до гибели она говорила: «Сегодня я жива, а завтра, может быть, и нет… Но каждая капля моей крови принадлежит Индии». На утро 31 октября 1984 г. у нее была запланирована встреча, которую Ганди ожидала с особым удовольствием, – телеинтервью с известным английским писателем и актером Питером Устиновым. Она долго выбирала наряд, остановившись на шафранового цвета платье, которое, по ее мнению, должно было эффектно смотреться на экране. Поколебавшись, сняла пуленепробиваемый жилет, посчитав, что он ее полнит. Простительное в иной ситуации проявление чисто женского начала на этот раз стало фатальным.

Беант Сингх и Сатвант Сингх стояли на одном из постов, расположенных вдоль дорожки, ведущей из резиденции премьер-министра к ее офису. Именно туда и направлялась в сопровождении охраны Индира. Подойдя к охранникам-сикхам, она приветливо улыбнулась. Выхватив пистолет, Беант трижды выстрелил в премьер-министра. Одновременно Сатвант прошил тело Ганди автоматной очередью. Охрана открыла ответный огонь, но было уже поздно…

…19 ноября 1917 г. в древнеиндийском городе Аллахабаде в семье известных всей стране адвокатов Неру из аристократической касты брахманов родилась девочка, которой дали имя Индира. Через несколько дней в «Обитель радости», как называл свой дом ее дед Мотилал Неру, пришло письмо от известной поэтессы С. Найду, в котором она писала, что «ребенку предстоит стать новой душой Индии». Никто тогда это пророчество всерьез не воспринял. Впереди девочку ожидало одинокое детство, необходимость принятия не по-детски серьезных решений, годы ранних забот и тревог.

В раннем возрасте Индира понимала, что Индия унижена, поэтому все близкие ей люди борются за ее освобождение. Следуя учению Махатмы Ганди, они считали необходимым бойкотировать английские товары и однажды торжественно сожгли во дворе все дорогие иностранные вещи. Такой участи избежала только любимая кукла Индиры, которая через некоторое время тоже была отправлена на костер своей хозяйкой. Решение этой первой в жизни моральной проблемы стоило девочке больших эмоциональных затрат и закончилось приобретением невроза – уже будучи взрослой, Индира не могла слышать звука зажигаемых спичек.

Будучи совсем маленькой, она играла не в обычные детские игры, а в борьбу индийцев против колонизаторов. Девочка собирала всех, кто находился в доме, в одну комнату и

произносила перед ними страстные речи. Индира с трудом заставляла себя посещать уроки, так как учебный материал не находил отклика в ее сознании, и предавалась свободному чтению книг. В 8-летнем возрасте она организовала в Аллахабаде детский союз по развитию домашнего ткачества, члены которого собирались в «Обители радости» и часами ткали из грубой пряжи платки и шапочки.

В 1925 г. у матери Индиры был обнаружен туберкулез, и отец решил отвезти ее в Швейцарию на лечение. Так девочка попала в Европу, где стала заниматься домашним хозяйством и одновременно учиться в женевской Интернациональной школе, а затем – в школе неподалеку от санатория в Монтани. Вернувшись домой, родители отдали ее в пансион, по окончании которого Индира поступила в знаменитый народный Университет Тагора.

Весной 1935 г. Индире Неру пришлось прервать учебу и сопровождать мать в Германию, в клинику для легочных больных. Отец в это время находился в тюрьме, куда его посадили за революционную деятельность. Выйдя из заключения, он приехал к жене, однако она вскоре умерла.

В течение шести последующих лет Индира жила и училась вдали от родины. В это время вместе с отцом она совершила незабываемые поездки по многим странам Азии, Африки и Европы. Часто девушка присутствовала при встречах Джавахарлала Неру с видными государственными и общественными деятелями разных стран. Ее кругозор быстро расширялся, она все больше начинала мыслить интернационально и представляла Индию как составную часть сложного международного механизма в тесной взаимосвязи с общими проблемами, стоящими перед всем человечеством.

Окончив учебу в престижном Сомервильском колледже Оксфордского университета, Индира решила вернуться домой, несмотря на опасность путешествия в военное время. Вместе с ней ехал и ее будущий муж, Фероз Ганди, предки которого принадлежали к общине парсов – поклонников огня. Формально союз между молодыми людьми, которые принадлежали к различным религиозным конфессиям, был невозможен. Но в марте 1942 г. свадьба все же состоялась, благодаря заступничеству Махатмы Ганди – непререкаемого авторитета для религиозных ортодоксов и, к слову, однофамильца, а не родственника избранника Индиры.

Не успели молодожены насладиться медовым месяцем, как Джавахарлал Неру и другие руководители партии Индийский национальный конгресс были вновь арестованы. Молодые супруги продолжили их дело в подполье – они распространяли

запрещенную литературу, занимались агитационной работой, выступая на митингах и постоянно рискуя жизнью.

В августе 1944 г. у Индиры родился сын – Раджив Ратна Ганди, который в будущем продолжит дело своей семьи, станет премьер-министром Индии и, подобно матери, падет от руки убийцы-фанатика. Спустя два года на свет появился второй сын – Санджай. Несмотря на свое стремление заниматься политикой, Индира была твердо убеждена в том, что основное предназначение матери – забота о детях, и стремилась совместить выполнение своего гражданского долга с домашними обязанностями.

После провозглашения независимости Индии в 1947 г. она создала и возглавила молодежную организацию по работе с беженцами, помогала отцу работать в правительстве, участвовала в избирательной кампании в парламент страны. Джавахарлал Неру не препятствовал дочери в ее стремлении к политической карьере, но и не поощрял ее действий, опасаясь обвинений в семейственности. Тем не менее в феврале 1959 г. Индира Ганди была избрана председателем Индийского национального конгресса. Так женщина впервые в истории страны оказалась на посту главы правящей партии.

Но домашние дела по-прежнему отнимали много времени. Приходилось разрываться между отцом, изнемогавшим под бременем государственных забот, и мужем, который все чаще жаловался на боли в сердце. В сентябре 1960 г. Фероз в тяжелом состоянии был доставлен в больницу и вскоре скончался. Смерть мужа потрясла Индиру. Полное физическое и нервное истощение заставило ее досрочно оставить пост председателя Конгресса и привело в больничную палату.

В мае 1964 г. ее снова постигла тяжелая утрата – внезапно умер Джавахарлал Неру. Оставшись в полном одиночестве (сыновья в это время находились в Оксфорде), Индира решила продолжить дело, начатое отцом. Заняв пост премьер-министра в конце 60-х гг., она приступила к созданию стабильной национальной экономики за счет усиления роли государства в производственной и банковской сферах, фактически взяв курс на отмену частной собственности.

Однако решению экономических проблем помешал 14-дневный военный конфликт с Пакистаном, разразившийся в конце 1971 г. в поддержку независимости республики Бангладеш, входившей ранее в состав колониальной Индии. Военные действия, экономическая помощь вновь созданному государству, а также продолжавшаяся в течение трех лет засуха поставили страну перед угрозой голода. Вся ответственность за

сложившуюся ситуацию была возложена на премьера и ее сторонников.

Летом 1975 г. в стране было введено чрезвычайное положение: начались репрессии против спекулянтов, была введена цензура, ценовое регулирование и другие непопулярные меры экономического характера. В это время Индиру обвиняли в коррупции, злоупотреблении властью, неуважении к религии и традиционным устоям индийской семьи. В результате на выборах 1977 г. она проиграла.

После поражения госпожу Ганди дважды арестовывали и держали в камере вместе с уголовниками. Однако все обвинения ее противников провалились. Популярность дочери Неру стала возрастать, а ее аресты вызвали бурю протестов. После освобождения к ней опять потянулись ходоки со всей Индии.

В результате очередных всеобщих выборов, состоявшихся в 1980 г., Индира вновь стала премьер-министром страны и приступила к реализации своей экономической программы, которую ей не удалось претворить в жизнь в прошлом десятилетии. Под ее руководством Индия вышла на международную арену, выступив с инициативой обращения к ядерным державам о запрете разработки, испытаний и развертывания оружия массового уничтожения.

В 1984 г. внутренние проблемы в стране осложнились сепаратистскими настроениями среди сикхов, населяющих штат Пенджаб. Главе правительства не раз докладывали, что сикхские экстремисты, требующие отделения от страны этого штата, накапливают оружие и боеприпасы в «Золотом храме» города Амритсар. Боевиков необходимо было разоружить и выгнать из храма как по политическим, так и по религиозным причинам.

В военном отношении эта операция оказалась успешной: экстремистов удалось выбить из храма, но в глазах общественности она потерпела неудачу. Один из биографов Ганди так описывает реакцию местного населения на штурм «Золотого храма»: «Для большинства сикхов военная акция, в результате которой храм сильно пострадал, усугублялась большим количеством человеческих жертв. Сикхские террористы поклялись отомстить. Не проходило дня, чтобы они не угрожали смертью премьер-министру, ее сыну и внукам». Главе правительства не раз предлагали убрать из личной охраны всех сикхов, но эта мера предосторожности, по-видимому, показалась ей излишней…

В историю своей страны Ганди вошла не только как первая женщина, возглавлявшая в течение нескольких лет правительство. Умный и энергичный политик, она много сделала

для укрепления международного авторитета государства, ставшего одним из лидеров Движения неприсоединения к военным блокам. И сегодня имя Индиры Ганди с уважением произносится на ее родине и во всем мире.

ТЭТЧЕР МАРГАРЕТ

Полное имя – баронесса Маргарет Хильда Тэтчер (род. в 1925 г.)

Премьер-министр Великобритании в 1979–1990 гг. Лидер Консервативной партии, министр просвещения и науки.

В 1979 г., когда она впервые стала премьер-министром, Великобритания находилась в ужасном состоянии. Самым ярким символом той эпохи были кучи мусора на улицах крупнейших городов страны, вокруг которых сновали голодные крысы. Приезжим казалось, что они попали в какую-то страну третьего мира: в некоторых крупнейших городах севера Англии уровень безысходности, бедности и убожества окружающих пейзажей был таким, что подобного нельзя было отыскать нигде в Европе. Таков

был печальный финал послевоенной эпохи.

Когда страсти и эмоции после ее отставки улеглись, достижения Тэтчер на посту премьера стали очевидными. Пока еще слишком рано утверждать, что «железная леди» предотвратила упадок британской нации, но она, несомненно, достигла большего, чем любой другой лидер консерваторов в XX в., не считая, конечно, У. Черчилля.

Маргарет родилась 13 октября 1925 г. в старинном городе Грэнтеме, графство Линкольншир. Это был маленький тихий городок, где порядок держался на энтузиазме группы людей, к числу которых принадлежал и отец девочки, бакалейщик Элфред Робертс. Ее происхождение не было характерным для людей, занимавших посты в партии тори. Но именно отец, основные жизненные принципы которого опирались на трудолюбие, усердие и чувство гражданского долга, сыграл решающую роль в ее вознесении в политике. «Я почти всем обязана моему отцу», – признавалась впоследствии Тэтчер.

Ее мать, Беатрис Стивенсон, была портнихой. О ней говорили как о хорошей хозяйке, круг интересов которой ограничивался домом и церковью. Семья Робертс жила очень скромно – Маргарет и ее старшая сестра Мьюриел, родившаяся четырьмя годами раньше, росли почти в спартанской обстановке. Времена были тяжелые, и родители трудились не покладая рук. Это же требовалось и от дочерей. После школьных занятий и подготовки уроков они помогали родителям в бакалейной лавке.

Мэгги была очень любознательна. Трудно определить, она родилась или стала политиком. По собственному признанию будущего лидера консерваторов, она с самого раннего возраста почувствовала, что политика у нее в крови. Как бы то ни было, но уже в десять лет она принимала участие в избирательной кампании.

Когда в сентябре 1939 г. началась Вторая мировая война, Маргарет было 13 лет. В эти годы она прониклась духом патриотизма, осознав всю важность защиты родины от врага. Как отмечают биографы, война укрепила ее политические взгляды как консерватора. Когда пришло время делать выбор дальнейшего пути, девушка решила стать химиком: «Мы тогда считали, что нет таких проблем, которых не могла бы решить наука». Тем более что образование химика могло в те годы гарантировать ей работу.

Амбициозности девушке было не занимать, и осенью 1943 г. она подала заявление о приеме в Самервилл-колледж, один из старейших женских колледжей Оксфорда. Попав в среду воспитанников дорогих учебных заведений, Маргарет держалась особняком. Она трудно сходилась с людьми и терялась в

обществе мужчин, что не раз вызывало насмешки ее сокурсниц. Чувство гражданского долга, привитое ей в родительском доме, пришло здесь на выручку. Участвуя в мероприятиях военного времени, она начала понемногу акклиматизироваться. Маргарет дежурила на сторожевом посту пожарной команды и работала в солдатской столовой.

Почему она хотела учиться непременно в Оксфорде? Главной причиной была близость этого учебного заведения к политике. К тому времени 13 будущих премьер-министров Англии получили образование в оксфордском Крайстчерч-колледже. В Англии издавна повелось, что попасть в ряды элиты было практически невозможно, если человек не учился в Оксфорде или Кембридже. Эти два старейших учебных заведения, известные под общим названием Оксбридж, предоставляли возможность сделать самую лучшую карьеру, особенно в политике.

Именно здесь началась активная политическая деятельность Тэтчер. Она сразу же вступила в университетскую Консервативную ассоциацию и хотела также вступить в Оксфордский союз консерваторов, однако в то время туда не принимали женщин. Ее убеждения ничуть не поколебались и после сокрушительного поражения консерваторов на послевоенных выборах.

Когда закончилась война, Маргарет прошла уже половину обучения. Было очевидно, что занятия наукой увлекают ее меньше, чем политика. Биографы Тэтчер считают, что именно в это время у нее созрело желание баллотироваться в парламент. Но сначала, в 1946 г., Маргарет была избрана президентом Консервативной ассоциации университета, что стало ее первой победой на политическом поприще.

После окончания университета девушка была принята в химическую лабораторию в Эссексе. Работала она упорно. Коллеги отмечали ее трудолюбие, однако считали хотя и не глупым человеком, но мало способным к работе в этой области. Сама Маргарет, видя это, стала усиленно изучать право: «Я должна изучать право. Я нуждаюсь в этом для своей политической деятельности».

Для того чтобы стать адвокатом в маленьком городе и открыть свою контору, требовались немалые деньги, но неожиданно эта проблема оказалась решена. В 1950 г. Мэгги познакомилась с богатым бизнесменом Дэнисом Тэтчером, который был старше ее на 10 лет. Через год она вышла замуж, в 1953 г. стала матерью двух близнецов – дочери Кэрол и сына Марка, а уже через два года снова вернулась в политику.

Неожиданно партия отказалась от ее кандидатуры, заявив,

что ей следует заниматься семьей, а не соваться в политику. Но Тэтчер, естественно, не собиралась сдаваться. В 50-е гг. она развернула бурную деятельность, чтобы получить «твердый» избирательный округ, который бы обеспечил ей победу. Это была очень трудная задача. В графстве Кент она потерпела несколько поражений. Члены комиссии не слишком благосклонно были настроены по отношению к матери двоих детей. Но цель все же была достигнута – в 1957 г. Тэтчер избрали кандидатом в округе Финчли. И она начала свое «восхождение в правительство».

Сначала Маргарет заняла место на скамье оппозиции в парламенте и была назначена теневым министром по вопросам жилищного строительства. С 1965 по 1969 г. она каждый год перемещалась с одного поста на другой. Уже в конце 60-х гг. Тэтчер впервые попыталась публично сформулировать свою политическую и экономическую программу, вошедшую в историю под термином «тэтчеризм». Сама она называла свою систему «народным капитализмом» и объясняла: «Я желаю каждому стать капиталистом. Я хочу, чтобы у каждого человека была собственность».

В 1975 г. Маргарет заняла пост министра образования и науки. Прежде всего она стала вести борьбу с реформами школы, начатыми лейбористами. Это не прибавило ей популярности в стране. Действия Тэтчер были настолько категоричными и жесткими, что даже часть консерваторов стала их осуждать. Пресса нападала на нее, родители писали о ее жестокости. В правительстве она находилась в изоляции, а жены министров ее недолюбливали. Рассказывают, что одна из них на завтраке в резиденции премьера демонстративно спросила: «А что, правду говорят, что госпожа Тэтчер женщина?» – имея в виду ее жесткий характер. Маргарет сделала вид, что не слышала.

На очередных выборах в парламент консерваторы потерпели поражение и перешли в оппозицию. Тогда она сумела сформировать свой теневой кабинет. Шаг за шагом Тэтчер укрепляла свою политическую платформу. За четыре года она сумела спаять партию и показать стране, что может успешно возглавить правительство Британии.

Весной 1979 г. в Англии стал назревать правительственный кризис. Лейбористы уже не имели большинства, и либеральная партия стала настаивать на выборах. Тэтчер удачно использовала это. Манифест партии перед выборами написала она сама. Обещания, данные в нем, привлекали большое внимание к партии консерваторов, а ее предвыборная речь заканчивалась словами: «Пусть эта наша земля, которую мы так страстно любим, обретет опять достоинство, величие и мир».

Тэтчер была у власти почти 12 лет. Ее политика способствовала развитию и возрождению Британии. Один из консерваторов так объяснял успехи страны в 80-е гг.: «Англия обладает двумя сокровищами: одно из них нефть, другое – Маргарет Тэтчер».

В конце 1990 г. «железная леди» покинула свой пост при драматических обстоятельствах. Она утратила контроль над своей собственной партией, несмотря на то что побеждала три раза подряд на выборах и не просто пробыла на посту дольше, чем все прочие премьер-министры в новейшей британской истории, но была первой женщиной-премьером и политиком мирового значения, чей престиж намного превышал репутацию любого другого британского лидера со времен Черчилля.

Ее высочайший авторитет базировался на двух солидных основаниях. Прежде всего фигура Тэтчер ассоциировалась с окончанием «холодной войны» и крушением деморализованного Советского Союза, но все же главная причина ее успеха заключалась в принципиальном возрождении собственной страны. Англия к 1991 г. стала богаче, и хотя в ней оставалось огромное множество недостатков, страна продемонстрировала такую способность к самовозрождению, которая удивила и самих британцев.

Покинув Даунинг-стрит, Тэтчер внешне продолжала вести присущий ей активный образ жизни. Она много путешествовала, меняла места жительства, обсуждала вопросы созданного ею фонда и своей будущей книги, решала, оставаться ли в палате общин или занять предлагаемое ей место в палате лордов. Однако ее близкие друзья были обеспокоены. Они замечали у Маргарет признаки депрессии, она была рассеянна и с трудом принимала простые решения.

Состояние шока, в котором находилась бывшая премьер-министр, впервые заметили еще в декабре 1990 г. Перенести его ей помогли муж и возвратившийся в Лондон сын Марк, который находился теперь постоянно рядом с матерью. Между тем о Тэтчер говорили как о возможном генеральном секретаре ООН или НАТО, ей хотели предложить должность президента Всемирного банка. Эти разговоры свидетельствовали об очень высоком авторитете Маргарет за границей, однако она не думала об этом всерьез.

Свободного времени у «железной леди», когда она была премьер-министром, было мало. Ее отпуск, как правило, длился не более одной недели. Она любила проводить его вдвоем с мужем в Швейцарии. В редкие часы отдыха она смотрела телевизор, читала детективные романы, играла на пианино и

ходила в оперу. Маргарет всегда считала свою семью сплоченной и любящей. Дочь стала журналисткой, а сын, в одно время увлекшийся автогонками, занялся бизнесом. Сама же Тэтчер призналась однажды, что без поддержки мужа не смогла бы так долго занимать пост премьера.

В одном из интервью Маргарет Тэтчер призналась: «Я ничего не планировала заранее. Мне просто удалось воспользоваться возможностями, которые представились в жизни. Мне повезло, что я могла заниматься тем, что нравилось».

ЕЛИЗАВЕТА II

Полное имя – Елизавета Мария Александра Виндзор (род. в 1926 г.)

Королева Великобритании и Северной Ирландии с 1952 г.

Несмотря на широкую известность британских королев и терпимость англичан к дамам у кормила власти, женщина на престоле Вильгельма Завоевателя – это все же скорее исключение, чем правило. Из 40 монархов, правивших после Нормандского завоевания Англии 1066 г., лишь пять были женщинами. Тем не менее последние 50 лет английская корона принадлежит все-таки женщине – «Божьей милостью Королеве Соединенного Королевства Великобритании и Северной Ирландии и других ее Царств и Территорий, Главе Содружества, Защитнице Веры,

Самодержице Орденов Рыцарства». Именно так звучит ее полный титул.

Принцесса Елизавета родилась 21 апреля 1926 г. в Лондоне в резиденции герцога Йоркского Альберта и его жены Элизабет. На следующий день фотографии новорожденной красовались на первых полосах всех крупных газет, которые единодушно предсказывали: чтобы сделаться королевой, ей придется выйти замуж за какого-нибудь иноземного монарха. И действительно, у Елизаветы практически не было шансов стать королевой у себя на родине. У ее деда, Георга V, кроме ее отца было еще трое сыновей. Таким образом Елизавету – да и то весьма условно – можно было считать лишь пятой в очереди к престолу. Однако газетчики оказались плохими пророками.

Первое появление Елизаветы на публике произошло на балконе Букингемского дворца. Принцессе тогда был год и два месяца. В 2,5 года она начала учиться верховой езде – на пони, полученном в подарок к Рождеству. И вообще, детство Лилибет, как ее тогда ласково называли домашние, проходило в атмосфере нежности и заботы. Ее одевали исключительно в солнечно-желтые наряды.

Гувернанткой девочки стала молодая выпускница Эдинбургского университета мисс Марион Кроуфорд. Свои обязанности она понимала шире, чем ее наставлял Георг V, заявивший, что будет достаточно, если она выучит его внучку приличному письму. Библия, поэзия, тренировка памяти, самодисциплина – все это имело не меньшее значение, нежели учебные предметы. Родители считали первостепенным для дочери выработку характера, исходя из того, что стабильность натуры существеннее ореола короны. В это время принцесса увлеклась верховой ездой, и она до сих пор остается ее хобби – каждый год королева верхом на лошади принимает парад в честь дня своего рождения.

Очень скоро стало понятно, что у Лилибет совсем не ангельский характер. Когда учительница французского языка сделала ей замечание, она в знак протеста облила свою золотистую кудрявую головку чернилами. Требовательному учителю географии принцесса один раз устроила форменную забастовку и наотрез отказалась продолжать занятия, пока ей не поменяли преподавателя. Даже своих собак породы корги она воспитывала далеко не дуровскими методами, а потому они были прекрасно выдрессированы и знали, кто в доме хозяин.

Тем временем британскую монархию как будто сглазили. За один только 1936 г. в благополучной и стабильной Англии сменилось три короля. Вначале умер любимый дедушка Лилибет

– Георг V. Несколько месяцев пробыл на британском троне Эдуард VIII: еще не почувствовав тяжести короны, он отрекся от престола. На трон взошел отец Елизаветы, известный теперь как король Георг VI. По правилам престолонаследия его преемником полагалось быть младшим братьям, но герцог Кентский погиб в авиакатастрофе, а герцог Глостерский отказался от своих прав на корону. Стало ясно, что после Георга VI трон унаследует его старшая дочь.

Подростковые годы Лилибет прошли в период Второй мировой войны. Подобно многим лондонским детям, она провела большую часть войны в сельской местности, чтобы избежать ночных бомбежек. На уговоры Черчилля эвакуироваться королева-мать ответила: «Дети не могут ехать без меня, я не могу оставить короля, а Его Величество никогда никуда не уедет». Георг VI был намерен оставаться на родине для участия в движении Сопротивления, в случае если Англия будет оккупирована фашистами. К концу войны Елизавета стала младшим офицером в армии и познала некоролевскую работу армейского водителя и механика.

Еще в 13-летнем возрасте, накануне войны, Лилибет повстречалась с принцем Филиппом, кадетом Дортмутского военно-морского училища. Через 7 лет принц, теперь уже бывалый морской офицер, участвовавший в военных сражениях, стал ее мужем. После свадьбы супругам были присвоены титулы герцогиня и герцог Эдинбургские, а наследница престола познала радость материнства: в ноябре 1948 г. на свет появился принц Чарльз, затем родились принцесса Анна и принц Эндрю. Значительно позднее Елизавета родила принца Эдварда.

Еще раньше, к совершеннолетию Лилибет, Георг VI попросил парламент дополнить Акт о престолонаследии и произвести принцессу в государственные советники, чтобы она могла приобрести необходимый опыт. Елизавета получила этот пост и начала понемногу приобщаться к деятельности монарха. К моменту смерти отца 6 февраля 1952 г. от рака легкого она уже была достаточно искушена в королевских обязанностях.

Британцы были подготовлены к правлению 26-летней привлекательной наследницы уважаемого суверена, а Елизавета соответствовала своему статусу. Такие ее качества, как умение работать и учиться, делали ее с каждым годом мудрее и компетентнее. Одна из придворных дам отмечала: «Елизавета обладает железной волей, дисциплинированностью и любит порядок. Она избегает проявления эмоций и держит свои чувства под жестким контролем. Иногда вы увидите мускулы, двигающиеся на ее щеках, но не более того. Елизавета полностью

идентифицировала себя с ролью королевы».

Коронация состоялась 2 июня 1953 г. Уже за три недели до назначенной церемонии Елизавета, которую все еще называли Лилибет, надела корону и практически не снимала ее даже во время завтрака, прогулок по парку и чтения. Дело в том, что британская корона, сделанная из золота и украшенная 275 драгоценными камнями, весит 3 кг, и к ней требовалось приноровиться. Говорили, что без короны в этой симпатичной женщине не было бы ничего королевского. Если бы, мол, кому-нибудь довелось встретить ее на станции метро в юбке-шотландке и туфлях на низком каблуке – никто не узнал бы в ней своего монарха.

Коронация Елизаветы II была самой демократичной в истории Британии. Лилибет согласилась на телевизионную трансляцию торжества, причем вопреки мнению всех ее советников. Она аргументировала это так: «Люди должны видеть меня, чтобы верить мне». Когда взволнованная охрана сказала, что королева подвергает себя опасности, подпуская толпу слишком близко к месту церемонии, она решительно возразила: «Опасность – часть моей работы». В тот день в рапорте лондонской полиции отмечалось необычайно низкое число карманных краж, хотя улицы были полны народа. Сам Черчилль заявил, что восшествие на престол Елизаветы II было актом национального объединения.

Корону англичане уважают исторически, но за что же ценят именно Елизавету II? Газета «Санди тайме» провела широкомасштабный опрос населения, и вот какие наиболее популярные ответы были получены: королева необходима для процветания страны; королева много и плодотворно работает на благо Англии; королева очень умна. Опрос, проведенный перед золотым юбилеем царствования Елизаветы II, показал, что более 80 % британцев считают монархию подходящим строем для их страны, а более 60 % хотят, чтобы Елизавета II до конца своих дней оставалась на троне.

Королеву именуют «великой труженицей». Никто из британских монархов так часто не бывал за пределами своей страны, совершая протокольные турне, как Елизавета II, причем обычно ее сопровождает супруг принц-консорт Филипп. Во время одной из таких поездок ей было предложено отправиться в глубь страны, чтобы посмотреть живописный ландшафт. Ответ королевы был краток: «Я приехала встречаться с людьми!»

Елизавета II как официальное лицо открывает парламентские сессии. Она получает и анализирует отчеты о заседаниях обеих палат парламента. Королева является верховным

главнокомандующим Вооруженными силами и главой Англиканской церкви. Елизавета II жалует дворянские титулы, вручает высокие награды и ордена. Ряд государственных бумаг должна подписывать именно королева, и надо сказать, она никогда не ставит подпись под документом, с которым не согласна или в котором не разобралась. Она присутствует на открытии памятников и больниц, является непременным участником спуска на воду крупных военных кораблей. Еженедельно, по вторникам в 18.30, встречается с премьер-министром страны, причем их беседы всегда строго конфиденциальны.

Каждый день в Букингемский дворец приходят сотни писем, адресованных лично Мадам. По традиции их приносят королеве в нераспечатанном виде, и она наугад выбирает несколько, на которые отвечает собственноручно. Считается, что семья, получившая ответное послание монарха, благословенна до третьего колена.

Говорят, что Елизавета II – одна из самых богатых женщин мира. На начало 90-х гг. личное состояние королевы оценивалось почти в 7 млрд фунтов стерлингов, и скорее всего, данная сумма значительно приуменьшена. По официальным данным, более 80 % расходов королевы и ее семьи на путешествия и содержание дворцов берут на себя соответствующие министерства Великобритании. Королеве принадлежит более 180 тыс. акров земли в Англии, более 85 тыс. акров в Шотландии, а кроме того, очень дорогие земли в Лондоне, такие, как Риджентс-парк, Пикадилли, Холборн, Кенсингтон и другие, большая часть доходов от которых идет в госбюджет. Она также владеет несколькими старинными замками и роскошной коллекцией произведений искусства. Недавно была опубликована любопытная информация: оказывается, содержание монархии обходится каждому британцу всего в 58 пенсов в год.

За последние годы на долю венценосной семьи выпало немало серьезных испытаний. Особенно тяжелым выдался 1992 г., получивший от королевы название «ужасный год». Именно тогда разгорелся скандал с разводом принца Чарльза и леди Дианы, нанесший серьезный удар по имиджу монархии «туманного Альбиона», а также произошел сильный пожар в Виндзорском замке. Многие граждане страны убеждены, что лишь благодаря спокойной и твердой, хотя и несколько запоздалой, реакции Елизаветы II на эти и последующие события британская монархия смогла сохранить свой престиж и влияние в обществе на должном уровне.

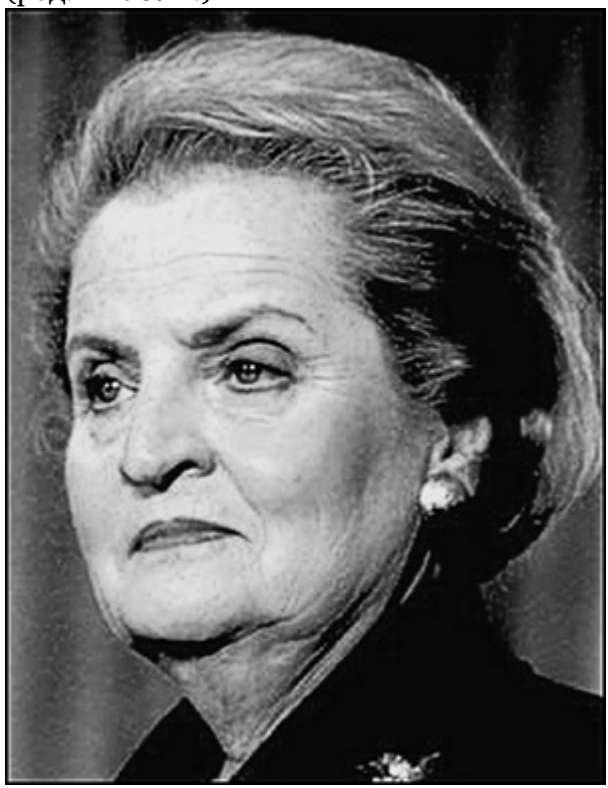
Нелегким для королевы был также и 2002 г., год ее юбилея,

когда вначале она потеряла принцессу Маргарет, свою младшую сестру, а затем королеву-мать. Некоторые аналитики считают, что эти печальные события лишь усилили любовь британцев к королеве, которая, несмотря на все перенесенные испытания, поклялась не покидать трон и продолжать трудиться на благо своих подданных.

Однажды герцога Эдинбургского во время визита в США не очень тактично спросили, когда принц Чарльз наследует трон. Герцог ответил в том же духе: «Вы спрашиваете, когда королева Елизавета предполагает умереть?» Ему возразили: «Ну почему умереть? Она ведь может уйти на пенсию?» На такой нелепый вопрос один из членов парламента от консервативной партии заметил: «Мы обезглавливали монархов, свергали их, но никогда не отправляли на пенсию».

ОЛБРАЙТ МАДЛЕН

Полное имя – Мадлен Кербел Олбрайт
(род. в 1937 г.)



Первая в истории Соединенных Штатов Америки женщина-госсекретарь.

В начале 1998 г. она должна была посетить Хельсинки и очень боялась встретиться там со своим бывшим мужем. В тот момент Джо работал в Москве обозревателем, и Мадлен предполагала, что он будет освещать ее визит. Тогда кто-то из друзей сказал: «Что ты волнуешься?! В конце концов, кто стал госсекретарем США – он или ты?»

В детстве мадам Олбрайт звали Мадленка Кербелова. Она родилась в Праге 15 мая 1937 г. в семье чешского дипломата Йозефа Кербела. Дважды ее родители были вынуждены бежать из

Чехословакии. В первый раз – в Лондон, когда нацисты захватили страну в 1938 г., а потом в Соединенные Штаты, когда коммунисты пришли к власти 10 лет спустя. Частые переезды имели свои плюсы: с тех пор Мадлен в совершенстве владеет чешским, английским и французским языками.

В Штатах отец отдал ее в Кентскую школу для девочек, самую лучшую частную школу в Колорадо. Но не потому, что семья была хорошо обеспечена и могла себе это позволить. Просто за хорошую учебу Мадленка удостоилась именной стипендии. По воспоминаниям одноклассниц, в ней не было ничего особенного – она отлично училась и славилась прилежанием. И всегда знала, чего хочет в жизни.

С Джо Олбрайтом Мадлен познакомилась летом 1957 г., после окончания второго курса престижного женского колледжа Уэлсли. Поначалу ему не на что было надеяться. Девушка, которая у него на глазах сменила одного блистательного поклонника на другого, относилась к Джо по-приятельски. Ее не особо интересовало, кто он, из какой семьи. А ее мать, не подозревавшая, что новый ухажер богат, настаивала, чтобы дочка не разрешала ему за себя платить. Так что в ресторане студенты платили каждый за себя.

Джо обожал свою подружку и даже дипломную работу снабдил посвящением: «Мадлен, с которой…» В том же году он сделал девушке предложение. Тут и выяснилось, что парень из богатой семьи – его дед по материнской линии был газетным магнатом. До самого своего развода Олбрайт говорила подружкам, что она, как Золушка, вышла замуж за принца. Родители Джо разделяли это мнение: предстоящий брак казался им мезальянсом.

Свадьба состоялась в июне 1959 г., через три дня после вручения выпускницам Уэлсли дипломов. Вскоре в семье родились близнецы, Энн и Элис. Девочки появились на свет недоношенными и нуждались в искусственной вентиляции легких. Они были так слабы, что матери в первое время даже не разрешали к ним прикасаться. Простого «женского счастья» ей было мало. Бездеятельность ее угнетала: «Я читала, смотрела “мыльные оперы”, кормила малышек, ходила с ними гулять и думала: “Я должна что-то делать! Иначе я просто сойду с ума”».

Чтобы чем-то себя занять, она поступила на курсы русского языка, который давно мечтала выучить. В 1966 г. Олбрайт снова забеременела. Беременность проходила с осложнениями. К тому же когда Мадлен была на первых месяцах, старшие дочки перенесли корь. Несмотря на инъекции гамма-глобулина, ребенок родился мертвым. Утешение пришло только в 1967 г., когда

родилась младшая дочь, Кэтрин.

Тогда же Мадлен окончила аспирантуру и получила степень магистра политологии за работу «Советская дипломатия: профиль элиты». Она продолжала работать над докторской диссертацией, в полной уверенности, «что у женщины должен быть выбор», очевидно, имея в виду выбор между семейными проблемами и карьерой.

Карьера Олбрайт началась с того, что она вошла в попечительский совет школы, где учились ее двойняшки. Энергичная и образованная, она особенно преуспела в поисках спонсоров. Один из друзей дома, пораженный работоспособностью Мадлен, пригласил ее добровольной помощницей для кампании по сбору средств в поддержку Эдмунда Маски – сенатор решил в 1972 г. баллотироваться в президенты. Маски суждено было остаться на посту сенатора от штата Мэн, президентом он так и не стал. Зато через три года он пригласил Олбрайт в свою команду главным юридическим советником по внешней и оборонной политике.

Мадлен хорошо ладила с коллегами, большинство из которых составляли мужчины. Она не пыталась с ними соревноваться, а скорее была готова уступать. Вела себя очень по-женски, от души смеялась их шуткам, всегда была веселой и дружелюбной, сразу располагала к себе.

Когда в 1976 г. президентом США стал демократ Джимми Картер, ее пригласили на работу в Белый дом. Дело в том, что советником по национальной безопасности был назначен Збигнев Бжезинский, преподаватель Колумбийского университета, у которого в свое время училась Мадлен. Едва получив назначение, Бжезинский тут же предложил своей бывшей студентке, которую очень ценил, должность референта по связям с конгрессом.

В январе 1982 г. ей пришлось провести некоторое время в психиатрической клинике – так Мадлен отреагировала на то, что муж ушел из дома. При разводе ей досталась значительная часть фамильного состояния Олбрайтов, дом в пригороде Вашингтона, а также ферма в штате Вирджиния. Знакомые поговаривали, что, дескать, Джо всегда был бабником и еще в студенческие годы заглядывался на ее подружек. Но большинство сошлось на том, что он разочаровался в браке: когда у него дела шли неважно, Мадлен, не обращая на это внимания, принялась делать собственную карьеру. А не каждый муж согласится терпеть, когда его жена допоздна засиживается на работе.

Эту же версию выбрала для себя и Мадлен. Свою обиду на мужа она и не пыталась скрыть. И часто говорила друзьям, что Джо завидовал ее успеху, не мог смириться с тем, что живет

рядом с сильной женщиной. Впрочем, друзья семьи были уверены: вплоть до назначения представителем США при ООН она готова была бросить все, если бы муж согласился вернуться. Но ей пришлось выбрать карьеру.

После развода Олбрайт всерьез задумалась о будущем. Наука, с ее точки зрения, была надежнее, чем политика, и она выбрала преподавательскую работу. Тем более что она уже защитила докторскую диссертацию, была научным сотрудником в вашингтонском Международном центре поддержки ученых Вудро Вильсона и писала работу о роли прессы в становлении движения «Солидарность» в Польше, одновременно изучая польский язык. В 1983 г. она стала преподавателем сравнительной политологии на факультете дипломатической службы при Джорджтаунском университете.

Вскоре у Мадлен появился друг – Барри Картер, преподаватель юридического факультета, в прошлом влиятельный правительственный чиновник. Он всерьез взялся ухаживать за ней и подружился с ее дочками. Ради Картера она начала бороться с собственной полнотой и плавать в бассейне. Счастье длилось недолго: Барри хотелось иметь собственных детей, а Мадлен не была к этому готова. Но теперь госпожа Олбрайт хорошо знала, как бороться с сердечными недугами, – трудотерапия и на этот раз не подвела.

Вскоре она возглавила Центр национальной политики и привлекла в правление организации толстосумов, которые принесли с собой деньги. Ее связи невероятно расширились. И в 1988 г. Майкл Дукакис, кандидат в президенты от Демократической партии, предложил Олбрайт стать его основным советником по международным делам. Однажды, чтобы подготовить Дукакиса к теледебатам, в Вашингтон пригласили губернатора штата Арканзас Билла Клинтона, с которым у Мадлен установились дружеские отношения.

По ее рекомендации Клинтон смог попасть в одну влиятельную американскую общественную организацию и, став президентом, не забыл, кто оказал ему эту услугу. Кроме того, говорили, что Мадлен просто очень нравилась Биллу. Заняв Овальный кабинет, он предложил своей подруге место представителя США при ООН. Прилетев в Нью-Йорк, Мадлен поняла, как изменилась ее жизнь. Она, столько лет проработавшая в Белом доме рядовым сотрудником, теперь стала членом президентской команды.

В декабре 1997 г. Клинтон объявил о назначении Олбрайт госсекретарем США. Сенат проголосовал единогласно, и 23 января следующего года она приняла присягу. Некоторые

аналитики критиковали выбор кандидатуры Мадлен, называя ее «подарком на память», «подружкой Хиллари», «безрассудной и взбалмошной дамой». А группы феминисток типа «Национальной организации для женщин» пробовали списать шумиху вокруг ее назначения на свой счет, называя выбор президента «призом по женскому футболу», а не признанием таланта Олбрайт.

Тем временем элитарное политическое сообщество Вашингтона повернулось к ней спиной, возражая во всем, внимательно следя за реакцией и проверяя ее на прочность. Мадлен завоевала их симпатии, будучи новичком и еще недавно аутсайдером в «очень большой политике», и скоро сама стала фигурой не просто легендарной или весомой (а она действительно немало весит!), но и исторической. Она перестала скрывать свое еврейское происхождение – и ее за это зауважали еще больше: «маленький, подвижный, берущий любые преграды бронетранспортер по имени Мадлен Олбрайт».

После ухода в отставку с поста госсекретаря США в январе 2001 г. Мадлен не осталась за бортом большой политики. Она возглавила негосударственный Национальный демократический институт и в этом качестве весьма удобна для нынешней республиканской администрации. Как ее неофициальный представитель, Олбрайт продолжает разъезжать по миру, встречаясь и давая «ценные указания» политическим руководителям тех стран, которые входят в сферу национальных интересов Америки.

Кроме того, Мадлен решила написать мемуары. Большую часть книги она посвятит восьми годам, в течение которых работала в администрации Клинтона, а также расскажет о своем детстве и юности, о своих близких и отношениях с ними. Правда, публике вряд ли стоит ждать от Олбрайт сенсационных разоблачений – она все еще числится в «номенклатурной обойме» госдепартамента США и не будет прибегать к дешевым трюкам для поддержания собственной популярности.

МАРГРЕТЕ II

Полное имя – Маргрете Александрина Торхильдур Ингрид (род. в 1940 г.)

Королева Дании с 1972 г.

В некоторых странах по случаю дня рождения главы государства вывешивают национальные флаги на официальных зданиях, но вот чтобы на частных домах – это вряд ли. А в Дании это делают. И без какого-либо принуждения. Так случается каждый год 16 апреля, когда вся страна отмечает день рождения своей королевы Маргрете II.

Популярности королевских семей во многом способствует процесс европейской интеграции. Исчезают границы, приказали долго жить государственные валюты, которые заменило евро. Люди боятся утратить свои национальные особенности. И

монархи видятся им чуть ли не единственным спасением в этой ситуации. Поэтому королева Дании, отправляясь на официальную встречу, всегда надевает старинный народный костюм – это льстит чувствам и гордости ее подданных.

После кончины знаменитой Маргрете I, объединившей под своими знаменами Данию, Норвегию и Швецию, женщины в государственных делах если и были как-то значимы, то только находясь в тени коронованных мужчин. Ибо на протяжении почти 600 лет только они могли являться законными наследниками датского трона. Лишь в 1953 г. граждане королевства обеспечили передачу династических прав также и по женской линии, проголосовав на референдуме за изменение в конституции. И уже через 19 лет на престол взошла Маргрете II из династии Глюксбургов.

Маргрете, дочь кронпринца Фредерика и кронпринцессы Ингрид, родилась в Копенгагене 16 апреля 1940 г., ровно через неделю после того, как фашистская Германия оккупировала ее страну. У королевства Дании не было сил сопротивляться, потому оно и сдалось практически без боя. Малышка сразу стала любимицей своих соотечественников, поскольку рождение ребенка в семье наследника престола, когда страна была под пятой оккупантов, стало символом надежды всех датчан на возрождение.

Несмотря на то что Маргрете определили в обычную среднюю школу для девочек, домашние преподаватели восполняли огрехи всеобщего образования, исходя из установки ее родителей: «Дания заслуживает высокообразованного, интеллигентного монарха». После школы последовали годы обучения в университетах Копенгагена, Орхуса, Кембриджа, Парижа и Лондона. Современная королева должна разбираться в экономике, политологии, истории…

Историю Маргрете предпочла изучать не в тиши библиотек, а под палящим солнцем Египта и Судана. В раскопках неподалеку от Рима кронпринцесса работала со своим дедом по материнской линии – шведским королем Густавом VI Адольфом. Он стал первым щедрым на комплименты критиком рисунков внучки, а рисовала она, по ее собственным словам, «сколько себя помнит».

С 1958 по 1964 г. Маргрете объездила пять континентов, преодолев расстояние 140 тыс. км. Однажды в Лондоне она повстречала секретаря французского посольства, блестящего офицера Анри Жана Мари Андре, графа де Лаборд де Монпеза. Через несколько лет, 10 июня 1967 г. кронпринцесса с согласия датского парламента вышла замуж за бывшего французского дипломата. После свадьбы граф де Монпеза получил титул

принца и датское имя Хенрик. В следующем году у супругов родился первый сын – кронпринц Фредерик, а в 1969 г. – второй – принц Иоахим.

Маргрете взошла на престол 14 января 1972 г. в возрасте 31 года после смерти 74-летнего отца. В то утро премьер-министр Краг вывел на балкон дворца Кристиансборг молодую женщину в черном платье и объявил смолкнувшей площади: «Король Фредерик IX умер. Да здравствует Королева Маргрете II!» С тех пор она продолжает традиции одной из самых древних европейских монархий, основателями которой в середине X в. были конунг Горм и его жена Тура. С того далекого времени 1000-летняя датская монархия ни разу не переживала превратностей народного гнева в виде всевозможных революций.

Девиз королевы: «Божья помощь, любовь народа, процветание Дании». Не раз она отмечала, что пытается исполнять обязанности главы государства «с горячим сердцем». За это ее и любят, хотя она абсолютно далека от политики. Некоторые, правда, считают, что у королевы есть единственный недостаток – она заядлая курильщица. По этому поводу датчане даже препирались недавно с соседями-шведами. Ведущий стокгольмского телевидения Хагге Гейгерт, например, заявил, что национальному символу не пристало публично курить. В ответ датский писатель Эббе Рейх напомнил, что король Швеции тоже курит, но втихую. А вечерняя газета «Б.Т.» добавила, что делает он это, «как школьник в туалете».

Завоевать симпатии подданных королеве помогли и ее несомненные творческие способности. Вместе со своим супругом она перевела на датский язык несколько романов французской писательницы Симоны де Бовуар. По ее словам, перевод сложного психологического романа «Все люди смертны» помог им «скоротать долгие зимние вечера в королевском дворце». Критики высоко оценили мастерство переводчика Х. М. Вейерберга, под именем которого до поры до времени скрывалась венценосная чета.

Но больше всего Маргрете II известна как художник: под псевдонимом Ингахильд Гратмер она проиллюстрировала несколько книг. Кроме того, королева выполнила 70 рисунков для датского издания трилогии Дж. Р. Толкиена «Властелин колец», оформляла телеспектакли, балеты, религиозные празднества, а также придумала «рождественские марки», которые датчане наклеивают в придачу к обычным на конверты с новогодними поздравлениями.

Помимо достаточно активной официальной представительской деятельности как главы Дании, Маргрете II

энергично занимается культурно-просветительской и благотворительной сферой. Она заметная величина в гуманитарной области не только в своей стране, но и в рамках Северного региона в целом. Королева получает от государства 6,75 млн долларов в год. Эти деньги идут на содержание королевской семьи, весьма скромное состояние которой – 15 млн долларов – помещено в ценные бумаги.

В ходе одного из опросов общественного мнения большинство датчан признали, что монархия в нынешнем ее виде служит гарантом демократии в стране. И дело не только в том, что королевский дом – это прямая связь с историей, на прочных корнях которой произрастает национальная гордость. Сама королева играет здесь ведущую роль. Ее тронные речи и обращения к народу отнюдь не всегда заставляют радостно трепетать сердца. Нередко звучат в них упреки по отношению к тем, кто, упиваясь собственным благополучием, забывает о страждущих соотечественниках. Не обходит она вниманием и негативное отношение к иностранным рабочим в стране. Объектом ее критики может стать даже правительство.

Масштаб и обаяние личности Маргрете II способствовали тому, что и сейчас престиж короны в Дании весьма высок, особенно по сравнению с королевскими дворами своих больших и малых соседей, сотрясаемых разного рода скандалами и сенсациями из разряда светской хроники. В 2002 г. вся Дания широко и торжественно отмечала 30-летие царствования продолжательницы Глюксбургской династии, тесно связанной в прошлом с домом Романовых.

В середине июня 2003 г. Маргрете II намерена посетить Россию с государственным визитом и принять участие в мероприятиях по случаю празднования 300-летия Санкт-Петербурга. Этот визит связан с исторической и благородной миссией умиротворения. Недавно из Москвы в Копенгаген поступило официальное предложение о перезахоронении в императорской усыпальнице Петропавловского собора в Санкт-Петербурге останков датской принцессы Дагмар – матери Николая II, императрицы Марии Федоровны. Она вступила на престол вместе с мужем Александром III в 1881 г., после того как провела 15 лет в России в качестве великой княгини. После революции Мария Федоровна возвратилась в Данию, где и почила в 1928 г., а ее останки покоятся в королевской усыпальнице в соборе в Роскилле. В завещании она попросила похоронить ее в России, когда «наступят подходящие времена». Видимо, эта пора наступила.

Бунтарки и подвижницы

МОРОЗОВА ФЕОДОСИЯ ПРОКОПЬЕВНА

(род. в 1632 г. – ум. в 1675 г.)

Русская боярыня-староверка, ставшая символом раскольнического движения.

«Лепота лица твоего сияла, яко древле во Израили святые вдовы Июдифы, победившия Навходоносорова князя Олеферна… Глаголы же уст твоих, яко камение драгое, удивительны перед Богом и человеки бываху. Персты же рук твоих тонкокостны и действенны… Очи же твои молниеносны, держатся от суеты мира, токмо на нищия и убогия призирают». Вот уже который раз вчитывался в старинный текст В. И. Суриков. Это был психологически тонкий литературный портрет боярыни

Морозовой, созданный протопопом Аввакумом. Картина о временах церковного раскола полностью готова. Нет только лица мученицы за веру. Художник чувствовал, что лик ее должен обладать такой мощью, чтобы не затеряться в толпе зевак – сочувствующих, безразличных, ненавидящих. Неистовость духа и отречение от всего земного нашел Суриков в профиле молодой монастырской начетчицы. Так никому не ведомый образ боярыни приобрел конкретную внешность. Упорство веры, жестокий удел мученичества превратил лицо молодой женщины в горящий лик фанатички-старухи. Глаза пламенеют, как угли, рука двуперстным крестом то ли осеняет, то ли проклинает толпу, и сама она – словно «черная ворона на снегу». Так, благодаря живописи, боярыня Морозова, память о которой в народе перешагнула века, получила памятник, достойный ее преданности вере.

Происходила Феодосия из знатного рода Соковниковых. Жила в холе и достатке. Была хороша собой, так что в девках не засиделась. В 17 лет ее отдали замуж за богатого бездетного вдовца Глеба Ивановича Морозова, чей род по знатности не уступал царскому. Его брат, Борис Морозов, был воспитателем, свояком и ближайшим советником царя, да и Глеб занимал видное место при дворе. А сама молодая боярыня Феодосия Прокопьевна дружила с царицей Марьей Ильиничной из рода Милославских.

Юную Феодосию не спрашивали, люб ли ей 50-летний муж. Дочерью и женой она была послушной. Не минуло года, как родился сын Иван. Жизнь текла размеренно. Какие могут быть заботы у боярыни, в чьих хоромах суетится 300 человек челяди? Мамки-няньки над дитятком хлопочут. Богатство в дом, заботами мужа, льется рекой. Сундуки забиты дорогими нарядами и украшениями. А пожелает боярыня из дому выехать – запрягут в карету, украшенную серебром и мозаикой, шестерку, а то и двенадцать лошадей, и вслед побежит сотня, а при парадном выезде и триста слуг и рабов. Живи, ни о чем не задумываясь.

В 30 лет Феодосия Прокопьевна осталась вдовой. Неформальную опеку над ней и малолетним племянником взял Борис Морозов. Человек он был степенный, женатый вторым браком на сестре царя Анне, и бездетный. Боярин любил вести беседы со своей умной и начитанной для женщин того времени снохой. Время было тревожное, ждали конца мира и Страшного суда. Борис Морозов величал Феодосию «другом духовным, радостью задушевной», а после долгих бесед признавался: «Насладился я паче меда и сота словес твоих душевнополезных». Какие темы затрагивали они, неизвестно, но, по-видимому,

боярыня обладала смелостью суждений и глубиной мысли.

Борис Морозов умер бездетным, оставив все имущество своей вдове и единственному племяннику. Морозова теперь не только по знатности, но и по богатству стала ровней царю. Какое было дело боярыне при таком достатке до религиозных споров патриарха Никона и подвластной ему господствующей церкви с протопопом-раскольником Аввакумом, поборником «истинной» веры? До 1664 г. нет никаких явных свидетельств о приверженности Морозовой к старообрядчеству. Есть только предположение, что была неравнодушна одинокая женщина к статному, красивому, независимому Никону. И пошла против «никонианской» церкви из-за оскорбительного пренебрежения патриарха к ее чувствам. И тут-то в мятущуюся душу Морозовой ворвались страстные обличительные речи протопопа Аввакума.

Еще в 1640-х гг. оба служителя церкви принадлежали к кружку ревнителей благочестия и пытались повысить авторитет официальной церкви, поднять грамотность духовенства, исправить ошибки, вкравшиеся в богослужебные книги по вине переписчиков, и сделать церковную службу понятной прихожанам. Только Никон, снискав царское расположение, стал патриархом и властно и единолично крушил старинные обычаи и обряды. Но своим стяжательством он вызвал ненависть придворных и недовольство в народе, для которого старая вера была добрей, чем «латинская». Так началось на Руси движение, известное под названием раскола, или старообрядчества.

Аввакум стал предводителем раскольников, обвиняя поддавшихся Никону еретиков. Мол, книги церковные переписываются на греческий манер, вместо привычного «Исус» пишется «Иисус», «аллилуйя» нужно петь по-старому дважды, как и креститься двумя перстами, а не «щепотью».

Морозова часто встречала гневного старообрядца в доме своего двоюродного брата Ф. М. Ртищева. Слушала его речи, в которых он, ссылаясь на пример Христа, призывал создавать общины, где все – от бояр до нищих – будут равны. Он писал Морозовой: «Аки ты нас тем лутчи, что боярыня? Да единако нам Бог распрстре небо, еще же луна и солнце всем сияет равно, такожде земля, и воды, и всяпрозябающая по велению владычню служат тебе не болше, и мне не менши». Проповеди Аввакума были столь убедительны, что боярыня поддалась им, а следом и сестра ее, княгиня Е. П. Урусова. Они стали яростными, восторженными приверженками его учения.

Аввакум поселился в доме Морозовой и здесь же проповедовал. Боярыня как женщина не могла решать никаких церковных споров, но открыла сердце благочестию и

благотворительности. Двери своего богатого дома и закрома она распахнула не только для раскольников. Всем гонимым и отверженным, убогим и юродивым находилась одежда, милостыня и еда. Она выкупала приговоренных к публичной казни за неуплату долгов, помогала страждущим в богадельнях и темницах.

Поступками и речами Морозова вызывала осуждение в своем кругу. За ней установили надзор и доносили царю, что боярыня «святую церковь непристойными словами поносит, и не покоряется, и святых тайн по новоисправленным служебникам которыя священники служат – от них не причащается, и хулы страшные исносит…». На какое-то время царская угроза отобрать у нее лучшие вотчины заставила Морозову ослабить рвение. Но «крепкие» увещевания Аввакума, а затем отлучение по решению собора 1666–1667 гг. всех раскольников от церкви и ссылка единомышленников в Пустоозерск заставили боярыню вновь стать на путь истинного благочестия. Теперь она осознанно сделала выбор между богатством и знатностью, душой и верой.

Аввакум слал из ссылки письма с увещеваниями и поучениями. Тексты пестрели ласковыми словами: «свет мой», «друг мой сердечный», «ластовица моя сладкоглаголивая», «голубка», «ангелам собеседница». Но узнав, что боярыня сошлась и согрешила с юродивым Федором, разгневался как на жену: «Я веть знаю, что меж вами с Федором зделалось. Делала по своему хотению. Да Пресвятая богородица союз тот злой расторгла и разлучила вас окаянных… поганую вашу любовь разорвала. Глупая, безумная, безобразная! Выколи глазища свои. Зделай шапку, чтоб и рожу ты всю закрыла…»

Больше о суете мирской Морозова не помышляла и в 1670 г. под именем Феодоры тайно постриглась в монахини. Она твердо вознамерилась стоять за веру, удалилась от хозяйских дел в своих многочисленных вотчинах и перестала появляться во дворце. Тем временем гонения на раскольников усилились: их вешали, резали языки, рубили руки. Царь долго терпел непокорство Морозовой. Может, в память об умершей жене, чьей лучшей подругой она была, может, надеялся, что блажь бабья пройдет. «Огненная ярость» Алексея Михайловича обрушилась на боярыню за открытое неповиновение царской воле. В январе 1671 г. Феодосия Прокопьевна наотрез отказалась присутствовать на венчании царя с молодой красавицей Натальей Кирилловной Нарышкиной, будущей матерью Петра I. А ведь Морозова в числе первых боярынь должна была «титлу цареву говорить», благоверным его назвать, руку целовать и вместе со всеми принять благословение архиерея по новому обычаю. Государь, прозванный Тишайшим, не

простил открытого бунта. Он несколько раз посылал бояр с приказом покориться его воле, но Морозова не отступила. С тех пор для тысяч старообрядцев она стала символом раскольнического движения.

В ночь на 16 ноября 1671 г. архимандрит Чудова монастыря в Кремле Иоаким и дьякон Ларион объявили непокорной царский указ: «Полно же тебе быть на высоте! Сниди долу! Встав, иди отсюду!» Это «иди» означало лишения всех прав и свободы. Вместе с сестрой, княгиней Е. П. Урусовой, и женой стрелецкого полковника, М.Г. Даниловой, боярыню Морозову под стражей доставили в Чудов монастырь. Здесь ей заковали ноги, руки, шею в «железа конские», а затем на обычных санях, как простолюдинку, повезли через всю Москву на потеху зевакам в далекий Печерский монастырь. Но прежде боярыне прошлось вытерпеть смертные муки и унижения, как и ее единомышленницам. Она висела на дыбе с вывернутыми руками, замерзала обнаженная в снегу, была бита плетьми. Все стерпела – не отступила.

Церковники требовали для Морозовой костра, но воспротивились бояре. Они просили милости для Феодосии Прокопьевны в память о верной службе Глеба и Бориса Морозовых. И царь явил свою «милость». Публичную казнь, которая могла возвысить мученицу и придать ей ореол святости, он заменил земляным острогом в Боровске. Охрана, подкупленная единоверцами, особой жестокости не проявляла. Узницы получали письма, одежду, еду. В этой яме Морозова узнала о скоропостижной смерти единственного сына и о том, что царь роздал все ее имущество и вотчины покорным боярам. Но не о богатстве рыдала и билась о земляные стены узница. Тужила она, что не смогла проститься с сыном, что чужие руки закрыли ему глаза, что причастили умирающего и похоронили по новому обряду.

Вскоре царю донесли о послаблении в содержании староверок. Он велел сменить и ужесточить охрану. В глубокой пятисаженной яме, во тьме и нечистотах, задыхаясь от зловония, умирали голодной смертью три женщины. Первой преставилась княгиня Урусова. В ночь с 1 на 2 ноября 1675 г. скончалась боярыня Морозова. Единственной ее просьбой к тюремщикам было постирать рубаху, чтобы по русскому обычаю встретить смерть в чистом белье. Через месяц скончалась Мария Данилова.

Древнего рода Морозовых больше не существовало. Наказаны были и родные братья опальной боярыни – их казнили в ссылке. Стойкость Феодосии Прокопьевны потрясла современников не только мученичеством, а и тем, что такое поведение для

женщины из придворной знати было из ряда вон выходящим: променять знатность и богатство на веру! Да и казнили ее не как безбожницу. Верующие в милосердного Христа казнили православную христианку только за то, что она отстаивала право молиться Богу по-своему!

КОРДЕ ШАРЛОТТА

Полное имя – Мари-Эн Шарлотта де Корде д'Армон
(род. в 1768 г. – ум. в 1793 г.)

Французская дворянка, правнучка поэта и драматурга Пьера Корнеля. Убийца тирана Жана Поля Марата. Гильотинирована по приговору революционного трибунала.

Сцена убийства Марата в ванной комнате парижского дома по улице Кордельеров воссоздана в натуральную величину в подвальном этаже музея восковых фигур Гревена. Долгое время считалось, что здесь она изображена довольно точно. Однако это не так. Левая часть постановки и правда почти не оставляет желать лучшего в смысле точности, но правая – целиком выдумана. Ошибка руководителей музея заключалась в том, что

они для усиления эффекта хотели в одной сцене изобразить и убийство Марата, и арест его убийцы. В действительности же Шарлотта Корде была схвачена не в ванной, а в передней, куда она выбежала после убийства. Для эффекта придуман и врывающийся в ванную солдат с пикой. На самом деле девушку задержал штатский комиссионер Лоран Ба, случайно находившийся в этот момент в квартире и не имевший, разумеется, никакой пики. Полиция явилась позднее.

История знает политические убийства, имевшие еще большие последствия, чем дело Корде. Однако, за исключением убийства Юлия Цезаря, быть может, ни одно другое историческое покушение не поразило так современников и потомков. Для этого было много причин – от личности убитого и убийцы до необычного места преступления.

Шарлотта Корде родилась 27 июля 1768 г. в обедневшей дворянской семье. Она получила воспитание в монастыре, а вернувшись из него, мирно жила с отцом и сестрой в нормандском городке Канне. За свою короткую жизнь Шарлотта успела познать и нужду, и нелегкий сельский труд. Воспитанная на республиканских традициях античности и на идеалах Просвещения, она искренне сочувствовала Великой французской революции и с живым участием следила за происходившими в столице событиями.

Переворот 2 июня 1793 г. болью отозвался в ее благородном сердце. Рушилась, не успев утвердиться, просвещенная республика, а ей на смену шло кровавое господство разнузданной толпы под предводительством честолюбивых демагогов, главным из которых был Марат. С отчаянием взирала девушка на опасности, угрожавшие Родине и свободе, и в душе ее росла решимость во что бы то ни стало спасти Отчизну, пусть даже ценой собственной жизни.

Прибытие в Канн изгнанников – бывшего мэра Парижа Петиона, представителя марсельцев Барбару, других известных всей Франции депутатов и вождей жирондистов, а также выступление молодых волонтеров из Нормандии в поход против парижских узурпаторов еще больше укрепили Шарлотту в ее намерении сберечь жизни этих доблестных людей, убив того, кого она считала виновником разгоравшейся гражданской войны. Существует и другая версия мотивации поступка девушки: по приговору, подписанному Маратом, был расстрелян ее жених. И тогда она, не сказав никому ни слова о своих планах, отправилась в столицу. Так Шарлотта оказалась в доме № 30 на улице Кордельеров, в котором обитал «друг народа» Жан Поль Марат.

В поисках славы 16-летним юношей Марат покинул отчий

дом и отправился странствовать по Европе. Чем только ни занимался он в предреволюционные годы, но, увы, золотая птица удачи никак не давалась ему в руки. Он безуспешно пробовал писать романы, антиправительственные памфлеты и философские трактаты, но добился только того, что Вольтер и Дидро его обидно высмеяли, обозвав «чудаком» и «арлекином». Тогда Жан Поль решил заняться естественными науками. Не жалея времени, он постигал премудрости медицины, биологии и физики. На что только не шел он ради признания: анонимно публиковал хвалебные отзывы о собственных «открытиях», клеветал на оппонентов и даже прибегал к откровенному жульничеству.

Ущемленное самолюбие, болезненная реакция на самую мягкую критику, крепнущая год от года убежденность в том, что он окружен «тайными врагами», завидующими его таланту, и вместе с тем непоколебимая вера в собственную гениальность, в свое высочайшее историческое призвание – всего этого было слишком много для простого смертного. Раздираемый неистовыми страстями, Марат едва не сошел в могилу от тяжелейшего нервного недуга, и только начавшаяся революция вернула ему надежду на жизнь.

С бешеной энергией бросился он разрушать старый порядок, при котором не сбылись его честолюбивые мечты. Уже с 1789 г. издававшаяся им газета «Друг народа» не имела себе равных в призывах к уничтожению «врагов свободы». Причем в число последних Жан Поль постепенно включил не только окружение короля, но и большинство крупнейших деятелей революции. Долой осторожные реформы, да здравствует народный бунт, жестокий, кровавый, беспощадный! – вот лейтмотив его брошюр и статей. В конце 1790 г. Марат писал: «Шесть месяцев тому назад 500, 600 голов было бы достаточно… Теперь… возможно, потребуется отрубить 5–6 тысяч голов; но если бы даже пришлось отрубить 20 тысяч, нельзя колебаться ни одной минуты». Два года спустя ему уже этого мало: «Свобода не восторжествует, пока не отрубят преступные головы 200 тысяч этих злодеев». И слова его не остались пустым звуком. Люмпенизированная толпа, низменные инстинкты и устремления которой он изо дня в день будил своими произведениями, с готовностью откликалась на его призывы.

Ненавидимый и презираемый даже теми политическими союзниками, у кого еще сохранились представления о чести и порядочности, но боготворимый чернью, Жан Поль наконец-то был счастлив: он поймал-таки заветную птицу славы. Правда, она имела страшное обличье гарпии, с ног до головы забрызганной

человеческой кровью, но все же это была настоящая, громкая слава, ибо имя Марата гремело теперь на всю Европу.

Помимо славы этот преждевременно постаревший, неизлечимо больной человек жаждал власти. И он ее получил, когда взбунтовавшийся плебс изгнал из Конвента правящую партию жирондистов. Блестящие ораторы и убежденные республиканцы, избранные большинством голосов в своих департаментах, эти представители просвещенной элиты не смогли найти общий язык с чернью столицы, властителем дум которой был Марат. Угроза расправы побудила их бежать в провинцию, чтобы там организовать отпор произволу парижан. Здесь, в нормандском Канне, они нашли своих горячих сторонников, среди которых была и девица Корде…

Когда вечером 13 июля 1793 г. Шарлотта вошла в сумрачную полупустую комнату, Марат сидел в ванне, покрытой грязной простыней. Перед ним на доске белел лист бумаги. «Вы прибыли из Канна? Кто из бежавших депутатов нашел там прибежище?» Корде, медленно приближаясь, назвала имена, Жан Поль записал. (Если бы только она знала, что эти строки приведут их на эшафот!) Тиран зло усмехнулся: «Прекрасно, скоро все они окажутся на гильотине!» Больше он ничего не успел сказать. Девушка выхватила кухонный нож, спрятанный под завязанной высоко на груди муслиновой косынкой и изо всех сил вонзила его в грудь Марата. Тот страшно закричал, но, когда в комнату вбежала его любовница Симон Эврар, «друг народа» был уже мертв…

Шарлотта Корде пережила его всего на четыре дня. Ее еще ожидали гнев разъяренной толпы, жестокие побои, врезавшиеся в кожу веревки, от которых руки покрылись черными кровоподтеками. Она мужественно перенесла многочасовые допросы и судебный процесс, спокойно и с достоинством отвечая следователям и прокурору, почему она совершила это убийство: «Я видела, что гражданская война готова вспыхнуть по всей Франции, и считала Марата главным виновником этой катастрофы… Я никому не говорила о своем замысле. Я считала, что убиваю не человека, а хищного зверя, пожирающего всех французов».

При обыске у девушки нашли написанное ею «Обращение к французам, друзьям законов и мира», где были и такие строки: «О моя родина! Твои несчастья разрывают мне сердце. Я могу отдать тебе только свою жизнь и благодарю Небо за то, что свободна располагать ею».

Жарким, душным вечером 17 июля 1793 г. Шарлотта Корде, облаченная в алое платье «отцеубийцы», взошла на эшафот. До

самого конца, как свидетельствуют современники, она сохраняла полное самообладание и лишь на мгновение побледнела при виде гильотины. Когда казнь свершилась, помощник палача показал зрителям отрубленную голову и, желая им угодить, нанес ей пощечину. Но толпа ответила глухим рокотом возмущения…

Трагическая судьба девушки из Нормандии навсегда осталась в памяти людей как образец гражданского мужества и беззаветной любви к родине. Однако последствия ее самоотверженного поступка оказались совершенно иными, чем те, на которые она рассчитывала. Жирондисты, которых она хотела спасти, были обвинены в сообщничестве с нею и казнены, а смерть «друга народа» стала для его последователей предлогом сделать террор государственной политикой. Адское пламя гражданской войны поглотило принесенную ему в жертву жизнь, но не погасло, а взметнулось еще выше.

Шарлотта Корде не дожила до своего 25-летия всего несколько дней…

ВОЛКОНСКАЯ МАРИЯ НИКОЛАЕВНА

(род. в 1807 г. – ум. в 1863 г.)

Княгиня, дочь генерала Н. Раевского, жена декабриста С. Волконского, друг А. Пушкина.

Их было всего одиннадцать женщин – жен и невест декабристов, разделивших тяжелую судьбу своих избранников. Их имена помнят вот уже почти 200 лет. Но все же большинство поэтических произведений, исторических исследований, повестей и романов, театральных спектаклей и фильмов посвящены Марии Волконской – одной из наиболее загадочных и привлекательных женщин России XIX в. Тайну этой женщины, загадку ее характера и судьбы пытаются разгадать уже несколько поколений историков и просто любителей старины. Ее имя стало легендарным. А сама она говорила: «Что ж тут удивительного – пять тысяч женщин

каждый год делают добровольно то же самое…» Волконской не нужен был памятник. Она исполнила долг жены, возможно, пожертвовав ради этого своим женским счастьем.

Младшая и любимая дочь боевого генерала эпохи наполеоновских войн Николая Николаевича Раевского и внучки М. Ломоносова, Софии Алексеевны, Мария родилась 1 апреля 1807 г. В доме Раевских царил патриархат. Девочка преклонялась перед чувством долга и беспримерным героизмом отца и братьев. В семье не раз звучал рассказ о том, как в предчувствии поражения под Салтановкой генерал приказал 17-летнему сыну Александру взять знамя, схватил за руку 11-летнего Николая и с возгласом: «Солдаты! Я и мои дети откроем вам путь к славе! Вперед за царя и Отечество!» – ринулся под пули. Тяжело раненный в грудь картечью, он видел, как его корпус разгромил троекратно превышающие силы противника. Пылкая и очень впечатлительная девочка только такими видела настоящих мужчин. (Возможно, поэтому к ухаживаниям А. С. Пушкина, посвятившего ей много нежных строк, она отнеслась с достаточной долей иронии и категорически отказалась от брака с польским помещиком графом Г. Ф. Олизаром.)

Машенька получила блестящее домашнее образование, знала несколько иностранных языков. Но страстным увлечением юности стали музыка и пение. Ее дивным голосом можно было заслушаться. Она без устали разучивала арии, романсы и блистательно исполняла их на званых вечерах, аккомпанируя себе на рояле. В 15 лет Мария уже понимала и чувствовала многое. На формирование ее характера оказали влияние старшие братья и сестры. От Софьи она переняла педантичность, обязательность и страсть к чтению; от Елены – мягкость, чувствительность и кротость; от Екатерины – резкость и категоричность суждений; а от Александра – скептицизм и ироничность. Девушка словно чувствовала, что повзрослеть придется рано, и покоряла сердца мужчин уже на первых балах.

Считается, что Мария вышла замуж не по любви, а по настоянию родных. Генерал Раевский хотел для дочери блестящей и безбедной жизни, его прельстил не только титул жениха – князь Сергей Григорьевич Волконский, несмотря на свои 37 лет, уже был ветераном войны, генерал-майором, принадлежал к знатнейшей в России фамилии, имел огромные связи при дворе. Но главное, он был удивительно честный, благородный и справедливый – человек долга и чести, что так ценила Мария в своем отце. Именно эти качества нашли отклик в сердце 17-летней Раевской.

После сватовства Сергея и ошеломленных слов Марии: «Папа,

я ведь его совсем не знаю!» – Раевский в тот же вечер написал Волконскому, что она согласна и можно считать их помолвленными. Генерал отлично знал свою дочь. Не чувствуй она к Волконскому сердечного, душевного влечения, ответила бы не тихой растерянностью, сиянием глаз и с трудом сдерживаемой улыбкой, а как-то иначе, более решительно, резко, как и Густаву Олизару. Кстати, Раевскому все было известно об участии будущего зятя в тайном обществе, но он скрыл это от Марии, хотя и не отказал Волконскому.

Официально помолвку отпраздновали большим балом, на котором собралось все семейство Раевских-Волконских. Во время танца с женихом на Марии загорелось платье: танцуя сложную фигуру мазурки, она нечаянно задела краем одежды столик с канделябрами, и одна из свечей опрокинулась. Благо, несчастье удалось предотвратить, но платье пострадало довольно сильно, да и невеста порядком испугалась – ей все это показалось очень дурным предзнаменованием.

В январе 1825 г., на пороге своего 18-летия, Мария вышла замуж. Она вырвалась из-под родительской опеки и воодушевленно обустраивала свой новый дом: выписывала занавеси из Парижа, ковры и хрусталь из Италии, беспокоилась о каретах и конюшне, прислуге и новой мебели. Она жила в предчувствии счастья, но мужа видела мало, он был поглощен какими-то своими делами, появлялся дома поздно, усталый, молчаливый. Через три месяца после свадьбы молодая княгиня вдруг серьезно заболела. Слетевшиеся к постели доктора определили начало беременности и отправили хрупкую будущую мать в Одессу, на морские купания.

Князь Волконский остался при своей дивизии в Умани, а когда изредка приезжал навестить жену, то больше расспрашивал ее, чем говорил сам. Мария писала позднее: «Я пробыла в Одессе все лето и, таким образом, провела с ним только три месяца в первый год нашего супружества; я не имела понятия о существовании тайного общества, которого он был членом. Он был старше меня лет на двадцать и потому не мог иметь ко мне доверия в столь важном деле».

В конце декабря князь Сергей привез жену в имение Раевских, Болтышку, под Киевом. Ему уже было известно, что полковник П. Пестель арестован, но о событиях 14 декабря 1825 г. он не знал. Об этом поведал зятю генерал Раевский и, предчувствуя, что арест может коснуться и князя, предложил ему эмигрировать. Волконский от этого предложения сразу же отказался, ибо бегство для героя Бородино было бы равносильно смерти.

Роды у Марии были очень тяжелые, без повивальной бабки 2

января 1826 г. она родила сына, которого, по семейной традиции, назвали Николушкой. Сама Мария тогда едва не умерла, родильная горячка продержала ее в жару и бреду несколько суток, и она почти не помнила короткого свидания с мужем, который без разрешения покинул часть, чтобы увидеть жену и сына. А через несколько дней он был арестован и препровожден в Петербург для первых допросов. Но Мария об этом не знала. Болезнь цепко держала ее в своих объятиях несколько месяцев.

События меж тем развивались весьма бурно. Следствие по делу бунтовщиков шло полным ходом. Были арестованы и затем отпущены сыновья Раевского. Старый генерал ездил хлопотать за родственников в Петербург, но только навлек на себя гнев императора. Лишь возвратившись в апреле в Болтышку, Раевский обо всем известил дочь, прибавив, что Волконский «запирается, срамится» и прочее – он не покаялся перед императором и не назвал имен заговорщиков. И конечно, отец сразу же объявил ей, что не осудит ее, если она решит расторгнуть брак с Сергеем.

Можно лишь представить себе, каково было все это услышать молодой женщине, измученной долгой болезнью. Отец рассчитывал на то, что она покорится воле родителей (брат Александр откровенно говорил, что она сделает все, что скажет отец и он), но произошло наоборот. Мария взбунтовалась. Как ее ни отговаривали, она отправилась в Петербург, добилась свидания с мужем в Алексеевском равелине, сблизилась с его родственниками, утешая их и мужественно ожидая приговора.

Но тут внезапно заболел Николушка, и Мария вынуждена была спешно выехать к тетке, графине Браницкой, на попечение которой она оставила своего сына. В имении тетки ее ждало заточение с апреля по август. И все это время она была лишена известий о Сергее. Но эти месяцы не прошли даром. В душевном одиночестве, думая о муже, Мария как бы рождалась заново. Казалось, вся огромная энергетическая сила рода Раевских перелилась в эту хрупкую женщину. Молодой княгине потребовалась огромная духовная работа, чтобы определить свое отношение к поступку Сергея, понять его, прийти к единственному выводу: что бы его ни ожидало, она должна быть рядом с ним. Это решение тем более ценно, что Волконская выстрадала его. Если А. Муравьева, Е. Трубецкая и другие жены декабристов не были скованы столь жесткими домашними оковами, были вольны общаться друг с другом, находили поддержку друзей, родственников, всех, сочувствующих бунту, то Мария была вынуждена в одиночку бороться за свой смелый выбор, отстаивать его и даже пойти на конфликт с самыми близкими, любимыми ею людьми.

В июле 1826 г. подследственным объявили приговор. Князь Волконский был осужден по первому разряду на 20 лет каторги и отправлен в Сибирь. Как только об этом стало известно, Мария с сыном отправилась в Петербург. Остановилась она в доме свекрови на Мойке (в той самой квартире, где через 11 лет умирал Пушкин) и направила прошение государю отпустить ее к мужу. Своему отцу она писала: «Дорогой папа, вы должны удивляться моей смелости писать коронованным особам и министрам; что хотите вы – необходимость, несчастие обнаружило во мне энергию решительности и особенно терпения. Во мне заговорило самолюбие обойтись без помощи другого, я стою на собственных ногах и от этого чувствую себя хорошо». Спустя месяц был получен благожелательный ответ, и уже на следующий день, оставив ребенка свекрови, она выехала в Москву. Насколько же сильным было неприятие ее поступков родными, что Мария оставила своего первенца малознакомой женщине, пальцем не пошевельнувшей для спасения своего сына! Что ж, она решилась и на это, уверенная в своей правоте: «Мой сын счастлив, мой муж – несчастен, – мое место около мужа». Какой душевной силой и волей надо было обладать, чтобы принять такое решение! (Всего в Сибирь был сослан 121 человек, а добились права приезда к своим мужьям только 11 женщин.)

В Москве Мария на несколько дней остановилась у княгини Зинаиды Волконской, давшей в ее честь знаменитый вечер, на котором были Пушкин, Веневитинов и другие известные люди России. И в канун нового, 1827 г., когда в окрестных домах шли балы, звенели бокалы, молодая женщина покинула Москву. Ей казалось – навсегда. Отцу она сказала, что уезжает на год, ибо он обещал проклясть ее, если она не вернется… Старик как чувствовал, что более не увидит дочь. Маленький Николенька и генерал Раевский умерли буквально друг за другом в течение двух лет.

Волконская неслась в одиночестве через бесконечные метели, жестокие морозы, мужественно перенесла обыски и «всевозможные внушения» чиновников. Обгоняя по дороге измученных каторжан, она понимала, через какие унижения пришлось пройти ее мужу, пострадавшему не за какие-то махинации, а за дело чести. И когда, добившись свидания с Сергеем Григорьевичем, княгиня увидела его истощенного, в цепях, она упала перед ним на колени и поцеловала кандалы, отдавая дань его страданиям. Этот поступок стал хрестоматийным символом полного разделения женой судьбы мужа.

Сибирская жизнь Марии Николаевны только начиналась.

Пройдет еще целых тридцать лет, прежде чем придет Указ о помиловании и декабристам разрешат выехать в европейскую часть России. До 1830 г. жены декабристов жили отдельно от мужей-каторжан. Но после перевода их на Петровский завод Волконская вытребовала разрешения поселиться в остроге. В их маленькую тюремную каморку, а через год и в дом вне тюрьмы по вечерам собирались гости, читали, спорили, слушали музыку и пение Марии Николаевны. Присутствие преданных женщин было огромной поддержкой для выброшенных из привычной жизни декабристов. Из 121 ссыльного в живых не осталось и двух десятков. Насколько позволяли средства, декабристки вели благотворительную деятельность, приходили друг другу на помощь в трудные дни, оплакивали умерших и радовались появлению новой жизни. Колония ссыльных сделала немало добрых дел в Иркутской губернии.

Жизнь продолжалась и в далекой Сибири. Здесь у Волконских родилось трое детей. Дочь Софья (1830 г.) скончалась в день рождения – слишком слаба была Мария Николаевна. Но сын Михаил (1832 г.) и дочь Елена (Нелли, 1834 г.) стали настоящим утешением родителей. Они росли под строгим присмотром матери, получили прекрасное домашнее образование. Когда в 1846 г. пришло распоряжение царя отдавать детей в казенные учебные заведения под чужой фамилией, Мария Николаевна первой отказалась от этой «странной» затеи, гордо сказав, что «дети, кто бы они ни были, должны носить имя своего отца». Но Михаила и Елену воспитала как благонамеренных граждан, верных престолу, и сделала все от нее зависящее, чтобы вернуть им положение в обществе. Разделив с мужем судьбу, Мария Николаевна так и осталась далека от идей декабристов.

За годы ссылки супруги очень переменились. Воспоминания современников часто расходятся, когда характеризуют их союз. Одни считают, ссылаясь на письма и архивы, что в сердце Марии царил только «опальный князь». Другие, приводя в пример те же архивные данные, утверждают, что Волконская, оставаясь с мужем, вовсе его не любила, а безропотно несла свой крест, как и положено русской женщине, присягнувшей ему перед Богом. Долгие годы в Марию был тайно влюблен Михаил Лунин. Но чаще называют имя декабриста Александра Викторовича Поджио. Их современник Е. И. Якушкин писал, что, став с годами властной и оставшись такой же решительной, княгиня, решая судьбу дочери, «не хотела никого слушать и сказала приятелям Волконского, что ежели он не согласится, то она объяснит ему, что он не имеет никакого права запрещать, потому что он не отец ее дочери. Хотя до этого дело не дошло, но старик, наконец,

уступил». Дети ощущали внутреннюю отчужденность родителей, они больше любили мать, ее авторитет был намного выше отцовского. Иногда Марии Николаевне приходилось упрашивать их, чтобы «вкладывать несколько слов к папа в письма».

Так уж вышло, что долгие тридцать лет «сибирского плена» и по возвращении из ссылки супруги Волконские оставались вместе, несмотря на сплетни, досужие разговоры, усталость лет, видимую несхожесть характеров и взглядов. В 1863 г., находясь в имении сына, тяжело больной князь Волконский узнал, что его жена скончалась 10 августа. Он страдал оттого, что в последнее время не мог ухаживать за нею и сопровождать на лечение за границу, поскольку сам с трудом передвигался. Его похоронили (1865 г.) в селе Воронки Черниговской губернии рядом с женой, положив согласно завещанию в ногах ее могилы. А в 1873 г., опять же согласно завещанию, рядом с ними упокоился и Александр Поджио, скончавшись на руках Елены Сергеевны Волконской (во втором браке – Кочубей).

После смерти Марии Николаевны остались записки, замечательные по скромности, искренности и простоте. Когда сын Волконской читал их в рукописи Н.А. Некрасову, поэт по нескольку раз за вечер вскакивал и со словами: «Довольно, не могу» бежал к камину, садился к нему, схватясь руками за голову, и плакал, как ребенок. Охватившие его чувства он сумел вложить в свои знаменитые посвященные княгиням Трубецкой и Волконской поэмы. Благодаря Некрасову пафос долга и самоотверженности, которым была полна жизнь Волконской и ее подруг, навсегда запечатлелся в сознании русского общества.

ПЕРОВСКАЯ СОФЬЯ ЛЬВОВНА

(род. в 1853 г. – ум. в 1881 г.)

Революционерка-народница, активный член организации «Народная воля». Первая из женщин-террористок, осужденная по политическому делу и казненная как организатор и участница убийства императора Александра II.

С незапамятных времен известно, что достижение любых целей насильственными методами приводит к ответной жестокости и что агрессия может породить только агрессию. Но даже женщины, изначально признанные более слабыми физически, более духовными и, в общем-то, аполитичными личностями по сравнению с мужчинами, часто убивают, не задумываясь о жертвах и последствиях. Одна из них – Софья

Перовская – считала терроризм самым действенным способом влияния на правительство. Она любила повторять, что отказалась бы от террора, если бы видела другой путь. Но в том-то и была беда этой образованнейшей молодой женщины, что навязчивая идея поглотила целиком ее мысли, заставила отказаться от привычного уклада жизни и пойти на преступление, противное христианскому и дворянскому воспитанию.

Софья родилась 13 сентября 1853 г. в Петербурге. Ее отец, Лев Перовский, чиновник высокого ранга, приходился правнуком последнему гетману Украины Кириллу Разумовскому, а мать, Варвара Степановна, была родом из простого семейства псковских дворян. Впоследствии эта разница в происхождении привела к разрыву между родителями. Детские годы Софья провела в играх в провинциальном Пскове, где служил отец. Друзьями ее были старший брат Вася и соседский мальчик Коля Муравьев, который спустя много лет, став прокурором, потребовал для подруги детских лет смертной казни.

Вскоре семья переехала в Петербург, где отец занял пост вице-губернатора столицы. Теперь в их доме все было поставлено на широкую ногу. Соня, как и ее брат, терпеть не могла лживости и снобизма высшего света, которые так бросались в глаза на часто устраиваемых балах и приемах. Больше всего она любила общаться со своей двоюродной сестрой Варей, дочерью декабриста А. В. Поджио. В их семье она слышала споры о судьбе России, о жестокости самодержавной власти, которую уже давно пора свергнуть.

Во время первого и неудачного покушения на Александра II Софье было всего 12 лет, и она еще не могла оценить значимости этого события как политического. Но по привычной жизни Перовских это нанесло сокрушительный удар. Отцу из-за проявленной «непредусмотрительности» пришлось уйти в отставку, и семья постепенно разорилась. Варвара Степановна, оставив мужа, увезла детей в Крым. Старое имение располагалось в глуши. Перовских никто не навещал, и единственным развлечением девушки было чтение. Но и тихой провинциальной жизни вскоре пришел конец. В 1869 г. имение было продано за долги, и Софья возвратилась в Петербург. Той же осенью она поступила на Аларчиские курсы. Ее интересовали все науки, в химии, физике и математике девушка проявила великолепные способности и оказалась в числе немногих учениц, которые были допущены к занятиям в химической лаборатории.

С этого времени жизнь Перовской полностью изменилась. Окружавшие ее подруги отличались передовыми для того времени взглядами. Они читали запрещенную литературу,

коротко стригли волосы, курили и – что «самое ужасное» – носили мужскую одежду. В 17 лет Софья решительно порвала с семьей и ушла из дома. Тогда же она вступила в народнический кружок «чайковцев» и сразу же активно включилась в их работу. Каждый день с утра и до поздней ночи Перовская вела тайную пропагандистскую работу среди рабочих. Помимо этого по составленной «чайковцами» программе ей предстояло привлечь к народническому движению крестьян, на которых делалась основная ставка в предстоящей революции. Весной 1872 г. Софья отправилась в Самарскую губернию, чтобы впервые собственными глазами увидеть, как они живут. Однако народникам сразу стало понятно, что крестьянам чужды социалистические и революционные идеи. Возвратившись в Петербург, Перовская продолжила занятия в рабочих кружках.

В то время Софья жила в маленьком домике на окраине города. Согласно легенде, все считали ее женой рабочего, и никто не догадывался, что она дворянка и дочь бывшего вице-губернатора. Изнеженная барынька стирала и стряпала для всех, несмотря на бедность, старалась содержать дом в чистоте. Она привыкала жить в напряжении, в постоянном ожидании обыска и ареста. Вскоре в Петербурге начались массовые аресты народников-пропагандистов, и Софья тоже попала за решетку. Только благодаря старым связям отца через несколько месяцев ее отпустили на поруки. На судебном процессе она как завороженная слушала пламенные речи Петра Алексеева, одного из основателей народнического движения. Каждое его слово падало на благодатную почву, и Софья все больше убеждалась в правильности выбранного ею пути.

После оглашения приговора на свободе остались совсем немногие товарищи из ее организации. Перовская вместе с подругами В. Фигнер и В. Засулич вступили в общество «Земля и воля». Среди молодежи росло желание отомстить правительству за расправу с инакомыслящими. Многие из ее друзей носили оружие, а Вера Засулич в январе 1878 г. пустила его в ход против генерала Трепова. То, что суд присяжных ее оправдал, вдохновило Перовскую на дальнейшую вооруженную борьбу. Ей казалось, что общество прислушалось к голосу революционеров и солидарно с ними. Но после очередной серии арестов она поняла, что в России никто особо не жаждет революционных перемен, и постепенно пришла к выводу, что старые агитационные методы работы не эффективны. А идея цареубийства уже давно носилась в воздухе: «За российские порядки должен отвечать тот, кто сам не хочет ни с кем делить ответственность – самодержец всероссийский».

Перовская согласилась с таким не характерным для своего воспитания решением политического вопроса в результате множества бесед с друзьями-революционерами и, конечно, после знакомства с А. И. Желябовым, одним из создателей и руководителей «Народной воли». Он возглавлял ее военную, студенческую и рабочую организацию. Этот рослый, мужественный молодой человек, выходец из семьи крепостных крестьян, покорил Софью своим красноречием, убежденностью и запальчивостью. Именно ему удалось склонить Перовскую войти в террористическую группу, готовящую покушение на Александра II. Вслед за Желябовым она стала видеть в убийстве императора единственное средство, которое может всколыхнуть общество и приблизить революционный переворот. Софья выделялась среди других женщин-террористок своей самоуверенной властностью, вдумчивым спокойствием и неутомимой энергией. По мнению друзей, «во всем, касающемся дела, она была требовательна до жестокости, чувство долга было самой выдающейся чертой ее характера».

Первое покушение, в подготовке которого участвовала Перовская, с самого начала преследовали неудачи. Работа по закладке мины на пути следования царского поезда была очень тяжелой и опасной. Софья никогда не расставалась с пистолетом, а в случае обыска должна была взорвать дом, выстрелив в бутыль с нитроглицерином. Взрыв 1 декабря 1879 г., прогремевший на железной дороге под Москвой, снес с путей обычный поезд. Погибли ни в чем не повинные люди. Но террористов это не волновало, они были готовы идти на любые жертвы. Перовскую уговаривали уехать за границу, но она предпочитала быть повешенной в России. И конечно, Софья хотела остаться рядом с любимым человеком, хотя устав организации был строг и суров. Перовская ради дела забыла о родственниках, давно не имела собственного имущества, но ее отношения с гражданским мужем, Андреем Желябовым, были настолько чистыми и глубокими, что знавшие обоих друзья говорили: «На эту пару приятно было взглянуть в те минуты, когда дела идут хорошо, когда особенно охотно забываются неприятности». Но никакая дружба или влюбленность не могла отменить подготовки очередного покушения.

Только чудо спасло царя во время взрыва прямо в Зимнем дворце. Тайная полиция сбилась с ног, разыскивая террористов. Приметы Перовской теперь знал каждый петербургский жандарм. А она тем временем под именем Марии Прохоровой днем торговала в бакалейной лавочке в Одессе, а ночами готовила очередной террористический акт. Однако и он не увенчался

успехом. Софья не позволяла себе думать о неудачах и жертвах. Она продолжала заниматься с рабочими, создавала библиотеки и новую подпольную типографию. Кроме того, у нее были самые обычные человеческие заботы: сходить на рынок, приготовить обед. Привыкшая к богатству, Софья научилась ценить деньги, которые ей выделялись из фонда организации. Чтобы сократить расходы общественных средств на личные нужды, она зарабатывала перепиской и переводами.

В начале 1881 г. Желябов разработал новый террористический акт, в котором Перовской отводилась важная роль. Она организовала и лично участвовала в наблюдениях за постоянными маршрутами передвижения царя по столице. Ей удалось установить наиболее удобные места для покушения. На Малой Садовой улице революционеры под именем крестьянской семьи Кобзевых сняли сырную лавку, из подвала которой сделали подкоп, чтобы установить мину под мостовой. Людей не хватало, шли непрекращающиеся аресты. Перовская жила в постоянной тревоге за Желябова. И не напрасно: за несколько дней до покушения он был арестован.

Вся тяжесть организации теракта легла на хрупкие плечи его подруги, жены и помощницы. Конечно, по натуре она была лидером, но совсем не таким сильным, как Желябов. Однако останавливаться на полпути было не в ее правилах. Софья решила действовать при любых обстоятельствах. 1 марта 1889 г. Александр II в сопровождении петербургского полицмейстера Дворжицкого и казацкого конвоя возвращался из Михайловского манежа в Зимний дворец. Царь отказался от проезда по Малой Садовой и свернул на набережную Екатерининского канала. Но это не спасло его. Перовская быстро сориентировалась и расставила в заранее определенных точках метальщиков бомб. Она не покинула места событий, не оставила все на произвол судьбы. Софья взмахнула белым платочком, и Рысаков метнул в царскую карету первую бомбу. Александр II остался невредим. Ранения получили два казака и крестьянский мальчик. Второй террорист, Гриневецкий, воспользовавшись непозволительной задержкой царя на месте происшествия, взорвал бомбу между собой и императором. Тяжело раненный Александр II скончался от потери крови, как и его убийца.

Перовская добилась своего. Думала ли она о невинно погибших или раненых прохожих, об их семьях? Вряд ли. Как говорила впоследствии В. Фигнер: «Они просто брали чужую жизнь, а взамен отдавали свою». Девять дней, проведенных до своего ареста, Софья посвятила неудачным попыткам освободить из тюрьмы Желябова. На допросах Перовская признала свое

участие в покушениях под Москвой, в Одессе и в последнем – сенсационном цареубийстве. Она сказала, что сама не бросила бомбу только потому, что это удалось сделать ее товарищам. На суде Софья вела себя спокойно и уверенно, смертный приговор выслушала без внешних эмоций, продемонстрировав веру в свое революционное дело. Она давно готовила себя к подобному исходу.

Ни манифест исполкома «Народной воли», что террористический акт является казнью императора по воле народа, ни ультиматум, выдвинутый революционерами в поддержку политических заключенных, не изменили судьбу пяти приговоренных: Перовской, Кибальчича, Желябова, Михайлова и Рысакова (шестой подсудимой, Гельфман, казнь отсрочили из-за беременности). 3 апреля 1881 г. непосредственные участники подготовки и убийства Александра II были публично повешены на Семеновском плацу. Впервые на эшафот взошла женщина, осужденная по политическому делу. Софья Перовская добилась равноправия с мужчинами хотя бы в этом вопросе.

Показательная казнь не остановила революционный, идеологический, политический и религиозный террор в России. Как и во всем мире, он продолжает свое жестокое существование, хотя давно очевидно, что террор – тупиковый путь борьбы за преобразование общества и избавление его от социальных болезней.

СПИРИДОНОВА МАРИЯ АЛЕКСАНДРОВНА

(род. в 1884 г. – ум. в 1941 г.)

Один из лидеров партии левых эсеров, террористка, участница Октябрьского переворота. Из 57 лет жизни 34 года провела в царских и советских тюрьмах, на каторге и в ссылках.

«Девушка, чистейшее существо, с прекрасной душой – без жалости, с упорной жестокостью зверя всаживает пять пуль в человека!.. Их довели до этого, довела жизнь, с постепенностью, страшною в своей незаметности. Вот оно – движение; мы все живем и действуем не как люди, а как политические единицы без души, и казним, и убиваем, и грабим страну во имя ее блага. Все

позволено – цель оправдывает средства». Это слова неизвестного автора статьи «Жертва губернской революции», посвященные женщине-террористке и будущей жертве террора М. Спиридоновой.

Мария родилась 16 октября 1884 г. в Тамбове в состоятельной дворянской семье Александра Александровича и Александры Яковлевны Спиридоновых. Мать вела дом и все внимание уделяла пятерым детям. Отец служил бухгалтером в банке и владел паркетной фабрикой. Маруся была любимицей в семье. Добрая, отзывчивая, щедрая, самостоятельная, не терпевшая несправедливости, в гимназии она сразу стала лучшей ученицей, хотя и шалуньей слыла редкостной. К тому же открыто протестовала против режима и бездушия, царивших в гимназии, постоянно отстаивая свои человеческие права.

Терпение администрации было не беспредельным. В восьмом классе Марию исключили из гимназии с такой характеристикой, что продолжить обучение она не смогла. Да и отец к тому времени умер, и большая семья быстро обеднела. Девушка устроилась в канцелярию тамбовского дворянского собрания, хорошо зарекомендовала себя и была в добрых отношениях с сослуживцами. Умная, умеющая легко, красиво, доходчиво и сильно излагать мысли, она притягивала к себе людей. Эту способность Спиридоновой использовали товарищи по партии социалистов-революционеров (эсеров), когда направляли ее в рабочие кружки. Она могла увлечь за собой любого.

За участие в революционных демонстрациях 1905 г. Мария впервые попала в тюрьму. В революцию Спиридонова пришла с обостренным чувством несправедливости, с ореолом революционной романтики, с верой, что социалистические преобразования создадут гуманное общество. А ради этого все средства хороши. Даже террор.

16 января 1906 г. Спиридонова привела в исполнение решение тамбовской организации эсеров – смертельно ранила на вокзале в Борисоглебске черносотенца Г. Н. Луженковского, руководившего карательными экспедициями в деревнях на ее родной Тамбовщине. Заплывшего жиром душегуба тщательно охраняли, но никто не обратил внимание на Марию. Крошечное кокетливое создание в гимназической форме, каштановая коса до колен, стреляющие озорными бесиками голубые глазки, модная шляпка и меховая муфточка с браунингом. Пять выстрелов – все в цель. Если бы не ее крик: «Вот она я. Расстреливайте меня!..» – и пистолет у виска, Марию в обстановке всеобщей паники и смятения просто бы не заметили. Но она готовилась к этому поступку сознательно и спасения для себя не видела.

Нажать на курок Мария не успела. Ее били страшно, прикладами, сапогами. Маленькое тело волочили по перрону, по ступеням, размахнувшись, забросили в сани, беспамятное привезли в полицейское управление, раздели донага. В ледяной камере двое охранников Луженковского, Аврамов и Жданов, приступили к пыткам. Били нагайками, сдирали отслаивающуюся кожу, прижигали кровавые раны окурками. Ни единого крика о пощаде. Придя в себя, она созналась, что исполнила смертный приговор. Скрывать о себе Спиридонова ничего не собиралась, но обнаружила, что забыла фамилию, – назвалась ученицей седьмого класса гимназии Марией Александровой. Палачи так усердствовали, что врачи, осматривающие ее после допроса, пришли в ужас. Лицо – кровавая маска, почти все зубы выбиты, левый глаз практически ослеп, легкие отбиты, она оглохла на правое ухо, все тело – сплошная рана. Аврамов, уверенный в своей безнаказанности, перевозя в тамбовскую тюрьму изувеченную, измученную арестантку, надругался над ней.

Выжила Спиридонова, наверное, только молитвами крестьян, которые ставили за ее здравие свечи во всех церквах, когда узнали, что их палач умер, промучавшись 40 дней. 11 апреля был убит Аврамов, 6 мая – Жданов. Ответственность за устранение этих мерзавцев взяла на себя партия эсеров. Это случилось уже после заседания военно-окружного суда, вынесшего Спиридоновой 11 марта 1906 г. приговор – смертная казнь через повешение. Но многочисленные газетные публикации, раскрывшие причины террористического акта, и обнародованная информация о зверствах и издевательствах, чинимых над ней, заставили суд изменить приговор на бессрочное заключение на Нерчинской каторге.

Мария, приготовившаяся к смерти, была настолько потрясена такой «гуманностью», что решила самостоятельно уйти из жизни. Только категорический приказ друзей по партии заставил арестантку изменить свое решение. Способствовал этому и роман по переписке с Владимиром Вольским. Восторженные любовные письма, которые он вначале посылал Марии по рекомендации партии, чуть было не переросли в серьезные чувства двух незнакомых людей. Они требовали свиданий, а Владимир даже был готов жениться. Тюремное начальство не допустило их сближения, аргументируя отказ тем, что первый брак Вольского не был расторгнут, хотя жена оставила его четыре года назад. Несостоявшиеся супруги встретились лишь в мае 1917 г. Они оказались настолько разными людьми, что даже не нашли общих тем для разговора.

Спиридонова воспрянула духом. «Разве вы не знаете, что я из

породы тех, кто смеется на кресте… Будущее не страшит меня: оно для меня неважно, – важнее торжество идеи», – писала она на волю. Ее путь из пересыльной московской тюрьмы в Нерчинск был триумфальным. На каждой стоянке поезд окружали толпы рабочих. Охрана была вынуждена присутствовать на импровизированных митингах. Спиридонова говорила перед людьми просто и мощно, но вернувшись в вагон, валилась без сил и захлебывалась кровью.

Трижды эсеры пытались организовать побег Спиридоновой, но неудачно. Освободила ее Февральская революция. Мария Александровна активно включилась в политическую борьбу. Она стала одним из организаторов партии левых эсеров. Ее избрали заместителем председателя ЦК. При поддержке большевиков Спиридонова занимала пост председателя II и ш съездов Советов крестьянских депутатов, была членом ВЦИК Советов рабочих, солдатских и крестьянских депутатов. Ее партия вместе с большевиками совершила Октябрьский переворот, и по многим важным политическим вопросам она поддерживала их позиции.

Но как только Спиридонова осознала, что Декреты о земле в корне отличаются от программ эсеров, за которыми в революцию пришли крестьяне, она одобрила вооруженное выступление против большевиков, приняла в нем активное участие и взяла на себя организацию очередного громкого террористического акта – убийство посла Германии графа Мирбаха. Восстание было подавлено. Левые эсеры разделили судьбу ранее разгромленных кадетов и правых эсеров. В стране фактически установилась однопартийная система.

Спиридонову арестовали 6 июля 1918 г. на V съезде Советов. С этого дня жизнь для нее стала сплошной чередой заключений, слежек и ссылок. Первые аресты скорее напоминали изоляцию: посадили – постращали – выпустили – слежка. На свободе она не прекращала пропагандистской деятельности против большевиков. Своих мыслей не скрывала: правительство сравнивала с жандармерией, «молодчиков комиссаров» называла душащими народ мерзавцами. Во время очередного ареста в ноябре 1918 г. написала в ЦКП(б) откровенное письмо, осуждающее позиции большевиков. «Ваша политика объективно оказалась каким-то сплошным надувательством трудящихся… Вы или не понимаете принципа власти трудящихся, или не признаете его… Именем рабочего класса творятся неслыханные мерзости над теми же рабочими, крестьянами, матросами и запуганными обывателями. Ваши контрреволюционные заговоры, кому бы они могли быть страшны, если бы вы сами не породнились с контрреволюцией». Ее выступления перед рабочими носили еще более откровенный

характер, заставляли их задумываться над сложившейся ситуацией в стране.

За инакомыслие Спиридонову в феврале 1919 г. обвинили в контрреволюционной агитации и клевете на Советскую власть. «Санатории», психиатрические больницы ЧК, куда ее помещали под именем «Онуфриевой», окончательно подорвали здоровье. Эта принудительная изоляция Спиридоновой стала одним из первых прецедентов применения карательной медицины. Мария Александровна была не в состоянии терпеть насилия над своей свободой и личностью. Жизнь превратилась в сплошной кошмар видений насилий, которые она испытала в царских тюрьмах. Три месяца Спиридонова практически не спала, затем отказалась от еды – 14 дней сухой голодовки. Товарищи по партии, Б. Камков и А. Измайлович (подруга по ссылке), с ужасом наблюдали, как она пытается уйти из жизни. Только сильный инстинкт самосохранения вывел ослабленный организм из тьмы небытия.

Но и разбитую туберкулезом, цингой, голодовкой Спиридонову большевики боялись. Несмотря на многочисленные ходатайства, в выезде за границу ей было отказано. Л. Д. Троцкий заявил К. Цеткин, хлопотавшей о здоровье революционерки, что Спиридонова «представляет опасность для Советской власти». Фактически Мария Александровна «разоружилась». «С 1922 г. я считаю партию левых социалистов-революционеров умершей. В 1923–24 гг. это уже агония. И без надежд на воскрешение, ибо рабочие и крестьянские массы ни на какие лозунги самого обольстительного свойства не поддадутся», – писала она впоследствии. Но так как Спиридонова не умела скрывать своего мнения и всегда открыто говорила о всех недостатках, для Советской власти она стала врагом, но врагом знаменитым – старую революционерку, террористку, боровшуюся с царизмом, трудно было незаметно уничтожить.

С мая 1923 г. Мария Александровна стала политической ссыльной. Жила и работала в Самарканде, но политической деятельностью не занималась. Написала книгу о Нерчинской каторге, которая была напечатана в журнале «Каторга и ссылка» и вышла отдельным изданием. В это время Спиридонова вновь почувствовала себя молодой и энергичной – в ее жизни наконец-то проявилась любовь. Она «обрела друга любимого и мужа». Илья Андреевич Майоров, бывший член ЦК левых эсеров, автор закона о социализации земли, был тоже сослан. Они жили дружно и старались не замечать постоянной слежки. Спиридонова знала, что о каждом ее слове, о каждой встрече становится известно в ЧК.

Доносы скапливались. В сентябре вновь арест, обвинение в

связи с заграничными левоэсеровскими группировками и ссылка – теперь уже в Уфу. Здесь Спиридонова работала старшим инспектором кредитно-планового отдела Башкирской конторы Госбанка, крутилась по хозяйству, чтобы обеспечить сносную жизнь мужу, его сыну и престарелому отцу. А еще ухитрялась рассылать скромные посылки бедствующим друзьям, в прошлом своим единомышленникам.

В страшном 1937 г. Спиридонова полной мерой оценила, что значит государственный террор против своего народа, о котором она предупреждала еще в 1918 г. Теперь ей инкриминировали подготовку покушения на К. Е. Ворошилова и всех членов правительства Башкирии, руководство несуществующей «Всесоюзной контрреволюционной организацией», вредительство, разработку террористических актов против руководителей государства, включая И. В. Сталина. По «делу» проходил 31 человек. Многие не выдерживали пыток и давали ложные показания. «Сломался» и муж Спиридоновой.

«Проявите гуманность и убейте сразу», – требовала измученная болезнями женщина. Но следователи продолжали изощренно издеваться, требуя признаний. Допросы продолжались по два-три дня без перерыва, сесть не позволяли. Ноги Спиридоновой превратились в черно-лиловые бревна. Обнаружив, что побои ее страшат меньше, чем личные досмотры, обыскивали по десять раз в день. Нашли самое уязвимое место – еще с первого ареста она с трудом переносила прикосновение чужих рук к телу. Но надзирательница тщательно ощупывала ее полностью.

13 ноября 1937 г., после 9-месячного заключения Спиридонова написала открытое письмо в секретный отдел НКВД (в машинописной копии более 100 листов). Писала не для того, чтобы «увернуться от обуха». Она попыталась с какой-то исповедальной искренностью объяснить, что «дело эсеров» – не что иное, как сфабрикованный «фарс на тему “Укрощения строптивой”», что страдают абсолютно невинные люди, давно отошедшие от политической борьбы. Спиридонова дала понять, что никакие измывательства не заставят ее дать ложные показания. Своего следователя она называла «хорьком, смесью унтера Пришибеева с Хлестаковым, фашистом и белогвардейцем».

Мария Александровна ненавидела ложь и если бы чувствовала за собой вину, то откровенно бы призналась в этом, так как почти полностью признала политику Советской власти, новый государственный строй и сталинскую Конституцию 1936 г. «А между прочим, я больший друг Советской власти, чем десятки миллионов обывателей. И друг страстный и деятельный. Хотя и

имеющий смелость иметь собственное мнение. Я считаю, что вы делаете лучше, чем сделала бы я». Спиридонова осталась все таким же идейным романтиком, каким была в 1906 г.

Столь откровенные признания не изменили ее судьбу. Мыслящие, убежденные люди пугали власть, были «врагами народа». Спиридонову приговорили к 25 годам тюремного заключения. Своего приговора полностью оглохшая женщина не расслышала. Отбывала срок она в орловской тюрьме. 11 сентября 1941 г. М. А. Спиридонова, ее муж И. А. Майоров и 155 узников по очередному обвинению в «злостной пораженческой и изменнической агитации» были расстреляны в Медведевском лесу. Фашистские войска приближались к Орлу, а чекисты аккуратно выкапывали деревья, сваливали в ямы тела и сверху вновь сажали деревья, восстанавливали дерн. Найти место ее захоронения не удалось до сих пор. Лес хранит покой террористки и жертвы террора Марии Спиридоновой. Она жила, боролась и умерла как борец за социальную идею, так и не осознав, что не все идеи требуют жертв.

Носительницы добра и милосердия

НАЙТИНГЕЙЛ ФЛОРЕНС

(род. в 1820 г. – ум. в 1910 г.)

Сестра милосердия, основоположница сестринского дела, общественный деятель Великобритании, автор ряда работ, посвященных медицине («Заметки по уходу за больными», «Заметки о госпиталях» и др.).

Флоренс Найтингейл родилась 12 мая 1820 г. во Флоренции, где путешествовали ее родители, английские аристократы. Будучи достаточно передовым человеком, отец Флоренс позаботился о том, чтобы девочка получила всестороннее образование, которое в то время было доступно лишь мужчинам. Особое внимание было уделено изучению языков – французского, немецкого, греческого. Кроме того, Флоренс были привиты прекрасные манеры и вкус. Как отмечали современники, она была

очень талантливым человеком и могла применить свои знания в любой сфере деятельности. Однако свою жизнь Найтингейл посвятила служению людям.

Еще с детства Флоренс глубоко волновали проблемы обездоленных. Проводя лето за городом, она могла наблюдать, как протекала жизнь рабочих ткацких фабрик и кустарных групп. Грубость, драки, ужасающая бедность, вид больных и безнадзорных детей навсегда врезались в память девочки. К 17 годам в ее душе сформировалось непреодолимое желание посвятить себя медицине и хоть как-то облегчить страдания несчастных.

Подобные планы не встретили понимания со стороны близких, которые считали, что молодой аристократке это ни к чему. Страх родных имел основания: больницы в то время были запущенными, грязными, в палатах царил хаос, больные в отрепьях поступали из трущоб и лачуг. Однако уговоры родственников не смогли поколебать уверенности Флоренс в правильности выбранного пути. Путешествуя с семьей по разным странам, она при первой же возможности осматривала лечебные учреждения, знакомясь со спецификой их работы, а на родине пробовала организовать домашний уход за больными и беспомощными.

В 1849 г. Найтингейл отвергла очередное предложение выйти замуж. «Нет больше любви… нет больше замужества», – записала она в своем дневнике. Ни отчаяние родных, ни гнев матери не могли остановить молодую женщину. Она покинула свой дом и отправилась в Германию, где в 1851 г. поступила на работу в лечебное учреждение в Кайзерверте, которое представляло собой несколько палат на 100 коек и школу для детей. Здесь был строгий режим: дьяконисам (служительницам) приходилось вставать в 5 утра и работать до позднего вечера. Но Флоренс, несмотря на постоянную усталость и тяжелый труд, была счастлива: ее мечта исполнилась. Домой она слала восторженные письма: «Я в Кайзерверте. Это жизнь. Я здорова…»

Проработав два года в Германии, она вернулась в Лондон, где открылась Больница комиссии частных благотворителей. Флоренс, полная энтузиазма и искреннего желания помочь людям, столкнулась с безразличием со стороны руководства больницей, которое на первое место ставило прибыль и престиж, а здоровью пациентов мало уделяло внимания.

В марте 1854 г. Англия и Франция вступили в войну с Россией. Близкий знакомый семьи Найтингейл, Сидней Герберт, занимавший в то время пост секретаря по военным делам, официально предложил Флоренс организовать отряд сестер

милосердия для отправки на место боевых действий. Она с увлечением принялась за работу и, за короткий срок собрав отряд из 38 монахинь и сестер милосердия, отбыла в Скутари (Турция). Картина, представшая перед глазами Флоренс, была ужасающей: госпиталь представлял собой несколько полуразрушенных бараков, грязных и запущенных, где не было ни белья, ни предметов по уходу за больными, ни надлежащей врачебной помощи. Найтингейл вместе с другими сестрами принялась за титанический труд: они чистили бараки, организовывали горячее питание, ухаживали за больными. Флоренс писала в Лондон гневные письма, в которых рассказывала о катастрофической обстановке в госпиталях, позорной для Англии, о высокой смертности среди раненых, безжалостно клеймила организаторов военно-санитарного дела, боявшихся личной ответственности и не знавших, что следует делать. «Это не джентльмены, не воспитанные, не деловые, не люди чувства», – говорила она о них. Сама же Найтингейл проявляла «стальную выносливость», настойчивость и невиданную работоспособность, природное умение увлечь за собой людей. Среди ее медсестер не было ни одной, которая бы боялась трудностей, а Флоренс называла себя «главной хозяйкой» по уходу за больными и «прислугой для любой (грязной) работы». По воспоминаниям современников, «она каждую ночь обходила бараки, не боясь никакой заразы». Ее называли «Женщина с фонарем, несущая свет и добро».

Из конфликта с военным начальством Флоренс вышла победительницей. О ее деятельности быстро узнали в Лондоне. Был собран специальный фонд в 50 тыс. фунтов стерлингов, который поступил в ее полное распоряжение. Благодаря этому она сумела организовать достойный уход за больными, основанный на принципах санитарии. В результате этого смертность в лазаретах снизилась с 42 % до 2,2 %.

За два года упорной работы Флоренс добилась колоссальных успехов и завоевала заслуженную любовь и уважение соотечественников. Ее именем называли новорожденных девочек, ее портреты выставлялись в витринах магазинов. Возвращение Найтингейл в Англию было ознаменовано торжественным митингом и приемом.

В 1865 г. Найтингейл поручили реорганизовать армейскую медицинскую службу. Правительство выделило средства на проведение в жизнь необходимых реформ, поэтому Флоренс могла в корне изменить ситуацию в госпиталях. И хотя ей часто приходилось сталкиваться с непониманием со стороны консервативно настроенного начальства, она все же добилась, чтобы больницы были оснащены системами вентиляции и

канализации, велась более четкая статистика заболеваний, а персонал в обязательном порядке проходил специальную подготовку. Один из журналов того времени писал: «Мисс Найтингейл показала, какой должна быть и была медицинская сестра: строгая и милосердная, смелая и сдержанная перед лицом страдания, одинаково внимательная к больным различных классов общества…»

В 1869 г. Найтингейл организовала школу для обучения медицинских сестер при Лондонской больнице Св. Фомы. Воспитанницы ее получали основательную научную подготовку. Флоренс подчеркивала, что «по своей сути сестринское дело как профессия отличается от врачебной деятельности и требует специальных знаний», что «дело управления больницами должны взять на себя специально обученные сестры». В это время по настоянию Найтингейл в армии велась разъяснительная работа о важности профилактики болезней.

Через год Флоренс выпустила книгу «Заметки по уходу за больными», которая в корне изменила взгляды общественности на суть сестринского дела. Придавая особое значение чистоте, свежести воздуха, тишине, правильному питанию, она характеризовала сестринское дело как «действие по использованию окружающей пациента среды в целях содействия его выздоровлению». Важнейшей задачей сестры, по мнению Найтингейл, было создание для пациента таких условий, при которых сама природа оказывала бы свое целительное действие. Она называла сестринское дело искусством, однако была убеждена в том, что это искусство требует «организации, практической и научной подготовки». Кроме того, в книге раскрывались некоторые психологические особенности больного человека и высказывалась революционная мысль, что залог выздоровления пациента – не удачно проведенная операция, а постоянный грамотный уход после медицинского вмешательства. Флоренс считала, что дело сестер милосердия – спасать раненых не только физически, но и духовно: заботиться о досуге, организовывать читальни, наладить переписку с родными. До сих пор современно звучит ее идея: «Следить надо за здоровыми, чтобы они не стали больными». Флоренс впервые показала влияние факторов окружающей среды на здоровье человека, заложив таким образом основы современной профилактики.

Английское правительство высоко оценило заслуги Найтингейл. У нее появилось много единомышленников среди видных государственных деятелей: Карлейль, Гладстон, Кингсли. Организационная работа Флоренс нашла признание во многих странах мира. Она добилась открытия школ при больницах для

подготовки медицинских сестер и сама активно в них преподавала.

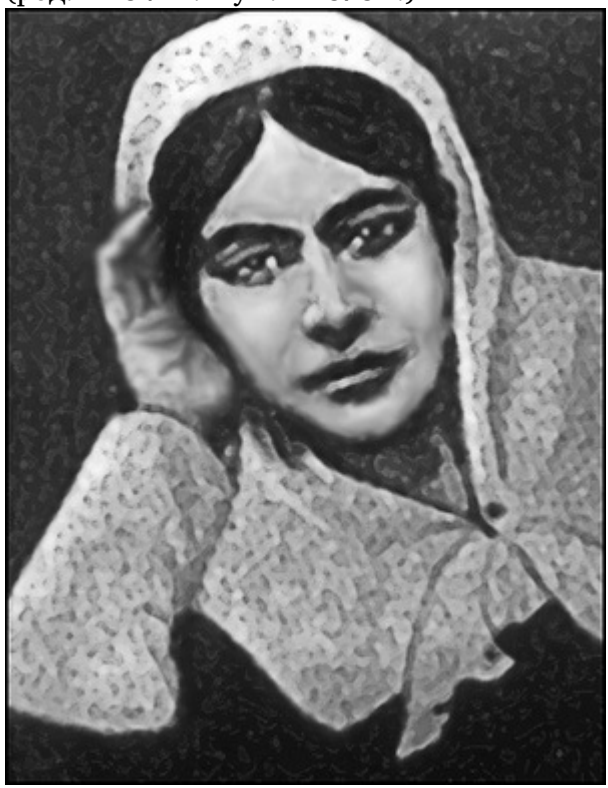
В 1873 г. в Нью-Йорке была открыта школа сестер «Дом Найтингейл». Так высоко оценили современный вклад Флоренс в развитие медицинской помощи. Сама же Найтингейл в 1883 г. была награждена Королевским красным крестом, а в 1907 г. – одним из высших британских орденов «За заслуги».

Последние годы жизни Найтингейл провела в одиночестве, развлекая себя чтением произведений Шекспира, а также древних философов. Она скончалась 13 августа 1910 г. в Лондоне, оставив после себя огромное количество медицинских школ, госпиталей и серию книг, посвященных медицине: «Заметки о госпиталях», «Заметки об уходе за больными», «Армейская санитарная администрация и ее реформа».

День рождения Флоренс – 12 мая – объявлен Всемирным днем медицинских сестер, а 50 самых выдающихся из них Международный комитет Красного креста раз в два года награждает учрежденной в 1912 г. медалью им. Ф. Найтингейл.

ВРЕВСКАЯ ЮЛИЯ ПЕТРОВНА

(род. в 1841 г. – ум. в 1878 г.)



Русская баронесса. Знаменитая сестра милосердия.

О подвиге «русской розы, погибшей на болгарской земле» (В. Гюго) написано множество статей, поэтических произведений и даже снят художественный фильм. Но ни в одном из литературных источников, ни в одном из писем ее современников нет ни слова о том, что же подвигло блистательную светскую даму Юлию Петровну Вревскую сменить бальное платье на скромный наряд медицинской сестры. Она никогда не распространялась на эту тему, и ее поступок окружила аура загадочности. Это о ней и ее многочисленных подругах (но не столь именитых) главноуполномоченный Общества попечения о раненых и больных П. А. Рихтер писал: «Русская женщина в

звании сестры милосердия приобрела… почетную славу в минувшую кампанию, стяжала… неотъемлемое, всенародно признанное право на всеобщую признательность и уважение как лучший друг солдата посреди страданий и болезни». Возможно, что окружавшая Вревскую «военная жизнь» наложила отпечаток на ее характер.

Сведений об этом периоде очень мало. Известно, что Юлия была дочерью прославленного генерал-майора Петра Евдокимовича Вариховского и до десяти лет жила с матерью, братьями и сестрой в Смоленской губернии. Затем вся семья переехала на Кавказ, к месту службы отца. Атмосфера героизма, рассказы о военных событиях и подвигах, страдания искалеченных и раненых – все это не могло не оставить следа в сердце доброй и отзывчивой девушки, взрастило в ней душевную теплоту, которую она стремилась отдать людям.

Несомненно, женское очарование и ум, самоотверженность и доброта, сочетающаяся с пламенным патриотизмом, привлекли внимание к юной Юлии Петровне «одного из образованнейших и умнейших людей своего времени» (по словам декабриста А. П. Беляева) 44-летнего боевого генерала, барона Ипполита Александровича Вревского. Человеком он был незаурядным: в Школе гвардейских прапорщиков и кавалеристских юнкеров учился и дружил с М. Ю. Лермонтовым, поддерживал товарищеские отношения с ним и Р. И. Дороховым (прототип Долохова в «Войне и мире» Л. Н. Толстого). Вревский окончил Академию Генерального штаба, был знаком со многими интересными людьми того времени: братом А. С. Пушкина – Львом Сергеевичем, декабристами М. А. Назимовым, Н. И. Лореном, братьями А. П. и П. П. Беляевыми. С этими людьми общалась и Юлия Петровна, когда в 16 лет стала хозяйкой дома барона. Наверное, она ценила и любила этого человека, если согласилась принять его предложение, зная, что Вревский «женат» на черкешенке (официально брак не был признан) и имеет от нее троих детей. Николай, Павел и Мария считались «воспитанниками» барона и носили фамилию Терских. Впрочем, брак оказался непродолжительным: через год генерал погиб под пулями горцев.

Юлия Петровна вместе с матерью и младшей сестрой переехала в Петербург и как вдова прославленного генерала была ласково встречена в обществе и стала фрейлиной двора императрицы Марии Александровны. «Баронесса… считалась почти в продолжение двадцати лет одной из первых петербургских красавиц. Я во всю свою жизнь не встречал такой пленительной женщины. Пленительной не только своей

наружностью, но своей женственностью, грацией, бесконечной приветливостью и бесконечной добротой. Никогда эта женщина не сказала ни о ком ничего дурного и у себя не позволяла злословить, а, напротив, всегда и в каждом старалась выдвинуть его хорошие стороны. Многие мужчины за ней ухаживали, много женщин ей завидовали, но молва никогда не дерзнула укорить ее в чем-нибудь. Всю жизнь свою она пожертвовала для родных, для чужих, для всех…» – так рассказывал о Вревской писатель В. А. Соллогуб, знавший ее еще по Кавказу.

Юлия Петровна спешила делать добро, была щедра и справедлива. Большой заботой и вниманием она окружила детей покойного супруга и приложила массу усилий, чтобы его сыновья и дочь получили имя и титул отца. Доставшееся от мужа имение и состояние Вревская отдала теперь уже законным наследникам Ипполита Александровича.

В течение многих лет баронесса слыла одним из самых блистательных умов Петербурга, и среди ее друзей были писатели Д. В. Григорович, В. А. Соллогуб, поэты Я. П. Полонский, П. В. Шумахер, художники В. В. Верещагин, И. К. Айвазовский. Была она знакома и с Виктором Гюго и Полиной Виардо. Часть времени Вревская посвятила путешествиям по Италии, Египту и Палестине, сопровождая в поездках за границу императрицу.

Но несмотря на постоянный успех, светская жизнь Юлию Петровну не прельщала. При дворе ей было более скучно и неуютно, чем у себя в имении в Мишково (Орловская губ.). В 1873 г. она познакомилась с И. С. Тургеневым и часто общалась с ним в Петербурге. Когда летом 1874 г. Иван Сергеевич заболел, баронесса, пренебрегая светскими условностями, пять дней ухаживала за писателем в его имении Спасском-Лутовинове. Тургенев был откровенно неравнодушен к Вревской и в письмах признавался, что не затруднился бы «отдать яблоко» Париса ей. Только вот Юлия Петровна не согласна была делить «яблоко» с Полиной Виардо, с которой Тургенев фактически состоял в гражданском браке.

Они стали хорошими друзьями и переписывались до последних дней ее жизни. (Сохранились только письма Тургенева.) Вревская оставила «глубокий след» в его душе: «Я чувствую, что в моей жизни с нынешнего дня одним существом больше, к которому я искренне привязался, дружбой которого я всегда буду дорожить, судьбами которого я всегда буду интересоваться».

Юлия Петровна и Тургенев продолжали встречаться в Петербурге, Париже, Карлсбаде. Он хорошо знал о ее увлечении

театром, понимал ее мечты о дальних поездках в Индию, Испанию, Америку; они обменивались впечатлениями о книгах и художественных выставках. «Сербская катастрофа» (1876 г.), которая так огорчила Тургенева, стала для Вревской испытанием духа и характера. После того как Россия 12 апреля 1877 г. объявила войну Турции, Юлия Петровна, неожиданно для всех, вступила в ряды добровольцев, неравнодушных к беде братьев-славян. Она добилась разрешения на свои средства организовать санитарный отряд из 22 врачей и сестер. Больше того, баронесса сама «училась ходить за больными и утешала себя мыслью, что делает дело». Она словно повторяла путь Елены Стаховой, описанный Тургеневым в романе «Накануне».

Незадолго до отъезда Юлии Петровны на Балканы писателю было суждено встретиться с ней на даче Я. П. Полонского. Присутствующий там К. П. Ободовский так описал это событие: «Тургенев прибыл не один. С ним вместе приехала дама в костюме сестры милосердия. Необыкновенно симпатичные, чисто русского типа черты лица ее как-то гармонировали с ее костюмом».

19 июня 1877 г. баронесса Ю. П. Вревская прибыла в румынский город Яссы для работы рядовой сестрой милосердия Свято-Троицкой общины в 45-м военно-временном эвакуационном госпитале. Медицинского персонала катастрофически не хватало: в день приходило от одного до пяти поездов с ранеными. Иногда число людей, нуждающихся во врачебной помощи, превышало 11 тысяч. Вревская писала сестре: «Мы сильно утомились, дела было гибель: до трех тысяч больных в день, и мы иные дни перевязывали до 5 часов утра не покладая рук». Кроме того, сестры по очереди раздавали лекарства, кормили тяжелораненых, заведовали кухней, следили за сменой белья. Баронесса, придворная дама, привыкшая к роскоши и уюту, в своих письмах никогда не жаловалась на военные тяготы.

Особенно трудно Юлии Петровне пришлось в декабре 1877 г. После четырехмесячной напряженной работы ей был назначен отпуск, и она собиралась провести его с сестрой на Кавказе. Но, узнав от уполномоченного Красного Креста князя А. Г. Щербатова, что многие госпитали закрываются из-за отсутствия средств и медсестер, изменила свое решение. Юлия Петровна отправилась в небольшое болгарское местечко Бяла. В посланиях к Тургеневу Вревская писала: «…мету я свою комнату сама, всякая роскошь тут далека, питаюсь консервами и чаем, сплю на носилках раненого и на сене. Всякое утро мне приходиться ходить за три версты в 48-й госпиталь, куда я временно прикомандирована, там лежат раненые в калмыцких кибитках и

мазанках. На 400 человек нас 5 сестер, раненые все очень тяжелые. Бывают частые операции, на которых я тоже присутствую…» Скупо рассказывала она о своих лишениях и с болью и гордостью – о русских героях: «Это жалости подобно видеть этих несчастных поистине героев, которые терпят такие страшные лишения без ропота; все это живет в землянках, на морозе, с мышами, на одних сухарях, да, велик Русский солдат!»

Юлию Петровну, великолепно справляющуюся с перевязками, назначили ассистентом при ампутациях. Оказавшись в Бяле, фактически на линии фронта, она приняла участие в сражении у Мечки, вынося под градом пуль из боя раненых и оказывая им первую помощь. А ведь императрица передавала баронессе просьбу вернуться ко двору. Вревская была возмущена до предела словами, переданными ей князем Черкасским: «“Не хватает мне Юлии Петровны. Пора уже ей вернуться в столицу. Подвиг свершен. Она представлена к ордену…”. Как меня злят эти слова. Они думают, что я приехала сюда совершать подвиги. Мы здесь чтобы помогать, а не получать ордена». В высшем обществе поступок Вревской продолжали считать экстравагантной выходкой, а она просто делала «дело», не считая это героизмом.

Условия в Бяле были ужасными. Раненые и персонал размещались в кибитках и сырых мазанках. Силы Вревской были не беспредельны. Когда раненых начал валить сыпной тиф, слабый организм Юлии Петровны не выдержал. «Четыре дня ей было нехорошо, не хотела лечиться… вскоре болезнь сделалась сильна, она впала в беспамятство и была все время без памяти до кончины… очень страдала, умерла от сердца, потому что у нее была болезнь сердца», – писала сестра Вревской со слов очевидцев. Юлия Петровна умерла 5 февраля 1878 г. Раненые сами ухаживали за такой отзывчивой и нежной «сестренкой», сами выкопали могилу в промерзшей земле. Они же несли ее гроб.

Юлия Петровна хотела быть похоронена в Сергиевой пустыне под Петербургом, где покоились ее мать и брат, но судьба распорядилась иначе. Вревскую опустили в землю около православного храма в Бяле. На ней было платье сестры милосердия. М. Павлов писал: «Не принадлежа, в сущности, к Общине сестер, она тем не менее безукоризненно носила красный крест, со всеми безразлично была ласкова и обходительна, никогда не заявляла никаких личных претензий и своим ровным и милым обращением снискала себе общее расположение. Смерть Юлии Петровны произвела на всех нас, оторванных, подобно ей, от всего нам близкого, тяжелое впечатление, и не одна слеза скатилась при погребении тела покойной».

Огорчила эта смерть и Тургенева, откликнувшегося стихотворением в прозе: «Она была молода, красива; высший свет ее знал; об ней осведомлялись даже сановники. Дамы ей завидовали, мужчины за ней волочились…. два-три человека тайно и глубоко любили ее. Жизнь ей улыбалась; но бывают улыбки хуже слез.

Нежное кроткое сердце… и такая сила, жажда жертвы! Помогать нуждающимся в помощи… она не ведала другого счастья… не ведала – и не изведала. Всякое другое счастье прошло мимо. Но она с этим давно помирилась, – и вся, пылая огнем неугасимой веры, отдалась на служение ближним.

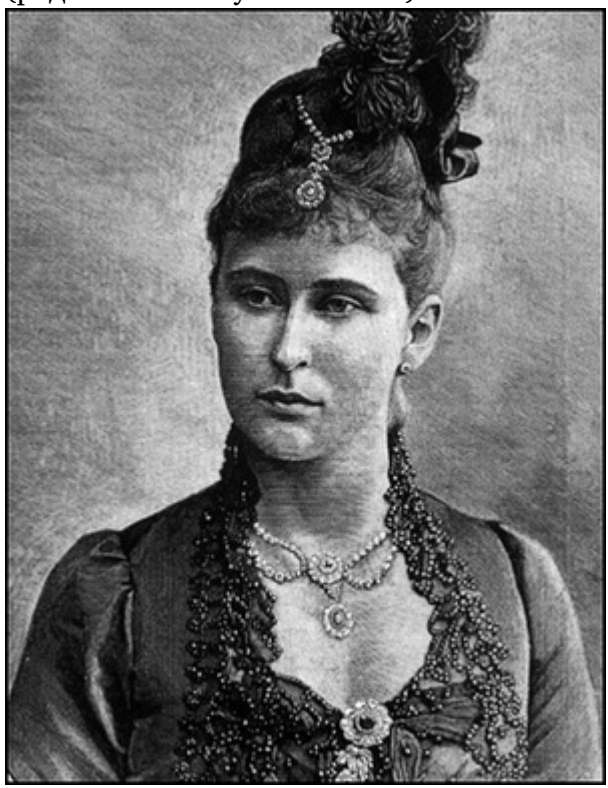
Какие заветные клады схоронила она там, в глубине души, в самом ее тайнике, никто не знал никогда – а теперь, конечно, не узнает.

Да и к чему? Жертва принесена… дело сделано».

Так имя баронессы Ю. П. Вревской вошло в историю как символ морального облика медицинской сестры и человеколюбия.

РОМАНОВА ЕЛИЗАВЕТА ФЕОДОРОВНА

(род. в 1864 г. – ум. в 1918 г.)



Старшая сестра жены императора Николая II. Основательница Марфо-Маршинской обители сестер милосердия. Канонизирована Русской православной церковью.

В ее духовном подвиге мы видим соединение путей святости. Она и благоверная княгиня, и праведница, и преподобная, и мученица. Она следовала словам пророка Исайи, который на вопрос Бога: «Кого мне послать, и кто пойдет для Нас?» – ответил: «Вот я, пошли меня». Ее жизнь – дивное соединение путей святых праведных Марфы и Марии в новое время. Первая из святых жен

Руси – святая равноапостольная великая княгиня Ольга до обращения своего к вере Христовой не прощала врагов своих и жестоко отомстила за смерть своего мужа. Почти через 1000 лет святая великая княгиня Елизавета не только простит убийцу мужа, но перед своей мученической кончиной будет молиться о прощении своих палачей.

Святая преподобномученица Елизавета Феодоровна родилась 1 ноября 1864 г. в большой семье великого герцога Гессен-Дармштадтского Людвига IV и принцессы Алисы Английской, дочери королевы Виктории, и до принятия православия носила имя Елизавета-Александра-Луиза-Алиса, а близкие называли ее Эллой.

Дети воспитывались в традициях старой Англии, их жизнь проходила по строгому распорядку, установленному матерью. Одежда и еда были самыми простыми. Старшие дочери сами выполняли домашнюю работу: убирали комнаты, постели, топили камин. Впоследствии Елизавета Феодоровна говорила: «В доме меня научили всему». Мать внимательно следила за развитием талантов и наклонностей каждого из семерых детей и старалась воспитать их на твердой основе христианских заповедей.

В 1876 г. в Дармштадте началась эпидемия дифтерита, заболели все дети, кроме Елизаветы. Вскоре умерла маленькая Мария, а вслед за ней заболела и скончалась сама 35-летняя великая герцогиня Алиса. В тот год закончилась для Эллы пора детства. В горе она стала еще чаще и усерднее молиться. Придя к выводу, что жизнь на земле – это крестный путь, она всеми силами старалась облегчить горе отца, поддержать его, утешить, а младшим своим сестрам и брату в какой-то мере заменить мать.

На двадцатом году жизни она вышла замуж за великого князя Сергея Александровича, родного брата российского императора Александра III. По мнению многих современников, это был человек жестокий, деспотичный и консервативный. Не только в аристократических кругах, но и в самых разных слоях русского общества ходили слухи о противоестественном увлечении великого князя Сергея молодыми людьми. Его племянник, великий князь Александр Михайлович, вспоминал: «При всем желании отыскать хотя бы одну положительную черту в его характере я не смогу ее найти… Упрямый, дерзкий, неприятный, он бравировал своими недостатками, точно бросал в лицо всем вызов и давал, таким образом, врагам богатую пищу для клеветы и злословия».

В последнем недостатка не было. Великий князь Сергей вызывал критику даже у консерваторов, которые упрекали его, ярого монархиста, в излишнем либерализме. Что же касается

левых – для них он был настоящим символом политического врага. «Трудно было придумать больший контраст, чем между этими двумя супругами! – говорил племянник. – Редкая красота, замечательный ум, тонкий юмор, ангельское терпение, благородное сердце – таковы были благодетели этой удивительной женщины. Было больно, что женщина ее качеств связала свою судьбу с таким человеком, как дядя Сергей».

Элла же считала, что за отталкивающим поведением, снобизмом и буквально написанными на лице великого князя скукой и презрением скрываются гордость и застенчивость. Когда кто-то из близких выразил ей сочувствие по поводу не сложившейся семейной жизни, она была искренне удивлена: «Но меня нечего жалеть. Несмотря на все, что можно обо мне говорить, я счастлива, потому что любима».

Великая княгиня Елизавета была очень молода, когда приехала в Россию, и так красива, что считалась самой ослепительной невестой Европы 80-х гг. XIX века. Однако в свете она появлялась редко, вела жизнь простую и спокойную. Элла много читала, занималась изучением русского языка, музыкой и живописью. С первых дней своего замужества молодая великая княгиня уделяла много времени милосердию и благотворительности. Она посещала детские приюты, дома престарелых, госпитали и тюрьмы. Много позже, во время русско-японской войны, Елизавета организовала несколько санитарных поездов, устроила в Москве госпиталь для приема раненых, а в Кремлевском дворце – швейную мастерскую для нужд фронта.

Большую часть года великая княгиня жила с мужем за городом, в имении Ильинское, на берегу реки. Она любила Москву с ее старинными храмами, монастырями и патриархальным бытом. Православный уклад жизни стал созвучен душевному настрою Елизаветы, и она все чаще задумывалась о переходе в веру своей новой семьи. В 1884 г. вместе с супругом она совершила паломничество в Палестину к святым местам, а спустя семь лет, несмотря на протесты родственников, приняла православие с именем Елизавета Феодоровна.

1905 г. стал переломным в жизни великой княгини. На ее мужа, бывшего в течение долгого времени московским генерал-губернатором, готовилась серия покушений. По просьбе жены он подал в отставку и получил ее, но изменить ход событий было уже невозможно. 4 февраля брошенная Иваном Каляевым бомба разнесла вдребезги карету великого князя. Как отметил находившийся неподалеку агент охранки, «в толпе, сбежавшейся к месту взрыва, не нашлось ни одного человека, который бы снял

шапку». Это заметила и сама великая княгиня, которая собирала останки мужа, стремясь укрыть их от глаз любопытной толпы. Еще несколько лет назад такое отношение народа к гибели одного из членов царской семьи было бы немыслимым. Но зимой 1905 г. никто уже не плакал. Больше того, в бесстрастном документе полиции написано черным по белому: «Все ликуют».

В продолжение пяти дней Елизавета не выходила из церкви, пытаясь в молитве найти утешение. Истинное милосердие побудило ее накануне похорон мужа навестить его убийцу в московской тюрьме, простить его, призвать осознать свой грех и раскаяться, а затем подать прошение Николаю II о помиловании Каляева. Впрочем, сам осужденный не желал изменения приговора, считая, что его смерть принесет революционному делу больше пользы, чем факт убийства великого князя.

После долгого траура Елизавета Феодоровна приняла решение посвятить себя страдающим и обездоленным. В знак осуждения насилия великая княгиня отказалась от шефства над полком, расстрелявшим демонстрацию рабочих 9 января 1905 г. на Дворцовой площади. Затем она разделила свое имущество на три части: одну – в казну, вторую – родственникам мужа. На средства, полученные от распродажи третьей, самой значительной части, она приобрела усадьбу с четырьмя домами и садом на Большой Ордынке в Москве. Здесь она основала и возглавила обитель милосердия, назвав ее Марфо-Мариинской в память о сестрах Лазаря, предложивших Христу два вида служения, два рода любви и дружбы – деятельную и созерцательную. Этот принцип материальной помощи и труда духовного удивительным образом сочетался в обители, прославившейся на всю Россию. Это не был монастырь в полном и строгом смысле слова. Полумонахини-полупослушницы вольны были уйти в мир в любое время, хотя сама настоятельница жила по уставу, удивлявшему всех строгостью и мало кому доступным аскетизмом…

Работать и консультировать в обительской больнице почитали за честь лучшие московские врачи. Здесь обеспечивали бесплатным лечением, лекарствами, призрением самых обездоленных. За один только 1913 г. ее амбулаторию посетили около 11 тыс. больных, а в столовой ежедневно питались более 200 стариков и детей.

С началом Первой мировой войны часть сестер отправилась в полевые госпитали, а великая княгиня организовала комитет по оказанию помощи семьям лиц, призванных на войну, который координировал деятельность свыше 4 тыс. мелких благотворительных учреждений и местных отделений. Комитет

осуществлял снабжение солдатских семей семенами, продовольствием по заготовительной цене или бесплатно, устраивал дешевые столовые, приюты для детей, ясли.

Русской не по крови, но по духу, любви к народу, состраданию к его бедам стала за годы жизни в России скромная принцесса из маленького немецкого герцогства. За эту любовь она заплатила жизнью. После заключения Брестского мира правительство кайзера добилось согласия советской власти на выезд великой княгини Елизаветы за границу. Когда германский посол Мирбах дважды пытался увидеться с настоятельницей Марфо-Мариинской обители, она не приняла его и категорически отказалась покинуть Москву, охваченную пламенем революции: «Я никому ничего дурного не сделала. Буде воля Господня».

Весной 1918 г. Елизавета Феодоровна и одна из сестер обители, не пожелавшая оставить свою настоятельницу, 35-летняя монахиня Варвара Яковлева были арестованы. Вместе с членами императорской фамилии – великим князем Сергеем Михайловичем, тремя сыновьями великого князя Константина Константиновича (поэта, писавшего под псевдонимом К.Р.) и 17-летним князем Палеем – они были отправлены в уральский городок Алапаевск.

В ночь на 18 июля 1918 г. алапаевских узников вывезли за город к заброшенным рудникам. Оказавший сопротивление чекистам великий князь Сергей Михайлович был убит выстрелом в голову, а остальные – живыми сброшены в одну из шахт, где приняли мучительную смерть от ран и жажды. Когда спустя три месяца следственная комиссия колчаковской армии подняла тела погибших наверх, то оказалось, что голова одного из юношей была тщательно перевязана косынкой великой княгини. Израненная, умирающая, она нашла в себе силы облегчить страдания ближнего.

Останки настоятельницы Марфо-Мариинской обители и добровольно пошедшей за нею инокини Варвары в 1921 г. были перевезены сначала в Китай, а затем в Иерусалим и установлены под сводами храма святой равноапостольной Марии Магдалины на Елеонской горе в Гефсимании.

Спустя 60 лет Русская зарубежная православная церковь причислила великую княгиню Елизавету к лику святых. Проходивший в апреле 1992 г. в Свято-Даниловом монастыре архиерейский собор Русской православной церкви канонизировал великую княгиню Елизавету Феодоровну и инокиню Варвару, причислив их к новомученикам российским, и установил днем празднования их церковной памяти 5(18) июля.

РЕРИХ ЕЛЕНА ИВАНОВНА

(род. в 1879 г. – ум. в 1955 г.)

Литератор, философ, мистик, путешественница. Автор книг «Основы буддизма», «Криптограммы Востока», «Знамя Преподобного Сергия Радонежского», перевода «Тайной Доктрины» Е. Блаватской, а также избранных писем махатм к Синету («Чаша Востока»).

Выдающийся русский художник и писатель, историк и путешественник Николай Константинович Рерих – явление в истории русской культуры столь исключительное, что его имя давно стало символом, легендой. Но справедливости ради стоит заметить, что символ этот должен звучать во множественном числе – «Рерихи», поскольку великий живописец и его жена Елена Ивановна Рерих (Шапошникова) составляли единое целое и

неразделимы в нашем сознании. Сердечный и творческий союз этих двух людей – высокий образец человеческой гармонии. На склоне лет Николай Рерих напишет в своем дневнике о совместно прожитых с Еленой Ивановной годах: «Сорок лет – немалый срок. В таком дальнем плавании могут быть извне встречены многие бури и грозы. Дружно проходили мы все препоны. И препятствия обращались в возможности. Посвящал я книги мои «Елене, жене моей, другине, спутнице, вдохновительнице». Каждое из этих понятий было испытано в огне жизни. И в Питере, и в Скандинавии, и в Англии, и в Америке, и во всей Азии мы трудились, учились, расширяли сознание. Творили вместе, и недаром сказано, что произведения должны бы носить два имени – женское и мужское».

Елену и Николая Рерихов объединили не только любовь и дружба, но и общее стремление к Высокому, желание служить общему благу. Их жизненный путь, начавшись в России, в Санкт-Петербурге, пролег по странам Европы, Америки, Азии. По существу, Елена Ивановна и Николай Константинович были путниками, странниками, которые в любой стране мира находили общий язык с людьми, оставляя по всему свету «свои магниты» – многочисленные полотна, книги, созданные ими музеи и общества. В полной мере заслужили они свою фамилию «Рерих», которая в переводе на русский язык означает «богатый славой».

Елена Ивановна Шапошникова – правнучка великого полководца М. И. Кутузова и двоюродная племянница композитора М. П. Мусоргского, принадлежала к знатному роду. По последней линии род Шапошниковых, к слову, как и род Рерихов, восходил к Рюрикам. Отец Елены Ивановны, архитектор, умер рано, и девочка жила вдвоем с матерью, Екатериной Васильевной (урожденной Голенищевой-Кутузовой). С юных лет Елену привлекало все прекрасное: она великолепно рисовала, имела музыкальные способности. Почти каждое лето девушка вместе с матерью проводила в имении князя Путятина, в семье которого интересовались искусством. Старый князь, принадлежащий к богатой петербургской знати, был мужем тетки Елены. Именно там, в Бологом, в княжеском имении Елена Шапошникова познакомилась с молодым Николаем Рерихом. Эта судьбоносная для них обоих встреча произошла летом 1899 г. Юная девушка, отличавшаяся необыкновенной красотой, обаянием и тонким душевным складом, произвела на Николая Рериха чрезвычайно сильное впечатление. Елена, для которой мир искусства всегда был желанным, с не меньшим интересом отнеслась к живописцу и его занятиям. Ее чистая, жаждущая красоты и знаний молодая душа раскрылась перед человеком,

который принадлежал к этому заветному миру. Еще совсем юной девочкой Елена мечтала о том, что выйдет замуж за человека искусства и будет его источником вдохновения, его Музой. Ее свидания с Николаем Рерихом продолжились в Петербурге, куда влюбленные вернулись осенью. «Сегодня была Е. И. в мастерской. Боюсь за себя – в ней очень много хорошего. Опять мне начинает хотеться видеть ее как можно чаще, бывать там, где она бывает», – писал в те дни Рерих.

В 1900 г. Николай сделал Елене предложение, и она приняла его. Родственники девушки отнеслись к ее помолвке с молодым живописцем без особого энтузиазма, поскольку хотели, чтобы она вышла замуж за единственного наследника волжского пароходовладельца. Но Елена не поддавалась ни на какие уговоры, она верила, что не ошиблась в выборе спутника. Молодые люди решили пожениться, как только завершится зарубежная творческая поездка Рериха. Из взволнованных строчек рериховских писем, которые писал он своей Елене из Парижа, зримо проступает ее образ: «Милая, как приятно сознавать, что есть человек, который несет мне свою душу (очень чистую), и как приятно и себя нести ей всего. Голубушка, как же люблю я Тебя. От нас зависит, сорвем ли туман с далекой зари, и неужели наша любовь так несовершенна, что не даст нам для этого могучей силы? Вихрь труда, скачка без оглядки, широкая жизнь в наилучших ее проявлениях – все это обещает нам дружное, общее наше существование. Я верю, что Ты появилась, чтобы дать мне новые силы… и помочь в жизненной битве… Знаю, что Ты для меня будешь родной в наилучшем значении этого слова, милая, хорошая моя Лада». Долгожданный день бракосочетания наступил осенью 1901 г. Лада, как называл Николай Рерих свою любимую, стала женой, матерью двух талантливых сыновей, другом и соратницей на всю жизнь. В 1902 г. в семье Рерихов родился сын Юрий, а еще через два года – второй сын, Святослав. Воспитанию детей родители уделяли много времени и внимания. В дружной, трудолюбивой семье к мальчикам относились как к равноправным ее членам. Рерихи неустанно стремились к тому, чтобы ни в их собственных душах, ни в душах их детей не было места раздражению и злости, нетерпимости и лжи. «Раздражение порождает в организме особый яд… поэтому понятно, что все эти мелочи не имеют такой дорогой цены, как наш дух и здоровье нашего тела. Хватит небольшого усилия воли, незначительного напряжения, одной мысли, что мы должны быть выше и сильнее мелких обстоятельств…» – говорила Е. Рерих.

«На путях житейских и духовно-творческих» супруги Рерихи никогда не разлучались. Своей Ведущей называл Рерих жену.

Никто бы не мог сказать о Елене Ивановне лучше, чем это сделал он: «Правда, справедливость, постоянный поиск Истины и любовь к творческому труду преображают всю жизнь вокруг молодого, сильного духа. И весь дом, и вся семья – все строится на тех же благодатных началах. Все трудности и препятствия переносятся с тем же стойким упорством. Приобретенные знания и стремление к совершенству дают непобедимое решение задач, что ведет всех окружающих единым светлым путем. Мучительно переживается любое невежество, происходят исцеления, и духовные, и физические. Жизнь ее с раннего утра и до вечера истинно трудовая – все на пользу обществу. Ведется обширная корреспонденция, пишутся книги, переводятся многотомные труды – и все это при удивительной неутомимости духа».

В 1903–1904 гг. супруги Рерихи совершили несколько длительных поездок, посетив более сорока российских городов. Они изучали архитектуру, старинные обычаи, ремесла России, принимали плодотворное участие в археологических раскопках. В эти же годы мысли ученых все больше занимают философские учения Востока. Увлечение восточной культурой, в особенности индийской, издавна было свойственно русской интеллигенции, и потому не являлось исключительным для Рерихов. К тому же на начало XX века пришелся наивысший расцвет русской индологии. Елена Ивановна и Николай Константинович, как и многие их современники, с интересом изучали труды выдающихся индийских мыслителей Вивекананды и Рамакришны, читали «Бхагавадгиту», «Махабхарату» и «Рамаяну», произведения Р. Тагора. Неудивительно, что интерес Рерихов к Индии и Тибету во многом определил их дальнейшие научные поиски и оказал решающее влияние на пройденный ими жизненный путь.

В 1916–1918 гг. Рерихи жили в Карелии, где заболевший тяжелым воспалением легких Николай Рерих проходил лечение. После Октябрьского переворота территория Карелии перешла к Финляндии, и родина стала для них недосягаемой. Но, сохраняя надежду на возвращение, Елена Ивановна и Николай Константинович и на чужбине продолжали упорно и много работать. В это время семья Рерихов начала готовиться к длительной экспедиции на Восток. Там, в средоточии древнейших духовных традиций, они хотели найти подтверждение своим убеждениям о глубинном родстве, преемственности и взаимопроникновении двух культур – западной и восточной. 24 марта 1920 г. в Лондоне состоялось знаменательнейшее для Рерихов событие – встреча с тем, кто навсегда стал для них духовным Учителем, Махатмой, как на восточный лад именовали они великого гималайского мудреца. Именно с этого дня Елена

Рерих начала работу над текстами Учения Агни Йоги, или Живой Этики. По утверждению самих Рерихов, это Учение, представляющее собой слияние всех древних и современных философских, религиозных и этических принципов жизни, является «Учением, даруемым Махатмами современному человечеству». Самой большой силой в мире назовет впоследствии Елена Рерих Учение Живой Этики. «Ведь это синтез всех учений, – напишет она, – но в новом осознании всех Основ Бытия и на новом понимании космического значения человека и его страстной ответственности в поддержании равновесия в мире. Как прекрасно осознание Полноты Бытия! Эта мысль красной нитью проходит в Учении, столь щедро проливаемом сейчас на помощь страждущему и смятенному человечеству. Истинно, Новое Откровение, явленное светом учения, станет Учением Ведущим, и книги станут книгами любимыми, настольными».

Рерихи были убеждены, что приобщение к основам Живой Этики способствует духовно-нравственному очищению и внутреннему преображению людей. Нужно отметить, что ни Елена Ивановна, ни Николай Константинович никогда не считали себя авторами книг Живой Этики, о чем неоднократно заявляли. Они утверждали, что выступают в роли «связующего звена между Махатмами и человечеством», являются проводниками и передатчиками их Учения.

Работа над формированием Живой Этики продолжалась и во время знаменитого трансгималайского путешествия Рерихов. Экспедиция, за время которой супруги побывали в Индии, Монголии и на Тибете, продолжалась пять лет – с 1923 по 1928 гг. Вместе с мужем и старшим сыном Елена Ивановна преодолела 25 тыс. км нелегкого пути. Отважным ученым не могли помешать ни суровые морозы, ни снежные бури, ни нападения кочевников. Их не испугали, казалось бы, непреодолимые водные и горные преграды. Почти шесть месяцев провела экспедиция на высокогорном плато в Тибете, оказавшись в его ледяном плену. Британская разведка, которая считала Рерихов большевистскими агентами, не желала выпускать их оттуда. И все же именно во время экспедиции Елене Ивановне и ее мужу удалось побывать на родине. В 1926 г. вместе со своим старшим сыном они в качестве «специальных представителей Махатм, выполняющих их поручение» приехали в Москву. Встретившись с Крупской, Чичериным, Луначарским, Рерихи передали им послание гималайских Учителей с предложением о политическом и культурном сближении Советского Союза и Востока. Но со стороны руководителей культуры советского государства эта инициатива поддержки не получила.

Завершив свое большое путешествие в 1928 г., семья Рерихов обосновалась в Западных Гималаях, в долине Кулу. Там ученые основали Гималайский институт научных исследований, названный «Урусвати» в честь его почетного президента – Елены Ивановны Рерих. Таким поэтичным именем, означающим «Свет Утренней Зари», Елену Ивановну нарекли на Востоке. Для многих людей эта женщина стала духовным наставником, раскрывая перед ними основные положения Живой Этики. Под руководством своего духовного Учителя Елена Рерих самоотверженно изучала и исследовала неизвестные виды энергии, щедро делясь полученными результатами. Она переписывалась с огромным количеством людей, рассуждая в письмах о психической и духовной энергии, о Космических Законах, о великой роли женщины в обществе и о многом другом. Сравнительно недавно «Письма Елены Рерих» были опубликованы в трех томах.

Долгие годы Елена и Николай Рерихи стремились вернуться на родину, но их мечтам так и не суждено было осуществиться. В самый разгар хлопот о возвращении в Советский Союз, 13 декабря 1947 г. не стало Николая Константиновича. В этот тяжелейший период жизни духовной поддержкой для Елены Ивановны стало письмо Учителя, по ее утверждению, полученное «по беспроволочному (телепатическому) телеграфу»: «Осиротевшая Моя, нужно принять новую ношу. Храните силы. Надо до Родины донести “Чашу”…»

Оставшиеся годы жизни Елена Рерих полностью подчинила этому стремлению: «Донести до Родины “Чашу” – “Чашу огненного синтеза духовных культур Запада и Востока”». Как и ее муж, Елена Ивановна была убеждена, что именно Россия должна стать «оплотом новой цивилизации, идущей на смену прежней». Не случайно первую книгу Живой Этики Елена Ивановна начинает со слова «Россия»: «В Новую Россию Моя первая весть». После смерти мужа, теперь уже вместе со старшим сыном Юрием Николаевичем, ставшим выдающимся востоковедом, а также двумя названными дочками Ираидой и Людмилой, которым Рерихи заменили родителей, она неустанно продолжала хлопотать о возвращении на родину. Но только в 1957 г. Юрий Николаевич и его названные сестры смогли вернуться в СССР (младший сын, известный художник Святослав Николаевич, женатый на индийской актрисе Д. Рани, остался в Индии).

К тому моменту, как детям Елены Ивановны Рерих удалось вернуться на родину, ее самой уже не было в живых. Земной путь этой замечательной женщины завершился 5 октября 1955 г. в Калимпонге. Но, как говорил Джавахарлал Неру, творчество и труды таких людей, как Елена Ивановна Рерих, «имеют мало

общего с жизнью и смертью личности. Они выше этого, они продолжают жить и в действительности являются более долговечными, нежели человеческая жизнь».

КУЗЬМИНА-КАРАВАЕВА (СКОБЦОВА) ЕЛИЗАВЕТА ЮРЬЕВНА

(МАТЬ МАРИЯ)

(род. в 1891 г. – ум. в 1945 г.)

Поэт, прозаик, публицист, художник, философ, общественный и религиозный деятель.

В человеческой памяти эта необыкновенная женщина осталась под именем, принятым в монашестве, – мать Мария. Последнее и окончательное имя, перекрывшее те, которыми она звалась прежде. В девичестве – Лиза Пиленко, в замужестве – Елизавета Юрьевна Кузьмина-Караваева, во втором браке – Скобцова. За каждым именем – новый жизненный этап, множество ярких, прекрасных событий и столько же трагических! «В личности матери Марии были черты, которые так пленяют в русских святых женщинах – обращенность к миру, жажда облегчать страдания, жертвенность, бесстрашие», – говорил о ней

философ Николай Бердяев.

Лиза впервые увидела свет 20 декабря 1891 г. в Риге, где отец ее – Юрий Дмитриевич Пиленко – служил в должности товарища прокурора окружного суда. Потомственный дворянин, он был юристом по образованию, а по призванию – увлеченным агрономом-виноградарем. И когда в 1895 г. два печальных события, последовавших одно за другим (кончина родителей), потребовали его присутствия в анапских поместьях – Хан Чокрак и Джемете, он решил оставить службу и перевез семейство от холодного Балтийского к теплому Черному морю. Юрий Дмитриевич и три его сестры были хорошими виноделами. Став взрослой, этим будет увлекаться и Елизавета Юрьевна, продолжая семейную традицию. После Февральской революции она подарит местным крестьянам усадьбу Хан Чокрак с просьбой устроить там школу для детей; школа была создана и существовала до конца 40-х гг.

В Петербург Лиза впервые попала весной 1894 г. Мать, Софья Борисовна (урожденная Делоне), привезла девочку на дачу к своей тетке Е. А. Яфимович, в прошлом фрейлине при дворе великой княгини Елены Павловны. С той поры и вплоть до 1906 г. Софья Борисовна с Лизой и младшим сыном Дмитрием приезжали к ней почти ежегодно. Весной 1905 г. Ю. Д. Пиленко был назначен директором Императорского Никитского ботанического сада и Никитского училища садоводства и виноделия. Семья переехала в Ялту. Год спустя неожиданно и скоропостижно Юрий Дмитриевич скончался, а вслед за ним в Петербурге умерла крестная мать Елизаветы Е. А. Яфимович. Вдова с детьми наскоро продала часть земель и засобиралась в столицу, поближе к родственникам. Несмотря на более чем скромные средства, Лиза училась в дорогих частных гимназиях, а в 1909 г. поступила на философское отделение историко-филологического факультета Высших женских (Бестужевских) курсов. Здесь она слушала лекции философов С. Л. Франка, Н. О. Лосского, юриста Л. И. Петражицкого. Впрочем, проучилась Елизавета Пиленко на курсах не более полутора лет.

Зимой 1908 г. на одном из вечеров современной поэзии гимназистка Лиза впервые увидела выступающего с эстрады Александра Блока. Можно сказать, что встреча эта определила всю дальнейшую жизнь Елизаветы Юрьевны. Любовь поселилась в сердце девушки и красной нитью прошла по ее судьбе – любовь, которую поэт не счел для себя возможным разделить. В один из февральских дней Елизавета пришла на квартиру Блока, чтобы получить, как писала уже будучи монахиней, ответы на вопросы о смысле жизни, поделиться своими исканиями и сомнениями,

показать свои стихи. Позже она вспоминала: «Странное чувство… я оставила часть души там. Это не полудетская влюбленность. На сердце скорее материнская встревоженность и забота. А наряду с этим сердцу легко и радостно…» Вскоре Лиза получила письмо от поэта, в которое было вложено стихотворение «Когда вы стоите на моем пути…»

В конце февраля 1910 г. неожиданно для родных, подруг и для себя она выходит замуж. Супруг – Дмитрий Владимирович Кузьмин-Караваев – юрист и историк, был близок к эстетствующим модернистским литературным кругам, куда ввел и молодую жену. Увлеченная поэзией, она подружилась с Анной Ахматовой, Николаем Гумилевым, другими поэтами «Серебряного века», была участницей «сред» в знаменитой «Башне» Вячеслава Иванова, активным членом «Цеха поэтов», гостила в Коктебеле у М. А. Волошина, посещала собрания Религиозно-философского общества. Скоро Елизавета Юрьевна сама начала печататься: в 1912 г. вышла первая книга стихов «Скифские черепки», а в 1916 г. – поэтический сборник «Руфь», где все больше стали сказываться ее религиозные искания и утверждающееся в душе христианство. К слову сказать, она стала первой женщиной, заочно изучавшей богословие в Петербургской духовной академии и закончившей ее. Отношения с мужем откровенно не ладились: то, что их объединило – увлечение модными поэтическими и философскими течениями, а главным образом стремление к богемному образу жизни, – потеряло для Лизы былую привлекательность. Она явственно начала осознавать, что душа ее попала в капкан «безответственных слов». Ей, как человеку необычайной активности и действия, мир неспешных интеллектуальных бесед и философствований на отвлеченные темы, уводящих от конкретных нужд народа, казался ненужным. К тому же в гимназические годы у Елизаветы перед глазами был яркий пример бескорыстного служения, основанного на христианской вере и любви к ближнему, – речь идет о ее петербуржских тетушках по отцовской линии, профессионально занимавшихся благотворительной деятельностью, – куда более близкий ее характеру.

Ранней весной 1913 г. Елизавета Юрьевна уехала из Петербурга в Анапу. Пришло время осмысления пережитого в столице. Поселившись в имении Джемете, она продолжала писать стихи, занялась виноделием. Окончательный разрыв с мужем произошел осенью (вскоре после развода он принял католичество, а в 1920 г. эмигрировал, вступил в орден иезуитов и принял священство). А на исходе октября родилась внебрачная дочь Лизы. И было дано ей имя Гайана, что на греческом языке

означает «земная», ибо рождена была от земной любви, которой Лиза пыталась заглушить бездонную страсть к Блоку.

Первая мировая война положила конец тихой провинциальной жизни. Ушел на фронт и пропал без вести отец Гайаны. Елизавета Юрьевна, не привыкшая быть в стороне от общественной жизни, осенью 1917 г. вступила в партию эсеров, какое-то время возглавляла городскую мэрию Анапы. С приходом большевиков, не разделяя их мировоззрения, все же согласилась стать комиссаром по здравоохранению и образованию. Позже она оказалась вовлеченной в борьбу эсеров против большевистской власти. Затем была арестована представителями Добровольческой армии, которым ее взгляды показались слишком «левыми», приговорена к расстрелу. Но на защиту поэтессы встали М. Волошин, А. Толстой, Н. Тэффи, Н. Крандиевская, В. Инбер и другие. Елизавету Юрьевну освободили. В следствии по ее делу принимал участие бывший учитель, а в то время член правительства Кубанского края Даниил Ермолаевич Скобцов. Позже они обвенчались. В 1920 г. Лиза с матерью и дочерью эмигрировала из России. С потоком беженцев из Новороссийска она отправилась в Грузию, где в Тифлисе у нее родился сын Юрий, затем на запад – в Константинополь, ставший лишь временным пристанищем. Здесь семья Скобцовых воссоединилась (Даниил Ермолаевич эвакуировался отдельно с кубанским казачьим правительством). Потом – в Белград. В Югославии, накануне переезда в Париж, на свет появилась дочь Анастасия (1922 г.).

Франция встретила беженцев несколько приветливее, чем предыдущие страны, хотя это никак не означало ни конца бедственного положения семьи, ни избавления от изнурительной работы. Елизавета Юрьевна окончательно испортила свои и без того близорукие глаза, выполняя швейные заказы. Когда Даниил Ермолаевич, выдержав экзамен, начал работать шофером такси, казалось, что станет легче… Говорят, Господь особо испытывает тех, кого хочет отметить своей любовью. Да, испытаний Лизе было отмерено сполна. Зимой 1926 г. тяжело заболела Настя. Доктора проглядели менингит в той стадии, когда можно было чем-то помочь. Девочку поместили в знаменитый Пастеровский институт; мать получила особое разрешение находиться при больной, ухаживать за ней, и в течение почти двух месяцев она присутствовала при медленном умирании своей дочери.

16 марта 1932 г. в храме Сергиевского подворья при парижском Православном Богословском институте Елизавета Скобцова приняла монашеский постриг, получив имя Мария в честь святой Марии Египетской. Но она не ушла в монастырь, а

осталась работать в миру, поддерживая тех, кто оказался на дне эмигрантской жизни. «…Я знаю, что нет ничего лицемернее, чем отказ от борьбы за сносное матерьяльное существование обездоленных под предлогом, что перед вечностью их матерьяльные беды ничего не значат», – писала она. Для матери Марии любовь к Богу и любовь к людям были неотделимы. Не признавая голого аскетизма, она отстаивала право принявшего постриг быть в гуще жизни: «Сейчас для монаха один монастырь – мир весь». Еще с 20-х гг. она считала социальную работу одной из важнейших. Созданное по ее личной инициативе объединение, названное «Православное дело», стало центром социальной помощи, а также местом встречи многих писателей и ученых. Мать Мария и ее соратники организовали несколько общежитий и дешевых столовых, санаторий для туберкулезных больных, оборудовали две православные домовые церкви. Монахиня Мария сама участвовала в их росписи и вышивала иконы. Физической работы она не боялась: и полы мыла, и перебивала матрацы, и в то же время писала пламенные речи, выступала на конференциях. Ее перу принадлежит ряд полемических статей со страстной защитой своего понимания монашества как полного самоотречения в пользу служения людям, которое она считала первоочередной задачей – куда выше созерцания и «аскетических упражнений».

Вместе с тем, оказывая помощь больным и безработным, мать Мария никогда не опускалась до снисходительной благотворительности, унижающей и дающего и принимающего. Как-то раз ее спросили: «Почему вы в вашей столовой кормите не бесплатно, а берете один франк?» (в обычной закусочной мало-мальски приличный обед стоил франков восемь). Она ответила: «Я кормлю за франк, и все довольны: какая мать Мария молодчина, что так выкручивается. Если же я стала бы давать даром, каждый сказал бы: даром кормить невозможно; значит, кто-то дает деньги и, возможно, часть остается в ее кармане. А если я вижу, что человеку и франк не по силам, я ему его дам. Но все же он будет относиться к этому обеду более уважительно». Мать Мария не останавливалась даже перед тем, чтобы выписывать фиктивные справки о работе в основанных ею домах, потому что такие справки давали возможность устраиваться на реальную работу. Через несколько лет парижская администрация заподозрила неладное и действительно выявила фиктивность многих справок, выданных матерью Марией, но уважение к ней было настолько велико, что этому делу не дали хода.

В 1936 г. многострадальную женщину постигло новое горе: ее старшая дочь Гайана, вернувшаяся за полтора года до того в

Советский Союз, скоропостижно скончалась в Москве, согласно укоренившейся версии – от тифа. Мать Мария приняла эту смерть с христианским смирением. Она вообще мало делилась своими переживаниями с окружающими, внешне держалась с людьми непринужденно: веселая, немного лукавая улыбка часто озаряла ее полное, румяное лицо и оживляла карие глаза. Она охотно общалась с людьми и производила впечатление открытости и прямоты. Интересен тот факт, что еще накануне нападения Германии на СССР Американский Еврейский Рабочий комитет составил список лиц, которых США готовы были принять в качестве беженцев. В том списке была и мать Мария. Надо ли говорить, что проблемы выбора для нее даже не существовало. После оккупации Франции Елизавета Юрьевна наладила контакты с организациями французского Сопротивления. Она спасала евреев, отправляла посылки заключенным, укрывала бежавших советских военнопленных и французских патриотов. Во время массовых арестов евреев в Париже летом 1942 г. она проникла на зимний велодром, где их держали в изоляции, и провела там три дня. Ей удалось организовать побег 4-х детей в мусорных корзинах. В одном из ее общежитий в годы войны провел свои последние дни поэт К. Бальмонт. В другом пансионате ей удалось спасти от уничтожения архив И. Бунина. В феврале 1943 г. мать Мария была арестована, вместе с ней в гестапо попал и сын Юрий (был отправлен в концлагерь Бухенвальд, а затем в Дору на строительство подземных ракетных заводов, где и погиб в феврале 1944 г.).

Даже в нацистском лагере смерти Равенсбрюк, где она провела в качестве узницы последние два года жизни, мать Мария была духовной и моральной опорой своих товарок – заключенных вместе с ней французских коммунисток и участниц Сопротивления. Читала стихи, рассказывала о России, о Блоке, перевела на французский язык «Катюшу», и ее, невзирая на запрет, пели узницы концлагеря. Своей верой, бодростью, участием она поддерживала множество людей. Здесь, в лагере, был предел человеческой беды и муки и страшная возможность духовного отупения и угасания мысли, здесь так легко было дойти до отчаяния. Но мать Мария уже умела осмысливать страдания и самую смерть. Она учила своих подруг по несчастью пересматривать свое отношение к окружающему, находить утешение даже в самых страшных образах лагерного быта. Так, непрерывно дымящие трубы крематория создавали чувство обреченности; даже ночью полыхало зарево печей, но мать Мария, показывая на тяжелый дым, говорила: «Он такой только вначале, около земли, а дальше, выше делается все прозрачнее и чище и,

наконец, сливается с небом. Так и в смерти. Так будет с душами»…

Рассказ о матери Марии был бы неполным без упоминания о ее незаурядных художественных способностях. Она прекрасно рисовала (некоторые ее акварели хранятся в Русском музее в Санкт-Петербурге), владела техникой древнерусского шитья, иконописью, росписью стен, техникой витража. И до последних дней жизни в ней не умирал художник. Даже в невероятных условиях концлагеря, терпя голод, холод, непосильный труд и жестокие побои, Елизавета Юрьевна находила в себе силы творить. Здесь ею была вышита икона «Пресвятая дева с распятым младенцем», по словам очевидиц, производившая сильнейшее впечатление, и создана вышивка «Высадка союзных войск в Нормандии», тканью для которой послужила обычная лагерная косынка одной из женщин. 31 марта 1945 г., накануне праздника Пасхи, Елизавета Скобцова была умерщвлена в газовой камере (по некоторым данным – заменив собой одну из узниц). Это случилось за два дня до того, как под эгидой Красного креста начали освобождать заключенных, вывезенных из Франции…

ВАНГА

Настоящее имя – Вангелия Пандева Гуштерова
(род. в 1911 г. – ум. в 1996 г.)

Знаменитая болгарская прорицательница и целительница. Вдохновительница и почетный председатель Мировой лиги женщин.

Наверное, сколько существует человечество, люди всегда хотели знать о своем будущем. Цыганки, гадалки… Карты Таро, кофейная гуща и хиромантия… Толкователи снов и знамений… Почти все они утверждают, что судьбу можно изменить. И только великие пророки, мучаясь и страдая, знают, что все предопределено всевышними силами и спасти от безысходности может только вера, добро и милосердие. Люди не должны преумножать зло, ибо независимо от того, прожили они жизнь в

богатстве и славе или перебивались с хлеба на воду, каждой душе предстоит держать отчет за свои деяния и мысли. «Душа не умирает. Только души плохих людей озлобляются, и их не призывают на небо. Они не перевоплощаются. На землю возвращаются только самые добрые и лучшие, – так говорила знаменитая ясновидящая Ванга и добавляла: – Откуда тебе ведомо, что у тебя будет другая жизнь? Подумай лучше о настоящем, о том, как стать лучше». Она имела полное право на эти слова: дар пророчества был дарован ей свыше за доброту и милосердие.

Вангелия (с греческого – приносящая благую весть) родилась 31 января 1911 г. в городке Струмице (ныне территория Македонии) и уже в три года осталась без матери, а через год и отца, Панде Сурчева, забрали на войну. Синеокая девочка жила на попечении соседки, пока израненный Панде не привел в дом новую хозяйку, которая стала для его дочери доброй и заботливой мачехой. В 1923 г. трудолюбивый, но нищий отец, лишившийся даже небольшого клочка земли, перевез семью в небольшой городок Ханска-Чешма. Он батрачил скотником, а 12-летняя Ванга перевозила из загонов бурдюки с молоком.

Однажды в поле поднялся не характерный для этой местности страшный ураган и подхватил девочку, как перышко. Среди комьев грязи, листьев, пыли вихрь унес ее за два километра от дома. Когда испуганную до ужаса Вангу разыскали, все обрадовались, что она совсем не пострадала. Вот только глаза ей сильно запорошило. Но сколько ни промывали их травами, какие мази ни прикладывали, глаза вначале словно налились кровью, а затем, побелев, омертвели. Вернуть девочке зрение врачи не смогли. И отец, потеряв надежду и растратив все сбережения, был вынужден отправить ее в дом для слепых в городе Земуне. Там царила строгая дисциплина, но детей кормили досыта, одевали, а еще учили вязать, шить, готовить еду, много занимались с ними музыкой и чтением по специальным книгам для слепых.

Три года Ванга провела вдали от родных. В это же время она познакомилась со слепым юношей из обеспеченной семьи и уже готовилась к свадьбе. Но судьба рассудила иначе. При четвертых родах умерла мачеха, и отец не мог обойтись без помощи своей старшей, хотя и слепой дочери. Девушка безропотно поставила крест на своем личном благополучии и вернулась под бедный отчий кров. Она шила, вязала, пряла, стряпала, а самое главное, на долгие годы заменила трем детям – Василу, Тому и Любке – мать.

В канун нового, 1939 г. Ванга сильно заболела, простояв

несколько дней босая на цементном полу в очереди за пособием для бедняков. Тяжелый плеврит полностью подорвал ее силы, довел до крайнего истощения и клинической смерти. Сердобольные соседи уже начали сбор денег на похороны, но девушка каким-то чудом моментально исцелилась, словно в нее вселился мощный дух. И только теперь люди стали понимать, что Ванга отмечена светлыми силами: то предостережет от беды, то случайно жениха напророчит, то укажет место, где искать пропавшую вещь или овцу. Но сама женщина полностью осознала, что наделена сверхъестественными способностями и даром ясновидения, только в начале Второй мировой войны. Ей приснился красивый всадник в ореоле божественного сияния, который сказал: «Недалек час, когда мир перевернется, и множество людей погибнет. Ты будешь предсказывать жизнь и смерть. Не бойся, я всегда буду рядом, и ты станешь передавать людям мои слова…»

После вещего сна жизнь Ванги разительно переменилась. Она осознала свое предназначение. Слава ясновидящей быстро разнеслась по округе. К ней потянулись люди со своими проблемами и горестями, и она помогала им справиться с бедой, начала успешно лечить разные хвори. Травы и снадобья, названные целительницей, давали поразительный эффект. Никому Ванга не отказывала в помощи и в утешении, но предпочитала предсказывать будущее простым людям. Иногда очередь у дверей ее дома достигала 200 человек. За период с 1941 по 1995 гг. она приняла более полумиллиона посетителей. Гораздо реже Ванга пророчествовала о судьбах мира или государств, опасаясь, что ее предвидения могут быть истолкованы неправильно и принести вред. Божественный дар достался милосердной и мудрой женщине, и она часто умалчивала о грозящих бедствиях и смертях, говорила горькую правду не до конца. Предчувствуя впадение в транс, пророчица старалась быть в окружении только близких людей, которым доверяла.

Но и не каждое пророчество поддавалось своевременному толкованию. В 1999 г. жители Курска вдоволь посмеялись над обнародованными сведениями о предстоящем в августе 2000 г. затоплении их города, расположенного вдали от больших вод. Как оказалось, еще задолго до трагической гибели одноименной подводной лодки в Баренцевом море Ванга произнесла: «“Курск” окажется под водой, и весь мир будет его оплакивать».

Одни считали пророчицу «шарлатанкой, мошенницей и ведьмой», другие пытались раскрыть тайну ее феномена. Она говорила: «Исследуйте меня, экспериментируйте, изучайте с помощью приборов и аппаратуры… Хотите объяснить то, что я

делаю? Да как это объяснишь, когда это Божьих рук дело? Мой дар от Бога. Он лишил меня зрения, но дал мне другие глаза, которыми я вижу мир – и видимый, и невидимый…» Ванга не умела читать мысли и повторяла то, что «диктовал» ей «голос» или читала только ею видимые слова. Но исключительной или наиболее загадочной чертой ее феноменального дара было общение с душами умерших. Призрачные, излучающие свет тени окружали ее во время видения, и тогда, словно на киноленте, перед ней проносились события прошлого, настоящего и будущего. Это был тяжкий крест. «Иногда мертвые кричат так сильно, что у меня голова раскалывается. Особенно если кричат о страшном – о болезни, смерти, о бедствиях. Я знаю, что нельзя об этом говорить, а они меня точно подталкивают: скажи да скажи! Тогда я легонько отворачиваюсь и тихонько, чтобы человек не слыхал, говорю, чтобы оно из меня вышло. Не то я умру, сойду с ума».

Сотрудники болгарских спецслужб боялись дара пророчицы: к ней долгое время не допускались иностранцы, ее посетителей отслеживали. За предсказание смерти Сталина ее арестовали, но через год выпустили – пророчество сбылось. От притеснения властей Вангу много лет оберегала дочь Тодора Живкова, Людмила, которая занимала пост министра культуры НРБ и была членом Политбюро ЦК БКП. Ясновидящая называла ее мудрой женщиной и доченькой и считала членом своей семьи. Ванга жила с братьями и сестрой, пока в самый разгар войны в ее дом не пришел солдат Димитр Гуштеров. Обладающая мистическими силами слепая женщина поразила его. Он сделал ей предложение, и в мае 1942 г. они обвенчались и переехали в его дом в местечке Петрич. Они прожили вместе 20 лет. Когда муж умирал, Ванга стояла на коленях у его постели, и из ее незрячих глаз непрерывным потоком лились слезы. С последним вздохом Димитра она уснула до самых похорон. Очнувшись, женщина сказала, что проводила близкого человека до уготованного ему места.

И в нашем, и в потустороннем мире слепой женщине были ведомы все пути, все тропы. Она видела каждого человека и каждый камень, где бы он ни находился. Ванга рассказала о существовании на реке Дон особого холма, где трижды побывал Святой Сергий Радонежский и воздвиг крест. При раскопке указанного места в 1984 г. обнаружили древнерусскую крепость, княжескую могилу и кристально чистый ледяной источник. Ванга считала Св. Сергия выдающимся пророком, а когда описала, как она видит его с церковью на ладони, ученые с удивлением поняли, что ясновидящая словно рассказывает о знаменитой

картине Н. Рериха. Ясновидящая называла Россию будущей духовной «властительницей мира» и предрекла ей светлое будущее.

Ванга видела дальние страны и чужие миры, знала о существовании других цивилизаций и общалась с их представителями, поэтому не удивилась откровениям американского космонавта Нила Армстронга, высадившегося на Луне. А в родной Болгарии она знала каждый уголок. Когда в 1964 г. при ремонте церкви Св. Петки Самарджинской в Софии пропала икона, Тодор Живков обратился к ней за помощью. Ванга указала на трех церковнослужителей с «грязными руками» и сказала: «Идите к мосту, что с птичками (Орлов мост). Потом пойдете вверх по Царьградскому шоссе и на третьем перекрестке увидите дом, напоминающий дачный коттедж. Там вы свернете, это с левой стороны шоссе, перейдете через ручеек и в глубине улицы увидите небольшой домишко». Через полчаса икона была найдена.

Большим могуществом обладала Ванга, но гнала от себя тех, кто бездумно искал клады, легких путей в жизни, власти и славы, не задумываясь при этом о душе. Если вчитываться в записанные с ее слов пророчества, можно удивиться не только точности предсказаний, но и необычной для необразованной крестьянской женщины глобальности мышления:

«Нет прошлого, нет настоящего и нет будущего! Есть только большое Время и времена. Все это отрезки одного потока».

«Мы должны любить друг друга и быть добрее, чтобы спастись. Если сами не поймем этого, неумолимые космические законы все равно заставят нас это сделать, но будет слишком поздно, и придется заплатить дорогую цену…»

«Каждое живое существо, вся Земля и Вселенная подчиняются строго определенным космическим ритмам и порядку. Нарушения этого порядка, даже самые незначительные, приводят к большим, иногда фатальным происшествиям, за которые потом люди горько расплачиваются. Не нарушайте гармонии, будьте добрее!»

«Земля ждет от нас благодарности за то, что мы пришли и живем на ней. Мы платим Земле долги, как квартирную плату… Каждый человек платит… Я столько лет живу и вижу, что творится на свете…»

Любовь, доброта, гармония, смирение и, конечно, вера в Бога были основой ее дара, и к этому она постоянно призывала людей. Деньги и власть Вангу не интересовали. Она довольствовалась скромными подаяниями, продуктами. Все немалые доходы от посещения пророчицы шли в государственную казну. Все свои

средства, пожертвованные ей людьми за многие годы, ясновидящая вложила в осуществление своей сокровенной мечты – возведение церкви Св. Петки в местечке Рупите. Белоснежный христианский храм, в который люди могли бы прийти помолиться за спасение своих душ, поставить Богу свечи, очиститься от дурных помыслов и стать добрее, был освящен 14 октября 1994 г.

Ванга исполнила предначертанную ей земную миссию. Она давно знала день своей смерти, и когда ее, умирающую от рака, доставили в софийскую клинику «Лозенец», отказалась от лечения. 11 августа 1996 г. великая пророчица и целительница скончалась. В своем завещании людям она писала: «Я больна и скоро уйду от вас. Не ссорьтесь без меня, помиритесь. Не завидуйте мне ни в чем, а оплакивайте мою жизнь, ибо бремя было невыносимо.

Не желайте слишком многого – не сможете за него расплатиться.

Снова говорю вам: не будьте эгоистами, не завидуйте, будьте лучше, добрее, любите друг друга».

МАТЬ ТЕРЕЗА

Настоящее имя – Агнес Гонджа Бояджиу
(род. в 1910 г. – ум. в 1997 г.)

Основательница и настоятельница католического Ордена милосердия. Лауреат Нобелевской премии мира (1979 г.).

Сентябрьским утром 1946 г. у входа в одну из калькуттских больниц стояла тачка, в которой находилась покрытая коростой, заживо гниющая, обездвиженная женщина. Туда ее привез сын, да так и оставил, потому что в больницу ее не приняли. Случайно оказавшаяся рядом католическая монахиня Тереза попыталась помочь умирающей: «Я не могла возле нее находиться, ее коснуться, переносить ее запах. Я убежала. И стала молиться: «Святая Мария! Дай мне сердце, полное чистоты, любви и

смирения, чтобы я могла принять Христа, Христа коснуться, любить Христа в этом разрушенном теле». Я вернулась к ней, я к ней прикоснулась, я вымыла ее, я помогла ей. Она умерла с улыбкой. Это был для меня знак, что любовь Христова и любовь к Христу сильнее, чем моя слабость».

Годы спустя у одного журналиста, наблюдавшего по заданию редакции ежедневную возню матери Терезы и сестер с умирающими, вырвалось: «Я бы не сделал этого и за миллион долларов!» «За миллион и я бы не сделала, – ответила мать Тереза. – Только бесплатно. Из любви к Христу…»

Будущая всемирно известная монахиня родилась 27 августа 1910 г. в заштатном городке Скопле, что в нынешней Македонии, в семье албанского строителя, и получила имя Агнес. Религиозная обстановка в семье и воспитание в традициях католицизма оказали на нее огромное влияние. Мать рано приобщила дочь к церковной деятельности: Агнес пела в хоре местного собора, охотно помогала священнику по хозяйству.

Еще 12-летней девочкой она решила уйти в монастырь ив 1928 г. с этой целью отправилась в Ирландию. Там в иезуитской монашеской общине Лорето под Дублином ей дали имя «сестра Тереза», принадлежавшее святой покровительнице бедных. А уже в следующем году она приехала в Индию и стала работать учительницей в женской школе Лорето, где обучались девочки из состоятельных бенгальских семей. Преподавая в религиозных школах Калькутты, а потом Дарджилинга, сестра Тереза старалась научить юных индийских христианок добру, отречению от мирских благ ради единственного – помощи ближнему. Так прошло 20 лет.

В этот период в Бенгалии происходили социальные потрясения – голод, раздел провинции, повлекшие за собой неисчислимые жертвы и страдания десятков миллионов простых людей. Сестра Тереза еще в 1946 г. решила отказаться от учительской карьеры, чтобы посвятить себя служению обездоленным и отверженным.

Для освобождения от прежнего монашеского обета требовалось согласие иезуитской общины, а затем и окончательное разрешение Папы Римского. В августе 1948 г., получив положительный ответ на свою просьбу, сестра Тереза сменила облачение католической монахини на дешевое белое индийское сари с синей каймой, которое впоследствии превратится в униформу для сестер Ордена милосердия, и стала вольной монахиней. К тому времени она уже хорошо овладела бенгальским языком и хинди, а чтобы приобрести знания и навыки по уходу за больными, закончила медицинские курсы.

В 1949 г. мать Тереза, как ее стали называть, получила индийское гражданство. В следующем году она основала Орден милосердия, признанный сначала епископатом Калькутты, а затем Ватиканом в качестве папской конгрегации, что означало прямое подчинение Папе Римскому. Тогда в нем насчитывалось всего 12 монахинь.

Мать Тереза открыла свой первый приют для безнадежно больных бедняков в 1952 г. и назвала его «Чистое сердце». Туда принимали бездомных и нищих, от которых отказывались все больницы и которым была уготована смерть в одной из сточных канав калькуттских трущоб. В приюте за ними ухаживали, кормили и, как говорила мать Тереза, «давали возможность умереть с достоинством». Не случайно некоторые называли ее «Святой сточных канав».

Но это занятие не сразу нашло поддержку среди людей. Матери Терезе пришлось потратить немало времени и усилий, чтобы добиться признания общественной значимости и важности такой деятельности: «Когда Ордену милосердия было несколько дней от рождения, я отправилась по богатым домам с просьбой о пожертвованиях. Давали деньги, но больше помогали лекарствами. Однажды в местной газете поместила объявление с призывом оказать финансовую помощь Ордену. Первым, кто на него откликнулся, был главный министр Западной Бенгалии Бидхан Чандра Рой».

В 1956 г. калькуттские городские власти выделили матери Терезе для приюта огромное пустующее помещение. Оно было расположено недалеко от святого для индусов храма богини Кали и предназначалось для содержания жертвенного скота. Сначала местные жители отнеслись к незнакомой католичке крайне неприязненно и даже потребовали от властей, чтобы приют был переведен в другое место. Они не могли смириться с тем, что мать Тереза пренебрегала кастовыми и религиозными правилами, ограничивавшими общение между людьми, и сама выполняла физическую работу, помогала больным и обслуживала их. В ее поступках они видели угрозу, вызов своей вере.

Однако после того как она подобрала на улице умирающего от холеры жреца этого храма, на руках внесла его в свой приют, отношение к ней изменилось. Почти в одночасье она перестала восприниматься как иностранка. В 1963 г. мать Тереза основала Миссионерское братство милосердия. А всего к середине 90-х гг. Орден милосердия насчитывал в Индии 190 сиротских домов и приютов для безнадежно больных. Только в лепрозориях лечились около 50 тыс. прокаженных. Еще 369 подобных приютов, а также около 600 мобильных клиник действовали в 120

странах мира. В них работали около 4 тыс. монахинь, 400 священников и более 100 тыс. добровольцев. Сейчас у Ордена милосердия более 90 представительств в разных странах, шесть из них на территории стран СНГ – в Москве, Спитаке, Грузии и в городах Сибири.

Сама же мать Тереза так говорила о смысле своей работы: «За эти годы я все больше и больше стала понимать, что самой тяжелой болезнью, которая может обрушиться на людей, является то, что они становятся никому не нужными. Есть лекарства от любых других болезней. Но вряд ли можно излечить эту болезнь. И эта болезнь встречается повсюду – как в бедных, так и в богатых странах».

Орден милосердия постепенно становился на ноги, а с ним росла известность матери Терезы – ее стали принимать в высших государственных кругах по всему миру. Монахиню с удивительно добрым лицом, усеянным сеткой мелких морщинок, узнавали повсюду. Пожертвования Ордену быстро росли. Признанием выдающихся заслуг матери Терезы стало присуждение ей в 1979 г. Нобелевской премии мира «За помощь страждущему человечеству». К тому времени она уже была удостоена высшего индийского ордена «Бхаратратна» и золотой медали советского Комитета защиты мира.

Уже после смерти матери Терезы стало известно, что втайне от окружающих она расставалась со своими наградами, чтобы на вырученные деньги накормить больше бедных, купить лекарства для больных, построить новые приюты для сирот. За 10 тыс. рупий была продана медаль лауреата Нобелевской премии. Мать Тереза отказалась и от банкета в свою честь по поводу вручения этой награды. Отпущенные на проведение приема деньги она использовала на благотворительный рождественский ужин для 2 тыс. калькуттских бедняков.

Когда в 1964 г. Папа Римский Павел VI посетил филиал Ордена в Бомбее, он подарил матери Терезе роскошный лимузин, который сам раньше получил в подарок от американского правительства. Монахиня спокойно рассталась и с этой игрушкой и на полученные деньги построила в штате Бихар центр для больных проказой. Основательница Ордена милосердия всегда и во всем следовала девизу своей организации – «Преодолеть нищету можно лишь одним способом: делиться тем, что у тебя есть».

Неутомимая энергия матери Терезы в деле выполнения высокой миссии служения бедным восхищала и удивляла всех, кому довелось встречаться с ней. Под впечатлением беседы с великой подвижницей глава правительства Йемена снял

существовавший в этой стране в течение 600 лет запрет на деятельность христианских миссионеров. Эдвард Кеннеди прилюдно разрыдался, когда мать Тереза рассказала ему о положении бедняков в развивающихся странах. При ее появлении в разрушенном войной Бейруте там прекратились ожесточенные перестрелки. Эта маленькая, но бесконечно смелая женщина одна много дней разыскивала среди развалин осиротевших детей, для которых открыла в Ливане приют и больницу. В 1987 и 1989 гг. она встречалась на Украине с пострадавшими от аварии на Чернобыльской АЭС и жертвами землетрясения в Армении.

В 1993 г. мать Тереза была награждена премией ЮНЕСКО за заслуги в области образования во имя мира, а в 1997 г. – премией международной благотворительной организации «Всемирная надежда». Во многих странах мира были вручены ей высшие государственные награды, крупнейшие университеты избрали ее почетным доктором.

Мать Тереза умерла в сентябре 1997 г. от обширного инфаркта. К этому времени престарелая монахиня могла передвигаться только в инвалидной коляске. Сильно пошатнувшееся здоровье и слабость не позволяли ей заниматься руководством огромного хозяйства Ордена. Это ее угнетало, но неумолимое время брало свое. За полгода до своей смерти мать Тереза была вынуждена оставить пост настоятельницы основанной ею миссионерской организации.

В 1999 г. Ватикан по личному распоряжению папы Иоанна Павла II объявил о начале официального рассмотрения вопроса о причислении матери Терезы к лику блаженных, хотя обычно такой процесс начинается минимум через 5 лет после кончины «соискателя». Но ее еще при жизни называли святой. Индийцы, независимо от вероисповедания, считали эту католическую монахиню своим «ангелом-хранителем», а во всем мире мать Терезу величали «апостолом мира, сострадания к страждущим, бедным и больным».

Ее жизнь была наполнена нелегким повседневным трудом во благо беднейших из бедных, покинутых людьми и обществом. Мать Тереза не искала славы, а выполняла свой долг, как его понимала: делать добро, облегчать людскую боль – душевную и физическую. А все остальное – Нобелевская премия, ордена, речи, признание – было лишь орнаментом, внешней оболочкой, за которой скрывалась неустанная и невидимая работа души.

Служительницы науки

ДАШКОВА ЕКАТЕРИНА РОМАНОВНА

(род. в 1743 г. – ум. в 1810 г.)

Образованнейшая женщина XVIII в. Внесла огромный вклад в организацию научного процесса в России. Единственная женщина в мире, возглавлявшая две Академии наук. Автор многочисленных литературных переводов, статей и «Записок» (1805 г.).

Современники Е. Р. Дашковой считали, что только по случайной, прихотливой ошибке природы она родилась женщиной. Английский посланник Маккартни писал: «Она женщина необычной силы ума, обладающая мужской отвагой и силой духа, способной преодолевать трудности, кажущиеся непреодолимыми, характер слишком опасный в этой стране». Как и большинство ее родственников, Екатерина Романовна старалась

жить с пользой для Отчизны. Только среди степенных, сдержанных Воронцовых она выделялась неистовством поступков, может быть, потому, что рано осознала себя человеком действия, а мир науки и политики был закрыт для нее. На женщину ее ума, темперамента и организационного дара не только в России, но и в Европе взирали с удивлением, граничащим с непониманием.

Екатерина родилась 17 марта 1743 г. и была дочерью графа Романа Илларионовича Воронцова и Марфы Ивановны Сурмилиной (Долгорукой по первому мужу). В два года она лишилась матери, а в четыре фактически осталась без семьи. Отец с большей охотой предавался светским развлечениям, чем заботился о воспитании пятерых детей. С ним жил только старший, Александр, Семена растил дед, Мария и Елизавета еще детьми были взяты во дворец и стали юными фрейлинами. Екатерину воспитывал брат отца, Михаил Илларионович Воронцов, вице-канцлер, а впоследствии канцлер. Его единственная дочь (будущая графиня Строганова) и племянница жили в одних комнатах, занимались с одними и теми же учителями, даже одевались одинаково. Великолепный дом, блеск и роскошь, внимание родственников и особая забота, проявленная к крестнице императрицей Елизаветой и наследником престола Петром, не превратили ее в «беззаботного мотылька». Жажда знаний и какая-то непостижимая гордость, «смешанная с нежностью и чувственностью», выковали в характере Екатерины странный сплав – «желание быть любимой всеми окружающими людьми» и доказать им свою неординарность. К 13 годам она владела четырьмя языками, хорошо рисовала и разбиралась в музыке. Среди ее книг не было места приторно-сентиментальным романам, ее живой ум манили Бэйль, Гельвеций, Вольтер, Дидро, Буало, Руссо, Монтескье, интересовала политика и общественный строй различных государств.

Возможно, все сложилось бы по-другому, но, дав девушке недюжинный ум, природа обделила ее женской привлекательностью. Д. Дидро описывал после встречи Екатерину так: «Отнюдь не красавица. Небольшого роста, с открытым и высоким лбом; с полными раздувшимися щеками, с глазами среднего размера, несколько заходившими под лоб, плоским носом, широким ртом, толстыми губами, круглой и прямой шеей – она далеко не очаровательна; в ее движениях много жизни, но не грации». Влюбившись без памяти в красавца-поручика, князя Михаила Ивановича Дашкова, Екатерина сумела «взять его в плен». На одном из балов, когда он приличия ради рассыпался в комплиментах, она сообщила проходящему мимо дяде-канцлеру,

что молодой человек просит ее руки. В мае 1759 г. состоялась их свадьба. Молодой жене часто приходилось закрывать глаза на светские похождения мужа, но свое супружество она считала счастливым.

Чета Дашковых поселилась в Москве. Екатерина понравилась родне супруга, но оказалось, что она практически не может с ними общаться, потому что… не знает русского языка. С присущей ей энергией она вскоре освоила родной язык, что очень пригодилось ей впоследствии. Жизнь Дашковой вдали от двора протекала тихо и скромно – любимый муж, книги, музыка и каждодневные бытовые проблемы по уходу за детьми, Анастасией и Михаилом, заменили ей общество.

В июле 1761 г., оставив у свекрови подрастающих детей, Дашковы вернулись в Петербург. Екатерина Романовна возобновила дружбу с великой княгиней Екатериной. Только в ней она видела будущего просвещенного монарха и поэтому активно включилась в подготовку дворцового переворота. Из своих «Записок» Дашкова предстает чуть ли не главой заговорщиков. Но многочисленные исторические источники свидетельствуют, что ее роль была скорее эффектна, чем значима. По малолетству (ей было всего 19) заговорщики старались не посвящать ее в свои замыслы. Но гордая, тщеславная, осознающая свое умственное превосходство княгиня действовала самостоятельно, склоняя на сторону Екатерины цвет высшего общества. Она пошла даже на конфронтацию с семьей Воронцовых, стоявших на стороне Петра III.

28 июля 1762 г. – в день переворота – Дашкова не отходила от своей «доброй подруги». Это были лучшие часы в ее жизни. Каково же было ее разочарование, когда, ожидая почестей и славы, она не была особо отмечена при распределении наград. Мечты княгини стать сподвижницей и наперсницей императрицы, получить чин полковника гвардии и место в заседании высшего государственного совета не сбылись. Екатерина II не допускала и мысли, что рядом с ней может стоять столь энергичная, умная и дерзкая особа. Она собиралась царствовать единолично и не долго терпела во дворце подругу, забывающую о субординации, позволяющую себе «нескромную свободу языка, доходящую до угроз». По словам Дидро, только рождение в мае 1763 г. сына Павла и продолжительная болезнь вдали от двора спасли Дашкову от ареста.

Места рядом с императрицей княгине не было. А тут еще рухнула надежда на счастливый семейный очаг. Во время военного похода на Польшу умер муж. Опальная 20-летняя вдова взялась за восстановление запущенного хозяйства. Ее

экономность граничила со скаредностью. Гордая княгиня не гнушалась милостиво просить помощи у императрицы и Потемкина, с которым была в прекрасных отношениях. Не продав ни пяди родовых земель, она вскоре расплатилась с мужниными долгами и в конце 1769 г. под именем госпожи Михайловой отправилась в путешествие по Европе вместе с дочерью Анастасией и сыном Павлом (сын Михаил умер осенью 1762 г.). Инкогнито княгине сохранить не удалось. В Берлине на встрече с Дашковой «под любым именем» настоял император Фридрих II, с особым почетом ее приняли в Оксфорде, а в Париже она общалась с Дидро. Знаменитый философ отметил, что «в образе мыслей ее проявляется твердость, высота, смелость и гордость. Княгиня любит искусства, знает людей и потребности своего отечества. Она искренне ненавидит деспотизм и все проявления тирании. Метко и справедливо раскрывает выгоды и пороки новых учреждений».

Свои дни Дашкова заполняла до предела – университеты, библиотеки, музеи, храмы, мастерские знаменитых художников и кабинеты ученых и мыслителей. Ее взгляды, ум, энергичность вызывали в Европе удивление и почтение. Но, вернувшись в Россию, Дашкова убедилась, что императрица не сменила гнев на милость и применить свои знания и силы ей негде. Екатерина Романовна занялась переводами серьезных трудов Гельвеция и Дидро, писала на общественные и философские темы под псевдонимами «Россиянка» и «Благородная Россиянка». Всю свою энергию она направила на детей. Княгиня разработала целую систему воспитания и обучения. Интенсивность обучения, на которое она обрекла своего сына, должна была создать человека энциклопедических знаний. В 13 лет Павел был принят в лучший в Европе того времени Эдинбургский университет (Шотландия) и через три года получил степень магистра искусств. Мать гордилась своим сыном. 1776–1782 гг. она провела за границей, чтобы наблюдать за его развитием, а для завершения образования Павла предприняла длительную поездку по Европе. Но юноша, похоже, «отравился» знаниями. Создать «нового человека» Дашковой не удалось, а нравственный облик сына и дочери впоследствии не раз заставлял мать терпеть насмешки со стороны и в конце концов привел к разрыву с детьми.

Зато второе заграничное путешествие принесло княгине европейское признание ее самой. О Дашковой с почтением отзывались лучшие представители науки и культуры. Ее ценили как знатока искусства. Музыкальные произведения, написанные Екатериной Романовной, имели большой успех в Англии. Княгиня интересовалось минералогией (свою знаменитую коллекцию

минералов, оцененную в 50 тыс. руб., она подарила Московскому университету), астрономией, картографией, экономикой, политикой и конечно литературой. Екатерина II, слывшая в Европе покровительницей наук и искусств, неожиданно для Дашковой предложила ей возглавить Петербургскую академию наук (1783 г.). Ее президент К.Г. Разумовский в деятельность учреждения не вмешивался, и княгиня фактически выполняла его обязанности.

Никаких открытий в науке Екатерина Романовна не сделала, но ее организационные способности, трезвая оценка деятельности превратили Академию наук из «собрания знаменитых ученых» в «сложную фабрику научной продукции». Общение с крупнейшими европейскими специалистами позволило ей беспристрастно выделить и способствовать работе ученых мирового уровня, таких, как Леонард Эйлер.

Приведя в порядок финансы и рабочий процесс, Дашкова занялась организацией научно-просветительской деятельности: открыла при академии общедоступные курсы, возобновила работу типографии и издательства. Вокруг нее сгруппировались признанные мастера российской словесности: Г. Р. Державин, Д. И. Фонвизин, М. М. Херасков, Я. Б. Княжнин, В. В. Капнист и др. Литературно-общественные журналы «Собеседник любителей российского слова» и «Новые ежемесячные сочинения» пользовались огромной популярностью. Под ее наблюдением было продолжено издание письменных памятников по истории России, вышло 43 части сборника «Российский беатр», началось издание полного собрания сочинений М. В. Ломоносова.

Как патриот своей отчизны, Дашкова пыталась превратить академию, страдающую от засилья немецких специалистов, в учреждение русской науки. Она ввела три новых курса – математика, география, естественная история, – которые читались русскими профессорами на родном языке и бесплатно для слушателей.

Энергия княгини поддерживала творческие и научные искания. «Мне кажется, – писала Е. Вильмонт, одна из дочерей английской подруги Дашковой, – что она была бы всего более на месте у кормила правления или главнокомандующим армией, или главным администратором империи. Она положительно рождена для дел в крупных размерах…» Екатерина Романовна нуждалась в широком поле деятельности, только тогда она чувствовала себя востребованной. На одной из встреч с императрицей княгиня предложила учредить Российскую академию наук и с сентября 1783 г. стала ее президентом. «Главный предмет Российской академии состоять должен в

обогащении и очищении языка российского и в распространении словесных наук в государстве», – записано в подготовленном ею уставе. Этому же служила и организованная Дашковой работа видных ученых и литераторов по созданию первого русского толкового словаря («Словарь академии Российской» в 6-ти томах, 1789–1795 гг.), который включал 43257 слов. Екатерина Романовна сама написала несколько определений и отобрала более 700 слов на буквы «ц», «ш», «щ».

Для главы двух российских академий не существовало мелких дел. Она портила нервы архитектору при строительстве нового здания академии, с пристрастием отбирала юношей для обучения, отчисляя именитых оболтусов. И при всей скудности выделяемых средств при Дашковой в Академии наук царила «эпоха процветания». Но нетактичность, неуживчивость княгини, несдержанные речи приводили к конфронтации с окружением и способствовали ухудшению отношений с императрицей. Это больно ударяло по чрезмерному самолюбию Дашковой, ей стали изменять кипучие силы.

В 51 год Екатерина Романовна выглядела дряхлой мужеподобной старухой. Особенно ей в тягость было одиночество. Дети не оправдали надежд. Сын Павел не сделал стремительной карьеры, хотя благодаря хлопотам матери получил чин подполковника. Княгиня не могла ему простить попрания величия аристократических родов Воронцовых-Дашковых: без ее согласия он женился по любви на дочери купца Алферова и был счастлив с этой простой женщиной. Поведение дочери Анастасии тоже не радовало княгиню. Незавидной внешностью она пошла в мать, к тому же была горбата и глупа. Когда ей исполнилось лишь 15 лет, Дашкова поспешно выдала ее замуж за безвольного алкоголика Щербина. Зять вел распутную жизнь за границей, а дочь, даже живя рядом с матерью, постоянно попадала в скандальные истории, а затем сбежала к своему непутевому супругу.

Разбитая неурядицами Дашкова вынуждена была просить отпуск, который после восшествия на престол Павла превратился в отставку, а затем в изгнание в глухую новгородскую деревеньку. Этот вынужденный покой для деятельной и чувствительной женщины стал настоящей катастрофой. Екатерина Романовна была на грани самоубийства. Император Александр вернул ей полную свободу, но она не сумела найти себя при «молодом дворе».

Дашкова жила попеременно то в Москве, то в своем троицком имении. В обществе к ней относились с уважением, но побаивались ее насмешливого и острого ума. Княгиню мучили

болезни, она ощущала постоянную необходимость дружеского участия. Поэтому Дашкова с глубокой симпатией относилась к сестрам К. и М. Вильмонт. Она даже хотела удочерить Мэри. По настоятельной просьбе этой девушки, разделившей ее одиночество, Екатерина Романовна написала «Записки» (1805 г.) – замечательный памятник истории русской культуры, в котором отразилась не только многогранная деятельность неординарной женщины, но и ее полная драматизма жизнь.

Судьба была жестока к старой княгине. В январе 1807 г. скончался ее сын. Они жили в Москве рядом, но не общались. Скандал из-за наследства, который устроила на похоронах Анастасия, до основания рассорил Дашкову с дочерью, но примирил с невесткой. В июне покинула свою «русскую мать» и Мэри. Печаль и одиночество стали уделом последних лет жизни этой необычайно одаренной, но лишь частично реализовавшей себя женщины. Е. Р. Дашкова скончалась 4 января 1810 г. и была скромно похоронена в Троицком.

БЛАВАТСКАЯ ЕЛЕНА ПЕТРОВНА

(род. в 1831 г. – ум. в 1891 г.)

Российская духовная просветительница, теософ, писательница и путешественница. Величайшая из русских пророчиц XIX в. Под влиянием индийской философии основала в Нью-Йорке Теософское общество (1875 г.).

Имя этой женщины вошло в историю мирового мистицизма. Подобно Эмануэлю Сведенборгу, Блаватская общалась с духами, провидела прошлое и будущее. Индийские махатмы поведали ей тайну человечества, его земной и космической судьбы. Неординарная личность, она вызывала множество споров вокруг своей персоны еще при жизни и не меньше – после смерти. Кем же была Елена Петровна: великим мистификатором или, как говорят на Востоке, «посвященной»?

История происхождения Блаватской читается как увлекательный роман. По отцу она вела свой род от наследных Мекленбургских (Германия) принцев фон Роттенштерн-Ган, согласно семейному преданию восходивших корнями к женской ветви династии Каролингов. Среди предков Елены по материнской линии были и французы-гугеноты, и князья из рода Долгоруких – прямых потомков великого Рюрика. Ее бабушка, Елена Павловна, урожденная княжна Долгорукая, была женщиной исключительной для того времени образованности: знала пять языков, прекрасно рисовала и получила известность как ученый-естествоиспытатель. Мать, Елена Андреевна, писала рассказы и романы, издававшиеся под псевдонимом «Зенеида Р-ва», и пользовалась широкой популярностью в 40-х гг. XIX в. Ее талант высоко ценил И. Тургенев, а В. Белинский посвятил несколько лестных строк, назвав «русской Жорж Санд». Отец, Петр Алексеевич, был сыном знаменитого генерала Алексея Густавовича фон Ган (Хан), участника легендарного суворовского перехода через Альпы, но сам карьеры не сделал и дослужился только до полковника.

Лёля, как называли девочку в семье, родилась 12 августа 1831 г. в Екатеринославе (современный Днепропетровск). При ее крещении произошел случай, который впоследствии нередко трактовался как некий провидческий знак. Во время церемонии тетя Елены, Надя Фадеева, которая была всего на три года старше племянницы, нечаянно подожгла зажженной свечой край рясы священника. В свете будущих событий этот эпизод приобрел явно мистический оттенок. В раннем детстве Дели семья кочевала вслед за отцом, командующим батареей конной артиллерии, по всей стране. Получив начальное «воспитание» в солдатской среде, девочка обрела характер крайне независимый. Надежда Андреевна Фадеева так писала о племяннице: «С раннего детства Елена отличалась от обыкновенных детей. Очень живая, невероятно одаренная, полная юмора и отваги, она удивляла всех своим своеволием и решительностью поведения. Было бы большой ошибкой обходиться с ней как с другими обыкновенными детьми. Ее беспокойный и очень нервный темперамент, ее неразумное тяготение к умершим и в то же время страх перед ними, ее страстная любовь и любопытство в отношении всего неизвестного, скрытого, необыкновенного, фантастического и, более всего, ее стремление к независимости и свободе, которое никто и ничто не могло обуздать, – все это, соединенное с необычайно богатым воображением и исключительной чувствительностью, показывало, что ее воспитателям надо применять к ней особые методы

воспитания…» К тому же склонность к лунохождению в сочетании с множественными необычайными происшествиями и проявлениями неординарных способностей прочно закрепили за девочкой репутацию «одержимой дьяволом».

В 1842 г. Леля, ее младшая сестренка Вера и недавно родившийся брат Леонид остались без матери. Осиротевших детей взяла к себе бабушка, Елена Павловна, и большую часть детства Елена Петровна провела сначала в Саратове, где дедушка, Андрей Михайлович Фадеев, занимал пост губернатора, а позднее – в Тифлисе. Летние месяцы семья проводила на берегу Волги, в огромной усадьбе, окруженной дикими лесами. Для девочки природа была одушевленной: все вещи имели свой особый голос и все кажущееся мертвым жило для нее и раскрывало ей по-своему свою жизнь. Она часто разговаривала с птицами, животными и невидимыми «друзьями» – товарищами ее игр, а когда наступала зима и приходилось возвращаться в город, необыкновенный кабинет ее ученой бабушки, в котором стояли чучела разных зверей, становился любимым местом проведения долгих вечеров. Маленькая Лена, сидя на спине черного моржа или белого тюленя и поглаживая его шерсть, рассказывала детям много страшных и увлекательных историй о его похождениях. Сегодня, когда знание скрытой психической природы человека значительно расширилось, становится понятным, что в детстве Елена Петровна обладала ясновидением; невидимый для обыкновенных людей астральный мир был для нее открыт, и она жила наяву двойной жизнью: общей для всех физической и видимой только для нее одной.

В 1848 г., буквально за несколько дней до своего семнадцатилетия, Елена фон Ган скоропостижно вышла замуж за очень пожилого, чтобы не сказать престарелого, Никифора Васильевича Блаватского, бывшего тогда вице-губернатором Эривани (современный Ереван). «Я обручилась, чтобы отомстить моей гувернантке, не думая о том, что не смогу расторгнуть обручение, ну а карма последовала за моей ошибкой», – так объясняла свой поступок сама Елена Петровна. Спустя три месяца юная супруга столь же поспешно покинула мужа и на долгих десять лет – период, который был необходим для легализации развода, – уехала из России. Родственники не знали, где она, и даже считали умершей, однако Елена тайно общалась с отцом, принимавшим участие в обсуждении программы ее заграничных странствий. Он снабжал свою беглянку-дочь деньгами, но никому не говорил, где она находится. Маршрут путешествий был обширным: из Константинополя она направилась в Египет, затем в Афины. Объездила Малую Азию и Северную Африку, изучала

языки, общалась с бедуинами и африканскими колдунами, дважды пыталась проникнуть в Тибет, куда настойчиво звали ее детские видения и уверенность в своем исключительном предназначении, но оба раза неудачно. В 1858–1863 гг. Блаватская жила в Одессе и Тифлисе, у своих родных, а в 1864 г. снова пустилась странствовать, достигла, наконец, Тибета и до 1872 г. разъезжала по Индии и Центральной Азии, изредка появляясь то в Италии, то в Египте, то в Греции, то в Одессе, откуда в 1873 г. уехала в Америку. Насколько верны все эти сведения, неизвестно; несомненно только то, что Елена Петровна побывала во многих и теперь малодоступных европейцу местах. Очевидно, что в пути судьба сводила ее с немалым количеством интересных людей, и рассказать здесь обо всех не представляется возможным, однако об одной встрече все же необходимо упомянуть.

В конце лета 1851 г. в Лондоне Елена наяву увидела того, чье присутствие ощущала постоянно и кого с ранних лет привыкла считать своим Покровителем – посвященного с Востока, из раджпутов, Махатму, т. е. Учителя, Морью (Мориа). Он настоятельно советовал Елене добраться до Гималаев, побывать в загадочном Тибете. Под его руководством Елена Петровна училась контролировать свои феноменальные способности (умение читать мысли, вызывать звуковые эффекты, заставлять двигаться мебель) и постигала мудрость Наставников – восточных адептов оккультных знаний – в одном из тибетских монастырей. Любопытно, что попала она в Тибет лишь в возрасте 33 лет. Последующие 7 лет Блаватская провела у махатм и была посвящена в их тайны. Об этих годах она никогда и нигде не рассказывала, выполняя одну из заповедей неофита – молчание. Итак, начиная с 1872 г. и до последних дней жизнь Елены Петровны носит на себе ясную печать духовной миссии. Период ученичества закончился. Пришло время служения.

В начале 1872 г. она основала в Каире Спиритуалистическое Общество, которое, однако, скоро распалось. Надо сказать, что, отдав в свое время дань увлечению этим занятием, Елена Петровна затем много лет подряд горячо боролась с ним, доказывая вредность подобных опытов для здоровья людей, в первую очередь – медиумов. В 1875 г. вместе со своим другом и единомышленником полковником Генри Стилом Олькоттом, человеком высоких нравственных достоинств, который приобрел известность в годы Гражданской войны благодаря своей безупречной службе, она создала в Нью-Йорке Теософское Общество, задачей которого стало преодоление конфликтов современной цивилизации: между материальностью и

духовностью человека, между религией и наукой. В понятие теософии как древней религии разума Блаватская вкладывала особый смысл: распространение веры в единство духовных сил человечества вне зависимости от сословий и рас. Она говорила: «Идеалы и вера почти везде утрачены… Люди нашего века требуют… научных доказательств бессмертия духа: древняя эзотерическая наука – Оумная религия (от санскритского слова «Оум» – высшая сила) – дает им их». В 1879 г. международная штаб-квартира Общества была перенесена в Бомбей, а позднее, в 1882 г. – в Адьяр, где находится и по сей день.

Еще одной вехой на пути «служения» Елены Петровны стала литературная деятельность. Религиоведческие и теософские труды, путевые очерки, фантастические повести и рассказы, разнообразная публицистика, письма, переводы ранее недоступных европейской науке манускриптов Востока и комментарии к ним – незавершенное собрание ее сочинений включает в себя 14 солидных томов. Индийские заметки Блаватской, опубликованные в России под псевдонимом Радда-Бай, «Из пещер и дебрей Индостана» (1880 г.), «Загадочные племена на Голубых Горах» (1884 г.) до сих пор остаются лучшими русскими книгами об Индии. Необыкновенные путешествия с приключениями оживают под ее пером с истинным блеском, а глубокие знания этимологии могли бы сделать честь любому филологу. Творчество Елены Петровны оказало влияние на таких крупнейших писателей нашего века, как Д. Лондон и И. Ефремов. Но основными трудами, снискавшими ей мировую славу, стали сочинения философско-религиоведческого характера, первым из которых была «Разоблаченная Изида» (1877 г.) – солиднейший двухтомник, где представлен глубокий анализ и сопоставление различных религиозных учений с данными современной науки и приемами магии в разных частях света.

Главным же наследием Блаватской наряду с теософскими работами «Ключ к Теософии» (1889 г.), «Голос Безмолвия» (1885 г.) и другими, как бы подытожившим творческий путь, является двухтомник «Тайная Доктрина» (1888 г.) – монументальный труд, возникший на озарении высших феноменальных способностей. В нем представлена некоторая архаическая мировоззренческая теория, лежащая в основе всех последующих религиозных систем. Уже один подзаголовок этой книги говорит за себя: «Синтез науки, религии и философии». И что поразительно – огромные тома «Тайной Доктрины» были написаны в течение двух лет. За это время трудно даже просто переписать такое количество страниц. Сама Елена Петровна

неоднократно утверждала, что не она автор своих книг, что она только орудие, только пишущая под диктант Учителей. Нужно сказать, что в наше время «Тайная Доктрина» представляет особый интерес. То, о чем писала Блаватская в позапрошлом веке, что подрывало многие научные устои, в настоящее время стало достоянием науки. Многие ее предсказания за прошедшие сто лет подтвердились исследованиями астрономов, археологов и других специалистов.

Конечно, вокруг имени Блаватской кипели нешуточные страсти. Посвятив весь остаток жизни пропаганде теософии, она «провинилась» перед христианским миром, а поскольку была яростным критиком материализма – то и перед атеистами. В 1884 г. ее «верные» слуги, супруги Куломб, опубликовали письма, якобы написанные Еленой Петровной, в которых она подробно излагала, каким образом производить «феномены». На этой почве разыгрался крупный скандал, вызвавший подробное расследование, результат которого был прискорбен для Блаватской: она была признана Лондонским обществом психических исследований простой обманщицей, морочившей простаков ложными чудесами. Этот несправедливый приговор о недостоверности ее феноменальных способностей и якобы придуманных ею самою махатм стал подоплекой и всех дальнейших «изобличений», и прямых нападок на Блаватскую. Кстати, недавно Общество психических исследований вернулось к этой истории и признало свое первоначальное заключение недействительным. Между прочим, в Индии к ее имени до сих пор относятся с величайшим почтением. Не кто иной, как великий Махатма Ганди писал: «Я был бы более чем удовлетворен, если бы смог коснуться края одежды мадам Блаватской».

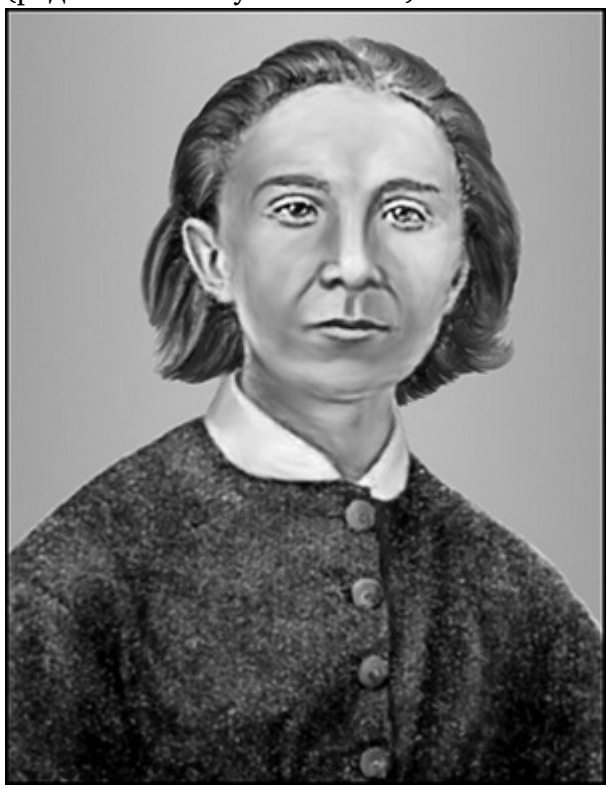
Елена Петровна тяжело переживала распространявшиеся о ней слухи. В конце концов все эти злобные выпады самым губительным образом отразились на ее здоровье. В течение всей своей жизни она неоднократно находилась на грани смерти, а может, и за ней, но каждый раз чудесным образом выздоравливала, приводя в недоумение врачей, предсказывавших скорую агонию. Так, в 1867 г. она оказалась в Италии среди повстанцев Гарибальди. Здесь ее, подобно князю Дмитрию Донскому, извлекли из-под груды мертвых тел – с двумя переломами левой руки, с засевшими в плече и ноге мушкетными пулями, с кинжальной раной в сердце. Одного из этих ранений хватило бы в то время, чтобы умереть, но Блаватская осталась жива, открыв счет своим исцелениям. Весной 1878 г. с ней случилось странное происшествие: она неожиданно упала в

обморок и находилась в нем несколько дней. Ее сочли умершей и собирались хоронить, когда из Индии была получена телеграмма от Учителя: «Не бойтесь, она не умерла и не больна, но заработалась. Тело ее требовало отдыха. Будет здорова». В начале пятых суток Блаватская пришла в себя и действительно оказалась совершенно здорова. Последнее, третье выздоровление было особенно необыкновенным. Два доктора нашли ее положение безнадежным и только удивлялись, как она еще до сих пор жива с такими тяжелыми недугами. Ночью у нее началась агония, но когда появились первые солнечные лучи, утомленные сиделки увидели, что на кровати сидит спокойная, бодрая Елена Петровна. На вопрос, что же с ней случилось ночью, она ответила: «Учитель был здесь. Он предложил мне на выбор – или умереть и освободиться, если я того хочу, или жить еще и кончить «Тайную доктрину». Он сказал мне, как тяжелы будут мои страдания и какое трудное время предстоит мне. Но когда я думала о тех людях, которым мне разрешено передать мои знания… я решилась пожертвовать собой».

На фоне этих историй особо странной выглядит смерть Блаватской. 8 мая 1891 г., почти без всякой предупреждающей болезни Елена Петровна скончалась в Лондоне, в своем рабочем кресле, как истинный воин Духа, коим она и была. Впрочем, если смотреть глазами теософа, ничего необычного в этом нет. Просто миссия ее на Земле была окончена, и в этот раз она дала согласие на уход. Ее тело было предано сожжению, и пепел был разделен на три части: одна сохраняется в Адьяре под Мадрасом, другая – в Нью-Йорке, третья оставлена в Лондоне. День ее успокоения чествуется в трех частях света под названием «Дня Белого Лотоса». По мнению одного из современников, «в ней была крепость и достоинство древнего друида и лучше всего ее определяет девиз друидов: “За истину – против всего мира”».

ПОТАНИНА АЛЕКСАНДРА ВИКТОРОВНА

(род. в 1843 г. – ум. в 1893 г.)



Замечательная русская путешественница, этнограф и фольклорист, посвятившая себя исследованиям Китая, Монголии, Восточного Тибета. Художник. Автор 20 научных работ и литературно-художественных произведений. Член Русского Географического общества. Удостоена золотой медали Русского Географического общества за этнографический очерк «Буряты».

Александру Викторовну чаще всего относят к «музам дальних странствий», забывая при этом о ее огромном научном вкладе исследователя. Возможно, потому, что как жена знаменитого

путешественника Г. Н. Потанина она никогда официально не числилась ни в одной экспедиции, хотя «сумела оставить по себе неизгладимую память в истории землеведения Азии» (Д. Н. Анучин). Женщина исследовательница и путешественница – для России XIX в. это само по себе подвиг. И своим приходом в науку Александра Викторовна обязана только своей воле, желанию и недюжинному уму.

Ни отец, Виктор Николаевич Лаврский, небогатый нижегородский священник, ни мать, вечно хлопочущая по хозяйству, не уделяли должного внимания образованию родившейся у них 25 января 1843 г. дочери. Шурочка была усидчивым и способным ребенком, но систематических знаний не получила и жила «отраженным светом» своих братьев Константина и Валериана. Чтению и письму ее обучила мать, литературой она занималась под руководством знакомой родителей, Е. П. Юрьевой, тетки популярного в те годы беллетриста Боборыкина, и уже в восемь лет пыталась заняться сочинительством. Брат Валериан привил ей тягу к естественным наукам и серьезному чтению, научил собирать гербарии, ввел в мир интересных физических опытов. И только он поощрял увлечение рисованием.

После смерти отца в 1861 г. Александра открыла школу для девочек, а через пять лет получила место воспитательницы в женском епархиальном училище. Работа не приносила ей морального удовлетворения, но всерьез заняться литературой, наукой или живописью не представлялось возможности. В 1872 г. она поехала проведать брата Константина, отбывающего ссылку в г. Никольске Вологодской губернии. Он познакомил Александру со своим другом, Григорием Николаевичем Потаниным. К своим 37 годам тот немало повидал и пережил: окончил кадетский корпус, шесть лет отдал ненавистной военной службе, три года проучился в Петербургском университете, а после его закрытия за связь с сибирским землячеством попал в разряд неблагонадежных. На родину, в Сибирь он вернулся вместе с астрономической экспедицией К. В. Струве. Его интерес и доброе отношение к коренному населению как «столоначальника по инородческим делам» жандармское начальство восприняло как революционную деятельность. К моменту знакомства с Александрой Потанин полной мерой хлебнул тюрьму, каторгу и ссылку. В Григории Николаевиче ее привлекала сила духа, неудержимый интерес к людям, приверженность науке и вера, что она должна служить обществу. Взгляды Потанина полностью соответствовали ее собственным стремлениям, не получавшим выхода.

Спустя год, насыщенный интенсивной перепиской, Александра Викторовна вновь приехала в Никольск, чтобы навек соединить свою жизнь с близким по духу человеком, которого полюбила. Она стала для Потанина тем «рычагом», который изменил его судьбу. «…Какие потоки света хлынули на него, какими цветами радуги заиграло его воображение, какое идеальное настроение сказалось в его духе, какой полет получила мысль, сколько явилось новых планов, какой энергией дышала эта сильная натура», – писал его друг Н. М. Ядринцев. Это влияние было двусторонним и открыло перед женщиной дорогу в науку.

В 1874 г. Потанины переехали в Петербург, чтобы осуществить давнюю мечту Григория Николаевича: через Русское географическое общество начать исследования Монголии. Александра Викторовна приняла деятельное участие в подготовке экспедиции, возглавляемой мужем. А все свободное время она уделяла пополнению своих знаний: читала необходимую научную литературу, посещала лекции корифеев русской науки, изучала в лабораториях методы коллекционирования растений, препарирования животных, шлифовку образцов горных пород. «Скромная застенчивая женщина, сухощавая блондинка с коротко подстриженными волосами и тонким певучим голосом» в короткий срок подружилась со многими деятелями науки и искусства, привлекая людей тонкой наблюдательностью, сдержанностью суждений и умом.

Александра Викторовна стала бескорыстной энтузиасткой в деле своего мужа и вместе с ним отправилась в свое первое полуторалетнее путешествие по Монголии и Китаю (1876–1877 гг.). На всем протяжении пути она проявила неслыханную выносливость, доходившую порой «до почти полного забвения личных потребностей» (К. А. Тимирязев). Высокогорные перевалы Алтая, жаркая безводная пустыня Гоби, рискованный переход по территории китайского Туркестана, речные переправы, отсутствие полноценной пищи, переезды на верблюдах и лошадях – ничто не смущало ее дух, не выводило из равновесия. Работала Потанина наравне с мужчинами. Она собирала и составляла гербарии, вела метеорологические наблюдения и заполняла путевые дневники. Ее, как и мужа, в первую очередь интересовали люди, их обычаи и верования, воспитание детей и быт. Недоверчивые племена монголов-кочевников относились чаще всего без привычной враждебности к европейским путешественникам, среди которых была женщина. Александра Викторовна заполняла свои путевые альбомы бесчисленными и разнообразными зарисовками местности, людей, их одежды, жилищ, утвари. Впервые ею были

отображены очертания древних керуксуров (могильных насыпей) в долине реки Буянту.

Свои впечатления о путешествии, о жизни народа и в частности женщин Потанина передала в интереснейших географо-этнографических очерках: «О китайской женщине», «Монголия и монголы», «Из странствия по Урянхайской земле», «Театральные и религиозные представления в Китае».

После второго путешествия по Северо-Западной Монголии (1879 г.) Потанины подготовили четырехтомное издание «Очерки Северо-Западной Монголии», два из которых составили этнографические материалы, собранные Александрой Викторовной: богатейший народный эпос, описание обычаев и верований различных племен. На подготовку этих книг ушло почти три года. Издание произвело огромное впечатление на русскую общественность. Когда друзья интересовались ее вкладом в «семейное дело», Потанина скромно отмалчивалась. «Всегда готовая признать чужие заслуги, она тщательно умалчивала о своих», – писал Григорий Николаевич, признавая неоценимую помощь жены. За свой огромный труд она не получала никакой оплаты. Семья жила скромно и часто испытывала нужду, сберегая все средства для экспедиций. Александра Викторовна никогда не жаловалась. Их небольшой дом в Петербурге и в Иркутске всегда был полон друзей и молодежи, интересующейся естественными науками. Супруги умели «воздействовать на личности» добрым отношением и непритворным вниманием.

Для научной деятельности Потаниных были очень важны третья и четвертая экспедиция (1884–1886 гг.). Географическое общество предложило им исследовать Восточные окраины Тибета и китайские провинции Ганьсу и Сычуань. Для этого экспедиция вначале совершила почти кругосветное морское путешествие на военном фрегате «Минин», длившееся семь месяцев: выйдя из Кронштадта, обогнув всю Европу, через Суэцкий канал и Индийский океан путешественники прибыли в Чифу (Китай). Часто путь Потаниных совпадал с маршрутами, пройденными Н. М. Пржевальским. Только, в отличие от его военизированного отряда, эту экспедицию племена тангутов и шираегуров встречали доброжелательно, несколько охотничьих ружей не представляли для них опасности. Знаменитый географ В. А. Обручев писал: «Не уклонюсь от истины, если скажу, что Пржевальский относился к туземцам внутренней Азии подозрительно, Певцов – снисходительно, а Потанин – с любовью». И как обычно, неоценимую помощь при контакте с местным населением оказывала Александра Викторовна. Только

ей монголы и тибетцы открыли доступ в свои семьи. Она лечила женщин и детей, учила их вязать по-европейски. Быстрее всех в группе Потанина овладевала языками и общалась с людьми, собирая при этом бесценный этнографический материал. Весть о доброй русской женщине зачастую опережала прибытие экспедиции. Александра Викторовна стала первым путешественником, изучающим жизнь женщин Азии.

Благодаря художническому дару Потанина создала огромный иллюстративный материал: терпеливо срисовывала бесценные ритуальные узоры, украшения, предметы быта, замечательные пейзажи, запечатлела оригинальные тибетские храмы, монахов и лам. В своих очерках «Тибет» и «Гумбум, монастырь зонкавистов» она подробно описала культ Будды, а также быт и нравы тибетцев. Редкостные экземпляры флоры обогатили ее гербарии. За время этого путешествия Александра Викторовна преодолела 5700 верст и пережила две суровых зимовки. Отсутствие минимальных удобств, а зачастую пригодной для питья воды, перепады температуры сильно подорвали ее здоровье, которое никогда не было крепким. Достаточно сказать, что бывали дни, когда путешественникам приходилось раскапывать мышиные склады, чтобы «похитить» у них съедобные коренья или злаки. Терпение и мужество этой хрупкой женщины превосходило все мыслимые нормы. Григорий Николаевич, хотя и был любящим мужем, зачастую не замечал, как жене было трудно сносить все испытания. Она никогда не жаловалась и даже добровольно взвалила на свои плечи все хозяйственные заботы экспедиции: закупала продукты и инвентарь, договаривалась с проводниками, вела учет всех собранных образцов и следила за их сохранностью. Все она делала ради любви к науке и, естественно, к своему мужу, благодаря которому ее жизнь наполнилась смыслом.

Александра Викторовна тщательно скрывала от мужа свои болезни. Ревматизм обострился настолько, что каждое движение причиняло ей боль, сильно сдало сердце. Но Потанин уже мечтал о следующей экспедиции в таинственную столицу Тибета, и преданная жена не могла его подвести. «Узнает – останется, а мешать ему – это ли мое предназначение…» – часто повторяла она.

Последняя экспедиция Потаниных началась осенью 1892 г. Григорий Николаевич решил быстро миновать ранее изученный отрезок пути и для этого нанял конные монгольские «кареты» – ящики на колесах и без рессор. Постоянный грохот и тряска вскоре отразились на состоянии сердца Александры Викторовны. Врач в Пекине категорически запретил ей отправляться в дорогу, но сорвать экспедицию она не могла себе позволить. Часть пути

(очерк «1100 верст на носилках») Потанину несли на носилках, а она упорно продолжала рисовать и писать. Когда экспедиция вступила на Тибетское нагорье в районе Торсандо, Александру Викторовну разбил паралич, но немыслимым усилием воли она поднялась и уговорила спутников двигаться в глубь Тибета. По дороге в Шанхай ее постиг второй удар, и 19 сентября 1893 г. Потанина скончалась.

Григорий Николаевич исполнил последнюю волю жены и, прервав экспедицию, похоронил ее в русской земле. В пограничной Кяхте на погребении присутствовало все население, были закрыты школы и магазины. Люди понимали, какую замечательную женщину они провожали в последний путь. Потанин пережил супругу на 23 года, работал редактором, писал воспоминания, занимался общественной деятельностью и только один раз решился участвовать в небольшой экспедиции. «Без Саши я потерял интерес к жизни и к науке», – часто повторял он, проклиная себя до конца жизни, что «не доглядел».

Имена Потаниных носят улицы Иркутска и других сибирских городов, центральная городская библиотека Иркутска, заложенная на средства Александры Викторовны. В их честь сияют кристально чистые ледники Монгольского Алтая – «Потанин» и «Александрин».

КОВАЛЕВСКАЯ СОФЬЯ ВАСИЛЬЕВНА

(род. в 1850 г. – ум. в 1891 г.)

Выдающийся русский математик и литератор, первая женщина член-корреспондент Петербургской академии наук (1889 г.), профессор Стокгольмского университета (1884 г.), автор трудов по математическому анализу, механике и астрономии.

В семье полковника артиллерии Василия Васильевича Корвин-Круковского после рождения первенца – дочери Анюты – семь лет мечтали о сыне. Поэтому, когда в ночь на 15 января 1850 г. во II квартале Сретенской части Москвы, в доме Стрельцова (сохранился до наших дней) на свет появилась девочка, родители были разочарованы. Малышку окрестили Софьей и сдали на попечение няни Прасковьи. В 1858 г. Василий

Васильевич вышел в отставку и поселился в своем родовом имении в селе Полибино Великолукского уезда (юг Псковской области). Тогда же Корвин-Круковские после многолетнего сбора доказательств благородного происхождения получили, наконец, свидетельство о дворянстве. А вскоре родился долгожданный наследник – сын Федор.

В семейных преданиях Круковских почти ничего не сохранилось о раннем детстве Сони. Мать семейства, Елизавета Федоровна, женщина образованная, была даже знакома с идеями французского философа Жан Жака Руссо, однако проводить какие-либо принципы в воспитании детей не пыталась – они росли «как трава в поле». Такое положение вещей в конце концов обеспокоило отца. Няня была отстранена от детской, а в дом пригласили поляка-учителя и гувернантку – англичанку Маргариту Францевну Смит, круто изменившую весь уклад неспешной деревенской жизни. Отныне дети вставали «на заре» и бежали к умывальнику, где горничная быстро окатывала их ледяной водой и крепко растирала мохнатым полотенцем. Со временем нововведение англичанки понравилось Соне: «На мгновение захватывало дух от холода, а затем кровь горячо бежала по жилам, и тело становилось необыкновенно легким и упругим», – вспоминала она. Если на улице не было ветра и термометр показывал меньше десяти градусов мороза, девочка должна была идти на обязательную полуторачасовую прогулку, которую англичанка совершала ежедневно, невзирая ни на что. Многое из насаждаемого неумолимой мисс Смит пошло излишне самолюбивой Софье на пользу, но многое только усилило ее душевное одиночество, возникшее из-за постоянного ощущения, что в семье ее не любят.

Другой учитель, поляк Иосиф Игнатьевич Малевич приучил Соню к систематическим занятиям и серьезному отношению к своим обязанностям. Как специалист по историко-филологическим наукам, он обучал девочку прежде всего истории, географии, русскому языку. Придерживаясь мнения, что математика, как наука положительная, развивает быстрое соображение, верность взгляда, приучает излагать понятия и суждения кратко, ясно и логично, Малевич стремился дать своей ученице прочные знания и в этой области. Однако поначалу она не проявила ни особого интереса, ни способностей к математике. Еще в пять лет Софья начала сочинять стихи, а в двенадцать уверяла, что станет поэтессой. Но случилось иначе. Довольно скоро девочка открыла для себя изящество и стройность формул, всей душой полюбила изысканную логику рассуждений, оценила гармонию, единившую эту науку с милой ее сердцу поэзией.

Математика оказалась такой красивой… «Нельзя быть математиком, не будучи в то же время и поэтом в душе», – много позже утверждала она.

Немалую роль в развитии тяги к занятиям сыграло желание заслужить похвалу отца, интересовавшегося математикой, завоевать его любовь своими успехами. Даже будучи взрослой, Софья Васильевна по-прежнему нуждалась в поощрении, в человеке, который разделял бы ее интересы.

Однажды сосед по имению, известный профессор Морского корпуса Николай Никанорович Тыртов, привез Корвин-Круковским в подарок свой «Элементарный курс физики». Девочка с большим энтузиазмом взялась за чтение, но «споткнулась» о неизвестные ей в ту пору тригонометрические понятия – синусы, косинусы, тангенсы. Малевич, стоявший за системность и последовательность обучения, отказался от объяснений, и тогда с упорством, свойственным ей с детства, Соня принялась за изучение применения этих функций, разгадала их смысл и самостоятельно вывела простейшие формулы. «Сама того не сознавая, – рассказывал позже ее брат Федор, – она как бы вторично создала целую отрасль науки – тригонометрию. Живи она несколько лет раньше и сделай то же самое, этого было бы достаточно для того, чтобы потомство поставило ее наряду с величайшими умами человечества. Но в наше время труд ее, хотя и не имевший непосредственного научного значения, тем не менее обнаруживал в ней дарование, совершенно выходящее из ряда обыкновенных, в особенности, если принять во внимание, что он исходил от 14-летней девочки!»

Этот случай окончательно убедил Василия Васильевича в уникальных способностях дочери, и, следуя настойчивому совету Тырнова дать ей возможность заниматься высшей математикой, он обратился к широко известному в кругах петербургской интеллигенции замечательному педагогу Александру Николаевичу Страннолюбскому. В одном из посланий к сестре Соня пишет: «Страннолюбский просидел у нас весь вечер. Он вовсе не озлился, когда я сказала ему, что собираюсь, кроме математики, заниматься еще физиологией, анатомией, физикой и химией; напротив, он сам согласился, что одна математика слишком мертва, и советовал не посвящать себя исключительно науке и заняться даже практической деятельностью».

К 18 годам Софья превратилась в очаровательную девушку, робкую и застенчивую при незнакомых людях, но стоило ей заговорить, как она сразу оказывалась в центре внимания. Ее круглое лицо с прелестной ямочкой на подбородке матово светилось, живые глаза вопрошающе смотрели на мир, движения

были порывисты, речь быстрая, слова перегоняли друг друга. Ее стремление к науке было велико, хотя Соня и не решила еще, будет ли это увлекшая ее математика или нужная народу медицина (в ее характере всегда было стремление приносить общественную пользу). В любом случае стояла необходимость продолжать учебу, но высшее образование для женщин возможно было получить только за границей. И то – далеко не везде и только замужним. Замуж так замуж – трудности Сонечку никогда не страшили. В то время среди «передовых» барышень был широко распространен фиктивный брак как средство избавиться от родительской опеки, и 15 сентября 1868 г. в деревенской церкви близ Полибино состоялась свадьба.

Владимир Онуфриевич Ковалевский, занимавшийся в то время издательской деятельностью, был родом из мелкопоместных дворян. Он получил хорошее образование, отличался прогрессивными взглядами, а вот предпринимательской хватки у него не было: он заимел большие долги; нераспроданные книги его издательства лежали мертвым грузом. Молодая жена вызывала у Владимира Онуфриевича искреннее восхищение: «Я думаю, что эта встреча сделает из меня порядочного человека, что я брошу издательство и стану заниматься, хотя не могу скрывать от себя, что эта натура в тысячу раз лучше, умнее и талантливее меня. О прилежании я уже и не говорю, как говорят, сидит в деревне по 12 часов, не разгибая спины, и, насколько я видел здесь, способна работать так, как я и понятия не имею», – писал он брату. Испытывая обоюдную симпатию, супруги тем не менее долгое время держались обособленно. Она – ввиду врожденной скромности и приобретенной неуверенности в возможности быть любимой. Он – не желая мешать ее устремлениям и навязываться в фактические мужья. Почти 10 лет они «деликатничали», заставляя страдать друг друга, однако нельзя не признать, что такие отношения в немалой степени взаимно стимулировали научную и общественную деятельность Ковалевских.

Вскоре после свадьбы молодожены стали посещать в Петербурге лекции по естествознанию профессора И. М. Сеченова. Но физиология Софью не заинтересовала, зато Владимир Онуфриевич очень увлекся палеонтологией и в дальнейшем добился в этой области значительных успехов, стал автором известных научных трудов. Весной 1869 г. Ковалевские уехали за границу, Софья Васильевна для изучения математики, а ее муж – геологии.

Не найдя хороших математиков в Вене, Софья переехала в Гейдельберг, где не без трудностей, но была-таки допущена к

посещению лекций в местном университете. В течение трех семестров 1869/1870 учебного года она слушала курс теории эллиптических функций у Кенигсбергера, физику и математику у Кирхгофа, Дюбуа Реймона и Гельмгольца, работала в лаборатории химика Бунзена – самых известных ученых Германии. Занималась Ковалевская с тем напряжением, с каким всегда шла к намеченной цели – забывая обо всем на свете, и вскоре приобрела такую славу в небольшом городке, что матери показывали на нее детям на улице. Мечтая учиться в Берлинском университете, Софья в октябре 1870 г. отправилась в немецкую столицу к крупнейшему в то время математику Карлу Вейерштрассу, которого называли «великим аналитиком с берегов Шпрее». Старый холостяк и убежденный противник высшего женского образования, Вейерштрасс был настолько покорен умом и обаянием девушки, что не только предпринял попытку (к сожалению, неудачную) походатайствовать перед академическим советом о допущении госпожи Ковалевской к его лекциям, но и с удовольствием взялся заниматься с ней частным образом. За четыре года, проведенные в Берлине, Софья Васильевна опубликовала три статьи (о решении дифференциальных уравнений в частных производных, об абелевых и эллиптических интегралах и о форме кольца Сатурна). В июле 1874 г. Совет Геттингенского университета присудил Ковалевской степень доктора философии по математике и магистра изящных искусств «с наивысшей похвалой». На защите Вейерштрасс сказал: «Что касается математического образования Ковалевской, то я имел очень немного учеников, которые могли бы сравниться с ней по прилежанию, способностям, усердию и увлечению наукой».

В Россию Ковалевская возвращалась окрыленная успехом, полная надежд. Она мечтала предложить родине и талант свой, и труд. Поначалу казалось, что чаяниям ее суждено сбыться. Было организовано чествование Софьи и ее подруги – химика Юлии Всеволодовны Лермонтовой; жизнь обещала быть насыщенной – новые знакомства, литературные кружки, посещение театров – и виделась в радужном свете до тех пор, пока Софья Васильевна не занялась поисками работы. В России по существующим законам она, как представительница слабого пола, имела право преподавать только в женских гимназиях: ни в Петербургском университете, ни на открывшихся накануне Высших женских Бестужевских курсах места для ученого, работами которого восхищались лучшие умы Европы, не оказалось. Однажды, когда петербургский чиновник в очередной раз отказал Ковалевской, заявив, что преподаванием всегда занимались мужчины и не надо никаких нововведений, она смело парировала: «Когда Пифагор

открыл свою знаменитую теорему, он принес в жертву богам 100 быков. С тех пор все скоты боятся нового». Не сумел найти достойного приложения своих знаний и Владимир Онуфриевич.

Надо сказать, что брак Ковалевских со временем перешел-таки из разряда фиктивных в фактический. В октябре 1878 г. у супругов родилась дочь Софья. Фуфа (так называли малышку в семье) в детстве большую часть времени провела у Юлии Лермонтовой, ставшей для нее не только воспитательницей, но и второй матерью. Забегая вперед, скажем, что когда Софья Васильевна внезапно скончалась, участие в судьбе осиротевшей девочки приняли многие друзья и знакомые, но самым близким для нее человеком осталась «мама Юля». Материнская привязанность уже стареющей Юлии Всеволодовны проявилась в ее завещании: свое имение она передавала в полную собственность малолетней Соне (Софье Владимировне) Ковалевской.

Отчаявшись найти место преподавателя, Софья Васильевна обратилась к литературно-публицистической деятельности, благо, что склонность к этому ремеслу она имела давнюю и немалую. В 1876–1877 гг. она сотрудничала в газете «Новое время», выступая как научный обозреватель и театральный критик, что давало выход ее писательскому таланту и приносило некоторый доход. Занимаясь журналистикой, Софья Васильевна подружилась с И. С. Тургеневым, возобновила теплые отношения с Ф. М. Достоевским (он в свое время сватался к ее сестре Анне), очень заинтересовалась творчеством Л. Н. Толстого. Однако вскоре с газетой пришлось расстаться, и перед молодой женщиной опять возник вопрос: к чему приложить свои силы и знания?..

Тем временем финансовое положение Ковалевских оставляло желать лучшего. Отцовское наследство в 50 тыс. рублей частью пошло на уплату старых долгов Владимира Онуфриевича, а на оставшиеся деньги супруги построили на Васильевском острове в Санкт-Петербурге дома и бани, которые сдавали внаем. Но не имея ни малейшего предпринимательского таланта, Ковалевский скоро окончательно запутался в финансовых делах и в апреле 1883 г. решился на крайний шаг – добровольно ушел из жизни. Трагическое известие застало Софью Васильевну в Париже, где она, как вновь избранный член Парижского математического общества, собиралась сделать сообщение о некоторых своих исследованиях. Тяжело переживая смерть мужа, она обвиняла себя в происшедшем, и лишь в начале июля, кое-как оправившись от потрясения, нашла силы приехать в Берлин, под гостеприимный кров старого профессора Вейерштрасса. В ноябре

Софья Васильевна получила приглашение шведского математика г. Миттаг-Лефлера занять должность приват-доцента в Стокгольмском университете. Встречали ее восторженно. «Принцесса науки, госпожа Ковалевская почтила наш город своим посещением», – писали газеты.

30 января 1884 г. взоры собравшихся в большой университетской аудитории были прикованы к миниатюрной женщине в черном бархатном платье без украшений, поднявшейся на кафедру. Бледная, с широко открытыми глазами, она казалась спокойной и уверенной, но сама с ужасом думала, что сегодня решается ее судьба. «Господа, среди всех наук, открывающих человеку путь к познанию законов природы, самая могущественная, самая великая наука – математика», – так начала свою первую лекцию Софья Ковалевская. С точностью, ясностью и поэтической теплотой излагала она трудный вопрос, и, когда затихла последняя фраза, профессора устремились к ней, жали руку, шумно благодарили и поздравляли с блестящим началом. Курс, прочитанный Софьей Васильевной на немецком языке, носил частный характер, но составил ей отличную репутацию, и уже в июне она была «назначена профессором сроком на пять лет». Последующие курсы (а всего их было 12) Ковалевская читала по-шведски, настолько полно овладев не только разговорной, но и литературной речью, что публиковала на этом языке свои математические работы и даже беллетристические произведения.

Помимо более чем успешной преподавательской деятельности Ковалевская была одним из редакторов крупного математического журнала. Будучи весной 1886 г. в Петербурге, пыталась добиться финансовой поддержки для своего издательства, но уехала ни с чем. А в Россию Софью Васильевну привело печальное событие – серьезная болезнь сестры Анны. Вернувшись в Стокгольм с тяжелым сердцем, Ковалевская нашла выход накопившимся чувствам и мыслям в литературном творчестве. Совместно со шведской писательницей А.-Ш. Эдгрен-Лефлер она стала автором двух пьес, составляющих во многом автобиографическую драму «Борьба за счастье», в которой показала развитие одних и тех же событий с противоположных точек зрения: «как оно было» и «как могло быть». В основе сюжета лежит убеждение, что все поступки людей заранее предопределены, но всегда существуют такие моменты, когда дальнейшее течение жизни зависит от избранного пути. К необыкновенной драме Софья Васильевна дала и предисловие не менее оригинальное, объясняя человеческие поступки примерами из области механики.

Выплеснув на бумагу мысли о любви, о своем понимании счастья, она смогла вернуться к занятиям математикой. В ту пору Ковалевская увлеклась решением одной из труднейших задач о вращении твердого тела вокруг неподвижной точки, которая сводится к интегрированию некоторой системы уравнений, всегда имеющей три определенных алгебраических интеграла. Лишь в тех случаях, когда удается найти четвертый интеграл, задачу можно считать полностью выполненной. Софья Васильевна блестяще справилась с проблемой. До сей поры четыре алгебраических интеграла существуют лишь в трех классических случаях: Эйлера, Лагранжа и Ковалевской. В 1888 г. ею была представлена работа на конкурс Парижской академии наук, которая была признана «замечательным трудом» и удостоена премии Бордена. За пятьдесят лет, которые прошли с момента учреждения этой награды «за усовершенствование в каком-нибудь важном пункте теории движения твердого тела», ее присуждали всего десять раз, а последние три года подряд достойных и вовсе не находилось. Тем почетнее был успех Софьи Васильевны. К тому же ввиду серьезности исследования премия была увеличена с обычных трех до пяти тысяч франков. Воодушевленная признанием заслуг, Ковалевская поселилась близ Парижа, в Севре, и углубилась в дополнительные исследования. В 1889 г. за сочинение, связанное с предыдущей работой, она получила премию короля Оскара II в тысячу пятьсот крон от Шведской академии наук.

Все бы хорошо, но неуемная тоска по родине, нереализованное стремление приносить пользу отечеству отравляли радость научного триумфа. Чувства эти послужили стимулом к написанию семейной хроники «Воспоминания детства» (1890 г.). В апреле 1890 г. Софья Васильевна последний раз посетила Россию. Полгода назад она была избрана член-корреспондентом Петербургской академии наук (правда, как представитель шведской науки) и теперь лелеяла надежду стать действительным членом уважаемого заведения, заняв место умершего математика Буняковского, что дало бы ей, наконец, возможность приобрести материальную независимость и заниматься наукой в своей стране. Увы, когда она пожелала соответственно своему статусу посещать заседания, ей ответили, что присутствие женщин «не в обычаях Академии». Разочарованная, Ковалевская вернулась в Стокгольм.

В конце недолгого жизненного пути судьба послала Софье Васильевне то ли подарок, то ли новое испытание. В 1888 г. она встретила человека, словно предопределенного для нее изначально. Историк, юрист, социолог и общественный деятель

Максим Максимович Ковалевский (однофамилец – странное совпадение) был выходцем из богатого помещичьего рода, рос в дворянской семье в г. Харькове. Учился в Харьковском университете, а затем в Европе. На его работы о поступательном развитии общества опирались в своих трудах К. Маркс и Ф. Энгельс. Знавшие его люди говорили: «У Ковалевского благородное сердце». Талантливый ученый и просто обаятельный человек – он, несомненно, был незаурядной личностью, и нет ничего удивительного в том, что при первой же встрече Софья Васильевна была очарована его остроумием и интеллектом. Свидетели развития их романа единодушно утверждали, что новые отношения совершенно преобразили Ковалевскую: она похорошела, сменила строгие черные платья на яркие, нарядные. Влечение было обоюдным, и дело шло к свадьбе, однако непомерно завышенные требования Софьи Васильевны к себе, а стало быть, и к другим в очередной раз сыграли с ней плохую шутку. Высказанная однажды мысль: «Я чувствую, что предназначена служить истине – науке», ставшая девизом всей жизни, не позволила отказаться от своего предназначения и остаться просто любящей женщиной. Понимая, что отношения зашли в тупик, она тем не менее не находила в себе силы отказаться ни от научных изысканий, ни от надежд на женское счастье. Исполненная тяжелых предчувствий накануне нового 1891 г., Софья Васильевна, будучи в Генуе, попросила Максима Ковалевского сопровождать ее на кладбище Санто-Сампо. Бродя меж величественных памятников знаменитого «города мертвых», она произнесла пророческую фразу: «Один из нас не переживет этот год!»

Возвращаясь в Швецию, Ковалевская жестоко простудилась. Мучимая частым сухим кашлем и лихорадкой, она много говорила о смерти. Неожиданно стала сторонницей индуистского способа погребения – кремации; ее преследовал страх быть похороненной заживо. Сказывалось сильнейшее нервное напряжение последних лет. Однако, вопреки всему, она вынашивала планы новой научной работы, начала писать философскую повесть «Когда не будет больше смерти», продолжала ходить и читать лекции, пока окончательно не слегла. Врачи диагностировали сильное воспаление легких, друзья усердно за ней ухаживали, но никто не предполагал близкого конца. Агония началась внезапно. 10 февраля 1891 г. великая женщина-математик Софья Васильевна Ковалевская умерла от паралича сердца. Ее последними словами были: «Слишком много счастья…»

СКЛОДОВСКАЯ-КЮРИ МАРИЯ

(род. в 1867 г. – ум. в 1934 г.)

Физик и химик, одна из создателей учения о радиоактивности. Совместно с мужем Пьером Кюри открыла радий и полоний. Дважды лауреат Нобелевской премии – за исследование радиоактивности (1903 г.) совместно с П. Кюри и А. Беккерелем; за исследование свойств металлического радия (1911 г.).

В мире, пожалуй, не было и нет ни одной женщины, которая была бы столь популярна в области науки, как Мария Кюри. Еще при жизни за свои уникальные открытия эта выдающаяся женщина, настоящая подвижница науки была удостоена всевозможных почестей и прославилась на весь мир. Два раза она была награждена Нобелевской премией. Никогда ни один

мужчина или женщина не были отмечены этой почетной наградой дважды. Чем объяснить столь грандиозный успех: гениальностью Марии, ее упорным, титаническим трудом, а может, редким, почти невероятным везением, которое сопутствовало ей? Теперь уже трудно представить, что малейшая случайность, поворот судьбы – и не знала бы наука великого имени Марии Кюри.

Мария Склодовская родилась в Варшаве 7 ноября 1867 г. Отец ее, Иосиф Склодовский, был скромным учителем физики и математики. В семье, где росло пятеро детей, Мария была младшей. Жизнь Склодовских была нелегкой: мать медленно угасала от туберкулеза, а отец выбивался из сил, чтобы лечить жену и воспитывать детей. Не имея достойного заработка, Склодовские отдали часть своего дома пансионерам – детям из пригорода, которые учились в Варшаве, и потому в доме всегда было шумно, беспокойно. Уже в одиннадцать лет Марии довелось испытать огромное горе – смерть матери и старшей сестры. Пережить тяжелые потери детям помог их прекрасный отец, который любил и понимал их, всегда был для них первым советчиком и надежной поддержкой. Он сделал все, чтобы каждый из детей в полной мере мог радоваться жизни. Любовь к отцу и ощущение душевной близости Мария сохранила на всю жизнь. Один за другим дети заканчивали гимназии, причем все с золотыми медалями. Не стала исключением и Мария, которая с самого детства росла любознательной и в гимназии была первой ученицей.

В те годы в Варшавском университете учиться могли только мужчины, а оплачивать обучение своих дочерей за границей Иосифу Склодовскому было не под силу. Не имея возможности продолжить образование, Мария стала зарабатывать уроками, но репетиторство едва позволяло сводить концы с концами. Понимая бесперспективность своего труда, девушка стала искать хоть какой-нибудь выход. Она тщательно подсчитала все имевшиеся в семье средства и пришла к выводу, что ее старшая сестра Броня, мечтавшая о медицинском образовании, может отправляться в Париж учиться, а она, Мария, будет работать и регулярно высылать ей деньги. Когда же Броня получит специальность, она в свою очередь поможет ей. Поколебавшись, Броня согласилась и уехала во Францию, а Мария отправилась в деревню, где получила место гувернантки в семье богатых помещиков. Три долгих мучительных года жила она в далекой от дома провинции, среди чужих людей. Там она мечтала о знаменитой Сорбонне, где преподавали химию, физику, биологию, социологию и математику. Каждую свободную минуту Мария проводила за книгами и учебниками, которые в то время были единственной

радостью в ее однообразном существовании. Она не только много читала, но и решала алгебраические и тригонометрические задачи, выполняла задания по физике и химии. Тогда же девушка поняла, что ни одна из наук не привлекает ее так, как физика и математика.

Одиночество Марии порой становилось невыносимым, и казалось, время для нее остановилось. Но терпение девушки было бесконечным, хотя в те годы в ее жизни было гораздо больше разочарований, чем радостей. Даже одно-единственное значительное событие, происшедшее с нею за время жизни в деревне, закончилось болью и печалью. Мария полюбила сына хозяев, тот отвечал ей взаимностью. Но родители, недовольные выбором сына, воспротивились их отношениям. Пережив личную драму, гордая Мария еще больше замкнулась в себе.

В марте 1889 г. Мария, наконец, вернулась в Варшаву, где снова начала работать гувернанткой. Только в 24 года она уехала в Париж, куда ее пригласила старшая сестра, выходившая замуж. Прошло уже восемь лет после того, как Мария окончила гимназию, шесть из них она проработала гувернанткой. Девушка часто задумывалась над тем, что ждет ее в будущем, но вряд ли, отправляясь во Францию, она сознавала, что свой жизненный выбор уже сделала. Это был выбор «между светом и тьмой, между убожеством серых будней и великой жизнью». В Париже осуществилась давняя и страстная мечта Склодовской – она стала студенткой факультета природоведения престижного французского университета.

Мария поселилась в маленькой квартирке, поближе к университету, лабораториям и библиотекам. Ее комната почти не отапливалась, в ней не было ни освещения, ни воды. Средств не хватало даже на самое необходимое: бывало, что от недоедания Мария теряла сознание. Несмотря на это, девушка с головой окунулась в учебу: шаг за шагом она проходит курс математики, химии, физики, осваивает технику исследований. Ей казалось, что свою жажду знаний она не сможет утолить никогда. Склодовская не понимала тех, кто считал науку «сухой областью». «Я отношусь к тем, – писала она годы спустя, – кто убежден в великой красоте науки. Ученый в своей лаборатории – не только специалист. Это также и ребенок, стоящий перед явлениями природы, которые поражают его как волшебная сказка. Мы должны суметь рассказать другим об этих чувствах. Мы не должны мириться с мнением, что весь научный прогресс сводится к механизмам, машинам, зубчатым передачам, хотя и они сами по себе тоже прекрасны».

По окончании университета как одна из лучших студенток

Склодовская получила сразу два диплома – по физике и математике. Весной 1894 г. произошло событие, которое, пожалуй, можно назвать самым значительным в ее жизни. Она встретила и полюбила Пьера Кюри. Известный французский физик был умным и благородным человеком, так же, как и Мария, глубоко преданным науке. Пьер нуждался в подруге, которая «могла бы жить той же мечтой, что и он – мечтой научной». 27-летней Марии, уже давно не питавшей иллюзий насчет своей личной жизни, эта неожиданно пришедшая любовь казалась чудом. При знакомстве Пьер показался ей очень молодым, хотя тогда ему уже было 35 лет: «Меня поразило выражение его ясного взгляда и легкий оттенок непринужденности в осанке его высокой фигуры. Его речь, несколько медленная и обдуманная, его простота, улыбка, одновременно серьезная и юная, внушали доверие». 25 июля 1895 г. Мария Склодовская и Пьер Кюри стали мужем и женой.

Жизнь молодоженов была полностью отдана научной работе, они вместе проводили исследования в лаборатории, готовились к лекциям или к экзаменам. Мария начала писать докторскую диссертацию, заинтересовавшись открытием урановых излучений А. Беккереля – материалом совершенно новым и неизученным. Принимая решение взяться за разработку этой темы, она не представляла, что попала на самый пик научных интересов XX века. В сырой и холодной мастерской, служившей складом и машинным залом, Кюри начала свои исследования. Изучая образцы, содержащие уран и торий, она заметила отклонения от предполагаемых результатов: радиоактивность некоторых соединений была просто аномальной. Тогда Кюри выдвинула смелую гипотезу: данные минералы содержат небольшое количество нового, доселе неизвестного вещества, гораздо более радиоактивного, чем уран и торий. Чтобы найти его, Пьер оставил все свои исследования и присоединился к жене. В июне 1898 г. супруги сообщили о существовании нового радиоэлемента, предложив назвать его «полонием» (от названия родины Марии), а в декабре того же года заявили об открытии радия.

Несмотря на относительно быстрый успех, основная работа была еще впереди. Чтобы доказать всему миру правильность своих предположений, необходимо было выделить эти неизвестные химические элементы, определить их атомный вес. Ученые знали, какими методами можно было добиться результатов, но исследования требовали больших материальных затрат. Отсутствие денег очень мешало работе. Четыре года Пьер и Мария Кюри на свои средства, без всякой помощи проводили

исследования в заброшенном дощатом сарае. Это был изнурительный труд: Марии приходилось обрабатывать сразу до двадцати килограммов исходного вещества, часами размешивать кипящую массу в чугунном котле, переносить тяжелые емкости. Килограмм за килограммом она обработала восемь тонн урановой руды. Работа напоминала поиски иголки в стоге сена. Но как бы тяжело ни приходилось ученым в те дни, о них Мария Склодовская вспоминает как об одних из самых счастливых дней своей жизни: «Несмотря на тяжелые условия работы, мы чувствовали себя очень счастливыми. Наши дни проходили в лаборатории, и случалось, что мы и завтракали там, совсем скромно, по-студенчески. В нашем убогом сарае царило глубокое спокойствие… Мы жили, поглощенные одной заботой, как зачарованные». В 1902 г. Марии удалось выделить один дециграмм чистого радия – белого блестящего порошка, который она хранила всю жизнь и завещала Институту радия в Париже. Химикам и физикам, большинство из которых довольно скептически относилось к гипотезе исследовательницы, пришлось склониться перед нечеловеческим упорством этой женщины.

Вскоре радий, с помощью которого ученые надеялись победить рак, стали добывать промышленным способом. В 1904 г. был построен первый завод по получению радия для врачей, занимавшихся лечением злокачественных опухолей. Несмотря на постоянные финансовые трудности, супруги Кюри отказались от получения патента на производство радия, подарив миру свое уникальное открытие бескорыстно. Очень быстро о французских физиках-новаторах узнали почти во всех уголках земного шара. В 1903 г. Мария и Пьер по приглашению Королевского общества побывали в Лондоне, где им была присуждена одна из высочайших наград – медаль Дэви. Почти одновременно с этим событием супруги Кюри совместно с Анри Беккерелем были удостоены Нобелевской премии за открытие в области радиоактивности. Впервые такую премию по физике получила женщина. Это была вершина их научной славы! Почетная и престижная награда Шведской Академии наук положила конец их денежным затруднениям.

Наконец у Марии и Пьера Кюри появилась надежда, что предстоящие годы работы будут не такими тяжелыми, как предыдущие. Жизнь, казалось, налаживалась и открывала перед учеными новые перспективы. Супругов радовала не только любимая работа, но и лад и спокойствие в семье. К этому времени они уже воспитывали двух дочерей – старшую Ирен и младшую Еву, которых нежно любили. Но этот счастливый период жизни продлился совсем недолго. 19 апреля 1906 г. Пьер погиб

страшной и нелепой смертью, попав под колеса конного экипажа. Мария потеряла единомышленника, мужа, отца своих маленьких детей. «Его любовь была превосходным даром, верная и самоотверженная, полная ласки и заботы. Как хорошо было быть окруженной этой любовью и как горько было потерять ее!» – писала она в своих воспоминаниях. С момента трагедии прошло много лет, прежде чем Мария Кюри стала приходить в себя от пережитого горя. «По существу, она так никогда и не утешилась и не смирилась», – вспоминала ее старшая дочь Ирен Жолио-Кюри.

Мария Кюри заменила мужа в должности профессора Парижского университета, став первой женщиной-профессором во французской высшей школе. Для тех лет, когда даже не помышляли о том, чтобы женщина могла занять должность преподавателя в высшем учебном заведении, эта инициатива была очень смелой. В Сорбонне она читала первый и в то время единственный в мире курс радиоактивности. Одновременно с преподаванием М. Кюри справлялась с заведованием лабораторией и с воспитанием дочерей, одна из которых была еще младенцем. Присматривать за девочками ей помогал отец Пьера, который долгие годы жил вместе с ними. Однако в 1911 г. он умер, что явилось для нее еще одним тяжелейшим ударом. В 1910 г. кандидатура Марии Кюри была выдвинута в Академию наук, но потерпела неудачу: антифеминисты подняли яростную кампанию против ее выдвижения. Впоследствии она стала членом многих иностранных Академий наук, но так и не была избрана в Академию наук Франции.

В такой мрачный период жизни особенно ценной для Марии Кюри стала вторая Нобелевская премия по химии, присужденная Академией наук в Стокгольме. Спустя несколько лет такую же награду получила и ее дочь Ирен.

Несмотря на то что работа оставляла Марии мало времени для развлечений, ее интересы не ограничивались наукой. Она любила поэзию, много стихотворений знала наизусть. По воспоминаниям дочери, Кюри с удовольствием проводила время в загородных прогулках или работала в саду. «Она любила природу и умела наслаждаться ею, но только не созерцательно. В саду она занималась цветами, в горах любила ходить, останавливаясь, конечно, иногда, чтобы отдохнуть и полюбоваться пейзажем. Но ей не доставило бы никакого удовольствия провести день в кресле перед великолепной панорамой…»

Мария Кюри не любила светских приемов и старалась как можно реже бывать на них. Ирен вспоминала: «…тот факт, что мать не искала светских связей, иногда считают свидетельством ее скромности… Я полагаю, что это скорее как раз обратное: она

очень верно оценивала свое значение и ей нисколько не льстили встречи с титулованными особами или с министрами. Мне кажется, она была очень довольна, когда ей довелось познакомиться с Редьярдом Киплингом, а то, что ее представили королеве Румынии, не произвело на нее никакого впечатления».

Во время Первой мировой войны Мария Кюри создала первую передвижную рентгеновскую установку, оснастив необходимым оборудованием обыкновенный автомобиль. С августа 1914 г. эта передвижная станция ездила из одного полевого госпиталя в другой. После войны Кюри продолжала заниматься научной работой, много сил отдавала развитию крупного исследовательского центра – парижского Института радиологии.

Осенью 1933 года здоровье Кюри резко ухудшилось, а через несколько месяцев ее не стало. Она умерла 4 мая 1934 г. от тяжелого заболевания крови, вызванного длительным периодом работы с радиоактивными веществами, став первым человеком на земле, погибшим от воздействия смертоносных лучей радия.

Вся жизнь Марии Склодовской-Кюри – это гимн науке, которую она любила и без которой не мыслила своего существования. Она искренне верила, что только наука и ее созидательная сила способны спасти человечество, которое «извлечет из новых открытий больше блага, чем зла».

ХОППЕР ГРЕЙС МЮРРЕЙ

(урожденная Мюррей Грейс Брюстер)
(род. в 1906 г. – ум. в 1992 г.)

Знаменитый американский математик, пионер компьютерных технологий, создательница языка программирования КОБОЛ и первого коммерческого электронного компьютера UNIVAC-1, обладательница первой награды «Человек года» в номинации «Информатика» (1969 г.). Контр-адмирал ВМС США. Награждена медалью «За отличную службу» (1986 г.) и Национальной премией за развитие технологий (1991 г.). Ее имя носят ракетный фрегат ВМС США, Центр обработки данных и премия для молодых профессионалов в области программирования. Автор первых книг по программированию.

«Люди испытывают аллергию к изменениям. Они любят говорить: «Мы всегда так поступали». Я пытаюсь перебороть это. Вот почему часы у меня на стене идут против часовой стрелки». Эти слова принадлежат Грейс Хоппер – женщине, перед достижениями которой в области высоких технологий склонила головы вся сильная половина человечества. Мужчины, отринув спесь и гордыню, с почтением признали ее «матерью компьютера», «бабушкой КОБОЛа», «королевой программного обеспечения». Но в повседневной жизни Хоппер с восхищением называли просто – «Потрясающая Грейс».

Ее жизнь, ставшая дорогой та компьютерный Олимп, началась 9 декабря 1906 г. в Нью-Йорке в семье страхового агента Уолтера Флетча Мюррея и его жены Мэри Кэмпбелл Хорн. В детских играх Грейс на правых старшей верховодила сестрой и братом в детских играх. Еще до школы она научилась бегло читать, сносно играть на фортепиано, но в основном ее интерес сосредоточился на технике. И если дедушкин автомобиль разобрать девчушке было не по силам, то от семи будильников семейства Мюррей остались аккуратненькие кучки замечательно блестящих деталек. Это было первое «железо», которое она попыталась «дрессировать». Заставить будильники вновь заработать тогда ей не удалось, но спустя годы она даже научит часы идти в обратную сторону.

Прекрасная частная школа для девочек превратилась для Мюррей в «десять лет бессмысленной ссылки»: всего час в неделю отводился любимой математике, остальное же время тратилось «впустую»: на изучение этики, манер, ведения домашнего хозяйства, музицирование. Хорошо хоть на уроках физкультуры можно было отвести душу. Маленькая росточком, но юркая и упорная Грейс с удовольствием играла в баскетбол, бейсбол, хоккей на траве и водное поло. Увлечение Грейс точными науками поощрялось матерью. Именно от нее девочка унаследовала любовь к математике. Отец же и слышать не хотел о математическом колледже. Он рассчитывал поскорее выдать не в меру шуструю дочку замуж.

Судьбу Грейс решило семейное горе: отцу, страдающему тромбофлебитом, ампутировали обе ноги. Уолтер Мюррей понял, что не в силах содержать семью и дать приданое двум дочерям, и поэтому решил все средства вложить в полноценное образование не только сына, но и девочек, чтобы они могли сами себя прокормить. Грейс тут же подала заявление в Вассар Колледж, знаменитый высочайшим качеством преподавания точных наук, и провалилась на ненавистной латыни. Через год упорных занятий

она добилась своего (1924 г.), и если бы не строгие правила, ее готовы были зачислить сразу на второй курс. В 1928 г. Мюррей получила диплом бакалавра математики и физики, а уровень ее знаний был отмечен почетным дипломом старейшего академического общества «Фи Бета Каппа». Следующей ступенью для Грейс стало успешное окончание в 1930 г. Йельского университета. В этом же году магистр математики вышла замуж. Острые на язык сокурсники посмеивались, что для бесшабашной крошки Грейс решающим фактором при выборе мужа, преподавателя английской словесности Винсента Фостера Хоппера, стала его фамилия, чудно сочетавшаяся с ее именем. Теперь она именовалась Грейс Хоппер – «грациозная (или изящная) блоха». И ростом и прытью она полностью ей соответствовала.

Тихая семейная жизнь и престижная для женщины работа преподавателя математики в Вассар Колледже не поглотили целиком титаническую энергию Грейс. В 1934 г. Хоппер становится первой женщиной в мире, защитившей в Йеле докторскую диссертацию по математике. Уже в 34 года она занимает почетные места среди умудренных опытом коллег мужчин на международных конференциях и семинарах, выступает с научными докладами в американских университетах, ведет плодотворную научную работу и получает звание профессора и собственную кафедру. Математика оттеснила личную жизнь Грейс на задний план – в 1940 г. супруги расстались, а пять лет спустя развелись. Всегда склонная к нестандартным решениям, Хоппер оставила имущество бывшему мужу и рванула вербоваться в армию. Даже трудно представить ее в солдатском строю, а не то что на фронте. Армейское командование мужественно сопротивлялось, но через три года капитулировало. Подслеповатый профессор математики непризывного возраста (в то время даже рядовые преподаватели освобождались от службы), страдающая гастритом и слабыми легкими, была призвана на флот.

Грейс все просчитала с математической точностью: попав после прохождения ускоренного курса военной подготовки в списки новобранцев, она была моментально затребована профессором Говардом Эйкеном в свою команду. В разгар Второй мировой войны (1943 г.) Хоппер откомандировали в Бюро артиллерийских вычислительных проектов при Гарвардском университете, находящееся в подчинении Интендантского управления ВМФ США. «Где, черт возьми, вы пропадали?» – возопил Эйкен и тут же усадил младшего лейтенанта Хоппер за расчеты баллистических таблиц для артиллерийских стрельб.

Грейс стала третьим программистом, обслуживающим чуть ли не первую в мире автоматическую электронную вычислительную машину.

Наконец-то она добралась до «железа», равного ее аппетитам: 800 км проводов, около 100 кубометров блестящих «деталек». Марк-1 имел фантастическую по тем временам скорость вычисления и память – три арифметических действия в секунду и 72 байта оперативки. Работа на такой машине требовала от программиста сумасшедшей усидчивости и скрупулезного внимания. Грейс всегда жаловалась на свою «лень» и нудной работы терпеть не могла. Поэтому пока часть ее мозга была занята составлением и введением программ, другая решала вопрос, как избежать постоянно повторяющихся действий при программировании расчетов. Уже в августе 1944 г. для Марка-1 ею была написана первая подпрограмма (этот термин появился позже). Продолжая работать на втором и третьем варианте «железного Марка», Грейс собрала целую коллекцию – «библиотечку подпрограмм». Это позволило резко сократить время и ошибки при введении основных и уже проверенных частей программ. Оставалось только «доукомплектовать» ее новыми данными.

После окончания войны Хоппер продолжала служить на правах резервиста. Оторвать ее от любимого Марка было невозможно. Именно отлаживая эту машину после попадания в нее залетевшего мотылька, Грейс впервые использовала привычные теперь компьютерные термины «bug» (жучок, сбой) и «debuging» (отладка).

В 1949 г. Хоппер перешла старшим математиком в фирму Eckert-Mauchly, где приняла участие в разработке программных средств для коммерческого компьютера UNIVAC-1 и его последующих версий, а также возглавила работы по автоматизации программирования. В очередной раз «природная лень» Грейс взяла верх над рутиной. Нынешним программистам ПК нужно в ноги поклониться «безумной» (как говорили многие) идее Хоппер научить машину «понимать человеческий язык», а не только десятеричный или восьмеричный коды. В 1951 г. она создала первый компилятор А-0 (термин тоже ее). Это была транслирующая программа – концепция интерфейса – посредника между человеком и вычислительным устройством.

Так началось движение вычислительной техники в сторону рядового пользователя. А спустя три года появилась система АТ-3, которая включила в себя язык программирования и компилятор MATH-MATIC – первый язык для обработки коммерческих данных. Все «находки» Грейс легли в основу

первого «дружелюбного» языка программирования КОБОЛ (1959 г., COBOL–Common Business Oriented Language). Основной задачей Хоппер было создание стандартного языка, который бы могли легко понимать деловые люди, а не только программисты, и обеспечить переносимость программ с машины на машину. По данным 1996 г., 70 % промышленного программного обеспечения в мире создано на базе этого языка и он является основным для обработки данных в таких учреждениях, как банки и страховые компании.

До 60 лет Грейс находилась на военной службе и одновременно работала в ведущих фирмах «Ремингтон Рэнд» и «Спери Рэнд Корпорейшен». Только год военно-морской флот США продержался без капитана третьего ранга Хоппер, а затем вернул деятельную старушку в строй, подписав с ней «пожизненный контракт». В ее обязанности как главного аналитика ВМФ США входило курирование военных компьютерных программ, стандартизация компьютерного языка и преподавание вычислительной математики. Студенты обожали «Потрясающую Грейс». Пока часы в ее служебном кабинете тикали против часовой стрелки, она стремительно перемещалась между военными училищами и университетами, попыхивая неизменной сигаретой без фильтра «Лаки Страйк» и покоряя молодежь юношеским задором и неповторимой образностью мышления.

Более 40 университетов и колледжей присвоили Хоппер различные звания. В 1962 г. она была избрана членом научного совета Института электротехники и электроники. А когда в 1969 г. впервые выбирали «человека года» в компьютерном мире США, Грейс Хоппер почти единогласно была удостоена этого титула. Да и как могло быть иначе? Ведь это она задолго до появления Интернета встроила в COBOL пять операторов, позволяющих работать с электронной почтой, а в начале 70-х гг. установила на своем рабочем столе коробку для хранения документов с «вызывающей» надписью «персональный компьютер» и каждый день меняла картинки на импровизированном экране. Для того времени это было из области научной фантастики.

Заслуги «образцового служаки» и на флоте были столь очевидны, что в 1980 г. Хоппер получила звание капитана Управления вычислительной техники в Вашингтоне, в 1983 г. дослужилась до капитана первого ранга, а спустя два года стала единственной женщиной в мире, удостоившейся звания контр-адмирала. С 1982 г. и вплоть до отставки в 1986 г. Грейс была старейшим действующим офицером американской армии. Но в

своей адмиральской форме она вовсе не походила на увядающую старушку. На торжественной церемонии «выхода на пенсию» адмирал Леман, вручая ей медаль «За отличную службу», трагически произнес: «Грейс, где я еще найду человека твоего калибра?»

Хоппер и в последние годы жизни сумела доказать, что «ничто никогда не поздно». Она продолжала колесить по миру с популярными лекциями и научными докладами и плодотворно работала консультантом корпорации Digital Equipment. В 1991 г. президент Джордж Буш-старший вручил ей Национальную премию за развитие технологий. За свою долгую жизнь Грейс проявила себя в различных сферах деятельности: математике, программировании, преподавании (работу с молодежью она считала главным своим делом), социальных исследованиях, корпоративной политике, бизнесе, проектировании систем и разработке стандартов. Ее вклад в развитие научного прогресса трудно переоценить и можно сопоставить разве что с величайшими открытиями Ньютона в области физики.

Хоппер стала синонимом «вечного двигателя» в науке. В одном из журналов даже появилась карикатура, на которой старушка Грейс упорно отказалась пройти в ворота рая, пока апостол Петр не обзаведется персональным компьютером. Наверное, хранитель ключей сделал столь ценное приобретение: 1 января 1992 г. Грейс Хоппер умерла во сне. Гениального контр-адмирала похоронили на Арлингтонском кладбище со всеми воинскими почестями. А весной 1996 г. на рейде пришвартовался сверкающий сталью (сколько «железа»!) новенький ракетный фрегат ВМФ США «USS Hopper». Такой памятник, несомненно, понравился бы «Потрясающей Грейс». Только она поспешила бы сказать фразу, которую любила часто повторять студентам: «В порту корабль находится в безопасности, но не для этого он создан. Выходите в море и творите новое».

АДАМСОН ДЖОЙ

Настоящее имя – Фредерика Виктория Адамсон
(род. в 1910 г. – ум. в 1980 г.)

Всемирно известная защитница диких животных, исследовательница Африки, этнограф, оригинальная художница и иллюстратор. Автор книг о воспитанных ею животных и сценарист фильма «Рожденная свободной». Создательница Фонда Эльсы в защиту диких животных.

Джой Адамсон прожила необыкновенную, удивительную жизнь, доказав собственным примером возможность единения человека и природы. В основе всей ее деятельности лежало великое чувство – доверие, желание не властвовать и покорять, а понимать окружающий мир. После долгих метаний юности сердце и душа Адамсон распахнулись навстречу братьям нашим

меньшим, и даже дикие звери ответили доверием на доверие.

В своей книге «Моя беспокойная жизнь» («Мятущаяся душа») Адамсон признавалась, что ее «появление на свет 20 января 1910 года было большим разочарованием для родителей, поскольку они ждали мальчика». Ей дали имя Фредерика Виктория, но отец, Виктор Гесснер, старший советник строительного комитета, обращался с дочерью, как с мальчишкой, и называл Фрицем. Девочка росла храброй и не боялась ничего, «кроме какого-то вымышленного Бубутца». Детство было обеспеченным, веселым и беззаботным и протекало в австрийском имении матери «Фредерика» в Зайфенмюле (территория впоследствии отошла к Чехословакии), где семья владела несколькими бумажными фабриками.

Воспитание Фредерики и ее сестер Трауте и Дорле было предоставлено нянькам и гувернанткам, а после развода родителей девочек разделили. Фредерика с 12 лет жила с бабушкой Омой в Вене. Она училась в закрытой экспериментальной школе, где преподавание велось новыми методами, а в 15 лет серьезно занялась музыкой. Усердная девочка была настолько прилежна, что перетрудила обе руки. Концертная деятельность оказалась невозможной, а заниматься преподаванием она не хотела. Фредерика десять лет металась в поисках себя: получила диплом на курсах кройки и шитья, брала уроки пения, изучала машинопись и стенографию, рисовала с натуры, реставрировала картины, серьезно занималась скульптурой и фотографией, училась в школе верховой езды… Затем она решила посвятить себя психоанализу и медицине и поступила на подготовительные курсы. Стройная, красивая, с голубыми глазами и белокурыми волосами, она даже пыталась стать актрисой… А в 1935 г. познакомилась с Виктором фон Кларвиллом (Цибель) и, покоренная его любовью к природе и «желанием избавиться от сложностей городской жизни», вышла за него замуж.

Как оказалось это был не осознанный поступок. Уже по дороге в Африку (1937 г.) Фредерика познакомилась со швейцарским ботаником Питером Балли и поняла, что если и искать дом для жизни в Кении, то только не для эксцентричного мужа. Первый брак был расторгнут. В Найроби (1938 г.) она присоединилась к экспедиции Питера, и их медовый месяц прошел в изучении горной цепи Чиулу. Женщина, выросшая в городе, в холе и неге, приняла походные неудобства как должное. Она не старалась приспособиться, а словно вливалась в этот еще непонятный, но такой притягательный мир дикой природы.

«Питер решил, что Фредерика Виктория слишком трудно

произносить, и дал мне новое имя – Джой. С тех пор я и ношу это имя». Никаких знаний и опыта, нужных в экспедиции, у нее не было, и Джой решила зарисовывать акварельными красками растения, собираемые Питером. Занятие это оказалось не только занимательным, но и полезным, и вскоре ее рисунки украсили иллюстрированную книгу «Садоводство в Восточной Африке». Они были характерны своей научной достоверностью, вместе с тем Джой сумела внести в них «оттенок старины», с удивительной точностью соединив четкость линий с некоторой стилизацией. По мнению специалистов, эти иллюстрации «равно хороши как в научном атласе, так и на репродукциях». После выставки рисунков в Найроби и Лондоне Джой получила золотую медаль Гренфел.

Молодая исследовательница участвовала в восхождении на Килиманджаро (высота 5895 м), принимала участие в раскопках в системе рифтовых долин Рифт-Валли и кратера Нгоронгоро в Кении и путешествовала по Конго (1942, 1944 гг., Заир). В 1942 г. она познакомилась с легендарным Джорджем Адамсоном из Департамента охоты. Их объединила не только любовь, но и удивительная схожесть взглядов на окружающую природу. Жизнь с Джорджем превратилась для Джой в сплошное познавательное путешествие. Вместе они осуществляли охотничий надзор, арестовывали браконьеров, устанавливали контроль за ареалами диких животных, отстреливали львов-людоедов и взбесившихся слонов, улаживали межплеменные конфликты. Их дом в Исиоло почти всегда пустовал.

Джой рисовала, собирала насекомых, небольших пресмыкающихся и грызунов для музея в Найроби, снабжала отдел энтомологии различными, ранее неизвестными видами ночных бабочек, а ведь она не была ни профессиональным ученым, ни зоологом. Но природная одаренность позволила ей внести неоценимый вклад в изучение природы Африки. Чего только стоят великолепные рисунки «сказочных» коралловых рыб побережья Порт-Судана, приобретенные муниципалитетом Момбасы для морского музея! Национальным достоянием Кении стала серия портретов африканцев. Первоначальной задачей Джой было как можно точнее зафиксировать детали нарядов, уборов и ритуальную символику коренного населения, которые с приходом цивилизации стремительно исчезали. Но эти портреты оказались серьезным трудом по этнографии Восточной Африки. Они легли в основу книги Адамсон «Народы Кении».

Жизнь в постоянном окружении природы стала для Джой настолько естественной, что, проводя отпуск в Европе (1953–1954 гг.), переезжая из Испании во Францию, Монако, Италию,

Австрию, ФРГ, Англию, Шотландию, она ощущала себя туристом. Даже в Сахаре она была «более дома», чем в родной Вене. Об отважной исследовательнице Африки было хорошо известно в научных кругах благодаря многочисленным публикациям. Адамсон привлекли к чтению лекций, и у большинства слушателей ее рассказы вызывали огромный интерес.

Эта удивительная женщина отличалась необыкновенной храбростью. И лишь однажды, перед исследованием острова Южный на озере Рудольф, мужество изменило ей, и она даже написала завещание. Все экспедиции в этот район заканчивались трагически, но природа сжалилась над отважной путешественницей и ее мужем. Это позволило им стереть с карты Кении еще одно белое пятно.

Всемирное признание и славу Адамсон принесли ее беспримерные эксперименты по возвращению к свободной жизни выращенных ею львицы Эльсы и гепарда Пиппы. Начиная свою работу, Джой не планировала научного эксперимента. Она просто взяла на воспитание осиротевших зверей, как делала это не раз. Так поступали многие. Но вот суметь вернуть их в естественные условия обитания не удавалось до нее никому. Опыт Адамсон лег в основу методов спасения редких и исчезающих животных (особенно гепардов).

Львица Эльса, выросшая в неволе, осталась независимой, но сохранила преданность и любовь к своей воспитательнице. А когда у нее появилось потомство, она привела детенышей к их «приемной бабушке». Историю жизни Эльсы и потомства Адамсон рассказала в книгах «Рожденная свободной», «Живущая свободной», «Навсегда свободны». За короткое время эти книги завоевали мир и были переведены на 25 языков, как и рассказы из жизни гепардов: «Пятнистый сфинкс», «Пиппа бросает вызов».

Английский издатель Коллинз организовал для Адамсон кругосветное путешествие, во время которого она демонстрировала «домашний фильм» о жизни Эльсы. А вот в знаменитом фильме «Рожденная свободной» главные роли «играли» дрессированные львы, но благодаря неоценимой помощи Джой и Джорджа заметить это могут только специалисты.

Книги об Эльсе и Пиппе познакомили людей с бедственным положением диких животных и стали призывом к их защите. Адамсон все средства от издания вложила в Фонд Эльсы, филиалы которого открылись во многих странах. На своем примере Джой сумела доказать, что мечта о Золотом веке, где лев лежал бы рядом с ягненком, не призрачна. Любовь и доверие побеждают тот глубокий, инстинктивный страх, который

испытывают друг к другу человек и дикий зверь.

Деятельность Адамсон не исчерпывалась пропагандой охраны природы. День за днем скрупулезно фиксируя все нюансы поведения своих воспитанников, она заставила специалистов изменить взгляд на целый ряд, казалось бы, непреложных истин. Ее сведения о развитии детенышей львов и гепардов, о сроках наступления половой зрелости и сроках беременности, размерах и причинах естественной смертности молодняка, о способах добычи пищи и размерах охотничьих участков стали весомым вкладом в изучение диких животных. Особенно это касается гепардов, относящихся к наименее изученным хищникам. В течение многих лет Адамсон продолжала наблюдения за жизнью потомства Пиппы в заповеднике Меру. Она убедилась, что Тату и Уайти сохранили доверие к воспитательнице их матери даже спустя пять лет и «не только были готовы доверять своих котят, но подпускали меня, даже когда расправлялись с добычей».

Дом Адамсонов «Эльсамер», расположенный между двумя национальными парками Кении – Лейк-Накуру и Абердэре – стал приютом для многих ослабленных животных и осиротевших детенышей. Особой любовью Джой пользовались семейства молочных филинов и обезьян гверец, чья длинная черно-белая шерсть превращала их в «неких сказочных существ».

Несмотря на пошатнувшееся здоровье и несколько серьезных травм, Адамсон «бороздила» по миру, организуя деятельность Фонда, читая лекции, посещая заповедники. В бывшем СССР Джой просто пришла в восторг от природоохранительной и научно-исследовательской деятельности в Аскании-Нова (Украина), а в Японии – от ферм по разведению японских журавлей, «великолепие которых стало для величественных птиц смертным приговором». Последние годы жизни Джой занималась воспитанием детеныша леопардов.

4 января 1980 г. Джой Адамсон трагически погибла. Причиной смерти стали не клыки и когти диких животных, а предательский удар ножом с целью похищения ее автомобиля. Согласно завещанию тело было кремировано, а затем с самолета пепел развеяли над территорией национального парка Меру. Там, где «жестокие» хищники ответили ей доверием на доверие.

Покорители неженских профессий

ДУРОВА НАДЕЖДА АНДРЕЕВНА

(род. в 1783 г. – ум. в 1866 г.)

Первая в России женщина-офицер, участница войны с Наполеоном в 1807 г. и в 1812–1814 гг., адъютант М. И. Кутузова. Автор мемуарных произведений «Записки кавалерист-девицы», романов и повестей.

В ночь с 17 на 18 сентября 1806 г. Надежда Дурова навсегда покидала родительский дом. Трудности не пугали молодую женщину. «Воинственный жар с неимоверною силою запылал в душе моей, – вспоминала она спустя много лет, – я твердо решила сделаться воином, быть сыном для отца своего и навсегда отделаться от пола своего…»

Будущая героиня 1812 г. появилась на свет 17 сентября 1783 г. в семье гусарского офицера Андрея Васильевича Дурова.

Мать девочки страстно мечтала о сыне, и поэтому рождение дочери стало для нее большим разочарованием. Она с первого взгляда невзлюбила Надежду и почти не обращала на нее внимания, поручая заботу о младенце горничной или многочисленным кормилицам. Хрупкая девочка отличалась излишней крикливостью, и однажды обезумевшая мать выбросила ее в окно кареты на ходу. Ребенка, всего в крови, подняли гусары и отдали подоспевшему отцу. Позднее Дурова рассказывала в своих «Записках» о том, что отец поклялся никогда не отдавать ее во власть жены и решил сам заняться воспитанием маленькой Надежды. Но сделать это было непросто – полковые дела требовали постоянного внимания, поэтому Андрей Васильевич вверил дочь заботам пожилого гусара Астахова. Тот целыми днями развлекал свою подопечную, размахивая саблей, в конюшне сажал ее на лошадь, давал поиграть пистолетами. Каждый вечер девочка засыпала под музыку полкового оркестра.

Надя росла. Воспитание Астахова давало о себе знать – она обожала лошадей, блеск сабель и могла целыми днями маршировать по дому и командовать во все горло: «Эскадрон! Направо, заезжай! С места, марш-марш!» Подобное поведение веселило окружающих, а мать злилась, бранила Надежду и заставляла ее рукодельничать.

Спустя некоторое время все семейство обосновалось в Сарапуле Вятской губернии, куда Андрей Васильевич был назначен городничим. Для Нади наступили тяжелые времена – мать задалась целью отучить ее от гусарских замашек и превратить в настоящую светскую барышню. Она терроризировала ребенка, принуждала шить, вязать кружево, вышивать. Но Надя все равно находила возможность улизнуть в сад, где лазила по деревьям и прыгала через канавы.

В 12 лет отец подарил ей прекрасного черкесского жеребца Алкида. Надя всей душой привязалась к своему новому другу и втайне от матери угощала его сахаром, солью и выводила во двор. Целыми днями она плела ненавистные полосы кружева, а ночью через заднее крыльцо пробиралась в конюшню, выводила Алкида во двор и верхом выезжала к берегу Камы. Домой возвращалась под утро и, тихонько пробравшись к себе, засыпала, не в силах раздеться.

Шли годы, и Надя из непоседливой девочки с несносным характером превращалась в высокую стройную девушку – завидную невесту. Но отношения с родителями не складывались: мать все равно не любила старшую дочь. В ее присутствии Надя никогда не улыбалась и частенько думала о том, как бы

отделаться от своей проклятой женской доли.

Поездка в Малороссию к бабушке стала для молодой девушки настоящим праздником. Избавившись от постоянного надзора и страха быть наказанной, она еще больше похорошела и почти забыла свои неженские увлечения. Здесь она встретила свою первую любовь – сына соседки-помещицы. Быть может, жизнь Надежды сложилась бы совсем по-другому, если бы молодые люди поженились, но этого не произошло. Будущая свекровь запретила сыну и думать о браке с бесприданницей.

Надежда вернулась в Сарапул и через некоторое время, чтобы освободиться от материнской власти, охотно вышла замуж за нелюбимого человека – местного чиновника Чернова. Однако семейная жизнь не сложилась – супруги постоянно ссорились. Не примирило их и рождение в 1803 г. сына Ивана. К великому неудовольствию матери, Надежда бросила мужа с ребенком и вернулась в родительский дом.

Размышляя над своей судьбой, молодая женщина пришла к окончательному выводу, что причина всех ее несчастий – принадлежность к женскому полу. Постепенно в ее голове складывался план – выдать себя за мужчину и поступить на военную службу в кавалерию. В это время назревала война с Наполеоном, и осуществление задуманного казалось Надежде не таким уж сложным.

В сентябре 1806 г. в Сарапул пришел отряд казаков. Отец Дуровой сдружился с офицерами, часто приглашал их на обеды и выезжал с ними на верховые прогулки. Надежда в этом не участвовала. С каждым днем она становилась все задумчивее. 15 сентября 1806 г. полк выступил в донские края. Через два дня, в ночь после своего дня рождения, Надежда обрезала локоны, переоделась в казачью форму с папахой и потихоньку вывела из конюшни Алкида.

Ее радости не было предела: «Итак, я на воле! – шептала она, наклоняясь к шее коня. – Свободна! Независима. Я взяла мне принадлежащее, мою свободу, свободу! Драгоценный дар неба, неотъемлемо принадлежащий каждому человеку!»

На рассвете Надежда была у села, где остановились казаки. Впервые представившись в мужском роде – Александром Васильевичем Соколовым, – она попросила разрешения полковника присоединиться к казачьему полку, чтобы дойти с ним до места размещения регулярных войск. Ловкий, стройный казак с прекрасной выправкой не вызвал у офицеров никаких подозрений. А придуманная Надеждой история о том, что «он» решил пойти на военную службу без ведома родителей и поэтому никаких документов при себе не имеет, показалась весьма

правдоподобной. Полковник определил ей место в строю при первой сотне. Квартировать и обедать приказал при себе.

Поход длился более месяца. Надежда сама ухаживала за своим конем, водила его на водопой, потихоньку привыкала к повседневным тяготам солдатской жизни.

Достигнув Гродно, она завербовалась в Коннопольский уланский полк, который нуждался в пополнении. Пришлось ей учиться воевать по-уланski, вертеть над головой тяжелую пику, маршировать, прыгать на лошади через нешуточные препятствия, действовать саблей. Но все невзгоды не останавливали Дурову: она привыкла и к уланскому мундиру, и к сабле. Сложнее было с тяжеленными сапогами, которые сковывали каждое движение.

В начале мая полк двинулся в Пруссию. Накануне первого крупного сражения в своей жизни Надежда задумалась о том, что будет с отцом, если ее убьют. Она написала домой письмо, в котором умоляла о прощении и просила «дать благословение и позволить идти путем, необходимым для счастья».

22 мая 1807 г. Дурова приняла первое боевое крещение. Уланы атаковали противника несколько раз, и она присоединялась к каждому эскадрону, идущему в бой. Грохот пушек и свист пролетающих ядер придавали ей силы и решимости. Увидев, что русского офицера окружили и вышибли из седла неприятельские драгуны, она поспешила ему на помощь. Ее свирепый вид устрашил врагов, которые поспешно ретировались. После этого Надежда помогла спасенному раненому офицеру добраться до обоза.

В июне 1807 г. она участвовала в кровопролитном сражении под Фридландом. И снова бросалась в самые опасные участки боя на своем верном Алкиде.

7 июля 1807 г. в Тильзите был заключен мирный договор, и Коннопольский полк вернулся в Россию. Солдатские будни были для Надежды во много раз тяжелее, чем участие в боевых действиях. Приходилось, тщательно скрывая свой пол, ночами стеречь фураж, стоять на часах, на перекличках отзываться громко, отрывисто. В это время случайно погиб любимый конь Алкид, что стало для Дуровой настоящей трагедией.

Между тем Андрей Васильевич, получив письмо дочери, подал прошение царю, в котором настоятельно просил разыскать беглянку и вернуть домой. Надежда была инкогнито со специальным курьером доставлена в Петербург. 31 декабря 1807 г. она предстала перед Александром I. Поначалу царь собирался наградить отважную женщину и отправить домой, но ее мужество и горячее желание защищать родную землю покорили императора и заставили изменить свое решение. Он

разрешил ей остаться в армии и повелел именоваться по своему имени Александровым, что само по себе означало великую степень благоволения. А узнав о том, что Дурова спасла жизнь офицеру, он собственноручно наградил ее Георгиевским крестом. Она была произведена в корнеты и отправлена в Мариупольский гусарский полк, один из образцовых кавалерийских полков того времени.

Отечественную войну 1812 г. Дурова встретила в чине подпоручика, но вскоре за боевые заслуги была произведена в поручики – ее храбрость не знала границ.

Дурова ни разу не пожалела о своем выборе. «Я люблю воинское ремесло со дня моего рождения, – писала она в те дни, – я считаю звание воина благороднейшим из всех и единственным, в котором нельзя предполагать никаких пороков, потому что неустрашимость есть первое и необходимое качество воина; с неустрашимостью неразлучно величие души, и при соединении этих двух великих достоинств нет места порокам или низким страстям».

Надежда Дурова слыла столь отличным офицером, что была удостоена чести быть адъютантом М. И. Кутузова, пока не получила серьезную контузию в битве при Бородино.

Между тем в армии потихоньку стал распространяться слух о существовании женщины-офицера. Надежда писала: «Все говорят об этом, но никто ничего не знает; все считают возможным, но никто не верит; мне не один раз уже рассказывали собственную мою историю со всеми возможными искажениями: один описывал меня красавицею, другой уродом, третий старухою, четвертый давал мне гигантский рост и зверскую наружность. Судя по этим описаниям, я могла б быть уверенною, что никогда ничьи подозрения не остановятся на мне, если б не одно обстоятельство: мне полагалось носить усы, а их нет и, разумеется, не будет… Часто уже смеются мне, говоря: “А что, брат, когда мы дождемся твоих усов? Уж не лапландец ли ты?”».

В 1816 г. Дурова, будучи штаб-ротмистром и Георгиевским кавалером Александровым, вышла в отставку. Но с военными манерами она уже никогда не расставалась и не признавала женской одежды.

Несколько лет Надежда Андреевна прожила в Петербурге, потом гостила у родственников в Малороссии. С 1826 г. поселилась в Елабуге. Все это время она писала романы, повести и мемуары, в которых рассказывала о своих военных походах.

В 1836 г. Дурова отправилась в Петербург, чтобы издать «Записки кавалерист-девицы». Ее брат, который был знаком с Пушкиным, убедил Надежду показать свои сочинения великому

писателю. «Записки» произвели на Александра Сергеевича большое впечатление, и он изъявил желание стать их издателем.

Выход в свет романа Дуровой «Кавалерист-девица. Происшествие в России» взбудоражил все общество. Каждый желал познакомиться с этой легендарной личностью. Все взахлеб читали ее произведения: вслед за первой книгой вышли в свет «Повести и рассказы» в четырех томах.

Однако постепенно интерес к Дуровой прошел. Она покинула Петербург и вернулась к себе в Елабугу. В городе ее называли «барин, его благородие Александр Александрович Александров».

Последние годы жизни Надежда Андреевна посвятила служению людям: она ходатайствовала перед властями за обездоленных и старалась помочь всем, кто нуждался в ее поддержке. Свой дом она превратила в приют для брошенных и увечных животных.

Скончалась Н. А. Дурова 2 апреля 1866 г. Хоронили ее с воинскими почестями. Перед гробом офицер местного гарнизона нес на бархатной подушке ее Георгиевский крест – первый и единственный раз со времени учреждения этого главного воинского ордена России им была награждена женщина.

Надежда Андреевна прожила долгую жизнь, полную незабываемых приключений и встреч. Будучи мужественным и волевым человеком, она вступила в поединок с самой природой и судьбой, чтобы обрести желанную свободу и стать достойной дочерью своего отечества.

КОЛЛОНТАЙ АЛЕКСАНДРА МИХАЙЛОВНА

(род. в 1872 г. – ум. в 1952 г.)

Первая в мире женщина-дипломат в ранге чрезвычайного и полномочного посла. Журналист, публицист, революционный, партийный и государственный деятель.

Весной 1903 г. в одно из петербургских издательств вошла изящная, нарядно одетая дама и попросила дать ей прочитать гранки выходящей в свет книги «Жизнь финляндских рабочих». На титульном листе издания стояло имя «А. Коллонтай». Редактор, с удивлением взглянув на посетительницу, заявил: «Я хотел бы, чтобы гранки прочитал сам автор исследования».

Опытный работник издательства не мог поверить, что книга на такую серьезную и скучную тему могла быть написана столь молодой и с виду несерьезной женщиной.

Александра родилась 19 марта 1872 г. в Петербурге в семье Михаила Домонтовича, принадлежавшего к старинному дворянскому роду. У генеральской дочери было все, что полагалось детям привилегированного сословия: своя комната в доме-особняке, няня-англичанка, приходящие учителя. Получив домашнее образование, Шурочка сдала экзамен на аттестат зрелости и получила право быть учительницей. Будущее у нее было вполне определенное: богатый и влиятельный муж, дети, балы при дворе и поездки за границу.

В 1891 г. Шура познакомилась с будущим офицером Владимиром Коллонтаем. Два года спустя, несмотря на отчаянное сопротивление всей семьи, она стала его женой. Через три года у Александры родился сын, и родители немного успокоились: Коллонтай оказался человеком порядочным, перспективным, к тому же в Шурочке души не чаял. Обычная женщина довольствовалась бы этим простым семейным счастьем – но только не Александра.

Роковую роль в ее судьбе сыграла большевичка Елена Стасова, которая убедила младшую подругу, что семья и тюрьма – суть одно и то же. Только вырвавшись из этой темницы, можно заняться настоящим делом. Под «настоящим делом» обе, естественно, понимали революционную деятельность. Постепенно Коллонтай пришла к выводу, что любовь к сыну – простой эгоизм, а любовь к мужу – ненужная роскошь.

В 1898 г., через пять лет после свадьбы она рассталась с Владимиром, оставив ему сына, а себе – его фамилию. «Мы разошлись не потому, что разлюбили друг друга, – писала Александра. – Меня увлекала волна нараставших в России революционных событий».

Летом Коллонтай уехала в Швейцарию, чтобы получить образование, но, заболев нервным расстройством, вынуждена была переехать в Италию. Здесь она писала статьи для газет и журналов, которые никто не печатал. Нервное расстройство прогрессировало, врачи рекомендовали вернуться домой. Приехав в Россию, Шура последний раз попыталась наладить семейную жизнь с Владимиром, который в это время тяжело болел. Но роль заботливой жены быстро ей наскучила.

Тогда Александра окончательно порвала с мужем и снова отправилась за границу. Там она писала пламенные статьи, выступала с речами на встречах единомышленников, занималась сбором средств на партийные нужды. Центральной темой ее

политического интереса стал женский вопрос. Вернувшись в Россию, Коллонтай приняла деятельное участие в революционных событиях 1905 г. Она участвовала в демонстрациях рабочих, писала и распространяла подпольные листовки, выступала на митингах, работала в меньшевистском центре.

В середине декабря 1908 г. во время подготовки к работе Первого всероссийского съезда женщин-равноправок ее бурная антиправительственная деятельность наконец-то надоела властям. Александра вынуждена была бежать за границу и находиться там до марта 1917 г. Она читала лекции, писала книги и принимала участие в партийных конгрессах и конференциях. По приглашению американских социалистов дважды посетила Соединенные Штаты, где, «агитируя против войны», объехала более ста городов и поселков.

В 1915 г., вовремя сориентировавшись, Шура бросила меньшевиков и перешла в стан большевиков – к Ленину. Как признавалась Коллонтай позже, ей «был ближе большевизм, с его бескомпромиссностью и революционным настроением». Правильность выбора подтвердилась: как только она вернулась в Россию, ее сразу же избрали депутатом исполкома Петроградского Совета.

В Петрограде Александра занималась революционной агитацией балтийских моряков. Генеральская дочь призывала «братишек» к мировой революции и к свободной любви. Ее страстный призыв не остался без ответа: появления на кораблях «агитатора Саши» матросы всегда ждали с нетерпением. В этот период в ее лице ярко проявился тип жрицы теоретического разврата, которая исповедовала теорию «стакана воды» – мгновенного удовлетворения половых потребностей. По ее глубокому убеждению, в новом обществе, которое еще предстоит построить, институт семьи и брака отомрет, а женщина будет независима, эмансипирована и по-мужски свободна в выборе партнера.

Октябрьский переворот 1917 г. произошел при непосредственном участии Коллонтай. Ночь на 25 октября она провела в Смольном – штабе большевистского восстания. На следующий день было сформировано первое Советское правительство, куда пламенная революционерка вошла в качестве наркома государственного призрения, как тогда называлось учреждение, ведавшее соцобеспечением. В эти насыщенные событиями дни она познакомилась с Павлом Дыбенко, ставшим наркомом по морским делам. Именно этот человек сыграл решающую роль в победе большевиков: по его приказу десять тысяч матросов появились на улицах Петрограда, а крейсер

«Аврора» и десять других кораблей вошли в Неву.

Это была странная пара: элегантная аристократка и богатырского вида крестьянский сын с грубыми чертами лица и манерами портового грузчика. Счастливое «единство и борьба противоположностей» продлились шесть лет, после чего Александра решила расстаться и с этим мужем.

После смерти И. Арманд, с осени 1919 г. Коллонтай получила высокий партийный пост – она возглавила женотдел ЦК партии и активно работала в комиссии по борьбе с проституцией при наркомате соцобеспечения. Там партийная феминистка призывала не только к социальному раскрепощению женщины, но и утверждала ее право на свободный выбор любви. Об этом она писала в своих популярных произведениях и в нашумевшей в те годы статье «Освободите крылатого Эроса». Если в 1917 г. она призывала революционных матросов к мировой революции и свободной любви, то шесть лет спустя бросила клич раскрепостить инстинкты и дать простор любовным наслаждениям.

Идеи половой вседозволенности находили поддержку у новой власти. Но как только большевики твердо стали на ноги, «крылатому Эросу» тут же подрезали крылья. По мнению партийных идеологов, строители нового общества не должны растрачивать свою энергию на сексуальные забавы. Все силы трудящихся направлялись отныне на строительство нового государства. А любить полагалось не женщин, а партию большевиков и ее вождей. Реформаторские идеи Александры увяли на корню, закончилась ее работа и на женском фронте. Ее перебросили на работу во внешнеполитическое ведомство.

Дипломатическая карьера Коллонтай началась 4 октября 1922 г., когда она отправилась торговым советником в Норвегию. В мае следующего года Александра Михайловна была назначена главой торгпредства, а затем и полномочным представителем СССР, после того как норвежское правительство признало Советский Союз. Переговоры, верительные грамоты, приемы, подписание договоров, визиты – новая жизнь увлекала мадам Коллонтай. Дело спорилось, у нее явно были способности дипломата.

Осенью 1926 г. Александра получила назначение полпреда и торгпреда СССР в Мексике, но тамошний климат оказался слишком тяжелым для ее здоровья, и через год она вернулась в Норвегию. После очередного разговора со Сталиным в апреле 1930 г. она стала посланником СССР в Швеции.

Шведы встретили ее настороженно: в 1914 г. королевским указом она была выслана из страны «на вечные времена» за

антивоенную агитацию. Теперь пришлось отменять собственный указ, чтобы не раздувать международный скандал. Отказать во въезде послу Советской России в современных условиях было уже невозможно.

В Стокгольме при вручении верительных грамот Коллонтай обворожила семидесятилетнего шведского короля Густава V, а все газеты отметили броский туалет советского посла – русские кружева на бархатном платье. Муза Канивез, бывшая жена Ф. Раскольникова (друга и «соратника» Дыбенко по разгону Учредительного собрания и расстрелам рабочих демонстраций и флотских офицеров), так вспоминала о первой встрече с послом: «Передо мной стояла невысокая, уже немолодая, начинающая полнеть женщина, но какие живые и умные глаза!..»

Во время официального обеда Александра пожаловалась новой знакомой: «Во всем мире пишут о моих туалетах, жемчугах и бриллиантах и почему-то особенно о моих манто из шиншилл. Посмотрите, одно из них сейчас на мне». И Муза увидела «довольно поношенное котиковое манто, какое можно было принять за шиншиллу только при большом воображении…»

В Швеции Коллонтай работала до изнеможения: добилась подписания договора о возвращении СССР золотых запасов, помещенных правительством Керенского в шведские банки, участвовала в работе Лиги Наций, проводила переговоры и консультации с финским правительством о выходе Финляндии из войны. Постоянная напряженная работа не прошла бесследно – ее здоровье было окончательно подорвано.

Первый раз недуг сразил ее летом 1942 г., когда она работала, не зная отдыха ни днем ни ночью: это был самый тяжелый период для Советского Союза, воюющего с фашистской Германией. В середине августа, когда положение на фронте было критическим, Александра, как обычно, работала в своем кабинете. Когда вечером она подошла к лифту, чтобы подняться в свою комнату, ей стало плохо. Врачи констатировали левосторонний паралич. Тем не менее она оставалась на посту чрезвычайного и полномочного посла до марта 1945 г., когда за ней из Москвы прислали военный самолет и увезли на родину.

Последние семь лет Коллонтай жила в Москве. Некогда активная, неугомонная женщина была прикована к инвалидной коляске, но продолжала выполнять функции советника Министерства иностранных дел СССР. Нередко до поздней ночи можно было видеть свет в окнах ее квартиры на Калужской улице.

В марте 1952 г. Александра Михайловна готовилась к своему восьмидесятилетию. Не дожив десять дней до юбилея, она скончалась от инфаркта. Как заметил И. Эренбург, «ей

посчастливилось умереть в своей постели», в отличие от подавляющего большинства ее друзей, с которыми она в молодости «делала революцию». Похоронена первая в мире женщина-посол на Новодевичьем кладбище в Москве рядом с Г. Чичериным и М. Литвиновым.

В одной из записных книжек последних лет, размышляя о пережитом, она писала: «Во мне было много контрастов, и жизнь моя соткана из периодов, резко отличных друг от друга… Я обладала и до сих пор обладаю талантом «жить». Много достигла, много боролась, много работала, но и умела радоваться самой жизни во всех ее проявлениях».

РИФЕНШТАЛЬ ЛЕНИ

Полное имя – Хелена Берта Амалия Рифеншталь
(род. в 1902 г.)

Выдающаяся немецкая танцовщица, актриса, кинорежиссер, кинооператор-новатор и фотограф. Культовый мастер документального жанра («Триумф воли», «Олимпия»). Автор фотоальбомов «Последние нубийцы», «Нубийцы Као», «Африка», «Коралловые сады». Осуждена Нюрнбергским трибуналом как проповедник «фашистской этики». Автор автобиографического фотоальбома и мемуаров «Пять жизней Лени Рифеншталь». Лауреат премий многих кинофестивалей.

Лени Рифеншталь перешагнула 100-летний рубеж. Но как бы долго ни продолжалась ее жизнь, два фильма переживут свою

создательницу. В этом волшебная сила искусства. Только о ярком, всеми признанном творчестве Рифеншталь чаще всего говорят, что оно проклято. Одна из самых выдающихся и противоречивых женщин XX века ни о чем не сожалеет, вины за собой не признает, а может, просто не в состоянии отказаться от того, что создала. Она считает, что прожила пять жизней.

Жизнь первая началась 22 августа 1902 г. в польском городке Гданьске, входившем тогда в состав Российской империи, в семье состоятельного торговца сантехникой. Мать Лени, имея русские корни, приобщила дочь к русской литературе. (До сих пор любимым писателем Рифеншталь остается Ф. М. Достоевский, а любимой книгой – «Братья Карамазовы».) Вскоре отец перевез семью в Берлин. Страдая от его тирании, Лени всегда завидовала брату и мечтала быть мужчиной. Уже в детстве она решила, что «в будущей жизни никогда не выпустит руль из своих рук». Наперекор отцу и под тайным покровительством матери она поступила в русский балетный класс и училась у Евгении Эдуардовой.

«Я была танцовщицей и сердцем, и душой», – вспоминает Лени. Свою карьеру в балете она начала блестяще, участвуя в постановках Макса Рейнхарда. Ее программе рукоплескали Берлин, Мюнхен, Прага, Цюрих. Сольный номер «Вальс-каприз», поставленный самой Рифеншталь, пользовался бешеным успехом. Молодую балерину в танце привлекало человеческое тело, как художественное выразительное средство, как эталон красоты. Да и сама Лени была прекрасна: безупречный овал лица, большие выразительные глаза, пышные рыже-каштановые волосы, идеальная фигура. В числе ее первых поклонников был знаменитый писатель Э. М. Ремарк.

И тут жизнь поставила Лени первую подножку. Катаясь на лыжах, она сильно повредила колено, и о карьере балерины пришлось забыть. От безделья девушка пошла в кино и… влюбилась в так называемые «горные» фильмы, в которых бравые немецкие альпинисты на фоне романтических пиков и ущелий влюблялись и совершали героические поступки. Лени тут же отослала свои сценические фотографии режиссеру фильма.

Съемки у Арнольда Фанка были нелегким испытанием. Павильоны он не признавал. Красавице Лени приходилось по нескольку часов сидеть по шею в снегу, взбираться на ледники и скалы, как настоящей альпинистке. «Горы давали потрясающее чувство свободы. Помню, когда я забиралась на вершину, я испытывала ни с чем не сравнимое счастье». Рифеншталь снялась в семи фильмах режиссеров А. Фанка и Г. В. Пабста. Так, ленты «Священная гора», «Штурм над Монбланом» и «Белый ад Пиц

Палю» сорвали кассу по всему миру, а Лени тут же была причислена к первым красавицам немецкого кинематографа и стала буквально культовой актрисой.

Но Рифеншталь всегда хотелось большего. Приобретя у Фанка хороший операторский опыт, она решила начать новую жизнь как самостоятельный оператор и кинорежиссер. В 1932 г. Лени сняла знаменитый «Голубой свет». В нем все впервые: ночные съемки через оранжевый фильтр, светящиеся таинственные контуры предметов, съемки в церкви во время службы, съемки на трудной горной натуре, полный отказ от павильона.

Картина имела бешеный успех. Чаплин и Фербенкс прислали Лени поздравительные телеграммы. Удача сама плыла ей в руки: снимай романтические сказки, внося новаторские элементы, и процветай. Но фильм имел «несчастье» понравиться Гитлеру, а он привлекал Рифеншталь, как харизматическая личность. Увидев его на одном из митингов, Лени написала ему восторженное письмо, и он предложил встретиться. Именно в ней фюрер почувствовал тот творческий потенциал, который способен был оживить его «гениальные» идеи. После того как Гитлер пришел к власти, министерство пропаганды Геббельса и партия финансировали все кинопроекты Рифеншталь.

Третья жизнь Лени началась с документального фильма о пятом съезде НСДАП в Нюрнберге (1933 г.). Затем последовал престижный заказ лично от Гитлера на фильм в честь 20-летия начала Первой мировой войны, 16-летия начала страданий Германии и 19 месяцев с начала возрождения Германии. Разве могла Рифеншталь отказаться от такого предложения? Конечно, могла. Так поступили многие немецкие артисты и режиссеры. Но им пришлось покинуть Германию. Лени тоже попыталась «увернуться», ссылаясь, что «не может отличить СС от СА». Но фюрер проявил настойчивость: «Это хорошо. Сделайте фильм как художник». Имея неограниченные средства и полную свободу творчества, Рифеншталь создала новое документальное кино. «Триумф воли» (1935 г.) стал «пропагандистской иконой» фашизма. Для Лени были созданы идеальные условия: в ее распоряжении находились 30 камер, 36 операторов с ассистентами и около 80 помощников. Впервые камера двигалась по рельсам, была закреплена на флагштоке, поднималась на дирижабле (высотные съемки). Монтаж занял пять месяцев. Всю эту работу Рифеншталь выполнила самостоятельно, проводя у пульта иногда до 20 часов в сутки.

Лени сотворила чудо. Зрители увидели зловещее великолепие: под величественную музыку Вагнера, без единого

закадрового комментария, немецкая нация возрождалась к жизни. Германия, молодая, красивая, здоровая, была опять полна сил. Обычная хроника превратилась во впечатляющую поэму о национал-социалистах и их вожде, стала гимном «новому режиму», образцом фашистской пропаганды в наиболее совершенной форме. Лени, как и вся немецкая нация, была охвачена воодушевлением и создала для крысолова-фюрера «волшебную дудочку», увлекающую массы в «коричневую бездну». Картина произвела фурор в стране и за рубежом. «Даже Черчилль, – говорила Рифеншталь, – в 1935 г. сказал, что он завидует Германии, что у нее есть такой фюрер». Ходили слухи, что Лени получала такие же заказы от Сталина и Муссолини, и даже от Ватикана.

В 1938 г. Рифеншталь создала «Олимпию», в основу которой была положена спортивная Олимпиада, прошедшая в Берлине в 1936 г. Две части ленты – «Праздник народов» и «Праздник красоты» – полны неожиданных ракурсов, символов. По неисчерпаемому новаторству фильм превзошел даже «Триумф воли» и вновь попал в золотую коллекцию кинематографа. Техника и способы съемок, предложенные Лени в «Олимпии», стали классикой. Специалисты считают, что ни один фильм о спорте не достиг такого уровня. Это величественная ода красоте и мощи натренированного человеческого тела, силе и целеустремленности. Перед зрителями проплывали античные храмы, оживали прекрасные статуи, обнаженные белокожие красавцы и красавицы замирали в классических позах, бежали с факелами древних цирков, соревновались. По мнению фюрера, картину несколько подпортил чернокожий атлет Джесси Оуэнс. Но независимость в работе, предоставленная им Лени, позволила даже этот «неуместный штрих».

Рифеншталь отсняла 400 км пленки. Были запечатлены выступления всех спортсменов, каждый момент состязаний. До начала съемок она несколько месяцев обучала операторов, для каждого из них были подобраны или изготовлены на заказ камеры и объективы. Фильм снимали с воздушного шара, в воде и под водой; около площадки для прыгунов даже вырыли яму для оператора.

«Триумф воли» и «Олимпия» принесли своей создательнице массу престижных призов, в том числе награды венецианского и французского фестивалей, медаль на всемирной выставке в Париже. Эти два фильма вошли в десятку лучших фильмов мира, стали классикой кинематографа и вечным позором для Рифеншталь. Развязанная фашистской Германией Вторая мировая война перечеркнула третью жизнь Лени черной свастикой.

Фанатик своей профессии, она стала проклятым художником, поставившим свое творчество на службу нацистам. Но тем не менее творческие находки личного фотографа и кинооператора фюрера оказались базовыми для дальнейшего развития документального жанра. По мощи режиссерского видения Рифеншталь сравнивают с С. Эйзенштейном, Вс. Пудовкиным, Ф. Лангом и Д. Вертовым. Ее по праву считают прародительницей современной рекламы и создательницей эстетики видеоклипа с его быстро сменяющимися кадрами, неожиданными планами и ракурсами, резкими склейками.

В самом начале войны Лени в качестве военного репортера единственный раз побывала на фронте. Жестокость немецких солдат в Польше привела ее в ужас, и она выговорила себе свободу у Гитлера от дальнейших партийных заданий, тем более что членом НСДП никогда не состояла. Рифеншталь спешно отправилась в Испанские Альпы, затем в Австрию и Чехословакию, где в течение нескольких лет продолжала снимать свой второй художественный фильм «Долина» по пьесе Анжело Гимере. 120 цыган из концлагерей были использованы ею в массовках. Лени говорит, что этим спасла им жизнь, но никто не принял ее оправданий. Всю войну Рифеншталь продолжала жить своим искусством, стараясь как можно реже находиться в Германии. «Ей всегда удавалось и удается до сих пор «ничего не знать» о том, о чем она знать не хочет», – написала о ней психоаналитик М. Митчерлих. Но поверить в то, что Лени ни о чем не знала, практически невозможно. Ведь ее единственного брата Хайнца отправили на русский фронт, где он вскоре погиб, не столько за его антивоенные высказывания, сколько за отказ Лени продолжать сотрудничество с нацистами.

После победы над фашизмом Рифеншталь была арестована по обвинению в пособничестве. Три года она провела в лагерях для интернированных и, пережив тяжелейшую депрессию, два года – в психиатрической клинике. Суд снял с нее политические обвинения, но работать в кино она больше не смогла: ее осудили по законам искусства. Со стороны кинопроизводителей Лени был объявлен настоящий бойкот. В 1950-е гг. у нее было много проектов. С ней соглашались работать Анна Маньяни, Брижит Бардо, Жан Кокто, Жан Маре. Но ни одна из 15 ее работ не была доведена до конца. Фильм «Долина» был окончен лишь в 1954 г., но на экраны не вышел.

Все двери перед Рифеншталь оказались закрыты. До 1962 г. она жила вместе с матерью в Мюнхене в добровольном затворничестве. А затем, под впечатлением от романа Э. Хемингуэя «Зеленые холмы Африки», уехала в Судан. В 60 лет

«непрощенная любовница нацизма» начала свою четвертую жизнь. В течение восьми месяцев она одна жила в диких племенах Нубии – масаки и као. Лени была их почетным гостем. Другие репортеры на территорию этих племен никогда не допускались. В результате в 70-х гг. Рифеншталь выпустила три фотоальбома, посвященных африканцам: «Последние нубийцы», «Нубийцы као» и «Африка». Эти великолепные работы, несмотря на их очевидную аполитичность, были встречены прохладно. Критики вновь усмотрели в них идеи нацизма, поскольку они «пропагандировали здоровую плоть, плоть без изъянов», без ущербности, а черный цвет тел ассоциировался с фашистской формой. Лени не признает таких обвинений: «Да, я снимаю красивые тела. Меня привлекают эстетические темы, а не отрицательные. Отрицательное, по-моему, вообще не может вдохновлять на творчество». Фильм Рифеншталь «Черный фрахт», поднимающий вопросы работорговли в современном мире, так и не увидел свет.

В 72 года Лени увлеклась подводным плаванием. Так началась ее пятая жизнь. Правда, чтобы получить лицензию аквалангиста, ей пришлось «слегка» уменьшить возраст – до 50 лет. Ей поверили, ведь ее сопровождал 32-летний любовник, оператор Хорст Кетнер – они до сих пор вместе. Фотоальбом Рифеншталь «Коралловые сады» (1974 г.) гениален, как и все, что она делала. В период с 1974 по 2000 г. Лени совершила более двух тысяч погружений, и результатом этого стал 45-минутный документальный фильм «Подводные впечатления». В нем рассказывается о жизни в глубинах Индийского океана. В прекрасных картинах подводного мира совершенно нет идеологии. Но теперь в свой адрес Рифенталь слышит, что «коричневую бездну» она заменила на «голубую».

Эта замечательная женщина уже отметила свой столетний юбилей. Она не сломлена неудачами, не понимает или делает вид, что не понимает, почему она, художник, осуждена общественным презрением также, как и нацистские преступники. Каждое ее выступление с лекциями или на закрытых показах «Триумфа воли» вызывает бурю протестов. Этот фильм до настоящего времени запрещен в широком прокате. Журналистка Белла Езерская считает, что «конкретное зло, которое он причинил и еще может причинить, стократ превышает его научно-познавательную ценность, как бы высока она ни была. Попади «Триумф воли» в широкий прокат сейчас, он наверняка стал бы культовым фильмом для бритоголовых всех рас и наций». Творчество Рифеншталь – пример того, как чистое искусство может стать страшным идеологическим оружием, оболванивая

массы.

О жизненном и творческом пути культового режиссера и оператора XX века в 1993 г. вышла трехчасовая документальная картина Роя Мюллера «Власть образов Лени Рифеншталь» («Прекрасная, ужасная жизнь Лени Рифеншталь»). С экрана вместо ожидаемого нацистского монстра зрителю улыбнулась лукавая, жизнерадостная старушка с горящими глазами, готовая поделиться своими воспоминаниями и советами мастерства. Когда Мюллер спустя много лет навел на нее камеру, она грустно пошутила: «Только не заставляйте меня кричать “Хайль Гитлер!”»

ТЕРЕШКОВА ВАЛЕНТИНА ВЛАДИМИРОВНА

(род. в 1937 г.)

Первая в мире советская женщина-космонавт и женщина-генерал. Герой Советского Союза.

Идея женского космического полета возникла из политических соображений. Известно, что генерал Н. Каманин приступил к организации женской космической группы, познакомившись в Америке с летчицей Дж. Кобб из отряда астронавтов: нельзя было допустить, чтобы американка полетела в космос раньше нашей. В последние годы, когда космонавтика перестала быть областью закрытой для критики, в прессе неоднократно поднимался вопрос – а нужен ли был вообще полет

женщины в космос?

Разумеется, он был нужен – в первую очередь для поддержания и развития мифа о преимуществах социализма. Сам С. П. Королев, выступая перед журналистами, результат полета поставил во главу угла: «Полет Терешковой – это прежде всего одно из самых ярких доказательств равноправия советских женщин, их большого мужества».

Первая женщина-космонавт родилась 6 марта 1937 г. в деревне Масленниково Тутаевского района Ярославской области в семье крестьян-колхозников. Отец Валентины погиб в финскую войну, и ее маме пришлось в одиночку воспитывать троих детей. На каждого из них она получала пособие – по 50 рублей, а буханка хлеба стоила тогда 200…

Вскоре семья переехала в Ярославль, где Валя пошла в школу и закончила семилетку, затем вечернюю школу рабочей молодежи. В конце июня 1954 г. она устроилась в сборочный цех Ярославского шинного завода, а в следующем году перешла на комбинат технических тканей «Красный Перекоп», где работала браслетчицей. В 1956 г. Валентина поступила в Ярославский заочный техникум легкой промышленности.

Кроме работы и учебы в техникуме девушка посещала местный аэроклуб, занималась парашютным спортом, совершила 163 прыжка с парашютом и стала перворазрядницей. На «Красном Перекопе» Терешкова вступила в комсомол, а в 1960 г. была избрана секретарем комсомольской организации комбината и успешно закончила техникум.

Мать не одобряла увлечение дочери парашютным спортом, считая, что это занятие для мальчишек. Несколько раз она запирала ее дома, не пускала на аэродром, но та все равно сбегала: «18 августа 1961 г., в День Воздушного флота ярославцы собрались на набережной. Пришли мама, брат с сестрой. По громкоговорителю объявили: прыгает Валентина Терешкова. Я приводнилась в Волгу. И вот, мокрая, подхожу к маме: “Ты видела, как я прыгала?” А она очень серьезно отвечает: “Разобьешься, домой не приходи!”»

Освобожденным секретарем комитета комсомола на комбинате «Красный Перекоп» Терешкова проработала до 1962 г., когда была зачислена в отряд советских космонавтов. Валентина прошла полный курс подготовки к полетам на кораблях типа «Восток». Соперниц по фортуне у нее оказалось четверо – Валентина Пономарева, Ирина Соловьева, Татьяна Кузнецова и Жанна Еркина. Окончательный выбор счастливицы сделал сам глава правительства Н. С. Хрущев. Говорят, стрелка весов склонилась в пользу Терешковой благодаря ее безупречному

пролетарскому происхождению, но, возможно, были какие-то и другие аргументы, пока неизвестные, в одночасье превратившие ее в женщину-легенду.

16–19 июня 1963 г. Терешкова совершила свой исторический полет в космос на ракете «Восток-6», находясь на околоземной орбите вместе с кораблем «Восток-5», пилотируемым Валерием Быковским. Ее позывной «Чайка» 48 раз облетел вокруг планеты, а общая продолжительность полета составила 2 суток 22 часа 50 минут.

Она до сих пор остается единственной женщиной – командиром космического корабля. Светлана Савицкая, Елена Кондакова, да и американские женщины-астронавты летали только в составе экипажей. А Терешкова была одна. В том, чего ей это стоило, она и сейчас не признается: «Бог знает, что писали: и что меня тошнило, и что лежала влежку. Но ведь мое состояние во время полета зафиксировано приборами телеметрии, кроме того, все снималось на кинокамеру. И при желании все это можно просмотреть. Если бы мне было так плохо, как говорят, разве смогла бы я выполнить намеченную программу? По сделанным мною из космоса снимкам и наблюдениям в науке существует целое направление. Конечно, были огромные нагрузки, особенно во время приземления».

Первые корабли серии «Восток» напоминали их пилотам консервные банки. Гагарин, Титов, Попович не то чтобы встать в полете, но даже шевельнуть рукой не могли. Трудно представить себе трехдневное пребывание женщины на борту в таких условиях. Говорят, вернувшись на землю, Гагарин не смог вспомнить месяц, число, забыл имя конструктора Королева; всегда жизнерадостный и веселый, он в течение целой недели пребывал в жесточайшей меланхолии. По мнению специалиста по послеполетной адаптации космонавтов Виталия Воловича, женский организм оказался абсолютно неприспособленным к условиям полета в безвоздушных пространствах.

Эксперимент оказался явно преждевременным. Желание обогнать само время – этим пороком всегда страдали большевики – дорого обходилось человеку в советской стране. Если у мужчин-космонавтов кальций в организме восстанавливался за 10–12 дней, то Терешкова не могла встать на ноги около месяца. Всепроникающие космические лучи действовали на женщину иначе. Кости стали хрупкими, ломались от небольшой нагрузки, нередко возникали кровотечения. Тот же Волович утверждает, что Валентина всю жизнь живет под угрозой на ровном месте сломать ногу или истечь кровью от крохотной ранки.

Со своим первым мужем Андрияном Николаевым

(космонавтом № 3) Терешкова познакомилась в Звездном городке еще до полетов. Но шоу из их романа государство решило организовать уже после того, как она стала народной героиней. «Космической свадьбой» руководил сам Хрущев. Дом приемов на Ленинских горах был полон высокопоставленных личностей, тосты, подарки и поздравления должны были вызвать восхищение всего мира, но мало кто знал, что настоятельный «совет» партии завести космической паре ребенка вызвал у молодых супругов панический ужас. Им было хорошо известно, что эксперимент с собаками-космонавтами закончился плачевно: щенки рождались слепыми, один даже – трехногим, все очень скоро погибли. Можно себе представить ту перспективу, которую воображала будущая мать, побывавшая в космосе.

По словам все того же Воловича, беременность Терешковой протекала очень тяжело. Практически весь период она пролежала в госпитале. Девочка Аленка родилась хотя и слабенькой, но нормальной и постоянно находилась под наблюдением врачей. Сегодня дочь Терешковой имеет собственную семью, а Валентина Владимировна стала бабушкой.

После своего полета Терешкова продолжала проходить подготовку в отряде космонавтов, но большую часть времени занималась общественными нагрузками. Ей пришлось совершить немало поездок по городам СССР, по многим странам мира. Одновременно с работой в Центре подготовки космонавтов и активной общественной деятельностью Валентина поступила в Военно-инженерную академию имени Н. Е. Жуковского, которую успешно закончила в 1969 г., получив специальность летчик-космонавт-инженер. Затем ее и Юрия Гагарина оставили в академии соискателями ученой степени, и спустя семь лет она защитила кандидатскую диссертацию.

С 1968 г. Валентина Владимировна работала в общественных организациях, исполняя обязанности председателя Комитета советских женщин и вице-президента Международной демократической федерации женщин. За это журналисты окрестили ее «первой «феминисткой» Советского Союза». Но сама Терешкова говорила: «Я не считаю себя феминисткой, хотя в Комитете нам приходилось бороться именно за права женщин. Мы получали до 200 тыс. писем в год и до 20 тыс. посетителей приходили на прием. Приезжали целыми семьями. Одна из женщин с 13 детьми пришла ко мне в кабинет. Сколько слез я видела, сколько боли… Однажды у меня на столе даже оставили новорожденного ребенка…»

С 1987 по 1992 г. она была председателем Президиума Союза советских обществ дружбы и культурной связи с зарубежными

странами, а затем руководила Российской ассоциацией международного сотрудничества. С 1994 г. Терешкова возглавляет Российский центр международного научного и культурного сотрудничества. Она делает все, чтобы осложнить жизнь своим будущим биографам – старательно скрывает свою личную жизнь, отказывается от встреч с журналистами, не пишет мемуаров, не выступает со скандальными разоблачениями.

Сегодня ей хочется, чтобы ее никогда не покидали близкие: «Моя мама, мой муж, брат. Эти потери для меня – незаживающая рана. С мужем, Юлием Георгиевичем Шапошниковым, мы прожили вместе почти 20 лет. Он был талантливый хирург, удивительный человек – честный, добрый. Сколько раз его поднимали среди ночи и вызывали на операцию, мчался в госпиталь по первому зову. Юлий всю свою жизнь посвятил борьбе за продление жизни других людей. На памятнике ему я написала: “Светя другим, сгораешь сам”».

Герой Советского Союза Валентина Терешкова награждена пятью орденами и десятками медалей. Она первая в мире женщина-космонавт и генерал-майор авиации, почетный гражданин многих иностранных и российских городов, ее именем назван кратер на Луне. В октябре 2000 г. она была удостоена звания «Женщина века», присужденного британской международной организацией «за вклад в освоение космического пространства и в экологические разработки».

АРТАМОНТ ЛИДИЯ

Настоящее имя – Артамонова Лидия Германовна
(род. в 1967 г.)

Единственная в мире русская торера (женщина-тореадор). Состоит в двух профессиональных синдикатах тореадоров – португальском и испанском. Выступает на аренах первой категории в Испании, Португалии и на юге Франции. В мире женщин-тореадоров не больше десяти, а среди наездниц Артамонова – единственная, кто в португальском стиле сражается с четырехлетним быком.

В чем отличие корриды испанской от корриды португальской, в нашей стране знают немногие. В Испании коррида предполагает кровопролитие. Португальская же коррида – это спектакль, зрелище, где не бывает жертв. Она заканчивается тем, что люди

кидаются на рога быку, пусть даже и защищенные резиновыми наконечниками. Их задача – остановить быка, и это очень опасное занятие, многие гибнут, поскольку разъяренное животное очень опасно.

Начало таким боям было положено еще во II в. до н. э. Например, на Крите игры с быками были связаны с обрядом плодородия, и главная роль в таких игрищах отводилась девушкам. Сражаться с быком женщинам запрещали только в XX в. В католической Испании женщины выходили на арену даже 200 лет назад. Знаменитая матадорша конца XVIII в. Пахуэлера сражалась на аренах Мадрида, а коррида 27 января 1839 г. вошла в историю как чисто женская: все участники – пикадоры, бандерильеро и матадор – были молодыми женщинами.

В мире профессиональных женщин-тореадоров всего 5–6, хотя учеников, конечно, больше. Просто у многих, как только начинается активная личная жизнь или брак, завершается «роман с корридой». Лидия Артамонт считает, что «многие девушки идут в корриду лишь из-за внешнего пафоса – арена, красивые костюмы, гарцевание на лошади… А как только дело доходит до настоящего боя, многие бросают это занятие. И еще у женщин реакция чуть замедленнее, чем у мужчин».

Единственная в мире русская женщина-тореадор родилась в 1967 г. в Москве в семье высокопоставленного сотрудника Внешторга Германа Александровича Артамонова. Ее дед со стороны матери, ближайший сподвижник Хрущева, в свое время был председателем Госплана СССР и послом в Швейцарии, а мать, Татьяна Иосифовна Кузьмина, работала врачом. Раннее детство Лидочка провела в Берне, затем жила в Париже, где отец был сотрудником советского торгпредства.

В 10-летнем возрасте Лида вернулась с родителями в Москву. Здесь же окончила среднюю школу и поступила на романо-германское отделение филфака МГУ. После первого курса университета вышла замуж. Ее супругом стал француз Жак-Мари Компуэн – коммерческий директор знаменитой коньячной фирмы «Камю» и, к слову, внебрачный сын Мишеля Камю – владельца этой всемирно известной компании. Жак-Мари был старше супруги на 12 лет. Они познакомились, когда Лидочка была еще ребенком. Компуэн часто посещал их дом в Москве и в Париже, поскольку был деловым партнером и другом Германа Артамонова.

Родители были против этого замужества: они предвидели возможные неприятные последствия бракосочетания их дочери с иностранцем. Дело в том, что времена были суровые, шел май 1985 г. – горбачевская перестройка только начиналась… В

результате отца Лидии просто-напросто выгнали со службы.

Молодые перебрались в столицу Франции, в 1986 г. родилась дочь Франсуаз-Мари-Ирэн. Но счастливая семейная жизнь продолжалась не более полутора лет: «Я поняла, что мы совершенно разные люди. Брак наш был недолгим в отличие от бракоразводного процесса, который тянулся 4 года. Мы разводились так долго из-за дочери. Мой бывший муж – человек богатый, и алименты ему пришлось бы платить большие. Как только я отказалась от алиментов, он сразу же отказался от дочери, и нас развели».

Потом Лида окончила знаменитый лицей «Жансон дю Сай» и в 1996 г. – факультет социоэкономики Парижского католического университета, написав дипломную работу «Социальный фактор в корриде. Конфликт между пешей и конной корридой». В университете Артамонова постоянно воевала с преподавателями из-за пресловутых двойных стандартов католического мировоззрения. Здесь же она увлеклась «хорзболлом» – регби на лошадях, пока в один прекрасный день на юге Франции не увидела конную корриду: «Я поняла мгновенно: это то, что мне надо!»

Лидия ни с кем не советовалась, когда решила заняться конной корридой. Ее привела туда безграничная любовь к лошадям. «Ими я одержима с детства, – рассказывала Артамонова. – Наверное, это гены. Дело в том, что в моих жилах есть кабардинская и казацкая кровь». Ее первое знакомство с лошадью произошло в пятилетнем возрасте – находясь с родителями в Швейцарии, Лидия стала ходить в пони клуб.

По окончании университета Лида отправилась в Португалию овладевать искусством верховой езды и мастерством проведения коррид (тавромахией). В этом ей помогла бабушка, в течение пяти лет оплачивая проживание и занятия в знаменитой Конной французской школе. Для этого ей пришлось распродать свою знаменитую коллекцию русской живописи XIX в. – около ста редких полотен Айвазовского, Шишкина, Репина, Саврасова, Левитана. Внучка не просила ее продавать все работы: «Просто поставила перед фактом: если деньги на учебу в Португалии не найдутся, буду вынуждена искать другие пути самореализации. Я любым способом добиваюсь своего. Любым. У меня такая тактика: идти напролом».

За десять лет, проведенных в корриде, Лидия около 600 раз выходила на поединок с грозным «торо браво» – бойцовским быком. Ей рукоплескали на лучших аренах Португалии, юга Франции, Испании – словом, там, где любят корриду и понимают в ней толк. Причем Артамонова одинаково ловко выступала как в

классической португальской корриде (во время которой быка не убивают), так и в испанской, где бык должен быть повержен.

Конно-спортивный мир весьма специфичен. Лидия говорила, что «с тореадорами-конкурентами порой еще сложнее, чем с публикой. Та предельно предсказуема: приходит в восторг, когда выступаешь великолепно. Когда похуже, с трибун несется: «Отправляйся домой варить мужу суп!» Коллеги более изощренны. На выступлениях нельзя ни на минуту оставлять лошадей без присмотра. Запросто могут отравить. Коррида, помимо высокого искусства общения с лошадью, является крайне высокоприбыльным бизнесом. Весь рынок контролируется десятком человек. Преимущественно испанцами. Не найдешь общего языка – останешься без контракта».

Однажды Артамонова получила удар рогом в правую ногу. Рана была достаточно большой и глубокой: рог быка вошел на 12 см. «Ощущение было такое, – вспоминала Лидия, – будто я получила сильный ожог. Сразу же закружилась голова, но бой до конца я все-таки довела». На профессиональном языке это называется «крещение кровью». Не всякий мужчина преодолевает такое испытание: немало тех, кто после этого ломается и в результате навсегда покидает корриду. «Нет, тот случай абсолютно не выбил меня из седла, – смеялась Лидия. – По жизни я – фаталист!» Кроме того, ее фамилия по-французски созвучна со старинным гасконским родом Артамонтов, а имя означает «бой с быком», и лучшего предзнаменования (и рекламного имиджа) для выбранной профессии придумать сложно.

В рейтингах лучших тореро Артамонт стала неизменно занимать первые строчки, получая за каждый бой по 20 тыс. долларов… Вскоре Лидия купила на юге Франции в небольшом университетском городке Экс-ан-Прованс под Марселем дом и конюшню: «У меня десять лошадей, и каждая из них – произведение искусства. Это лошади знаменитой иберийской породы. Лишь они, не ведая страха, способны выходить на арену с быком». Страха, впрочем, не ведают не только эти сильные животные, но и их хозяйка: «Страх – это нерешительность. Любое же колебание на арене может быть фатально. Как только в душу тореро вселяется страх – это сигнал: пора уходить из корриды. Меня это чувство, слава Богу, пока не посещало».

Городок на Лазурном побережье – великолепное место для проведения ярких зрелищ, ценимых туристами. Площадь близлежащего земельного участка позволила Лидии построить там собственную арену диаметром 38 метров. На ее строительство ушло около двух лет и 200 тыс. долларов. В 1995 г. Артамонт начала проводить там бескровные конные корриды,

поскольку местное законодательство не давало возможность организовывать корриду с каким-либо кровопролитием: «В моем спектакле, который я назвала «прованской корридой», действо считается завершенным по истечении 30 минут. В этом режиме тореадор должен продержаться на лошади, поминутно воюя с быком. Ну а высшим пилотажем, свидетельствующим о высоком мастерстве, считается умение «на ходу» дотронуться специальной палкой до лба быка».

Личная жизнь Лидии протекает очень бурно. Поклонников немало, но «служебные» романы практически невозможны из-за того, что «многое строится на подчинении, из-за сильной конкуренции среди тореадоров. И там нет разницы между полами. В то же время тореадоры, как и любые артисты, люди страстные. Они не могут без измен и любви, это для них как допинг. У некоторых из них может быть прекрасная семья с тремя детьми, но они обязательно будут любить кого-то еще на стороне».

Сейчас торера Артамонт предпочитает жить не во Франции, а в России. Лидия входит в число лучших матадоров мира и могла бы получать немалые деньги за выступления. Вместо этого она месит сапогами глину подмосковной деревни Протасово и обучает верховой езде всех, кто любит лошадей. Два года назад у нее украли коня и машину, а задуманная ею российская коррида дважды срывалась – в основном из-за нечестности партнеров. Воров Лидия нашла сама, а от идеи провести корриду в Москве отказываться не собирается.

Больше всего она не любит, когда к ее любимому делу относятся как к цирковому представлению: «Самое обидное для корриды – сказать, что это цирк. Цирк – это веселое зрелище. А коррида – это драма в трех действиях, где роли распределены заранее, но исход неизвестен. Это дуэль». Ну а португальская коррида – это еще и конный балет, танец, который управляемая человеком лошадь исполняет перед быком, прежде чем его победить.

Лидия говорит, что ни на минуту не может позволить себе расслабиться: «Вся моя жизнь состоит из огромного количества конфликтов, зачастую инициированных мною же. Всегда готова к бою… Один из моих учителей тореадоров любил повторять: «Победи или умри». Готовность расплатиться до конца за свои увлечения и есть, на мой взгляд, истинная компенсация за все причуды судьбы…»

Бизнес-леди

ТЮССО МАРИ

(род. в 1761 г. – ум. в 1850 г.)

Основательница «Музея восковых фигур мадам Тюссо».

Ни в одно другое культурно-зрелищное заведение Лондона не устремляется заезжий турист с такой неистовостью, как в Музей мадам Тюссо. Очереди, стоящие у его дверей в любую, даже дождливую погоду, восхищают сторонних наблюдателей энтузиазмом посетителей и живо напоминают о тех очередях, в которых в оные годы наши соотечественники толпились у дверей мавзолея.

Однако чем Музей Тюссо не мавзолей? Восковое изображение Ильича практически неотличимо от того овосковевшего подлинника, который мы созерцали в кремлевской гранитной

усыпальнице. Между тем у Тюссо можно увидеть не одного лишь вождя русской революции, а целое сонмище ему подобных исторических «великанов», не говоря уж о звездах современной мировой политики, спорта, шоу-бизнеса и прочих родов славной человеческой деятельности. И что для отдельных любопытных граждан немаловажно, их всех можно пощупать, потрогать и даже в обнимку сфотографироваться с ними.

Со времени основания Музея мадам Тюссо его посетили свыше 500 млн человек – иначе говоря, население Северной Америки и Австралии, вместе взятых. И хотя это не единственный музей восковых фигур в мире, ему нет равных по великому искусству достоверности портрета, такой в отдельных случаях точной, что обывателя подчас берет сомнение: уж не сам ли некто великий забрел на выставку и затесался среди экспонатов коллекции?

Сегодня есть в этом музее и восковая фигура самой его основательницы. Согласно архивной записи, в 1761 г. в Страсбурге родилась девочка, которую нарекли Мари. Спустя два месяца после этого события ее отец, солдат австрийской армии Иоганн Жозеф Гросхольц, погиб на фронтах Семилетней войны. Мать Анна, будучи моложе мужа на 27 лет, скоро завязала роман с доктором Филиппом Кюртюсом, к которому она устроилась на работу в качестве домоправительницы. Переехав в 1767 г. в Париж, доктор пригласил с собой Анну и ее дочь. Филипп привязался к Мари, а малышка нашла в его лице заботливого отца и хорошего наставника.

Свою карьеру во Франции Кюртюс начал с изготовления миниатюрных бюстов из воска. Знаток человеческой натуры, он умело льстил своим клиентам, изображая их более привлекательными, чем они были в реальности. В ту эпоху, когда еще не было фотографии, а портрет у художника стоил дорого и не каждому был по карману, восковые фигурки Кюртюса пользовались большой популярностью, измерявшейся многочисленными заказами. Получаемая прибыль позволяла ему арендовать галерею в престижном аристократическом районе Парижа.

Мари после нескольких лет обучения в начальной школе постепенно приобщилась к этой деятельности. Вначале Кюртюс показывал ей, как нужно лепить цветы и фрукты из воска, затем сюжеты становились более сложными. Она начала привыкать к этому таинственному материалу, хрупкому и непокорному одновременно, параллельно училась рисовать, шить и моделировать прически. Девочка оказалась способной, а ее помощь стала все более заметной.

В один из холодных февральских дней 1778 г. Филипп взял Мари с собой на улицу Бон, где остановился великий Вольтер. Она внимательно следила за работой своего учителя: для нее это был первый урок моделирования лица – самого трудного элемента человеческой фигуры. Это был также и первый урок живой истории, который она не забудет никогда. Два месяца спустя великий мудрец умер, и неожиданно они стали единственными обладателями уникального слепка из воска, сделанного при жизни философа. Деловая хватка Кюртюса подсказала ему, что нужно тотчас же изготовить бюст Вольтера. Выставленный в витрине магазина, он привлекал покупателей, да и просто зрителей, желавших проститься с этой неординарной личностью. А Филипп преподнес Мари еще один урок: не нужно пренебрегать зрителями, которые, побывав на их выставке один раз, затем возвращались вновь, превращаясь в клиентов и покупателей.

Работы Мари были вскоре замечены французским королем Людовиком XVI, и юная мадемуазель Гросхольц была приглашена ко двору. Девять лет прожила будущая мадам Тюссо в блистательном Версале, обучая художественному мастерству сестрицу короля, мадам Элизабет, и наслаждаясь всеми прелестями дворцовой жизни. Неудивительно, что когда грянула залившая страну кровью Великая революция, «восковая учительница» монархов была зачислена в списки «пособников королей». Версальские покои сменились тюремной камерой, а соседкой Мари в мрачных застенках оказалась будущая супруга Наполеона Бонапарта Жозефина Богарне.

Головы Жозефины и Мари были пострижены – их приготовили к восхождению на эшафот. Судьба, однако, помиловала обеих, дав шанс одной стать мадам Тюссо, другой – императрицей Франции. Однако, дабы освобожденная из тюрьмы мадемуазель Гросхольц засвидетельствовала революционерам свою лояльность, ей было уготовано тяжкое испытание: изваять посмертные маски тех, с кем бок о бок жила она при дворе, в том числе маски обезглавленных Людовика и Марии Антуанетты. Мало того, она сама должна была отыскать их отрубленные головы на кладбище среди великого множества окровавленных останков тех, кто пал от гильотины Великой революции. Жизнь между тем беспощадна в своей иронии: будущей мадам Тюссо довелось лепить посмертные маски не только жертв, но и их палачей. Маска Робеспьера, изваянная руками Мари, стала одной из самых выдающихся ее работ.

Кульминацией ее деятельности стало убийство Марата Шарлоттой Корде. Мари еще ничего не знала, когда в ателье

вошли несколько представителей власти и, потребовав взять все необходимое для снятия слепка, сопроводили ее к месту убийства. Ее руки работали четко и уверенно, почти механически, а глаза пытались запомнить черты лица молодой женщины, окруженной солдатами. Вернувшись, она по памяти восстановила ее портрет, а позже по своим эскизам сделала маску Шарлотты. Неожиданно Мари осенило, что эта женщина одна, без своей жертвы, не представляет собой ничего особенного, они должны быть вместе. Появилась идея о создании не только фигур, но и отдельных сцен, воспроизводящих ключевые моменты истории. Так было положено начало будущей коллекции.

В 1794 г. доктор Кюртюс умер, завещав перед смертью всю свою восковую экспозицию своей ученице Мари Гросхольц. А вскоре она вышла замуж за французского инженера Франсуа Тюссо, которому родила троих детей – дочь, умершую в раннем детстве, и сыновей Жозефа и Франсуа. Однако дела мадам Тюссо шли в это время не блестяще: в переживавшей период глубокого экономического упадка постреволюционной Франции выставка восковых фигур захирела, а муженек успешно пропивал последние деньги… И тогда отважная Мари решила плыть к новым берегам. В 1802 г. она вместе со старшим сыном погрузила свои восковые фигуры на корабль и устремилась навстречу туманному Альбиону. Ни Франции, ни своего супруга Мари Тюссо не увидела уже больше никогда.

Первый опыт в этой незнакомой ей еще стране показал, что английская история не менее занимательна, чем французская: Ричард Львиное Сердце и Генрих VII, Мария Стюарт и Мария Тюдор, Оливер Кромвель… Мадам Тюссо сразу же принялась за работу, моделируя эти персонажи. Это были фигуры в полный рост. Цвет волос и глаз, рост, телосложение, одежда соответствовали реальности, а рядом с фигурой для большей правдоподобности иногда воссоздавалась и обстановка той эпохи. Англичане, влюбленные в свое прошлое, по достоинству оценили труд Мари.

Но фортуна не всегда улыбалась ей: в 1822 г., после турне по Ирландии, грузовой пароход, который должен был доставить все ее фигуры в Ливерпуль, затонул. Для Мари это было равнозначно смерти: выставка была единственным источником ее существования. И именно в эти невероятно тяжелые дни проявились ее новые качества: упорство и твердость характера. Она начала все сначала, благо все муляжи, которые мастерица никогда не уничтожала, были на другом судне. Мари нашла кредит для закупки материала, а затем одна, без чьей-либо помощи с утра до поздней ночи лепила фигуры, шила костюмы,

моделировала прически. Она воссоздала всю коллекцию, состоявшую в то время из нескольких десятков фигур, и добавила к ней новых персонажей. И как компенсация к ней пришла настоящая известность.

Быть представленным при жизни в коллекции мадам Тюссо стало престижно. Экспозицию встречали с восторгом во всех городах Великобритании. Миллионам людей той эпохи, когда о фотографиях и исторических фильмах еще не было и речи, она предоставляла единственную возможность увидеть историю.

И опять Лондон и Ливерпуль, Дублин и Йорк, и снова Лондон… Мадам Тюссо привыкла к этой кочевой жизни, но сыновья хотели изменить ситуацию, предлагая создать стационарную выставку. Ей понадобилось время, чтобы привыкнуть к этой мысли, и в один из дней 1835 г. она дала свое согласие. У них было уже достаточно средств, чтобы купить дом в центре Лондона и открыть в нем музей. Когда туда вошли первые посетители, мадам Тюссо поняла, что сыновья были правы. Только так можно было увидеть и по-настоящему оценить их многолетний труд. Но истинную радость ей доставило ощущение семейного клана и то, что есть кому продолжить ее начинание.

Мудрость и интуиция не обманули ее. Дело, которое Мари начала в XVIII столетии, превратилось в огромную империю развлечений в XXI в. Род Тюссо процветает, правнуки продолжают дело своей великой прабабушки, открыв музеи под именем мадам Тюссо в Амстердаме, Гонконге, Лас-Вегасе и Нью-Йорке.

Эта необыкновенная женщина умерла в 1850 г. в возрасте девяноста лет. Родившись и проведя детство в Страсбурге – городе с немецкой культурой, начав свою карьеру во Франции, добившись настоящего успеха в Великобритании, она вошла в историю мировой цивилизации. Ее менталитет и жизненные принципы настолько современны нашей эпохе, что сейчас даже трудно поверить в то, что она была современницей Великой Французской революции.

КЛИКО-ПОНСАРДЭН НИКОЛЬ БАРБ

(род. в 1778 г. – ум. в 1867 г.)

Основательница винодельческого торгового дома «Вдова Клико-Понсардэн».

Когда-то легкомысленные французы сочинили песенку о шампанском, в которой есть такие слова: «Весельем мир обязан монаху и вдове». Это истинная правда: монах Периньон выделил мутный осадок в шипучем виноградном вине и решил, что именно он портит этот божественный напиток. Его дело продолжила Николь Понсардэн, вдова винодела Франсуа Клико – именно она придумала способ, как этот неприятный осадок удалить. С тех пор вино из Реймса, главная забота и неубывающая гордость виноделов Шампани, доставляет радость и веселье всему миру.

Сама Николь не очень-то часто веселилась в жизни. Она родилась в Реймсе в 1778 г. в обеспеченной семье городского мэра, получившего титул барона от императора Наполеона и отличавшегося строгими взглядами на воспитание детей. Мадемуазель все свое время посвящала вышиванию, стихосложению и садоводству – занятиям хоть и необходимым образованной барышне, но весьма скучным. Существует семейная легенда, согласно которой ее матушка часто говаривала: «Ах, Николь, я знаю, ты прославишься вскоре после замужества!» Поэтому самым радостным для девушки был день ее свадьбы в 1798 г., когда она стала женой Франсуа Клико – наследника удачливого производителя и торговца винами.

Похоже, молодая девушка знала, с кем связать свою судьбу: отец ее супруга был смелым предпринимателем, одним из первых в округе организовавшим торговлю вином под собственной торговой маркой. Но фортуна почему-то отвернулась от торгового Дома на самом подъеме семейного бизнеса: через семь лет после свадьбы молодой господин скоропостижно умер. Мадам Клико лишилась мужа и в одночасье приобрела фамильный замок, виноградники, требующие постоянного ухода, и целое подземное королевство – подвалы в меловой горе протяженностью 24 километра.

Недолго думая, 27-летняя вдова решила сама продолжать дело супруга. Весь Реймс недоумевал: как женщина осмелилась стать во главе винодельческого производства? Ведь испокон века известно, что вино превращается в уксус, едва женщина приблизится к подвалам. Но мало кто знал, что с первых лет совместной жизни Франсуа Клико посвящал свою юную жену в тонкости превращения виноградного сока в шипучее вино. И неожиданно оказавшись вдовой, Николь уже кое-что понимала в производстве шампанского. Однако, чтобы прекратить пересуды, она решила поначалу спрятаться за спиной многочисленных помощников покойного Франсуа. Надо сказать, ее муженек умел подбирать кадры: начиная с 1801 г. его управляющий, Луи Бон, предок современных менеджеров фирмы Клико, без устали колесил по свету в поисках рынков сбыта.

С Луи Боном вдова стала буквально неразлучна, с утра до вечера заставляя его подробнейшим образом докладывать о малейших происшествиях в поместье. Она хотела быть в курсе всего и год за годом изучала, фиксировала, анализировала все технологические подробности производства вина. А трудности подстерегали ее на каждом шагу: то осадки, то неурожай, то злодейка-филоксера, пожирательница лозы. Мадам Клико, чтобы возместить убытки, даже пришлось продать все свои

драгоценности – но это ее нисколько не огорчило. Она без устали твердила своим людям: «Мы должны добиться одного качества – лучшего». Так год за годом создавалось знаменитое шампанское, слава о котором уже вышла за пределы Франции и достигла далекой России.

О шампанском «веселой вдовы» гуляки и знатоки Петербурга знали не понаслышке. Шампанское было темой восторженных од, им начинались и заканчивались попойки гусаров и изысканные светские рауты, оно примиряло влюбленных, купцы скрепляли им удачную сделку, актеры отмечали премьеру, наконец, без шампанского не обходился даже Императорский дом. Одним словом, в России не было человека, не знакомого с продукцией из далекого Реймса. Проспер Мериме с нескрываемым удивлением писал: «Вдова Клико напоит Россию. Ее вино называют «кликовское» и не пьют ничего другого», а Гоголь, оценивая воздействие модного напитка, говорил: «Ну, просто находишься в эмпиреях!»

Как случилось, что шампанское так быстро и основательно завоевало русские умы и души? Едва мадам Клико взяла дело в свои энергичные руки, она сразу сообразила, что ее вино пора показать всему свету. И за несколько лет экспорт семейного предприятия увеличился до 110 тыс. бутылок, а самые большие поставки шли в Россию – 25 тыс. бутылок в год. Надо отдать должное и Луи Бону – он регулярно проводил блестящие маркетинговые расследования: «Сообщаю вам радостную новость. Царица беременна. Если она родит наследника, в этой огромной стране будет выпито море шампанского. Только не говорите никому ни слова – наши конкуренты могут этим воспользоваться». Это донесение – одно из многих, которые сегодня хранятся в архивах Дома, и оно превосходно объясняет секрет успеха удачливой Николь. Ее конкурентам оставалось только гадать: не прибегает ли мадам к услугам темных сил?

Конечно, у вдовы, которая так больше и не вышла замуж, бывали трудные времена. Например, император Наполеон несколько спутал планы Дома авантюрной русской кампанией в 1812 г. Правда, необычайная популярность «кликовского» от политического противостояния не угасала – по нему скучали, бережно хранили в подвалах остатки былых запасов и надеялись на лучшие времена. Они настали, к удовольствию обеих сторон, спустя всего два года. С блеском преодолев экономическую и идеологическую блокаду, Николь Клико-Понсардэн с триумфом вернулась в Россию.

Знаменитые пузатые бутылки, непременно в горизонтальном положении, чтобы сохранять букет шампанского, и непременно

темного стекла, поскольку солнечный свет нарушал вкусовую гармонию, осторожно заворачивали в солому и везли на телегах к восточным границам. «Вдову Клико» везде встречали с восторгом и стремились сделать заказы непременно на целый год вперед, словно памятуя о недавней блокаде. А у себя на родине госпожа Клико была провозглашена Великой Дамой, что свидетельствовало о признании ее грандиозного успеха.

Но Николь мало реагировала на дифирамбы. «Только одно качество, первосортное!» – без устали повторяла она своим работникам. Ее можно смело назвать первой бизнес-леди своего времени, ведь она была единственной среди мужчин-конкурентов, которых никак нельзя было считать галантными кавалерами. Тем не менее она заставила всех прислушиваться к своему мнению, смело рисковала, всегда тщательно просчитывая запасной вариант, свято соблюдала правила игры и никогда никого не подводила, подавая пример честного отношения к делу.

Несмотря на все растущую славу, дни неутомимой вдовы не отличались один от другого. С утра она без устали сновала по плантациям, вычисляя, какой состав почвы лучше всего подходит именно этому сорту винограда. Она вела бесчисленные записные книжки, в которых бесстрастно анализировала удачи и поражения. В 1816 г. первой изобрела технологию удаления осадка из бутылок с вином, которой по сей день пользуются виноделы Шампани.

Мадам Клико-Понсардэн прожила долгую жизнь: до 89 лет она удивляла помощников и конкурентов неукротимым духом предпринимательства, проявляла настойчивость и волю в своем деле. Детей у нее не было, и, как говорят во Франции, сегодня семейным предприятием управляют ее «весьма далекие родственники». Впрочем, ее неизменное требование: «Шампанское Клико может быть только одного качества – лучшего» – они усвоили вполне и свято соблюдают обычаи и традиции фирмы.

Сегодня Дом «Вдова Клико Понсардэн» – это настоящая империя шампанского. Кристиан Ренар, главный смотритель виноградников фирмы, каждый день обходит 286 гектаров плантаций вместе с сотней помощников: обрезка, подвязка, пиницировка, 2 тыс. столбиков для лоз, 40 км проволоки для подвязки… Один гектар виноградника требует 500 часов годовой работы плюс инвестиций в размере до 1,5 млн франков. Больше 85 % знаменитых бутылок экспортируются в 110 стран мира, а филиалы легендарного винодельческого Дома расположены в Бразилии, Японии, США, Великобритании, где желтая этикетка на бутылках шампанского «Мадам Клико» давно стала знаком

престижа и искусства жить.

МОРОЗОВА ВАРВАРА АЛЕКСЕЕВНА

(род. в 1848 г. – ум. в 1917 г.)

Русская предпринимательница, директор «Товарищества Тверской мануфактуры бумажных изделий», крупнейшая московская благотворительница и меценатка.

Около 30 лет назад недалеко от московской станции метро «Кировская» стояло небольшое здание интересной архитектуры – Тургеневская библиотека-читальня, по которой и получила название расположенная рядом площадь. Но в одночасье, по прихоти одного из представителей советской власти, здание было уничтожено…

13 сентября 1883 г. на имя городского головы поступило заявление от Варвары Алексеевны Морозовой о намерении

пожертвовать Московскому городскому общественному управлению 50 тыс. руб. на учреждение читальни в память незадолго до того скончавшегося И.С. Тургенева. Бесплатная читальня должна была дать «возможность пользоваться книгами тем слоям городского населения, которым по состоянию их средств существующие библиотеки недоступны». Спустя полтора года читальня была открыта и принимала в день около 300 человек.

Основательница библиотеки была дочерью известного мецената, библиофила, собирателя рукописей и старопечатных книг Алексея Ивановича Хлудова. Его отцом был ткач-кустарь из Егорьевска Рязанской губернии, обладавший большим природным умом, редкой предприимчивостью и огромным трудолюбием. Благодаря ему Хлудовы достигли значительного материального достатка и завели торговое дело в Москве, приписавшись к купцам, хотя и считались всегда старообрядцами.

Варвара Хлудова родилась уже в Москве, 2 ноября 1848 г. Систематических знаний она не получила, но благодаря фамильной настойчивости сама занялась своим образованием. В ее дневниковых записях девической поры можно найти строки о большом желании заниматься просветительской работой. Желание это было реализовано сполна. Да и не только этим родом благотворительной деятельности суждено было заниматься Варваре Алексеевне «во взрослой жизни».

Легким ее жизненный путь назвать нельзя. Замуж ее выдали рано, за Абрама Абрамовича Морозова, который приходился Хлудовым дальним родственником. Так причудливо и не случайно пересекались именитые купеческие династии. Однако брак оказался несчастливым. Морозов был человеком малообразованным, с упрямым характером и зачатками тяжелой психической болезни, которая быстро прогрессировала и задолго до старости свела его в могилу.

В 34-летнем возрасте Морозова осталась вдовой, имея на руках троих сыновей. Еще до того, как болезнь сделала Абрама Абрамовича невменяемым, он составил завещание с роковым условием: вторичное замужество лишает Варвару Алексеевну всего ее состояния. А состояние было огромным. Поэтому снова замуж она не вышла, несмотря на большую многолетнюю и взаимную любовь к известному и уважаемому в Москве человеку – экономисту и публицисту Василию Михайловичу Соболевскому, от которого у нее было двое детей.

После смерти мужа Варвара наследовала текстильную фабрику, одну из самых больших в России. Умная и волевая вдова взяла «Товарищество Тверской мануфактуры» в собственные руки,

еженедельно по четвергам приезжая в Тверь из Москвы. Расширение сферы сбыта, выгодные закупки сырья, дешевая рабочая сила – все это приносило колоссальные прибыли. Морозова обладала практичностью и деловитостью, хорошо ориентировалась в коммерческих делах. В своей книге «Из прошлого» Вл. Немирович-Данченко писал о ней: «Красивая женщина, богатая фабрикантша, держала себя скромно, нигде не щеголяла своими деньгами». Но проводя жесткую политику управления, она не забывала и об улучшении бытовых условий жизни своих рабочих, и о благотворительных делах в городе, где было расположено производство.

При фабрике имелись бесплатные: «школа 4-годичного курса, рассчитанная до 1500 учащихся с классом кройки и рукоделия; больница на 80 кроватей, при коей состоят 2 постоянно живущих врача, 2 фельдшера и 1 фельдшерица; родильный приют на 20 кроватей, при нем 1 постоянно живущая акушерка; богадельня, в коей проживают 13 престарелых рабочих; колыбельная на 85 детей с прислугой, няньками и смотрительницей; приют на 35 детей-сирот».

Рабочие размещались в особых колониях, представлявших собой «отдельные домики на 4 семьи каждый, с отведенной для каждого домика землею в 180 кв. саж. с садом и огородом», а также в каменных казармах «усовершенствованного типа с новейшею системой отопления и вентиляции». Морозова искренне считала себя благодетельницей пролетариата. Во время стачек и забастовок на мануфактуре всегда стремилась сама выяснить и уладить возникавшие конфликты и искренне удивлялась неблагодарности и ожесточению забастовщиков. Ведь когда зачинщики подвергались допросу в полиции, на вопрос об образовании они отвечали: «…учился при фабрике Морозовых», «…воспитывался на счет фабрикантов Морозовых».

С годами производство расширялось, число рабочих увеличивалось, и вновь возникала нехватка жилых, лечебных и просветительских учреждений и строений. В 1910 г. общее собрание пайщиков мануфактуры постановило перечислить на эти цели 580 тыс. руб. Началось строительство, и уже через три года появилась самая большая казарма при фабрике. Она получила название «Париж» и вызывала зависть у тех, кому не довелось в ней проживать.

Часть своего огромного состояния Морозова передала на строительство московских больниц. В 1887 г. на Девичьем поле открылась психиатрическая клиника с новейшим медицинским оборудованием, при которой были разбиты сады, огороды, выстроены парники для трудотерапии больных и которой было

присвоено имя умершего супруга. Кроме того, здесь же был построен Раковый институт, переименованный потом в Онкологический институт имени П. А. Герцена. Когда Варваре было 6 лет, от рака умерла ее мать. В память о ней, желая облегчить участь больных, страдавших тем же недугом, она и организовала постройку этой клиники, принявшей первых пациентов в 1903 г.

Средства, полученные от фабрики, позволяли Морозовой быть щедрой меценаткой. Ее имя было одним из первых среди благотворителей, поддерживающих работу женских курсов, научных лабораторий. Варвара Алексеевна построила и содержала школы в различных губерниях России, где детям бесплатно выдавали учебные пособия и кормили горячими обедами. Одним из ее самых известных детищ были так называемые Пречистенские курсы для рабочих, которые со временем стали просветительским центром московских пролетариев. Лекции приходили слушать до полутора тысяч человек.

Капиталистка Морозова помогала крестьянам, пострадавшим от наводнений, устраивала госпитали для раненных на фронтах, выделяла средства на издание народнического журнала «Русское богатство» и даже сотрудничала с социал-демократами. Пятьдесят тысяч рублей Варвара Алексеевна пожертвовала на строительство на Миусской площади народного университета, задуманного как «учреждение, удовлетворяющее потребности высшего образования народа». Здесь же, в Москве, Варвара построила ремесленное училище, начальную школу, была членом «Общества пособия несовершеннолетним, освободившимся из мест заключения».

Большую роль сыграла Морозова в создании во второй половине XIX в. газеты «Русские ведомости», редактором которой был ее гражданский муж В. М. Соболевский. Было учреждено Товарищество «Русских ведомостей», главной пайщицей которого стала Варвара Алексеевна. Это было солидное, серьезное издание, в котором сотрудничали лучшие силы русской литературы, науки, искусства, общественности. Здесь печатались Лев Толстой, Салтыков-Щедрин, Глеб Успенский, Чехов, Серафимович, профессора Мечников и Тимирязев. В «Русских ведомостях» увидели свет знаменитые статьи Короленко, тут же дебютировал Максим Горький.

Жила Варвара Алексеевна в большом доме на Воздвиженке, который был построен в 1886 г. известным архитектором Р. И. Клейном. В этом доме «деловая женщина» выступала в роли хозяйки известнейшего в Москве литературного салона. В зале,

вмещавшем до 300 человек, собирался цвет московской интеллигенции. Здесь бывали Чехов, Короленко, Боборыкин, Успенский, Брюсов. Один из бывавших там мемуаристов писал о Морозовой: «Утром щелкает в конторе костяшками на счетах, вечером – извлекает теми же перстами великолепные шопеновские мелодии, беседует о теории Карла Маркса, зачитывается новейшими философами и публицистами…»

Образ жизни матери вызывал у ее детей от брака с Морозовым открытое неприятие. «Подсмотрели, что ли, что-то неладное в либералах сыновья ее – Миша, Ваня и Арсений, но возненавидели ярой ненавистью их либерализм и, кажется, заодно и мамашу», – вспоминал художник Сергей Виноградов.

Действительно, отношения в семье складывались совсем непросто. И дело было, в первую очередь, в жестком характере Варвары Алексеевны: всегда подтянутая, деловая, она и с собственными детьми держалась строго и сухо. Морозовские мальчики, миллионеры с рождения, до своего совершеннолетия получали от суровой матери по 75 рублей в месяц. Это была скупость, предполагающая воспитание личности. Но сыновья этого не понимали. Непрощенными остались и экстраординарность, природная одаренность матери, ее фанатичность в работе.

По-разному сложились их судьбы. Но, безусловно, каждый из них оставил свой след в истории рода. Так, Иван известен как один из самых знаменитых московских меценатов, коллекция которого к 1917 г. насчитывала уже более 100 работ русских художников и около 250 произведений новейшей французской живописи. Любителем изобразительного искусства был и старший сын Михаил, особенно уважавший творчество Серова и любивший его картину «Мика Морозов», которая находится сейчас вместе с другими в Третьяковской галерее. Всего в коллекции насчитывалось 60 икон, 10 скульптур и около 100 полотен. В делах управления фабрикой Михаил принимал минимальное участие, причем занял жесткую позицию, выступая против намерений матери и среднего брата улучшить положение фабричных рабочих.

Абсолютно не принимал участия в родовом текстильном деле младший сын Арсений, красавец, балагур, страстный охотник. Зато удивил и «порадовал» всю Москву постройкой неординарного сооружения на Воздвиженке – замка в испано-мавританском стиле, в котором сейчас находится «Дом дружбы».

Умерла Варвара Алексеевна 6 сентября 1917 г. и была похоронена на Ваганьковском кладбище. В своем завещании она отписала большую часть состояния – пай фабрики – своим

рабочим. В том же году «за контрреволюционную агитацию» большевики закрыли ее любимые «Русские ведомости». В конце 30-х гг. журнал «Красный архив» «разоблачил» и саму Морозову: оказывается, своей филантропией она лишь пыталась «завуалировать эксплуататорскую деятельность предпринимателей». А популярная среди москвичей Библиотека имени Тургенева была сметена с лица земли относительно недавно, в 1972 г., при прокладывании Новокировского проспекта.

ШАНЕЛЬ КОКО

Настоящее имя – Габриэль Шанель
(род. в 1883 г. – ум. в 1971 г.)

Выдающийся французский модельер, создательница империи моды XX в.

К началу 20-х гг. в мире практически завершилась борьба за равенство полов. Женщины добились законного права работать, голосовать и делать аборты, но потеряли при этом собственное лицо. Мода переживала ситуацию, когда женская одежда стала терять сексуальность и изысканность. Этот момент как раз и уловила Коко Шанель, которая умудрялась невероятно удачно совмещать в своих моделях революционные новации с вызывающей женственностью.

Она придумала свое знаменитое «маленькое черное платье»,

казавшееся на первый взгляд безыскусным, простоватым и безликим одеянием. Этот решительный шаг принес ей всемирную известность и сделал ее находку символом элегантности, роскоши и хорошего вкуса. Понятие «стиль Шанель» прочно утвердилось в терминологии моды. Сама Коко говорила: «Прежде всего, это стиль. Мода выходит из моды. Стиль – никогда!»

Но если покрой ее моделей отличался предельной простотой («Нужно безжалостно убирать все, что чрезмерно»), то собственную биографию Великая Мадемуазель, как называли ее французы, приукрашивала и перекраивала до неузнаваемости.

О ее детстве мы знаем довольно мало. Габриэль родилась 19 августа 1883 г. в городе Сомюре на западе Франции в семье ярмарочного торговца Альбера Шанель и его подружки Жанны Деволь. Всю жизнь легендарная Мадемуазель боялась, что журналисты могут узнать о ее внебрачном происхождении, о смерти матери от астмы и истощения, о том, что отец ее попросту бросил, сдав в 12-летнем возрасте в католический приют.

Когда ей исполнилось 20 лет, монахини подыскали девушке работу в трикотажном магазине в городе Мулен. Габриэль быстро заслужила уважение новых хозяев и заказчиков – она мастерски шила женскую и детскую одежду. Именно тому времени она обязана знаменитым прозвищем, под которым стала известна всему миру. Свободное от работы время она посвящала пению в кафешантане и часто исполняла модный шлягер: «Кто видал Коко у Трокадеро?» Отсюда и берет свое начало легендарное имя – Коко Шанель. Правда, сама Мадемуазель не любила вспоминать о своей певческой карьере и объясняла это прозвище по-своему: «Мой отец обожал меня и называл цыпленочком (по-французски – коко)».

Вообще мотив презрения к собственному происхождению, к нищете, окружавшей ее в детстве, преследовал Шанель на протяжении всей жизни. Этот комплекс стал одним из основополагающих в ее бурной деятельности, в стремлении любыми путями добиться успеха и признания. Ей хотелось спастись от унижений и забыть детство без ласки и любви, пустоту и одиночество.

В 1905 г. в ее жизни появился молодой буржуа Этьенн Бальсан, олицетворявший собой праздность и роскошь. Поселившись в его замке, Коко пользовалась всеми преимуществами нового положения: валялась в постели до полудня и читала дешевые романы. Спустя три года она познакомилась с Артуром Кейпелом, молодым англичанином, который посоветовал приглянувшейся ему девушке открыть шляпный магазин и пообещал финансовую поддержку.

Однако именно Бальсану она обязана началом своей карьеры. Этьенн давно хотел занять поднадоевшую ему подружку каким-либо делом, чтобы под благовидным предлогом убрать ее из своего замка. Сначала Коко обосновалась в Париже в его холостяцкой квартире на бульваре Мальзерб, где она стала делать и продавать свои шляпки. В конце 1910 г. Шанель окончательно порвала с Бальсаном и стала открыто жить с Артуром Кейпелом. Взяв предложенные деньги у нового друга, она перебралась на улицу Камбон и открыла там свое ателье со смелой вывеской «Моды Шанель». Скоро эта улица станет известна всему миру и будет связана с ее именем в течение полувека.

Коко стремительно вошла в мир моды, обратив на себя всеобщее внимание: она создала стиль, ранее немыслимый для женщин, – спортивные костюмы; она осмеливалась появляться на пляжах приморских курортов в «матроске» и обтягивающей юбке. Стиль «от Шанель» – просто, практично и элегантно.

Несмотря на то что Коко ввела моду на женские брюки, сама она их носила редко, так как считала, что женщина никогда не будет выглядеть в брюках так же хорошо, как мужчина. Однако короткая мужская прическа ей нравилась. Причина проста – за короткими волосами легче ухаживать. Однажды она отрезала косы и гордо вышла «в люди», объясняя всем, что у нее в доме загорелась газовая колонка и опалила ей локоны. Так в 1917 г. возникла мода на короткую женскую стрижку. До Шанель дамы обязаны были быть длинноволосыми.

Потом пришла беда: в 1919 г. Артур Кейпел погиб в автомобильной катастрофе. «Моя женская жизнь расстроилась. Человек, которого я любила, умер. Ничто меня не интересовало. Я плакала целыми днями», – вспоминала Коко. Возможно, не случись этой трагедии в ее жизни, не было бы и ее знаменитых экспериментов с черной тканью. Острословы утверждают, что она ввела в моду черный цвет, чтобы одеть в траур по своему возлюбленному всех женщин Франции. Сама Шанель не имела права официально носить траур: они с Артуром не были женаты.

Летом 1920 г. в Грассе произошла встреча Коко с выходцем из России, выдающимся химиком-парфюмером Эрнестом Бо, отец которого многие годы работал при императорском дворе. Эта встреча оказалась счастливой для обоих. Через год кропотливой работы и длительных экспериментов Эрнест изготовил «духи для женщины, которые пахнут, как женщина» – первый синтезированный парфюм из 80 компонентов, не повторяющий запах какого-либо конкретного цветка, как было принято ранее. Успех пережил своих создателей – до сих пор «Шанель № 5» являются самыми продаваемыми духами на планете.

В начале 20-х гг. Шанель активно общалась с миром парижской богемы. Многие искали общения с известной модельершей просто из любопытства, однако с удивлением находили ее неглупой, остроумной, оригинально мыслящей женщиной. Как-то раз Пикассо назвал ее «самой рассудительной женщиной на свете». Мужчин привлекала в ней не только внешность, но и неординарные личные качества, сильный характер, непредсказуемое поведение. Коко была то неотразимо кокетлива, то чрезвычайно резка, прямолинейна, даже цинична. Она казалась окружающим целеустремленной, уверенной в себе, довольной собой и своими успехами женщиной.

К середине 20-х гг. в жизни Коко появился герцог Вестминстерский, роман с которым длился целых 14 лет. Эта непривычно долгая для Мадемуазель любовная связь ввела ее в иную среду – мир английской аристократии. В каждом из домов, куда возил ее герцог, она видела долгожданный окончательный приют, часто пропадала в Англии, путешествовала на его яхтах. На уик-энды в его поместье обычно собиралось около шестидесяти приглашенных, среди которых часто бывали У. Черчилль и его жена, самые близкие друзья герцога.

Шанель всем своим существом перевоплотилась в англичанку. Если бы она смогла родить наследника герцогу, то стала бы его женой. До 1928 г., пока страсть в нем была сильна, он желал этого. Коко было 46 лет, когда она стала ходить на консультации к врачам, но было слишком поздно: природа воспротивилась ее мечте. Герцог Вестминстерский страдал не меньше своей любимой, но был вынужден жениться на другой.

Мадемуазель опять с головой ушла в работу. Успех сопутствовал ей во всех начинаниях. Она находилась в зените славы и, несмотря на возраст (ей уже было за 50), продолжала пользоваться завидным успехом у мужчин.

В 1940 г. Коко увлеклась атташе германского посольства Гансом фон Динклаге. Они поселились в доме над ее магазином – единственным уцелевшим кусочком империи мод, насчитывавшей до войны 6 тыс. сотрудников. Все предприятия Коко закрыла осенью 1939 г. – ей не хотелось работать. Незадолго до этого сотрудницы Дома Шанель вышли на забастовку, требуя «какого-то профсоюза». Так что война стала для нее случаем поквитаться – Мадемуазель уволила всех. А теперь они жили вдвоем с фон Динклаге и почти не выходили на улицу.

После освобождения Парижа Шанель, чье сотрудничество с оккупантами было очевидным, сразу же задержали сотрудники «Комитета по чистке». Но вечером того же дня ее выпустили. Коко легко отделалась: и за более невинные вещи, чем роман с

нацистом, тогда можно было лишиться всего. А о ней забыли. Ходили слухи, что генерала де Голля попросил о такой забывчивости лично У. Черчилль. Единственное, чего потребовали от нее новые власти в обмен на свободу, – немедленного отъезда из Франции. Пришлось на добрый десяток лет залечь на дно, без борьбы оставив профессиональное поле во владение всем желающим.

Коко жила в Швейцарии до 1953 г., а затем вернулась в Париж – к новому поколению модниц, давно уверенных, что «Шанель» – это только марка духов. Когда Марлен Дитрих спросила у Коко, зачем ей это нужно, она объяснила свое возвращение к главному занятию просто: «Потому что я умирала от тоски». Правда, было и еще одно объяснение: «Я больше не могла видеть то, что сделали с парижским кутюр такие дизайнеры, как Диор или Балмэн. Эти господа свихнулись! Дамы в их платьях, стоит только сесть, делаются похожими на старые кресла!»

Первой реакцией знатоков и прессы на показ новой коллекции Шанель были шок и возмущение – она не смогла предложить ничего нового! Увы, критики не сумели понять, что в этом-то как раз и состоит ее секрет – ничего нового, только вечная, нестареющая элегантность. Коко взяла реванш в немыслимо короткий срок – за год. То, что с треском провалилось в Париже, было слегка переработано и показано за океаном. Американцы устроили ей овацию – в США состоялся триумф «маленького черного платья», символа эпохи. Новое поколение модниц стало считать за честь одеваться от Шанель, а сама Коко превратилась в магната, управляющего самым крупным домом в мировой индустрии моды.

Несмотря на великое множество людей, которые окружали ее на протяжении всей жизни, она так и осталась одинокой. В день ее смерти, 10 января 1971 г., когда ей было 87 лет, рядом оказалась только горничная. Похоронили Великую Мадемуазель согласно ее завещанию не в Париже, а в швейцарской Лозанне, где, по ее словам, у нее возникало чувство защищенности.

ЛАУДЕР ЭСТИ (ЭСТЕ)

Настоящее имя – Жозефина Эсфирь Ментцер
(род. в 1908 г.)

Американская предпринимательница, создательница косметической империи, включающей в себя десятки тысяч магазинов и салонов красоты по всему миру.

Лаудер создала империю косметики из ничего, из мечты. У нее не было ни денег, ни товароведческих, ни специальных технических знаний, ни даже делового опыта. В итоге же она смогла создать несравненное царство красоты и стать некоронованной королевой индустрии, оборот которой составляет миллиарды долларов. Журнал «Тайм» включил ее в список людей, «определивших лицо XX в.», где она – единственная женщина и единственный представитель

косметической промышленности.

Родилась будущая королева косметики 1 июля 1908 г. в нью-йоркском Куинсе в семье венгерских эмигрантов Макса и Розы Ментцер и была названа Эсфирью. Ее отец торговал зерном и держал скобяную лавочку в итальянском гетто, а мать работала швеей, изо всех сил стараясь, чтобы у девятерых детей была еда на столе. Лаудер всегда стыдилась иммигрантского происхождения и родителей, говоривших по-английски с сильным акцентом: «Я отчаянно желала быть стопроцентной американкой».

Девочка рано начала работать в лавке отца, помогая ему вести дела и оформлять витрины. При этом она мечтала о славе актрисы, цветах и галантных поклонниках. Работа с покупателями смолоду научила Эсфирь предприимчивости и искусству продавать. Ей было шесть лет, когда в семье появился дядюшка Джон Шотц: приехал погостить да так и остался, расположившись в ветхом сарае прямо за родительским домом, где он оборудовал свою лабораторию. Дядя был химиком, занимавшимся изготовлением средств по уходу за кожей. С годами Шотц стал для подрастающей племянницы «волшебником, идеалом и наставником… Он завладел моим воображением так, как не удавалось больше никому и никогда. Благодаря дяде Джону я увидела свое предназначение… Как загипнотизированная, я наблюдала и училась».

Бросив школу по окончании восьмого класса, Эсфирь познакомилась с Джозефом Лаутером (позже изменившим фамилию на Лаудер), удачливым бизнесменом, владельцем магазина модной одежды. Они обручились и в январе 1930 г. поженились. Тогда же она решила навек распрощаться со своим неблагозвучным именем и придумала себе более эффектное – Эсти.

Все это время продолжались ее опыты по самостоятельному изготовлению косметики: на кухне, в перерывах между приготовлением еды создавались кремы для лица, помады и пудры. И однажды Эсти положила свои кремы в сумочку и пошла в ближайший салон красоты, чтобы организовать первую в истории парфюмерии бесплатную презентацию. Ход был безошибочный: какая женщина откажется от бесплатной услуги? Желающих оказалось много, а спустя пару дней посетительницы буквально штурмовали заведение – принципиально новая реклама товара прошла на ура.

Через месяц к Эсти Лаудер обратились несколько владельцев окрестных салонов. Через полгода ее кремами пользовались уже не только в округе, но и по всему Нью-Йорку. Дебютантке удалось создать рынок никому не известных ранее кремов благодаря

прекрасному умению продавать. Она останавливала людей на улицах, чтобы продемонстрировать преимущества своего товара. И могла говорить с каждым, кто готов был слушать: «Я была безвозвратно захвачена идеей созидания красоты».

В 1933 г. в семье родился первый ребенок, которого назвали Леонард. Джо работал бухгалтером, а Эсти продавала кремы для ухода за кожей. С каждым годом продажи росли. Лаудер преобразилась в признанную и влиятельную прекрасную даму и отлично справлялась с этой ролью. Единственное, что волновало Лаудер в стремлении подчинить себе все и вся, – это ее бизнес. Даже отношения с мужем отодвинулись на второй план. Их брак рухнул, и в 1939 г. супруги развелись. Вместе с шестилетним сыном Эсти переехала в Майами-Бич, где создала представительство в шикарном отеле «Рони Плаза». Ее движущей силой был принцип «Имидж – это все».

Следующие три года Лаудер разъезжала по окрестным курортам. Она устраивала в просторных холлах отелей презентации своих кремов, продавала их, собственноручно делала макияж, всякий раз оказывая клиенткам как можно больше персонального внимания. Планируя стратегию продвижения наверх, Эсти выбирала наиболее быстрые пути. Решив, что нужно заручиться поддержкой влиятельных людей, она обратилась к английскому филантропу Д. Майерсу, а затем к президенту «Международных Запахов и Ароматов» А. Льюису. Она также поддерживала близкие отношения с директором «Метро-Голдвин-Мейер» Ч. Московичем. Годы были потрачены «на поиски прекрасного принца, который помог бы осуществить ее мечты», но этого не произошло.

От бесплодных поисков покровителя-единомышленника Лаудер стала уставать. И тут серьезно заболел сын, что воссоединило ее с Джо как заботливых отца и мать. В конце 1942 г. они опять поженились, решив совместно заниматься косметическим бизнесом. Сферы деятельности поделили так: жена берет на себя маркетинг, муж отвечает за финансы.

Создание семейной косметической империи было ненадолго прервано в декабре 1944 г., когда Эсти родила второго сына, Рональда. К работе она вернулась практически сразу же, и уже через год была основана компания «Эсти Лаудер, Инк.».

Хозяйка фирмы знала, что в большом бизнесе не бывает мелочей. Она следила за каждым центом, обедала в кафетериях, пользовалась общественным транспортом. Заметив, что многие женщины покупают косметику между делом, наряду с другими товарами, она стала открывать свои фирменные отделы в престижных и модных магазинах, где продавалась дорогая

одежда и аксессуары. Лаудер лично отбирала и обучала продавцов. Работники каждого нового отдела проходили у нее недельный курс обучения, по окончании которого обязаны были быть приветливыми и привлекательными, уметь не только подробно рассказывать о каждом продукте, но и демонстрировать его возможности на своем примере.

В 1953 г. Лаудеры вложили 50 тыс. долларов в образцы, которые бесплатно разослали по почте и в результате получили тысячи новых покупателей. Но несмотря на успех, денег на настоящую лабораторию не хватало. Кремы по-прежнему изготавливались в кустарных условиях, однако уже не дома, а в арендованном углу огромной кухни одного из ресторанов на Манхэттене. Супруги сами растирали сухие травы в порошок, смешивали их с маслами, стерилизовали кипятком баночки, завязывали бантики на упаковках.

На этой кухне по заказу огромного магазина «Сакс», имеющего множество филиалов в других городах, была изготовлена первая большая партия духов «Свежесть юности». Эсти пришла к выводу, что ее продукция должна продаваться только в самых престижных универмагах, торгующих в оживленных, бойких местах. Лаудер была права в оценке рыночной ситуации, и первая партия товара на сумму 800 долларов ушла буквально за два дня. Так о компании «Эсти Лаудер, Инк.» узнали в Нью-Йорке и за его пределами – Эсти стала получать заказы от магазинов по всей стране.

Одновременно с завоеванием Америки молодая компания собиралась покорить Европу. Перед тем как отправиться в Париж, Лаудер внимательно изучила повадки тамошней публики. Феминизм, демократизация взглядов, зарождающийся культ молодости, набиравшая обороты высокая мода – все это обеспечило ей успех. В конце 60-х гг. Эсти создала косметику для мужчин – коллекцию «Арамис» (если женщина может носить мужской костюм, то почему мужчина не может пользоваться кремом?). Французы, а за ними немцы и англичане по достоинству оценили новшество.

Завоевать европейский рынок духов с его прочными традициями и известными торговыми марками было непросто. Однако у Лаудер получилось. Она устраивала балы, званые обеды, вечеринки, коктейли, которым придумала завлекательное название «Богатые и знаменитые». Шумные сборища с непременным участием журналистов проходили в ее доме на Манхэттене, на вилле в Южной Франции, в шикарной лондонской квартире и в доме в Палм-Бич. Пресса работала без осечек: «Самые красивые мужчины Нью-Йорка высоко оценили новую

коллекцию Эсти Лаудер», «Первые леди Нью-Йорка очень полюбили новый аромат Эсти Лаудер». А дальше были премии, первые места на конкурсах, растущий успех. И Европа признала, что «эта американка Лаудер действительно умеет делать духи».

В начале 70-х гг. изделия «Эсти Лаудер, Инк.» продавались более чем в семидесяти странах. В 1973 г. Лаудер предложила сыну Леонарду место президента компании. Она оставалась его шефом как главный владелец компании, а Джо занял кресло председателя.

По мнению журнала «Форчун», империя косметики Лаудер сделала ее хозяйку одной из богатейших женщин мира, обладающей капиталом 5,2 млрд долларов. Она оказалась в этом рейтинге единственной женщиной, добившейся всего самостоятельно. У Эсти с детства была мечта стать королевой, она много работала и в конце концов заняла положение, к которому стремилась. Превращение «из грязи – в князи» выглядело еще более величественным из-за придуманных ею сказок о своем якобы графском происхождении и благородном европейском воспитании. Много лет Лаудер вводила в заблуждение средства массовой информации, заставляя верить в истории, далекие от правды. Но фантазии стали реальностью, позволив Золушке обрести волшебное королевство.

ХЭНДЛЕР РУТ

(род. в 1916 г. – ум. в 2002 г.)

Американская предпринимательница. Создательница куклы Барби – самой популярной игрушки XX в.

Вот уже более 40 лет миллионы детей во всем мире сходят с ума от 30-сантиметровой длинноногой красотки Барби. Многие психологи всерьез озабочены тем, что кукла «развивает у девочек не те стереотипы поведения, которые могут быть полезными и приятными обществу и самим себе». «Раньше, – говорят они, – любимая игра была «дочки-матери», – теперь она совсем не в почете». Кукла Барби готовит их совсем не к роли матери, а учит жить по принципу «наслаждайся и потребляй».

«Мама» знаменитой игрушки родилась 4 ноября 1916 г. в Денвере, штат Колорадо, в многодетной семье польских

эмигрантов Иды и Якоба Моско. Окончив школу, Рут поступила в колледж и стала изучать промышленный дизайн. Однажды 19-летняя студентка отправилась на каникулы в Лос-Анджелес и решила не возвращаться домой. Дочь польского кузнеца всерьез планировала добиться успеха в Голливуде, устроившись стенографисткой в компанию «Парамаунт Пикчерз».

Возможно, любознательной и целеустремленной девушке и удалось бы сделать карьеру на киностудии, если бы не… любовь. В Денвере, еще будучи школьницей, она познакомилась с Эллиотом Хэндл ером. Они начали встречаться и в 1938 г. поженились. Вскоре у них родились дочь Барбара и сын Кеннет. С «Парамаунт Пикчерз» пришлось попрощаться, но предпринимательским способностям миссис Хэндл ер нашлось другое применение.

Эллиот был художником, или, как сказали бы сейчас, дизайнером. Он умел делать красивые подарочные безделушки и сувениры из дерева, металла, пластика – одним словом, был мастером на все руки. В 1940 г. супруги организовали компанию по производству рамок для фотографий и картин, а через два года она стала производить кукол, аксессуары для них и детские игрушки. Рут отвечала за сбыт товара – она договаривалась с городскими магазинами о рекламе и продаже работ мужа. Дела у начинающих бизнесменов шли неплохо, работы Хэндлера пользовались спросом.

Как-то Эллиот задумался: зачем выбрасывать остатки древесины, если и на них можно зарабатывать? Рут предложила из отходов производства делать игрушечную мебель. Она замечала, как Барбара играет со своими куклами и выстраивает им из спичечных коробков и кубиков кроватки и столики, и не раз невольно подумывала о возможности заработать на производстве подобной «мебели». Сказано – сделано. Карликовые шкафчики и кроватки оказались более ходовым товаром, чем рамки.

Денег, впрочем, было недостаточно. Тогда Хэндл еры решили приобщить к своему семейному бизнесу старого приятеля Харольда Мэттсона, обладавшего немалым состоянием. Чтобы хоть как-то его заинтересовать, они предложили назвать новую компанию «Мэттэл», что означало соединение двух сокращенных имен: Мэттсон и Эллиот. Тогда, в 1945 г., Рут фактически оставалась в тени. И хотя ее имя не включили в название компании, ему суждено было прославиться на весь мир.

В 1957 г. будущая «мама» Барби отправилась отдыхать в Швейцарию. Там она впервые увидела необычную куклу Лилли, у которой была большая грудь, длинные ноги, вызывающий макияж и нескромная одежда. Продавалась игрушка в табачных

магазинах в качестве шуточного сувенира для мужчин. Именно тогда Рут задумалась над тем, что детям наверняка надоело играть в «дочки-матери» со своими пупсами. Пришла пора сделать для них куклу, которая могла бы стать воплощением мечты о настоящей взрослой жизни. У заокеанской предпринимательницы хватило денег на то, чтобы выкупить авторские права на игрушку.

Конечно, вульгарная «девка» не могла успешно продаваться на детском рынке Америки. Рут привела Лилли «в порядок», при помощи японских дизайнеров превратив ее в невинную юную девушку. В Японии же были сделаны первые варианты будущей Барби. Менеджеры «Мэттэл» поначалу были настроены скептически. Позднее Хэндл ер говорила об этом: «Они думали, что люди не примут в качестве детской игрушки куклу с женскими формами. Но я знала, что они ошибаются».

Первые наряды для куклы были заказаны у знаменитых модельеров Живанши и Диора. И в 1958 г. госпожа Хэндл ер официально запатентовала свое детище. Кукла была названа Барби в честь дочки изобретательницы – Барбары. В своей автобиографии, опубликованной в 1994 г., Рут написала, что эта самая известная в мире игрушка была создана для того, чтобы «любая девочка через свою куклу могла вообразить себя такой, какой хотела себя видеть».

В 1959 г., во время нью-йоркской «Ярмарки игрушек», компания «Мэттэл» впервые показала миру свое новое создание – длинноногую куклу с макияжем, ярким лаком на ноготках и перламутровыми сережками. На красавице был элегантный купальник в полоску, подчеркивавший грудь, и открытые босоножки на высоких шпильках. Новую игрушку предложили в двух версиях: блондинка и брюнетка. Но оптовые покупатели отвернулись от новинки. Они были твердо уверены: американские родители никогда не купят своим малышкам куклу, похожую на проститутку.

Потерпев поражение на ярмарке, Рут решила поручить маркетинговую кампанию доктору психологии Венского университета Эрнсту Дичеру. В своей работе он использовал практическое приложение психоанализа Фрейда. В результате вместе с обретенной сексуальностью новорожденная кукла получила и социальный заряд, которого не имела ни одна из ее предшественниц. Барби служила для своих маленьких хозяек моделью будущего – обеспеченного и беззаботного. Кроме того, в продвижении куклы участвовало еще одно новое и сильное средство – телевидение. И реклама подействовала: Соединенные Штаты охватила «барбимания» – в течение года была распродана

351 тыс. экземпляров куклы, хотя цена игрушки по тем временам была немалая – 3 доллара.

Кукла была на удивление длинноногой и узкобедрой, воплощением женской мечты о хорошей фигуре. Размеры «прелестей» придавали Барби вид скорее карикатурный, чем реальный. Были даже предприняты попытки перевести обмеры куклы в соответствующие размеры женского бюста, талии и бедер. Оказалось, что красотке-кукле должна была бы соответствовать женщина с показателями 39–21–33 (в дюймах). Один глубокомысленный профессор даже подсчитал, что такие показатели теоретически встречаются у одной женщины на сто тысяч. Прежние толстые, бесформенные, бесполые куклы с глупой, невыразительной физиономией изживали себя, новое поколение эпохи женского раскрепощения и сексуальной революции не хотело идентифицировать себя с подобными клушами.

Тем временем Барби видоизменялась, становясь все ближе к тому образцу, который сейчас можно увидеть на магазинных полках. Создатели куклы старались, чтобы она всегда была новой, модной и стильной, не теряя при этом своей индивидуальности. Барби стала одной из любимых игрушек Америки, и ее фан-клуб уступал по численности лишь «Американским Герлскаутам». Рут в это время занимала позицию главного менеджера своей фирмы, что в те годы для женщины было просто фантастикой.

Торговля шла бойко: однажды купив для дочери игрушку, родитель оказывался втянутым в поток потребления. Барби постоянно нуждалась в новых нарядах – для выполнения домашних работ, для выхода в свет, для профессиональных занятий. Каждая профессия требовала другой экипировки и инструментария. Кукла была учителем жизни… Но совершенно другие картины при взгляде на игрушку рисовались феминисткам. Барби, по их словам, порождала ложные, «нереалистичные ожидания» у девочек, мечту о «слишком замечательной» фигуре.

Созданная Хэндлер кукла превратилась не только в своеобразный символ Америки, но и стала одной из самых любимых игрушек у детей во всем мире. За прошедшие десятилетия было продано более 1 млрд экземпляров. Одну из кукол на праздновании 200-летия США в 1976 г. даже поместили в специальную «капсулу времени». Тем самым было подтверждено, что Соединенные Штаты уже не мыслят себя без Барби и что нынешнее поколение страны передает этот «идол американской культуры» своим потомкам.

Тем не менее в начале 70-х гг. для «Мэттэл» наступили

трудные времена. Объемы продаж уменьшались, и в 1974 г. компания оказалась на грани банкротства. Вдобавок ко всему, Рут перенесла мастэктомию – ампутацию груди. После проверки финансовой отчетности выяснилось, что многие показатели были сфальсифицированы руководством компании. Началось федеральное расследование, против Хэндлер были выдвинуты обвинения в мошенничестве и преднамеренном обмане инвесторов. В суде были предъявлены неопровержимые доказательства, и «маму» Барби признали виновной.

Начиная с 1975 г. дороги Хэндлер и ее кукольной «дочки» Барби разошлись: партнеры изгнали Рут из компании «Мэттэл», а суд приговорил ее к полутора месяцам общественно полезных работ за бухгалтерские приписки. Но предприимчивая, энергичная женщина не отчаялась. Она основала компанию «Ниэли Ми» по производству пластиковых протезов грудной железы для больных, перенесших такую же, как она, операцию. Рут даже шутила: «Грудь меня кормит! Сначала кормилась от двух, теперь от одной…»

Кроме того, она вела активную пропаганду ранней профилактики рака грудной железы в те времена, когда общество еще не тревожилось по этому поводу. Прославилась Хэндлер и тем, что, беседуя с журналистами, иногда распахивала блузку, чтобы наглядно продемонстрировать достоинства продукции своей фирмы. Или же просила интервьюеров пощупать ее груди и определить, какая из них «от природы», а какая искусственная. «Вот то-то! Никогда не догадаетесь!» Однажды она назвала себя «гением маркетинга». Впрочем, потребность в этом специфическом товаре была ограниченной, и богатств Рут за свою жизнь не накопила. Когда пришло время уйти на покой, она продала свою небольшую фирму фармацевтическому гиганту.

Рут Хэндлер скончалась в возрасте 85 лет 27 апреля 2002 г. в Лос-Анджелесе от осложнений после перенесенной операции на кишечнике. Как утверждают очевидцы, в свой смертный час она сжимала в руках золотую фигурку Барби.

УЗЕ БЕАТА

(род. в 1919 г.)

Немецкая бизнесвумен. Создательница крупнейшего концерна, специализирующегося на выпуске продукции для секс-шопов.

В последнее время самой читаемой в Европе стала книга «С наслаждением на рынке». Ее автор Беата Узе – хозяйка огромной империи секс-бизнеса, чье имя известно всем немцам, а популярность давно превышает рейтинги самых известных политиков. Эта хрупкая интеллигентная женщина, внешне ничем не отличающаяся от миллионов европейских жительниц, сумела пройти нелегкий путь от скромной поденщицы до удачливой предпринимательницы, обладающей многомиллионным состоянием.

В юности Беата подобно большинству сверстников бредила авиацией. Она посвятила стихи Линдбергу, первому летчику, перелетевшему через океан. Потом сама решила стать летчицей. И тут родители вдребезги разбили мечту девочки, сказав, что летают на самолетах только мужчины. Но время шло. В Берлине появился аэроклуб, и Беата стала там заниматься. В 18-летнем возрасте она получила удостоверение пилота, завоевала несколько призов на различных соревнованиях и устроилась в фирму по выпуску спортивных самолетов. Ей было поручено выполнять облет машин перед сдачей их заказчику.

Но началась Вторая мировая война и завод стал выпускать истребители. Беате пришлось пересесть на «мессершмитты», которые она перегоняла на Восточный фронт. В это время девушка познакомилась с капитаном Люфтваффе по фамилии Узе. Молодые люди полюбили друг друга и вскоре поженились. Спустя два года муж Беаты был убит в воздушном бою, и молодая женщина осталась с маленьким ребенком на руках.

В апреле 1945 г., когда советские войска вот-вот должны были войти в осажденный Берлин, Беата посадила сына и его няньку в спортивный самолет и сумела благополучно преодолеть линию фронта. Дальше маленький самолетик направился на север, где под Фленсбургом находился небольшой аэродром, до которого едва хватило горючего.

На земле Узе с сыном сразу же попала в английский лагерь для военнопленных, так как скрыть, что она была военной летчицей, не удалось. Впрочем, ее скоро отпустили, и Беата решила остаться во Фленсбурге. После берлинских бомбежек и страха попасть в плен к русским этот маленький тихий городок показался ей раем. Именно здесь и началась карьера немецкой бизнесвумен, потерявшей в войну не только мужа, но и родителей.

В послевоенное время в Германии жилось очень тяжело. Женщины не могли себе позволить иметь детей, так как семьи еле-еле сводили концы с концами. Широко были распространены криминальные аборты, стоившие многим здоровья, а иногда и жизни. Имела место острая нехватка презервативов, других апробированных аптечных препаратов и санитарно-просветительной литературы. И Беате пришла в голову мысль заняться решением этой проблемы.

Узе вспомнила, что когда-то мать рассказывала о книге, в которой объяснялось, как узнать, в какие дни вероятность забеременеть для женщины особенно высока. Беата разыскала книгу, сократила текст, оставив только самое основное, и решила ее опубликовать. Накопив немного денег, она отправилась в

самую дешевую из городских типографий. Однако хозяин не соглашался брать в уплату за работу обесцененные рейхсмарки, а потребовал пять фунтов масла. Своей коровы у будущей предпринимательницы, конечно, не было. Для того чтобы достать масло, ей пришлось продать почти все свое имущество, и вскоре она уже держала в руках маленькую брошюрку, напечатанную на оберточной бумаге. Книжка стоила всего две марки и пользовалась большим спросом. За год было продано 32 тыс. экземпляров, и это позволило заработать немалые по тем временам средства.

Брошюра распространялась по почте. Заказчики часто обращались к составителю с вопросами, в которых затрагивались различные проблемы интимных отношений. Тогда Узе организовала небольшую пересылочную контору, занимавшуюся распространением «санитарно-просветительных» брошюрок и предметов гигиены для женщин. Кроме того, она быстро подготовила книгу «Все ли в порядке в нашем браке?», а также заключила договор с маленькой фирмой, производящей презервативы.

Наладить дело было очень трудно, поскольку в Германии царили пуританские нравы. В период становления фирмы против ее владелицы было подано более 200 судебных исков, а всего за историю ее существования их было около 3 тысяч.

Но жизнь предпринимательницы отравляли не только судебные заседания. В глазах многих соотечественников, особенно из высшего общества, она оказалась изгоем. В 1963 г., например, ей было отказано в приеме в элитарный теннисный клуб. Играть в теннис Беата все же научилась, а со временем, когда моральные нормы в немецком обществе претерпели изменения, она все же стала членом этого клуба. В своих воспоминаниях Узе не без иронии заметила: «Если вы являетесь крупным работодателем и налогоплательщиком в регионе, много жертвуете на благотворительность и так далее, отношение к вам всегда меняется в лучшую сторону».

Только твердость характера позволила ей выстоять в это сложное время. Очень помог и принцип-девиз, которому она следует и по сей день: «Не крупные побеждают мелких, а шустрые – неповоротливых». В то же время эта необыкновенная женщина, так успешно преодолевшая упорное сопротивление со стороны общественного мнения, считает, что не совершила ничего особенного. Ведь, по ее мнению, «трудно продавать пуговицы, машины или, скажем, кока-колу, потому что ее не все пьют. Нелегко сбывать кальсоны или рубашки, потому что их не все носят или носят не такие… А секс нужен всем. Это – самый

ходовой товар».

Несмотря на огромную занятость, Беата вторично вышла замуж и родила еще двоих детей – сына и дочь. К 1956 г. фирма уже имела свыше 3 млн марок дохода, а число сотрудников достигло 59. Дела шли отлично. Теперь Узе и ее помощники имели достаточно средств, чтобы построить для компании собственное помещение. У городских властей по сходной цене был куплен земельный участок. Вскоре по адресу Гутенбергштрассе, 12, Фленсбург появилось здание, известное теперь во всем мире. Здесь до сих пор находится головной офис концерна.

В 1990-е гг. годовой оборот предприятия уже превышал 300 млн марок, число работников перевалило за 5 тыс., а сеть магазинов была разбросана по всей Европе. Только в Германии их насчитывалось около 120. В ассортименте – сотни наименований товаров интимного характера, высочайшее качество которых фирма гарантирует. Каждый образец продукции, прежде чем попасть в продажу, проходит обсуждение на специальном совете. Клиенты принадлежат практически ко всем слоям населения – от молодежи до пенсионеров. В их числе не только жители Германии – товары можно заказать по каталогу в десятках стран мира.

«Времена, когда 30 лет назад иногда еще спрашивали, а не может ли ребенок родиться от поцелуя, прошли. Нынешнее поколение просвещено совсем по-другому, и им не надо, к примеру, объяснять, как пользоваться тем же презервативом. Ну а уж если кому-то это до сих пор осталось непонятным, в наших же магазинах он может приобрести специальную видеокассету, где все наглядно разъясняется», – пишет Беата. Современные клиенты, по ее мнению, «чаще всего… имеют проблемы психологического плана, связанные со сферой сексуальных отношений». Именно поэтому в ее секс-шопах можно купить литературу, аудио– и видеокассеты, в разработке которых принимают участие видные сексопатологи.

Много внимания уделяется также воспитанию культуры секса. С этой целью фрау Узе создала самый большой и известный в мире музей эротики, который находится в западной части Берлина и позволяет познакомиться с многообразием сексуальных традиций всего света.

В свои 83 года Беата по-прежнему очень активна и подвижна. Форму ей помогло сохранить увлечение спортом. Она всегда любила теннис, уже в пожилом возрасте прошла курс подводного плавания и получила аттестат аквалангистки. Сейчас Узе сама пилотирует собственный самолет, но о делах фирмы не забывает,

передавая опыт ведения бизнеса своим сыновьям.

ВЕРНОН ЛИЛИАН

Настоящее имя – Лилиан Менаше (род. в 1928 г.)

Создательница и владелица самой крупной в мире компании, специализирующейся на продаже сувениров по каталогам.

«Королева каталогов», чьи товары покупают миллионы средних американцев, родилась 18 марта 1928 г. в Лейпциге. Ее отец, Герман Менаше, был промышленником средней руки и успешно вел дела в Европе. Однако когда девочке исполнилось пять лет, в Германии начались преследования евреев, и семья была вынуждена бежать в Голландию, а в 1937 г., претерпев много несправедливостей и унижений, эмигрировать в США.

Здесь Герману пришлось начинать дело фактически с нуля. У него дочь научилась стойкости, выдержке и умению использовать

обстоятельства в своих интересах. Много позже она писала: «Думаю, что именно отец был для меня первым и важнейшим примером для подражания, я никогда не смогу забыть его умения приспосабливаться к реальности. Это качество, которое восхищает меня в людях и сегодня, – способность вложить в дело последние 10 центов, но выжать из них все, что только можно».

Родители уделяли дочери очень много внимания, так как после гибели во время Второй мировой войны старшего сына Фреда она осталась у них единственным ребенком. Но Лилиан была отнюдь не избалована. Частые переезды заставляли ее овладевать новыми иностранными языками и приспосабливаться к разным методикам преподавания в школах. Девочка много читала, что очень поощрялось родителями. Кроме того, они предоставляли дочери полную свободу действий, что позже позволило ей легко проявлять инициативу и не бояться ошибок.

Как и все ее сверстницы, Лилиан в подростковом возрасте видела свой идеал в голливудских актрисах, излучающих оптимизм и успех. Но вскоре ее кумиром и образцом для подражания стала известная нью-йоркская предпринимательница Эсти Лаудер, работавшая в сфере косметического бизнеса.

Лилиан Менаше стремилась стать настоящей американкой и мечтала о том, что скоро станет богатой и знаменитой. В отличие от многих таких же мечтательниц она сумела добиться своей цели благодаря решительности и твердости характера. Уже в 14 лет, не оставляя учебы в школе, девочка подрабатывала билетершей в кинотеатре, потом стала продавщицей кондитерского магазина. Там она научилась общению с людьми и сумела преодолеть врожденную застенчивость. Много лет спустя Лилиан, тепло вспоминая этот период свой жизни, заметила: «Я воспринимала тогда эту работу как возможность и необходимость получить приятный и милый опыт».

В 1946 г. девушка закончила школу и вскоре поступила в Нью-Йоркский университет, где осваивала психологию, но после третьего курса бросила учебу. В 1950 г. она вышла замуж за торговца дамским бельем Сэма Хохберга и стала домохозяйкой в одном из маленьких коттеджей в пригороде Маунт-Вернона (штат Огайо). Денег в семье постоянно не хватало.

Раздумывая, как заработать средства, не выходя из дома, Лилиан решила заняться торговлей сувенирами по почте. На 2 тыс. долларов, полученных в качестве свадебных подарков, она закупила кошельки и ремни и истратила еще около 500 долларов, чтобы разместить рекламу. Маленькая фирма, единственным сотрудником которой была сама основательница, вскоре стала называться «Сувениры Вернон» – по названию пригорода, где

жила ее семья. Так же естественно имя Вернон стало псевдонимом, под которым сейчас она известна всей Америке.

Оригинальность ее идеи состояла в продаже сувениров с бесплатным именным оформлением (каждый предмет, купленный по каталогам Вернон, по сей день имеет инициалы или имя владельца, что исключает его перепродажу). При этом заказчикам гарантировался возврат денег в течение 10 лет с момента приобретения товара, если по каким-то причинам он в целом не устраивает покупателя.

Результаты не замедлили сказаться – в течение года Лилиан получила заказов на 32 тыс. долларов. Чтобы убедиться, что этот успех не случаен, она начала рекламировать именные закладки для книг. Это начинание подтвердило верность выбранного курса. Закладок было продано вдвое больше, чем кошельков и ремней.

Тогда Лилиан стала постепенно расширять ассортимент изделий: мешки для перевозок, латунные дверные замки, карандаши, колготки и др. При этом в компании «Сувениры Вернон» она по-прежнему работала одна. Лилиан занималась закупками, рекламой, рассылкой, была финансовым директором. В 1954 г. она подготовила свой первый, еще черно-белый каталог на шестнадцати страницах и разослала 125 тыс. адресатам, в числе которых были ее прежние клиенты и потенциальные потребители. И уже через год доход компании составил 150 тыс. долларов.

В 1965 г. предпринимательница наконец смогла создать полноценную фирму под названием «Лилиан Вернон Корпорейшн», доходы которой через пять лет достигли отметки в миллион долларов. Но отбор товаров для продажи по-прежнему оставался в компетенции Лилиан. Она сама ездила по всему миру, чтобы закупать уникальные и качественные изделия для подарков, которые хотели бы приобрести женщины. При этом Вернон всегда руководствовалась своим вкусом, утверждая: «Я никогда не продаю того, чего не захотела бы иметь в собственном доме».

Однако бурная предпринимательская деятельность в конце концов разрушила ее семью. В 1969 г. Лилиан развелась с Сэмом, который долгое время помогал ей в бизнесе, но, видимо, устал исполнять второстепенную роль во взаимоотношениях с женой. Недаром она утверждала: «Я действительно любила своего мужа. Если бы мы не работали вместе, то думаю, что мы были бы, вероятно, все еще женаты». К счастью, два их сына, Дэвид и Фред, перенесли разрыв родителей спокойно. Повзрослев, оба стали участвовать в бизнесе матери.

Лилиан Вернон всегда была привлекательной женщиной. Уже

в 1970 г. она вторично вышла замуж за предпринимателя Роберта Каца, но через 20 лет рассталась и с ним. Знаменательно, что свою фамилию она официально заменила псевдонимом, очевидно, придя к выводу, что главной ее страстью является бизнес.

Личные неурядицы, однако, никак не отразились на предпринимательской деятельности Лилиан. Она по-прежнему принимала участие в составлении каждого каталога, собственноручно писала заключительное одобрение на каждую позицию заказа в них. Кроме знаменитой гарантии возврата денег, так отличавшую фирму от конкурентов, перечень услуг компании обогатился целым рядом новых позиций.

В 1987 г. «Лилиан Вернон Корпорейшн» попала в список Американской фондовой биржи в качестве предприятия самого крупного бизнеса, основанного женщиной. Сейчас компания имеет 12 млн заказчиков, каждый из которых получает каталоги фирмы. Ежегодно запускается в продажу более тысячи новых названий, а каталоги в общей сложности включают до 100 млн изделий.

Однако для миллионерши, которая много лет назад начала заниматься бизнесом из-за нехватки денег, обогащение не является самоцелью. Работа стала ее страстью и ее жизнью. Вернон, несомненно, является одним из выдающихся лидеров Америки, образцом для многих поколений молодых предпринимателей. Она охотно делится опытом во многих школах бизнеса, пять из которых присвоили ей почетную докторскую степень.

ТРАМП ИВАНА

(род. в 1949 г.)

Одна из самых известных бизнесвумен Америки. Создательница собственного стиля в одежде.

Ее восхождение на Олимп американского бизнеса напоминает историю о Золушке, твердо знавшей, чего она хочет добиться в жизни. Свою красоту она сумела использовать для получения стартового капитала, успешно выйдя замуж. Недаром будущая миллионерша как-то заявила журналистам: «Брак – это финансовая сделка. Есть ли смысл это скрывать?»

В детстве знаменитая бизнесвумен носила фамилию Желничек. Она родилась 20 февраля 1949 г. в столице Чехословакии, закончила обычную пражскую школу и выделялась среди сверстниц только тем, что рано начала заниматься лыжным

спортом. На лыжи девочка стала в двухлетнем возрасте и, возможно, именно благодаря этому достигла больших успехов. В 1970 г. она даже вошла в запасной состав олимпийской лыжной команды Чехословакии. Впрочем, ходили упорные слухи о том, что в сборной страны она оказалась не столько благодаря спортивным успехам, сколько в результате благосклонного отношения к ней тренера.

Возможно, Ивана со временем и стала бы чемпионкой и прославила свою родину. Но ей хотелось уехать на Запад. Проще всего это можно было сделать с помощью замужества с иностранцем, а спорт помог познакомиться с нужным человеком. В 1972 г. Ивана стала женой австрийского лыжника Альфреда Винкельмайера и навсегда покинула Прагу. Судя по всему, особой любви к мужу она не испытывала. В скором времени супруги расстались, и Ивана уехала в Канаду.

Незаурядные внешние данные позволили ей быстро найти работу манекенщицы. На этом поприще Иване прочили блестящую карьеру, но звездой первой величины она стать не успела. Как-то во время гастролей в США молодая женщина, превратившаяся из природной брюнетки в блондинку, познакомилась с Дональдом Трампом, сыном американского мультимиллионера, сделавшего состояние на содержании доходных домов в бедных кварталах Нью-Йорка.

Трамп-старший рано начал воспитывать у сына деловые навыки. В детстве мальчику приходилось собирать с жильцов квартирную плату, но на момент встречи с Иваной Дональд предпочитал вести рассеянную жизнь богатого прожигателя жизни. Богатый поклонник удовлетворял все желания Иваны. Он дарил ей бриллианты, организовывал уик-энды в Париже и Лас-Вегасе, а к свадьбе преподнес самый роскошный небоскреб в Нью-Йорке под названием Трамп Тауэр.

Женитьба принесла супругам счастье, а 1980-е гг. вошли в историю США как десятилетие Трампа. За 13 лет совместной жизни не без помощи Иваны (она стала ближайшей сотрудницей мужа) Дональд превратил полученный от отца миллион в миллиард и стал королем американской недвижимости. Миссис Трамп серьезно увлеклась бизнесом: она была вице-президентом «Трамп-организэйшн», затем – президентом самого шикарного казино Атлантик-Сити «Трамп-касл», позже – управляющей отелем «Плаза» в Нью-Йорке. Причем эти должности она занимала отнюдь не формально, управляя предприятиями ловко и независимо.

Ивана родила мужу троих детей, но по-прежнему блистала красотой, много времени уделяя собственной внешности. Как-то

она заявила журналистам: «Я всегда буду выглядеть на тридцать пять, но Дональду это обойдется недешево».

Однако когда фортуна отвернулась от Трампа, Ивана решила развестись и с ним. Повод вскоре нашелся. Долгое время она не обращала внимания на многочисленные связи мужа с манекенщицами, кинозвездами, эстрадными певицами. Но вот одна из его любовниц, актриса Марла Мейплс, заявила прессе, что Дональд выполняет все ее прихоти. Ивана тут же подала на развод.

Уходя, она забрала детей, все подарки (два чемодана драгоценностей, 150 меховых манто, 270 вечерних платьев и пр.). Но этим дело не ограничилось: Ивана, уверявшая всех, что Дональд приобрел состояние благодаря ей, потребовала половину нажитого вместе капитала, т. е. 2 млрд долларов. Однако банкротство бывшего мужа (во всяком случае, так было объявлено) не позволило ей получить желаемое полностью. Удалось отсудить только 50 млн (по другим данным, 25 или даже 10). А Трамп через некоторое время сумел вернуть былые миллиарды и вновь занял лидирующее положение в американском бизнесе.

Кроме названной суммы, Ивана получила еще 500 тыс. ежегодно «на мелкие расходы» и виллу в штате Флорида из 47 комнат. Обеспечив себя и детей и получив полную свободу действий, молодая женщина была готова начать собственный бизнес.

Ивана решила попытать счастья в высокой моде. Довольно быстро она основала две компании, выпустила линию одежды и духи со своей маркой. Сейчас Трамп принадлежит марка одежды «Ивана»; ее фирменный знак объединяет швейные фабрики, работающие во многих странах мира. При этом, как пишут журналисты, она «успешно управляет своим состоянием, а также рисует платья и создает украшения».

На телевидении у бизнесвумен есть специальная программа, с помощью которой она продает свои модели и различные аксессуары к ним. Однажды во время такой телепередачи за несколько часов ей удалось продать 150 тыс. платьев. Ради рекламы Ивана носит только свои образцы одежды и украшений, считая, что тогда их будут лучше покупать.

В июле 2001 г. Трамп открыла бутик в самом центре Рима, где под девизом «Сладкая жизнь» дамам всех возрастов и комплекции предлагают смелые мини-юбки. Сама она тоже не стесняется носить очень короткие платья. Ведь длинные стройные ноги бывшей модели являются предметом ее гордости. Она любит принимать комплименты по этому поводу и утверждает, что

идеальной формой ног обязана лыжному спорту, плаванию и танцам.

Несомненно, Ивана Трамп слывет авторитетом в области модельного бизнеса, красоты и элегантности. Недаром ее приглашают в жюри конкурса «Мисс мира». А в 2002 г., наряду с Джиной Лоллобриджидой, Пьером Карденом и другими звездами высокой моды и кино, она принимала участие в работе жюри ежегодного французского приза «Лучший», выбирая тех, кто олицетворяет «элегантность в стиле жизни и работе».

В данный момент размеры состояния Иваны Трамп широкой публике не известны, так как она уклоняется от ответа на этот вопрос. Но американцы упорно считают, что она входит в число самых богатых женщин мира. В любом случае ее финансовое положение очень прочно. Недаром модельный бизнес становится ей тесен. Она планирует вложить деньги в гостиницы, казино, рестораны и ночные клубы города Дубровника, разрушенного во время войны в недавней Югославии.

Главным секретом собственного успеха Трамп считает «упорную работу», чему, по ее уверениям, она научилась еще в Чехословакии. Этому, однако, противоречат некоторые факты биографии, свидетельствующие о том, что Ивана не прочь получить деньги не только за счет бизнеса. Например, она не стесняется запустить руку в чужой карман. Недавно разразился скандал, связанный с тем, что Трамп расплатилась за новую недвижимость во Флориде и ремонт яхты не своими деньгами, а со счета своей компании, что на Западе считается не только предосудительным, но и карается законом.

Бизнесвумен «выбивает» деньги и иными способами. Как-то во время телевизионного шоу «Шутки в сторону», на котором любят подшучивать над знаменитостями, ей на голову вылили ведро воды. Находчивая Ивана воспользовалась ситуацией и подала в суд иск на сумму 3 млн долларов, утверждая, что ей был причинен физический и моральный ущерб, который вызвал шок, нервное и эмоциональное расстройство. Не было забыто и якобы испорченное платье стоимостью в 3 тыс. и сережки стоимостью в 25 тыс. долларов.

При этом Ивана слывет расточительной. Известны заявления миллионерши о том, что ей неизвестно количество туалетов, которые она носит. Кроме того, достоянием гласности стала ее оригинальная методика покупки бюстгальтеров: «Периодически я еду в Блуминдэйл на четвертый этаж. Я провожу там два часа, покупаю две тысячи белых, две тысячи черных и две тысячи коричневых лифчиков. Потом я посылаю их в свои дома и на яхту. И таким образом проблема решена на полгода, а затем я снова

еду в магазин».

Вообще, Ивана очень любит делиться своим опытом в разных сферах, например, как лучше позировать перед фотоаппаратом: не советует фотографироваться в профиль, во время еды, когда объектив находится на одном уровне с лицом. Это, несомненно, тоже форма саморекламы. Как и ее заявления типа: «Я еще не встречала в жизни бриллианта, который бы мне понравился». Что, однако, не помешало ей принять в подарок от итальянского миллионера Риккардо Мадзучелли, который некоторое время считался ее женихом, кольцо с бирманским сапфиром и бриллиантами стоимостью миллион долларов.

В 50 с лишним лет звезда бизнеса не утратила красоты, что является результатом больших усилий и финансовых вложений. Ивана убеждена, что заботы требует все тело, и свято следует этому принципу. Спорт, кстати, она не оставила до сих пор. Скорее всего, поэтому она никогда не знала проблем с лишним весом. Питается бывшая модель довольно просто. Ест в основном куриное мясо, рыбу и овощи, пьет много воды. Сладкого, а особенно шоколада, не любит.

Но несмотря на все усилия быть в центре внимания и на гребне удачи, Ивану все чаще называют «матерью модели Иванки Трамп», ее юной, но уже знаменитой дочери от брака с Дональдом.

КРАГ ИРИНА

Полное имя – Ирина Краг-Тимгрен (род. в 1952 г.)

Шведская предпринимательница, русская по происхождению. Основатель российской сети спортивно-оздоровительных клубов «Уорлд Класс» и «Планета Фитнес».

Мало кто из современных «новых русских» может похвастаться таким стажем в бизнесе, как Ирина Краг. Она руководит различными компаниями, созданными с ее участием, 24 года. При этом половину предпринимательской жизни эта бизнес-леди провела в Швеции.

Ирина родилась в 1952 г. в Москве в семье выдающихся артистов советского цирка. Она – живое воплощение истины, что если человеку на роду написано быть предпринимателем, то

никакие обстоятельства не помешают ему им стать.

Закончив романо-германское отделение филфака МГУ, в 1974 г. она познакомилась с директором шведского банка «Свенска Хандельбанкен» Бу Крагом и вышла за него замуж. В следующем году супружеская пара перебралась в Стокгольм, где у Ирины родился сын Стефан. Никто и ничто не заставляло молодую женщину делать первые шаги в бизнесе. Выйти замуж за европейца, стать домохозяйкой в столице богатой страны и больше ничего не делать – об этом мечтала не одна ее ровесница, оставшаяся в СССР.

Вместо этого, освоившись в Швеции и выучив язык, в 1978 г. Ирина решила открыть в Стокгольме некое подобие небольшого семейного ресторана. Прагматичный муж помог супруге только с получением кредита. Сама она объясняла свой дебют в роли «акулы бизнеса» так: «Мне очень хотелось когда-нибудь вернуться в Россию, но не в качестве бывшей эмигрантки, у которой жизнь не удалась». Ирина совмещала функции хозяйки, директора и шеф-повара. В штат заведения были взяты еще два сотрудника со столь же разносторонними обязанностями. Это был первый русский ресторан в Стокгольме, а готовить и создавать уют для гостей бывшая советская женщина умела. Заведение быстро стало популярным.

Энергичная хозяйка на ходу осваивала основы ведения бизнеса и бухгалтерского учета. Как она еще успела, разрываясь между работой и учебой, родить второго сына, Мартина – совершенно непонятно. В 1981 г. на заработанные деньги Ирина открыла второе заведение, побольше. «Никто из наших знакомых так и не понял, зачем я всем этим занималась, – вспоминала она. – Почему жена банкира с двумя детьми идет работать на кухню?»

К 1985 г. предприятие Ирины Краг доросло до штата 26 человек и годового оборота почти 900 тыс. долларов. Теперь в свободное от работы время она могла себе позволить пообщаться с соотечественниками, устраивавшими в Стокгольме различные мероприятия в области культуры.

Однажды ее попросили поработать переводчиком на выставке русского фарфора. В то время людей, владеющих русским языком, в Швеции практически не было. Там Ирина познакомилась с представителями финской компании «Томесто Свенска», торгующей нефтепродуктами, которые предложили ей работу торгового представителя.

Семейная жизнь молодой предпринимательницы не заладилась, и Ирина решила сменить обстановку. Раздумывая над предложением финской фирмы, Краг мечтала о возможности

поехать в командировку в родную Москву, где с момента отъезда еще ни разу не побывала. К тому же семь лет работы шеф-поваром, связанной с постоянными физическими нагрузками, давали о себе знать. Ресторанный бизнес – это не то, чем женщина может заниматься всю жизнь. От постоянной работы на кухне хозяйка «общепита» сильно прибавила в весе, и для борьбы с этим ей пришлось стать постоянной посетительницей местного фитнес-клуба.

Краг приняла предложение финнов и тут же продала оба ресторана. Вместе с бизнесом она распрощалась и с мужем, повстречав другого человека и выйдя за него замуж. Начиналась новая жизнь. Однако наемным сотрудником чужой компании Ирина Краг-Тимгрен проработала не очень долго: видимо, дух предпринимательства слишком глубоко сидел в ее душе.

В декабре 1986 г., будучи торговым представителем финской компании, она впервые за десять лет приехала в Москву. И по устоявшейся шведской привычке стала искать фитнес-клуб. Ирина знала, что крупнейшая в Швеции сеть клубов «Уорлд Класс», клиентом которой она была в Стокгольме, не имеет представительства в СССР. Но то, что в Москве вообще нет ни одного спортивно-оздоровительного комплекса, даже при иностранных посольствах, стало для нее полной неожиданностью. По возвращении в Стокгольм Ирина отправилась к владельцу «Уорлд Класс» Ульфу Бенгсену и предложила ему партнерские услуги по открытию клуба в России. Позже Краг вспоминала: «Он, кажется, ничего не понял и сказал: давай открывай. Мы поможем». И она начала действовать.

Первым делом предстояло добиться согласия советских властей. В то время иностранные компании не могли начинать бизнес в России без официальной санкции на правительственном уровне. Ирина отправилась в торгпредство СССР и получила там 36 адресов различных инстанций в крупных городах с соответствующими рекомендациями. По тогдашним законам иностранная компания могла открыть дочернюю фирму только в виде совместного предприятия, найдя отечественных соучредителей. Отправив 36 писем, Краг-Тимгрен получила ответ только от одного из адресатов – ленинградского внешнеторгового объединения «Ленфинторг» – и вылетела на встречу с его руководством.

В конторе «Ленфинторга» с интересом отнеслись к идее создания первого советского фитнес-клуба. На улаживание формальностей ушел целый год, но Ирину это не останавливало: «Все было в первый раз. Интересно, захватывающе, сложно».

Наконец СП получило затопленный полуподвал в

Каменноостровском переулке. Начался ремонт помещения и завоз оборудования, которое централизованно производилось в Швеции для всех клубов-франчайзи[2]. В начале 1989 г. первый «Уорлд Класс» в СССР был открыт, а Ирина Краг-Тимгрен получила должность вице-президента компании «Уорлд Класс». Помимо российского направления, она занималась налаживанием фитнес-бизнеса в Финляндии, Норвегии, на Мальте и в Турции.

Клуб города на Неве тем временем превратился в Мекку всей местной публики. Желающих стать его постоянными членами, заплатив 300 рублей за год, было так много, что «Уорлд Класс» просто вынужден был открыть новые клубы – в гостиницах «Астория» и «Европа». Причем Ирина сделала это гораздо быстрее, чем в первый раз: «С иностранными совладельцами этих гостиниц было проще договориться, чем с любыми другими партнерами в Ленинграде».

В 1991 г. «Уорлд Класс» открылся в Уфе. Партнером шведской фирмы стало министерство внешнеэкономических связей Башкирии, на открытии клуба присутствовал президент республики Муртаза Рахимов. А через два года на этот специфичный бизнес наконец-то обратила внимание и Москва.

В столице России Ирина познакомилась с Владимиром Слуцкером, зампредом правления небольшого банка, который занимался созданием элитного клуба на Житной улице. Новые партнеры договорились о заключении лицензионного договора, а московская компания выкупила у «Уорлд Класс» права на использование торговой марки. Официальным совладельцем компании стала Ольга Слуцкер, супруга банкира. Ирина Краг была назначена шведской стороной генеральным директором. Теперь ее постоянное рабочее место было в Москве.

В это время в Швеции обанкротилась головная компания «Уорлд Класс», и российская фирма, имевшая все права на торговую марку, продолжала развиваться уже самостоятельно. Московским филиалом компании Ирина Краг управляла четыре года. За это время сеть фитнес-клубов расширилась. А в начале 1997 г. пути партнеров разошлись и руководителем фирмы стала сама Ольга Слуцкер. Что произошло между ними – неизвестно. Владелица «Уорлд Класс» и ее бывший гендиректор не распространяются на эту тему. Ирина говорит об этом уклончиво: «Этот период нашей жизни прошел».

Свою следующую работу Краг-Тимгрен отправилась искать в Сан-Диего, где расположена штаб-квартира крупнейшей в мире сети оздоровительных клубов «Семейный фитнес/24 часа фитнеса». С основателями и владельцами этой сети клубов Шлеммом и Мастроффом она познакомилась еще в 1995 г. На

этот раз Ирина предложила им открыть бизнес в России.

Аргументом в пользу того, что дело можно доверить именно Ирине Краг, помимо ее многолетнего опыта работы в «Уорлд Класс», была маркетинговая идея: все фитнес-клубы в России дорогие, а мы войдем в пустую нишу, построив первую в стране сеть для среднего класса. Основатели американской фирмы с удовольствием приняли предложения русской коллеги. Так в 1998 г. в Москве появилась и с тех пор непрерывно растет оздоровительная сеть «Планета Фитнес». Не отстает от столицы и Петербург. Тот самый питерский клуб на Каменном острове первым перешел под крыло новой фирмы Ирины, став ее дочерней структурой.

Сегодня «Планета Фитнес» считается самой крупной по обороту среди подобных организаций – не менее 50 млн долларов в год – и насчитывает 11 клубов в Москве и 4 в Петербурге. В дальнейшем компания планирует открыть в столице еще 50 клубов и заключить франчайзинговые договоры с регионами и другими крупными городами России. Уже сейчас клиентская база у «Планеты Фитнес» одна из самых больших – около 12 тыс. человек. «Счастье, – говорит Ирина, – что я нашла свою судьбу, знаю свое предназначение – дарить людям счастье и радость…»

УИНФРИ ОПРА

(род. в 1954 г.)

Американская чернокожая телезвезда, киноактриса и бизнесвумен. Самая богатая женщина шоу-бизнеса и самая высокооплачиваемая телеведущая за всю историю телевидения.

Ее по праву можно назвать национальной героиней США. Отношение к ней со стороны рядовых американцев не сравнимо ни с чем. Ее обожают и даже боготворят миллионы людей, от подростков до пенсионеров. И это притом, что в современной Америке афро-американцам по-прежнему достаточно трудно достигнуть лидирующих позиций в любой области, связанной с рейтингом популярности. Впрочем, путь Опры к вершинам славы был очень не прост. Недаром она как-то заявила: «Я совершенный

пример той бедолаги, которая вылезла из дерьма».

Будущая телезвезда родилась 26 января 1954 г. в г. Костюшко (штат Миссисипи). Желанным ребенком девочка не была. Ее мать, Вернита, забеременела в 18 лет от солдата срочной службы и подкинула внебрачного ребенка бабушке, придерживавшейся твердых пуританских правил, жившей на маленькой ферме в глубине штата. Эта простая женщина оказала огромное воздействие на формирование личности будущей звезды. «Моя сила, мой образ мышления, все, абсолютно все это у меня было уже в шестилетнем возрасте», – так резюмировала Опра итоги собственного воспитания.

При рождении девочке хотели дать достаточно тривиальное для Америки библейское имя Орпа. Однако при записи новорожденной акушерка допустила описку и поменяла местами две буквы. В результате будущая знаменитость получила уникальное имя Опра, которое наверняка отныне широко распространится в США.

С ранних лет девочка проявила весьма незаурядные способности: в три года с помощью бабушки выучилась читать, а в пять лет стала школьницей. Именно тогда она получила первые в своей жизни ботинки и настоящее платье. За год девочка сумела освоить трехгодичный курс и мечтала стать миссионером. Не имея аудитории, Опра проповедовала в поле перед козами и коровами, а однажды обратилась к прихожанам местной церкви с речью, которая вызвала у слушателей уверенность в том, что на ребенка снизошел Дух Божий.

Но вскоре ее жизнь резко изменилась: мать решила забрать дочь к себе. Она жила в милуокском гетто вместе с очередным сожителем и двумя младшими детьми. В девять лет Опру изнасиловал 19-летний кузен, а потом и другие родственники принуждали девочку к сексуальным контактам. В конце концов она украла у матери деньги и сбежала. Когда средства кончились, девочка обратилась к священнику, но тот, не разобравшись, отвел ее к матери. Взбешенная Вернита поместила дочь в колонию, где 14-летняя Опра родила и вскорости похоронила недоношенного ребенка.

Подростка с сильно травмированной психикой забрал к себе отец, Вернон Уинфри, работавший парикмахером в Нэшвилле (штат Теннесси). Он был нормальным человеком и мечтал о лучшем будущем для дочери. «Отец буквально спас мне жизнь», – говорила позже Опра. Девочка записалась во взрослую библиотеку и много читала. Каждые две недели вместе с отцом выбирала очередную книгу, а потом писала по ней сочинение. Однако интеллектуальным развитием отец не ограничивался. У

него Опра получила и первые деловые навыки, работая приказчиком на складе и в магазине. Именно в это время девочка стала стремиться к успеху, утверждая, что в один прекрасный день обязательно станет богатой.

Вернон воспитал в дочери чувство уверенности в себе. С этих пор она начала упорно добиваться успеха и преуспела в этом. Через два года Опра сумела выиграть соревнования по ораторскому искусству и получила право на обучение в университете штата. А вскоре побывала в Белом доме, где встречалась с президентом Никсоном как представитель молодежи Нэшвилла и обладатель звания «Выдающийся американский подросток».

Примерно в это время она сделала первые шаги в шоу-бизнесе, принимая участие в радиопередачах и различных конкурсах. Неоднократные победы в них и успех на радио позволили ей еще в 19-летнем возрасте стать ведущей новостей на местной телевизионной станции Эй-Би-Си и… забросить дипломную работу.

В 1976 г. Опре предложили стать репортером в филиале Эй-Би-Си Балтимора и диктором шестичасовых новостей. Это было большим достижением, так как до этого ни одна чернокожая женщина не допускалась к эфиру, тем более в Балтиморе – одном из центров расизма. Но в данном случае совсем не расизм создал огромные проблемы для молоденькой ведущей. На телестудии имели весьма четкое представление о том, как ей следовало выглядеть на экране: жесткой, отрешенной от каких-либо эмоций. Однако редкий дар сопереживания, присущий Опре, противоречил этому образу.

Еще больше проблем создавал внешний вид будущей телезвезды. Опре заявили, что у нее грубые волосы, слишком широкий нос и большой подбородок. Неверно подобранные красители для волос привели к тому, что у девушки выпали все волосы. Вполне естественно, что все это вызвало у нее сильную депрессию. Пытаясь восстановить душевное равновесие, Уинфри стала стремиться к одиночеству и много есть. Через девять месяцев работодатели решили убрать Опру из новостей и перевели ее в утреннее ток-шоу «Говорит и показывает Балтимор». И тут она воспрянула духом. «Это было то, о чем я мечтала, что предполагала делать», – заявила новая ведущая после первого же выхода передачи.

Уинфри стала делать ток-шоу, представлявшие собой задушевные исповеди и разговоры в прямом эфире. В течение семи лет Опра буквально царила на экране, обсуждая с аудиторией самые разные проблемы: воспитание детей,

деятельность Ку-клукс-клана, гомосексуализм, наркоманию и т. п. Рейтинг программы достиг невероятной отметки, опередив знаменитое «Шоу Фила Донахью». Однако личная жизнь молодой женщины не складывалась, она меняла любовников одного за другим. В конце концов, когда ее возлюбленный Уильям Тейлор отказался жениться на ней, Опра пыталась покончить с собой.

После этого срыва Уинфри нашла силы обрести себя в работе. В 1983 г. ей предложили четырехлетний контракт в Чикаго. Уже через месяц программа «Дополуденные чикагские новости» была отмечена самым высоким рейтингом за год, а Уинфри стала признанной звездой американского телевидения.

В 1985 г. режиссер Квинси Джонс пригласил Опру участвовать в экранизации романа Алисы Уокер «Багряное знамя». Ее героиня второго плана Софья на короткое время стала сенсацией в мире кинематографа. Роль была удостоена двух наград – «Оскара» и «Золотого Глобуса» в номинации за лучшую женскую роль, а Национальная ассоциация женщин присудила Уинфри приз «Достижение женщины» за чувственное исполнение роли.

Громкий успех привлек к Опре внимание режиссеров. В 1986 г. Ричард Райт предложил ей сыграть в фильме «Сын индейца» роль матери главного героя. Попытка оказалась неудачной: 32-летняя Опра, не имеющая детей, не смогла вжиться в образ. Фильм так и не вышел на экраны. Тем не менее дебюты Уинфри в кинематографии увеличили популярность ее шоу. Его уже смотрели не только в США, но и за рубежом. Опра стала зарабатывать миллионы. Это позволило ей в 1988 г. основать киностудию «Харпо» и стать первой афро-американкой, имеющей собственную производственную компанию в сфере развлечений.

Все дела компании Уинфри ведет самостоятельно – от финансовых операций до сотен рутинных мелочей, которые в большинстве фирм принято передоверять клеркам. При этом она не признает никаких бизнес-планов и предпочитает управлять по наитию, заявляя: «Я инстинктивный игрок, инстинктивная актриса и использую свой инстинкт, чтобы выбрать правильное направление в бизнесе». Большинство сотрудников очень привязаны к своему боссу. Широко известно высказывание продюсера компании Мэри Клинтон: «Я бы могла заслонить ее от пули».

«Харпо» занимается съемками фильмов, но все же основой ее деятельности продолжают оставаться телепрограммы, освещающие самые злободневные проблемы общества. Безусловно, Уинфри достигла успеха не только благодаря таланту и знаменитому обаянию. Опра, без сомнения, очень

целеустремленна, трудоспособна и организованна: она вышла победительницей даже из единоборства с собственным весом, о котором много лет подряд с упоением писали журналисты, а Америка с не меньшим интересом наблюдала за перипетиями этой борьбы.

Судя по всему, зрелищный бизнес не в полной мере удовлетворяет деловые аппетиты Опры. Иначе она не открыла бы ресторан «Эксцентрик» в Чикаго. Впрочем, возможно, это просто одна из ее экстравагантных покупок. Ведь это направление деятельности Уинфри не расширяет, став в 32 года миллионершей, предпочитает вкладывать деньги в недвижимость. Впрочем, деньги как таковые для нее цены не имеют. По ее собственным словам, на них нужно покупать «удобство и удобства». Вероятно, поэтому снобизмом Опра не страдает. Недаром она не любит носить украшения из дорогих камней, предпочитая им искусственные.

Несмотря на деловую хватку и успешный опыт предпринимательства, Уинфри прежде всего является ведущей ток-шоу, которое составляет основу ее успеха в бизнесе. Шоу на протяжении более 20 лет остается одним из наиболее популярных в США. Его смотрят 26 млн телезрителей, и оно приносит более 300 млн долларов ежегодно.

Опра оказывает огромное влияние на культуру Америки, формируя мировоззрение миллионов ее граждан. Как говорит сама Уинфри, она стремится быть «преподавателем и облегчать жизнь» телезрителям, показывая им, «что они собой представляют». Однако тематика и стиль ее передач все же выглядят достаточно вульгарными и пошлыми. Ее шоу дают возможность аудитории утвердиться в собственной, далеко не безгрешной позиции, в правильности своего (даже порочного) образа жизни, демонстрируют образцы не лучшего образа мыслей и стиля поведения. А все это ставит под сомнение необходимость «преподавательской» роли Уинфри, которая по своей сути, как пишут некоторые средства массовой информации, не поднимается выше уровня «лучшего друга американских домохозяек».

Мастера слова

САПФО

(род. ок. 612 г. до н. э. – ум. ок. 572 г. до н. э.)

Великая древнегреческая поэтесса, глава музыкальной и поэтической школы.

…Ее настоящее имя – Псапфо, что значит «ясная». Увы, в биографии этой великой женщины далеко не все ясно. Жизнь поэтессы – это лишь горстка исторически точных данных да подобная Олимпу гора легенд и вымыслов. Так уж повелось, что человеческая память хранит в своих кладовых только самые «жареные» факты. Потому, наверное, сегодняшний обыватель, ничего не зная о поэзии Сапфо Лесбосской, считает ее чуть ли не первой женщиной, вкусившей плод нетрадиционной любви.

Да, жительницы острова Лесбос, на котором родилась Сапфо, славились своими несколько необычными пристрастиями. Однако

к зарождению этого вида любви поэтесса не имела никакого отношения. Лукиан писал в «Диалогах»: «Женщины Лесбоса действительно были подвержены этой страсти, но Сапфо нашла ее уже в обычаях и нравах своей страны, а вовсе не изобрела сама».

Она родилась в небольшом приморском городе Эрес в богатой аристократической семье, но рано осталась без родителей. В 595 г. до н. э. на Лесбосе начались политические волнения, и юной Сапфо, как представительнице высшего класса, пришлось бежать на Сицилию. На родной остров она вернулась только через пятнадцать лет и поселилась в Митиленах. Ей было суждено обессмертить этот город. В историю поэтесса вошла под именем Сапфо Митиленской.

Трудно представить внешность этой женщины. В одних источниках она – златокудрая красавица. В других – черноволосая смуглянка, что далеко от античных канонов красоты. Вот как описывал Сапфо влюбленный в нее поэт Алкей:

Сапфо святая! С улыбкой нежной, чистой,
С кудрями чудными цвета фиалки темной!

Восторженный отзыв, не так ли? А вот Овидий вовсе не считал ее такой уж красавицей. В одном из его произведений Сапфо сама говорит о себе: «Если безжалостная природа отказала мне в красоте, ее ущерб я возмещаю умом. Я невелика ростом, но своим именем могу наполнить все страны. Я не белолица, но дочь Кефая (Андромеда) нравилась Персею».

Так или иначе, но главным достоинством Сапфо была не внешность и не ее высокое происхождение, а поэтический дар. И этот подарок богов она ощутила в себе, видимо, довольно рано. Дело в том, что, по некоторым данным, Сапфо воспитывалась в школе гетер. А в этом заведении девушкам с юного возраста прививали вкус к хорошей поэзии. Здесь же Сапфо могла изучить основы стихосложения, освоить декламацию. Ведь в те времена поэт был скорее оратором, певцом, чем «писарем». Представьте себе эту хрупкую невысокую женщину, которая перед собранием сограждан поет-декламирует, играя на лире, пронизанные страстью строки:

Словно ветер, с горы на дубы налетающий,
Эрос души потряс нам…

Любить Сапфо умела. Она вышла замуж за богатого мужчину, Креокла. У них родилась дочь. Молодая мать была счастлива:

Есть прекрасное дитя у меня. Она похожа
На цветочек золотистый, милая Клеида.

О, этот цветок Сапфо не променяла бы «на всю Лидию, весь мой милый Лесбос». Но вскоре она потеряла мужа, а по некоторым данным, и дочь (правда, есть свидетельства, что ее Клеида все же не умерла).

Чем могла заняться молодая, хорошо обеспеченная вдова на Лесбосе? Снова выйти замуж? Претендентов на руку Сапфо, надо полагать, было немало. Среди них – собрат по творчеству и товарищ по сицилийскому изгнанию Алкей. Поэт он был не менее известный и почитаемый, чем Сапфо. Их и по сей день можно увидеть изображенными вместе на древнегреческих вазах, уцелевших в вихре столетий. Алкей тщетно пытался завоевать сердце «десятой музы», как называл Сапфо Платон. Ему так и не удалось переступить через порог дружбы.

Слететь готово с уст осмелевших слово,
Но стыд промолвить мне запрещает слово.

Эти строки посвятил прекрасной Сапфо поэт Алкей.

И вот каков был ответ:
Если б мысли твои были чисты, прекрасны,
С языка не рвалося нескромных речей, —
Никогда б тебе стыд не туманил очей
И слова твои были бы ясны.

Кто знает, почему Сапфо отказывала в любви своему талантливому другу? Быть может, все дело было в возрасте?

Ты мне друг. Но жену
в дом свой введи
более юную.
Я ведь старше тебя.

Кров твой делить
я не решусь с тобой.

Что ж, замуж Сапфо выходить не стала. Она возглавила (или основала?) школу риторики и поэзии, которая получила название «Дом муз». «Музы» съезжались к Сапфо отовсюду. Среди ее учениц были и гречанки, и дочери чужих земель. Эрина Феосская, Анагра Милетская, Миртис Антодонская, Коринна Танагрская, Андромеда, Аттида – имена этих женщин, последовательниц Сапфо, сохранила история. О некоторых из них – восхищающие яркой чувственностью строки великой поэтессы.

…И каждый раз, как только я
С тобой сойдусь, от нежной встречи
Замлеет вдруг душа моя
И на устах немеют речи…
А пламя острое любви
Быстрей по жилам пробегает…
И звон в ушах… и бунт в крови…
И пот холодный проступает…
А тело, – тело все дрожит…
Цветка поблекшего бледнее
Мой истомленный страстью вид…
Я бездыханна… и, немея,
В глазах, я чую, меркнет свет.
Гляжу, не видя… сил уж нет…
И жду в беспамятстве… и знаю
Вот, вот умру… вот умираю.

Это отрывок из оды Сапфо «К моей любовнице». Очевидно, недаром ее называли «страстная Сапфо»… Да, она любила женщин. Как любила все прекрасное в мире. А что может быть красивее женского тела, женской души? К тому же такая любовь вполне укладывалась в рамки моральных воззрений Античности. «Что касается меня, я буду отдаваться сладострастью, пока смогу видеть блеск лучезарного светила и восторгаться всем, что красиво!» – говорила Сапфо.

И ревность ее не менее жгучая, чем любовь. Согласно некоторым источникам, сердце Сапфо покорила некая Родопа. Она была куртизанкой в египетском городе Навкратисе, но Харакс, брат Сапфо, приехав в Египет по торговым делам, влюбился в эту женщину, выкупил ее из рабства и привез в

Митилены. Поэтесса со всей присущей ей пылкостью души полюбила Родопу, но та осталась холодна. Сапфо оставалось только завидовать брату:

Блаженством равен тот богам,
Кто близ тебя сидит, внимая
Твоим чарующим речам,
И видит, как в истоме тая,
Из этих уст к его устам
Летит улыбка молодая.

Сапфо посвящала свои бессмертные творения и многим другим женщинам. Аттида, Иорго, Телезиппа, Анактория, Гонгилия – для которой из них звучал голос поэтессы: «Я спою для моей возлюбленной. Вперед, моя божественная лира, – говори!» Однако Сапфо писала не только о любви. Ее стихотворения, описывающие природу родного Лесбоса, завораживают.

«Сапфо, поющая о красоте, говорит прекрасным и сладким слогом – и об эротах, и о весне… и все прекрасные слова как бы вотканы в ее поэзию; некоторые же она изобрела сама», – писал о поэтессе Деметрий Фалерский. Ее стихи действительно звучали «сладко», ведь писала Сапфо на прекрасном эолийском диалекте. Она использовала свой, особый стихотворный ритм. Впоследствии подобный стих был назван «сапфическим». Ее гимны, оды, эпитафии, элегии, застольные песни пользовались большой популярностью у современников благодаря возвышенности и в то же время поразительной простоте. Ведь Сапфо – обычная женщина, любящая красивые одежды, украшения, цветы; ее, как и всякую красавицу, больше всего страшит старость. Вчитайтесь в эти строки. Разве можно было более точно выразить страх перед грядущим уродством, безысходность и в то же время смирение?!

Будет день – и к вам, молодые девы,
Старость подойдет нежеланной гостьей,
С дрожью членов дряблых, поблеклой кожей,
Чревом отвислым, —
Страшный призрак!

…И смерть ее окутана легендой. Считается, что Сапфо

покончила жизнь самоубийством, бросившись с Левкадской горы в море. Поэтесса, воспевавшая любовь к женщине, искала в темных водах забвения из-за несчастной любви к надменному юноше! Предание повествует о молодом Фаоне, который за деньги перевозил людей с Лесбоса на противоположный берег. Однажды прекрасная Афродита обернулась старухой и воспользовалась услугами кормчего. Фаон не захотел брать деньги у старой женщины. Богиня щедро отблагодарила вежливого юношу, подарив ему особую волшебную мазь, которая сделала его самым прекрасным мужчиной на земле. В сети этой красоты и попала, говорят, уже немолодая Сапфо. Впрочем, вполне возможно, что речь в этой легенде идет вовсе не о нашей героине, а о другой Сапфо, известной куртизанке, жившей намного позднее поэтессы. Эта путаница в именах привела к тому, что в дальнейшем жизни двух различных женщин связали в одну биографию, создав образ талантливой, но изысканно-распутной лесбиянки. Связаны с именем Сапфо и более поздние мистификации. В XIX веке, например, мир увидела книга переводов стихов Сапфо «Песни Билитии». Оказалось, что автором этих псевдопереводов был Пьер Луи.

К сожалению, судьба большинства произведений Сапфо неизвестна. Во II–III веке до н. э. все ее стихотворения и элегии были объединены в десять книг. В копиях эти сборники существовали еще в раннем Средневековье. Но в эпоху костров инквизиции огню предавали и менее «богохульные» книги. Так или иначе, но долгое время бессмертные строки стихотворений Сапфо существовали только в виде цитат в работах других авторов. И все же, несмотря ни на что, мы и сегодня с удовольствием читаем слова любви, написанные две с половиной тысячи лет назад. А значит, прав был Пинит, создавший греческой поэтессе такую эпитафию:

> Пепел лишь Сафо да кости, да имя закрыты землею.
> Песне же ее вдохновенной бессмертие служит уделом!

СТАЛЬ ЛУИЗА ЖЕРМЕНА ДЕ

(род. в 1766 г. – ум. в 1817 г.)

Выдающаяся французская писательница и мыслительница. Автор романов «Дельфина» (1802) и «Коринна» (1807), трудов «О литературе, рассматриваемой в связи с общественными установлениями» (1800), «О Германии» (1810).

Имя Жермены де Сталь знакомо нам со школьных лет. Ведь все мы читали пушкинского «Евгения Онегина». Помните?

Прочел он Гиббона, Руссо,
Манзони, Гердера, Шамфора,
Madame de Stael, Биша, Тиссо…

Она была, пожалуй, единственной женщиной, книгами которой в то время зачитывалась вся Европа. «Любви нас не природа учит, а Сталь или Шатобриан» – так писал Пушкин, по праву считая великую француженку воспитательницей нравственности для своего поколения. А сколько русских девушек, подобно Татьяне Лариной, воображали себя героинями романов де Сталь – Дельфиной, Коринной. В том, что женщина дает уроки любви, чувственности – нет ничего удивительного, скорее, это вполне закономерно. Однако Жермена де Сталь смогла подняться над воззрениями своего века и стать проповедницей гуманизма, политической корректности и либеральных идей, опередив в этом многих «ученых мужей».

Анна Луиза Жермена Неккер родилась в семье известного швейцарского банкира. Французский король Людовик XVI не раз приглашал ее отца, финансового гения, на пост министра. Потому, когда Жермене было около пятнадцати лет, ее семья переехала в Париж. Уже тогда ее тяга к знаниям, цепкий ум, умение делать смелые, но вполне верные выводы поражали окружающих. В 15 лет Жермена составила комментарий к знаменитой работе Монтескье «Дух законов». А в шестнадцать – написала отцу анонимное письмо, в котором указала на недостатки его финансового отчета. Впрочем, у девушки была прекрасная возможность развивать свои способности и узнавать много нового благодаря салону, который «держала» ее мать и где бывали все парижские знаменитости того времени. Это было собрание высшего общества, где каждый знатен – по происхождению или же по уму, где обсуждают королевскую политику и новинки литературы, слушают музыку, плетут любовные интриги, показывают новые шикарные наряды, наконец. Весь этот замкнутый круг, особый мирок вращался вокруг королевы салона, то есть хозяйки. Чтобы собрать это общество и удерживать его в своем доме долгое время, нужен недюжинный талант. Мать Жермены им, видимо, обладала и старалась научить этому искусству дочь. Вступать в светскую беседу девушке было еще рано – не доросла. А вот слушать – не возбранялось. И она с удовольствием слушала разговоры о свободе и деспотизме, о необходимости предоставления нации законодательной власти и о Руссо – кумире французской молодежи конца XVIII века, и о «высокой» литературе. В двадцать два года Жермена написала «Рассуждения о сочинениях и характере Ж. Ж. Руссо». Она упивалась его книгами, была в восторге от его «общественного договора».

Разумные, гуманные герои романов Руссо презирали сословные предрассудки… Увы, самой Жермене не удалось их избежать. 14 января 1788 г. ей пришлось сделать «выгодную партию» – выйти замуж за шведского посланника барона Эрика Магнуса Сталь-Хольстейна. Брак этот оказался неудачным. Муж дал Жермене дочь, которая прожила всего два года, фамилию и море разочарования. Эрика поражала несдержанность юной жены. Так, одна из современниц писала: «Я от души желаю, чтобы Сталь был счастлив, но по правде сказать, плохо верю в это. Правда, его жена воспитана в правилах чести и добродетели, но она совершенно не знакома со светом и его приличиями, и притом такого высокого мнения о своем уме, что ее трудно будет убедить в ее недостатках. Она властолюбива и решительна в своих суждениях; она так уверена в себе, как ни одна женщина в ее возрасте и положении. Она судит обо всем вкривь и вкось, и хотя ей нельзя отказать в уме, но тем не менее из двадцати пяти высказанных ею суждений разве только одно бывает вполне уместным. Посланник не дерзает делать ей какое бы то ни было замечание из боязни оттолкнуть ее от себя на первых порах». Что ж, уничтожающая характеристика женщины, о которой даже Байрон, этот противник женской активности, скоро напишет: «… Она совершила в умственной области больше, чем все остальные женщины, взятые вместе; ей бы родиться мужчиной».

В те огненные времена во Франции действительно лучше было родиться мужчиной. В 1789 г. пала Бастилия. Жермена, ее отец и друзья всем сердцем поддерживали революцию. Но когда праздник свободы обернулся массовым террором, де Сталь оказалась в лагере противников революции. Казнь короля и террор якобинцев она назвала «национальным позором». Ведь она представляла послереволюционную Францию как конституционную монархию английского типа с разделением властей, двухпалатной системой, с соблюдением свободы совести и слова. Через несколько лет де Сталь напишет труд «Рассуждения об основных событиях Французской революции», в котором попытается проанализировать причины и последствия революции. «Осуждение Людовика XVI до того смутило все сердца, что на долгое время я казалась проклятой», – будет вспоминать писательница.

Ну а пока, чтобы избежать участи короля и самой не попасть на плаху, нужно было соблюдать осторожность. Свободолюбивую женщину спасало только положение мужа. Но вскоре Жермена решилась его оставить…

Она полюбила графа Нарбонна. В ее глазах это был умный, благородный, смелый мужчина. Ему, бывшему военному

министру, угрожала смертельная опасность. Все было как в романтическом романе: сопряженное с опасностями бегство любимого в Англию, прощание с мужем и Францией, «возмутительный» согласно нравам того времени гражданский брак, рождение двух детей и… возвращение к законному супругу Эрику.

Тем временем политическая ситуация во Франции изменилась. К власти пришел Наполеон. Эта харизматическая личность поразила впечатлительную Жермену. Казалось бы, вот он, достойный Франции правитель! Де Сталь даже писала ему восторженные письма. Но ее снова ожидало разочарование: все указывало на то, что страна приближается к диктатуре. Жермена смело говорила об этом в своем салоне. Благодаря ее дару убеждения те, кто к ней приходил, вскоре начинали думать так же. «У нее был талант… возбудителя раздумий и новых чувств, ищущих запечатления в смелой мысли и прекрасной форме», – заметил один из исследователей ее творчества. Не удивительно, что Наполеон ненавидел эту женщину. Е. В. Тарле в книге «Наполеон» написал: «Он терпеть не мог знаменитую г-жу де Сталь еще до того, как разгневался на нее за оппозиционное политическое умонастроение и возненавидел ее за излишний, по его мнению, для женщины политический интерес, за ее претензии на эрудицию и глубокомыслие. Беспрекословное повиновение и подчинение его воле – вот то необходимейшее качество, без которого женщина для него не существовала». Жермена в долгу не оставалась и старалась уколоть императора побольнее. В предисловии к «Дельфине» она применила к Франции эпитет «безмолвная», указывая на отсутствие свободы слова в стране.

Активная политическая и литературная деятельность не вытеснили из жизни Жермены любовь. Роман с Нарбонном был далеко позади. Как-то они встретились в Париже, и оказалось, что их давно уже ничего не связывает. Даже сыновья, рожденные Жерменой от графа, носили фамилию ее законного мужа. В 1794 г. де Сталь встретила Бенжамена Констана. «Я никогда не видел лучшей женщины, более грациозной, более преданной, но я не видел также женщины, которая предъявляла бы столь настойчивые требования, сама не замечая этого, которая до такой степени поглощала бы жизнь всех окружающих и которая при всех достоинствах обладала бы более деспотической личностью; все существование другого человека, минуты, часы, годы, должны быть в ее распоряжении. И когда она отдается своей страсти, происходит катастрофа вроде гроз и землетрясений. Она – избалованное дитя, этим все сказано», – писал Констан в дневнике. Но несмотря ни на что, он полюбил этого политика в

юбке. Их отношения были долгими и тягостными – постоянные ссоры и примирения. Никто не хотел поступиться своей свободой. В итоге Констан женился на некой Шарлотте, простой женщине, с которой у него не могло бы возникнуть подобных проблем. Однако роман с Жерменой продолжался и после этой свадьбы, что принесло много боли трем сердцам. Историю своих взаимоотношений с Констаном де Сталь отразила в романе «Коринна, или Италия», наделив одного из героев, лорда Освальда Нельвиля, многими чертами любимого.

Их связывали не только чувства, но и схожие социально-политические взгляды. Жермена де Сталь и Бенжамен Констан считаются создателями буржуазно-либеральной партии во Франции. С некоторых пор их стали воспринимать как единое целое. Потому когда Наполеон узнал о клеймящей его тиранию речи, которую произнес Констан, весь императорский гнев обрушился именно на Жермену. Ей было предложено уехать из Парижа. Впереди были годы скитаний. Но и они не остудили пылкого сердца.

В Швейцарии Жермена познакомилась с французским офицером, который покорил ее сердце. Учитывая разницу в положении и возрасте (де Сталь была старше возлюбленного приблизительно на двадцать лет), они поженились тайно.

В июле-сентябре 1912 г., в самый разгар наполеоновского нашествия, мадам де Сталь побывала в России. Свои впечатления она отобразила в последних главах посвященной скитаниям книги «Десять лет в изгнании». Выводы были сделаны отнюдь не лестные для наших соотечественников: «…в гражданском отношении внутреннее управление в России страдает большими недостатками. Этой нации свойственны энергия и величие, но порядка и просвещения все еще не хватает… Нравственность нации и особенно знати сильно пострадала от той серии убийств, которыми наполнена история России вплоть до царствования Петра Великого и после него». Долгое время в дворянских кругах моден был следующий исторический анекдот. Однажды во время своего пребывания в России де Сталь сделала императору Александру комплимент: «Ваш характер, государь, – конституция вашей империи, а ваша совесть – ее гарантия». «Если бы это и было так, то я был бы только счастливой случайностью», – таким был ответ царствующей особы. Да, к Александру де Сталь относилась более или менее лояльно. Но у Пушкина упоминается и другое высказывание писательницы: «Правление в России есть самовластие, ограниченное удавкою».

Когда Жермена смогла вернуться в Париж, она окунулась в привычную светскую жизнь. Ее салон снова был открыт для

друзей. Стоит отметить, что в этом деле она превзошла даже свою мать. В разное время ей «удавалось заманить» в свой салон таких знаменитостей, как Лафайет, Сиейес, Талейран, Жозеф и Люсьен Бонапарт, Август Шлегель, Сисмонди, Веллингтон, российский декабрист Волконский. В 1814 г. здесь побывал даже император России Александр I. Интересно, что, несмотря на лютую ненависть к Наполеону, тирану и гонителю, она стала на его сторону, когда над страной нависла угроза интервенции. Очевидно, что Франция для нее была дороже свободы. Впрочем, она мечтала, чтобы Наполеон отстоял независимость и… погиб. Этого не случилось. Была реставрирована династия Бурбонов. И снова Жермена оказалась в оппозиции. «…Нет и тени свободы печати… тысячи людей попадают в тюрьмы без следствия… Словом, везде царствует произвол», – с горечью писала она.

Жермена де Сталь много сделала на литературном поприще. Ее художественные произведения – это не просто повествования о любви. Это своеобразные манифесты свободной личности в закрепощенном мире. Героини ее романов, талантливые, честные в любви и дружбе, сталкиваются с предательством со стороны любимых, непониманием в семье, невозможностью проявить себя в этой жизни.

Не менее важны и литературоведческие труды де Сталь. Своим трактатом «О Германии» Жермена провозгласила новую эру в литературе. Она пыталась найти компромисс между классической и зарождавшейся в Германии романтической литературой. Поэт, писатель должны быть свободны от каких бы то ни было канонов, пусть даже античных, идеальных, считала она. Культура каждого народа своеобразна, и следует отстаивать ее индивидуальность. Своими трудами она оказала большое влияние на политические и, что самое главное, художественные убеждения создателя русского литературного языка А. С. Пушкина. «Все впечатления души, сочувственно открывшейся новому духу времени, ее вера в философию более реальную и более человечную, вновь завоеванная ею моральная независимость, ее признание свободы воли, ее вера в самые благородные и бескорыстные свойства человеческой натуры – все эти свойства и взгляды г-жи де Сталь, будучи перенесенными в ее художественные творения, сообщили им неповторимое своеобразие, истинно современную оригинальность и придали им необыкновенную теплоту, взволнованность, жизненность и огромную устремленность вдаль, которая порою несоизмерима с реальностью», – писал о Жермене известный французский критик XIX века Ш. Сент-Бёв.

21 февраля 1817 года, поднимаясь по лестнице, Жермена де

Сталь упала. Диагноз лекарей был неутешительным – кровоизлияние в мозг. Умерла она только летом, продержавшись до 14 июля, дня начала Великой французской революции. Она ведь всегда боролась. В конце ей пришлось побороться за свою жизнь…

Откуда черпала эта женщина такую неуемную энергию, где брала силы для того, чтобы отстоять свою позицию, не страшась ни презрения окружающих, ни преследования со стороны государства? Ответ на этот вопрос дает героиня ее романа «Коринна, или Италия»: «В чем же, наконец, заключается счастье, если не в развитии своих способностей? И разве нравственная смерть не равносильна физической? Если нужно подавить в себе ум и душу, к чему же тогда дорожить жалкими остатками бесполезной жизни?»

ШЕЛЛИ МЭРИ

(род. в 1797 г. – ум. в 1851 г.)

Английская писательница, литературный критик, ярая республиканка по убеждению. Считается первой женщиной-автором научно-фантастического романа.

Чувство страха присуще каждому человеку с раннего детства. Но если поначалу истории про Буку и Черную Руку, подхлестнутые живым воображением, вызывают животный ужас и боязнь темноты, то с возрастом они только приятно щекочут нервы. Специалисты утверждают, что «ужастики», как и «боевики», снимают накопившееся напряжение. И люди с удовольствием идут смотреть приключения различных придуманных монстров и особенно – легендарного Франкенштейна. Немногие знают, что «оживший труп»

первоначально не имел имени, и уж тем более, что у него есть литературная мама – Мэри Шелли.

Мэри родилась 30 августа 1797 г. в туманном Лондоне в семье «властителей дум» передовых англичан. Десяти дней от роду она лишилась матери, Мэри Уоллстонкрафт, которая прославилась феминистскими взглядами и трактатом «В защиту прав женщин». Растил девочку отец, Уильям Годвин, философ и писатель, известный своим вольнодумством и нашумевшим сочинением «Исследование о политической справедливости». «Нет ничего удивительного в том, что я, дочь родителей, занимающих видное место в литературе, очень рано начала помышлять о сочинительстве, – сказала позднее Мэри Шелли. – Я марала бумагу еще в детские годы, и любимым моим развлечением было «писать разные истории». Систематического образования Мэри не получила, хотя позже считалась одной из образованнейших женщин своего времени. Ведь в доме Годвина собирался популярный в городе литературный кружок, в который приходили пообщаться лучшие представители английской интеллигенции. Темами для бесед становились и религия, и мировое искусство, и мораль, и начавшая активно развиваться наука. Дочка Годвина, допущенная в этот круг, впитывала в себя знания, как губка.

Время шло, и Мэри превращалась в очаровательную девушку с нетипичными для той эпохи взглядами: она увлеклась идеями республиканцев. Ее отец вторично женился, и с мачехой падчерица общего языка не находила. К тому же семья находилась в затруднительном материальном положении: чтобы прокормить многочисленных сводных братьев и сестер Мэри, Уильям Годвин был вынужден заняться литературной поденщиной. От писателя отвернулось большинство старых друзей, но им на смену приходили новые, увлеченные его философскими концепциями.

Так однажды в доме Годвинов появился юный барон, наследник немалого состояния и начинающий поэт Перси Биш (Биши) Шелли. Он уже был женат на недалекой и довольно скандальной женщине, Харриет Вестбрук, в их семье подрастали дети. Хорошенькая юная блондинка с темными глазами, трезво глядящая на мир и свободно рассуждающая о совсем не женских вещах, поразила Перси. Да и 16-летняя Мэри не устояла перед красотой и обаянием мужчины, писавшего такие замечательные стихи. Молодые люди стали любовниками и тайно встречались на могиле матери Мэри, хотя фактически и не скрывали своей связи. Когда упорные слухи дошли до Уильяма Годвина, девушка уехала во Францию вслед за любимым. Но не прошло и года, как они

вернулись, а Мэри похоронила внебрачную дочку.

Судьба все же была на стороне влюбленных. В январе 1815 г. у них родился здоровый сын Уильям. Однако жизнь преподносила и тяжелые испытания их любви. Не выдержав позора, в конце декабря 1816 г. утопилась Харриет Шелли, и Перси лишили родительских прав. Но спустя всего 20 дней после похорон супруги он женился на Мэри, несмотря на отречение от него семьи, считавшей нетитулованную и для того времени фривольно ведущую себя девушку недостойной партией для барона. Годвин, в свою очередь, не давший согласия на этот брак, тоже отказался от дочери и не возобновил с ней отношений до самой своей смерти.

Тем не менее летом Мэри с мужем и сводной сестрой Клер Клермон уехали на отдых в Швейцарию. Их дом оказался рядом с виллой лучшего друга Перси – лорда Джорджа Гордона Байрона. Жена Шелли показалась известному поэту «почти девочкой». Друзья все время проводили в беседах, а по округе ходили разговоры о разврате, царившем на вилле, и о проводимых там сеансах черной магии. В действительности лето в Швейцарии закончилось рождением у Клер дочери от Байрона и… первым романом, написанным Мэри Шелли.

Появлением книги «Франкенштейн, или Современный Прометей» читатели обязаны дождливой швейцарской погоде и неподдельному интересу четырех друзей к проблеме создания искусственной жизни. Скучая в один из вечеров, Байрон предложил состязание: кто напишет лучший и самый «готический», то есть самый страшный, рассказ на эту тему. Ни у кого, кроме Мэри, так ничего и не вышло. Сама писательница говорила, что сюжет для своего романа (он вышел из печати в 1818 г.) она позаимствовала из сна. Ей привиделся оживленный с помощью науки безобразный труп. «Желтая кожа слишком туго обтягивала его мускулы и жилы; волосы были черные, блестящие и длинные, а зубы белые как жемчуг; но тем страшнее был их контраст с водянистыми глазами, почти неотличимыми по цвету от глазниц, с сухой кожей и узкой прорезью черного рта», – писала она о монстре.

«Франкенштейн…» до сих пор остается спорной книгой. Критики сошлись в одном: в романе явно слышны республиканские мотивы. В размышления одной из героинь Шелли вкладывает свои мечты о бескровном переходе от монархической к демократической форме правления как к более выгодной с социальной точки зрения. В остальном же литературоведы разделились на два лагеря. Одни считают, что Мэри не ставила перед собой никаких высоких задач и просто

написала заставляющую трепетать нервы историю. Вторые видят в романе глубокую философскую идею: прежде чем взять на себя роль Творца, подумай, способен ли ты будешь ответить за свое детище и мысль, что человек по сути своей положителен, а тот или иной характер формируется в зависимости от условий.

Кто из них прав, смогла бы ответить лишь сама писательница. Читателей же история доктора Виктора Франкенштейна и созданного им монстра интересовала лишь как навевающая страх. Надо сказать, что ни одна из последующих работ («Вальперга», 1823 г.; «Последний человек», 1827 г.; «Фолкнер», 1837 г.) не была настолько сильной и интересной. В общем литературное наследие Мэри Шелли составляют 6 романов, 20 новелл, критические статьи и рецензии, переводы зарубежных авторов и лекции по литературе. После 1822 г. все работы писательница подписывала не иначе как «автор “ Франкенштейна”».

Жизнь Шелли сама по себе напоминает трагический роман. Одного за другим Мэри теряет своих детей: годовалую Клару и трехлетнего Уильяма. В июне 1822 г. у нее случился выкидыш, а через месяц писательницу постигло новое горе: катаясь на яхте, утонул любимый муж (по другим данным, Перси Шелли был ограблен пиратами и утоплен). Тело поэта предали огню, и вдова всю жизнь носила с собой его сожженное сердце. Она издала сборник сочинений Шелли «Посмертные стихи», снабдив его обширными примечаниями, отказалась выйти замуж за его близкого друга Джона Трелони. Свекор запретил ей подписываться фамилией мужа, не желая очернять дворянский род «сочинительством», и пригрозил в противном случае отсудить маленького Перси Флоренса, родившегося в 1819 г. и волей судьбы оставленного матери. Мэри не только согласилась на это унизительное условие, но и сумела отсудить приличное содержание сыну.

Последние годы жизни Шелли занималась в основном критической работой, вела переписку с Б. Дизраэли, П. Мериме, Ф. Купером, Ф. Стендалем, много путешествовала по Европе. Она умерла 1 февраля 1851 г. в небольшом курортном городке Борнмуте и была похоронена на кладбище у церкви Св. Петра. Спустя 40 лет единственный раз увидели свет все произведения писательницы. Большая часть ее творчества так и осталась невостребованной читателями, но монстр Франкенштейн оказался таким живучим, что перекочевал со страниц романа на киноэкраны. С 1910 г., когда вышел первый фильм, и до настоящего времени образ чудовища переосмысливался режиссерами и актерами в многочисленных экранизациях. И

только в 1994 г. в картине «Франкенштейн Мэри Шелли» было названо имя его создательницы, до того пребывавшее в забвении.

ЖОРЖ САНД

Настоящее имя – Аманда Аврора Лион Дюпен
(род. в 1804 г. – ум. в 1876 г.)

Французская писательница. Автор романов «Индиана» (1832), «Орас» (1842), «Консуэло» (1843) и др.

В 1835 г. Белинский утверждал: «Женщина должна любить искусства, но любить их для наслаждения, а не для того, чтобы самой быть художницей. Нет, никогда женщина-автор не может ни любить, ни быть женой и матерью…» Но уже через пять лет он написал следующие строки: «Какая человечность дышит в каждой строке, в каждом слове этой гениальной женщины…» Речь шла о Жорж Санд. Но не только Белинский – большинство европейцев XIX века благодаря этой писательнице изменили свое представление о женском творчестве, женской душе, женских

гражданских правах.

Она прожила удивительную жизнь. «Я как дорога, которая то поднимается вверх, то катится под гору независимо от моего желания», – писала о себе Жорж Санд. В ее судьбе действительно было так много подъемов и падений, увлечений и разочарований, что не каждая женщина бы выдержала. Но предки наделили Жорж Санд сильным характером. Не будем углубляться в генеалогические корни писательницы. Скажем только, что среди ее дедушек-бабушек можно найти монахиню, маршала, актрису, скромного чиновника, а ее мать была дочерью цыгана-птицелова, женщиной легкого поведения. Детство Аманды Авроры Лион Дюпен (настоящее имя Жорж Санд) прошло в поистине «грозовой» атмосфере. Бабушка, рафинированная аристократка, ненавидела мать Авроры, Софию-Викторию. И, стоит признать, это чувство было взаимным. Отец девочки рано умер, его родные до четырех лет ее не признавали. Аврора обожала мать, с которой провела первые годы жизни. Потом бабушка, взявшая малышку на воспитание, по мере сил оградила от ее «вредного» влияния матери. Когда Авроре исполнилось четырнадцать, София-Виктория хотела забрать дочь, но графиня нарушила эти планы. Она рассказала внучке все об этой «падшей женщине», называя Аврору «ребенком, который в ослеплении готов ринуться на дно». Пораженная и обиженная девочка стала абсолютно неуправляемой. Она больше не хотела учиться. Бабушка вынуждена была отправить ее в женский Августинский монастырь.

В бабушкино имение Аврора вернулась шестнадцатилетней. Несмотря на довольно крутой нрав графини, девушка была предоставлена сама себе. Она много читала, изучала анатомию (в ее комнате, к величайшему ужасу слуг, долгое время стоял настоящий скелет). Часто, нарядившись в мужское платье, Аврора носилась верхом по окрестным полям. Замуж она не спешила. «Неблагодарность, эгоизм и грубость мужчин внушают мне отвращение», – говорила Авроре бабушка.

Но в восемнадцать лет девушка все же решилась на такой ответственный шаг, как брак. Ее избранником стал артиллерийский поручик Казимир Дюдеван. Его отец был бароном, мать – простой служанкой. Впрочем, Казимир на жизнь не жаловался: барон признал его своим сыном и помогал материально. «Ты был моим покровителем, добрым, честным, бескорыстным, который никогда не говорил мне о любви, не думал о моем богатстве и очень умно старался предостеречь меня от разных бед, которые мне угрожали… Встречаясь с тобой ежедневно, я узнавала тебя все лучше и лучше и оценила все твои

хорошие качества; никто не любит тебя так нежно, как я…» – писала Аврора, мысленно обращаясь к Казимиру. 10 сентября 1822 г. они обвенчались и уехали в Ноан, а через год у супругов Дюдеван родился первенец – Морис. Счастье, однако, продолжалось недолго. Аврора не находила в семейной жизни того, что искала – душевного единения с любимым человеком. «Когда мы разговаривали, особенно о литературе, поэзии или нравственном совершенстве, ты даже не знал имен писателей, о которых я говорила, и ты называл мои рассуждения глупыми, а чувства экзальтированными и романтическими. Я перестала говорить об этом, я испытала настоящее горе от сознания, что наши вкусы никогда не сойдутся…» – писала Аврора, обращаясь к мужу. Супруги были слишком разными людьми. Окружающие восхищались образованностью, умом, внешностью Авроры. Пропасть между простаком Казимиром и его разумной женой увеличивалась с каждым днем. А потому сердце Авроры продолжало искать свой идеал. Сначала оно остановило свой выбор на некоем Орельене де Сез. Речи о физической измене не было. Влюбленные просто вели очень романтическую переписку, о которой, кстати, знал даже муж Авроры. Отношения будущей писательницы с другом своей молодости Стефаном де Грансанем были менее невинными. Плодом этой любви стала дочь Соланж. Казимир уже давно опустил руки. Он много пил, развлекался со служанками. Для него главным условием семейной жизни была «чистота» в глазах общества. Потому он признал свое отцовство.

Но Авроре было наплевать на общественное мнение. 4 января 1831 г. она уехала в Париж. Одной из причин отъезда стало новое увлечение Авроры – Жюль Сандо, «маленький Жюль», девятнадцатилетний паренек, розовощекий, светловолосый, вызывавший в ее душе смешанные чувства. Ей хотелось стать для этого мальчика любовницей, матерью, защитницей. Вторая причина отъезда в столицу была продиктована стремлением к самовыражению.

Париж встретил влюбленных не слишком радушно. Они сняли совсем маленькую квартирку. Тех денег, что Авроре выделил муж (лишь бы избежать «постыдного» развода), не хватало. Аврора пыталась зарабатывать рисованием, да ничего не вышло. И тогда она решила заняться литературой. Еще дома она написала роман «Эмме». Однако заработать на нем денег не удалось. «Я не нашел тут и намека на успех. Послушайте меня, вернитесь домой», – посоветовал дебютантке прочитавший роман редактор сатирической газеты «Фигаро» Латуш и… предложил ей работу. Вскоре Аврора «протащила» в редакцию и Жюля. Любовники стали писать вместе, подписывая общие творения

именем Ж. Сандо. Аврора чувствовала, что нашла свое призвание: «Я убедилась, что пишу быстро, легко, могу писать много, не уставая, что мои мысли, вялые в мозгу, когда я пишу, оживают, логически связываются между собой». Следующий роман, «Роз и Бланш», Аврора написала вместе с Жюлем. В нем встречалось много «сырых» мест, он был не в меру романтичен, а иногда и скабрезен, но на этот раз романом Ж. Сандо заинтересовались издатели. Более того, его довольно быстро раскупили.

Весной 1832 г. увидел свет роман «Индиана». Его Аврора написала самостоятельно. Поэтому Жюль Сандо не хотел считаться его автором. Аврора же боялась, что читатели просто засмеют произведение, написанное женщиной. Тогда писательница взяла себе мужской псевдоним – Жорж Санд. Вскоре она так сжилась с этим именем, что стала всегда говорить о себе в мужском роде. Бальзаку очень понравилась «Индиана»: «Эта книга является реакцией правды против фантастики, современности против средневековья, личной драмы – против тирании исторического жанра… Я не знаю ничего, что было бы написано так просто, задумано так восхитительно. События следуют одно за другим, теснят друг друга, безыскусственно, как в жизни, где все сталкивается, где часто по воле случая совершается больше трагедий, чем мог бы придумать Шекспир». Жорж так писала о главной героине романа: «…это слабая женщина, полная страсти, которую она должна подавить в себе, или, если вам угодно, страсти, которая осуждается законом; это воля, которая борется с неизбежностью; это любовь, которая слепо натыкается на все противодействия цивилизации». Разве не те же терзания переживала и сама Аврора?

В начале 1833 г. она рассталась с Сандо и закончила роман «Лелия». Теперь Аврора написала о женщине холодной, не знающей любви. Никто не способен растопить лед ее души. Не с этим ли сталкивалась и Жорж в отношениях с мужчинами? Ее ведь тоже часто называли холодной. Роман казался настоящей исповедью писательницы. «В тот день, когда вы откроете книгу «Лелия», закройтесь в своем кабинете (чтобы никого не заразить). Если у вас есть дочь и вы хотите, чтобы душа ее осталась чистой и наивной, отошлите ее из дому…» – такими были отзывы некоторых журналистов.

Прототипом другой героини романа, Пульхерии, видимо, была близкая подруга писательницы Мари Дорваль, известная романтическая актриса. Личность экзальтированная и очень талантливая, она буквально покорила Санд: «Она! Бог вложил в нее редкий дар – умение выражать свои чувства… Эта женщина, такая прекрасная, такая простая, ничему не училась; она все

отгадывает… И когда эта хрупкая женщина появляется на сцене… тогда знаете, что мне представляется?.. Мне кажется, что я вижу свою душу…» Любовник актрисы, граф де Виньи, даже ревновал Мари к Жорж Санд, называя писательницу «чудовищной женщиной» и «Сафо». Что ж, второе сравнение наверняка не могло ее обидеть…

Однажды на одном из торжественных обедов Жорж увидела красивого молодого человека, одетого как денди. «Мы вряд ли подойдем друг другу», – подумала она. Но известный поэт Альфред де Мюссе (а это был именно он) так не считал. «…Жорж, я люблю вас, как ребенок…» – написал он и задел самые нежные струны ее души – струны материнства. «Он любит меня, как ребенок! Боже мой, что он сказал… Понимает ли он, какую боль причиняет мне?» – такова была реакция Санд. Вскоре Альфред поселился в квартире Жорж.

Мюссе был поражен трудолюбием Санд: «Я работал целый день, вечером я сочинил десять стихов и выпил бутылку водки; она выпила литр молока и написала половину тома». В декабре 1833 г. любовники отправились в Венецию. Этот прекрасный, полный романтики город и разлучил их. Мюссе сказал Санд: «Жорж, я ошибался, я прошу у тебя прощения, но я не люблю тебя». А через несколько дней после этого он серьезно заболел… Жорж обратилась за помощью к молодому доктору Пьетро Паджелло. Двадцать дней они оба не отходили от постели больного и успели… полюбить друг друга. «Я не хочу знать, как проходит твоя жизнь… Спрячь от меня свою душу, чтобы я всегда могла считать ее прекрасной…» – писала Санд доктору. Она слишком устала от разочарований. Выздоровевший Мюссе уехал в Париж, а Жорж осталась в Венеции, чтобы закончить роман «Жак». Здесь же были написаны первые «Письма путешественника». Жизнь с Пьетро была простой, но счастливой. Однако стоило Жорж привезти своего доктора во Францию, как все внезапно закончилось. Жорж и Альфред снова встретились. Былая страсть вспыхнула с прежней силой. А Пьетро купил в Париже несколько редких медицинских книг, инструменты и отправился в Венецию.

Санд и Мюссе недолго были вместе. Их чувства то пылали огнем, то покрывались коркой льда. Когда Альфред болел, Жорж не стыдилась приходить в дом его матери под видом служанки. А потом ему становилось лучше, и ссоры вспыхивали с новой силой. В конце концов Санд уехала в свое имение. А в 1837 г. Мюссе написал книгу о ней – «Исповедь сына века». За год до этого Санд стала свободной женщиной в полном смысле этого слова – суд разделил их с Казимиром имущество.

На это время приходится не самый счастливый роман Санд – с адвокатом Луи-Кризостомом Мишелем. Непримиримый республиканец, он хотел и свою любовницу поставить на путь революции. Но она нуждалась совсем в другом и потому увлеклась жизненной философией аббата Фелисите де Ламенне. Он считал, что религия должна быть социальной, демократичной, и за это был осужден Римом. «Жизнь – это грустная загадка, и тайна ее – вера», – говорил отлученный аббат, и Жорж ему с радостью внимала. Также большое влияние на писательницу оказал философ Пьер Леру, на которого она смотрела, как на нового Платона, как на нового Христа. Впрочем, его мысли были не новы: человек – существо общественное и должен постоянно самосовершенствоваться; если же что-либо (институт брака, собственность) мешает этому, долой препятствия! При этом Леру не отрицал христианства. Какой бальзам на душу Жорж Санд, всю жизнь метавшейся между Богом и социализмом! Увы, ее духовные наставники были бедны как церковные мыши. Потому Санд всеми силами старалась материально помочь тем, кого буквально боготворила.

Все эти духовные скитания были отражены в ее метафизико-мистическом романе «Спиридион». Его герои – бенедиктинские монахи. И неудивительно: произведение было написано в стенах заброшенного Вальдемозского монастыря на Майорке. Как она туда попала? Да очень просто: на этом испанском острове Жорж Санд отдыхала с детьми и со своим новым возлюбленным – гениальным Фредериком Шопеном. Впрочем, отдыхом их пребывание в Испании можно назвать с натяжкой. Шопен довольно серьезно заболел. Местные жители, думая, что это чахотка, не хотели сдавать им жилье. Так «семья» и оказалась в келье монастыря. Как и в случае с Сандо и Мюссе, отношение Жорж к больному композитору иначе, как материнским, не назовешь. Проявляя потрясающую силу духа, она сама готовила еду, ухаживала за ним, гуляла с детьми, переделывала «Лелию», писала новый роман. А Фредерик сочинял музыку и играл на пианино. В этом романтическом жилище родились одни из самых прекрасных баллад Шопена. Но состояние его здоровья с каждым днем ухудшалось. Пришлось вернуться во Францию.

С Шопеном Санд прожила несколько счастливых лет. Они то наслаждались покоем в имении, то собирали шикарные салоны в Париже. Среди их гостей бывали Гейне, Мицкевич, Делакруа, Бальзак, Лист, Берлиоз. «Мои пальцы мягко скользят по клавишам, ее перо стремительно летает по бумаге…» – писал в дневнике Фредерик. Это перо написало еще несколько романов: «Странствующий подмастерье», «Консуэло», «Мельник из

Анжибо». В это время талант Жорж Санд достиг наибольшего расцвета. Дюма-сын писал о ее творчестве: «Ее фразы нарисованы кистью Леонардо да Винчи и положены на музыку Моцарта».

Расстались они только в 1846 г. И, как бывало и раньше, любовь оставила по себе след в виде романа. В «Лукреции Флориани» Жорж Санд отразила свои отношения с Шопеном.

В феврале 1848 г. во Франции вспыхнула революция. Многие друзья писательницы вдруг оказались у руля власти. Вскоре она и сама со всем присущим ей пылом подключилась к делу преобразования Франции. «Вот я уже и государственный человек, так же занята. Сегодня я написала два правительственных циркуляра: один для Министерства народного просвещения, другой для Министерства внутренних дел…» – писала в Ноан сыну редактировавшая «Бюллетень республики» Жорж. Морис в то время был мэром Ноана. Однако все их идеи потерпели крах. К власти пришел Луи-Наполеон Бонапарт. Судьба многих революционеров оказалась на волоске. Жорж, используя свою известность, как могла помогала им. «Принц, друзья моего детства и моей старости, те, кто были моими братьями и усыновленными мною детьми, находятся в тюрьмах или в изгнании… Амнистию! скорей амнистию, принц!» – писала она президенту. И Луи-Наполеон не спорил с Жорж. Таким образом ей удалось спасти очень многих.

Последние годы жизни Санд прожила в родном имении. Она по-прежнему много работала, написала несколько романов. У нее все еще были сердечные привязанности. Появились внуки. «Старая женщина, что ж, это другая женщина, это мое другое «я», которое только начинает жить и на которое мне еще нечего жаловаться. Эта другая женщина не знает о моих прошлых ошибках», – писала Жорж Санд.

Она умерла 8 июля 1876 г. «Я оплакиваю мертвую и приветствую бессмертную… Разве мы ее потеряли? Нет, великие люди исчезают, но не рассыпаются в прах. Больше того: можно сказать, что они воскресают… Человеческий образ – это покров. Он прикрывает истинное божественное лицо, которое есть мысль. Жорж Санд была мыслью; она вне плоти, и вот она свободна; она умерла, и вот она жива», – написал о ней Гюго.

Да, Жорж Санд была мыслью, более того, она была словом, которое разбудило от сонного бездействия тысячи женщин, которое побудило их к творчеству и свободе.

ПАВЛОВА КАРОЛИНА КАРЛОВНА

Урожденная Яниш
(род в 1807 г. – ум. в 1893 г.)

Известная русская поэтесса и прозаик, знаменитая переводчица. Почетный член Общества любителей российской словесности (1859 г.).

Ты, уцелевший в сердце нищем,
Привет тебе, мой грустный стих!
Мой светлый луч над пепелищем
Блаженств и радостей моих!
Одно, чего и святотатство
Коснуться в храме не могло:

Моя напасть! Мое богатство!
Мое святое ремесло!

Эти строки принадлежат женщине, имя которой хоть и затерялось за дымкой двух столетий, но творчество не утратило своего своеобразия в той поэтической области, которую именуют «лирикой женского сердца».

Каролина родилась 22 июля 1807 г. в Ярославле в семье врача Карла Яниша, потомка обрусевшего немца. Девочке исполнился год, когда отцу предложили место профессора в московской Медико-хирургической академии, где он стал преподавать физику и химию. Карл Иванович был широко образованным человеком, серьезно занимался астрономией и живописью, прекрасно знал литературу. Профессорская семья стала жить очень скромно, после того как во время нашествия Наполеона на Москву потеряла все имущество. Яниши проживали в домах и подмосковных имениях друзей или снимали наемные квартиры, но единственной дочери сумели дать блестящее домашнее образование. С раннего детства Каролина знала четыре европейских языка, помогала отцу в его астрономических наблюдениях, неплохо рисовала и играла на фортепиано, много читала и писала стихи на немецком и французском языках. Обнаружив незаурядную одаренность в области словесных наук, 19-летняя барышня помимо немецкого, русского и французского языков свободно владела английским, итальянским, испанским, латинским и древнегреческим, великолепно знала мировую литературу. В обществе она слыла «одаренной самыми разнообразными и самыми необыкновенными талантами».

Впервые как поэтесса Каролина проявила себя в 1826 г. в литературном салоне Елагиных, где читала свои стихи на немецком языке. Полное признание в московском литературном кругу она получила в салоне З. А. Волконской. Талантливой девушкой восхищались многие писатели, ученые и поэты. Ей посвящали стихи Е. А. Баратынский, П. А. Вяземский, Н. М. Языков, А. Мицкевич. Великий немецкий ученый и путешественник А. Гумбольдт, познакомившись с Каролиной в 1829 г., увез с собой рукопись ее стихотворений и перевода на немецкий язык поэмы Мицкевича «Конрад Валленрод», чтобы показать самому И. В. Гете. Великий поэт одобрил их и прислал юной переводчице и поэтессе весьма лестное письмо. По словам его невестки, «тесть всегда хранил эту тетрадь на своем столе».

В салоне княгини Каролина в 1827 г. встретилась с известным польским поэтом Адамом Мицкевичем. Все началось с

уроков польского языка, но вскоре отношения одаренной ученицы и наставника переросли в серьезное чувство. Мицкевич был очарован Каролиной, она – влюблена. 10 ноября 1827 г. поэт сделал ей официальное предложение. Отец не препятствовал счастью любимой дочери. Однако против брака племянницы с необеспеченным и политически неблагонадежным поэтом выступил богатый дядюшка, от которого зависела семья Яниш. Чувство долга заставило девушку отказаться от своего счастья, но не от любви. Последний раз они увиделись в апреле 1829 г., и Мицкевич вписал в ее альбом:

Едва надежда вновь блеснет моей судьбе,
На крыльях радости промчусь я быстро с юга
Опять на север, вновь к тебе!

Каролина же прощалась навсегда: «Еще раз благодарю тебя за все – за твою дружбу, за твою любовь. Я поклялась тебе быть достойной этой любви, быть такой, какой ты этого желаешь. Не допускай никогда мысли, что я бы могла нарушить эту клятву – это моя единственная просьба к тебе. Жизнь моя, возможно, будет еще прекрасна. Я буду добывать из глубины моего сердца сокровищницу моих воспоминаний о тебе и с радостью буду перебирать их, ибо каждое из них – алмаз чистой воды». Дата объяснения в любви, 10 ноября, стала для Каролины священным днем на всю жизнь. Самые светлые и грустные стихи появлялись в этот день.

Чувства Мицкевича угасли довольно быстро: в Одессе он ухаживал за своей соотечественницей Каролиной Собаньською, а в Петербурге сделал предложение Целине Шимановской.

Оставшись в одиночестве, Каролина целиком отдалась своему поэтическому призванию. Творчество стало для нее самой жизнью. Лирическая поэзия Каролины Карловны отличалась не столько эмоциональностью или экспрессивностью, сколько проникновенностью чувств и достоверностью, художественным самовыражением и познанием себя и окружающих. Поэтесса выработала свою характерную манеру, несколько холодноватую, отстраненную, реалистично-сдержанную, но в высшей степени эффектную, и в совершенстве овладела стихотворным мастерством. Она разрабатывала жанр стихотворного послания, элегии и своеобразного рассказа в стихах. Сжатый, энергичный, безыскусный поэтический язык Каролины Карловны примечателен нетрадиционной рифмой, которую полной мерой смог оценить лишь Серебряный век.

Современники испытывали к яркой и талантливой женщине сложную гамму чувств, состоящую из восторга и иронии. Ведь Каролина Карловна не просто «кропала стишки» в альбомы, но еще и откровенно «претендовала» на гордое звание поэта и великолепного переводчика, вторгаясь в сугубо мужское ремесло. Поэтические переводы стали основой ее творчества. В 1833 г. в Германии вышел сборник Яниш «Северное сияние. Образцы новой русской литературы», предоставив немцам возможность ознакомиться с творчеством А. С. Пушкина, В. А. Жуковского, А. А. Дельвига, Е. А. Баратынского, Н. М. Языкова, П. А. Вяземского, с русскими и малороссийскими народными песнями, а также с 10 оригинальными стихотворениями автора. В 1835 г. парижский журнал «Revue Germanigue» напечатал отрывки из «Орлеанской девы» Шиллера, а в 1839 г. – полный перевод поэмы на французский язык, выполненный Яниш.

Работая над переводами Каролина Карловна стремилась наиболее точно воспроизвести жизненные особенности оригинала: общее звучание стиха, ритм, авторский колорит. И неважно, с какого и на какой язык переводилось произведение – индивидуальность стиля была всегда сохранена, будь то В. Скотт, Д. Байрон, Т. Мур, А. С. Пушкин, В. А. Жуковский, Ж. Б. Мольер, Ф. Шиллер, Г. Гейне или В. Гюго. Яниш уверенно шла к вершинам мастерства, да и ее личная жизнь, казалось, устроилась.

В 1836 г. умер «вредный» дядюшка и Каролина Карловна стала богатой невестой. Через год она вышла замуж за известного беллетриста Николая Филипповича Павлова (1803–1864 гг.). В то время его социальными повестями «Именины», «Ятаган», «Аукцион» (1835 г.) зачитывались все прогрессивные россияне. Это был единственный творческий взлет литератора. В дальнейшем его художественная репутация падает. Поначалу Павлов содействовал устройству литературных дел супруги, но позднее стал ревниво относиться к ее творчеству. Ведь именно на 40-е гг. приходится расцвет поэтического дарования Каролины Карловны и наибольший успех – тогда были написаны стихотворение «Разговор в Трианоне», которое она сама считала лучшим своим произведением, роман в стихах и прозе «Двойная жизнь. Очерк» и поэма «Кадриль», посвященная Е. А. Баратынскому. А о переводах поэтессы В. Белинский сказал следующее: «Удивительный талант г-жи Павловой переводить стихотворения со всех известных ей языков и на все известные ей языки начинает, наконец, приобретать всеобщую известность. Но еще лучше (по причине языка) ее переводы на русский язык; подивитесь сами этой сжатости, этой мужественной энергии, благородной простоте этих алмазных стихов, алмазных и по

крепости, и по блеску поэтическому».

Супружеская жизнь превратила Каролину Карловну из мечтательной девушки в энергичную, волевую светскую даму, которой гордость долгое время не позволяла признать, насколько она несчастлива в замужестве. Павлов изменял ей, а вскоре завел на стороне другую семью. Он признавался друзьям, «что в жизни сделал одну гадость: женился на деньгах», которые тратил на кутежи и проигрывал в карты. Тем не менее дом Павловых стал одним из лучших литературных салонов Москвы. У них бывали А. А. Фет, Е. А. Баратынский, Н. В. Гоголь, А. И. Герцен, Н. П. Огарев и многие другие писатели. Здесь в мае 1840 г. провел свой последний московский вечер перед отъездом на Кавказ М. Ю. Лермонтов.

Как хозяйка салона, Павлова стремилась быть в дружеских отношениях с литераторами разных направлений, стараясь «примирить» славянофилов и западников. Больше тяготея к славянофилам, она избрала для себя нейтральную идейную позицию, что возбуждало неприятие обеих сторон.

Во мне нет чувства, кроме горя,
Когда знакомый глас певца,
Слепым страстям безбожно вторя,
Вливает ненависть в сердца.

Все события жизни, свои искания Павлова осмысливала в поэтических строчках, и, словно в обратном порядке, неудавшаяся личная жизнь обернулась крахом для ее творчества. Муж спустил все состояние. В 1852 г. между супругами произошел полный разрыв. Ввиду полного разорения профессор Яниш обратился с жалобой к московскому генерал-губернатору, который поторопился свести свои личные счеты с Павловым за злую эпиграмму. Во время обыска была найдена запрещенная литература, и литератор после долговой ямы был сослан в Пермь. Общественное мнение во всем обвинило Каролину Карловну, ее везде встречали в штыки. Павловой стало неуютно в Москве, и она переехала в Петербург, а после смерти отца – в Дерпт, забрав с собой сына-подростка и мать. Как поэтесса она была «выброшена» из литературной жизни России. Все ее оригинальные лирические произведения разбирались на уровне эпохальной борьбы идей, вызывая язвительные нападки не только на нее, но и на тех, кто считал Павлову «художницей и мастерицей русского слова, талантом полным и совершенным». Заодно критиковали и переводы. Белинский упрекал ее, что она

выбирает не те произведения для переводов.

Павлова ужасно тосковала по России. В Дерпте она познакомилась со студентом университета Борисом Исааковичем Утиным, впоследствии ставшим видным юристом. Разница в возрасте в 25 лет не помешала дружбе перейти в серьезное обоюдное чувство. Но, вернувшись с любимым человеком в Петербург, Каролина Карловна с болью поняла, что ни в его сердце, ни в России ей места нет. В память о нем остался знаменитый «утинский цикл» лирики. В результате горестных раздумий во время путешествия по Европе Павлова приняла «пассивное» и в то же время мужественное решение – отказаться от иллюзий: навсегда покинуть родину и уйти из русской поэзии добровольно. Обстоятельства оказались сильнее поэтессы.

Лишь несколько событий озарили долгие годы добровольного изгнания. В 1859 г. Павлова была избрана почетным членом Общества любителей российской словесности, а в 1863 г. при содействии друзей увидел свет сборник ее стихотворений, встретивший резкую, отрицательную оценку в русской периодике за «мотыльковость» (одно из ранних стихотворений называлось «Мотылек», 1840 г.) и равнодушие к «участи пахаря». В очередной раз радость обернулась болью.

Живя в Дрездене, а позднее в Клостервице, Каролина Карловна проявила незаурядную жизненную выдержку и упорство. Сильно нуждаясь, она занималась настоящей «поденной работой» в немецкой литературе ради куска хлеба. И. С. Аксаков, навестивший ее в 1860 г., с изумлением писал о выносливости и жизнестойкости Павловой, но даже в этом осуждал ее: «Казалось бы, катастрофа, ее постигшая, несчастье, истинное несчастье, испытанное ею, – разлука с сыном, потеря положения, имени, состояния, необходимость жить трудом, – все это, казалось бы, должно сильно встрясти человека, оставить на нем следы. Ничуть не бывало, она совершенно такая же, как была…» «В убогую каморку немецкого столяра», где Павлова снимала угол, могли заглянуть многие, а вот в душу ее – не все.

Совсем по-другому оценил человеческие качества Каролины Карловны А. К. Толстой. Их знакомство переросло в тесную творческую дружбу. Павлова перевела на немецкий язык его стихи, драмы и поэму «Дон Жуан». В Веймаре в 1868 г. с большим успехом была поставлена его драма «Смерть Иоанна Грозного». Толстой ценил литературное мнение и советы поэтессы. В 1863 г. он выхлопотал при дворе ей пенсию. Такой заботы о ней больше никто не проявил.

Спасибо вам! и это слово
Будь вам всегдашний мой привет!
Спасибо вам за то, что снова
Я поняла, что я поэт;
За все, что вдруг мне грудь согрело,
За счастье предаваться снам,
За трепет дум, за жажду дела,
За жизнь души – спасибо вам!

Только изредка Павлова наезжала в Россию. Знакомства и связи слабели, один за другим уходили из жизни близкие люди: Мицкевич, Павлов, Утин, сын. Каролина Карловна доживала свой век в одиночестве. 2 декабря 1893 г. она умерла. Смерть поэтессы в России осталась незамеченной, но и сегодня ее стихи воспринимаются как живое, самобытное явление поэзии.

РОСТОПЧИНА ЕВДОКИЯ ПЕТРОВНА

(род. в 1811 г. – ум. в 1858 г.)

Русская писательница, поэтесса, графиня. Одна из самых известных русских поэтесс второй четверти XIX в.

Современники считали ее умницей и красавицей, отмечали живость характера, доброту, общительность. Ей посвящали свои стихи Лермонтов и Тютчев, Мей и Огарев. В конце 30-х гг. XIX в. ее имя ставили порой даже рядом с именем Пушкина. «Посылаю вам, графиня, на память книгу. Она принадлежала Пушкину; он приготовил ее для новых своих стихов… вы дополните и докончите эту книгу его. Она теперь достигла настоящего своего назначения», – писал Василий Андреевич Жуковский поэтессе Евдокии Ростопчиной, передавая ей свою реликвию.

Евдокия родилась 23 декабря 1811 г. в Москве в старинной

дворянской семье. В возрасте шести лет она осталась без матери, которая умерла после тяжелой болезни. Отец же, Петр Васильевич Сушков, чиновник, много разъезжавший по делам службы, редко появлялся дома. Девочка, вместе с двумя младшими братьями, до самого замужества прожила в семье своего деда, Ивана Александровича Пашкова, «в роскошном жилище» на Чистых прудах. Скрываясь от родных, с 12 лет она стала писать стихи. А читать их давала своим знакомым: студенту Московского университета Н. Огареву и ученику Благородного пансиона М. Лермонтову. Среди произведений того времени было и посвященное декабристам стихотворение «К страдальцам», через двадцать лет подаренное вернувшемуся из ссылки С. Г. Волконскому.

Воспитание Евдокии было вверено бесконтрольно разным гувернанткам, которые, по свидетельству ее брата, С. П. Сушкова, никуда, за немногим исключением, не годились. Тем не менее, обладая незаурядными способностями, она рано пристрастилась к чтению и быстро овладела несколькими иностранными языками, в том числе французским, немецким, английским и итальянским. Увлечение поэзией не удалось долго сохранять в тайне: первая публикация ее стихов – в альманахе «Северные цветы на 1831 год» за подписью Д а… – произошла, когда девушке не исполнилось и восемнадцати лет.

В 1833 г. она вышла замуж за графа Андрея Федоровича Ростопчина, сына московского градоначальника времен Отечественной войны. Муж поэтессы оказался человеком очень недалеким, чьи интересы ограничивались кутежами, картами и лошадьми, и Евдокия, чувствуя себя очень несчастливой в семье, полностью отдалась светской жизни, принимая участие в шумных увеселениях, посещая и устраивая балы.

Осенью 1836 г. она с мужем приехала в Петербург и поселилась в доме на Дворцовой набережной. Ростопчины были приняты в высшем столичном обществе и литературных салонах города – у Одоевского, Жуковского, в семье Карамзиных. Начитанная, остроумная, интересная собеседница, Евдокия сразу же завела литературный салон и у себя в доме, где стал собираться весь цвет петербургских литераторов. Частыми гостями ее были Пушкин, Жуковский, Вяземский, Плетнев, Одоевский, Соллогуб, Гоголь, Григорович, Дружинин, Мятлев и многие другие. Здесь читались новые произведения, обсуждались литературные события, устраивались музыкальные вечера с участием Глинки, Листа, Виардо, Рубини, Тамбурини.

Ростопчина очень близко сошлась со многими писателями: Одоевский и Лермонтов вели с ней активную личную переписку;

тот же Одоевский посвятил ей свою «Космораму»; Пушкин, в последние годы жизни очень сдружившийся с молодой поэтессой, благосклонно отзывался о ее стихах.

К этому времени относится и начало романа Ростопчиной с Андреем Карамзиным, от которого у нее родились две внебрачные дочери. В 1854 г., узнав о его гибели во время Крымской кампании, Евдокия писала: «…цель, для которой писалось, мечталось, думалось и жилось, – эта цель больше не существует; некому теперь разгадывать мои стихи и мою прозу…» Но все это будет позже, а пока, в конце 1830-х гг., она не только одна из самых модных дам Петербурга, но и признанный всеми поэт. Однако Ростопчина чувствует, что жизнь ее, при внешнем блеске, «лишена первого счастия – домашней теплоты», а сердце «вовсе не создано к той жизни, какую принуждена вести теперь», – и оттого любит повторять стих пушкинской Татьяны: «…отдать бы рада всю эту ветошь маскарада…»

С весны 1838 г. она обитала в воронежском поместье мужа, селе Анна, которым помечены многие ее стихотворения. Но, в отличие от пушкинской героини, уединение не принесло ей спокойствия, а лишь навеяло меланхолию. В следующем году в Петербурге была издана книга «Очерки большого света, соч. Ясновидящей», в которой проглядывала ставшая уже к тому времени расхожей тема бездушия аристократического общества и обнажалась сложная жизненная коллизия самой Ростопчиной. Сходным же автобиографизмом отмечена и вышедшая вскоре первая книга ее стихов, в которой, как считал Плетнев, узнаешь «полную историю жизни»…

С 1840 г. Евдокия снова жила в Петербурге, а спустя пять лет вместе с семьей отправилась за границу, откуда прислала Булгарину для «Северной пчелы» написанную в дороге балладу «Насильный брак». И цензура, и публика усмотрели в стихотворении еще одно отражение семейных отношений Ростопчиных. Однако скоро выяснился иносказательный смысл баллады, за которым скрывалась резко отрицательная оценка взаимоотношений России и Польши, представленной в виде угнетенной жены грозного барона. В Петербурге поднялась, по словам цензора Никитенко, суматоха, а разгневанный Николай I запретил автору впредь показываться при дворе.

Так поэтесса была удалена из столицы и вплоть до смерти императора в 1855 г. прожила с семьей в Москве, выезжая лишь в свое подмосковное имение. В это время Ростопчина сблизилась с кружком Погодина, сотрудничала в главном славянофильском журнале того периода – «Москвитянине», устраивала для его молодой редакции свои знаменитые субботы. Помимо стихов, она

писала и пьесы – «Нелюдимка», «Семейная тайна», «Кто кого проучил», – и в них некоторые проницательные ее современники угадывали историю ее сердца. Кроме того, Евдокия написала поэмы «Монахиня», «Версальские ночи»; романы «Счастливая женщина», «У пристани» и др. Специально для иностранной актрисы Рашель она перевела на французский язык свою поэтическую драму «Дочь Дон Жуана».

В стихах Ростопчиной легко угадываются интонации Пушкина, а также Баратынского с его размышлениями о «железном веке», чуждом поэзии и любви. Стремление разглядеть за холодными, светскими полумасками истинную сущность человека объединяет поэтессу с Лермонтовым, который в 1841 г. записал в ее альбоме: «Я верю: под одной звездою Мы с вами были рождены; Мы шли дорогою одною, Нас обманули те же сны». И все же ее поэзия имела и свое характерное, легко узнаваемое лицо. Прежде всего это была поэзия женская, «со всем ее завлекательным непостоянством», как отмечали критики. Евдокия и сама подчеркивала светское и женское начало облика своей лирической героини:

А я, я женщина во всем значенье слова,
Всем женским склонностям покорна я вполне,
Я только женщина, гордиться тем готова,
Я бал люблю!., отдайте балы мне!

Однако за бальным паркетом и традиционными атрибутами салонного веселья поэтесса прозревала и иное – искалеченные судьбы, разыгранные трагедии. «Она точно Иоанна д'Арк, – сказал о ней Вяземский, – пустая вертушка, а в минуту откровения поэт и апостол душевных таинств». В предисловии к первому тому ее собрания стихотворений Дружинин написал: «Имя графини Ростопчиной перейдет к потомству как одно из светлых явлений нашего времени…»

Наиболее драматичными оказались для поэтессы последние годы жизни. Не приняв крайнего западничества, Евдокия вместе с тем порвала и со славянофилами, с которыми ее до того связывали дружеские отношения. «Эти люди убили нам Языкова во цвете лет… эти же люди уходили Гоголя, стеснив его в путах суеверных обрядов запоздалого фанатизма, который для них заменяет благодать настоящей веры, коей признак есть терпимость и любовь, а не хула и анафема!» – писала она.

Позиция эта сказалась в одном из лучших произведений Ростопчиной – комедии «Возврат Чацкого в Москву», где были

остроумно высмеяны литературные и окололитературные страсти и интриги. Это своеобразное «продолжение» грибоедовского «Горя от ума» вышло в свет только в 1865 г., уже после смерти автора. Кстати, многие современники считали эту пьесу не только талантливым подражанием А. С. Грибоедову, но и самостоятельным блестящим произведением. Любопытно продолжение судьбы грибоедовских героев в интерпретации Ростопчиной. Софья вышла замуж не за Молчалина, а за Скалозуба, который, заняв пост провинциального военного губернатора, теперь уже не просто берет взятки, а «грабить стал обеими руками». Дослужившийся до действительного статского советника Молчалин «вертит» в своих интересах состоянием Фамусова, по-старчески влюбленного в его красавицу жену Гедвигу Францевну. И приехавший в Москву из Брюсселя «с конгресса ученых и любителей наук» Чацкий встречает в доме Фамусова все то же общество, занимающееся сплетнями и интригами.

Но основной темой пьесы являются не житейские конфликты, а предчувствие гражданской смуты, которое Ростопчина очень тонко уловила в общественных умонастроениях тех лет. Кульминация драмы – спор Чацкого со славянофилами и западниками. Слова, вложенные Ростопчиной в уста постаревшего главного героя, оказались пророческими:

О, проповедники слепые уравненья!..
О, поджигатели общественного мненья!
Грядущего жрецы!.. Прости вам Бог, что вы,
Безумно жаждая и славы и молвы,
Смущаете наш век несбыточным мечтаньем
И тленных благ земных болезненным желаньем;
Прости вам Бог ваш неразумный бред
И человечеству уж нанесенный вред,
И все, что впереди, посеянное вами,
Взойдет погибелью над нашими сынами!..

В результате поэтесса оказалась в полной изоляции. Революционные демократы – Белинский, Чернышевский и Добролюбов – провозгласили ее «салонной ретроградкой», друг юности Огарев именно в это время сочинил обращенное к ней стихотворение «Отступнице»…

Последние два года жизни графиня Евдокия Ростопчина часто и сильно болела. Умерла она 3 декабря 1858 г. Ее последним литературным произведением были воспоминания о

друге детства Лермонтове.

БРОНТЕ ШАРЛОТТА

(в замужестве Белл Николлс)
(род. в 1816 г. – ум. в 1855 г.)

Выдающаяся английская писательница, поэтесса, одна из знаменитых сестер Бронте, более известных в XIX в. под псевдонимом братья Белл.

Случается, в творческом наследии писателя остается всего несколько произведений, иногда – единственное, но его называют великим наравне с теми, кто подарил потомкам бесчисленные тома. Очень часто имя автора отождествляется сначала с какой-то конкретной, наиболее запомнившейся читателю работой, а другие вспоминаются позднее – как А. Дюма и «Три мушкетера», Ф. Достоевский и «Преступление и наказание», Т. Драйзер и «Сестра Керри». Но бывает, что именно книга представляет своего

создателя. И когда говорят о «Джейн Эйр», воображение будит образ маленькой, скромной, но очень гордой и раздираемой противоречиями женщины, творившей в пору литературного правления мужчин. Образ Шарлотты Бронте.

Все шестеро детей пастора Патрика Бронте были от природы одарены художественным и литературным талантами. Шарлотта, появившаяся на свет 21 апреля 1816 г., была третьей дочерью в семье, которую отец в 1820 г. перевез в Хауорт – один из приходов Йоркширского графства. Здесь через несколько месяцев скончалась его жена Мария. Пастор замкнулся в себе и фактически детьми не занимался, предоставив их воспитание тетке. Пять дочерей и сын росли в строгой протестантской обстановке: ежедневные молитвы, скромная еда и темная простая одежда. Их миром были промозглые вересковые пустоши и «острова фантазии», которые придумала маленькая Шарлотта, чтобы дать хоть какой-то выход безудержному детскому темпераменту. Все приключения придуманных героев тщательно записывались и стали первыми литературными опытами девочек.

Патрик Бронте обучением сына Брэнуэлла занимался сам, а старших девочек поместил в недорогую школу Коуэн-Бридж (1824 г.) в надежде, что те, получив образование, смогут прокормить себя, работая гувернантками или учительницами. Пребывание в этом пансионе стало для них нечеловеческими испытаниями. Здесь ради души умерщвляли плоть. Холодные комнаты, полуголодное существование, постоянные унижения и истязания воспитанниц. Не выдержав моральных и физических мук, в течение года умерли Мария и Элизабет. Шарлотту, ставшую теперь старшей из детей, и Эмили срочно отослали домой.

Отец настоял на том, чтобы хоть одна из дочерей завершила образование. И так как Эмили наотрез отказалась покинуть дом, то Шарлотта в 1832 г. на средства крестной отправилась в Роухедскую школу сестер Вулер. Это учебное заведение было куда более гуманным. Очень скоро девушка стала лучшей ученицей и за полтора года приобрела не только знания, необходимые гувернантке, но и двух подруг: порывистую и откровенную Мэри Тейлор и набожную рассудительную Эллен Насси, связь с которыми поддерживала до самой смерти. Брат Эллен, Генри, получивший после окончания Кембриджа место священника, предлагал Шарлотте стать его женой. Она отказалась от независимого и обеспеченного положения замужней дамы, так как не испытывала к юноше никаких чувств и считала, что не сможет сделать его счастливым. Одновременно девушка очень мучалась своей материальной зависимостью от отца и поэтому

приняла предложение мисс Вулер стать ее помощницей, обеспечив тем самым обучение Эмили. Долг и Необходимость – «суровые владыки, которых человеку нельзя ослушаться», как Шарлотта написала Эллен – стали основой ее жизни.

Старшая из сестер старательно исполняла свои обязанности, но чувствовала, что надолго ее сил не хватит. Эмили не смогла жить вдали от дома, и ее место заняла самая младшая – Энн, ставшая в пансионате отличницей и всеобщей любимицей. Когда в 1838 г. пансионат перевели в болотистый и сырой Дьюсбери-Мор, Шарлотта с радостью покинула его, подчинившись требованиям врача переменить климат. Здоровье всех сестер Бронте было очень слабым, они нуждались в спокойной жизни. Работа гувернантками их слишком изматывала. Надеяться на помощь брата им не приходилось. Брэнуэлл оказался наиболее избалованным и распущенным в семье, хотя подавал надежды как художник.

Сестры решили: чем служить в чужих домах, лучше открыть свою собственную школу. Но им необходимо было усовершенствовать знания иностранных языков. С этой целью Шарлотта и Эмили едут в брюссельский пансион супругов Эгер (1842 г.). Там они не только учились, но и преподавали английский и музыку другим воспитанницам. Шарлотте казался странным свободный режим обучения, отсутствие строжайшей дисциплины, к которой она привыкла с детства. И именно здесь она впервые полюбила. Господин Эгер, благополучный семьянин, ожидающий рождения пятого ребенка, казался ей тем единственным «Мастером». Но ее чувство не было взаимным, а вскоре перестало быть тайной. Шарлотте пришлось покинуть пансион (1844 г.). Она мучалась и тосковала, писала письма и не получала ответа.

Шарлотта вернулась в Хауорт. Свою школу сестры открыть так и не смогли. Отец их фактически ослеп, брат пристрастился к спиртному и опиуму. Их ожидала скучная, заунывная жизнь. Энергия Шарлотты искала выход из этого тупика – и нашла. Сестры давно уже уходили из безрадостного окружения в мир поэзии и литературы, они писали для себя. Шарлотта решила издать все эти стихи, но чтобы получить серьезную оценку своего творчества, предложила сестрам издать сборник за свой счет и под псевдонимом братьев Белл. Критики благосклонно отнеслись к произведениям Керрера (Шарлотты), Эктона (Энн), но особенно выделили «беспокойный дух» и оригинальность Эллиса (Эмили).

«Братья Белл» тут же предоставили издателю свою прозу. Но если «Грозовой Перевал» Эмили и «Агнес Грей» Энн были приняты, то роман Шарлотты «Учитель» получил отказ всех

издателей (книга увидела свет только после смерти автора). Она радовалась успеху сестер, а сама в кратчайший срок написала новый роман, наполненный такой силой искренности, которая не могла не покорить даже самых требовательных читателей. Успех «Джейн Эйр» (1847 г.) был ошеломительным, и фирма «Смитт и Элдер» спустя три месяца выпустила второе издание.

Главной героиней романа оказалась не изнывающая от любовных чувств красавица, а невзрачная, словно серый воробышек, гувернантка, умная, независимая и имеющая такое же право на чистые чувства и личное счастье, как любая дама из высшего общества. «Джейн Эйр» – роман автобиографический, особенно в первой части. И если автору и не довелось пережить именно таких минут, как в романе, то можно не сомневаться: попади Шарлотта в такие ситуации, она повела бы себя, как созданная ею героиня. Бронте тоже была горда, самолюбива, искренна, а чувство собственного достоинства ей приходилось часто усмирять христианским терпением. Самая робкая и застенчивая из сестер, Шарлотта оказалась прирожденным борцом и нашла выход для всех из заунывной жизни.

Романы сестер были по достоинству оценены. Но «Джейн Эйр» поразила воображение редким сочетанием реальности и романтизма. При всем этом издатели даже не догадывались, что автором столь нашумевшего романа была женщина. Имя братьев Белл не сходило с уст, но никто ничего о них не знал. Чтобы избежать лишних домыслов, Шарлотта и Энн, состоявшие в переписке с издателем Смиттом, решились рассказать ему правду об авторах. Но публика еще несколько лет не догадывалась, что три сестры, три, казалось бы, ничем не примечательные женщины, совершили в литературе переворот.

Теперь Шарлотта, Эмили и Энн определили свое место в жизни. Только признание и слава достались лишь старшей сестре. Дом в Хауорте стремительно превратился в «долину теней». В сентябре от белой горячки умер Брэнуэлл, через три месяца от скоротечной чахотки скончалась Эмили (ее «Грозовой Перевал» получил настоящее признание только в XX в.). Энн еще успела закончить свой второй роман «Владелец Уилдфелл-Холла». Она пережила сестру лишь на полгода.

Наступил самый тяжелый период в жизни Шарлотты. Одиночество и тоска вновь окружили ее. Полгода она не могла вернуться к работе над романом «Шерли». Книга увидела свет в 1849 г. и стала наиболее социальным произведением в творчестве Бронте. Никаких романтических иллюзий, жестокая реальность современности била по чувствам читателей. «Незначительность» жизненного опыта писательницы компенсировалась творческой

силой, стимулирующей силу воображения. «Я должна следовать собственным литературным путем…» – именно эта непохожесть на других авторов позволила Шарлотте не только завоевать читателя, но и противостоять жизненным несчастьям.

Теперь у спокойного и тихого автора появилось много друзей. Ее затворничество было наконец нарушено. Шарлотту приглашали в Лондон. Даже «язвительный» У. Теккерей чистосердечно приветствовал ее цитатой из «Джейн Эйр». Шарлотта «почувствовала в нем нечто угрожающее», а сама произвела на знаменитого писателя благоприятное впечатление: «Помню маленькое, дрожащее создание, маленькую руку, большие честные глаза. Именно непреклонная честность показалась мне характерной для этой женщины… Я представил себе суровую маленькую Жанну д'Арк, идущую на нас, чтобы упрекнуть за нашу легкую жизнь и легкую мораль. Она произвела на меня впечатление человека очень чистого, благородного, возвышенного».

Издатели Смитт и Уильямс оказывали Шарлотте самый радушный прием. Встречи были сердечны и доверительны, особенно с Джорджем Смиттом. Ее душа жила в ожидании личного счастья, но мужчина не решался раскрыть свои чувства, а Шарлотта, помня горький опыт безответной любви к Эгеру, писала подруге Эллен: «…Мы с Джорджем очень хорошо понимаем и искренне уважаем друг друга, а если смущаем друг друга, то это бывает очень редко. То, что я старше его на шесть-восемь лет, не говоря уже о полном отсутствии притязаний на красоту и тому подобное, – прекрасное спасительное средство. Я бы нисколько не побоялась отправиться с ним и в Китай».

Каждый раз возвращаясь домой, в свое «одиночество», Бронте оставалась обыкновенной хозяйкой дома, заботилась о престарелом отце, работала и тосковала по сестрам. В 1850 г. в память об Эмили и Энн она подготовила ко второму изданию их романы. Чтобы уйти от леденящей тишины дома, чувства заброшенности, Шарлотта работала много и быстро, несмотря на усиливающуюся депрессию. Несколько раз ей поступали предложения вступить в брак, но связать свою жизнь с кем-либо, зная, что «сердце немо», она не могла. Но теперь Шарлотта уже не избегала общества, гостила то в Лондоне у Смиттов, то в Манчестере у своей приятельницы Элизабет Гаскел (первый биограф Шарлотты Бронте и автор романа «Север и Юг»). «Затворнице из Хауорта» были везде рады, но Долг и Необходимость вновь и вновь возвращали ее в мрачный родительский дом. Да и работать она могла только здесь. Роман «Виллет» писался тяжело, с постоянными перерывами. Бронте

часто болела. Может, потому ее героиня Люси наименее романтична и сентиментальна, а действие романа напоминает «горьким стоицизмом» произведения У. Теккерея. Лестные рецензии на «Виллет» (1852 г.) принесли Бронте радость и уверенность в своих творческих силах. Теккерей же, прочитав роман, увидел в героине мятущуюся душу автора: «Страстное, маленькое, жадное до жизни, храброе, трепетное, некрасивое создание…Я догадываюсь, как она живет, и понимаю, что больше славы и других земных или небесных сокровищ она хотела бы, чтобы какой-нибудь Томкинс любил ее, а она любила его… Благородное сердце жаждет слияния с другим, а вместо этого осуждено иссыхать в стародевичестве, без всякой надежды утолить свои пламенные желания».

Но как раз в это время Шарлотта решила изменить свою личную жизнь. Вот уже семь лет помощником пастора (ее отца) служил Артур Белл Николлс. Она не решилась отказаться от его предложения. Ни страсти, ни любви в их отношениях не было, но Шарлотта так нуждалась в поддержке. Так далекий от литературных исканий человек стал мужем знаменитой писательницы (1854 г.). Он считал, что она является лишь «дочерью и женой пастора». Артур весьма ревниво относился к ее творчеству и старался, чтобы все внимание принадлежало только ему. На Шарлотте лежала вся работа по дому, уход за отцом, подготовка и непременное участие во всех благотворительных мероприятиях Николлса. Работать над новым романом «Эмма» приходилось урывками (он так и остался неоконченным).

Во время одной из прогулок с мужем Шарлотта сильно простудилась. Но общее недомогание, слабость, истощение были вызваны и поздней беременностью. Ожидание ребенка не принесло ей радости – слишком слабой и больной она была. 31 марта 1858 г. Шарлотта Бронте умерла. Пасторский дом опустел. Но ненадолго. Сюда в маленький заброшенный Хауорт зачастили туристы. Сейчас здесь находится всемирно известный Мемориальный центр сестер Бронте. Посетители сначала стремятся попасть в церковь Св. Михаила, где под каменными плитами похоронена вся семья, а затем идут в музей, где каждая вещь напоминает о трех скромных затворницах, трех сестрах, сумевших в своем творчестве подняться над серостью будней.

ЛАГЕРЛЕФ СЕЛЬМА

Полное имя – Сельма Оттилиана Ловиза Лагерлёф
(род. в 1858 г. – ум. в 1940 г.)

Известная шведская писательница. Член Шведской академии, почетный доктор Упсальского университета, лауреат Нобелевской премии по литературе (1909 г.) «за благородный идеализм и богатство фантазии».

«Читать Лагерлёф, – сказал однажды шведский композитор Хуго Альфен, – это все равно что сидеть в полумраке испанского собора, когда не знаешь, происходит ли все это во сне или наяву, но всем существом чувствуешь, что находишься на Святой земле».

Сельма Лагерлёф родилась 10 ноября 1858 г. в провинции Вермланд, в Южной Швеции. Она была четвертым ребенком в семье отставного офицера Эрика Густава Лагерлёфа и

урожденной Ловизы Валрот, у которых было всего пятеро детей. В трехлетнем возрасте девочку разбил детский паралич, после которого она не могла целый год ходить и на всю жизнь осталась хромой. Воспитывалась она дома, главным образом под присмотром бабушки и тетушки Наны, которые рассказывали ей увлекательные сказки и легенды – обе женщины слыли знатоками местного фольклора.

В детстве Сельма жадно читала, сочиняла стихи и выдумывала разные истории. Девочка росла мечтательной и настолько сроднилась со сказочной реальностью, что впоследствии даже свою автобиографию назвала «сказка о сказке».

Окончив лицей в Стокгольме, Лагерлёф решила стать учителем и поступила в Королевскую высшую женскую педагогическую семинарию, которую закончила в 1882 г. В том же году умер ее отец, и родовое имение Морбакка было продано за долги. Эта двойная потеря, отца и семейного дома, была для девушки тяжелым ударом. Вскоре Сельма получила место преподавателя в женской школе в Ландскруне на юге Швеции, где она быстро завоевала любовь и популярность у своих учениц.

Под впечатлением легенд и красочных пейзажей родного края Лагерлёф решила попробовать написать роман и послала его первые главы на литературный конкурс, организованный журналом «Идун». Редактор журнала не только присудил неизвестной школьной учительнице первую премию, но и предложил ей напечатать весь роман целиком. Пользуясь материальной поддержкой своей подруги, баронессы Софи Альдеспаре, Сельма взяла отпуск на службе и закончила роман «Сага о Йесте Берлинге», который увидел свет в 1891 г.

Произведение было написано в том романтическом стиле, чуждом реализму, который преобладал в книгах Августа Стриндберга, Генрика Ибсена и других писателей Скандинавии того времени. В нем рассказывалось о приключениях байронического героя, священника-отступника. Вначале роман был плохо принят специалистами, но стал чрезвычайно популярным после того, как о нем написал известный датский критик Георг Брандес, увидевший в работе Сельмы возрождение романтических принципов. Книга буквально околдовала Швецию, а со временем и весь мир.

После публикации первого романа Лагерлёф вернулась к преподавательской деятельности, но вскоре решила окончательно распрощаться со школой. Она уволилась с работы, чтобы написать свою вторую книгу, сборник новелл «Невидимые цепи», появившийся на прилавках магазинов в 1894 г.

В этом же году Сельма познакомилась с писательницей Софи Элкан, которая стала ее ближайшей подругой. Именно с ней она коротала личную жизнь, не богатую событиями. Теперь благодаря стипендии, пожалованной королем Оскаром II, и финансовой помощи Шведской академии Лагерлёф могла целиком посвятить себя литературе. Во время путешествия по Средиземному морю писательница собирала материал для своей следующей книги «Чудеса антихриста» (1898 г.). Это произведение, действие которого происходит на Сицилии, было написано как сатира на популярные в то время социалистические идеи.

Поездка в Палестину и Египет дала Сельме материал для создания двухтомного романа «Иерусалим» (1901–1902 гг.). История семей шведских фермеров, которые эмигрировали на Святую землю, получила высокую оценку читающей публики за глубокий психологизм в изображении флегматичных на вид шведских крестьян, ищущих духовный идеал.

Книги Лагерлёф были настолько популярны, что в 1904 г. она смогла выкупить имение Морбакка, в котором родилась и с которым были связаны ее детские воспоминания. В этом же году Сельма получила золотую медаль Шведской академии и была избрана почетным доктором Упсальского университета. Два года спустя был опубликован ее знаменитый детский роман «Чудесное путешествие Нильса Хольгерссона по Швеции», а в 1907 г. вышло другое произведение Сельмы для детей – «Девочка с фермы на болотах». Обе книги были написаны в духе народных сказаний, в них сочеталась мечтательность волшебных сказок с крестьянским реализмом.

Сказка о путешествии Нильса была задумана как учебник географии. История ее создания началась с того дня, когда Сельма получила письмо от Альфреда Далина, одного из руководителей Всеобщего союза учителей народных школ Швеции. Союз решил заменить устаревшие и неинтересные школьные учебники новыми, написанными живо и увлекательно. Лагерлёф как известной писательнице и бывшей учительнице предлагалось принять участие в создании книги для чтения по географии родного края, в которую кроме обязательных сведений должны были входить описания природы, традиций, легенды шведских провинций.

Предложение пришлось Сельме по душе, и она приняла его с тем условием, что напишет всю книгу от начала до конца сама. Лагерлёф изучила множество научных книг и справочников по географии, ботанике и зоологии и написала сказку, в которой вся Швеция, от южной провинции Сконе до северной Лапландии, была показана с высоты птичьего полета. Известный советский

писатель Юрий Нагибин как-то заметил: «Прочитав сказку о Нильсе, ты веришь, что сам летал на спине гуся, воздушные струи обтекали твое тело и лицо, слезя глаза и наполняя восторгом душу…»

В 1909 г. Лагерлёф была присуждена Нобелевская премия «как дань высокому идеализму, яркому воображению и духовному проникновению, которые отличают все ее произведения». Слово для торжественного поздравления было предоставлено члену Шведской академии Клаэсу Аннерстедту, который назвал «Сагу о Йесте Берлинге» «знаменательной книгой и не только потому, что она решительно порывает с нездоровым и фальшивым реализмом нашего времени, но и потому, что ее отличает исключительная оригинальность». Лагерлёф соединяет в своем творчестве «чистоту и простоту языка, красоту стиля и богатство воображения с этической силой и глубиной религиозных чувств», – сказал также Аннерстедт.

Ответная речь писательницы представляла собой причудливую фантазию, в которой будто бы перед ней появляется ее отец – «на веранде в саду, полном света и цветов, а над ним кружатся птицы». Во время беседы с отцом она говорит, что боится не оправдать ту огромную честь, которую оказал ей Нобелевский комитет. Подумав, отец стучит кулаком по подлокотнику кресла-качалки и заявляет: «Я не собираюсь ломать себе голову над проблемами, которые невозможно решить ни на небе, ни на земле. Я слишком счастлив оттого, что тебе дали Нобелевскую премию, чтобы беспокоиться еще о чем-нибудь».

После получения высокой награды Сельма продолжала писать о Вермланде, его легендах и о тех ценностях, которые олицетворяет собой родной дом. Она также много времени уделяла феминизму – в 1911 г. выступала на международной женской конференции в Стокгольме, а в 1924 г. в качестве делегата женского конгресса ездила в Соединенные Штаты Америки. В 1914 г. Лагерлёф была принята в ряды членов Шведской академии, где она оказалась первой женщиной, удостоенной этой чести за всю историю ее существования.

В начале 20-х гг. Сельма Лагерлёф, создавшая уже более 20 крупных произведений, заняла достойное место в ряду ведущих шведских писателей. К этому времени она выпустила и несколько популярных автобиографических книг, среди них были воспоминания о детстве – «Морбакка» (1922 г.). Некоторые ее романы были экранизированы. Творческая фантазия писательницы была неисчерпаемой. Уже на склоне лет она создала трилогию – «Перстень Лёвеншёльдов», «Шарлотта Лёвеншёльд» и «Анна Сверд», вышедшую в год семидесятилетия

Лагерлёф. По мнению шведского литературоведа Ландквиста, в ней она «достигла высоты подлинного гения».

Перед началом Второй мировой войны в гитлеровской Германии ее приветствовали как «нордическую поэтессу», однако стоило Лагерлёф начать помогать немецким писателям и деятелям культуры спасаться от нацистских преследований, фашистское правительство резко ее осудило. За год до своей смерти Сельма помогла оформить шведскую визу немецкой поэтессе Нелли Закс, чем спасла ее от нацистского концентрационного лагеря. Глубоко потрясенная началом мировой войны, а также разразившейся советско-финской войной, писательница пожертвовала свою золотую нобелевскую медаль Шведскому национальному фонду помощи Финляндии.

16 марта 1940 г. после продолжительной болезни Сельма Лагерлёф умерла от перитонита в своем доме в возрасте 81 года.

Необыкновенно популярная в Швеции, где ее ценят за незабываемые картины родной природы и обычаев, Лагерлёф пользуется успехом и за рубежом, хотя не без оговорок. Так, в предисловии к монографии о ней английская писательница Виктория Сэквил-Уэст писала, что «больше всего удаются Лагерлёф мифы, саги и предания, что же касается психологии, а также чистого бытописательства, то это не самые сильные ее стороны». Сравнивая Сельму с датским писателем Исаком Динесеном, литературовед Эрик Йоханессон отмечает в «скандинавских исследованиях»: «Вселенная Лагерлёф – это моральная вселенная, в которой основной конфликт между добром и злом и в которой Бог уверенно ведет героев к счастливому концу. По этой причине ее книги носят порой дидактический оттенок».

В тот же год, когда волшебная сказка о крошечном Нильсе вышла в свет, ее выдуманный герой отправился путешествовать по разным странам. Его историю стали переводить на многие языки мира, а первый русский перевод был сделан уже в 1908 г. В одном из парков японской столицы Токио даже поставили памятник: Нильс верхом на гусе Мартине. С тех пор его сказочный полет не прекращается, и еще не одно поколение детей и взрослых будет зачитываться прекрасными и добрыми произведениями Сельмы Лагерлёф.

ВУЛФ ВИРДЖИНИЯ

(род. в 1882 г. – ум. в 1941 г.)

Английская писательница, литературный критик, автор романов «Путешествие вовне», «Ночь и день», «Комната Джейкоба», «Миссис Дэллоуэй», «К маяку», «Орландо», «Волны», «Годы», «Между действиями».

…Она слышала голоса – нежное пение птиц в греческих оливах. Два года шла Вторая мировая война, лондонский уютный дом был разрушен немецким бомбардировщиком, и молодость уже ушла безвозвратно, а в ее голове звучали песни Древней Греции, те, может быть, которые слушала еще Сафо!.. И тогда она положила в карман платья камни и вошла в воду… Так 28 марта 1941 г. покончила с собой талантливая английская писательница Вирджиния Вулф, которая каждую веху этого прекрасного и страшного XX века ощущала, как прикосновение сердцем к острию лезвия.

Аделина Вирджиния с детства была впечатлительным, тонко чувствующим мир ребенком. Она родилась 25 января 1882 г. в Лондоне в семье известного своими радикальными взглядами писателя, критика, философа Лесли Стивена. Через много лет Вирджиния отразит образы родителей в романе «К маяку». «На неправду он был не способен; никогда не подтасовывал фактов; ни единого слова неприятного не мог опустить ради пользы или удовольствия любого из смертных, тем паче ради детей, которые… с младых ногтей обязаны были помнить, что жизнь – вещь нешуточная, факты неумолимы», – таков был герой романа мистер Ремзи, прототипом которого стал отец Вирджинии. Стивен, умный, рассудительный агностик, старался воспитать детей в духе рационализма и жесткой логики. Вирджиния, ее сестра Ванесса и братья Тоби и Андриан получили прекрасное образование. Девочки, правда, учились дома, но у них была «шикарная библиотека», а среди гостей, которые заходили к родителям на чай, бывали настоящие знаменитости – писатели, поэты, философы.

Хрупкой, нервной Вирджинии нелегко было оправдать отцовские ожидания. Ведь для нее всегда огромную роль играли чувства. Такая напряженная домашняя обстановка, несомненно, гнетуще влияла на душевное здоровье девочки, что не могло не отразиться на ее дальнейшей жизни. Панический страх, впоследствии преследовавший ее в отношениях с мужчинами, возможно, тоже уходил корнями в детство, на первый взгляд довольно благополучное. По мнению некоторых ее современников, шестилетняя Вирджиния подвергалась сексуальным домогательствам со стороны дядюшек. Последней каплей, нарушившей равновесие психического здоровья девочки, стала в 1895 г. смерть матери. Вирджиния пережила сильнейший нервный срыв. Кто знает, может, уже тогда ее впервые посетило наваждение – странные голоса, звучащие где-то глубоко, во внутреннем мире. Тем не менее молодой организм справился с этой напастью: Вирджиния скоро выздоровела и поехала развеяться в Италию. Вот что писал о шестнадцатилетней Вирджинии-путешественнице один из ее биографов: «Она не была ярым туристом, предпочитая людей и картины дворцам и церквам». Теплое итальянское солнце, «цветы в кадках, столики под открытым небом» и… нежные, трепетные мысли о близкой подруге, оставшейся дома, на Альбионе. Да, как это ни удивительно, Вирджиния, очень красивая, прекрасно воспитанная девушка из аристократической семьи, не думала о мужчинах. То ли дело женская дружба! В этих отношениях, писала позже Вирджиния, есть «особенная чистота, цельность. К мужчинам так

не относишься. Совершенно бескорыстное чувство, и оно может связывать только женщин… Было еще и желание защитить; оно шло от сознания общей судьбы… (о замужестве говорилось всегда как о бедствии)».

Первые литературные опыты не удовлетворяли начинающую писательницу. Она нервничала, переписывала все снова и снова. В 1904 г. Вирджиния впервые попыталась свести счеты с жизнью, выпрыгнув из окна. Попытка не удалась.

В этом же году умер отец, Лесли Стивен. Его дети переехали из респектабельного Кенсингтона в Блумсбери – богемный лондонский район. Однако, сменив адрес, Стивены-младшие сохранили некоторые традиции родительского дома. По вечерам у них по-прежнему было шумно и многолюдно. Писатели, художники, экономисты, все молодые, полные планов и надежд, они засиживались до полуночи, обсуждая проблемы творчества, психологии, философии. Двадцатый век принес так много нового! Подумать только: в академичном, чопорном Лондоне открылась выставка импрессионистов! А Зигмунд Фрейд, заглянувший в самую суть, в подсознание?! Кроме великого австрийца, здесь можно было услышать имена культуролога Карла Юнга, философа Анри Бергсона, антрополога Джеймса Фрейзера. Так был организован кружок «Блумсбери», просуществовавший до середины 30-х гг. В эту группу, помимо Стивенов, входили критик и эссеист Д. Л. Стрэчи, писатель Э. М. Форстер, художник Д. Грант, экономист Дж. М. Кейнс. «Говорили, что разница между Блумсбери и Кембриджем была в том, что в Кембридже ничего остроумного не было сказано без того, чтобы не быть также «глубоким», в то время как в Блумсбери ничего «глубокого» не было сказано, если оно не было остроумным», – пишет биограф Вирджинии Вулф.

Правда, тогда она все еще носила фамилию Стивен, и ее литературное наследие ограничивалось небольшими не то рассказами, не то набросками для более крупных произведений, не то эссе-настроениями. С 1905 г. она регулярно печаталась в «Литературном приложении» «Таймс». Однако нельзя сказать, что творчество никому еще не известной писательницы было благосклонно встречено критикой. Ее понимали разве что в родном кружке. И это неудивительно: именно в атмосфере Блумсбери сформировались художественные вкусы Вирджинии.

Ни времени, ни пространства, ни героя как такового нет в ее рассказах. Нет и сюжета, есть только психологическое состояние, настроение человека, природы, вещи. «Поток сознания» – так сегодня охарактеризовали бы литературоведы творческий метод Вирджинии. Ну а в то время… Впрочем, во многом Вирджиния

опередила свое время. Только через сорок лет в западноевропейской и американской литературе станут главными темы, разработанные ею в рассказах и романах. В каждом из произведений звучит протест против потребительства, повседневности во всем, будь то всего лишь взгляд на пятно на стене или же брак.

Правда, семейным узам, связавшим в 1912 г. Вирджинию с историком, экономистом, журналистом Леонардом Вулфом, не грозила ни банальность, ни рутина затянувшихся на долгие годы отношений. Интересна предыстория этого брака. Сначала предложение Вирджинии сделал… гомосексуалист Литтон Стрэчи. И она, переживавшая тогда эпистолярный роман с одной из подруг, согласилась. Однако вскоре Литтон одумался и написал на Цейлон своему другу Леонарду, умоляя спасти его от брака. Верный товарищ приехал и спас Стрэчи: сам сделал предложение красавице Вирджинии. Молодоженам было ясно: интимные отношения между ними невозможны. Слишком уж большое отвращение испытывала жена к плотской любви. На том и порешили: отныне между супругами – только дружба и взаимное уважение. Их брак был долгим и счастливым… Не ограничивая свободы друг друга, они занимались общим делом. В 1917 г. Вулфы основали издательство «Хогарт пресс». Умный, добрый, немного неуклюжий Лео был рядом с Вирджинией до самой ее смерти.

Такой «дружеский» брак не мешал сердцу Вирджинии жить богатой, полноценной жизнью. Мэдж Ван, Вайолет Дикинсон, Этель Смит – говорят, ко всем этим женщинам Вулф испытывала в разное время пылкие чувства, правда, зачастую платонические. По-настоящему серьезно она влюбилась в 1922 г. Это была тридцатилетняя Вита Сэквилл-Уэст. Увлечение было взаимным. Леонард не возражал.

К этому времени за плечами Вирджинии было три опубликованных романа («Путешествие вовне», 1915 г.; «Ночь и день», 1919 г.; «Комната Джейкоба», 1922 г.), а еще – очередной нервный срыв, попытка самоубийства и лечение в сумасшедшем доме. Но благодаря Вите в жизнь Вирджинии, кажется, вернулось душевное здоровье. «Она не выказала ни страха, ни стыда, в возрасте сорока трех лет пускаясь в единственное приключение всей своей жизни», – писал о Вирджинии сын Виты Найджел Николсон. Пять лет этой странной любви стали для Вулф годами творческого подъема. Ей все удавалось. Вдохновляемая любимой женщиной, она написала свои лучшие произведения – романы «Миссис Деллоуэй» (1925 г.), «К маяку» (1927 г.), «Орландо» (1928 г.). Новаторская манера В. Вулф была тогда сродни разве

что творчеству Джеймса Джойса. В «Миссис Деллоуэй», например, описывается всего лишь один день 1923 года. Описывается не столько через события, дела, разговоры, сколько через мысли и чувства главных героев, порой неосознанные и неуловимые. А главный герой фантасмагории «Орландо», который является то мужчиной, то женщиной, вообще «списан» с Виты. Это произведение называют «самым длинным и самым очаровательным любовным письмом в истории литературы».

Но несмотря на понимание мужа и любовь Виты, Вирджинию порой посещали грустные мысли о ее несостоявшемся материнстве. Она даже завидовала своей сестре Ванессе, которая обзавелась кучей ребятишек. Но Вирджиния явно не была создана для семейного уюта. Ходили слухи, что она даже чай толком заварить не умела. «Я не мужчина и не женщина», – сказала она как-то о себе.

Перед войной Вулф упорно работала. Она написала еще два романа, занималась литературной критикой, издавала феминистские трактаты. «Женщина веками играла роль зеркала, наделенного волшебным и обманчивым свойством: отраженная в нем фигура мужчины была вдвое больше натуральной величины», – считала она.

Война изменила ее. Из Лондона пришлось уехать на виллу в Родмелль (графство Суссекс). Здесь Вирджиния написала свой последний роман «Между действиями». Работа давалась тяжело, нервы ее были на пределе. Не оставляло предчувствие нового приступа болезни (ах, эти птицы в греческих оливах!). Однажды Вирджиния ушла на реку и не вернулась…

Феминистки, лесбиянки, пацифисты… На знаменах многих общественных движений нашлось место для ее имени. И вполне заслуженно: она любила женщин, боролась за их права и ненавидела войну. Но все же Вирджиния Вулф не была человеком своей эпохи. Она поднялась над временем. «Она чувствует себя бесконечно юной, одновременно невыразимо древней. Она, как нож, все проходит насквозь», – писала Вулф о главной героине романа «Миссис Дэллоуэй». И наверняка о себе.

АХМАТОВА АННА АНДРЕЕВНА

Настоящее имя – Анна Андреевна Горенко
(род. в 1889 г. – ум. в 1966 г.)

Величайшая русская поэтесса, представительница Серебряного века, известный пушкиновед, переводчик, Почетный доктор Оксфордского университета.

Я научила женщин говорить –
Но, Боже, как их замолчать заставить?

Так, не без тени гордости, восклицала «Златоустая Анна всея Руси» и в то же время «чернокнижница Серебряного века» Анна

Ахматова. Женщина, воспевавшая любовь и клеймившая режим, отнявший у нее все самое дорогое – сына, любимых, друзей. Она доказала, что строка, написанная женской рукой, может быть острой, живой, вечной. У нее было много подражательниц, но не было последовательниц. Потому что для того, чтобы писать, как Ахматова, надо прожить жизнь Ахматовой и не сломаться. А кому это по плечу?

Аня Горенко родилась 11 июня 1889 г. в Одессе, вернее, в дачном предместье Большой Фонтан. Но стать коренной одесситкой ей не довелось: отец, отставной инженер-капитан 2-го ранга, был принят на службу к Великому князю Алексею Михайловичу и в 1891 г. перевез семью в Царское Село. Трудно себе представить более подходящее место для будущей поэтессы: здесь все дышало Пушкиным. «Мои первые воспоминания – царскосельские, – напишет Анна, – зеленое, сырое великолепие парков, выгон, куда меня водила няня, ипподром, где скакали маленькие пестрые лошадки, старый вокзал…» В этой резиденции царской семьи даже маленькая девочка должна была «ходить по струнке». Но зато приходило лето, семья отправлялась на Черное море, и бледная гимназистка превращалась в веселую и безрассудную загорелую дочь рыбака:

Ко мне приплывала зеленая рыба,
Ко мне прилетала белая чайка,
А я была дерзкой, злой и веселой
И вовсе не знала, что это – счастье.

Возвращаясь осенью на север, Анна «казалась русалкой, случайно заплывшей в темные неподвижные воды царскосельских прудов». Русалка, колдунья, ворожея – а кем же еще должна была казаться девочка, сызмальства решившая стать «настоящим поэтом»? Свое первое стихотворение Анна написала в 11 лет и с тех пор сочиняла их в огромных количествах. Отцу это увлечение дочери не очень нравилось. Он называл ее «декаденткой» и требовал «не срамить» его имени. «И не надо мне твоего имени!» – сказала гордая Аня Горенко, раз и навсегда решив выбрать себе псевдоним. А чем плоха прабабушкина фамилия – Ахматова? Ну и что, что татарская – так даже романтичнее!

24 декабря 1903 г. Анну увидел Гумилев. Он совсем недавно приехал с родителями из Тифлиса и, семнадцати лет от роду, был вынужден доучиваться в гимназии. В глазах друзей-гимназистов он был уже «почти поэт» – ему покровительствовал сам Иннокентий Анненский. Но этот факт не помог Николаю

Гумилеву завоевать сердце Анечки Горенко. В 1905 г. он, уже выпустивший свой первый сборник, попросил руки Анны. И получил отказ. В этом же году родители юной поэтессы развелись, и она вместе с матерью отправилась в дорогой сердцу Крым. Дело в том, что болезненной Ане угрожал туберкулез.

В 1907 г. Анна приехала в Киев. Здесь она поступила на юридический факультет Высших женских курсов, но учеба, увы, не занимала ее. В то время сердце поэтессы жило неразделенной любовью к Владимиру Голенищеву-Кутузову, студенту из Петербурга. «Я отравлена на всю жизнь», – писала она С. Штейну, мужу сестры и (что самое главное!) другу того загадочного любимого ею человека. Письма, слезы, обмороки – все это было в жизни влюбленной Анны. Тогда, наверное, впервые она подумала о браке с Н. Гумилевым. Зачем ей был нужен этот брак? Может, хотела найти в нем утешение или таким образом думала насолить Владимиру? «…Гумилев – моя судьба, и я покорно отдаюсь ей, – писала она. – …Я клянусь вам всем святым, что этот человек будет счастлив со мной». Тем не менее в 1908 г. Анна снова отвергла предложение Гумилева.

Николай уехал в Париж и… организовал там творческий дебют Анны. В столице Франции он основал русский еженедельник «Сириус», где впервые опубликовал ее стихотворение («На руке твоей много блестящих колец…»). Анна назвала всю эту гумилевскую затею «затмением от Господа».

Число «три» в жизни Николая оказалось счастливым. Когда он в третий раз попросил руки любимой, та сказала: «Да». 25 апреля 1910 г. в церкви Никольской слободки под Киевом они обвенчались. Родственников Анны среди гостей не было: в ее семье этот брак считали ошибкой. И небезосновательно. Подруга Анны, Валерия Срезневская, как-то заметила: «Их отношения… были тайным единоборством – с ее стороны для самоутверждения как свободной женщины, с его стороны – желанием не поддаться никаким колдовским чарам и остаться самим собой, независимым и властным… увы, без власти над этой вечно ускользающей от него многообразной и не подчиняющейся никому женщиной».

В свадебное путешествие молодожены отправились в Париж. Здесь Анна встретила Амедео Модильяни. Потом, в зрелом возрасте, она рассказывала знакомым о том, как когда-то в Париже она «познакомилась с молодым, чрезвычайно скромным итальянским юношей, который попросил разрешения ее рисовать». По воспоминаниям современников, Амедео не был таким уж скромником. Он много пил, употреблял гашиш, был чрезвычайно красив и талантлив. Его, вероятно, с первого взгляда поразил необычный облик Анны. «Попросту красивой назвать ее

нельзя, но внешность ее настолько интересна, что с нее стоит сделать и леонардовский рисунок, и гейнсборовский портрет маслом, и икону темперой…» – писал о ней литературовед Н. Недоброво. Как было не заметить эту жемчужину в чаду забегаловки для художников? Встреча Анны и Амедео была мимолетной – но вот уже летят в Россию восторженные, влюбленные письма итальянца, вот уже пишет поэтесса о «его любви, воздушной и минутной». А Гумилев через два месяца после поездки в Париж уехал в Африку. Ведь с дикими хищниками саванны было легче справиться, чем с этой хрупкой женщиной. Когда муж вернулся из далекого путешествия, уехала Анна. В Париж.

«…Все божественное в Модильяни… искрилось сквозь какой-то мрак. Он был совсем не похож ни на кого на свете. Голос его как-то навсегда остался в памяти», – напишет Ахматова уже в 60-х гг. Что было между ними – неизвестно. Останутся только стихи Анны и рисунки Модильяни: Она в купальном костюме, Она обнаженная, Она – гибкая циркачка, женщина-змея. Это парижское лето было таким недолгим…

Дома, в России, Ахматова ждала писем, да так и не дождалась. И как бы ей было тяжело, не имей она другой своей любви – Поэзии. В начале марта 1912 г. вышел первый ее сборник «Вечер». Тут уж даже сомневавшийся в ее даре муж убедился: «Она – настоящий поэт». А ведь когда-то он обронил неосторожно: «А может быть, ты лучше будешь танцевать? Ты гибкая».

Весной 1912 г. Ахматова и Гумилев отправились в путешествие по Италии. А 18 сентября у них родился сын Лёва. Анне казалось, что она слишком мало внимания уделяет своему чаду. Да ведь так и было: Лёва воспитывался у бабушки, А. И. Гумилевой, в Слепневе под Тверью. А гениальные родители жили в Петербурге, где кипела литературная жизнь. Имя Ахматовой было уже признано среди акмеистов. Еще в 1911 г. она была введена в состав организованного Гумилевым «Цеха поэтов».

В начале века профиль странный,
истончен он и горделив,
возник у музы, —

так писал об Ахматовой С. Городецкий. Ей посвящали стихи. Ее рисовали. Бледное лицо Анны – на полотнах Сорина, Альтмана, Бруни, Судейкина… Вокруг нее всегда были поклонники. «Бывало, человек, только что ей представленный,

тут же объяснялся ей в любви», – вспоминает один из современников.

В марте 1914 г. вышел второй сборник Ахматовой «Четки». А в августе Гумилев ушел на войну. Именно теперь начинался новый, некалендарный двадцатый век. Николай вернулся в Петроград весной 1918 г. А вскоре Гумилев и Ахматова расстались…

Революцию Анна не приняла. «Все расхищено, предано, продано», – писала она. Но и эмигрировавших друзей Ахматова не поддерживала:

Не с теми я, кто бросил землю
На растерзание врагам.
Их грубой лести я не внемлю,
Им песен я своих не дам.

Сама она пыталась как-то «втянуться» в эту странную жизнь полуразрушенной страны. Еще в сентябре 1917 г. вышел ее третий сборник «Белая стая». Он не имел такого успеха, как два предыдущих, но кто тогда интересовался поэзией? Осенью 1918 г. Анна Ахматова вышла замуж за Владимира Шилейко, ученого-ассириолога. Брак этот был недолгим. Не ладились у поэтессы отношения с мужчинами, и молва стала связывать ее с подругой – Ольгой Глебовой-Судейкиной. Это о ней через двадцать лет Анна написала:

Ты в Россию пришла ниоткуда,
О мое белокурое чудо,
Коломбина десятых годов!

Говорили и о других романах, которые Ахматова пережила еще до второго замужества: с критиком Н. В. Недоброво и белым офицером Борисом Анрепом. В 1919 г. первый умер от туберкулеза, а второй покинул страну.

С 1921 г. началась череда потерь в жизни Ахматовой. 7 августа умер Блок. 25 августа был расстрелян Николай Гумилев. Анна даже не знала, где его могила, и в ее поисках бродила «по острову Голодаю и странным рощам».

Одни друзья умирали, другие уезжали, а жизнь продолжалась. Ахматова устроилась работать библиотекарем в Агрономический институт, издала еще два сборника

(«Подорожник» и «Anno Domini MCMXXI»). В 1922 г. она вышла замуж за Николая Лунина, известного искусствоведа, в те годы комиссара при Русском музее и Эрмитаже, заместителя наркома просвещения А. В. Луначарского. Но высокое положение Лунина не избавило молодоженов от квартирного вопроса: им пришлось жить в одной квартире с его семьей.

…После 1924 г. Анну заставили замолчать: ее перестали печатать, приглашать на литературные встречи. Ахматова писала: «Тогда я впервые присутствовала при своей гражданской смерти. Мне было 35 лет…» Анна не опустила рук: что ж, не поэзия, так любимый с детства Пушкин! Ее исследования по пушкиноведению были высоко оценены в литературных кругах. Но скоро ее лишили и этого. В мае 1934 г. на глазах Анны был арестован самый ее близкий друг – Осип Мандельштам. 27 октября 1935 г. «черный воронок» увез ее мужа и сына. Ахматова метнулась в Москву, с помощью Булгакова написала письмо Сталину… Уже 3 ноября Анна снова обняла Пунина и сына. Но Лев пробыл на свободе недолго: в марте 1938 г. его снова забрали… 17 месяцев Ахматова провела в тюремных очередях, «трехсотая, с передачею» стояла под Крестами. Именно тогда она стала писать гневные, горькие стихотворения, из которых сложился к началу 60-х гг. знаменитый «Реквием». Многое из этого цикла существовало только в памяти Анны и ее друзей. Л. К. Чуковская вспоминала: «…внезапно, посреди разговора, она умолкала и, показав глазами на потолок и стены, брала клочок бумаги и карандаш; потом громко произносила что-нибудь очень светское: «Хотите вы чаю?»…потом исписывала клочок быстрым почерком и протягивала мне. Я прочитывала стихи и, запомнив, молча возвращала их ей. «Нынче ранняя осень», – громко говорила Анна Андреевна и… сжигала бумагу над пепельницей».

В сентябре 1938 г. Анна рассталась с Луниным. Она написала об этом браке:

Пятнадцать лет – пятнадцатью веками
Гранитными как будто притворились.

Но вместе они прожили гораздо дольше пятнадцати лет, ведь после развода Ахматовой некуда было уйти, и она осталась все в той же «многонаселенной» квартире. И когда Пунин умер в далеком воркутинском лагере (1953 г.), Анна написала:

И сердце то уже не отзовется

На голос мой, ликуя и скорбя,
Все кончено… И песнь моя несется
В пустую ночь, где больше нет тебя.

В 1941 г. на русскую землю пришла война. Как ни странно, но попавшая в немилость к Сталину поэтесса все же оказалась в подписанном Генсеком списке подлежащих эвакуации. Ахматова уехала в Ташкент. Ее стихотворение «Мужество» стало гимном непобедимому народу. Оно было опубликовано 8 марта 1942 г. в газете «Правда». А в мае 1943 г. вышел ташкентский сборник стихотворений Ахматовой. Какая щедрость со стороны властей! В 1944 г. Анна выехала на Ленинградский фронт, где читала стихи.

После войны жизнь, казалось бы, налаживалась. Один за другим следовали творческие вечера Ахматовой. Она смогла говорить после такого долгого затишья! Вернулся наконец-то сын (он был освобожден еще в 1943 г. и добровольцем отправился на фронт). Ахматова была счастлива. И вот, как гром среди ясного неба, в августе 1946 г. вышло постановление ЦК о журналах «Звезда» и «Ленинград»: творчество Ахматовой, Зощенко и им подобных было признано идеологически чуждым советскому государству. «Тематика Ахматовой насквозь индивидуалистическая, – докладывал Жданов. – До убожества ограничен диапазон ее поэзии, – поэзии взбесившейся барыньки, мечущейся между будуаром и моленной». Два почти готовые сборника так и не попали в печать. Ахматову исключили из Союза советских писателей. А в 1949 г. был снова арестован сын. На этот раз ему грозило десять лет исправительно-трудовой колонии.

И благодарного народа
Он слышит голос, – Мы пришли
сказать, где Сталин, там свобода,
Мир и величие земли.

Эти ахматовские строки, написанные в 1950 г., – не что иное, как вопль отчаявшейся матери, пытающейся хоть как-то спасти сына. Не помогло даже такое унижение. Льва Гумилева освободили только через три года после смерти «отца народов». Ахматова тогда сказала: «Теперь арестанты вернутся, и две России глянут друг другу в глаза: та, что сажала, и та, которую посадили. Началась новая эпоха».

В этой «новой эпохе» нашлось место и для поэтессы. Ее стихи

охотно печатали; в августе 1962 г. она была выдвинута на Нобелевскую премию (не получила), а в 1964 г. ей присудили Международную литературную премию «Этна-Таормина». Правда, в бытовом смысле жизнь Ахматовой все еще была не устроена. Собственного дома, пристанища у нее так и не появилось. Иосиф Бродский вспоминал: «Близкие знакомые называли ее «королева-бродяга», и действительно в ее облике – особенно когда она вставала вам навстречу посреди чьей-нибудь квартиры, было нечто от странствующей, бесприютной государыни».

В том же году Оксфордский университет присвоил Ахматовой степень почетного доктора литературы. Торжественная церемония состоялась в Лондоне. Отдавая дань признания поэтессе, англичане впервые в истории Оксфордского университета нарушили традицию: не Ахматова всходила по мраморной лестнице, а ректор спускался к ней.

Умерла Анна Ахматова 5 марта 1966 г. после четвертого инфаркта. В отличие от многих ее друзей и сверстников, она прожила долгую жизнь, которая, кажется, вобрала в себя всю эпоху с ее немногочисленными радостями и многими бедами.

Показать бы тебе, насмешнице
И любимице всех друзей,
Царскосельской веселой грешнице,
Что случится с жизнью твоей…

КРИСТИ АГАТА

Полное имя – Дейм Агата Мэри Кларисса Кристи
(род. в 1890 г. – ум. в 1976 г.)

Английская писательница, одна из самых известных и самых покупаемых в мире авторов детективов. Она опубликовала более 60 романов, 19 сборников рассказов и 16 пьес. За заслуги в области литературы королева Елизавета II пожаловала ей звание Дамы Британской империи.

Ее называли «Королевой преступлений», но ей самой, правда, больше нравился иной титул – «Герцогиня смерти». В ее гениальном мозгу рождались замыслы сотен убийств и ограблений. Огнестрельное оружие она терпеть не могла, зато яды считала «возбуждающе привлекательными». Уинстон

Черчилль, большой ее поклонник, заявил как-то: «Эта женщина заработала на убийствах больше, чем любая другая, включая Лукрецию Борджиа». А королева Великобритании за подобные заслуги вручила ей орден Британской империи.

В молодости эту «суперледи» звали мисс Миллер, однако во всем мире она известна как Агата Кристи. Все ее преступления остались на бумаге, ибо она была писательницей, а ее любимым жанром был детектив. Ее произведения (если верить Книге рекордов Гиннесса) изданы тиражом более 2 млрд экземпляров на 103 языках. Она – самый читаемый автор в мире.

Мэри Миллер, буквально перед самым крещением нареченная Агатой, родилась 15 сентября 1890 г. в поместье Эшфилд курортного городка Торки, графство Девоншир. Она была третьим (и последним) ребенком в семье и казалась родителям – Фредерику и Клариссе – медлительной и туповатой рядом с живыми и энергичными старшими детьми. В семье все свыклись с мыслью, что она ничего в жизни не добьется. В лучшем случае – удачно выйдет замуж.

Детство будущей писательницы прошло в одиночестве – у нее не было товарищей, брат и сестра были намного старше, а начальное образование она получила дома. С одной стороны, это стимулировало фантазию, а с другой – развивало робость, чувство, которое она так и не смогла в себе никогда преодолеть. Дальнейшее образование Агата получила в частных учебных заведениях Англии и Франции. Она серьезно занималась музыкой, писала стихи и рассказы, некоторые из них она отправила в различные журналы, но издатели не проявили никакой заинтересованности. Та же участь постигла и ее первый роман – «Снег над пустыней».

В 1912 г. Агата влюбилась в лейтенанта Королевского воздушного корпуса Арчибальда Кристи. Они решили пожениться, как только представится возможность. Но впереди была война. Жених отправился на фронт во Францию, а Агата с началом военных действий поступила на службу в госпиталь Торки. Там она бесплатно работала простой уборщицей, потом медсестрой, а затем стала ученицей фармацевта. Свадьба состоялась только в декабре 1914 г. во время короткого отпуска Арчи.

Первый детективный роман Агаты – «Таинственное происшествие в Стайлсе» – был написан на спор со старшей сестрой Мэдж. Сестра утверждала, что создать хороший детектив очень трудно. Агата книгу написала, но издать долгое время не могла. Роман отказались печатать шесть издательств, и только седьмое рискнуло. Продано было 2 тыс. экземпляров,

сочинительница получила мизерный гонорар – всего 25 фунтов стерлингов. Рождение «королевы детектива» в 1920 г. широкая публика не заметила.

Именно тогда впервые появились новые литературные герои – великий сыщик Эркюль Пуаро и его верный спутник – капитан Гастингс. В своей «Автобиографии» Кристи писала о долгом выборе прототипа главного героя. После долгих сомнений она остановилась на колоритной внешности одного из бельгийских беженцев, которых Англия принимала в годы войны. Чтобы объяснить наличие у него обширных криминалистических познаний, ему было придумано прошлое инспектора полиции. Единственным просчетом Агаты был пенсионный возраст героя. Представленный в первом романе пожилым человеком, он был вынужден пребывать в этом качестве на протяжении всей долгой творческой карьеры писательницы.

Когда семья вышедшего в отставку полковника Кристи столкнулась с финансовыми проблемами, Арчи предложил жене решить их с помощью написания очередного остросюжетного романа. Книга «Тайный противник» с главными героями Томми и Тапенс Бересфорд вышла в 1922 г. Интересен следующий факт: писательница поначалу считала, что женщина – автор детективов будет встречена читателями с предубеждением, и хотела взять себе псевдоним Мартин Уэст или Мостин Грей. Однако издатель настоял на сохранении собственных имени и фамилии, потому что имя Агата было редким и запоминающимся.

1926 г. стал для Кристи роковым – на нее свалились сразу все несчастья. Читатели, критики, некоторые коллеги-писатели не смогли оценить новаторство ее романа «Убийство Роджера Экройда» (повествование в книге велось от лица преступника, что нарушало каноны классического детектива) и обрушились на писательницу с обвинениями. Появились проблемы с неустроенным в жизни братом Монти, умерла мать писательницы, Арчи объявил, что любит другую женщину, и даже их маленькая дочь Розалинда не смогла удержать его в семье.

Узнав об уходе мужа, Агата около года надеялась, что он одумается и все будет по-прежнему. Но когда этого не произошло, она решила отомстить, продемонстрировав обществу свои уникальные способности творца детективов. Молодая женщина села в машину и, никому ничего не сказав, уехала в неизвестном направлении. Позднее автомобиль со следами борьбы и ее личными вещами был обнаружен далеко от дома, а сама писательница бесследно пропала.

Полковник Кристи тут же был заподозрен в убийстве и был вынужден давать унизительные показания, которые обсуждала

вся страна. Через неделю розыски приняли невероятный размах. Сотни полицейских, тысячи добровольцев, отряды бойскаутов прочесывали район, где была обнаружена машина. Наконец один из служащих гостиницы в Харроугейте, графство Йоркшир, сообщил, что Агата Кристи провела эти девять дней у них под именем Терезы Нил – женщины, на которой собирался жениться ее бывший муж. Постояльцы показали, что «мадам Нил» явно страдала потерей памяти. Агата не стала разубеждать общественность в этом заблуждении и даже прошла курс лечения от амнезии у психиатров.

Кристи была сильной женщиной, и события 1926 г. не сказались на ее работоспособности. Одним из ее увлечений была археология, которая в чем-то, безусловно, сродни детективам: в ней тоже присутствует анализ и дедуктивный метод. Агата продолжила написание романов и через два года отправилась на раскопки в Багдад, проделав часть путешествия на «Восточном экспрессе». В этом же году под псевдонимом Мэри Уэстмакотт она издала первый недетективный роман «Хлеб исполина», а в 1929 г. приступила к работе над первой пьесой – «Черный кофе». Всего вышло шесть романов. О том, кто скрывается под именем Уэстмакотт, публика узнала только через 15 лет после выхода первой книги.

На археологических раскопках шумерского города-государства Ур на территории нынешнего Ирака в 1930 г. Кристи познакомилась с Максом Мэллоуном, впоследствии профессором Лондонского университета. Роман вспыхнул мгновенно. Агате было 40 лет, Макс был на 14 лет моложе. Через два месяца они поженились и практически не расставались последующие пол столетия. Кристи любила говорить, рассказывая об отношениях с мужем, что «одно из удовольствий быть замужем за археологом состоит в том, что чем старше вы становитесь, тем больший интерес вы для него представляете». Этот брак принес обоим супругам глубокую любовь, уважение друг к другу, общность интересов. Оба занимались любимым делом, оба достигли значительных успехов и известности. Второй медовый месяц Агата Кристи провела в путешествии, маршрут которого, в частности, проходил и по СССР.

В этом же 1930 г. появился роман «Убийство в доме викария», в котором впервые был введен женский персонаж детектива-любителя – мисс Марпл. Со своими двумя наиболее известными героями Кристи испытывала одинаковые трудности – художественные задачи требовали, чтобы сыщик был человеком, умудренным опытом, и потому немолодым. Писательница не подозревала, как долго Эркюль Пуаро и Джейн Марпл будут

сопровождать ее замыслы. Если считать формально, то эти герои в своем возрасте перешагнули столетний рубеж и оказались феноменальными долгожителями.

Еще одним увлечением писательницы была недвижимость, благо, что растущие доходы от выпуска книг позволяли ей заниматься этим. Она говорила: «Мое хобби – покупать дома, обустраивать их, обживать, а затем продавать. Это очень дорогое хобби, но чрезвычайно увлекательное».

Во всех анкетах в графе «род занятий» она неизменно указывала не «писатель», а «домохозяйка». Считается, что свой автопортрет Кристи создала в образе сочинительницы детективов Ариадны Оливер: невероятно скромной, застенчивой и в то же время крайне предприимчивой женщины, любящей яблоки, рассыпающей их на улице надкушенными и недоеденными, сочинившей сыщика-норвежца, надоевшего ей до крайности.

Критики отмечали повторяемость сюжетов у Агаты Кристи, и потому ее признание о том, что она «может написать одну и ту же книгу много раз», следует воспринимать на удивление буквально. В 40-е гг. из-под ее пера вышли «Подвиги Геракла», «Движущийся палец», «Паутина паука», «Труп в библиотеке», «Большая четверка», «Тайна Голубого экспресса», «Пять маленьких поросят», не считая многочисленных радио– и телепостановок, сценариев кинофильмов, которых немало снималось и в США, где существовал огромный интерес к ее детективным произведениям.

Такая интенсивная творческая деятельность талантливой писательницы в какой-то мере объясняется и ее долгой разлукой с мужем, который провел всю Вторую мировую войну за пределами Англии – в Турции, Сирии и Египте. А сама Агата в эти трудные для страны дни снова пошла работать в госпиталь, несмотря на свои уже почтенные годы.

В это время два произведения Кристи были помещены ею в банковский сейф: «Занавес» – последнее дело Эркюля Пуаро и «Последние расследования мисс Марпл». Существует несколько версий, комментирующих ее поступок (вплоть до желания разделаться с надоевшим героем, от чего ее отговаривали предприимчивые издатели). Однако самое приемлемое объяснение можно было увидеть в завещании писательницы, помещенном ею в сейф вместе с рукописями. В неспокойное военное время Агата позаботилась об авторских правах и о благополучии близких. В случае ее смерти доход от «Занавеса» должен был пойти в наследство ее дочери, а мисс Марпл должна была обеспечить мужа.

В 1945–1960 гг. писательница ежегодно участвовала в археологических раскопках Макса Мэллоуна. В 1946 г.

иллюстрированный сборник о раскопках вышел под названием «Расскажи мне, как ты живешь». В Англии Агата жила в поместье Гринуэй на берегу реки Дарт, которое они с мужем хотели приобрести еще до войны.

Премьера самой знаменитой пьесы Кристи «Мышеловка» состоялась в 1952 г., и затем спектакль шел на лондонской сцене каждый вечер вплоть до начала восьмидесятых – больше тридцати лет. В 1955 г. Ассоциация американских детективных писателей присудила Агате первое в своей истории звание Гранд-Мастер детективной литературы. В 1958 г. она была избрана президентом старейшей организации – «Дэтекшн Клаб», открытой еще в 1930 г. Эту ношу она несла до самой своей смерти, деля часть обязанностей с лордом Гореллом, который вместо нее произносил торжественные тосты и вступительные речи.

В 60-е гг. Кристи стала самым издаваемым англоязычным автором. В 1975 г. читатели прочли «Занавес», в котором завершил свой жизненный путь знаменитый бельгийский сыщик. Создательница Эркюля Пуаро пережила своего героя всего на несколько месяцев. Зимой того же года она простудилась и 12 января 1976 г. скончалась. «Последние расследования мисс Марпл» были опубликованы уже после ее смерти.

Всю жизнь писательнице сопутствовал титул «Королевы детектива». После ее смерти критики пытались наградить им попеременно то одного, то другого детективного автора. Но у каждого читателя может быть только одна королева. И для большинства из них ею навсегда останется Агата Кристи.

ЦВЕТАЕВА МАРИНА ИВАНОВНА

(род. в 1892 г. – ум. в 1941 г.)

Выдающаяся русская поэтесса, автор лирической прозы, эссе об А. С. Пушкине и воспоминаний об А. Белом, В. Я. Брюсове, М. А. Волошине, Б. Л. Пастернаке и других поэтах.

Осенним днем 1910 г. из ворот небольшого дома около Патриарших прудов вышла невысокая круглолицая гимназистка. Она пересекла Тверской бульвар и направилась в типографию Мамонтова. В руках у нее была внушительная пачка исписанных листов со стихами, в душе – дерзость и нерешительность. В этот ничем не примечательный день 18-летняя Марина Цветаева постучала в двери русской литературы.

Будущая поэтесса родилась 26 сентября 1892 г. в семье

ученого-филолога, основателя знаменитого Музея изобразительных искусств на Волхонке Ивана Владимировича Цветаева. Ее «счастливая и невозвратимая пора детства» была связана с рождественскими елками, с первыми книгами и рассказами матери, Марии Александровны. Летние «золотые деньки» Марины и ее младшей сестры Анастасии протекали в старинном городке Тарусе на Оке. Осенью 1902 г. мать заболела чахоткой, и семья уехала за границу, так как здоровье больной требовало мягкого климата.

Мария Александровна лечилась в Италии, Швейцарии и Германии, девочки учились в католических пансионах, а отец разрывался между Москвой и заграницей. Тоска полусиротства чередовалась с переживаниями от недолговечных привязанностей, перемен мест и незабываемых впечатлений от сказочной природы, которая их окружала. Слишком рано познала юная Цветаева одиночество на людях – этот парадокс жизни, раздвоивший ее душу.

В 1905 г. решено было ехать в Ялту. Год, прожитый в Крыму, принес Марине детское увлечение революционной героикой – у всех на устах было имя лейтенанта Шмидта; среди новых знакомых оказались радикально настроенные молодые люди. Но новые впечатления вскоре сменились безутешным горем: так и не выздоровевшая мать, которую летом 1906 г. привезли в Тарусу, скончалась там 5 июля.

Осенью Марина по собственной воле пошла в интернат при московской частной гимназии Алферовой, предпочтя целый год жить среди чужих людей. В это время она беспорядочно читала книги и жила жизнью их героев, исторических и вымышленных, реальных и литературных, одинаково переживая за всех. Особенно она восхищалась личностью Наполеона и собирала все, что с ним было связано. Из-за Наполеона 16-летняя Цветаева самостоятельно поехала в Париж, где прослушала в Сорбонне курс по старинной французской литературе. Она уже писала стихи и рассказы, вела дневники.

В жизни Марина была диковата и дерзка, застенчива и конфликтна. Не уживалась в гимназиях и меняла их: за пять лет – три. Замкнутая в себе, она была неотступно влекома жаждой узнать мир, и в первую очередь – литературный. Юная Цветаева посещала издательство «Мусагет», где царил Андрей Белый с его «ритмистами», вслушивалась в непонятные ей литературные споры. Ее интересовала и одновременно отталкивала личность и поэзия Валерия Брюсова. И вероятно, в ее детской гордой и робкой душе постепенно созревал честолюбивый замысел: войти в этот малознакомый, но влекущий мир – со своим миром, своим

словом, рассказать другим то, что она пережила.

И молодая женщина собрала стопку стихов – исповедь души за последние два года, отнесла в типографию, заплатила за печатание пятисот экземпляров и через месяц уже держала в руках довольно объемистую книжку в картонной обложке под названием «Вечерний альбом».

Итак, она вступила на путь, откуда ход назад был невозможен. Марина послала свою книгу В. Брюсову, М. Волошину и А. Белому. Это была большая смелость: отправить полудетские стихи Брюсову с просьбой «посмотреть». Но в ее первых, наивных, «невзрослых стихах» уже чувствовалось проявление той романтической «диалектики души», что не покинет Цветаеву до конца дней.

Весной 1911 г. Марина бросила гимназию и уехала в Крым. Живя в доме у Волошина – старшего и верного друга, вдохновителя ее на путь поэзии, она встретилась с Сергеем Эфроном. В Коктебеле он проходил курс лечения от туберкулеза и тяжело переживал смерть родителей. Общительный, красивый и внешне открытый юноша оставался внутри глубоко смятенным и одиноким.

С этого момента кончилось «трагическое отрочество» и началась «блаженная юность». В январе 1912 г. Марина обвенчалась с Сергеем и тогда же выпустила свой второй сборник стихов «Волшебный фонарь». Короткий промежуток времени между их встречей и началом Первой мировой войны был единственным в их жизни периодом беззаботного счастья. В сентябре у молодых супругов родилась дочь Ариадна.

С писательской средой сколько-нибудь прочных связей у Цветаевой не установилось. В январе 1916 г. она съездила в Петроград, где встретилась с М. Кузминым, Ф. Сологубом, С. Есениным и ненадолго подружилась с О. Мандельштамом. Позже, уже в советские годы, изредка встречалась с Б. Пастернаком и В. Маяковским, дружила со стариком К. Бальмонтом.

С весны 1917 г. для Цветаевой наступил трудный период. Беззаботные, быстро промчавшиеся времена, когда можно было позволить себе жить тем, чем хотелось, отступали все дальше в прошлое. В апреле она родила вторую дочь – Ирину. Размышляя о будущем, Марина ничего вокруг не замечала: «Множество всяких планов – чисто внутренних (стихов, писем, прозы) – и полное безразличие, где и как жить. Мое – теперь – убеждение: главное – это родиться, дальше все устроится».

Но ничего не «устроилось». «В Москве безумно трудно жить», – писала Цветаева в августе Волошину. В сентябре она уехала в Коктебель, а Эфрон, получивший после окончания

школы прапорщиков назначение в запасной пехотный полк, остался в Москве. В самый разгар Октябрьского переворота Марина вернулась и увезла мужа в Крым, оставив детей в Москве. Когда через некоторое время она приехала за девочками, обратный путь был уже отрезан.

С этого момента началась долгая разлука Марины с Сергеем, прерванная лишь на несколько дней в январе 1918 г., когда он тайно приезжал в Москву. Белый офицер, он отныне превратился для нее в мечту, в прекрасного «белого лебедя», героического и обреченного. А она стоически переносила разлуку и беспомощно – разруху и лишения. Осенью 1919 г. Марина отдала детей в подмосковный приют, однако вскоре она забрала оттуда тяжело заболевшую Ариадну, а в феврале 1920 г. похоронила маленькую Ирину, погибшую в приюте от истощения и тоски.

Как ни удивительно, но никогда еще не писала Цветаева так много и вдохновенно, как в это тяжелое время. Дело, впрочем, было не столько в количестве, сколько в чуде многообразия. Марина находилась в поразительном расцвете творческих сил. Создается впечатление, что ее поэтическая энергия становилась тем сильнее, чем непосильнее делалось для нее бытовое существование.

Постоянно ощущая себя одинокой, Цветаева между тем проводила много времени в общении с самыми разными людьми – из ее записей виден весьма обширный круг знакомств. Она выступала на вечерах, отдавала стихи в сборники и, разумеется, была в курсе литературной жизни. Никто не узнал бы теперь в этой подтянутой, стремительной женщине с обострившимися чертами лица, ранней проседью, пристальным и одновременно отрешенным взглядом близоруких зеленых глаз прежнюю застенчивую и румяную гимназистку в пенсне.

Событие, перевернувшее всю последующую жизнь Марины, произошло 14 июля 1921 г. В этот день она получила первое за четыре года письмо от Сергея. После разгрома армии Врангеля он попал в Чехию, где поступил в Пражский университет. Цветаева мгновенно и бесповоротно приняла решение ехать к мужу. Без него она не мыслила своего существования.

Пребывание с мужем в Чехии продлилось около 3 лет и представляло собой бесконечную череду скитаний по близлежащим к столице деревням в поисках более дешевого жилья. Бедность, тяжесть жизни внешней и сосредоточенность жизни внутренней – вот главное в положении Цветаевой, которая впервые за много лет обрела долгожданное уединение.

В Чехии Марина выросла в поэта, который в наши дни справедливо считается великим. Одновременно со стихами шла

работа над крупными произведениями: ей стало тесно в границах лирического стихотворения. Заветную идею о том, что любовь это – всегда и непременно – вначале глыба, лавина страстей, обрушивающихся на человека, а потом – также неизбежно – расставание, разрыв, – Марина воплотила в своих поэмах, давно уже ставших обязательной принадлежностью всякого цветаевского сборника.

1 февраля 1925 г. родился долгожданный сын Георгий, которого в семье ласково называли Мур. Осенью Цветаева, к тому времени изрядно уставшая от длительного и чрезмерного уединения, приходит к мысли о переезде во Францию. Не радовала перспектива растить маленького сына в убогих деревенских условиях; к тому же в Чехии семью больше ничего не удерживало: Эфрон заканчивал курс обучения в университете. В ноябре Марина с детьми приехала в Париж, где их временно приютили знакомые.

В пригородах французской столицы Марине было суждено прожить почти 14 лет. Скромные гонорары не могли удовлетворить нужды семьи. Чешская стипендия Эфрона подходила к концу; он метался от одного занятия к другому: был актером-статистом в кино, занимался журналистикой, но деньги были случайные и мизерные. Выручали литературные вечера-чтения, где некоторая часть билетов распространялась по высокой цене, и «фонд помощи Марине Цветаевой», созданный подругой С. Андрониковой-Гальперн.

От внешних обстоятельств менялся и характер супругов: «сердце остывало, душа уставала». Муж все чаще мечтал о России; в начале 30-х гг. он стал одним из активных деятелей организованного «Союза возвращения на родину» и, о чем не догадывалась жена, секретным сотрудником НКВД. Марина же упорно оставалась вне всякой политики, и ответить на вопрос, хотела ли она так же, как Сергей, вернуться домой, очень сложно.

Время шло, и в марте 1937 г. дочь Цветаевой Ариадна, исполненная радостных надежд, уехала в Москву. А осенью Сергею пришлось бежать в Советский Союз, спасаясь от французской полиции. Такая внезапность была вызвана провалом парижской агентуры НКВД, принимавшей участие в убийстве советского разведчика И. Рейсса, перебежавшего на Запад. Марина осталась с сыном, но их отъезд был предрешен.

В Россию Цветаева с 14-летним Георгием приехала 18 июня 1939 г. Родина встретила ее мачехой – не как поэта и полноправную, законную гражданку, а как подозрительную белогвардейку, жену провалившегося в Париже советского агента. И первая весть на родной земле ударила как обухом: сестра

Анастасия в концлагере.

Семья жила в подмосковном поселке Новый Быт на даче НКВД. Но это последнее счастье длилось недолго: в августе арестовали дочь, а в октябре – мужа Марины, обвинив их в шпионаже. Катастрофу Цветаева предчувствовала – недаром ее называли «колдуньей»: еще когда очутилась на пароходе, увозившем ее из Гавра в Россию, сказала: «Теперь я погибла…»

Цветаева оказалась без средств, в неизвестности – как, чем жить? Днем с сыном собирала хворост для печи – дров нет. Ночью не спала, прислушивалась, вздрагивала: теперь придут за ней… Что тогда будет с Муром? Ее нервы сдали после ареста соседа по дому, бывшего помощником мужа по работе в Париже. Спешно собравшись, она бежит в Москву, вон из этого проклятого места!

Цветаева с сыном скиталась по углам: снимала комнату в Голицыне, переменила три жилья в Москве. Ездила по тюрьмам с передачами Але (Ариадне) и Сергею; тряслась над хрупким здоровьем Мура; вызволяла прибывший из Франции багаж, который задерживали на таможне целый год, несколько раз безуспешно писала на Лубянку в надежде, что арест ее родных – недоразумение. И занималась переводами – с французского, немецкого, английского, грузинского, болгарского, польского и других языков.

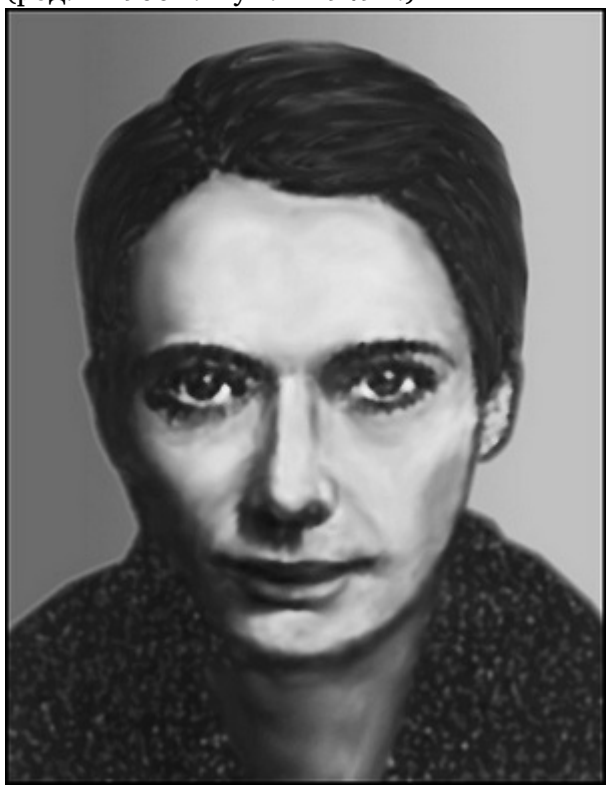
Разразившаяся война с Германией застала Цветаеву за переводом Гарсиа Лорки. Работа была прервана, происходящие в стране события привели ее в состояние паники, безумного страха за сына, полной безысходности. Тогда-то, вероятно, и начала слабеть ее воля к жизни.

18 августа 1941 г. Марина вместе с Муром и несколькими писателями прибыла в городок Елабугу на Каме. Навис ужас остаться без работы. Надеясь устроиться в более крупном городе – Чистополе, где в основном находились эвакуированные московские литераторы, – она съездила туда, получила согласие на прописку и оставила заявление о приеме на работу в качестве посудомойки столовой Литфонда. В Елабугу Цветаева вернулась 28-го, с твердым намерением перебраться в Чистополь. А через три дня, в воскресенье, когда все ушли из дому, повесилась…

Марина опередила мужа, он будет расстрелян в тюрьме 16 октября 1941 г., так и не признав себя виновным. Сын Георгий погибнет на фронте через 3 года. Дочь Ариадна вернется из лагеря, снова будет арестована, отправлена в ссылку в Сибирь, опять вернется и до самой смерти в 1975 г. посвятит себя поэзии матери – работе над ее рукописями и изданием ее книг.

МИТЧЕЛЛ МАРГАРЕТ

Полное имя – Маргарет Маннерлин Митчелл Марш
(род. в 1900 г. – ум. в 1949 г.)



Знаменитая американская писательница, автор легендарного романа «Унесенные ветром». Лауреат Пулитцеровской премии и премии Ассоциации американских книготорговцев (1937 г.). Магистр искусств (1939 г.).

У романа «Унесенные ветром» не должно было быть продолжения. Так решила Маргарет Митчелл. Но создавая его, не претендуя на славу и награды, она не представляла, что книга станет национальным событием, а ее герои войдут в каждый дом и на долгие годы поселятся в миллионах сердец. Сила индивидуального воздействия на читателей была настолько

велика, что имя автора стало легендой еще при жизни. О Маргарет Митчелл известно практически все: предки чуть ли не «до седьмого колена», вес, рост, характер, привычки, круг знакомств. Загадка только в одном – как удалось этой женщине создать произведение, где увлекательность сопоставима только с творениями А. Дюма, а историческая достоверность и панорамность событий под стать эпопее Л. Толстого «Война и мир»?

В биографии Митчелл до выхода в свет ее романа нет ничего экстраординарного, указывающего на то, что вся жизнь была подготовкой к невиданному взлету. Маргарет родилась 8 ноября 1900 г. в Атланте в семье, где понимали толк в хороших манерах. Ее старший брат Стивен говорил, что в детские годы она была безмятежно счастлива и росла сорванцом. Едва научившись говорить, Маргарет потрясала своих друзей изумительным даром рассказчика. Сверстники завороженно слушали ее увлекательные истории. Феноменальная память девочки хранила разговоры взрослых о страшных событиях Гражданской войны (1861–1865 гг.) и бесчисленные семейные предания, которые собирал ее отец Юджин Митчелл, один из ведущих адвокатов Атланты. Маргарет многое переняла от него: живость литературного воображения, ясность и точность мышления, уважение к правде и потрясающее чувство юмора. Воспитанием и образованием девочки в основном занималась мать, Мейбелл Стивенс, женщина целеустремленная и незаурядная. Она стала одной из основательниц Ассоциации католиков-мирян и движения за избирательное право для женщин Джорджии. Своей своенравной дочери она прививала интерес к чтению путем небольших денежных поощрений и внушала необходимость иметь образование: «Женским рукам трудно найти приложение, но если есть что-то в голове, можно пойти далеко».

К одиннадцати годам Маргарет не только опережала своих сверстников в знании литературы, но и сама писала рассказы и пьесы. Когда семья переехала в огромный особняк, девочка использовала гостиную под театр, где труппа юных актеров разыгрывала ее пьесы. Для себя она оставляла лучшие роли типа «Зара, воровка и бандитка». Предпочитая быть похожей на мальчишку, Маргарет носила брюки, гарцевала на пони, лазила по деревьям, но как юная леди, посещала школу танцев, в совершенстве знала бальный этикет и прекрасно танцевала.

Маргарет не считала, что может стать писательницей, училась под постоянным нажимом матери и думала, что в жизни главное – удачно выйти замуж. Из подростка-сорванца она превратилась в изящную миниатюрную голубоглазую красавицу с

обворожительной манерой вести беседу и острить и вела счет поклонников десятками. Когда в 1917 г. Америка объявила войну Германии, Маргарет была в Атланте самой популярной из девиц на выданье в среде молодых офицеров. К моменту поступления в колледж Смитта в Нортхэмтоне она была помолвлена с лейтенантом Клиффордом Генри. Учиться не хотелось, а вот веселилась юная леди от души, удивляя своих подруг свободой поведения и высказываний, не характерной для южан. Но счастливая жизнь продолжалась недолго: погиб жених, умерла от гриппа мать. Закончив учебный год, Маргарет вернулась в Атланту, чтобы стать хозяйкой огромного особняка. Она всегда помнила слова из последнего письма матери: «Отдавай себя без оглядки и от чистого сердца, но отдавай лишь то, что останется в избытке от личной жизни… Никогда не допускай, чтобы кто-то вмешивался в твою личную жизнь».

Маргарет приложила много усилий, чтобы занять достойное место в высшем обществе Атланты, но ее энергичный и решительный характер мешал «манерам». Она отстаивала свое право выбирать, решать и делать что ей по душе. В результате авторитетные дамы отказали Маргарет во вступлении в Молодежную лигу. Но от этого количество ее поклонников не уменьшилось. Среди них был приятный молодой человек, выпускник Кентуккского университета Джон Р. Марш, работающий редактором в «Атланте Джорджиан». Но Маргарет отдала предпочтение заводному весельчаку Берриену Киннардому Апшоу – юноше из обеспеченной семьи. Несмотря на протесты отца и увещевания брата, в сентябре 1922 г. она вышла замуж. Свидетелем жениха был Д. Марш.

Характер у Берриена был чрезвычайно неустойчивым, а поступки дикими и непредсказуемыми. Он пил, исчезал из дому, а вернувшись, скандалил и избивал Маргарет. Через несколько лет его нашли мертвым на Среднем Западе, но уже до этого она получила официальный развод, чем в очередной раз шокировала общество. Это было трудное время для семейства Митчелл. Депрессия 20-х гг. сильно пошатнула их финансовое состояние, и Маргарет со свойственной ей решительностью устроилась очеркистом в редакцию «Джорнэл». Статьи Пегги Митчелл отличались непринужденностью стиля, точностью изложения и авторской заинтересованностью. Они нравились читателям, и вскоре ей поручили корректуру повестей, репортажи с места событий и назначили ответственным редактором. Во многом Маргарет помогал преданный Джон Марш. Он ушел из газеты в отдел объявлений и рекламы, чтобы иметь достаточный доход для обеспечения семьи. 4 июля 1925 г. Маргарет и Джон

обвенчались. Их крохотная квартирка, которую супруга именовала «каморкой», казалась безразмерной, когда приходили друзья. Любовь, покой и взаимопонимание поселились в доме.

Несмотря на хвалебные отзывы в издательстве, Маргарет ушла с работы. Она часто повторяла: «Замужняя женщина должна быть прежде всего женой. Я – миссис Джон Р. Марш». О своей идее заняться «литературным трудом», именно трудом, Маргарет не распространялась, считая это сугубо личным делом. У нее уже были попытки написать роман о молодежи 20-х гг. «Пламенная молодежь» и почти готовая новелла «Роип Кармаджин», но об этом знал лишь Джон. Скорее всего, Маргарет начала писать роман просто по привычке. Вначале она «взяла в осаду» публичную библиотеку: перечитывала кипы старых газет, приносила домой горы книг. В конце 1926 г. Джон шутил: «Похоже, Пегги, тебе самой придется написать книгу, если хочешь что-нибудь читать».

Наконец сюжет романа полностью созрел. Первое, что сделала Маргарет, – написала последнюю главу книги, придав ей знаменитую эффектную концовку, словно напрашивающуюся на продолжение. Единственным человеком, читавшим рукопись, был Джон. Он не удивлялся, что главы появлялись без какой-либо системы, и первым определил тему романа как «выживание». Возле столика для рукоделия, где стояла старенькая пишущая машинка, постепенно увеличивалась стопка больших конвертов с текстами. Друзья относились к секретной писательской работе Маргарет как к милому чудачеству домохозяйки, но своего отношения к ней не изменили. Ее подруга Лоис Коул писала: «Трудно описать Пегги пером, передать ее веселость, ее интерес к людям и основательное знание их натуры, широту ее интересов и круга чтения, ее преданность друзьям, а также живость и обаяние ее речи. Многие южане – прирожденные рассказчики, но Пегги рассказывала свои истории так забавно и искусно, что люди в переполненной комнате могли, замерев, слушать ее весь вечер».

Лучшим «слушателем» оказалась бумага. Маргарет создавала одновременно «любовный роман» и «художественное изображение истории». Ей блестяще удалось соединить романтическую линию сюжета с данными многотомного медицинского отчета времен Гражданской войны, муки ревности и страсти – с экономическими обоснованиями товарных операций (Ретта и Скарлетт), почерпнутыми из научной работы брата для Исторического общества Атланты. К концу 1929 г. роман бал практически готов, и гора конвертов перекочевала в кладовку «каморки», а затем переехала в новый дом Маршей. Джон рос по службе, руководил отделом энергетической компании,

финансовое состояние семьи стремительно улучшалось. А Маргарет все не могла решить для себя – стоящую книгу она создала или нет. А если да, то вдруг ее признают знаменитой и она «затмит своего мужа в глазах света»? Лишь изредка она возвращалась к рукописи.

В 1934 г. Маргарет на своем «шевроле» попала в аварию. Повреждение позвоночника наложилось на две предыдущие недолеченные травмы 1911 и 1920 гг. после прогулок верхом. Частые приступы боли и слабости постоянно сопровождали ее, но Маргарет старательно скрывала и это.

В 1935 г. один из редакторов издательства «Макмилиан», Г. Лэтем, прибыл в Атланту в «поисковую экспедицию». Местные журналисты отправляли его к миссис Марш, а она устраивала ему встречи с молодыми авторами, тщательно скрывая свою причастность к писательству. И все же Лэтем получил рукопись. Маргарет решилась на это после слов одной юной «писательницы»: «И правда, трудно подумать, что ты из числа тех, кто способен написать удачную книгу. Ты ведь сама знаешь, что не настолько серьезно относишься к жизни, чтобы быть романистом. Ты не создана для этого». Отсмеявшись, Маргарет притащила редактору «материал в таком жутком виде», да и еще не весь: «Вот, берите, пока я не передумала», и осчастливленный Лэтем поспешил покинуть Атланту. Вслед ему полетела телеграмма: «Пожалуйста, верните рукопись, я передумала».

Но издательский маховик закрутился. Даже в черновом, неполном варианте это был бестселлер. 17 июля роман был единогласно принят к изданию. Маргарет не могла поверить, что «эта проклятая штука» могла понравиться еще кому-то, кроме Джона. Шесть месяцев ушло на доведение рукописи «до ума»: была написана первая, до этого отсутствующая глава, какие-то куски текста выброшены, а оставшиеся соединены «мостиками», главная героиня Пэнси О'Хара сменила имя на Сторм, а затем на известное миллионам читателей Скарлетт. Митчелл лихорадочно устраняла исторические неточности, и, по мнению профессора Колумбийского университета Ч. У. Эверетта, для художественного произведения их было крайне мало. К тому же у книги не было названия, точнее, их было около сорока. Маргарет остановилась на «Унесенные ветром», перечитывая строки любимого стихотворения Э. Доусона: «Я многое позабыл, Динара, унесенные ветром, разлетелись розы, закружились в буйном хороводе…» Да и на английском языке это имело идеальное звучание – «Gone with the wind».

1037 страниц текста были отредактированы с удивительной скоростью и качеством: «меньше полдюжины ошибок» на два

тома. 15 марта 1936 г. были готовы гранки ручного набора. 30 июля книга поступила в продажу. Люди читали, затаив дыхание, и долго не могли опомниться от впечатления. Строгий литературный критик Ф. П. Адамс написал: «Беритесь читать книгу и, забросив все остальное, первое, что вы обнаружите – наступило послезавтра». В течение месяца было продано 200 тыс. экз., а через полгода – миллион. Книга стала событием национального масштаба, легендой. Митчелл не ожидала такого успеха и свалившуюся на нее славу охарактеризовала двумя словами: «Разверзся ад». Она пыталась спрятаться от журналистов и восторженных читателей. Очередной виток «романомании» совпал с началом съемок Д. Селзником фильма «Унесенные ветром». Единственным утешением для Митчелл стало то, что Голливуду она не была нужна, и писательница с радостью устранилась от кинематографических проблем. Но никто не хотел поверить, что Маргарет не утверждает актеров. Сотни посетителей, тысячи звонков и писем от желающих стать если не Скарлетт (на роль Ретта был сразу же утвержден Кларк Гейбл), то хотя бы сняться в крошечной роли.

Тихий и спокойный «мир Маршей» был нарушен. Маргарет так никогда и не смогла смириться с этим – ведь если книга стала достоянием американского общества, то личная жизнь писательницы принадлежала только ей и Джону. Между тем у автора лучшей книги года (1936 г.), лауреата престижной Пулитцеровской премии (1937 г.) огромное количество душевных сил и времени уходило на переписку с незнакомыми людьми. И это были не вежливые «отписки», а серьезная беседа. К тому же Митчелл, ее муж и брат руководили распространением книги и отслеживали соблюдение авторских прав во всем мире, не имея для этого должной подготовки. Роман приносил огромные прибыли, и терять их семья не собиралась. Маргарет даже обвиняли в скаредности, хотя для своего уровня она жила довольно скромно, не стремилась блистать на всевозможных праздниках, куда ее усиленно зазывали. Митчелл даже не была на премьере «Унесенных ветром» в Лос-Анджелесе. Первый показ фильма в родной Атланте превратился в трехдневный праздник южан. Маргарет посетила только несколько мероприятий. Фильм, получивший 10 Оскаров, ей понравился, как и весь актерский состав, который она признала идеально подобранным.

Больше Митчелл не написала ни строчки. Война, тяжелая, продолжительная болезнь отца, а затем мужа. Изнуренная своими недомоганиями, женщина добровольно превратила себя в заботливую сиделку. Брат Стивен вспоминал: «Она устала, была нервной и раздражительной. Я никогда не видел ее такой за всю

жизнь. Беспокойство сказалось на ней, она стала выглядеть старше, а лицо было явно изнеможенным». К тому же Митчелл устала от груза славы и бесчисленных сплетен о ней, муже и книге.

В начале 1949 г. жизнь вошла в более спокойное русло. Маргарет решила, что пришло время посвятить себя любимой работе – писательству. И так она, как Скарлетт, долго откладывала все на завтра. Но оказалось, что этого «завтра» судьба ей не отпустила. Вечером 11 августа они с мужем неспешно шли к кинотеатру. Выскочив из-за поворота, машина сбила Маргарет у самого тротуара. Пьяного водителя такси тут же арестовали, но писательницу это спасти не могло. Через пять дней, 16 августа 1949 г., не приходя в сознание, Митчелл скончалась и была похоронена на старом Оклендском кладбище Атланты.

«Унесенные ветром» продолжали жить. Общий тираж романа только в Америке составил 28 млн экз. А в 1988 г. наследники Митчелл, нарушив волю писательницы, разрешили «дописать» роман. Завтрашний день наступил для Скарлетт в одноименном романе А. Рипли.

САГАН ФРАНСУАЗА

Настоящее имя – Франсуаза Куарез
(род. в 1935 г.)

Известная французская писательница, драматург и театральный режиссер, обладательница французской премии по литературе «Prix des Critiques» за роман «Здравствуй, грусть».

Учеными давно уже доказано, что людьми правят инстинкты и привычки, и весь мир согласен с этой теорией. Но есть женщина, утверждающая, что всеми человеческими поступками движут лишь два чувства – одиночество и любовь. Первое приводит к поиску своей идеальной половины, и рождается любовь. Но нежелание понять другого человека обрекает на одиночество. Круг замыкается. Только поэтому сюжеты

произведений Франсуазы Саган близки и понятны каждому из нас. Она пишет о людях и для людей, указывая на всеобщие пороки: черствость, равнодушие и эгоизм – в надежде, что ее поймут и, возможно, на одно одиночество в этом мире станет меньше.

Непонятно, откуда у Франсуазы с самого детства возникла такая неудовлетворенность жизнью и окружающим миром. Девочка, появившаяся на свет 21 июня 1935 г. в семье крупного промышленника и светской львицы, воспитывалась в классических традициях буржуазной Франции. Сначала – учеба в привилегированном католическом пансионе, где воспитанницам прививали в первую очередь хорошие манеры, умение жить в высшем свете и веру в Бога, которую 14-летняя Франсуаза, увлекшись идеями Ж. П. Сартра, навсегда потеряла. Затем она поступила на филологический факультет Сорбонны. Но мать, Мари Куарез, хваталась за голову: дочка никак не хотела соответствовать образу богатой наследницы. Не старалась стать привлекательнее, завлечь стоящего жениха, а непринужденной светской болтовне предпочитала сверхсложные диспуты о произведениях А. Камю и М. Пруста. Да и по признанию самой Саган (кстати, этот псевдоним писательница взяла в честь героини романа Пруста «В поисках потерянного времени»), большую часть времени она проводила не на утомительных лекциях, а в богемных кафешках, общаясь с творческой интеллигенцией и смакуя виски. А по ночам писала свой первый роман. Единственным, кто поддерживал ее литературные попытки, был старший брат Жак. А алкоголь делал ее жизнь не такой одинокой и непонятой.

Книга «Здравствуй, грусть» увидела свет в 1954 г. в издательстве «Жюйяр». Его владелец вначале никак не мог поверить, что автором ее является хрупкая большеглазая девушка, вылетевшая из университета после первой же сессии и еще не изведавшая сладости плотской любви. Слишком взрослым и реалистичным было это произведение, несшее в себе глубокий философский подтекст. Но когда Жюйяру были предъявлены три толстых тетради рукописи, он понял, что перед ним – новый литературный талант с большим будущим. В течение года роман вышел немыслимым для Франции тиражом в 350 тыс. экземпляров, во всем мире – более миллиона: книга продавалась нарасхват. 19-летняя Франсуаза получила необыкновенный по тем временам гонорар – 100 тыс. долларов. Даже ее отец, считавшийся богатым человеком, такую сумму мог заработать только за несколько лет. А в 1955 г. Голливуд за 3,5 млн франков купил у девушки право на постановку. Говорят, что когда Саган

подошла к отцу с вопросом, что же ей делать с внезапно появившимся состоянием, тот ответил: «Немедленно их истратить, ибо деньги для тебя – опасная вещь». Она с радостью последовала этому совету: яхта, вилла в Сен-Тропе, «ягуар», роскошная одежда, отдых с новыми друзьями… Все, что нужно человеку для внешнего счастья.

Читатели и критики ждали от Саган нового романа и лучшего, чем предыдущий. Она понимала, что если его не будет, то ее славу сразу же назовут случайной и навсегда закроют путь к литературному Олимпу. Но ничего не выходило, и в корзину для мусора попадали все новые не удовлетворившие ее варианты. К тому же Франсуаза серьезно разругалась с братом, узнавшим о ее беспорядочных связях. Но какое-то время она чувствовала себя счастливой. Красавец-фотограф Филипп Шарпентье вскружил девичью головку во время рекламной кампании в Америке. Откровенность проявляемых Франсуазой чувств шокировала публику. Но для Филиппа она осталась обычной подружкой, к ее творчеству он был равнодушен, а как богатая невеста Саган его не прельстила. И вскоре Шарпентье нашел себе другую. Молодая писательница впала в глубокую депрессию, усиливаемую изрядными дозами спиртного. И, когда она убедила себя в полной бездарности, родилось продолжение первого романа – «Смутная улыбка» (1956 г.), принесшее ей новую волну признания.

В апреле 1957 г., ведя машину на огромной скорости и в нетрезвом состоянии, Франсуаза попала в автомобильную катастрофу. Выжила она лишь чудом: врачи собрали ее буквально по кусочкам. (Потом ангел-хранитель спасал ее еще дважды: когда у писательницы обнаружили рак и когда она впала в кому во время тяжело протекающего плеврита.) Около нее в больнице все время находился директор одного из крупнейших французских издательств Ги Шеллер, которому Саган посвятила свой очередной роман «Через месяц, через год…» (1957 г.). 16 марта 1958 г. он стал ее мужем. Но брак вскоре распался: Франсуаза, привыкшая к насыщенной жизни, не могла свыкнуться с семейными буднями и к тому же пристрастилась к наркотикам. Спустя несколько лет она снова вышла замуж – за неудачливого артиста и скульптора Боба Уэстхоффа. Решив наконец-то остепениться, Саган настолько вошла в образ благопристойной супруги, что в 1962 г. родила сына Дени, пообещав себе при этом оставить игру в рулетку, в которую проигрывала значительные суммы, хотя бы на пять лет. Впрочем, обещание это она не сдержала, а сын, которого Саган просто боготворит и считает самым близким человеком, вырос с нянями и гувернерами. Франсуаза не была создана для роли жены и матери. Второй брак

тоже был расторгнут.

Такое странное поведение Саган привыкла объяснять своими русскими корнями (в действительности несуществующими). Ведь, по общепризнанному мнению, «загадочной славянской душе» присущи и склонность к авантюризму, и сумасбродность, и любовь к выпивке и азартным играм – качества, которые в характере Франсуазы можно обнаружить в избытке. Но в придуманной «русскости» писательницы живут и чувство страха, и желание обладать, и вытекающая из него разрушающая все ревность, которая саму Саган «приводит в ужас». И все эти эмоции она отображала на страницах своих романов.

Сама писательница говорит, что последней достойной ее работой был роман «Любите ли вы Брамса?» (1959 г.), а следующие за ним не заслуживают уделяемого внимания. Но Франсуаза слишком несправедлива к себе. Ведь из-под ее пера вышли такие произведения, как «Немного солнца в холодной воде» (1969 г.), «Расстеленная постель» (1977 г.), «Рыбья кровь» (1987 г.), коллекционное издание «Давид и Бетшабе» (1991 г., всего 599 экз., других изданий не было, согласно договора), сборники новелл «Бархатные глаза» (1975 г.) и «Музыка для сцены» (1981 г.). В трех книгах публицистического характера появляется на страницах и сама Саган, где от первого лица откровенно излагает свои взгляды и суждения о современном мире, о нравах и литературе (роман «Синяки на душе», 1972 г.; сборник интервью «Ответы», 1973 г.; мемуарные очерки «С наилучшими воспоминаниями», 1984 г.). И это неполный список прозаических произведений Франсуазы Саган. А ее талант драматурга критики единогласно называют самобытным.

Драматическое наследие писательницы – всего семь пьес. Несмотря на то что наибольшей популярностью у читателей и зрителей (все пьесы поставлены на сцене) пользуются «Сиреневое платье Валентины» (1963 г.) и «Лошадь в обмороке» (1966 г.), каждая имеет глубокий смысл и свой, неприсущий другим шарм. Мир театра всегда магнитом притягивал Франсуазу. «Театр – это какое-то безумие… Пьеса – игра, которая очень быстро перестает принадлежать тебе. Она выходит из-под контроля, и ее персонажи – тоже… Движется тут все стремительно, и это – лишь игра ума…» – говорит Саган. Неизвестно, это ли влекло писательницу к сцене, но она за короткий срок стала признанным драматургом. Ее пьесы веселы и лиричны, но в них тоже скользит чисто сагановская грусть; и в гладком течении диалогов чувствуется надрыв, ведь «жизнь как таковая – это уже трагедия».

А вот режиссером Франсуазе Саган стать не удалось из-за своего доброго, но очень взбалмошного характера… В театре

«Edouard-VII» («Эдуард-VII») она попыталась поставить одну из своих пьес – «Счастье, нечет и пас»: ее обожали все артисты, но никто не слушал, и все репетиции сводились к интеллектуальной богемной болтовне. С радостного согласия самого режиссера, разумеется. И если бы не срочное приглашение профессионала Клода Режи, постановка потерпела бы провал…

Надо отметить, что с Жаном Полем Сартром, кумиром всей ее жизни, у Франсуазы сложились самые дружеские отношения, их объединяло не только общее поприще, но и странный внутренний огонь. Саган также была очень дружна с бывшим президентом Франции Франсуа Миттераном (им даже приписывали роман) и гордится тем, что за все время знакомства они ни разу не говорили о политике.

Сейчас Франсуазе Саган 68 лет. Она живет на своей вилле на берегу моря, где кроме нее – только ее любимые собаки, которым она сама варит еду. Писательница много читает, размышляет, но практически полностью прекратила писать. Ее романы со всеми радостями и заботами, счастьем и болью, одиночеством и любовью помогают глубже почувствовать главную беду современной личности – снижение общечеловеческих ценностей. И потому Франсуаза не боится, что о ней забудут. А если это и произойдет, то ей не будет обидно, ведь «вечной бывает только печаль»…

Кумиры сцены и экрана

БЕРНАР САРА

(род. в 1844 г. – ум. в 1923 г.)

Великая французская театральная актриса, создатель и руководитель «Театра Сары Бернар» (1898–1922 гг.), скульптор, живописец, автор двух романов, четырех пьес и мемуаров «Моя двойная жизнь» (1898 г.). Награждена орденом Почетного легиона (1914 г.).

Ее величали Великой Бернар, Великолепной Сарой, Мадемуазель Бунтовщицей. Это была изумительная женщина. Необычайно красивая, грациозная, изящная, с буйной от природы золотистой, курчавой гривой волос и глазами цвета морской волны. От нее веяло неповторимым шиком, а каждый поступок воспринимался как очередная эксцентрическая выходка. Впечатлительная, страстная, чувственная, импульсивная. За ней

шлейфом тянулись скандалы, которые превращались в легенды. Она умела покорять зрителей и мужчин, дружить с женщинами так же естественно, как дышать. Необыкновенная жажда жизни, неуемное любопытство в сочетании с другими яркими качествами характера превратились в редчайший человеческий сплав, в «чудо из чудес», в гениальную актрису по имени Сара Бернар. Но вдумаемся в слова В. Гюго: «Это больше чем актриса, это – женщина…» Великая женщина.

Сара родилась 23 октября 1844 г. Ее мать, Жюли ван Хард (Юдифь фон Хард), в жилах которой текла еврейская и голландская кровь, была очень хороша собой. Переселившись в Париж, она сделала стремительную карьеру высокооплачиваемой содержанки и была принята в высшем свете. В 16 лет Жюли родила первую из трех незаконнорожденных дочерей. Кто был отцом Сары, точно не известно, но большинство биографов называют морского офицера Мореля Бернара. Слабенькая от рождения девочка воспитывалась у кормилицы до пяти лет. Та звала ее Пеночкой и любила как родное дитя. Затем ее «комфортабельной детской тюрьмой» стал пансион г-жи Фрессар и привилегированный католический монастырь Гран-Шан, где еврейскую девочку окрестили.

Мать редко навещала Сару. Но появлялась, словно мадонна, всегда, когда больная туберкулезом дочь, подверженная лихорадкам и горячкам, особенно после неконтролируемых приступов «дикого гнева», находилась между жизнью и смертью. Сара очень любила мать, от которой исходил неповторимый аромат другой, закрытой от девочки жизни. Чтобы подольше удержать ее рядом с собой, она в пять лет выпрыгнула из окна, сломала руку и сильно травмировала колено, но добилась своего. Два года мама и ее покровители опекала малышку.

В 14 лет впечатлительная Сара убедила себя, что должна стать монахиней. Мадам Бернар считала, что ее дочерям суждена судьба прекрасных куртизанок (впоследствии Сара была согласна, что эта «работа очень доходная», но сама никогда не жила за счет любовников). А один из покровителей матери, герцог де Морни, внимательно присмотревшись к потрясающему темпераменту юной Бернар, посоветовал ей учиться театральному искусству в Консерватории. Сара, впервые переступившая порог театра почти в 15 лет и ничего не знавшая о профессии, тем не менее была зачислена в актерскую школу. Занималась она упорно, и педагоги прочили ей успех.

Все были уверены, что на выпускных экзаменах Бернар получит первые награды в трагедийном и комедийном жанрах. Но ее, как и на протяжении всей творческой жизни, подвел страх

перед выходом на сцену. Она часто играла в таком возбужденном состоянии, что после окончания спектакля падала в обморок. Несмотря на неудачу, в 1862 г. Сара была зачислена в лучший театр Парижа – «Комеди Франсез», благодаря протекции А. Дюма и герцога де Морни. В дебютной роли Ифигении в одноименной пьесе Расина она была «невыразительна». Критики отметили приятную наружность молодой актрисы и безупречность дикции. Ее неповторимому голосу, о котором Дюма говорил, что он звучит «хрустально чистым ручейком, журчащим и прыгающим по золотой гальке», еще предстояло заворожить публику.

Бернар не продержалась в этом театре и года. За нанесенную обиду своей младшей сестре Режине она дала пощечину толстой примадонне. Извиниться отказалась и вынуждена была уйти. Затем Бернар недолго играла в театре «Жимназ». Постепенно она начала раскрываться как драматическая актриса. У нее появились поклонники. В числе первых известных любовников Сары был красивый лейтенант, граф де Катри, а ее первой любовью стал отпрыск знатного бельгийского рода – герцог Анри де Линь. Против их чувств восстала семья юного принца, и Сара была вынуждена отказаться от своего счастья. Через несколько месяцев после грустного возвращения в Париж она родила сына Мориса (1884 г.) и стала любящей и преданной матерью. Позже принц Анри де Линь предлагал Морису признать его и дать свое высокородное имя, но сын знаменитой актрисы Бернар отказался от этой чести.

Сара с головой окунулась в работу в театре «Одеон», который хотя и был менее знаменит, чем «Комеди Франсез», но стал для актрисы родным домом. Она нравилась публике своей оригинальностью и стала кумиром студентов, с успехом играя в спектаклях «Кин» А. Дюма (1868 г.) и «Прохожий» Ф. Könne (1869 г.). В последнем она произвела сенсацию, исполнив роль юноши-менестреля Занетто. Упоительный путь актрисы к славе был прерван войной с Германией. Вспыхнувший в ней дух патриотизма не позволил ей оставить осажденный врагами город. Отправив всю семью подальше от боевых действий, Сара оборудовала в «Одеоне» госпиталь и наравне с другими женщинами стала рядовой заботливой сестрой милосердия.

Франция проиграла войну, но мужественная Бернар одержала победу над собой, спасая чужие жизни в холодную и голодную осень и зиму 1870–1871 гг. А уже в январе следующего года Сара стояла на вершине театрального Олимпа. Она стала «Избранницей Публики», перед ней преклонил колени прославленный автор В. Гюго и благодарил за поистине королевскую игру (роль королевы) в его пьесе «Рюи Блаз». Спустя

годы Бернар записала в мемуарах, что теперь о ней можно спорить, но пренебрегать ею нельзя.

После этого триумфа актрису со всеми ее чудачествами с радостью принял «Комеди Франсез». Сара рассталась с «Одеоном», так как получала там «сущие гроши», а предпочитала свободу и независимость во всем, в том числе и в материальном плане. Подарки от любовников – вещь естественная, но свои чувства она не продавала. Сара окружала себя талантливыми мужчинами. Насколько были с ней близки Гюстав Доре, Эдмон Ростан, Виктор Гюго, Эмиль Золя, неизвестно. Современники называли их среди тысячи ее любовников. А в одной из книг Саре приписали «особые отношения» со всеми главами европейских государств, включая Папу Римского. Страстная в любви актриса была той гремучей смесью эротики и свободы духа, которая возбуждала мужчин. Но заявив о себе, что она «была одной из величайших любовниц своего века», в мемуарах «Моя двойная жизнь» (1898 г.), она обошла молчанием все любовные связи, наверное, чтобы никого не обидеть. Современники заявляли, что Бернар переспала со всеми театральными партнерами. О Саре и Пьере Бертоне писали, что их страсть «могла освещать улицы». А длительная связь с великолепным актером Жаном Муне-Сюлли чуть не закончилась как шекспировская трагедия «Отелло». Отверженному и обиженному отставкой любовнику «привести приговор в исполнение» помешал режиссер, опустивший занавес на несколько минут раньше драматической развязки.

Но Бернар обожала острые ощущения. Она поднималась на высоту 2600 м в корзине воздушного шара, доведя этим директора театра до белого каления, спускалась в подземные пещеры, съезжала с Ниагарского водопада по льду на собственном пальто. Эта увлекающаяся женщина ко всем своим сумасбродным и серьезным идеям относилась с таким же пылом, как к театру и мужчинам. Когда Сара решила попробовать свои силы в скульптуре, она не выходила ночи напролет из своей мастерской. Даже сам Роден не отказал ей в таланте, хотя назвал произведения «несколько архаичными». Скульптурная группа «После бури» получила награду на выставке (1878 г.) и была продана «царьку из Ниццы» за 10 тыс. франков.

Увлекшись живописью, Бернар вместо лечения малокровия в Ментоне отправилась в Бретань, лазила по горам и часами не отходила от мольберта на берегу моря. И казалось, что после очередного чудачества у этой хрупкой и болезненной женщины прибавлялось сил. Врачи напророчили ей смерть еще в детстве. Узнав об этом, впечатлительная девочка уговорила мать купить ей гроб, чтобы не лежать «в каком-нибудь уродце». Она не

расставалась с ним даже на гастролях. Разучивала в нем роли, спала, фотографировалась и даже занималась любовью, если это не смущало партнера. И все это обилие идей и приключений Бернар ухитрялась соединять с репетициями и триумфальными выступлениями в театре.

Каждый новый спектакль открывал зрителю неповторимые по своей выразительности грани таланта актрисы («Федра» Расина, «Заира» Вольтера, «Иностранка» Дюма-сына). На премьере своей пьесы «Эрнани» В. Гюго плакал, очарованный Сарой в роли доньи Соль. К своему письму в благодарность актрисе он приложил бриллиантовую слезу на цепочке-браслете.

На гастролях с «Комеди Франсез» Бернар покорила Лондон, Но теперь ей уже было тесно в рамках одного театра. После неудачной постановки «Авантюристки» Дюма-сына, которую она назвала «своим первым и последним провалом», Сара, заплатив стотысячную неустойку, ушла из театра и создала собственную труппу (1880 г.). Совершив стремительное турне по Англии, Бельгии и Дании, которое назвали «28 дней Сары Бернар», актриса заключила выгодный американский контракт. С девятью спектаклями Бернар объездила 50 городов США и Канады, дав 156 представлений и получив огромные гонорары. Теперь ее имя означало успех, и драматурги создавали пьесы под Бернар: Дюма-сын – «Дама с камелиями»; В. Сарду – «Федора», «Тоска», «Колдунья», «Клеопатра», Ростан – «Принцесса Грёза», «Орленок», «Самаритянка». Актрисе были подвластны любые роли. В 32 года она играла 70-летнюю слепую римлянку Постумию в «Побежденном Риме» Пароди, а в 56 вышла на сцену двадцатилетним принцем, сыном Наполеона, в «Орленке». Сара ухитрилась захватить себе и извечно мужские роли – Лорензаччо в одноименной пьесе Мюссе и покорила зрителей изысканным нетрадиционным решением роли Гамлета.

Ее неуемная жажда деятельности поражала. Сара несколько раз пыталась создать собственный театр, и в 1898 г. на площади Шатре в Париже распахнул двери «Театр Сары Бернар». Со своей труппой, в которой играла ее сестра Жанна, актриса объехала полмира, побывала с гастролями в Австралии, Южной Америке, в Европе, была девять раз в США и трижды в России. Только Германия не увидела ее – Сара не могла простить немцам осады Парижа. Во время первого посещения России Бернар познакомилась в Санкт-Петербурге с советником греческой миссии Аристидисом (Жаком) Дамала. Он был младше Сары на девять лет, очень красив и легко покорял женские сердца. Бернар была настолько очарована им, что даже вышла за него замуж (1882 г.). Однако их брак был недолгим. Муж волочился за

молоденькими актрисами, играл по-крупному в карты, а затем пристрастился к наркотикам. Но даже будучи с ним уже разведена, Сара опекала его, умирающего от морфия и кокаина (1889 г.). Сама Бернар еще долго привлекала мужчин. В 66 лет она познакомилась в США с Лу Теллегеном, который их четырехлетнюю любовную связь назвал «самыми лучшими годами» в своей жизни. А ведь он был младше Сары на 35 лет.

Стремление чувствовать и жить открывало перед Бернар новые горизонты. Сара серьезно занималась литературным творчеством. После удачной новеллы «Среди облаков» она написала два романа-пособия для молодых артистов («Маленький идол» и «Красный двойник») и четыре пьесы («Андриена Лекуврер», «Признание», «Сердце мужчины», «Театр на поле чести»). А мемуары Сары Бернар – это не занудные воспоминания, это море чувств и мыслей. Она была такой разной, оставаясь собой. Поступки Сары многих шокировали, но никого не удивляли ни ее бескорыстная щедрость к друзьям-артистам, попавшим в нужду, ни совместные с Э. Карузо благотворительные концерты в пользу русских раненых в ходе войны с Японией. Бернар выступала перед солдатами на фронтах Первой мировой войны (1915 г.), ав поездке ее сопровождал знаменитый французский генерал Ф. Фош, которого она выходила 35 лет назад в своем госпитале. Сара очень нуждалась в таком верном друге, так как незадолго до поездки ей ампутировали ногу значительно выше колена. Но преодолевать трудности, как и создавать их, было ее излюбленным делом, ведь недаром своим жизненным девизом она избрала слова: «Во что бы то ни стало».

Бернар приковывала внимание к своей персоне не только незаурядными творческими достижениями, но и эксцентричным поведением и шокирующими публику капризами. В одну из холодных зим она потратила две тысячи франков на хлеб, чтобы накормить голодных парижских воробьев. А ее особняк в центре Парижа чем-то напоминал зверинец. В нем обитали четыре собаки, удав, обезьяна и огромный какаду. Еще Сара мечтала иметь двух львят, но их с успехом заменили «очень забавный гепард» и белоснежный волкодав, которых она приобрела на деньги, вырученные от продажи своих картин и скульптур на выставке в Англии.

Бернар получала баснословные гонорары, но и жила с присущим ей шиком. Тратить заработанные упорным трудом деньги ей помогал и любимый сын, изысканный красавец Морис, просаживавший баснословные суммы в игорных домах. Чтобы погасить его долги, Сара была вынуждена работать до последних дней жизни. Она была одной из первых великих театральных

актрис, решившейся появиться на киноэкране в 1900 г. Первые попытки – сцена «Дуэль Гамлета» и экранизация пьесы Сарду «Тоска» – были настолько неудачными, что Сара добилась, чтобы картину не выпустили в прокат. Но, зажатая кредиторами в тиски, она была вынуждена согласиться играть главные роли в картинах «Дама с камелиями», «Королева Елизавета», «Андриена Лекуврер», «Французские матери», «Жанна Доре» и «Его лучшее дело». Мнение критиков было неоднозначным – от восторга до полного неприятия. Ее манера игры, грим, речь были рассчитаны на театрального зрителя и воспринимались на экране довольно странно. Но большинство фильмов получило всемирный успех, а «Королева Елизавета» оказала значительное влияние на стиль Голливуда.

С 1915 г. Бернар играла на сцене только сидя. И если кто-то мог иронизировать, увидев, как ее выносят на подмостки в изящных носилках, то с началом пьесы любые насмешки исчезали. Чтобы увлечь зрителя, Саре было достаточно выразительных жестов тщательно загримированных рук. А ее голос, льющийся в зал, завораживал публику, заставляя соизмерять дыхание с темпом ее речи. На сцене неподвижная Бернар оставалась театральной богиней. Эта мужественная женщина заслуженно носила высшую награду Франции – орден Почетного легиона.

С молодым задором и упоением прожила Бернар жизнь. Тяжелый приступ уремии прервал репетиции фильма «Провидица», но не сломил ее дух. В последние часы жизни Сара отобрала шестерых молодых актеров, которые должны были сопровождать вечно юную, страстную и безбрежно талантливую женщину в последний путь. И скандально известный гроб из красного дерева дождался своего часа. 26 марта 1923 г. Сара Бернар скончалась, шагнув из жизни в легенду. Она стала национальной гордостью Франции, символом страны, как Эйфелева башня, Триумфальная арка и «Марсельеза». Она «не побоялась взойти на пьедестал, который зиждется на сплетнях, небылицах, наветах лести и подхалимаже, лжи и правде, – говорила ее подруга, актриса Мадлен Броан, – потому что оставшись наверху, одержимая жаждой Славы, Бернар укрепляла его талантом, трудом и добротой».

ЕРМОЛОВА МАРИЯ НИКОЛАЕВНА

(род. в 1853 г. – ум. в 1928 г.)

Выдающаяся русская трагедийная актриса .

Среди поклонников таланта Ермоловой были совершенно разные люди – члены императорской семьи, известные деятели культуры, революционеры. Каждый по-своему понимал ее игру, но всех одинаково завораживало неотразимое женское обаяние актрисы. Даже ее молчаливое присутствие на сцене делало спектакль интересным…

Мария Николаевна родилась 15 июля 1853 г. в семье суфлера Малого театра. Надо сказать, Ермоловы из поколения в поколение так или иначе были связаны с театром. Некоторые из них служили в гардеробе, были гримерами. Наиболее талантливые становились актерами, танцевали в кордебалете,

играли в оркестре. «Театральным воздухом дышали все, в театре видели и главный интерес, и кусок хлеба, и весь смысл жизни».

Отец актрисы – Николай Алексеевич, по долгу службы знал все роли наизусть и поэтому часто подменял заболевших актеров. Страстно влюбленный в свою работу, он читал вслух стихи и пьесы, увлеченно рассказывал маленькой дочке о спектаклях, об игре Щепкина и Садовского. Машенька еще не понимала значения многих слов, но уже жила в уверенности, что обязательно станет великой актрисой. Спустя много лет она писала в своих «Воспоминаниях»: «Я не была избалована слишком частыми посещениями театра. Отец редко брал меня с собой, но те впечатления, которые я выносила после каждого виденного мною спектакля, заполняли все мои мысли и желания. Театр стал для меня самым дорогим в жизни, и привязанность к нему возрастала все больше и больше. Даже детские игры – и те были наполнены театральным содержанием…»

К четырем годам Маша изучила грамоту по пьесам, которых в доме было предостаточно. Истории любви глубоко волновали ее детскую душу. Став старше, Ермолова увлеклась русской литературой, произведениями Гоголя, Толстого, Достоевского. Она подолгу размышляла над судьбами героев книг, любила и ненавидела вместе с ними.

В 1862 г. по протекции актера Самарина она была зачислена в балетную школу. Ермолова прилежно училась и выполняла все рекомендации наставников. Только по одному самому важному предмету в школе шло «плохо» – по танцам. Будущая актриса никак не поддавалась балетной дрессировке, за что ей часто попадало от классной дамы. В свободное от занятий время Ермолова организовала драматический кружок, в котором разыгрывала сцены из любимых пьес. Эти представления стали для нее отдушиной – во время импровизированных спектаклей Мария забывала о своих неурядицах и просто очаровывала подруг игрой. Подчиняясь внутренним порывам, она с воодушевлением декламировала, исполняла роли Марины Мнишек из «Бориса Годунова» и Дорины из «Тартюфа» и даже Чацкого из «Горе от ума».

В 1866 г. отец Ермоловой получил повышение по службе – звание старшего суфлера и право на бенефис. Николай Алексеевич выбрал водевиль «Жених нарасхват», а роль легкомысленной Фаншетты дал дочери. Дебют Марии в амплуа инженю-кокет был крайне неудачен. Она чувствовала себя на сцене неловко, а ее глубокий низкий голос и вдумчивые глаза абсолютно не вписывались в канву пьесы. Однако несмотря на провал, страсть Ермоловой к театру и тяга к серьезным

драматическим ролям не уменьшилась.

В 1870 г. она окончила балетную школу. Марию ожидала работа в Большом театре в качестве рядовой танцовщицы кордебалета. Но судьба распорядилась иначе. В бенефис талантливой актрисы Надежды Медведевой была намечена трагедия Лессинга «Эмилия Галотти». Заглавную роль отдали известной Гликерии Федотовой, которая внезапно заболела. Тогда Медведева, несмотря на протесты руководителей театра, предложила эту роль Марии Николаевне. Тонкое чутье не подвело актрису – Ермолову ожидал триумф. Поклонники Федотовой были уверены в провале неопытной дебютантки, но… «на сцену выбежала очаровательная грациозная блондинка с черными выразительными глазами, с серьезным умным лицом»: трепещущая, дрожащая и растерянная Эмилия рассказывала матери об оскорблении, которое ей нанес принц. Искренняя и взволнованная игра актрисы сразу же привлекла к себе внимание и сочувствие зрительного зала.

Первый большой успех способствовал тому, что Ермолову зачислили в труппу Малого театра. Но дирекции она пришлась не по вкусу: Мария Николаевна не умела хитрить и лицемерить, никогда не участвовала в закулисных интригах, и поэтому настоящих ролей ей не давали. В основном она играла второстепенные роли, а ее героини были чужды ей и потому получались бесцветными, лишенными внутреннего огня.

Быть может, талант актрисы так и не проявил бы себя, но в дело вмешался всемогущий случай. Гликерия Федотова снова невольно «выручила» Ермолову. Она взяла отпуск и покинула Москву. Директору театра ничего не оставалось делать, как, скрепя сердце, отдать все ее роли Марии Николаевне.

10 июля 1873 г. она сыграла Катерину в «Грозе» Островского. В этой трагической роли в полной мере раскрылось гениальное дарование Ермоловой, заключенное в простоте и правде чувств. Спектакль прошел с успехом, но не изменил положения Марии Николаевны в театре: ее по-прежнему не замечали. Только спустя три года ей удалось занять заслуженное место в культурной жизни России. Это произошло благодаря превосходно сыгранной ею роли Лауренсии в трагедии Лопе де Вега «Овечий источник». После премьеры Ермолова наконец стала ведущей актрисой театра. Во время спектаклей публика настолько проникалась ее игрой, что в зале случались обмороки и рыдания, а после пьесы восторженные поклонники на руках несли ее карету до дома.

Будучи чрезвычайно скромным человеком, Мария Николаевна никогда не кичилась талантом. О своем воздействии на зал, о колоссальной энергетике, которую она излучала,

Ермолова говорила так: «Заслуга электрического провода только в том, что он пропускает через себя электрический ток». Следует отметить, что успехом она была обязана не только своему дару, но и жгучей любви, которая загорелась в ее сердце и дала толчок для создания на сцене прекрасных женских образов. Избранник Ермоловой был одним из достойных людей того времени – Николай Петрович Шубинский – родовитый дворянин, изысканный аристократ, богатейший человек. Вопреки всем препятствиям, возникшим на пути влюбленных, они поженились. Мария Николаевна родила дочь Маргариту. Материнство и семейная жизнь с любимым человеком еще больше раскрыли талант актрисы. Благодаря влиянию мужа, прекрасного знатока истории и литературы, творческая личность Ермоловой приобрела совершенно другой масштаб и глубину. Великолепно сыгранные ею роли в пьесах Шиллера, Шекспира, Островского, Гюго сделали актрису «царствующей императрицей русского театра». По воспоминаниям современников, она умела, как никто, вскрывать и показывать «…все изгибы до слез трогательной, до ужаса страшной, до смеха комической женской души…»

Несмотря на плотный график спектаклей и репетиций, Мария Николаевна вела активную социальную жизнь. Ее дом на Тверском бульваре стал своеобразным центром русской культуры. Среди друзей Ермоловой были известные актеры, писатели, музыканты и художники. В просторном зале ее особняка часто выступали Шаляпин, Нежданова, Собинов, многие зарубежные гастролеры: всех привлекал этот гостеприимный дом, радушная, одинаково внимательная ко всем хозяйка. Мария Николаевна умела создать в своей семье особую атмосферу – доброты и непосредственного веселья, а о ее своеобразном чувстве юмора слагались легенды.

Характерный случай произошел при постановке пьесы Суворина «Татьяна Репина». Ермолова играла главную роль актрисы, которая не может пережить измены возлюбленного и, приняв яд, умирает прямо на сцене во время спектакля. Драматургу на репетиции показалось, что Ермолова умирает недостаточно натурально. «Что ж, – сказала актриса, – придется умереть по-настоящему…» Все подумали, что Мария Николаевна пошутила, но она так сыграла сцену самоубийства, что Суворин рвал на себе волосы: он, да и вся публика поверили, что не персонаж пьесы, а сама Ермолова не выдержала муки и сердце ее разорвалось. Но Мария Николаевна, кончено, ожила. Больше Суворин ей замечаний не делал.

В течение долгих лет семейная жизнь Ермоловой складывалась весьма счастливо: они с мужем как нельзя лучше

дополняли друг друга. Со временем на смену страсти пришла духовная близость. Но сохранить ее супругам все же не удалось. Постепенно актриса, все свои душевные силы отдававшая театру, жившая на пределе нервного истощения, стала чувствовать отчужденность к мужу. Тем не менее даже после разрыва Ермолова сохранила с ним прекрасные дружеские отношения. Новые романтические увлечения Марии Николаевны всегда оставались тайной для окружающих. Но они, без сомнения, давали ей глубокие переживания, выливающиеся в образы ее сценических героинь. Однако по-настоящему большое и глубокое чувство она испытала к одному известному в Европе ученому. Их отношения, которые она особенно тщательно скрывала от окружающих, могли перерасти в новый брак, если бы возлюбленный Марии Николаевны не поставил перед ней условия об уходе из театра. Мучительный для каждой актрисы выбор между любовью к мужчине и любовью к театру она решила в пользу последнего. Но эта душевная драма навсегда лишила ее внутреннего равновесия. Все чаще она стала испытывать депрессию и усталость. Этому способствовали и сложности с амплуа, возникшие после пятидесятилетия актрисы. Ведь ее героинями, как правило, были женщины молодые, возвышенные и романтичные. Переходить от них к новому репертуару было чрезвычайно трудно. Мария Николаевна признавалась: «…Я чувствую, что уже не в состоянии играть ни Медею, ни Клеопатру, силы мне изменяют. Да и понятно. 37 лет я отдала сцене – и утомилась. Теперь мне нужен год отдыха, чтобы отойти от театра, успокоиться и примириться с мыслью, что я уже более не «героиня». Сразу, на глазах у публики, мне тяжел этот переход: нельзя сегодня быть царицей, а завтра какой-нибудь почтенной старушкой…»

И на время Ермолова покинула сцену. Однако через несколько лет она вернулась, чтобы создать еще несколько блестящих образов. Спектакли по пьесам Островского с ее участием прошли с большим успехом, но это уже была другая Ермолова. Ее время уходило, и актриса чувствовала, что сцена выпила всю ее энергию до дна.

1917 г. принес Марии Николаевне новые переживания. В ее особняк подселили жильцов из рабочего класса. И хотя через некоторое время большевики оставили семью и дом актрисы в покое, чувство безысходности и тоски уже никогда не покидало Ермолову. После известия о смерти мужа, который скончался в 1921 г. в Константинополе, Мария Николаевна приняла решение окончательно покинуть сцену. В декабре она в последний раз выступила перед зрителями в спектакле «Хлопоты».

По свидетельствам современников, последние несколько лет жизни великая Ермолова, сбросив тяжкое бремя «национального символа», провела словно монахиня в миру – она почти не выходила из своей комнаты. Только по пятницам, в день премьер в Малом театре, актриса надевала красивые платья и входила в залу с зеркалами… С каждым днем Мария Николаевна становилась все более и более молчаливой, подолгу сидела в кресле без движения, думая о чем-то.

Сердце великой актрисы, оставившей яркий след в истории мировой культуры, перестало биться 12 марта 1928 г.

ДУЗЕ ЭЛЕОНОРА

(род. в 1858 г. – ум. в 1924 г.)

Итальянская драматическая актриса.

«Давно Париж не переживал такого вечера, как вчерашний. Дузе играла здесь в первый раз перед французской публикой в коронной роли Сары Бернар, в театре Сары Бернар, в присутствии Сары Бернар. Вся пресса, все критики, авторы, артисты были налицо. Пришли сравнивать двух величайших артисток нашего времени. Но когда Дузе появилась на сцене, когда увидели эту необыкновенную и невиданную еще здесь по простоте и жизненной правде игру, все забыли о сравнении… французы увидели и честно признали, что Дузе велика. Я видел, как искренне плакали мужчины, я слышал вырвавшийся у самой Сары Бернар среди религиозной тишины крик: “Браво, браво!..”» – этот

отзыв о «Даме с камелиями» с Дузе в главной роли появился на следующий день после спектакля в одном из петербургских журналов. Газеты конца XIX в. пестрели восхищенными заметками об этой великой итальянской актрисе. Она сыграла множество ролей, но ни один из созданных ею образов не был похож на другой – в каждой героине она находила свою изюминку, свою красоту и правду. Именно поэтому игра Дузе завораживала и покоряла зрителей…

Элеонора Дузе родилась 3 октября 1858 г. в небольшом городке Виджевано в семье странствующих артистов. С самого раннего детства она была окружена атмосферой театра: костюмы, декорации, многочисленные переезды с места на место. Но труппа актеров, которую возглавлял отец Дузе, была очень бедна – кочующие артисты не пользовались особой популярностью в народе. Поэтому одним из ярких впечатлений о детстве для Элеоноры стали еще и холодные темные комнаты гостиниц. Материальная неустроенность семьи помешала девочке получить школьное образование. Правда, несколько раз родители устраивали ее в школу, но там Элеоноре пришлось пережить много горьких минут. «Дочь комедианта!» – дразнили ее товарищи и не хотели с ней дружить. Детские обиды, нужда и смерть матери, когда девочке исполнилось 14 лет, наложили свой отпечаток на характер Дузе. Она росла очень тихой, замкнутой, погруженной в свои мысли.

Творческая жизнь актрисы началась, когда ей было 4 года. Ее «дебют» состоялся в инсценировке романа В. Гюго «Отверженные». Тогда Элеонора играла маленькую Козетту. В 12 лет ей поручали уже более серьезные роли – Франчески в пьесе Сильвио Пеплико «Франческа да Римини» и Пии де Фоломец в одноименной драме Карло Маренко.

К роли Джульетты в спектакле «Ромео и Джульетта» Элеонора ответственно готовилась. Ей хотелось найти конкретное воплощение смешанных чувств, которые появились у нее после прочтения трагедии Шекспира. «Что такое любовь? Страсть? И может ли чистая светлая любовь победить силы тьмы?» – эти вопросы глубоко волновали четырнадцатилетнюю актрису. Она долго в задумчивости бродила по городу и на последние деньги купила букет белых роз. Эти цветы, своеобразно обыгранные Дузе, помогли ей создать великолепный образ чистой девушки с ее прекрасной любовью.

В 1874 г. Элеонора поступила в труппу Луиджи Педзаны на роли второй актрисы. Руководитель труппы требовал от актеров полного подчинения его творческим принципам. Но Дузе не могла покориться чужому видению спектаклей. Хотя ее

блестящие актерские способности еще не раскрылись и она не умела отстаивать свою точку зрения, Элеонора уже многое чувствовала: интуиция и талант подсказывали ей, как именно надо играть. Педзана считал Дузе посредственностью и нередко говорил о том, что девушке не суждено стать настоящей актрисой. Постоянные стычки вынудили Элеонору покинуть труппу. В течение короткого промежутка времени она сменила несколько трупп, но ни в одной из них не прижилась: одни актеры не понимали ее, других раздражала ее независимость. Так прошло четыре года. Первым успехом Дузе стала роль Майи в пьесе Э. Оэнье «Фуршамбо». В 1878 г. она создала ряд блестящих образов Офелии, Дездемоны, Электры. Искренняя, правдивая игра девушки, а также ее глубокое знание человеческой психологии привлекли внимание общественности. Вскоре Дузе стала одной из популярных актрис Неаполя.

Роль Терезы Гакен в одноименной драме Э. Золя стала поворотным моментом в творческой биографии Дузе. Актриса настолько талантливо изобразила переживания своей героини, так вошла в образ, что зал был потрясен, а автор драмы отправил ей письмо, в котором благодарил за блестящую игру.

Через год Элеонора была приглашена в труппу известного итальянского актера Чезаре Росси. Там она познакомилась с актером Тебальдо Кеки, за которого вышла замуж. Однако этот брак быстро распался, оставив Дузе новые горькие размышления и маленькую дочь.

Труппа Чезаре в основном играла в Турине. Дела в театре шли плохо – сказывалась бедность репертуара. Элеонору все чаще стали посещать мысли о необходимости оставить карьеру актрисы, но одно событие заставило ее изменить свои намерения. В 1881 г. в Турин на гастроли приехала великолепная Сара Бернар с пьесой «Багдадская принцесса». Зрители были в восторге от игры звезды. Дузе внимательно следила за Бернар, а когда та уехала, заявила Росси, что хочет… поставить «Багдадскую принцессу» и сыграть в ней главную роль. Чезаре был крайне удивлен дерзостью молодой актрисы и конечно же отказался от этой идеи. Тогда Дузе поставила его перед выбором: или они немедленно начинают репетировать эту пьесу, или прощаются навсегда. Росси отступил.

Спектакль стал звездным часом Дузе. По единодушному признанию публики, она превзошла Сару Бернар, восхищенный импресарио которой, Шурман, предложил Элеоноре организовать ей гастроли за границей. Прошло несколько лет, прежде чем она приняла его предложение. «Я только маленькая итальянская актриса, а чтобы играть перед зрителем, который не знает твоего

языка, надо быть гением. У меня лишь небольшой талант. Я должна еще много работать», – ответила она тогда.

Элеонора серьезно занялась самосовершенствованием. Упорный труд помог ей подчинить свой прекрасный голос и тело раскрытию глубоких человеческих переживаний и, что самое главное – найти себя на сцене.

Популярность Дузе неуклонно росла. Первые заграничные гастроли 1885 г. принесли ей большой успех. Через 3 года она покинула труппу Росси и основала свою собственную, которая получила название «Драматическая труппа города Рима». Наконец у Дузе появилась возможность бороться за новый репертуар. Так, Клеопатра из спектакля «Антоний и Клеопатра» в исполнении Элеоноры покорила зрителей, впрочем, как и другие ее роли, число которых превысило 50.

В своем творчестве Дузе прежде всего стремилась показать большие чувства, поднимающие человека на вершину счастья и низвергающие его в пропасть отчаяния. Все остальное – речь, мизансцены, экстравагантные костюмы не имели для нее никакого значения. Так как Дузе на сцене не пыталась сыграть роль, а полностью входила в образ, заново переживая жизнь своей героини, ей не требовался грим. Боль, страсть, радость появлялись на лице актрисы совершенно естественно. Актриса прекрасно владела своим телом и, как отмечал Шоу, обладала удивительным свойством воплощать в движениях разнообразие мыслей и чувств, создавая иллюзию неисчерпаемости прекрасных поз и движений, которые, как казалось, никогда не повторялись.

Дузе была способна на многое ради сцены. Часто играла, превозмогая боль и усталость, и никогда не теряла самообладания. Однажды в роли Клеопатры она по сценарию в последнем действии разразилась рыданиями. Ее партнер был шокирован этими искренними слезами. Он стоял и смотрел на нее, совершенно забыв свою реплику. Элеонора на мгновение прекратила плакать и тихо произнесла: «Продолжайте! Быстро!» – а затем вновь навзрыд запричитала. Этот случай красноречиво свидетельствует о высоком мастерстве актрисы.

Обладая необыкновенно развитым чувством сценической правды, Дузе неоднократно вносила изменения в текст пьес. Так, она могла выкинуть целую фразу и просто сказать: «Да… да… да…», но это было настолько жизненно и справедливо, что некоторые авторы после спектакля благодарили ее за подобное вмешательство в произведение.

Мировая известность, которую приобрела Дузе к концу XIX века, не уменьшила ее требований к себе. Актриса по-прежнему много работала над ролями, совмещая работу над текстом пьесы

с процессом перевоплощения в образ.

В 1895 г. в ее жизни появился известный драматург Габриэль д'Аннуцио. Их роман длился много лет, но пьесы этого автора не принесли Дузе успеха. Критики считали, что под воздействием д'Аннуцио Элеонора стала играть манерно, что никак не соответствовало ее стилю. Одержимая идеями возлюбленного, она очень много работала, добиваясь, чтобы его драматургию приняли в обществе. Однако этого не произошло. Выход в свет романа д'Аннуцио «Огонь», в котором он в мельчайших подробностях описал их жизнь с Элеонорой, больно ранил актрису. В 1909 г. Дузе ушла со сцены, но продолжала вести активную творческую жизнь. Спустя 12 лет она снова вернулась в театр, а также снялась в фильме «Пепел», который имел большой успех.

В 1924 г. во время гастролей в Америке актриса простудилась и заболела воспалением легких. Через несколько дней она умерла. Похоронили Дузе, согласно ее желанию, в Италии, в местечке Азоло.

КОМИССАРЖЕВСКАЯ ВЕРА ФЕДОРОВНА

(род. в 1864 г. – ум. в 1910 г.)

Великая русская актриса, создательница собственного театра.

Зрителям порой кажется, что актриса, только что заламывавшая руки в трагическом страдании и вонзавшая в сердце бутафорский кинжал, сходя со сцены, продолжает жить такой же, полной страстей жизнью. Появление на свет великой Веры Комиссаржевской действительно было сопряжено с воистину драматическими событиями. Однажды дочь знатного генерала Шульгина была похищена из родительского дома певцом Комиссаржевским. В Царском Селе пара обвенчалась, и

тем же вечером Мария Шульгина (теперь уже Комиссаржевская) сидела в театре рядом с отцом, конечно, ничего не подозревавшим. Каково же было удивление генерала, когда наутро он нашел в опустевшей комнате дочери только письмо. Шульгин был в ярости. Но потом, со временем, все как-то само собой уладилось, в семье Комиссаржевских родилась дочь Вера… Все это похоже на сцены из водевиля, не так ли? Впрочем, больше «театральности» в судьбе великой актрисы не было. Был Театр. И только с ним, с ним одним были связаны самые болезненные и самые радостные удары сердца Комиссаржевской. Она говорила: «По-моему, если возможно найти более или менее нравственного удовлетворения, то его должны находить люди, отрешившиеся на сколько возможно от личной жизни для чего-нибудь более высокого…»

Театр вошел в ее жизнь с самых ранних лет. Композитор М. П. Мусоргский, главный режиссер Мариинского театра Г. П. Кондратьев, артисты Ф. И. Стравинский, М. И. Сариотти, К. Т. Серебряков, И. Ф. Горбунов не раз заходили в гости к Комиссаржевским. Дети нередко присутствовали на своеобразных репетициях, которые происходили прямо в отцовском кабинете, да и сами с удовольствием «играли в театр» – ставили домашние спектакли. Причем Вера была не только «актрисой», но и «режиссером», и даже «драматургом». К тому же она довольно хорошо пела. Правда, ее школьные успехи были менее выдающимися, чем театральные. Она росла непоседливым и своенравным ребенком, потому училась неохотно, терпеть не могла порядка и дисциплины.

Первым жизненным ударом для Веры стал развод родителей. Ведь отец, талантливый певец, гарибальдиец (в молодости он принимал участие в освободительном движении в Италии), был для будущей актрисы кумиром. Не тогда ли в ее глазах поселилась грустная искорка, которую впоследствии замечали многие театральные критики? Хотя и последующие события жизни не смогли добавить в ее взгляд хотя бы чуточку радости. В 1883 г. она вышла замуж за графа В. Л. Муравьева. Это было сильное чувство, горевшее ярким, но, увы, недолгим пламенем. Брак продлился всего два года. Муж много пил, в доме не утихали скандалы. Вера даже пыталась отравиться. Потом был нервный срыв и долгая болезнь.

Восемь лет она существовала, а не жила. Не было ни целей, ни смысла пребывания в этом мире. «И думаешь, думаешь, и неотвязный мучительный вопрос, зачем, к чему все это, куда ведет, и вот ответ есть, и выход так прост, и ясен, и страшен», – писала она в то время. Но случай изменил все.

В 1887 г. она познакомилась с Сергеем Ильичом Зилоти, морским офицером, большим любителем театра, очень образованным человеком. Вскоре их отношения приобрели довольно серьезный характер. Одно время Сергея даже считали женихом Веры. Он привез Комиссаржевскую в свое родовое имение в Тамбовской губернии. Его братья и сестры приняли Веру как родную. Здесь постоянно звучал смех и цыганские песни. Это увлечение «цыганобесием» и привело Комиссаржевскую на сцену. В Питере Вера и ее сестра Ольга не раз выступали на литературно-художественных вечерах в Морском собрании флотского экипажа, куда их привозил Зилоти. Девушки даже прослыли «цыганскими примадоннами». Первый сценический успех пришел к будущей актрисе там же, в Морском собрании. Она сыграла Зину Васильчикову в одноактной комедии П. П. Гнедича «Горящие письма». Талант девушки был настолько очевиден, что мать попросила известного актера В. Н. Давыдова дать Вере несколько уроков драматического искусства. Но из этого так ничего и не вышло. Мэтр не заметил в ней каких-то особенных способностей. И Вера поехала в Москву к отцу. Тот как раз работал в созданном им и его единомышленниками Станиславским, Соллогубом и Федотовым Обществе искусства и литературы, своеобразной школе оперного и драматического искусства. Но девушку ожидала вовсе не оперная карьера. С не меньшим энтузиазмом отдалась она драме.

8 февраля 1891 г. Вера приняла участие в программном спектакле Общества «Плоды просвещения» Л. Толстого. Режиссером был сам Станиславский, правда, еще не снискавший славы. Под псевдонимом Комина Вера очень успешно сыграла роль Бетси. Но, увы, по материальным причинам ее отец вынужден был покинуть Общество, а вслед за ним ушла и дочь. Однако Комиссаржевская уже поняла, что театр – это именно то, чему она согласна посвятить свою жизнь. И фортуна не заставила себя долго ждать. Начинающую актрису пригласили в Новочеркасский театр, возглавляемый в то время Синельниковым. Правда, чтобы добраться к своему новому месту работы, Вере пришлось дать концерт. На вырученные деньги был куплен билет в вагон третьего класса на поезд до Новочеркасска.

Здесь Комиссаржевская должна была временно заменять сестру Синельникова А.Медведеву, игравшую преимущественно роли комедийных инженю. Возможно, Вера мечтала о совсем другой творческой судьбе, но выбора у нее не было. Работа в провинциальном театре – нелегка. За сезон Вера освоила около шестидесяти ролей. В основном это были похожие одна на другую незамысловатые пьески, которые не могли духовно обогатить

актрису. Но пройдут годы, и она напишет: «Я там играла в пустячных пьесках, но эти выступления так помогли и так помогают мне теперь. Я набиралась и старалась преодолеть трудности, которые я испытывала в разучивании ролей, где надо разнообразить характер, тон». Впрочем, были в репертуаре Новочеркасского театра и серьезные спектакли – «Горе от ума» и «Плоды просвещения». В пьесе Грибоедова ей досталась роль Лизы, с которой она великолепно справилась, избежав трафаретности в изображении служанки. Однако, несмотря на некоторые успехи, в следующем сезоне Синельников Комиссаржевскую в театр не позвал…

Тем временем ее пригласило к себе на гастроли Тифлисское артистическое общество. Здесь она сыграла в нескольких комедиях и была восторженно принята публикой. Но душевного покоя актриса не находила. Нет, это не то, что она ищет… «Я никогда не бываю довольна собой, никогда», – написала она в одном из писем. И уехала в Москву. Здесь ей выпал шанс попробовать себя в серьезных драматических ролях. Комиссаржевскую пригласили выступать летом в пригородах Питера. Вера сыграла Делию («Любовь и предрассудок» Мельвиля), Клерхен («Гибель Содома» Г. Зудермана), Луизу («Коварство и любовь» Ф. Шиллера) и еще одиннадцать новых ролей. Критик писал: «Обладая прекрасною сценическою наружностью, красивым голосом и страстным, сильным темпераментом, г-жа Комиссаржевская обладает несомненно всеми данными, чтобы сделаться замечательною драматической актрисой».

Однако Вера пока не смогла задержаться ни в одной из столиц. Ее ждал город Вильно. Здесь ее талант оценили и ей предоставили серьезные драматические роли. Ее исполнение роли Оли Бабкиной в одноактной пьесе В. И. Немировича-Данченко буквально заворожило зрителей. Трагедия девочки, родители которой расстались, была близка и понятна ей. Внутренний мир главной героини она сумела передать, как писали критики, «без всяких воплей, без всяких стенаний, даже без той «слезы», на которую так щедры наши любящие действовать на нервы зрителей артистки». Уже в этом было новаторство Комиссаржевской. И каждой следующей ролью она старалась переступить устоявшиеся рамки, приблизить театр к правде.

Но все шло далеко не так гладко, как кажется на первый взгляд. Комиссаржевская давно не вписывалась в виленский театральный коллектив. К тому же ее материальное положение оставляло желать лучшего. Она писала: «Надо мною нависла

пудовая гиря и исчезает только в те минуты, пока я играю: даже когда роль изучаешь, нельзя от нее отвязаться, потому что слышишь в соседней комнате: «Прачка пришла» или «У нас сахар кончился», а денег на это нет и где взять их, не знаешь».

Но вскоре мечты начали сбываться. В феврале 1896 г. Комиссаржевскую приняли в Александринский театр. Ее дебют на заветной сцене состоялся 4 апреля. Вера сыграла Рози в «Бое бабочек» Г. Зудермана. Петербург встретил ее овациями. Но недаром Чехов писал об этом театре: «В режиме нашей Александринской сцены есть что-то разрушительное для молодости, красоты и таланта, и мы всегда боимся за начинающих». Ощущала ли это Комиссаржевская, боялась ли потерять себя? Коллектив Александринского театра так и не стал для нее родным. На одной из фотографий тех лет, где изображена вся труппа, Вера стоит поодаль, чужая и непонятая.

17 октября на сцене Александринки играли «Чайку» Чехова. Увы, актеры, а следовательно, и зрители не сумели достойно оценить это программное для драматурга произведение. Комиссаржевская в образе Нины видела во многом и свою судьбу. Она оказалась, пожалуй, единственной союзницей Чехова в этом театральном коллективе. Антон Павлович писал: «Никто так верно, так правдиво, так глубоко не понимал меня, как Вера Федоровна… Чудесная актриса». Однако игра одного актера, конечно, не могла спасти спектакль: «Чайка» провалилась…

В этом театре Комиссаржевской приходилось играть все: глубокие роли перемежались с ролями инфантильных девиц в бездарных второразрядных пьесках. «Я играю без конца, играю вещи, очень мало говорящие уму и почти ничего душе, последняя сжимается, сохнет, и если и был там какой-нибудь родничок, то он скоро иссякнет», – жаловалась Вера Чехову. А время шло. Пролетели три сезона. Теперь критики видели в Комиссаржевской не просто актрису, а «особое движение в искусстве». Театроведы посвящали ей монографии. Однако некоторые журналисты относились к актрисе менее снисходительно, намекая на роман Комиссаржевской с главным режиссером Александринки Евтихием Карповым. Их отношения основывались не столько на единстве родственных душ, сколько на противоборстве двух творческих личностей. Они по-разному относились к театру, к искусству, ко всему новому в театральном мире. Многие письма она подписывала «Гамаюн». Что ж, режиссер-рационалист и актриса-романтик так и не смогли понять друг друга. Для Веры чувства были сопряжены с пониманием, с мечтой – одной на двоих. А повлиять на Карпова, уже немолодого человека с устоявшимися взглядами и принципами, не сломленными даже в

политической ссылке, она не могла.

В 1898 г. пришел в театр Кока Ходотов. Молодой, бесшабашный, но искренний, правдивый и в жизни и в игре, он заворожил Комиссаржевскую. Коке доводилось играть с Верой во многих спектаклях, и он подчинился этой умной, увлеченной Ницше и Рескином женщине. Ходотов был человеком богемы, добрым и безвольным одновременно. И Комиссаржевская стала не только его любовницей, но и духовной наставницей, она буквально изменила линию его судьбы. Под ее влиянием (доказательством тому около 400 писем Веры) Кока стал довольно хорошим драматургом.

Тем временем популярность актрисы росла, как снежный ком, катящийся с горы. «Как чествовали вчера госпожу Комиссаржевскую, так чествуют только воина-героя, любимого писателя, уважаемого профессора, заслуженного общественного деятеля», – писали газеты после одного из ее бенефисов. А в Москве восхищенная Ермолова принесла ей за кулисы цветы. Но мысли Комиссаржевской были далеки от успеха на сцене Александринского театра. Она мечтала о театре собственном.

15 сентября 1904 г. ее мечта сбылась. Комиссаржевская возглавила свой собственный драматический театр. В режиссеры пригласила Н. А. Попова, И. А. Тихомирова, А. П. Петровского, Н. Н. Арбатова. Звала Мейерхольда, но тот отказался – «испугал Петербург». Первой премьерой в Драматическом стала пьеса Горького «Дачники». И… полнейший скандал. Вот что писали в то время газеты: «Публика получила от писателя пощечину и очень этим обиделась». Зато о Театре Комиссаржевской заговорили. Актриса не испугалась «дурной славы» Горького и взялась за следующую его пьесу «Дети солнца». Театр показал этот спектакль 12 октября 1905 г., в самый разгар революционных событий в России. Затем были пьесы С. А. Найденова «Богатый человек» и «№ 13», Л. И. Щеглова «Красный цветок» и много других. Но, пожалуй, самой важной находкой Театра Комиссаржевской стал «Кукольный дом» Ибсена, в котором актриса сыграла Нору. Эта роль стала как бы итогом всей ее актерской жизни, всех ее предыдущих творческих поисков.

Не обошлось и без неудач. Прежде удававшиеся Комиссаржевской роли из классического репертуара теперь как-то поблекли. Она будто повторяла хорошо заученный урок. Потому постоянно подыскивались новые авторы, новые пьесы, новые приемы. Однако многие театроведы называли подобные дерзания «робкими и холодными, более рассудочными, нежели юными»…

Но настоящей помехой для работы театра была цензура. От Комиссаржевской требовали отказаться от всех пьес Горького,

запретили к постановке ряд пьес других авторов. К тому же в это время у нее обострились отношения с Московским Художественным Театром, у которого была своеобразная «монополия» на чеховские произведения. Все это плохо отражалось на репертуаре и материальном состоянии театра.

Нужны были перемены. И Комиссаржевская снова пригласила в свой театр Мейерхольда. На этот раз он согласился. Великий режиссер ввел актрису в мир символистов. Это течение выразилось в театре упрощением внешних форм и усилением внутренних актерских интонаций. Первой постановкой Мейерхольда стала «Геда Габлер» Г. Ибсена, в которой Комиссаржевская сыграла главную роль. Впрочем, зритель не узнавал ни автора, ни великую актрису – настолько сильна была условность в этом спектакле. Такие же новаторские произведения создавались по «Балаганчику» Блока, «Сестре Беатрисе» Метерлинка, «Жизни человека» Андреева. В России зарождался символистский театр… В этом была несомненная удача Мейерхольда как режиссера. Актера же символистский театр постепенно превращал в марионетку. Комиссаржевская чувствовала это и задыхалась. Ей нечего делать в собственном театре, это губит ее талант, уверял всех Андрей Белый. Отношения режиссера и актрисы охладели. Вскоре Мейерхольд получил письмо следующего содержания: «…мы с вами разно смотрим на театр, и то, чего ищите вы, не ищу я…» Это значило, что Театр Комиссаржевской больше в услугах Мейерхольда не нуждался.

Во вселенной, страшной и огромной,
Ты была как листик в водопаде,
И блуждала странницей бездомной
С изумленьем горестным во взгляде!

Эти поэтические строки очень точно описывают состояние Комиссаржевской в то время. Их автор – последний возлюбленный актрисы, поэт Брюсов. К сожалению, роман этот был недолгим, но переписка их до сих пор завораживает своей нежностью и лиризмом: «…Сейчас во всем мире один мне нужен ты. Не ты – твои глаза, которые выслушают меня, пусть молча. Ты придешь, услышишь слово и уйдешь… Я жду». Это одно из последних писем Комиссаржевской к Брюсову. Уходили друзья, уходила любовь, таяли мечты о Новом, Настоящем Театре.

И вдруг Вера Федоровна поняла, что такой театр возможен, но не сейчас, а завтра, послезавтра! Что нужно подготовить для

него почву! Она решила открыть школу, чтобы воспитывать «нового человека-актера». Ради этой идеи Комиссаржевская даже собиралась оставить свой театр, как только закончатся гастроли. Но ее планам не суждено было сбыться.

В начале 1910 г. Комиссаржевская играла в Ташкенте. 24 января у нее начался жар. Актриса отыграла еще два спектакля. И слегла. Врачи поставили диагноз – оспа. 10 февраля сердце Комиссаржевской остановилось.

В чем же была трагедия этой великой актрисы? Пожалуй, наиболее точный ответ на этот вопрос дал Андрей Белый: «…она устала от сцены; она разбилась о сцену, она прошла сквозь театр: старый и новый; оба разбили ее…»

РАНЕВСКАЯ ФАИНА ГЕОРГИЕВНА

Настоящее имя – Фаина Гиршиевна Фельдман
(род. в 1896 г. – ум. в 1984 г.)

Советская актриса театра и кино. Народная артистка СССР, дважды лауреат Государственной премии СССР .

Фаина родилась 27 августа 1896 г. в Таганроге в семье Гирши Фельдмана, уважаемого и известного в городе предпринимателя. Отец имел твердый и сильный характер, а мать – урожденная Валова – была человеком тонкой, изысканной души и редкой музыкальности. Эти черты родителей Фаина наследовала в полной мере.

В детстве девочка училась плохо, но очень любила книги, которые читала запоем. Считала, что в семье ее не любят, но сама

«мать обожала, отца боялась и не очень любила. Писать без ошибок так и не научилась, считать – тоже». Зато уже в пятилетнем возрасте у нее проявилась склонность к лицедейству: когда умер младший брат, Фаина откинула траурный занавес с зеркала, чтобы посмотреть на себя, как она выглядит в слезах.

Весной 1911 г. гимназистка Фельдман в переполненном зале маленького Таганрогского театра в гастрольных спектаклях ростовского театра впервые увидела известную провинциальную актрису Павлу Вульф, игра которой оказала на нее большое влияние в выборе профессии. По окончании гимназии девушка уже определенно знала, что будет актрисой. Решение посвятить себя сцене послужило поводом к полному разрыву с семьей: «Мать рыдает, я рыдаю, мучительно больно, страшно, но своего решения я изменить не могла, я и тогда была страшно самолюбива и упряма… И вот моя самостоятельная жизнь началась».

В 1915 г. Фаина уехала в Москву поступать в театральную школу. Она безуспешно обивала пороги театров, на экзаменах от волнения даже стала заикаться, но «ни в одну из лучших театральных школ принята не была, как неспособная». Оказавшись в Москве без средств к существованию, девушка сильно нуждалась, пока однажды не получила перевод от отца. Но выйдя с почты, она случайно выронила деньги и грустно смотрела, как ветер уносит их по улице: «Как жаль – улетели…»

Когда об этом случае узнали ее новые друзья, кто-то горько заметил, что так вести себя могла только Раневская из «Вишневого сада» ее знаменитого земляка Чехова. С этого времени Фаина Фельдман стала Раневской. Сама же актриса впоследствии на вопросы о происхождении псевдонима неизменно отшучивалась: «Я стала Раневской, потому что все роняла. У меня все валилось из рук».

С большим трудом целеустремленная девушка устроилась в частную театральную школу, но вскоре была вынуждена ее оставить из-за невозможности оплачивать уроки. В один из зимних вечеров у колонны Большого театра замерзшую провинциалку заметила знаменитая балерина Екатерина Гельцер и взяла ее к себе: «Фанни – вы меня психологически интересуете». Гельцер ввела ее в круг своих друзей, брала на спектакли во МХАТ, возила в Стрельну и к Яру. Как говорила впоследствии Раневская: «Это были мои университеты».

В этот период она познакомилась с Цветаевой, Мандельштамом, Маяковским, увидела Шаляпина, Веру Холодную и Станиславского, влюбилась в Качалова… Летом 1915 г. Гельцер устроила свою «закадычную подругу» в дачный

театр, расположенный в подмосковном поселке Малаховка, где и началась артистическая деятельность Раневской.

По окончании летнего сезона Фаина «после долгих мытарств подписала договор на 35 рублей в месяц «со своим гардеробом» на роли «героини-кокет» с пением и танцами» и отправилась в Керчь. Сборов там не было: театр был всегда пуст… Распродав свой гардероб, Раневская перебралась в Феодосию, а после того, как в конце сезона антрепренер сбежал, не заплатив актерам, уехала в Кисловодск, а оттуда в Ростов-на-Дону. Весной 1917 г. она узнала, что вся ее семья погрузилась на собственный пароход и эмигрировала в Турцию.

В Ростове начинающая актриса пришла в дом к Павле Вульф, которую она видела на сцене в родном Таганроге. Прослушав ее, Вульф устроила Раневскую в театр и согласилась с ней заниматься. Но вскоре началась гражданская война, и театр закрылся. В Ростове оставаться было опасно, а в Москву через фронт уже не пробраться, тогда семья Вульф решила ехать в Крым. Фаину взяли с собой, «спасая ее от улицы», зачислив в разряд близких родственников.

С 1918 по 1921 г. в Крыму они видели голод, тиф и холеру, красный и белый террор. Играли в неотапливаемых театрах в Симферополе, Евпатории, Ялте, Севастополе. Как считала Раневская, ее новая семья из четырех человек выжила только благодаря заботам М. Волошина, который находил возможность добывать для них еду.

В конце 1924 г. молодая провинциальная актриса снова оказалась в Москве, где ее по-прежнему никто не ждал. Фаине удалось устроиться в передвижной Театр московского отдела народного образования, который, просуществовав один зимний сезон, закрылся. Но труппа не распалась, и с лета следующего года Раневская снова принялась колесить по стране: Святогорск, Баку, Гомель, Смоленск, Архангельск, Сталинград, снова Баку…

В Москву Фаина вернулась только в 1931 г., дебютировав в спектакле Камерного театра А. Таирова «Патетическая соната». С 1933 по 1939 г. Раневская работала в Театре Красной Армии, где сыграла свою первую большую роль горьковской Вассы Железновой. За нее она была удостоена звания заслуженной артистки РСФСР.

Еще во время работы у Таирова Фаина мечтала о «Мосфильме» и даже посылала туда свои фотографии. Правда, тогда она не знала, насколько кинематограф отличается от ее любимого театра. Вскоре молодой режиссер М. Ромм пригласил Раневскую в свою первую немую картину «Пышка», где она сыграла роль госпожи Луазо. После близкого знакомства с

кинопроизводством актриса говорила о съемках: «Представьте, что вы моетесь в бане, а туда пришла экскурсия». При этом она даже клялась, что никогда больше сниматься не будет. Но после этой исторической клятвы на Воробьевых горах Фаина бросила Театр Красной Армии и четыре года «в хвост и в гриву» снималась в кино.

Однажды ей позвонил режиссер И. Савченко и предложил попробоваться в эпизоде фильма «Дума про казака Голоту», который вышел на экраны в 1937 г. Роль попадьи по сценарию не имела текста, но Раневская настолько мастерски обыграла этот типаж, что вся ее словесная импровизация вошла в окончательный вариант картины. Через два года Фаина создала в кино незабываемые образы жены инспектора в фильме режиссера Анненского «Человек в футляре» и жены портного в ленте Мачерета «Ошибка инженера Кочина».

Потом был кинофильм «Подкидыш» по сценарию А. Барто и Р. Зеленой. Но знаменитые фразы Раневской: «Муля, не нервируй меня», «меньше пены…» и другие она придумала сама прямо по ходу съемок. Эта картина принесла ей широкую популярность, хотя известность «Мули» ее раздражала. 15 июня 1941 г. была закончена картина «Мечта» с Пляттом и Раневской в главных ролях, а через неделю началась война…

Период с 1941 по 1943 г. Раневская провела в эвакуации в Ташкенте, где снималась в «Пархоменко» и «Похождениях бравого солдата Швейка». Все свое свободное время она проводила с Ахматовой, ставшей ее ближайшей подругой. До сих пор непонятно, как она, дружившая и близко знавшая Гумилева, Мейерхольда, Мандельштама, Блюхера и многих других «врагов народа», не попала под «каток» сталинских репрессий. Эйзенштейн как-то передал ей слова Сталина: «Вот Жаров в разном гриме, разных ролях – и везде одинаков; а Раневская без грима, но везде разная». Кто знает, может, эта характеристика «вождя народов» и уберегла Фаину от лагеря…

Летом 1945 г., за год до своего 50-летия, актриса тяжело заболела. Операцию по удалению опухоли делали в «лучшей больнице Союза», о которой Фаина потом говорила: «Кремлевка – это кошмар со всеми удобствами». Но уже в сентябре она приступила к съемкам в фильме Александрова «Весна» вместе с Л. Орловой. В мае 1948 г. Раневская записала в своем дневнике: «Кто бы знал мое одиночество? Будь он проклят, этот самый талант, сделавший меня несчастной… Я обязана друзьям, которые оказывают мне честь своим посещением, и глубоко благодарна друзьям, которые лишают меня этой чести. У них у всех друзья такие же, как они сами, – контактны, дружат на почве

покупок, почти живут в комиссионных лавках, ходят друг к другу в гости. Как я завидую им – безмозглым!»

В начале 50-х гг. Фаина получила двухкомнатную квартиру в высотном доме на Котельнической набережной. Она так долго обитала в коммуналках, что ее новое жилье в престижном доме было для нее радостно-почетной неожиданностью.

В это время Раневская работала в Театре имени Моссовета: «В театре небывалый по мощности бардак, даже стыдно на старости лет в нем фигурировать. Со своими коллегами встречаюсь по необходимости с ними «творить», они мне все противны своим цинизмом, который я ненавижу за его общедоступность… Трудно найти слова, чтобы охарактеризовать этот… театр, тут нужен гений Булгакова. Уж сколько лет таскаюсь по гастролям, а такого стыдобища не помню».

В спектакле «Шторм» Билль-Белоцерковского Фаина играла спекулянтку, для которой с разрешения автора сама придумала текст. После ее сцены публика устраивала овацию и сразу уходила из зала. «Шторм» имел долгую жизнь в разных вариантах, и в конце концов Завадский убрал этот персонаж из спектакля, объяснив Раневской: «Вы слишком хорошо играете свою роль спекулянтки, и от этого она запоминается чуть ли не как главная фигура спектакля…» Фаина предложила: «Если нужно для дела, я буду играть свою роль хуже».

В 1973 г. Раневская переехала в тихий центр, поближе к театру. Здесь, в Южинском переулке, она и прожила остаток своей жизни.

В апреле 1976 г. в связи с 80-летием ее наградили орденом Ленина. Брежнев, вручая в Кремле орден, выпалил: «Муля! Не нервируй меня!» – «Леонид Ильич, – обиженно сказала Фаина, – так ко мне обращаются или мальчишки, или хулиганы». Генсек смутился: «Простите, но я вас очень люблю». Раневскую любил не один Брежнев. Ее благодарными почитателями и давними друзьями были Виктор Некрасов и Аркадий Райкин, Петр Капица и Святослав Рихтер, Сергей Лемешев и Самуил Маршак, Верико Анджапаридзе и Татьяна Пельтцер.

Все, что не касается профессии, у Фаины Георгиевны не сложилось. Семьей не обзавелась, богатства не скопила, хозяйствовать не умела, деньги раздавала сразу же, если они появлялись. Траты делала безумные, например, продала дорогую шубу, на которую копила несколько лет, чтобы приобрести антикварную статуэтку Чехова. Горько иронизируя над собственной житейской непрактичностью, Раневская говорила: «У меня хватило ума глупо прожить жизнь». Видимо так и выглядела судьба актрисы с точки зрения простого обывателя,

оценивающего жизненный успех званиями, наградами и материальными благами. Но ведь Раневская жила другими ценностями – театром, книгами… Она творила, создавала, отдавала себя людям и не умела и не стремилась потреблять.

В последние годы жизни Фаина Георгиевна много болела, работа давалась ей тяжело. Перед спектаклями некоторое время она ни с кем не общалась и после них не сразу возвращалась к обычным делам. Плохо спала, но если долго не играла, чувствовала себя еще хуже. Бороться со старостью ей помогало могучее чувство юмора. Отказавшись торжественно отмечать свой юбилей, она заявила дирекции театра: «Вы мне сейчас наговорите речей. А что же вы будете говорить на моих похоронах?»

Сцену она оставила тоже без лишней помпы, за 9 месяцев до своей смерти сказав в театре: «Мне надоело симулировать здоровье». 19 июля 1984 г. выдающаяся актриса скончалась.

Не раз Раневскую просили написать мемуары, она в ответ смеялась: «Это была бы жалобная книга». Потом взялась за перо, но впоследствии все уничтожила. Сохранились только отрывочные заметки, зарисовки, мысли по тому или иному поводу. А еще остались незабываемые персонажи, созданные ею за свою долгую и непростую творческую жизнь.

ЧЕХОВА ОЛЬГА КОНСТАНТИНОВНА

(род. в 1897 г. – ум. в 1980 г.)

Немецкая актриса театра и кино, русская по происхождению. Обладательница звания «государственная актриса Германии». Снялась в 145 кинолентах. Автор мемуаров «Мои часы идут иначе» (1973 г.)

Ученица русской школы театрального искусства, она стала «кинодивой № 1» гитлеровского кинематографа. Ее ближайшими подругами были Ева Браун и Магда Геббельс. Дружила она и с Лени Рифеншталь, «главным кинолетописцем» Третьего рейха, общалась с женой Геринга актрисой Эмми Зоннеман. Но главное, Чехову любил сам фюрер, ставивший ее выше признанных актрис Марики Рокк и Зары Леандер. В России фильмы с ее участием не показывали ни разу.

Между тем имеются предположения, что она была законспирированным агентом советской разведки и поддерживала регулярные контакты с НКВД. В своей книге «Под псевдонимом – Ирина» бывшая разведчица Зоя Воскресенская приводит эту историческую сенсацию: «Сегодня ясно одно: королева нацистского рейха Ольга Чехова была среди тех, кто мужественно боролся с фашизмом на незримом фронте».

Ольга Константиновна фон Книппер-Доллинг (так звучала ее девичья фамилия) родилась в апреле 1897 г. в городе Александрополе на границе с Турцией. Ее родители были обрусевшими немцами. Детство Ольга провела на Кавказе, где ее отец, занимавший высокий пост в Министерстве путей сообщения, занимался строительством туннелей и прокладкой железных дорог. Позже семья переехала в Царское Село.

Юная Ольга с детства поражала окружающих красотой, умом и самообладанием. Девушка могла получить любое образование, но с детства мечтала о карьере актрисы.

В 16-летнем возрасте ее забрала к себе в Москву родная сестра отца, актриса Ольга Леонардовна Книппер-Чехова. Она определила племянницу в студию при Художественном театре, в котором сама играла. Особой славы Оля здесь не снискала, хотя и утверждает в своих мемуарах, что ее хвалил «сам» Станиславский.

Учеба кончилась быстро: Оля безумно влюбилась в своего кузена Михаила Чехова, который считался тогда восходящей звездой МХАТа, и вышла за него замуж. Через два года у них родилась дочь. Еще через полтора года они развелись. Причина была и в тяжелой атмосфере дома, в котором Ольге пришлось жить вместе со свекровью, с самого начала невзлюбившей невестку, и в постоянных запоях и изменах супруга, который не стеснялся приводить своих поклонниц после вечерних спектаклей домой, и в том, наконец, что Ольга попросту разлюбила мужа.

Во всяком случае, уже очень скоро у нее появился постоянный спутник. Это был австрийский офицер венгерского происхождения Фридрих Яроши, оказавшийся во время Первой мировой войны в русском плену и освобожденный после революции. По словам Михаила Чехова, «это был авантюрист… изящный, красивый, обаятельный и талантливый. Он выдавал себя за писателя и часто увлекательно излагал нам темы своих будущих рассказов». Вместе с ним Ольга уехала из России в Германию в январе 1921 г.

От жизни в России Ольга ничего хорошего не ждала. Родители бежали в начале гражданской войны в Сибирь. Свою маленькую дочь Чехова отдала им, а сама кое-как спасалась от голода, играя в передвижном театре «Сороконожка», который

давал спектакли в провинции, где можно было найти хоть какую-нибудь еду. Эмигрировать ей удалось благодаря хорошим отношениям ее тетки с наркомом Луначарским. Тот выдал Ольге мандат, согласно которому она отправлялась за границу «для поправки здоровья и продолжения театрального образования».

«Те годы научили меня различать главное и второстепенное», – позже писала она в своих мемуарах. Главным, конечно, был театр. Но в Германии Чехова дебютировала и в кино – в фильме «Замок Фогелед». Премьера завершилась «успехом обаятельной иностранки». Затем последовали съемки в «Хороводе смерти», и вновь был шумный успех у немецкой публики. Актрису приглашали к себе Дуглас Фербенкс, Гарольд Ллойд, Адольф Манжу. Знаменитый режиссер Альфред Хичкок предлагал ей главную роль в одном из своих фильмов – детективе «Мари». Среди самых известных фильмов с ее участием – «Маскарад», «Мир без маски», «Зачем вступать в брак», «Красивые орхидеи». В 1923 г. Чехова приняла немецкое гражданство.

Предложения ролей сыпались со всех сторон. «Я работаю с энергией ста лошадей, – писала она в Москву Ольге Леонардовне, – ведь, кроме занятий с Мишей, никакой школы у меня нет». К тому времени молодая актриса снималась во всех фильмах подряд, ее имя стало известно буквально всем, а после выхода на экран картины «Мулен-Руж» она проснулась знаменитой.

Ольга Чехова была одной из самых любимых актрис Гитлера. Он часто приглашал ее в свою резиденцию, расположенную в баварских горах, а на официальных приемах Ольга нередко исполняла роль «хозяйки». Во время визита Молотова в Берлин советские дипломаты постоянно видели ее рядом с нацистскими вождями вместе с Зарой Леандер и Полой Негри. После такого отношения к актрисе высших руководителей рейха ее популярность выросла «почти до пугающих высот».

У Чеховой было амплуа благородной дамы. Снималась она очень много, в год делала до восьми полнометражных фильмов, причем во многих играла главные роли. Все они – холеные, богатые, недоступные красавицы, прекрасно одетые, с безупречными манерами и врожденным аристократизмом, умеющие поддержать непринужденную светскую беседу. Именно это наверняка и очаровало Гитлера и других высших партийных бонз Третьего рейха. Все нацистские вожди, за исключением разве что Геринга, были плебеями, выходцами из низших слоев общества, и им очень импонировал этот блеск и лоск.

Вершины своей карьеры кинозвезда, получившая в середине 30-х гг. звание «государственной актрисы Германии», достигла,

когда ей было уже около сорока лет. Больше всех из немецких кинозвезд зарабатывала тогда Зара Леандер – около 500 тыс. рейхсмарок в год. Чехова немногим уступала ей. Привилегиями она даже во время войны пользовалась совершенно невероятными для рядовых немцев. Она могла, например, свободно ездить за границу, ей оставили личный автомобиль, выдавали карточки на дефицитный бензин, снабжали продуктами питания жившую вместе с ней мать, сестру и дочь (отец к тому времени уже умер).

Выйдя в 1936 г. замуж за бельгийского миллионера Марселя Робинса, «человека порядочного, но очень изнеженного и избалованного», Ольга вновь разочаровалась. Она всю жизнь не любила безвольных людей. Супруги расстались, и актриса вернулась в Берлин, где только за четыре года войны снялась в 40 фильмах.

В это время она категорически отказывалась от выступлений в военных репортажах с Восточного фронта. Выступая по радио, она пела не патриотические песни, а исключительно лирические. И гастролировала – в Вене, Мюнхене, Праге. Благодаря ее усилиям, по свидетельству М. П. Чеховой, сестры писателя, не был разрушен и разграблен дом-музей писателя в Ялте, оккупированной немецкими войсками в 1941–1944 гг.

В октябре 1945 г. лондонский журнал «Пиппл» опубликовал статью, которая произвела впечатление разорвавшейся бомбы. В ней утверждалось, что Чехова была советской разведчицей и якобы получила за это высокую награду в Москве, куда ее тайно переправили из Германии. Сенсацию подхватили и немецкие газеты. Но она лопнула очень быстро. Оказалось, что орден Ленина получила не Ольга Чехова, а ее тетя, актриса МХАТа Ольга Леонардовна Книппер-Чехова (в связи с 75-летием). Правда, в Москве «королева нацистского бомонда» действительно побывала после окончания войны, но уже 26 июля 1945 г. благополучно вернулась в Берлин.

История эта получила запоздалое развитие в России уже в постперестроечные времена. Сын Берия Серго написал в своих воспоминаниях, что Ольга Чехова якобы была личным агентом его отца. Затем в телепередаче «Совершенно секретно» вполне серьезно рассказали о том, что именно Чехова сообщила советскому командованию время танкового удара на Курской дуге. В еженедельнике «Час пик» вышел очерк под названием «Советская разведчица в семье Гитлера»… Однако сегодня также существуют документы (в частности, протоколы московских допросов Чеховой), которые показывают, что никаким агентом НКВД она не была и на роль новой Маты Хари никак не годится.

В невероятно тяжелых послевоенных условиях Ольга снова

играла в театре, снималась в кино. Последний раз она сыграла главную роль в театре в 1964 г., а из кинематографа ушла на десять лет раньше. Актриса оказалась перед выбором – перейти на амплуа «комических старух» или вовсе отказаться от сцены. Или, как она написала в своей книге, «бесцветно и незаметно исчезнуть, уехать за границу, стать экономкой в какой-нибудь интеллигентной семье? Пугает меня не скромный достаток – я голодала, знала нужду и выжила, – но… однообразие дней, сменяющих друг друга, то, чего я боялась всю жизнь».

На склоне лет, завершив свою кино– и театральную карьеру, в 1965 г. она открыла фирму «Ольга Чехова Косметик Гезельшафт». Дела косметической компании сразу пошли более чем успешно. Клиентки свято верили в то, что эта семидесятилетняя женщина, сохранившая красоту, подскажет и им «секрет вечной молодости».

В это время она планировала посетить Москву вместе с дочерью и внуком и написала старым МХТовским друзьям, что собирается приехать «совсем по-домашнему, со мной будут только секретарь, доктор и массажист. Хочу посетить могилы дяди Антона и тети Оли». Подруга юности Алла Тарасова испугалась одного упоминания имени Чеховой, и в Берлин полетело письмо о том, что «еще не время приезжать». И Ольга перестала писать в Москву, более того, когда по радио или телевидению шли сообщения из СССР, всегда тут же выключала их.

В 1966 г. погибла в авиакатастрофе дочь, и Чехова посвятила себя внуку Мише, названному так в честь своего гениального деда. Спустя четыре года она начала писать мемуары, полные неясностей, неточностей, недоговоренностей. Часы жизни Ольги Константиновны Книппер-Чеховой, которые «всю жизнь шли иначе» (именно так «Мои часы идут иначе» она назвала книгу своих воспоминаний), остановились в 1980 г. В возрасте 83 лет актриса умерла в Мюнхене от рака мозга.

Один из фильмов, в котором снималась любимица Гитлера и Сталина, назывался «Человек, который хотел жить дважды». Она и прожила две жизни – одну в России, другую в Германии, оставив заметный след в истории и культуре обеих стран.

ДИТРИХ МАРЛЕН

Настоящее имя – Мария Магдалена фон Лош
(род. в 1901 г. – ум. в 1992 г.)

Выдающаяся немецкая и американская актриса, легенда и миф киноэкрана, сыгравшая более чем в 50 фильмах, эстрадная певица, активная участница антифашистского движения, законодательница моды. Награждена Медалью Свободы (США) и орденом Почетного легиона (Франция). Автор книги «Азбука моей жизни» (1963 г.) и мемуаров «Размышления», «Возьми жизнь мою» (1979 г.).

Звезды экрана у всех на виду. О них мечтают, их творчество и поступки обсуждают, пред ними преклоняются, но о многих вскоре даже не вспоминают, ибо на небосклоне зажглись уже

новые. Но имя Марлен Дитрих привлекает к себе внимание какой-то мистической стабильностью. Как и положено звезде большой величины, необыкновенной аурой, флером, неуловимостью, совершенной элегантностью и неординарностью она притянула к своей орбите внимание миллионов. Дитрих была и остается квинтэссенцией примадонны, женщиной-иконой и произведением искусства.

Родившись 27 декабря 1901 г. в семье немецкого военного аристократа фон Лоша, она получила образование, приличествующее своему положению: свободно владела французским и английским языками, великолепно знала литературу, особенно любила Гете и Рильке, увлекалась философией, занималась гимнастикой, прекрасно играла на рояле и лютне и собиралась стать профессиональной скрипачкой. Педагоги пансиона-интерната в Веймере и профессор Флеш из музыкальной академии считали, что девушка обладала великолепными задатками. Но серьезное заболевание сухожилий левой руки изменило жизнь юной леди. Ее мать, Жозефина Фальсинг, наследница богатого ювелира и хозяйка ювелирного магазина «Конрад Фальсинг» в центре Берлина, воспитывала девочку без лишних сантиментов. Она научила дочь «держать удар» и строгим жизненным принципам: чувству долга, любви к любому, даже незначительному делу и контролю над своими чувствами. Все это не раз пригодилось в жизни будущей актрисе. Свое сценическое имя – Марлен – Мария Магдалена фон Лош придумала в 13 лет, соединив два настоящих, а псевдоним Дитрих, означающий «отмычка» (обозначение для ключа, открывающего старые замки), взяла себе после окончания известной берлинской театральной «Рейнхардт-школы».

Поначалу Марлен доставались лишь крошечные роли, часто даже без слов. Пухленькая, белокурая, голубоглазая девушка с божественно красивыми ногами режиссеров берлинских театров не заинтересовала. Дитрих иногда за один вечер выступала на трех сценах. Роли занимали по времени меньше, чем наложение грима. Она пробовала сниматься в немом кино. 17 фильмов – результата нет. Марлен выступала в развлекательных ревю «Из уст в уста», «Носится в воздухе», не брезговала исполнять песенки провокационного содержания в бисексуальных клубах, позировала для рекламных проспектов в коротком нижнем белье – то ли искала себя, то ли следовала совету матери никогда не сидеть без дела.

На съемках «Трагедии любви» Марлен влюбилась в красивого помощника режиссера Рудольфа Зибера. В 1924 г. они поженились, и рождение дочери Марии принесло огромное

счастье в их маленькую семью. Юная мать не боялась испортить фигуру и кормила свою крошку грудью до девяти месяцев, а затем вновь вернулась к работе в театре. На одном из спектаклей ее из общей толпы статистов выделил знаменитый американский режиссер Джозеф фон Штернберг, снимавший в Берлине первый звуковой фильм. Дитрих привлекла его независимой манерой держаться на сцене и очаровала невозможностью определить источник тонкой эротики. Угрожая возвращением в Голливуд, Штернберг настоял, чтобы на роль Лолы, певички из портового кабака в фильме «Голубой ангел», утвердили Марлен. Она осознавала, что как актриса представляла «полный нуль», и «беспрекословно выполняла все указания единственного мастера, которого знала. Мне казалось, что на съемочной площадке я все делала для него, а он для меня… У меня не было ни амбиций, ни честолюбия, и это спасало меня». И подобно скульптору-творцу Пигмалиону, режиссер из сырого материала создал собирательный образ своей мечты – Галатею, Афродиту, «женщину в стиле Рубенса… о которой мечтали все нормальные мужчины».

Роль певички Лолы стала для Дитрих звездным стартом. По приглашению Штернберга она в 1930 г. приехала в Америку, в Голливуд. Режиссер продолжал оттачивать не только мастерство актрисы, он создал неповторимый загадочный образ женщины, глядящей с экрана сквозь полуприкрытые веки. Марлен сидела на голодной диете, и ее фигура приобрела неправдоподобные изящные линии; вырвала коренные зубы, и лицо получило ту скульптурную отточенность, которая притягивала взгляд; только ноги остались из «родовой конюшни фон Лошей». Образ аристократки с шармом роковой женщины и неуловимыми эротичными чарами покорил зрителей. После демонстрации ее первого голливудского фильма «Марокко» (1930 г.) в газете появилась небольшая статья за подписью «Джимми Стар», которая начиналась словами: «Если эта женщина не перевернет всю киноиндустрию, то, значит, я ничего не понимаю».

Дитрих встряхнула Голливуд, стала царствующей королевой студии «Парамаунт». Фильмы «Обесчещенная», «Шанхайский экспресс», «Белокурая Венера» и «Дьявол – это женщина», снятые Штернбергом и вышедшие в прокат в 1930–1935 гг., имели фантастический успех. Марлен перевезла дочь и мужа в шикарный дом на Беверли-Хиллз, где комнаты по ее желанию были обиты белым мехом. Все заговорили о неповторимом стиле Дитрих, о ее утонченном вкусе. Это она ввела в женскую повседневную моду мужской брючный костюм и создала для себя все сценические костюмы. Ведущие модельеры мира, такие, как

Тревис Бэйтон и Кристиан Диор, беспрекословно следовали ее идеям. Одежда актрисы стала частью легендарного образа. Попытки тиражировать «стиль Марлен Дитрих» заканчивались провалом. Туфли и перчатки, сшитые по индивидуальным меркам, фасон и каждая блестка платья, взгляд, жест, недосказанность – все работало на образ «фатальной женщины».

Можно было лишь глубоко вздохнуть от восхищения, увидев эту блистательную чародейку на экране. И актерский дар Дитрих уже ни у кого не вызывал сомнений. Альфред Хичкок, у которого Марлен снялась в фильме «Боязнь сцены» (1950 г.), признал, что она «профессиональная актриса, профессиональный оператор и профессиональный модельер». Со временем роковая женщина на экране уступила место интеллигентной безупречной леди с потрясающим чувством юмора («Желание», «Ангел», «Нью-Орлеанский огонек», «Зарубежный роман» и др.), оставаясь такой же обворожительной. Вне экрана звездная актриса была все той же сентиментальной, доброй женщиной, умеющей дружить. Режиссер Б. Уайлдер, у которого она играла в фильме «Свидетель обвинения» (1951 г.), писал, что «в действительности она была сестрой милосердия, домашней хозяйкой… Матерью Терезой, только с красивыми ногами. Стоило осветителю на лесах чихнуть, как она неслась в гримерную за каплями и таблетками». После окончания съемок Дитрих одаривала всех участников подарками, щедро жертвовала на больницы и детские дома. В ее роскошный дом часто приходили просто поесть, и Марлен сама с удовольствием колдовала у плиты. И хотя А. Брагинский в одной статье написал, что «следует раз и навсегда понять: Марлен Дитрих в домашних тапочках не существует, как генерал де Голль в ночном колпаке и халате», но она существовала, только тапочки и халат были сделаны на заказ, чтобы образ, созданный Штернбергом, не покидал ее никогда.

Марлен покоряла мужчин. Сохранив с мужем дружеские отношения, она содержала его до конца жизни и спокойно относилась к многолетней связи «мистера Дитриха» с Тамми (Тамарой Матул), русской эмигранткой и их домработницей. Сама же обольстительная Марлен любила многих мужчин. Ее любовниками были люди незаурядные и талантливые – Эрнест Хемингуэй, Эрих Мария Ремарк, Морис Шевалье, Раф Валлоне, Юл Бриннер. Но самый глубокий след в ее душе оставил Жан Габен. Она всегда любила Францию и тяготела ко всему французскому. В Жане ей нравилось все, в нем не было «ничего фальшивого – все ясно и просто». Их чувства друг к другу были глубокими и страстными, но любовников свела и развела война, а затем работа. Марлен не решилась расстаться с Голливудом и

завоевывать европейского зрителя (совместный с Габеном фильм «Мартен Руманьяк», 1946 г., был неудачным), а Жан не хотел покинуть Францию.

Война стала для Дитрих огромным испытанием. Как немка, она переживала глубочайшее чувство вины за свою нацию, к тому же Марлен была любимой актрисой Гитлера. Фюрер звал ее на родину, не скупясь на обещания. Всегда далекая от политики, Дитрих не просто отвергла все предложения нацистов и приняла в 1938 г. американское гражданство, но и стала активной участницей антифашистского движения: собрала миллион долларов для нужд фронта, помогала освобождать людей из концлагерей и заботилась о беженцах, а в 1942–1945 гг. выступала с концертной бригадой в прифронтовой полосе. С войны Марлен вернулась с обмороженными руками, ногами и с наградами.

А вот кинематографических наград у Дитрих не было. Ее героини были загадочными, светскими, веселыми, элегантными, мудрыми, но никогда – героическими. В 1950 г. Марлен пригласили вручать «Оскар». Она тут же разузнала, в каких нарядах будут другие актрисы, и среди моря модных светлых бальных платьев с рюшами появилась на сцене в предельно обтягивающем фигуру черном платье – словно стрела. «После стихших аплодисментов создалось ощущение, что «Оскаром» была сама Марлен», – заметил Стивен Бах. Зачем ей были награды, когда она стала при жизни Легендой и Мифом Голливуда.

В 52 года Дитрих покинула кинематограф. Она создала свое, изумительное по красоте и звучанию, концертное шоу и объездила с ним все континенты. «Марлен Дитрих – это мрак, окутывающий зал, это сноп света, выхватывающий из боковой кулисы что-то в золоте и блестках, в мехах и под вуалью. Пленница света… Она прекрасна, как чудо, как ложь, она красива, как красота…» (А. Брагинский). Марлен работала с огромной самоотдачей и каждая ее песня находила отклик, независимо от того, понимали зрители слова или нет. Хемингуэй писал: «Если бы у нее не было ничего другого, кроме голоса, – все равно одним этим она могла бы разбивать ваши сердца». Ему вторит Кеннет Тайнен: «Этой Марлен – исцелительнице всех ран мира – я бываю благодарен всегда. Ее песни также полны исцеляющей силы. Когда слушаешь ее голос, становится ясно, что в каком бы аду вы ни находились, она побывала там раньше и выжила».

Марлен привыкла «держать удар». Десять лет гастролей были безоблачно счастливыми с Бертом Бакараком, ее неизменным

аккомпаниатором, талантливым пианистом и композитором. Но он был младше певицы почти на тридцать лет, и, женившись на молодой женщине, ушел из шоу. Разрыв с Бертом поверг Марлен в тяжелейшую депрессию, она стала злоупотреблять алкоголем, но сумела выдержать и этот удар и радовала зрителей своими выступлениями вплоть до 1975 г. Еще на закате своей артистической карьеры Дитрих взяла полный реванш над образом мифической дивы, сыграв женщину-антифашистку в фильме С. Крамера «Нюрнбергский процесс» (1961 г.). Последний раз она появилась на экране в 1978 г. в роли хозяйки салуна в фильме «Прекрасный жиголо – бедный жиголо» и навсегда запомнилась песней «Просто жиголо» – одной из лучших в ее исполнении.

В 1975 г. во время концерта в Сиднее Дитрих, будучи в нетрезвом состоянии, упала на сцене и сломала шейку бедра, а спустя четыре года получила еще один серьезный перелом. Самостоятельно передвигаться она уже не могла и замкнулась в своей небольшой парижской квартире. Ни знакомые, ни друзья, а уж тем более зрители не должны были видеть «Голубого Ангела» в инвалидном кресле или прикованной к постели. Мужество не покидало ее. Марлен окружила себя книгами, мысленно разговаривала с любимыми мужчинами, оставившими этот мир раньше ее, писала мемуары и по телефону каждый день общалась с дочерью – благополучной домохозяйкой, воспитавшей четырех сыновей, но бездарной актрисой. Мария преподнесла матери убийственный «подарок», опубликовав в 1992 г. полную скандальных фактов книгу «Моя мать Марлен». Даже журналисты, любящие «жареное», вынуждены были признать, что половина сенсационных заявлений – злобная ложь (в частности, три года, проведенные матерью на фронте, были преподнесены как рекламная уловка). А уж каково было читать об этом Матери? И сердце ее не выдержало.

Марлен Дитрих скончалась 6 мая 1992 г. и как дочь трех народов – Германии, США и Франции – была похоронена под тремя государственными флагами на берлинском кладбище рядом с матерью (согласно завещанию). Но этой звезде, «Жар-птице», имя которой «вначале звучит как ласка, а оканчивается как щелканье бича», не суждено погаснуть, – ибо, как писал, обращаясь к Марлен, Жан Кокто, «секрет твоей красоты заключен в глубинах твоего сердца. Эта сердечная теплота выделяет тебя больше, чем твоя слава, твое мужество, твоя стойкость, твои фильмы, твои песни».

ГАРБО ГРЕТА

Настоящее имя – Грета Луиза Густафссон
(род. в 1905 г. – ум. в 1990 г.)

Легендарная американская киноактриса, шведка по происхождению. Звезда немого кинематографа, исполнительница ролей загадочных и роковых женщин в 26 драматических и психологических фильмах. «Символ нордической красоты XX столетия». Обладательница почетных наград: приза «Оскар» за «незабываемые работы в кино» (1954 г.), медали «Jllis Quorum» – известной королевской награды «для поощрения мужчин и женщин за выдающиеся достижения в области культуры, искусства и общественной жизни» (1968 г.).

«Божественная» Грета Гарбо не носила титула «секс-звезды»,

хотя и сегодня в большинстве опросов признается «первой великой дивой века», «символом нордической красоты XX столетия». Судьба «Джоконды кинематографа», как часто называли Гарбо, была не просто удивительна и загадочна, а поистине уникальна. Пятьдесят лет о ней говорили в прошедшем времени, хотя она была жива. Все эти годы она прожила по соседству с черно-белым мифом о себе самой – самой прекрасной женщине мира. А люди любят загадки и совершенство. И тем и другим она обладала сполна.

Грета Луиза, или Кета, как ее ласково называли дома, родилась 18 сентября 1905 г. в Стокгольме и была третьим ребенком в бедной семье Карла Альфреда и Анны Густафссон. Родителям, несмотря на все беды и лишения, все же удалось устроить девочку в школу. Вспоминая детство, Грета писала: «Я была странным ребенком. Почти не спала по ночам, бродила по дому. Всегда была неуверенна в себе, жила предчувствием, что вот-вот случится какое-то несчастье…» Предчувствие оправдалось. В 14 лет она потеряла отца и вынуждена была оставить учебу: нужно было зарабатывать на жизнь. Уже тогда она дала себе клятву «так построить свою жизнь, чтобы ни от кого не зависеть». Она исполнила ее через двадцать лет, став мультимиллионершей, но счастья ей это, увы, не принесло.

В 15 лет Грета устроилась моделью в шляпный отдел знаменитого стокгольмского магазина готового платья «Пауль У. Бергстрем». «Мама сказала, что я могла бы работать там до конца дней. Возможно, это действительно было бы не так уж плохо». Но судьба уготовила юной очаровательной продавщице совсем иное будущее. Одновременно с поступлением в сценическую школу Королевского драматического театра она снялась в рекламном ролике, который попался на глаза основателю шведской кинематографии Морицу Стилл еру. Тот сразу предложил ей роль итальянской графини в своем фильме «Сага о Йесте Берлинге» (1923 г.). Причиной такого везения Грета считала то, что была похожа на иностранку. Но Стилл ер, как опытный и чуткий мастер, сразу сумел разглядеть в неуверенной дебютантке Актрису, пророчески предсказав: «Такое лицо появляется перед камерой только раз в столетие… Она будет самой великой звездой!»

Первая киноработа Греты, сменившей простую шведскую фамилию на более звучную и загадочную – Гарбо (garbo – статность, совершенство, благородство), оказалась очень удачной, как и роль в фильме известного немецкого режиссера Георга Пабста «Безрадостный переулок» (1924 г.). Но шведское кино переживало тогда не лучшие времена, и Мориц Стилл ер вместе

со своей молодой, но уже заявившей о себе соотечественницей в 1925 г. принял приглашение Голливуда.

Грета трудно приживалась на чужбине. Несмотря на необыкновенную красоту и европейскую известность, ее появление в Голливуде у многих вызвало недоумение: «И эта крестьянка в грубых чулках и стоптанных туфлях – будущая звезда?» Таким же издевкам подвергались ее акцент, вздернутый нос, прическа. Стремясь подогнать «шведскую крестьянку» под голливудский стандарт, ее немедленно посадили на диету, заставив сбросить 14 кг. Но самым трудным для нее был несуразный распорядок дня на студии: ее снимали тогда, когда она хотела спать, и прогоняли со съемочной площадки, когда она готова была работать. По словам писателя Ларса Саксона, «она американизировалась только в одном – научилась водить автомобиль».

Однако уже после первой голливудской картины с участием Гарбо – сентиментальной мелодрамы «Поток» (1926 г.) – о Гарбо заговорили как о сенсации: «Эксперты по кино пришли к выводу, что лицо Гарбо уникально – его с успехом можно фотографировать под любым углом и при любом освещении. Все его пропорции соответствуют пропорциям лиц античных статуй, а тело – образцу античной красоты Венеры Милосской!» Действительно, киноактриса лишь на 2 см по объему груди и 5 см по росту превосходила этот знаменитый эталон красоты. А что касается лица, то оно было просто ослепительным. По воспоминаниям современников, ее бездонные голубые глаза с фиолетовым отливом лучились удивительным светом и как бы таили в своей глубине вечную печаль. Фантастически длинные ресницы при малейшем движении издавали шорох, подобный тому, если бы рядом пролетала бабочка. Нежный овал лица поражал совершенством, а игривая ямочка на подбородке и неестественной густоты волосы способны были свести с ума. Весь ее облик был невообразимо сексуальным. Стихийная, инстинктивная чувственность, скрывавшаяся за нордической прохладой лица и воздушной фигурой, безудержно прорывалась во всем.

Уже в «Потоке» Гарбо выступила в роли романтической красавицы, любовь которой становится непобедимой, роковой и губительной силой. В дальнейшем режиссеры и продюсеры будут настойчиво навязывать ей это амплуа, превращая актрису в символ «загадочной незнакомки» и «шведского Сфинкса». Кинематограф создал трагическую маску Греты Гарбо: высокомерно поднятые тонкие брови, полуприкрытые тяжелыми веками глаза, взгляд – одновременно и усталый, и страстный, и

безнадежно-грустный, овал лица – безупречный и холодный. Все в ней излучало тайну. Такой она предстает в большинстве своих фильмов: «Искусительница» (1926 г.), «Плоть и дьявол» (1927 г.), «Божественная женщина» (1928 г.), «Влюбленная» (1929 г.), «Если ты желаешь меня» (1932 г.) и др. Несмотря на их примитивность и надуманность, актриса покоряла зрителей своей красотой и убедительностью игры. О впечатлении от любовных сцен в ее исполнении кинокритик Артур Найт писал: «В такие моменты каждый мужчина в зрительном зале воображал, будто сжимает в объятиях эту прекраснейшую из женщин, открывал для себя такие глубины чувственности, какие потребуют целой жизни, чтобы утолить эту жажду любовных восторгов». Не менее восторженными были и свидетельства коллег актрисы. Режиссер Джордж Кьюкор однажды сказал: «Она может соблазнить вас одним взглядом». А его коллега Кеннет Тайнен шутливо говорил: «Все, что вы видите в других женщинах, будучи пьяным, в Грете Гарбо вы видите трезвым».

Неудивительно, что красота актрисы буквально сразила при первой встрече ее партнера по фильму «Любовь» (1928 г.) Джона Гилберта – одного из популярнейших актеров немого кино и первого голливудского красавца. Он опоздал к началу съемок, и, когда разгоряченный вбежал в павильон, Гарбо посмотрела на него своими бездонными глазами и тихо произнесла: «Где же вы были так долго?» Через несколько недель романа Гилберт сделал Грете предложение, и она ответила ему согласием. Но в день свадьбы сбежала от жениха, и потрясенный Гилберт так и не дождался ее в церкви. Пытаясь утешить Джона, глава студии «Метро Голдвин Мейер» Луис Мейер фамильярно похлопал его по плечу и сказал: «Все к лучшему, старина! Переспал с красоткой – и даже жениться не надо!» И тут же упал от сокрушительного удара Гилберта. Этот скандал стоил актеру карьеры: его перестали снимать и вспоминали впоследствии только как о жертве Гарбо.

Таких жертв в личной жизни кинобогини будет еще немало. Что же касается творчества, то первые годы работы в Голливуде были для нее особенно трудными, и она неохотно вспоминала о них. Ее отношения с руководством «МГМ» становились все более напряженными. Студия делала ставку на развлекательные ленты, а актрисе хотелось играть интересные, содержательные роли. Кроме того, она тосковала по родине, своим близким. Узнав о преждевременной смерти старшей сестры Альвы, она тяжело переживала утрату и хотела поехать в Швецию, но не смогла. «Я не могу понять, почему Бог внезапно причинил мне такую боль, – писала она Ларсу Саксону. – Я пыталась поехать домой, но все

меня отговаривают… Мне говорят, что я не должна уезжать, пока не снимусь в трех фильмах. Но я уеду при первой же возможности». В Швецию она так уже и не вернулась, хотя несколько раз ездила туда.

И все-таки Гарбо удалось сыграть значительные роли, в которых в полной мере проявилось ее драматическое искусство. К ним прежде всего следует отнести героинь фильмов «Мата Хари» (1931 г.), «Королева Кристина» (1934 г.), «Анна Каренина» (1935 г.) и «Дама с камелиями» (1937 г.). Этот знаменитый роман Дюма-сына экранизировался 26 раз, но Гарбо превзошла всех своих предшественниц, даже Сару Бернар и Элеонору Дузе. Однако таких замечательных ролей ей удалось сыграть немного. Огромный актерский потенциал оставался невостребованным. А ведь Грета обладала уникальным природным даром естественно использовать свою красоту, умением перевоплощаться, невероятной интуицией, которая нередко подсказывала ей то, чего не знали сценаристы и режиссеры. Гарбо никогда не репетировала во время съемок, считая, что ее первый кадр всегда самый лучший. Так оно и было.

В 1939 г. актриса снялась в комедии «Ниночка», проявив новые грани своего таланта. Как оказалось, «шведский Сфинкс» мог заразительно смеяться. Но вслед за этим ей досталась роль в заурядном фильме «Двуликая женщина» (1941 г.). Эта переполнило чашу терпения Гарбо. Так и не дождавшись настоящих ролей, она отказалась от нового контракта. Свое решение актриса прокомментировала коротко и туманно: «Я хочу побыть одна». Это было ее последнее заявление в прессе, после которого 36-летняя звезда навсегда покинула кинематограф.

Этот внезапный уход в расцвете красоты и славы и добровольное затворничество выглядели загадочно, вызывая нездоровый интерес публики. Некоторые считали, что актриса испугалась появления первых морщин и хотела навсегда остаться в памяти своих поклонников молодой. Но профессиональные операторы утверждали, что при правильном освещении она и в 50 лет выглядела бы ослепительной красавицей. Другие полагали, что у нее развился комплекс улитки, скрывавшейся в раковину при малейшем знаке внимания к ней. Гарбо никогда не терпела вмешательства в свою жизнь. Ее знакомые нередко шутили, что она делает тайну даже из того, что ела на завтрак. Лишь под нажимом голливудских боссов Гарбо соглашалась фотографироваться и давать интервью. Но при малейшей попытке какого-либо давления с их стороны задумчиво произносила: «Кажется, я возвращаюсь в Швецию», – и все отступали. Это создало рекламный миф о застенчивости актрисы, любящей

одиночество, который стал для нее своеобразной защитой. Сама же она говорила о себе: «Я не застенчива, не сторонюсь людей, охотно говорю с незнакомыми. Но совершенно не интересуюсь публичной жизнью – я не любопытна». Гарбо любила встречаться со своими друзьями, среди которых были и коронованные особы, и миллиардеры, и премьер-министры, и представители литературной и артистической богемы. Она предпочитала простые развлечения на природе и путешествия. Особенно ее манила Европа. В 1938 г. актриса вместе со знаменитым дирижером Леопольдом Стоковским отправилась в увлекательное плавание на «линкольне» из Италии в Швецию. Частой гостьей Гарбо была на яхте и на вилле своей подруги, миллиардерши Сесиль де Ротшильд, в замке Тистад, принадлежавшем графской чете Вахмейстеров, на виллах Уинстона Черчилля и Аристотеля Онассиса.

Близкие и интимные связи были у актрисы с английским аристократом, официальным фотографом Британской королевской семьи и талантливым художником («Оскар» за фильм «Моя прекрасная леди») Сесилем Битоном. Сменив ради Гарбо свою сексуальную ориентацию, он мечтал о супружестве с ней, но его двадцатилетнее ожидание закончилось безрезультатно, а его дневник, полный подробностей из ее жизни, опубликованный в середине 70-х гг., навсегда разорвал их отношения. Многие источники утверждали, что среди возлюбленных актрисы были также Марлен Дитрих, Эва Ле Галльен, Мерседес д'Акоста. Вне сомнения, эти известные творческие личности сыграли важную роль в ее жизни. Что же касается интимных отношений, то ставшие недавно достоянием гласности 55 писем Гарбо к Мерседес д'Акоста так и не смогли пролить свет на факт их существования.

Странной и неоднозначной была почти двадцатилетняя дружба Гарбо с русским эмигрантом, богатым меценатом Джорджем (Георгием Матвеевичем) Шлее. Актриса каждое лето путешествовала с ним во Францию, купила квартиру в том же доме, где он жил со своей женой, известным модельером Валентиной. Но в существование романа между ними поверить трудно. Возможно, их связывали дружеские и деловые контакты, поскольку Гарбо в глубине души до самой старости оставалась растерянным ребенком, нуждавшимся в опекуне. Помогавший ей в решении финансовых вопросов Шлее после смерти оставил ей почти все свое состояние – акции, недвижимость в Италии, Франции, Швеции, США. В 70-е гг. стало известно, что большая часть торгового центра в Беверли-Хиллз принадлежит Гарбо. Именно Шлее помог ей столь выгодно вложить свой капитал: в

конце ее жизни он составил 32 млн долларов.

Несмотря на множество поклонников, актриса так и не решилась связать с кем-то свою судьбу. По этому поводу она иногда говорила: «Никто, слава Богу, не вынудил меня пойти к алтарю». А в иных случаях отшучивалась: «Меня никто не хотел взять замуж – я не умею готовить».

С годами миф, защищавший ее от толпы, превратился в реальный образ жизни. Об этой губительной метаморфозе убедительно сказал наблюдавший актрису невропатолог Эрик Дриммер: «Чем больше я изучал ее прошлое и слушал ее рассказы, тем больше убеждался: покидая Швецию, она была совершенно нормальной, целеустремленной и счастливой девушкой. В ее проблемах повинен только Голливуд. Как это ни парадоксально, ее жизнь получила неправильное направление в том же самом месте, где были созданы ее слава и богатство».

В течение нескольких десятилетий Гарбо вела аскетический образ жизни, соблюдая строгий режим. Она занималась йогой, читала книги по индийской философии, выходила на пешие прогулки, общалась с небольшим кругом близких лиц. Ничто человеческое не было ей чуждо. И лишь одно она исключила из своей жизни раз и навсегда – кинематограф. Не поколебал ее в этом решении даже престижный «Оскар», врученный ей в 1954 г. «за незабываемые работы в кино».

Она сама подвела итог своей такой блистательной и в то же время странной жизни: «Мои прогулки – это бегство из настоящего в прошлое. Когда я хожу по городу, я постоянно думаю о своей минувшей жизни, о том, почему я сама ее сделала такой, а не иной… Нет, я недовольна тем, как я жила». Грета Гарбо скончалась 15 апреля 1990 г. Все свое состояние она оставила единственной племяннице. Актриса завещала похоронить ее в Стокгольме, но из-за юридических сложностей это удалось исполнить лишь спустя 9 лет. В установленный день люди напрасно толпились на кладбище. Повинуясь странному порыву, племянница перенесла дату погребения. Грета Гарбо вновь ускользнула от мирской суеты в вечное одиночество.

МАНЬЯНИ АННА

(род. в 1908 г. – ум. в 1973 г.)

Выдающаяся итальянская актриса театра, кино и эстрады. Исполнительница острохарактерных и трагедийных ролей, более чем в 50 фильмах, спектаклях и телефильмах. Обладательница почетных призов и наград: премии «Оскар» («Татуированная роза», 1955 г.), призов за лучшие женские роли на кинофестивалях в Локарно («Рим – открытый город», 1946 г.), в Венеции («Депутатка Анджелина», 1947 г.), в Западном Берлине («Дикий ветер», 1958 г.).

Когда Э. Рязанов для съемок своего фильма «Невероятные приключения итальянцев в России» подыскивал исполнительницу главной роли, он выписал из Рима каталог с фотографиями

актрис и сведениями о них. Каково же было его удивление, когда посередине издания он обнаружил чистый лист, на котором было написано только два слова: АННА МАНЬЯНИ. Великая актриса не нуждалась ни в каком представлении. Если бы в Италии существовало официальное звание народной артистки, то первой, кому бы его бесспорно присудили, была бы Анна Маньяни. Итальянцы ласково называли ее Нанни, Наннарелла, Мама Рома. А для всех остальных в мире она была «Да Маньяни» – Сама Маньяни, великая и непревзойденная.

Как актриса, она обладала взрывным темпераментом, импульсивностью, уникальной остротой реакции, сильным характером и неукротимым жизнелюбием. Вместе с тем она нередко испытывала неуверенность, смятение, ощущение своей ненужности. Эта противоречивость натуры Маньяни наложила огромный отпечаток не только на ее творчество, но и на женскую судьбу, обусловила многие резкие эмоциональные кризисы в жизни, бросавшие актрису от трагической обреченности к надежде, от отчаянной агрессивности – к трепетной любви и нежности.

Жизнь Анны Маньяни, родившейся 7 марта 1908 г., не задалась с самого начала. Ее появление на свет было окружено загадками. Отец девочки так и остался неизвестным, а мать – чужой и далекой. Сведения о ее родителях часто искажались, сама же Маньяни писала: «Все это неправда. Мой отец из Калабрии, а мать – римлянка. Я тоже родилась в Риме, на той стороне Тибра, где нет дворцов. Родители рано отдали меня на воспитание бабушке… Я жила с бабушкой, пятью тетями и одним дядей». Родственники любили девочку, однако счастливой она себя не чувствовала: больше всего на свете ей недоставало матери. Первый раз Анна встретилась с матерью, которая к тому времени вторично вышла замуж за богатого австрийца и переехала в Египет, в 9 лет. По мнению матери, дочь была дурно воспитана, невежественна, и поэтому она поместила ее в католический колледж. Впечатлительная, привыкшая к свободе Анна восприняла это заведение как тюрьму. Чтобы побыстрее оказаться на воле, она с подружками открыла все краны в душевой и устроила в здании потоп, а потом разыграла смешную пантомиму за спиной у сестры-наставницы. Бабушка с радостью забрала «изгнанницу» домой. Но и в школе девочка училась неохотно, не выполняла никаких заданий, а хорошие отметки получала благодаря своей памяти.

Анне больше нравилось одиночество, чтение романов «плаща и шпаги». Она любила фантазировать, и воображение уводило ее в дальние страны. В 15 лет она побывала в Египте. Но восторг от

поездки и встречи с матерью сменился разочарованием, страданием от ее невнимания. Мать так и не смогла привыкнуть к трудной, замкнутой и потому чужой ей девочке, которая не вписывалась в ее новую жизнь. Позднее Анна с болью напишет: «…я – увы! – не сумела по настоящему покорить ее сердце».

Вернувшись в Рим, Маньяни приняла первое взрослое решение – стать актрисой. Впоследствии она так объяснит его: «Очевидно, именно стремление к независимости заставило меня избрать свою профессию. А может быть, и нет. Может быть, я избрала эту профессию, потому что мне хотелось быть любимой, хотелось, чтобы мне дарили любовь, которую до сих пор мне приходилось выпрашивать». Она получит эту любовь, но очень дорогой ценой.

В 16 лет Анну без экзаменов приняли в Академию драматического искусства им. Элеоноры Дузе. Преподаватели были просто поражены ярким дарованием ученицы: на сцене некрасивая, угловатая и неуклюжая девушка моментально преображалась. Она так блестяще выступила в курсовом спектакле, что сразу же получила приглашение в ведущую театральную труппу столицы, которую возглавляли корифеи сцены Вера Вергани и Дарио Никодемио. Маньяни подписала с ними свой первый контракт на 1,5 года и сразу же отправилась на гастроли в Милан.

Но, несмотря на очевидную одаренность, карьера начинающей актрисы складывалась медленно и очень трудно. Маньяни писала: «Как я начинала? Театральный зал после спектакля, недоеденный бутерброд, затхлый запах провинциальных лож, умывальник, всю ночь монотонно роняющий капли и доводящий вас до безумия… еще двести километров в поезде, и опять репетиции, и опять убегающий от тебя сон… и постоянное волнение перед выходом на сцену… Роли субреток, со скоростью молний пробегающих из конца в конец сцены со словами: «Обед готов, мадам». Отчаяние, тяжелые приступы хандры, слезы унижения». И вдруг, как свет в конце тоннеля, появился удобный случай показать себя. Молодая премьерша вышла замуж и ушла со сцены, а Маньяни заняла ее место. Вместе с труппой она в 1928 г. отправилась на гастроли в Аргентину. Казалось, начинают сбываться мечты и надежды Анны. Но на нее одно за другим обрушиваются сразу три несчастья. Еще по дороге в Аргентину она познакомилась с молодым, но уже известным пианистом Карло Дзекки. Между ними вспыхнула любовь, но накануне свадьбы жених погиб в автомобильной катастрофе. Вслед за этим распалась труппа и актриса оказалась без работы. Но самым большим ударом для

Анны стала смерть бабушки, единственного по-настоящему близкого ей человека. «В этот день, – вспоминала она потом, – да, именно в этот день проснулся мой мятежный дух, появилась сила, заставляющая выйти наружу, что-то глубоко запрятанное и сопротивляющееся, теперь я могла кричать, когда чувствовала в этом потребность, и молчать, когда мне не хотелось говорить. Да, в этот день родилась “Маньяни”».

По совету Веры Вергани актриса решила попробовать себя на эстраде. Она участвует в ревю Гандузио и неожиданно даже для себя начинает приобретать известность в этом жанре. А в 1934 г. Маньяни впервые снялась в кино. Ее дебют в фильме «Слепая из Сорренто» прошел незамеченным. Камнем преткновения для кино стала ее внешность, считавшаяся некиногеничной. Ф. Оцеп, снявший Маньяни в фильме «Княжна Тараканова» (1938 г.), откровенно сказал ей: «Нет, с таким лицом не быть тебе киноактрисой. Посмотри только на свой нос! И свет на твое лицо не ложится: ты вся кривая, асимметричная!» Единственной ее значительной ролью тех лет стала певичка варьете в фильме Витторио де Сика «Тереза Венерди» (1941 г.).

На этот же период жизни актрисы приходится и ее единственное недолгое замужество. В возрасте 27 лет Анна вышла замуж за красавца Гоффредо Алессандрини, которого любила страстно и самозабвенно. По ее словам, если бы он предложил вместо замужества броситься в Тибр, она бы, не задумываясь, согласилась. Несмотря на то что супруги были очень разными – Гоффредо – человек светский, общительный, легко увлекающийся и Анна, раскованная и яркая на сцене, но замкнутая и вспыльчивая в личной жизни, – их брак поначалу казался счастливым. Но смириться с изменами мужа Маньяни так и не смогла. За семь лет, прожитых вместе, Анна познала счастье, ревность, сомнения и гнев. «Я человек трезвый и во всем отдаю себе отчет, – вспоминала она. – Гоффредо всегда был мне хорошим мужем, и смею ли я сердиться на него за то, что в какой-то день он предпочел мне другую женщину? Нет, я сама была виновата. Ведь я могла бы прикидываться, ловчить, смотреть на все сквозь пальцы. Но я не умею этого…»

Крушение личного счастья вернуло Маньяни к тому, что она умела, – к сцене и экрану. В 1939 г. она успешно сыграла главные роли в спектаклях «Анна Кристи» О’Нила и «Окаменевший лес» Шервуда, получив самую высокую оценку критиков: «Анна Маньяни – редкостная актриса, которая, к сожалению, появляется на театре лишь от случая к случаю, сумела создать удивительный сценический образ. Ее самобытный талант не должен уходить в песок, распыляться на малозначительные роли в фильмах». Не

меньшей популярностью пользовались и возобновленные ею выступления в варьете, теперь уже совместно с прославленным комиком Тото.

Вместе с успехом к ней приходит любовь к молодому актеру Массимо Серато. И вновь – мучительная и безнадежная. Рождение в 1942 г. сына Луки омрачено тайным побегом возлюбленного и заболеванием малыша тяжелой формой полиомиелита. Но, собрав все свое мужество, Анна продолжает упорно работать. В тяжелое военное время актриса бесстрашно выступает со скетчами, высмеивающими фашистов, снимается в кино. И наконец, в 1945 г. наступает ее звездный час. Молодой режиссер Роберто Росселлини предлагает ей сыграть в фильме «Рим – открытый город». Роль Пины – простой итальянской женщины, как бы вышедшей из уличной толпы, напористой и решительной, гордой, резкой, нежной и наивной, олицетворяла лучшие черты народного характера. Именно такую героиню ждала Маньяни все эти годы. Актриса сыграла ее на одном дыхании, без репетиций, так убедительно и достоверно, слово сама прожила такую же жизнь. Точность «попадания» в образ была настолько уникальной, что каждый кадр картины вошел в золотой фонд мирового кино.

Этот фильм, ознаменовавший приход неореализма в итальянское кино и получивший феноменальный успех у зрителей, принес Маньяни мировую славу. Она стала настоящим открытием для режиссеров, и неправильные черты лица актрисы уже ничего не значили по сравнению с тем опаляющим жаром, которым дышал весь ее облик. Ф. Феллини сказал: «Лицо Маньяни. Оно действительно кажется смятенным, разрушенным бурей или каким-то стихийным бедствием. Это скорее пейзаж, чем лицо: на нем читаются тысячелетия страданий, смертей, поворотов… Тождество Маньяни – Рим очевидно». Видимо, потому эта маленькая (ниже среднего роста) женщина казалась крупной и статной, а ее светло-зеленые глаза – темными, глубокими и бархатистыми. В сочетании с роскошной копной волос они создавали портрет этакой черноглазой валькирии, «маску Медузы», как назовут ее впоследствии многие критики.

В течение пяти лет Маньяни снялась в 13 фильмах, лучшими из которых стали: «Долой богатство!», «Долой нищету!», «Бандит» (все в 1946 г.), «Депутатка Анджелина», «Мечты на дорогах» (оба в 1947 г.) и конечно же «Любовь» (1948 г.), снятый Р. Росселлини. С этим талантливым режиссером актрису связало не только творчество, но и самое глубокое чувство, последнее в ее женской судьбе. Позднее об их отношениях Маньяни говорила: «Я всегда любила Росселлини, даже когда ненавидела». Причиной многолетней ненависти, разлучившей их, как всегда стала

измена. Роберто, собиравшийся снять Анну в фильме «Стромболи – земля божья», предпочел ей Ингрид Бергман. Предпочел не только как актрису, но и как женщину. Узнав об этом, Анна с присущим ей темпераментом в порыве гнева швырнула ему в лицо блюдо со спагетти. Для прямой и решительной Маньяни лукавить и притворяться было противоестественно. «Ее честность и искренность были абсолютны, – говорил о ней Т. Уильямс, ее любимый писатель и друг. – Уверенная в себе, независимая, прямая, она всегда смотрела собеседнику в глаза, и за все то время, что мы дружили, я ни разу не слышал от нее ни одного фальшивого слова». Долгие годы после разрыва она хранила молчание и не произносила в адрес Роберто и Ингрид ничего дурного. Эта женщина была великой и в своем искусстве, и в своих поступках.

Последним шедевром неореализма стала роль Маньяни в фильме Л. Висконти «Самая красивая» (1951 г.). После этого наступил черный период безвременья. Чтобы не дискредитировать свой имидж проходными ролями, она предпочитала не сниматься.

Спасением от вынужденного безмолвия стал Голливуд. Поначалу актрису пытались подогнать под голливудский стандарт, но она резко воспротивилась этому. «Я желаю быть такой, какая я есть!» Именно за эту нестандартность она получила «Оскара», исполнив роль в фильме «Татуированная роза» (1955 г.). Удачными были и другие голливудские работы Маньяни – «Дикий ветер» (1958 г.) и «Из породы беглецов» (1960 г.). Но, исчерпав лучшие из возможностей, предлагаемых ей в США, актриса вернулась домой. Она сыграла до обидного мало, гораздо меньше, чем могла и хотела. Долгие творческие простои в период безвременья отнимали силы, иссушали душу. И каким же поистине огромным в этих условиях должен был быть успех тех немногих, лучших ее работ, чтобы обессмертить ее имя и сделать великой!

В Италии у нее также появилось несколько интересных работ – «Сестра Летиция» (1956 г.), «Ад в городе» (1958 г.). Но с приходом 60-х гг. типаж Анны Маньяни в кино все менее востребуется – как неподобающий «эпохе экономического чуда». И лишь единственный из режиссеров молодой генерации П. П. Пазолини поручает ей главную роль в фильме «Мама Рома» (1962 г.). Помимо высочайшего профессионализма она вложила в эту роль всю горечь своей нелегкой жизни, одиночества, великое и святое чувство материнства.

В последующие годы Анна Маньяни снималась мало, в основном работая в театре и на телевидении. Ушла в прошлое

эпоха ее триумфов, но для зрителей Анна Маньяни так и осталась символом настоящего итальянского кино, эталоном искусства, а не зрелища. Она всегда была «Ла Маньяни», королевой сцены и экрана.

…Неизлечимая болезнь быстро отбирала силы. Анна чувствовала приближение конца и страшно боялась смерти. Ей очень была нужна моральная поддержка – и она позвала Росселлини: «Роберто, ты нужен мне». Он приехал и был с ней до последней минуты. А когда ее не стало, похоронил в своем семейном склепе, позаботился об осиротевшем Луке. Анне Маньяни не дано было услышать ту последнюю овацию, которой 28 сентября 1973 г. прощался с ней Рим – город, олицетворением которого была актриса. Недаром Ф. Феллини, снявший ее в фильме о Вечном городе, говорил: «Ты – это Рим. В тебе есть что-то материнское, скорбное, мифологическое, разрушенное…»

БЕРГМАН ИНГРИД

(род. в 1915 г. – ум. в 1982 г.)

Знаменитая шведская актриса кино, театра и телевидения. Исполнительница ролей в 46 фильмах. Обладательница многих почетных наград: 3-х «Оскаров» за роли в фильмах «Газовый свет» (1944 г.), «Анастасия» (1957 г.), «Убийство в Восточном экспрессе» (1975 г.); приза Венецианского кинофестиваля (1947 г.), королевской награды Швеции – золотой медали «Литтерис эт Артибус» (1947 г.); премии Женевского национального пресс-клуба за выдающиеся достижения в области театра (1948 г.); театральной премии «Тони»; телевизионной премии «Эмми» за мини-сериал «Женщина по имени Голда» (1982 г.).

«Жизнь не может быть справедливой или не справедливой, трагичной или комичной. Жизнь – это жизнь, вот и все. Ее должно принимать какова она есть» – под этим монологом одной из своих героинь могла смело подписаться Ингрид Бергман, жизнь которой была исполнена любовью и драматизмом, поклонением и презрением.

Ингрид родилась в Стокгольме 29 июля 1915 г. Она была поздним ребенком в семье Юстуса Самюэля Бергмана и Фриды Адлер. На формирование ее характера оказали влияние все многочисленные родственники, которые занимались ее воспитанием после смерти родителей. Рано ушедшую мать ей заменили тетя Элен, тетя Эльза и бойкая Грета Даниэльсон (любовница отца). Они научили ее по-разному относиться к жизни и вносить поправки в свое поведение.

С 1922 по 1933 г. девочка обучалась в гимназии с весьма напряженным курсом, дополнительно поглощая огромное количество книг, заучивая много стихов и понравившихся диалогов, которые потом она представляла в лицах своим соученицам.

В 11 лет будущая актриса открыла для себя театр. «…На сцене взрослые люди делали то, что я делала дома, сама по себе, забавы ради. И им еще платили за это. Они этим зарабатывали на жизнь. Я просто не могла поверить, что артисты могут вести себя подобно мне, притворяться и называть все это работой». В 1932 г. жюри Королевского театра приняло Ингрид в театральную школу, сразу оценив ее дар. Во время летних каникул 1934 г. она снялась в небольшой роли в фильме «Граф из Мункбро». Дебют был удачным. Ингрид отказалась от дальнейшего обучения, сыграв сразу следующую роль в мелодраме «Прибой». Критики дали высокую оценку первым работам актрисы: «Ее игра прекрасно сбалансирована и деликатна, сама актриса убедительна и верна правде жизни».

В 1936 г. Ингрид снялась в пяти картинах. Наиболее известным фильмом стал «Интермеццо». А в следующем году она вернулась в театр, но параллельно снималась в кинокомедии «Доллар» и неоднозначном фильме «Единственная ночь». Тогда же она вышла замуж за Петера Линдстрома, «возлюбившего искусство дантиста», который ухаживал за ней четыре года.

Большой радостью для Бергман стало известие о признании ее кинозрителями самой популярной актрисой 1937 г. С согласия мужа Ингрид заключила договор на участие в двух немецких фильмах. Идея пригласить Бергман родилась у самого Геббельса. Снят был только один фильм «Четыре подружки». Об этой работе Ингрид всегда сожалела: «Если бы я лучше разбиралась в

политической ситуации, то конечно не поехала в Германию!.. В конце концов, я же собиралась лишь делать кино». Но до отъезда в Берлин она успела сняться в фильме «Лицо женщины» (это был уже ее шестой фильм с режиссером Муландером).

20 сентября 1938 г. Ингрид родила дочь Фридель Пиа. А на следующий день получила приглашение от известного режиссера Дэвида Селзника сняться в римейке «Интермеццо», после которого журналисты говорили, что звезда Бергман взошла на смену Грете Гарбо и Марлен Дитрих. Эта и последующие работы с Селзником сделали актрису знаменитой.

В возрасте двадцати трех лет Бергман не побоялась поехать за тысячи миль от дома, в незнакомую страну, рассчитывая только на свою внутреннюю силу и необыкновенные актерские способности. Смелости и уверенности в себе ей было не занимать. Ингрид поняла, что талант дал ей право иметь собственное мнение и принимать те или иные художественные решения, связанные с выбором или трактовкой роли. Поэтому в угоду капризному Голливуду она не изменила ни фамилии, ни формы бровей, ни зубов – осталась «натуральной». «Так я стала естественной звездой. И как раз вовремя, потому что в кино все дышало искусственностью», – вспоминала Бергман.

За шесть лет работы в Америке ее героинями были учительницы, компаньонки, жены («Интермеццо», «У Адама было четыре сына», «Лихорадка в раю»), барменши, жертвы маньяков («Доктор Джекилл и мистер Хайд»), любовницы («Касабланка»), неукротимые авантюристки («Саратогская ветка»), подруги воров («Газовый свет») и даже врач-психиатр («Завороженный»). Все фильмы были разными, но Бергман всегда оставалась естественной и правдивой. «Самая совестливая актриса», – говорил о ней Селзник.

Картиной, выдвинувшей актрису в ряд ведущих звезд, стала «Касабланка» (1942 г.), удачно соединившая схему любовного треугольника с темой антифашистского сопротивления. В этом фильме Ингрид играла со знаменитым Хамфри Богартом. Еще большие лавры и первый «Оскар» принесла актрисе картина «Газовый свет», где ей приходилось демонстрировать всю гамму человеческих чувств. Эта работа привлекла внимание Альберта Хичкока. И в 40-е гг. он снял три фильма с участием Бергман – «Завороженный» (1945 г.), «Пользующаяся дурной славой» (1946 г.), «Под знаком козерога» (1949 г.). Но своей лучшей работой этого периода сама актриса считает музыкальную комедию «Колокола церкви Святой Марии» (1945 г.).

1946–1948 гг. стали последними звездными годами Бергман в Голливуде. С детских лет ее любимой героиней была Орлеанская

дева, и она раскрыла ее образ в 199 спектаклях «Жанна Лотарингская» на Бродвее. Голливуд принес Бергман славу, но не личное счастье. Она всегда была покорной, образцовой шведской женой. Без согласия мужа не подписала ни единого контракта, не потратила лишнего пенни. Он постоянно вмешивался в ее работу, диктовал, мелочно опекал и полностью распоряжался ее доходами. Любовь ушла. Их соединяла только дочь и верность Ингрид.

А в 1948 г. в жизнь актрисы ворвался Роберто Росселлини, вначале своими фильмами («Рим – открытый город» и «Пайза»), а затем и собственной персоной. Для Ингрид эта встреча обещала свободу и полноценную творческую жизнь. Она влюбилась в него, ничего не зная о его характере, причудах и слабостях, о той бурной жизни, которой он жил. В то время как для него это был очередной, хотя и самый долгий роман, ей любовь принесла крушение привычных устоев, потерю дочери, ужасный скандал и изгнание из Голливуда за аморальное поведение. Линдстром обвинял во всем жену, настроил дочь против матери – и только потому, что «потерял контроль за ней». Практически оставшись без доходов от многолетней работы, преследуемая журналистами, Ингрид пыталась начать жизнь заново. Жестокий суд общественного мнения, признававший ее ранее «святой», теперь приговорил женщину к осуждению на несколько лет. Скандал вокруг развода вспыхнул с новой силой, когда публика узнала, что у ее недавней любимицы будет внебрачный ребенок. Бергман был запрещен въезд в Америку.

Актриса спасалась работой. За несколько лет жизни с Росселлини она снялась в пяти его фильмах. Самым удачным из них был первый – «Стромболи – земля божья» (1950 г.). Но стиль итальянского неореализма не совсем сочетался с индивидуальностью актрисы. И последующие работы были менее удачны. Хотя позднее, в эпоху французской новой волны фильм «Путешествие в Италию» канонизировали, назвав «триумфом элегантной пустоты».

24 мая 1950 г. Росселлини и Бергман узаконили свои отношения. В этом браке Ингрид родила троих детей – сына Ренато (1950 г.) и дочерей-близнецов Изабеллу и Изотту (1952 г.). Ее жизнь с Росселлини была разной, но только не скучной. «Он был типичный расхлябанный итальянец, а я – типичная аккуратная шведка», – рассказывала Ингрид. В конце концов, их брак потерпел крах. Росселини повел себя по отношению к жене словно по сценарию первого мужа – дети остались с ним и 75 % своих доходов актриса по решению суда отдавала на их воспитание.

В 1953 г. Ингрид, выучив текст на пяти языках, с успехом гастролировала со спектаклем «Жанна д'Арк на костре», исполняя свою роль на фоне хора и оркестра. Ее Жанна размышляла о своей жизни и суде над ней так, как это делала сама актриса. Узнав о том, что Бергман сыграла в фильме «Елена и ее мужчины» уже без опеки Росселлини, «XX век Фокс» предложил ей съемки в фильме «Анастасия». Это было триумфальным возвращением в мировой кинематограф. Америка, как и десять лет назад, с восторгом приняла игру Бергман. Кинокритики Нью-Йорка присудили ей приз как лучшей актрисе года.

В марте 1957 г. она соединила свою жизнь с парижским театральным режиссером Ларсом Шмидтом, который стал ей другом до конца жизни, хотя спустя несколько лет официально они развелись. Он искал для жены пьесы, сценарии, находил режиссеров. За роль в телефильме «Поворот винта» Бергман получила премию «Эмми» как лучшая драматическая актриса. Почти каждый год в течение 20 лет появлялся новый спектакль с ее участием или фильм. Ингрид интенсивно работала, будучи востребована и в театре и в кино. Американский сенатор Перси публично извинился перед актрисой от имени всех американцев за те гонения, которые она выдержала на гребне карьеры. Но Бергман не таила зла, а боль врачевала напряженной работой. Однако, когда серьезно заболела ее дочь Изабелла, она 18 месяцев была возле нее, помогая справиться с болью после многочисленных операций на позвоночнике. Повзрослев и став знаменитой моделью, тележурналисткой и актрисой, дочь впоследствии сыграла свою мать в фильме о ней.

Между тем непродолжительные съемки, занимавшие 4,5 минуты в фильме «Убийство в Восточном экспрессе», принесли Бергман третьего «Оскара» за роль второго плана (1974 г.). А в 1977 г. известный шведский режиссер Ингмар Бергман нашел сценарий для своей соотечественницы. В героинях она узнала себя и свою дочь Пиа. Много лет Ингрид пыталась избавиться от вины перед дочерью, унять боль от разлуки с ней и непонимания, которое пролегло между ними. И в фильме «Осенняя соната» она, наконец, смогла признать свою вину, покаяться и попросить прощения у Пиа за боль, причиненную ей. Бергман поняла, что «у нее будет не просто роль – она сама станет ролью». Ради этого режиссер слегка изменил сценарий, приблизив его к реальным событиям из жизни актрисы.

Уже работая над этим фильмом, Ингрид начала «жить взаймы». Злокачественная опухоль груди, три операции, мучительные курсы терапии почти не изменили ее стиля жизни. Поведение актрисы было до конца мужественным. Оно ни в чем

не омрачало работу труппы, ведь даже в третьеразрядной пьесе актриса выкладывалась, как в самой главной роли. Никто, кроме самых близких, не подозревал, насколько она больна, хотя видели, как быстро Ингрид устает.

После третьей операции Бергман уже не смогла ездить на гастроли и съемки, но принимала участие в жизни коллег и друзей, вносила поправки в мемуары, общалась с детьми и мечтала о работе. Ее поддерживал Ларсен и даже Росселлини сказал: «К черту прошлое! Смотри вперед, и иди вперед, как ты всегда поступала!» И спустя четыре года Ингрид вновь стояла перед камерой в роли Голды Меир, глубоко осознав свое сходство с героиней и желая искупить вину перед еврейским народом за фильм, снятый в 1938 г. в фашистской Германии. Актриса мужественно выдержала 9 недель съемок и переездов в Израиле. Метастазы распространились по всему телу, актриса катастрофически теряла вес, боли иссушили ее. Плакали те, кто работал рядом с ней, а она стойко держалась, лишь временами теряя сознание. Мини-сериал «Женщина по имени Голда» (1982 г.) Ингрид уже не увидела. 29 августа 1982 г., в день своего рождения, она скончалась, прожив жизнь достойной женщины и великой актрисы.

МАЗИНА ДЖУЛЬЕТТА

Настоящее имя – Джулия Анна Мазина
(род. в 1921 г. – ум. в 1994 г.)

Итальянская киноактриса. Всемирную известность получила в 50-х гг., снявшись в фильмах своего мужа – гениального режиссера Федерико Феллини.

«Жизнь – это праздник. Проведем его вместе…» Эту романтическую фразу произносит, обращаясь к своей жене, герой фильма Феллини «Восемь с половиной».

Для прославленного режиссера и его супруги эти слова стали символическими. Изящная «маленькая фея» и высокий, добродушный «мечтательный фантазер», однажды встретившись, смогли душой и сердцем ощутить, что созданы друг для друга. Свою длинную совместную жизнь они осветили удивительно

одухотворенным, чарующим светом любви. Своим отношением друг к другу они создали гармонию счастья: Джульетта нашла своего «белого шейха», а Федерико – свою «шекспировскую Джульетту».

Родилась Джулия Анна 22 ноября (по другим данным, 22 февраля) 1921 г. в провинциальном итальянском городе в скромной семье служащего и учительницы. Отец Анны, Жетано Мазина, в молодости был талантливым виолончелистом, играл в оркестре и вполне довольствовался скромным заработком. Ради любви к своей будущей супруге Летиции он был вынужден оставить музыку и стал кассиром на фабрике минеральных удобрений, принадлежавшей родителям невесты. Поэтому его дочь с детства знала: настоящая любовь требует великих жертв и безграничного самоотречения. Она не представляла себе, что может быть как-то иначе.

Анна росла худенькой, выглядела младше своего возраста, что дало повод родителям водить девочку по врачам и возить ее на всевозможные курорты. Неизвестно, каким бы комплексом неполноценности кончилось это увлечение лечением, если бы за дело не взялась тетушка Джулия, не имевшая своих детей. В маленькой замухрышке тетя Джулия разглядела яркий актерский талант и запретила отдавать племянницу в школу, чтобы не травмировать юную творческую натуру. Анна росла в окружении богемных друзей тетушки и готовилась посвятить свою жизнь служению искусству.

В 14-летнем возрасте Мазина стала ведущей популярной детской радиопередачи. В 18 лет ее пригласили в детский театр – на роль феи, с которой она блестяще справилась. Театры наперебой стали приглашать Анну, взявшую себе более звучное имя – Джульетта, на роли сказочных созданий и маленьких зверьков. Известности добавили и тетушкины знакомые, ставшие к тому времени знаменитыми критиками и режиссерами, наперебой расхваливая свою протеже в прессе. Недоброжелатели объясняли успех неизвестной дурнушки покровительством влиятельных людей, а не ее талантом.

В это время Мазина училась на филологическом отделении римского университета и продолжала играть на студенческой и профессиональной сцене, а также вести передачи на радио. Там ее и заметил безработный Федерико Феллини, скрывавшийся в 1943 г. от призыва в армию Муссолини. Через две недели знакомства со «странным юношей в красном шарфе» Джульетта влюбилась в него по уши и поселилась вместе с ним на вилле тети Джулии.

Они прожили вместе пять месяцев и тайком обвенчались,

когда беременность Джульетты было уже сложно скрывать. Через три недели после венчания у молодой жены случился выкидыш – она упала со стремянки. Врач и тетя Джулия успокаивали ее, а Федерико стал увлекаться другими женщинами. Их было немало. Поговаривают, что одна из таких подруг по имени Анна даже родила от него ребенка. Их тайный роман длился дольше других. Джульетта знала о всех его случайных связях и чаще всего от него самого, но никогда не показывала своей ревности. Она была уверена, что по-настоящему муж любит только ее одну.

Сам Феллини снисходительно говаривал о своей жене: «Она была хрупка и нуждалась в защите. Милая и невинная, добродушная и доверчивая. Я властвовал над нею, был рядом с нею великаном. Она всегда смотрела на меня снизу вверх и была мной очарована».

По настоянию мужа Мазина устраивала обеды для тех людей, которые могли быть полезны Федерико в его карьере. Даже если он и не являлся на эти обеды, оскорбленный необходимостью «лебезить перед всякими ничтожествами», Джульетта умудрялась так выстроить беседу, что к концу обеда приглашенные узнавали о Феллини больше, чем мог бы сказать он сам, если бы сидел за столом рядом с ними.

В 1945 г. Джульетта подружилась с любимцем всей Италии – кинорежиссером Роберто Росселлини. И смогла добиться своего: Росселлини дал Федерико работу, пригласив его сначала ассистентом, потом вторым режиссером, а через год, сняв фильм по его сценарию. Так начался творческий путь прославленного мастера, которого со временем назовут «великим Феллини».

А неприметная жена будущего киногения в этом же году с большим трудом родила сына Пьетро, которому врачи с самого начала предрекали очень недолгую жизнь. Ребенок прожил всего две недели, и тут же врачи вынесли приговор несчастной матери: детей у нее больше не будет. Она была в отчаянии, а Федерико приходил со съемок возбужденный и говорил: «Не плачь, Джульетта, ведь у тебя есть я. Зачем тебе дети, тебе хватит хлопот и со мной».

И она старалась не плакать в его присутствии. Джульетта ездила с Феллини в съемочные экспедиции, обсуждала сценарии, доставала деньги на съемки, знакомилась с «нужными людьми» и всегда сглаживала отрицательное впечатление, которое производил на них ее «гениальный» муж. Творческая карьера Феллини набирала обороты. В 1953 г. он получил серебряный приз Венецианского фестиваля за фильм «Маменькины сынки». Через год – еще один за фильм «Дорога», где главную роль клоунессы Джельсомины исполнила его жена.

В Англии после премьеры этой картины Мазину назвали «Чаплином в юбке», а сам великий комик увидел в актрисе достойную продолжательницу его излюбленной темы «маленького человека». Предприниматели спешили использовать имя Джельсомины в рекламе своих товаров: в магазинах можно было купить похожих на популярную героиню кукол, а на обертке конфет красовалось имя наивной и необыкновенно трогательной клоунессы. Морские просторы бороздил названный ее именем пароход.

В 1956 г. «Дорога» получила «Оскара» и в придачу пятьдесят международных наград, что означало мировое признание для супружеской пары. Через год – «Оскар» за «Ночи Кабирии», где главную роль опять же играла Джульетта, уже получившая Гран-при Каннского кинофестиваля за эту ленту. Следом за премиями, полученными на кинофестивалях в Сан-Себастьяне и Москве, на нее посыпались приглашения сниматься в Голливуде. Но Мазина отказалась: все ее время и весь талант принадлежали одному человеку – ее мужу. Она считала, что у гения должна быть муза, которая верно служит ему, забывая о своих желаниях и потребностях. У Феллини была его верная Джульетта, благодаря которой он прожил весьма приятную и беспечную жизнь – в красивом мире своих фантазий.

«Маленькая женщина с глазами потерявшейся собаки» – так говорил он о ней, и она не обижалась на своего гениального мужа. У Мазины никогда не было драгоценностей и нарядов, как у других кинозвезд. Она говорила, что «они ей не нужны, ведь они не сделают ее красивее». Будучи всемирно известной актрисой, женой великого режиссера, она всегда экономила – чтобы Федерико мог позволить себе все, что он хотел. Она мечтала о загородном доме, но всю жизнь прожила в городской квартире, потому что мужу нравилась городская суета. Каждое лето Джульетта проводила с Феллини в его родных местах – Римини, где муж черпал вдохновение, а она всегда болела, не перенося тамошний климат.

Мазина могла бы сделать блестящую творческую карьеру, но вместо этого она делала карьеру для Фредерико. Она осталась актрисой четырех ролей – все в его фильмах («Дорога», «Ночи Кабирии», «Джульетта и духи», «Джинджер и Фред»). А Феллини продолжал получать «Оскары» и другие почетные награды от многочисленных поклонников его таланта во всем мире. Он принимал награды, а она сидела в зале и плакала, и муж кричал ей в микрофон: «Джульетта, прекрати плакать!» – и все камеры направлялись на нее, а она не могла сдержать слез…

Джульетта всегда скрывала от мужа проблемы и недуги,

которых за всю их совместную жизнь было немало. Узнав о своей неизлечимой болезни, она, чтобы не тревожить мужа, лечилась амбулаторно, хотя врачи настоятельно советовали ей пройти курс лечения в клинике. Она прислушалась к их мнению только тогда, когда Феллини лег на операцию в своем родном Римини. Мазина уехала в Рим, как будто по каким-то бытовым делам, а на самом деле чтобы дать согласие на хирургическое вмешательство, но было уже поздно.

Федерико случайно узнал от знакомого, что жена находится в госпитале. Он вызвал машину и, не слушаясь врачей, отправился в Рим, где обосновался в соседней палате с Джульеттой. И в этот раз ей удалось скрыть правду от мужа – он так и не узнал, что она обречена. Супруги выписались из больницы в один день в конце октября 1993 г. – Феллини торопил врачей, поскольку хотел пышно отпраздновать свою золотую свадьбу.

31 октября, в день юбилея, Федерико уговорил Джульетту отправиться в тот самый ресторан, куда он пригласил ее в день знакомства. За столом она вдруг расплакалась. Феллини всегда сердился, когда она плакала, но сейчас неожиданно мягко сказал: «Не плачь… Джельсомина». Он назвал жену именем ее первой экранной героини. И это были его последние слова – через несколько минут он умер от сердечного приступа.

Спустя пять месяцев умерла и его верная жена. Старинный друг семьи Феллини, Тонино Гуэрра, установил надгробие над их общей могилой в Римини и приказал выбить на плите странную фразу, которая удивляет любопытных туристов, не слишком знакомых с творческой и личной биографией прославленного режиссера: «Теперь, Джульетта, ты можешь плакать…»

ДЕНЁВ КАТРИН

(род. в 1943 г.)

Знаменитая французская киноактриса. Обладательница премий «Сезар» в номинации «Лучшая актриса» («Последнее метро», 1980 г., «Индокитай», 1992 г.), премии «Кубок Вольпи» Венецианского фестиваля (1998 г.) за роль в фильме «Вандомская площадь», премии «Золотой медведь» за вклад в развитие кинематографа на МКФ в Берлине (1998 г.). Автор книги воспоминаний «Ее звали Франсуаз».

Известный режиссер Франсуа Трюффо однажды сказал о Денёв: «С чем сравнить Катрин? Если ее вообще надо с чем-нибудь сравнивать, то уж во всяком случае, не с цветком. Ибо в ней существует некая неопределенность, некий нейтралитет, что

побуждает меня приравнять ее к вазе, в которую можно вместить любые цветы – все цветы. Ее облик, манера поведения, ее сдержанность позволяют зрителям проецировать на ее прекрасное лицо все чувства, которые они мечтают испытать». Волшебное очарование этой женщины не меркнет с годами, а становится еще тоньше и изысканнее. Ее божественно красивое лицо с правильными, классическими чертами, словно застывшими во времени, излучает гармонию и спокойствие. Оно может быть поразительно разным – мягким и нежным, неприступным и холодным, неизменным в нем остается лишь одно – его совершенство. На протяжении 40 лет мадам Гармония остается загадочным эталоном красоты и элегантности.

Родилась будущая звезда французского кино 22 октября 1943 г. в Париже, в актерской семье. Катрин, как и ее три старшие сестры, получила строгое воспитание. Отец девочек, Морис Дорлеак, чей авторитет в семье был непререкаем, учил своих дочерей скромности и самоиронии. «Он часто говорил нам, – вспоминает Катрин Денёв, – что под павлиньим хвостом прячутся перепончатые лапы. И я никогда не забываю об этом. Во мне легко отыскать самые разные недостатки, но единственное, чего нельзя у меня отнять, – я не принимаю себя всерьез». Она росла тихой, кроткой и застенчивой девочкой и умела скрывать свои эмоции. Никто не мог понять, о чем хорошенькая Катрин думает, и ее зачастую считали просто-напросто недалекой. Она не любила игр и рано сама научилась читать. Ей нравились патетичные героини Эмилии Бронте, а женщины Франсуа Мориака заставляли вздрагивать.

Семья Дорлеаков, в которой актерами были отец, мать и бабушка, прочила успех на артистическом поприще вовсе не Катрин, а своей старшей дочери – Франсуаз. Энергичная и темпераментная, она всегда защищала младшую сестренку. Очень рано начав свою актерскую карьеру и уже к 18 годам перезнакомившись со всем театральным Парижем, Франсуаз представила Катрин популярному французскому режиссеру Роже Вадиму. 17-летняя девушка очаровала его – один раз увидев, он уже не мог расстаться с ней. В юном создании 32-летний режиссер нашел не только свою любовь, но и «отличный материал» для кинематографа. Вскоре по его настоянию Катрин из шатенки превратилась в изумительную блондинку с самой модной прической 60-х гг. «конским хвостом» и похудела на 10 кг. Своим необычным скромным и тихим поведением в сочетании с очаровательной внешностью она вызвала в кинематографических кругах Парижа всеобщее уважение и восхищение. Когда-то такое же «превращение» Роже Вадим

осуществил со своей бывшей женой Брижит Бардо, только стиль у этих женщин был абсолютно разный.

Чтобы не путали с Франсуаз Дорлеак, которая к тому времени уже была восходящей звездой французского кино, Катрин взяла псевдоним, девичью фамилию матери – Денёв. Роже Вадим снял ее в главной роли в своем фильме «Порок и добродетель» (1962 г.), в котором снимались также Анни Жирардо и Робер Оссейн. Эта картина и стала подлинным дебютом Катрин Денёв в кино (до этого она снялась в шести фильмах).

Произошли изменения и в ее личной жизни. В 1962 г. родители Катрин настояли, чтобы она узаконила свою связь с Роже. Через год у них родился сын Кристиан Жак Вадим. Но отношения между супругами становились все более сложными и закончились разрывом. Катрин вспоминает: «Любовь для меня важнее славы, а счастье важнее успеха. Передо мной отчетливо встала дилемма – когда я приняла решение родить ребенка, я уже знала, что мы расстанемся с Вадимом, но это не имело никакого значения… Мне важен был Вадим не как муж, а как отец будущего ребенка. После долгих раздумий я решилась. И могу сказать, что я счастлива. Я мать, а мать никогда не бывает одинокой. Материнство приносит мне радость. Правда, оно есть некоторый вид взвешенного жертвования собой». После разлуки Катрин и Роже сумели сохранить теплые, дружеские чувства друг к другу, но в фильмах Вадима Денёв так больше никогда и не снималась.

Вторым мужем актрисы стал молодой красивый фотограф из журнала «Плейбой», Дэвид Бейли. Их отношения продлились совсем недолго. Катрин по причинам, известным только ей одной, оставила Бейли, хотя разводиться с ним не стала. К этому времени в профессиональной карьере актрисы произошли большие изменения. В 1963 г. на Международном фестивале в Каннах был показан музыкальный фильм Ж. Деми «Шербурские зонтики», в котором Катрин Денёв вместе с Нино Кастельнуово спели романтический гимн любви. Написанная специально для этого фильма печальная музыка Мишеля Леграна звучала повсюду. Картина, получившая на фестивале Золотую пальмовую ветвь, стала рождением Катрин как настоящей актрисы и принесла ей огромный успех и славу. Через три года она вновь снялась у Ж. Деми – сыграв вместе со своей сестрой Франсуаз сестер-близнецов в мюзикле «Девушки из Рошфора» (1966 г.), завоевавшем огромные зрительские симпатии.

В 1967 г. судьба послала Денёв тяжелое испытание: ее любимая сестра заживо сгорела в своем автомобиле. И без того

замкнутая и неразговорчивая, Катрин словно превратилась в «каменную статую». Среди ее многочисленных женских безделушек появились амулеты от сглаза и порчи. Она смогла заговорить о сестре лишь через тридцать лет – во Франции вышла книга воспоминаний актрисы «Ее звали Франсуаз». Выйти из состояния ступора, связанного с этой потерей, Денёв помогли друзья и работа. Легендарные режиссеры К. Шаброль, Д. Ризи, Ф. Трюффо, Л. Бунюэль, Р. Поланский, К. Лелуш, М. Феррери, Ж. Деми, увидев и почувствовав в Катрин способность по-настоящему играть и стать действительно первоклассной кассовой актрисой, предлагали ей роли в своих фильмах. Ее партнерами на съемках стали такие знаменитости, как Д. Холидей, Р. Оссейн, М. Пикколи, М. Мастроянни, И. Монтан, Ж. Депардье, Ж. Л. Трентиньян, А. Делон. Денёв всегда играла с огромной самоотдачей и никогда не подводила своих коллег.

Увидев Катрин в фильме Романа Поланского «Отвращение» (1965 г.), Л. Бунюэль нашел в ней «актрису интеллигентную, красивую, загадочную… актрису, которая постоянно находится в движении». Фильмы «Дневная красавица» и «Тристана» (оба в 1970 г.) получились неординарными, в чем-то скандальными, но заслуженно вошли в «золотой фонд» не только французского, но и мирового кинематографа. «Дневная красавица» – фильм о душе и плоти, о тонкой игре человеческих чувств и желаний, о фантазиях и иллюзиях – вызвал бурю разнообразных эмоций как у критиков, так и у зрителей. Некоторые обвинили картину в пропаганде безнравственности и проституции. Денёв, сумевшая пройти вместе со своей героиней от девичьей невинности до женщины – символа моральной деградации и извращенности, – вспоминает, что съемки дались ей очень тяжело, иногда превращаясь в «сплошной кошмар». Но до сих пор эту работу актриса считает одной из самых больших удач в своей жизни. На Международном кинофестивале в Венеции фильм «Дневная красавица» был удостоен Гран-при «Золотого льва Святого Марка».

В 1971 г. М. Феррери предложил ей роль в своем фильме «Сука». Партнером Катрин по съемкам был знаменитый актер и искуситель женских сердец Мастроянни. Пылающая на экране между героями страсть и в настоящей жизни оказалась любовью. Марчелло был очарован контрастом, который составляла удивительная красота и подчеркнуто сдержанная манера поведения Катрин. Опытный 47-летний ловелас превратился в рассеянного мечтателя. В течение полугода он умолял свою жену Флору, привыкшую к похождениям мужа, дать согласие на развод, несколько лет метался между Римом и Парижем, пока не

обосновался во французской столице. А влюбленная, но ненавидящая готовить Катрин освоила 34 рецепта приготовления фасоли, но на все предложения о замужестве ответила решительным отказом. Даже рождение в 1972 г. их дочери Кьяры-Шарлотты, которое Д. Мазина назвала «последним средством для взятия неприступного бастиона французской независимости», не повлияло на решение Денёв.

Катрин говорила: «Если я принимаю решение, соответствующее моим убеждениям, никто и никогда не сможет заставить меня от него отказаться. Даже если это безрассудное решение». Многие считают Денёв бесчувственной и невозмутимой красавицей со слишком твердым и порой жестоким характером. Но ведь недаром ее называют «Лед-и-Пламень». Просто Катрин боится быть счастливой: «…Несчастье, печаль более органичны, чем радость. Словно я знаю, когда счастлива, что потом придется за это расплачиваться». Мастроянни в конце концов возвратился к своей законной семье. Но они остались друзьями и вместе прошли через трудности, связанные с бурным и не всегда правдивым обсуждением в прессе их романа, вместе воспитали дочь. Кьяра-Шарлотта, как и ее старший брат Кристиан, продолжила семейную традицию и стала актрисой. Вместе со своей знаменитой матерью она снялась в фильме Клода Лелуша «Только вдвоем».

Денёв, мать двоих взрослых детей, а с недавних пор еще и бабушка, очень высоко ценит семейные узы, но по-прежнему предпочитает не афишировать свои чувства. У нее и друзей совсем немного, и далеко не все из них известные личности. Катрин говорит, что ей никогда «не нравилась идея дружить с кем-то публично». Пожалуй, единственным исключением является величайший кутюрье Ив-Сен Лоран – «великий провидец моды», у которого актриса предпочитает обновлять свой гардероб и которому вот уже долгие годы служит музой. И если в личную жизнь Денёв «всунуть нос», она жестоко его прищемит, передав дело в суд: «Нет, я вовсе не жестокая и не придирчивая. Просто, если меня пытаются поссорить с людьми, которых я люблю, за такое положено отвечать».

В дружбе, как и в любви, Катрин предпочитает чистые, ясные отношения, по ее словам, «охладевшая дружба» и «неверная любовь» для нее просто невыносимы. Столь обстоятельно актриса относится не только к сфере человеческих отношений, но и к своей профессии. Снявшись однажды у режиссера Андре Тешине, близкого ей по духу, Катрин больше не расставалась с ним, проходя «через миры, совершенно различные» («Отель «Америк», 1981 г.; «Место преступления», 1986 г.; «Мое любимое время

года», 1992 г.; «Воры», 1996 г.). В этом актриса видит свое мастерство, свой дар, свое искусство.

Денёв снялась более чем в семидесяти фильмах. «К своим работам подхожу с исключительными мерками, – говорит она. – По моему мнению, удались фильмы «Шербурские зонтики», «Дневная красавица», «Дикарь», «Последнее метро». А вообще я считаю, что кино – коллективная работа. Или работают все, или ничего не получается. Фильм – это своеобразная мозаика, где у каждого – особенная клеточка…» Правда, эти слова актриса говорила еще до того, как снялась у знаменитого Режи Варнье, работа с которым ознаменовала новый творческий подъем в ее карьере. Роли в его фильмах «Индокитай» (1992 г., премия «Оскар» в номинации «Лучшая женская роль») и «Восток-Запад» (1999 г.) стали для Денёв самыми дорогими за последнее время и ее настоящими актерскими победами.

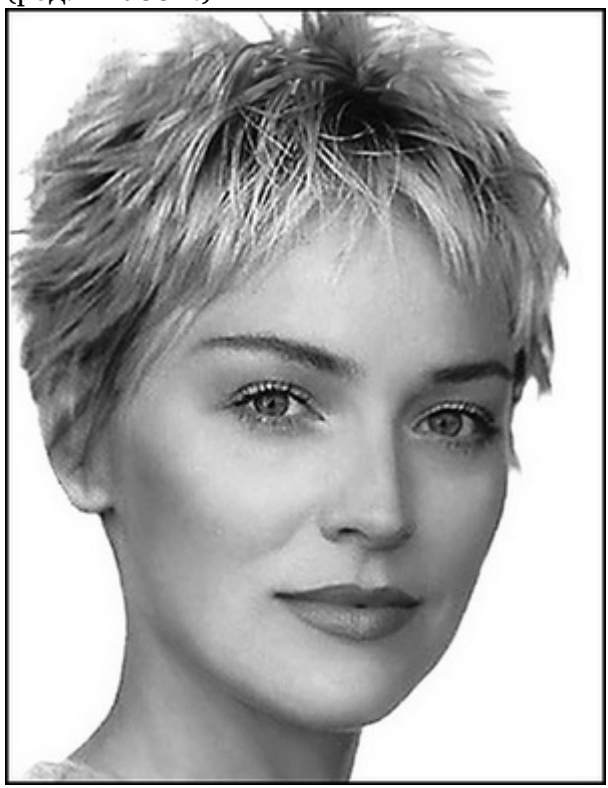
Сегодня актриса позволяет себе сниматься в кино тогда, «когда очень хочется», объясняя это возможностью самой выбирать, какую роль ей сыграть, а от какой отказаться: «Мне теперь не нужно ничего из того ассортимента, к которому стремится всякая молодая актриса. Слава, деньги, карьера – все было или есть, и я этим довольна. Кино – такая вещь, которую нельзя исключить из истории лишь потому, что я себе не нравлюсь в той или иной картине или мне не нравится окружение. Поэтому я не тороплюсь. Снимаюсь, когда очень хочется. Отказываюсь, когда есть малейшие сомнения. И жду. Но мое ожидание не напряженное, а скорее философское». Не так давно состоялась премьера одной из последних ее картин – «Танцы в темноте» Ларса фон Триера, где Катрин сыграла необычную для себя роль женщины, работающей на заводе слесарем по металлу. Денёв говорит, что могла бы пойти еще дальше, переступив через свой имидж благородной красавицы, и сыграть уродливую, отрицательную героиню, но никто почему-то ей таких ролей не предлагает.

Дни актрисы до отказа заполнены личными и профессиональными заботами. Она признается, что все успевает «ценой собственной энергии», потерю которой восстанавливает во сне. Мир бизнеса предложил такой красивой и светлой женщине представлять самую «дамскую» продукцию. Еще в 25 лет Катрин стала в США живым олицетворением духов «Шанель № 5», а в настоящее время для американской компании «Эйвон» она рекламирует духи, названные «Денёв». Много лет актриса сотрудничает с ювелирным домом «Shaumet», негласно являясь его «лицом». Катрин «чувствует» камни, недаром профессионалы считают, что за роль женщины-ювелира в картине «Вандомская

площадь» она получила «Кубок Вольпи» не только как актриса, но и как специалист. А дружба со всемирно известным кутюрье Ив Сен-Лораном переросла в сотрудничество. У актрисы много секретов красоты, но главное, считает она, – чувство умеренности: «Сегодня настало время, когда естественность стала цениться гораздо выше всякой искусственности. Но это должна быть отшлифованная естественность». Как первая красавица Франции, чей стиль безупречен и индивидуален, Денёв может позволить себе не скрывать возраст. Она по-прежнему остается совершенной женщиной – истинным воплощением «французского стиля и французского вкуса».

СТОУН ШАРОН

(род. в 1958 г.)



Всемирно известная американская киноактриса.

Эту актрису недаром окрестили «Мэрилин Монро 90-х» – у них много общего. Обе они статные, роскошные блондинки с длинными ногами. Обе вышли из низов и пробивались к славе, не считаясь ни с чем, в том числе позируя перед фотокамерой в неглиже. Обе долго пребывали на вторых ролях, и даже число фильмов, предшествовавших успеху, у них одинаковое – 20. Обе вызвали фурор какими-то отдельными эпизодами на экране, прочно запомнившимися публике. И наконец, обе, достигнув славы, стали всячески отстраняться от имиджа секс-символа, который сделал их знаменитыми.

Шарон Стоун родилась 10 марта 1958 г. в маленьком городке

Мидвилл, штат Пенсильвания в большой семье мастера-инструментальщика. Она была высокой, костлявой и носила очки с толстыми линзами. Единственное, чем могла похвастаться Шарон, – это своими мозгами: в 13 лет у нее был наивысший среди ровесников коэффициент интеллекта. Стремление позировать и устраивать театральные представления сочеталось у нее с интересом к литературе, живописи и кино. Ее мать Дороти работала в библиотеке, отец Джозеф – на железной дороге. Он привил маленькой дочери любовь к огнестрельному оружию, которое стало с тех пор ее страстным хобби.

Колледж в Сегертауне Шарон закончила в 15 лет со степенью бакалавра. С такими познаниями в американской глубинке делать было нечего. И родители не по годам смышленой девочки успокоились только после того, как вытолкали ее за порог. С легкой совестью они отдали несовершеннолетнюю дочь в Эдинборский университет – подальше от безысходности провинциального существования.

Здесь юная студентка по-прежнему выделялась на фоне сверстников своим высоким интеллектом, но ей хотелось отличиться в другом: «Я заставила себя осознать свои возможности. Сначала покрасила волосы в черный, потом в каштановый и, наконец, в рыжий цвет. Свою внешность я рассматривала как задачу». С поставленной задачей она справилась, о чем свидетельствовали регулярные победы на разнообразных конкурсах красоты. Первые успехи вдохновили выпускницу университета, и она подалась в Нью-Йорк. Поближе к «цивилизации».

К концу 70-х гг. Стоун прошла очень длинный и тернистый путь: от продавщицы в «Макдоналдсе» до успешной модели в Нью-Йоркском агентстве Эйлин Форд. Но даже появление на обложках журналов «Эль» и «Вог» не смогло удовлетворить ее честолюбия, и она отправилась на завоевание Голливуда, где ушлые постановщики не торопились включать пришлую «звезду» в свои кинопроекты. Около 10 лет девушка зарабатывала на жизнь в местных ресторанчиках: подавала заказы, мыла посуду.

После 30-летнего рубежа ситуация обострилась: Шарон решила прорываться. Первое, что она предприняла, – согласилась на съемку в «Плейбое». Шаг с обложки мужского журнала на киноэкран был стремительным, режиссеры сразу обратили внимание на очередную милашку – впервые на экране она появилась всего на три секунды в окне поезда, проезжающего мимо главного героя. Но зато это произошло в фильме самого Вуди Аллена «Воспоминание о звездной пыли» (1980 г.).

Потом были какие-то безликие и бесконечные «Смертельные

блага» и «Непримиримые противоречия», где Шарон активно предлагали «обнажиться и подвигаться». Что она безропотно и выполняла. Не брезговала актриса и телесериалами. Дело дошло даже до «Полицейской академии». Дальше, как говорится, уже некуда…

Путь ее не был усыпан розами. Достаточно сказать, что пять раз она была на грани жизни и смерти: в детстве чуть не утонула, в 12 лет упала с лошади, получив тяжелые увечья и рваную рану груди, выжила после автокатастрофы, вылечилась от инфекционного менингита и не поверила врачам, ошибочно диагностировавшим у нее рак груди. Проблемы со здоровьем не сломили, а лишь закалили эту целеустремленную женщину, сделав ее почти неуязвимой в циничном мире кино, где судьба человека гораздо легче разрушается, чем формируется.

В это время она дважды побывала замужем. Первый брак был недолгим и Стоун тщательно его скрывает. Вторым мужем на протяжении двух лет был телепродюсер Майкл Гринберг. Развод с ним в 1986 г. Шарон переживала очень тяжело.

Все же «подлые обманщики-мужчины» иногда могут принести счастье. Так, однажды сексапильность «звезды мыльных опер» не на шутку взволновала знаменитого голландского режиссера Пола Верховена. Естественно, Шарон не упустила свой шанс. Вскоре, как честный человек, он был просто обязан снять ее в своем фильме. Один за другим выходят «Вспомнить все» с Арнольдом Шварценеггером (1990 г.) и «Основной инстинкт» с Майклом Дугласом (1992 г.), вознесшие Стоун на кинематографический Олимп. Верховен был тут же брошен и забыт, а Шарон уже примеряла к себе титул «кинозвезды мирового значения».

После грандиозного успеха «Основного инстинкта» и последовавшей за ним «Щепки» (за съемки в которых она получила 300 тыс. и 2,5 млн долларов соответственно) Стоун решила переквалифицироваться, наконец, в «серьезную актрису», уйти от навязанного ей образа «роковой женщины». Она объявила о своем намерении никогда больше не сниматься в эротических сценах. Кроме того, Шарон намеревалась в судебном порядке разобраться с Полом Верховеном, показавшим скандальные кадры допроса в «Основном инстинкте» без ее согласия.

Возомнившую о себе не весть что актрису вскоре поставили на место: за роли в фильмах «Перекресток» и «Специалист» в 1994 г. она получила сразу две «Золотые малины» от американских кинокритиков. Первую – за худшую женскую роль года, а вторую, вместе с Сильвестром Сталлоне, – за худший экранный дуэт. Критикам и этого было мало: два года спустя она была вновь признана худшей актрисой в новом имидже, теперь

уже за фильмы «Дьявольщина» и «Последний танец».

Но киноведы все же были к ней несправедливы. В это же время были «Год оружия» Джона Франкенхаймера, замечательный политический детектив об итальянских «красных бригадах», и феминистский вестерн «Быстрый и мертвый», в котором Стоун демонстрировала свое умение мастерски стрелять и который она даже продюсировала сама. Было, наконец, «Казино», за которое она удостоилась премии «Золотой глобус» и номинации на «Оскар». Они принесли Шарон настоящий успех, заставивший наконец-то иначе взглянуть на актрису, которую до того воспринимали лишь как «девочку без трусиков».

Но все перечисленные удачи – скорее исключения из правила, правила Роковой Блондинки, Подружки и Врага главного героя одновременно. Стоун, как умная женщина, и сама это понимает. Ум и сексапильность ей удается совмещать без риска для собственной карьеры. В чем в чем, а в прагматичности актрисе никак нельзя отказать. Совсем недавно она приняла предложение руководителей парфюмерной фирмы «Ральф Лорен» стать лицом их новых духов. Шарон Стоун по условиям контракта получит 15 млн долларов, став, таким образом, самой дорогой актрисой, когда-либо снимавшейся для рекламы.

Вряд ли кинозвезда верила сама себе, когда заявила журналистам, что в 40 лет выйдет замуж. В июле 1997 г. на съемочной площадке фильма «Сфера» Шарон познакомилась с главным редактором газеты «Сан-Франциско Экзаминер» Филом Бронштейном. За крутой нрав, внешний вид и пристрастие к сигарам Фила называли мачо. Он курсировал от законной жены к молоденькой любовнице и обратно. Кто-то, возможно, решил бы не соваться в его насыщенную личную жизнь. Но Шарон не «кто-то», и подобные глупости ее никогда не смущали. Деятельная дама перебралась из опостылевшего Лос-Анджелеса в Сан-Франциско и поселилась в роскошных апартаментах прямо напротив офиса Бронштейна.

Фил не строил из себя недотрогу и, несмотря на чрезвычайную занятость, легко выкраивал время для свиданий с голливудской дивой. Шарон была в восторге, она влюбилась в мачо по уши. До этого она не раз сетовала: на съемочной площадке, дескать, была рядом с Де Ниро, Сталлоне, Шварценеггером, а в жизни попадалась только мелкая рыбешка. Но наконец-то появился человек, который не считал ее ни стервой, ни куклой Барби. Он смог убедить Шарон в том, что она слабая женщина, стал о ней заботиться и в конце концов в феврале 1998 г. женился на ней.

В мире шоу-бизнеса не принято интересоваться возрастом

звезд. Стоун же угораздило заявить во всеуслышание о своем сорокалетии. Теперь она видит, как ее одногодки спокойно играют роли, которые ей не предлагают просто потому, что публика помнит о ее возрасте. А потом грянул гром среди ясного неба: у Фила случился инфаркт. Когда это произошло, Шарон впервые осознала, что молодость закончилась. В доли секунды она переоценила свою жизнь и решила с этого дня посвятить себя семье, а не карьере.

Именно поэтому, узнав от врачей о своем бесплодии, она на удивление мало расстроилась: «Мы решили усыновить ребенка. Сколько можно тянуть с этим – жизнь идет, и никто не знает, что будет через год или два».

Весной 2000 г. адвокат по усыновлению разыскал в Техасе несовершеннолетнюю пару будущих родителей. Сами они не чувствовали себя готовыми к тому, чтобы иметь детей, но были довольны, что их сын, вместо того чтобы попасть в приют, обретет настоящую семью. Так малыш нашел новых родителей еще до рождения. Шарон пока не доверяет ребенка никаким няням. Теперь она твердо знает, что основной инстинкт бывает только материнским.

Богини музыки и танца

ПАТТИ АДЕЛИНА

Полное имя – Адель Хуана Мария Патти
(род. в 1843 г. – ум. в 1919 г.)

Итальянская певица, колоратурное сопрано. С неизменным успехом выступала на оперных сценах мира около шестидесяти лет.

Это случилось в 1862 г. Однажды ночью пассажирский пароход, курсировавший от Гамбурга до Нью-Йорка, затонул прямо посреди Атлантического океана. В живых чудом осталось только трое: два матроса и юная пассажирка. Их долго швыряло на волнах, и они поддерживали друг друга как могли. Потом один из матросов не выдержал, попрощавшись с товарищами по несчастью, нырнул в пучину, и обратно уже не вынырнул. Но двое других не хотели сдаваться и из последних сил боролись со

стихией…

Очень скоро мужество покинуло и девушку. Она, уже полуживая, на прощание поцеловала матроса мокрыми губами и заплакала: «Если бы ты знал, как я хочу жить…» Но матрос грубо оборвал ее: «Пока я живой, я тебя не оставлю. Держись сколько можешь и не визжи от страха, иначе по морде получишь…»

Дальше все было как в хорошей сказке. Мимо проходил парусник, тонущих заметили, втащили на палубу, обогрели и доставили на североамериканский континент. Спасенную девушку звали Аделиной Патти, и в Америке ее с нетерпением ждали. Она была оперной певицей…

Легенды о ее голосе дошли и до наших дней, и в том, что она была гениальной исполнительницей, сомневаться не следует. Аделина была способна не только подражать трелям соловья или соревноваться со звучанием оркестрового кларнета – она могла заставить людей плакать. Однажды, будучи в Буэнос-Айресе, где никто не понимал по-английски, она так проникновенно исполнила британскую балладу «Дом, мой милый дом», что слушатели залились слезами, даже не поняв смысла этой чужой песни.

Патти родилась в Мадриде в 1843 г. в семье бродячих драматических певцов – итальянца-отца и матери-испанки. Мать Аделины, пользовавшаяся на итальянской сцене заслуженной популярностью под именем Барилли, разрешившись последним ребенком, совершенно потеряла голос. Однако природа, как известно, не терпит пустоты: лишив мать работы, она подарила волшебный голос дочери.

В связи с материальными затруднениями семья вынуждена была перебраться из Италии в Америку, где в 1850 г. юная певица впервые вышла на сцену. Это произошло от великой нужды, ибо в тот день у родителей Аделины не было денег для ужина.

Очень быстро ее необыкновенный голос привлек внимание публики и антрепренеров. Но уже в раннем возрасте Патти демонстрировала капризность и строптивость характера, от которой не раз страдали родители, партнеры по сцене и служащие театра. Иной раз ее вздорность помогала карьере, но чаще служила поводом для пересудов.

Помимо голоса и прекрасных музыкальных способностей природа наделила Патти редкой выносливостью. За четыре года странствий по городам Южной и Северной Америки девочка дала более трехсот концертов – приблизительно по концерту каждые четыре дня. И везде был небывалый успех. В Пуэрто-Рико, где до этого не видели и не слышали артистов-чужеземцев, девятилетнюю Аделину прозвали «маленькой колдуньей».

В 1855 г., когда необходимые средства для семьи были собраны, Аделина прекратила выступления и начала готовиться к профессиональной карьере. Ее учителем стал Морис Стракош – муж ее старшей сестры. За четыре года Патти освоила девятнадцать классических партий и стараниями своего терпеливого учителя превратилась из юного «вундеркинда» в настоящую оперную певицу. 24 ноября 1859 г. стало знаменательной датой в истории исполнительского искусства. В этот день аудитория нью-йоркской музыкальной академии присутствовала при рождении новой выдающейся певицы в опере «Лючия ди Ламмермур».

Успех был ошеломляющим. Последовало приглашение повторить турне по американскому континенту, и вскоре Аделина уже пела в 14 операх. Но этого молодой актрисе было уже мало. Она всерьез мечтала покорить Европу.

Надо сказать, что ситуация для завоевания Старого Света сложилась весьма подходящая: единственной певицы, которая могла бы поспорить с Аделиной за сердца обожателей классического пения – Бозио, к тому времени уже не было в живых. Поэтому в 1861 г. Патти отправилась в Лондон, а затем в Париж. Здесь повторилось то же, что и в Америке – публика была очарована волшебным голосом молодой девушки и буквально носила ее на руках.

Аделина стала большой любительницей супердорогих костюмов и камелий. Сначала она очень увлекалась красными розами и носила их постоянно на голове, но после громадного успеха в «Травиате» изменила розе и осталась верной красной камелии. Она не только любила прикалывать цветок себе на грудь и украшать им свою прическу, но являлась всегда в театр с букетом камелий, а все комнаты ее роскошного помещения во время цветения камелий были нередко убраны целыми цветущими деревьями и кустами этого растения.

Избалованная восхищением, Патти перестала появляться на репетициях, предоставляя возможность подавать реплики своему импресарио Стракошу. В обществе заговорили о том, что «с миной избалованного ребенка» на лице, не прислушиваясь к справедливой критике, Аделина вряд ли дойдет «до апогея своего искусства». Но она все-таки смогла заставить себя работать и, вступая в полосу творческой зрелости, отказалась от прежних привычек. Патти медленно, но неуклонно взрослела, становилась личностью, не дав дурному воспитанию возобладать и погубить ее уникальный талант.

Да, она осознавала силу своего таланта, и слава всегда следовала впереди нее. Но в своих мемуарах Аделина скромно

упоминает лишь о двух своих подлинных триумфах.

Первый – мадридский. В королевском театре пылкие испанцы выпустили из клеток стаи канареек, которые все и слетелись к ней, поющей, привлеченные, очевидно, ее голосом. Второй триумф – московский. Случайно Патти коснулась платьем сценической лампы, и оно вспыхнуло на ней, словно факел. Пламя быстро погасили, певица даже не ощутила боли от ожогов, но москвичи мигом расхватали – на память – обгорелые хлопья ее опаленной одежды, летавшие в воздухе…

Аделина Патти не раз бывала в России, покорив русских с бесподобной легкостью, выдержав трудное соперничество даже с блистательной шведкой Христиной Нильсон, хотя в русском обществе меломанов произошел внушительный раскол на «паттистов» и «нильсонистов». Музыкальным партнером Патти не раз бывал прославленный тенор Эрнесто Николини, в дуэтах с которым, ведя любовную партию, Аделина томно закрывала глаза, словно пьющая голубица…

Знаменитый режиссер К.С. Станиславский в своей книге «Моя жизнь в искусстве» так описывал необыкновенную певицу, которая свободно брала «сверхъестественно высокие ноты чистейшего серебра»: «Точеная небольшая фигурка, с профилем, точно вырезанным из слоновой кости». А великий русский композитор П.И. Чайковский писал, что «госпожа Патти по всей справедливости занимает уже много лет кряду первое место между всеми вокальными знаменитостями… Это одна из тех немногих избранниц, которые могут быть причислены к ряду первоклассных из первоклассных аристократических личностей».

Русские искренне восхищались Патти. Эта милая брюнетка небольшого роста, с грациозно-подвижной фигурой, ладила со всеми, бывая деликатной даже со швейцарами. И в то же время с достаточно избалованной славою певицей не так-то легко было управиться, если она вдруг начинала капризничать…

Восемь лет, из года в год, Петербург и Москва испытывали наслаждение, видя и слушая Патти, а Лев Толстой даже увековечил ее в своем романе «Анна Каренина» как одну из ярких современниц эпохи. 1 февраля 1877 г. в северной российской столице состоялся последний бенефис артистки в «Риголетто». В этот вечер Патти мучительно, с тяжелейшими истериками расставалась со своим первым мужем – маркизом Дека. Подробности скандала со сладострастием смаковались прессой. Уезжая, уже на вокзале обиженная звезда говорила баритону Ивану Мельникову: «Нет смысла гастролировать в Петербурге, если обо мне здесь стали судить не как о хорошей певице, а лишь как о гадкой женщине, бросившей знатного мужа ради красивого

любовника Николини».

И все-таки в 1904 г., через двадцать семь лет, Аделина снова появилась на берегах Невы. И снова пела. Шла русско-японская война. Как и в предыдущий свой приезд, певица все доходы от концертов отдала в фонд помощи раненым русским воинам.

После большого перерыва актрису встречали с восторгом, но и с опасением. Она держалась за руку своего молодого мужа и выглядела рядом с ним молодящейся старухой с крашеными рыжими волосами. Однако когда она запела, слушатели были ошеломлены ее звонким, по-прежнему серебристым голосом. Творческое долголетие Патти было феноменальным – шестьдесят лет продолжалась ее сценическая деятельность. Современники находили голос певицы, хотя и не отличавшийся особой силой, уникальным по мягкости, свежести, гибкости и блеску, а красота тембра буквально гипнотизировала слушателей. Ей был доступен диапазон от си малой октавы до фа третьей.

Аделина Патти слыла любимицей меломанов всего мира. Она одной из первых решилась запечатлеть свой голос в грамзаписи. Техника того времени была очень несовершенна, и многие великие певцы, услышав себя на граммофонной пластинке, не давали разрешения на выпуск своих записей. Но Патти была решительной женщиной. Хотя к тому времени, когда появился граммофон, ей было уже около семидесяти, она сделала записи нескольких оперных арий. Фотографии ее представляют большую редкость и находятся в основном в частных коллекциях.

20 октября 1914 г. Аделина навсегда простилась с публикой на концерте, организованном в помощь Обществу Красного Креста. Шла Первая мировая война, и знаменитая певица смотрелась на сцене словно осколок ушедшего XIX в. Ее последним вокальным номером стала любимая всеми простая английская песенка «Дом, мой милый дом».

Патти умерла в конце 1919 г., не потеряв ни своей красоты, ни волшебного голоса. Незадолго до смерти она писала в автобиографии: «Не думайте, что я принимала доброту, оказываемую мне целым светом, и многие почести, которых меня удостаивали, за вполне заслуженные мною. Я знаю, что это лишь дань за ниспосланное мне Богом дарование, а я только использовала этот свой Божий дар».

КШЕСИНСКАЯ МАТИЛЬДА ФЕЛИКСОВНА

В замужестве – княгиня Мария Романова-Красинская
(род. в 1872 г. – ум. в 1971 г.)

Знаменитая русская балерина.

О такой женщине, как Матильда Кшесинская, можно сказать, что эта дама «умела жить». Но, чтобы добиться успеха на сцене и получить всеобщее признание, этого качества для балерины крайне мало. Нужно обладать талантом от Бога. Кшесинская говорила: «Танец определил всю мою жизнь и сделал меня счастливой». Матильда родилась в Петербурге 1 сентября 1872 г. в аристократической семье, но свою родословную вела от польских графов Красинских, лишившихся своих титулов,

богатств и фамилии из-за династических интриг. Ее дед, Ян Кшесинский, был оперным певцом; отец, Феликс Иванович, переселившись в Россию, до 82 лет танцевал на сцене императорских театров. Маля, как называли ее родные, была младшенькой – тринадцатым ребенком в семье (от двух браков отца). Ее мать в молодости тоже была балериной, но затем всю себя отдала детям, и ей на смену на сцену вышли старшие сестра и брат Матильды – Юлия и Юзеф.

Девочка «безумно любила танцы», и отец с малых лет брал ее на свои выступления. В восемь лет она поступила в Императорское театральное училище и сразу обратила на себя внимание опытных педагогов: Льва Иванова, Екатерины Вазем и Христиана Йогансона. Матильда была приходящей ученицей: любимица семьи не могла жить вне дома. Она росла кокеткой, легко флиртовала, но на первом месте был балет. Сцены она никогда не боялась, уже на первых выступлениях в училище двигалась легко и грациозно. Правда, одно время Матильда испытывала сомнения в правильности выбранного пути. Ей казалось, что балет отжил свое, пока она не увидела необычную и очень экспрессивную в своей сценической мимике итальянскую танцовщицу Вирджинию Дзукки. Инстинктивно Кшесинская определила для себя, что танец должен быть наполнен огнем и радостью, печалью и болью. Она поняла, что не только великолепная техника может покорить публику, важно вдохновение и выразительность каждого движения.

Еще до окончания училища Кшесинская прочно обосновалась на сцене и на выпускном балете «Тщетная предосторожность» показала изумительный по выразительности и полный утонченного кокетства танец. На спектакле присутствовала императорская семья Александра III. Царь сразу выделил Кшесинскую: «Мадмуазель, вы будете красой и гордостью нашего балета». Матильда была ошеломлена, но не настолько, чтобы сидеть потупившись рядом с наследником престола. Полная грации прелестная балерина с радостной детской улыбкой глубоко запала в сердце Николая. Молоденькая дебютантка, окончившая училище с отличием, влюбилась и в лице наследника нашла себе могущественного покровителя. Его семья не была против связи с балериной, считая, что юноша «должен перебеситься», пока дело дойдет до династического брака.

Матильда понимала, что мечта ее быть всегда рядом с Ники несбыточна, и не превратилась в обычную «балетную содержанку». Она упорно осваивала итальянскую школу балета с маэстро Энрико Чекетти, разучивала второстепенные партии и танцевала номера в 22 балетных и 21 оперной постановках. И

вскоре в ее репертуаре были партии в одноактных балетах «Сильфида», «Проказы Амура», «Ацис и Галатея», «Привал кавалерии», а также в «Спящей красавице». А в театральном сезоне 1892–1893 гг. она уже исполнила главную роль в «Калкабрино», фею в «Щелкунчике», Аврору в «Спящей красавице» и Пахиту в одноименном балете (1894 г.). Сочетая балетную технику с легкостью, лиризмом и выразительностью, Матильда доказала, что русские балерины ни в чем не уступают прославленным итальянкам и даже превосходят их.

Мечтой Кшесинской была партия Эсмеральды в одноименном балете, но М. Петипа не мог доверить ее столь юной балерине, еще не познавшей страданий любви. Матильда была счастлива, окружена вниманием Николая, осыпана драгоценностями и подарками. Будущий престолонаследник подарил ей «прелестный маленький особняк», который стал оплотом их любви, хотя и не надолго. Николай II взошел на российский престол, а место «дорогой панны» заняла законная супруга (1894 г.). «В своем несчастье я не была одинока, – вспоминала Кшесинская в мемуарах. – Рядом находился и оказывал поддержку великий князь Сергей Михайлович. Ники просил Сергея опекать меня и обращаться лично к нему, если потребуется». И Матильда не отказывала себе в желаниях. Вскоре у нее появилась великолепная дача в Стрельне с собственной электростанцией. Ее изысканный салон всегда был полон родовитых гостей и поклонников таланта.

Но балет по-прежнему занимал ведущее место в жизни Кшесинской. Она первой из русских танцовщиц была признана звездой мировой величины на зарубежных гастролях в Монте-Карло и Варшаве, как в классическом балете, так и в исполнении характерных танцев. Особый восторг, «бурю аплодисментов и дождь из цветов» снискала мазурка в исполнении Матильды и ее отца.

Своим искусством Кшесинская уверенно вытесняла с русской сцены итальянских знаменитостей. Дирекция Императорских театров шла на любые уступки могущественной своими связями балерине. Все сольные партии, в которых она хотела блистать, доставались ей («Пахита», «Млада», «Тщетная предосторожность», «Дочь микадо», «Дочь фараона», «Фьяметта»), несмотря на ропот подруг. Но теперь танцевать партию Эсмеральды Матильда имела полное право (1899 г.). Кшесинская-танцовщица стала равна Кшесинской-актрисе, наполняя танец потрясающим драматизмом или освещая его улыбкой радости. В одной из рецензий говорилось: «Наш балет должен гордиться тем, что к началу XX века он переживает период расцвета благодаря отечественным

талантам, для которых зарубежные танцовщицы уже не являются идеалом».

Влияние Матильды Феликсовны было настолько велико, что ей даже позволили устроить бенефис в честь 10-летия творческой деятельности (1900 г.), хотя обычно такое мероприятие разрешалось лишь после 20 лет работы на сцене. Но никто, кроме Кшесинской, не собирал такие залы, не мог так виртуозно исполнить 32 фуэте. Вдохновенный танец балерины завораживал публику. После юбилейного концерта поклонники посадили ее в кресло и под громкие крики «ура» отнесли в ожидающий экипаж.

К профессиональному успеху добавился и «настоящий переворот» в личной жизни. Матильда долго не могла поверить, что настоящее чувство любви вновь посетит ее сердце. Великий князь Андрей Владимирович вернул ей «бесконечное счастье». И хотя официально свои отношения они оформили спустя много лет и жили в России «разными домами», но фактически были мужем и женой. Вместе с Андреем Матильда путешествовала по всей Европе, на правах хозяйки организовывала приемы. Узнав, что она в положении, Матильда решила сохранить ребенка. До шести месяцев беременности она выступала на сцене, разучила новую партию в балете «Дон-Кихот Ламанчский» (1901 г.). Ее классические вариации с кастаньетами пользовались огромным успехом.

Роды были очень тяжелыми (1902 г.), но здоровый и крепкий организм преодолел горячку. Сына Кшесинская назвала Владимиром, в честь отца Андрея, и была заботливой и хлопотливой матерью, хотя уже через два месяца вернулась на сцену. Матильда вспоминала, что это были самые счастливые годы. Жизнь омрачалась только «недоброжелательными подругами» по театру. Признавая талант и все заслуги Кшесинской в мире русского и мирового балета, многие завидовали ее судьбе, ведь она в жизни и «в театре имела все, что хотела». Балет для Матильды был не работой, а призванием, хотя обвинить ее в недобросовестности и недисциплинированности никто не мог. Кшесинская оставалась некоронованной королевой, с которой было лучше дружить, чем враждовать. Ведь лишь с ее величайшего согласия восходящая звезда Анна Павлова могла получить ведущую роль. С 1904 г. Кшесинская состояла в труппе только как гастролирующая прима: «Мне хотелось быть полностью свободной и танцевать только то, что мне нравится». Уровень ее выступлений до последних дней оставался таким же совершенным, полным жизни, грации и чувственности.

Кшесинская не стояла в стороне и от новых веяний в русском балете. Она приветствовала новаторские тенденции М. Фокина,

оживляющие традиционные каноны классического танца, и с успехом выступала в балете «Эвника» (1906 г.). Матильда Феликсовна танцевала с огромным подъемом и вдохновением. В 1907 г. она покорила Париж и получила вначале серебряную, а затем и золотую пальмовую ветвь Академии.

Но семейная и светская жизнь также требовали полной отдачи. Ее новый дом в Петербурге и вилла в Кап-д'Эль «Ялам» («Маля» наоборот) нуждались в постоянной заботе и внимании. Гостеприимство Кшесинской, роскошь и изысканность приемов были общеизвестны. Светская жизнь понемногу вытесняла балет, но уровень профессионального мастерства оставался в крови балерины. Об этом свидетельствовали и ее выступления в «Русских сезонах» Дягилева в Париже, Лондоне, Вене, Будапеште, Монте-Карло. «Переняв от итальянской школы виртуозность, а от французской – грацию, мадемуазель Кшесинская преломила их через призму чисто славянской утонченности и добавила к ним великолепную мимику. В результате ей удалось довести до совершенства свое мастерство, которое вот уже 20 лет приводит в изумление любителей балета» – так писали восторженные рецензенты после ее бенефиса (1911 г.). Верхом совершенства были сольные партии в «Лебедином озере» и стилизованный танец «Русская». В его основу легли народные мотивы «По улице мостовой…», «Подождите, девушки пригожие» и «Камаринская».

Последнее выступление Кшесинской состоялось на благотворительном концерте в пользу Дома труда инвалидов войны в феврале 1917 г. Февральская и Октябрьская революции лишили балерину практически всего состояния и родины. Она долго не могла поверить, что все драгоценности, хранящиеся в банках, роскошный особняк, мебель и даже костюмы ей никто не собирается возвращать. Перебравшись вместе с сыном и семьей Андрея в Кисловодск, а затем в Анапу и Новороссийск, Матильда Феликсовна продолжала жить «нормально и беззаботно, однако это напоминало пир во время чумы». Мать Андрея, великая княгиня Мария Павловна, не позволила сыновьям «вступить в ряды Добровольческой армии, заявив, что в России не было случая, чтобы члены царской семьи принимали участие в гражданской войне».

19 марта 1920 г. Кшесинская покинула Россию и обосновалась во Франции на своей вилле «Ялам». Желание выступать на сцене «полностью пропало». 30 января 1921 г. Матильда Феликсовна обвенчалась с великим князем Андреем. Вначале ей был дарован титул предков – княгиня Красинская, а с 1935 г. к нему присоединили фамилию светлейших князей Романовых. Знатность семьи требовала определенного уровня

жизни, ведь Матильде Феликсовне приходилось общаться с правительницами Дании, Румынии, Греции, королем Швеции. Средств катастрофически не хватало. Слабый на легкие Андрей Владимирович постоянно нуждался в квалифицированной врачебной помощи, а сын – в достойных учителях. В 1929 г. Кшесинская открыла балетную студию в Париже. «Королева русского балета» оказалась прекрасным педагогом и вырастила плеяду талантливых балерин. Количество учеников доходило до 150 человек, и школа работала даже во время Второй мировой войны.

В 1950 г. в Лондоне была основана Федерация русского классического балета. Ее создали 15 балетных школ, целью которых было сохранение канонов русского классического танца, завоевавшего популярность на сценах всего мира. Кшесинская по просьбе организаторов шефствовала над этой Федерацией. Она так и осталась гордой примой-балериной. Последние годы жизни Матильда Феликсовна прожила в небольшом домике в Париже. Несмотря на очень скромный достаток, она помогала нуждающимся и до конца своих дней поражала энергией и жизнелюбием.

6 декабря 1971 г., не дожив до 100-летнего юбилея девять месяцев, Матильда Кшесинская скончалась и была похоронена на парижском кладбище Сен-Женевьев-де-Буа.

ПАВЛОВА АННА ПАВЛОВНА

По метрике – Анна Матвеевна Павлова
(род. в 1881 г. – ум. в 1931 г.)

Легендарная русская балерина.

Заколдованный мир балета. Многолетний ежедневный изнурительный труд, доводящий каждое движение до автоматизма, до завораживающего, магического совершенства. И вдохновенный, искусный, романтический полет танца, заставляющий зрителя поверить, что именно так трепещет душа, стучит сердце и проявляются глубинные человеческие чувства. Не каждому суждено достичь таких высот откровения в искусстве, остаться в памяти шедевром, к которому можно стремиться, но повторить – нельзя.

Анна Павлова принадлежит к редчайшей плеяде звезд, свет

от которых идет через века. Наверное, у колыбели крошечной, недоношенной девочки, родившейся 12 февраля 1881 г. у бедной прачки, стояла добрая фея. Женская доля Любови Федоровны не задалась. Муж ее, отставной солдат Матвей Павлович Павлов, оставил жену в Петербурге с ребенком, а сам поселился в деревне. Нюрочка (так звали ее домашние) росла слабенькой, часто болела, и мать была вынуждена отдавать ее к бабушке в Лигово – там парное молоко, раздолье. Самым ярким воспоминанием детства были книжки: одни можно было читать, другие – раскрашивать, и конечно, первое посещение театра.

В тот день в Мариинке давали «Спящую красавицу». Девочке все было в новинку: парадный подъезд, торжественность лестниц, лож, золото лепнины и тусклое мерцание бархата. Но все это затмило волшебство балета. «Я вырасту и буду танцевать, как принцесса Аврора», – решительно заявила она маме. Аню Павлову не сразу приняли в Петербургское балетное училище – уж очень она была маленькой и слабенькой. Зачислили ее в 1891 г. и не пожалели. Неказистая, худенькая девочка, прозванная подружками Шваброй, оказалась на удивление трудолюбивой и упорной и чем-то неуловимо отличалась от сверстниц. Она жила в мире движений, выпевала каждую ноту жестом, находила что-то свое в привычных, заученных назубок позах. Мастера балета Э. Чекетти и Гердт выпестовали из «гадкого утенка» прекрасную академическую балерину.

Выпускной спектакль состоялся 11 апреля 1899 г. Незамысловатый идиллический балет-картинку «Мнимые дриады» поставил Гердт. Анна – дочь дворецкого – покорила своей искренностью и выразительностью. «Я не знаю, сколько ученое жюри поставило воспитаннице Павловой, но в душе своей я тогда же поставил ей полный балл – двенадцать, а очутившись на улице, под холодным дождем, и вспомнив эту мнимую дриаду, прибавил великодушно плюс», – писал в очерке известный балетный критик В. Светлов.

Анна была сразу же зачислена в корифейки Мариинского театра, минуя кордебалет. Она только начинала свое стремительное восхождение к вершине, где в это время царствовали М. Кшесинская, О. Преображенская, Ю. Седова, В. Трефилова, Л. Егорова, А. Ваганова. Они получали сольные партии. Павловой почти в каждом спектакле поручали один-два танца, и она умела их превратить в небольшую роль, удивляя публику не столько виртуозностью исполнения, сколько потоком чувств, заставляющих зал дышать с ней в унисон.

Даже облик Павловой отличался от «идеальных», довольно пышных в те годы стандартов – она была маленькая, с

утонченными пропорциями тела. Линия шеи плавно спускалась к тонким плечикам, нервные изящные руки и прелестные ножки с тонкими щиколотками и круто выгнутым подъемом – ноги «богини танца». Шаг ее был невесом, казалось, балетные туфельки не прикасаются к полу, а скользят, летят. В каждом танце были одни и те же балетные «па», но Павлова никогда не повторялась.

«Новенькую» почти сразу отметил знаменитый в прошлом солист балета Его Величества, а теперь – балетмейстер, Мариус Петипа. Он выделил ее даже в ущерб своей дочери Любе, отдав партию Флоры («Пробуждение Флоры») Павловой. Ах, какой замечательной парой в этом балете они были с Михаилом Фокиным! Безгранично талантливые и такие разные. Анна органично вписывалась в фантастический, но застывший мир классического балета. А Фокин все чего-то искал, куда-то стремился. Академические спектакли заставляли будущего знаменитого балетмейстера кривиться, словно от запаха нафталина. Но оба уверенно шли к вершинам.

В архиве дирекции императорских театров дело Павловой хранилось под № 2335. 1899 г. – зачислена в Мариинский театр; 1902 г. – переведена из корифеек во вторые танцовщицы; 1903 г. – училась в Милане у знаменитой в прошлом танцовщицы Беретты, должность первой танцовщицы; 1906 г. – «переведена в разряд балерин с окладом в 3000 рублей в год». Скупые строки чиновников, а между ними десятки ролей – от номеров балетного дивертисмента до сольных партий. Молодая балерина выносила на своих плечах обширнейший репертуар: Жизель и принцесса Аврора, Никия и Раймонда, Ундина, Китри, Пахита. «Павлова была феноменом, и ее энергия была неистощимой энергией гения», – писал У. Хайден, пианист, а впоследствии дирижер ее труппы.

Жизнь стремительно пролетала мимо Анны. Многочисленные поклонники, зачастившие в ее театральную уборную и дом, не заставляли замирать сердце балерины от предчувствия человеческого счастья. Иногда она с завистью поглядывала на других танцовщиц, заводивших многочисленные любовные интрижки. Личной жизнью Павловой оставался танец, пока в ее окружении не появился Виктор Эмильевич Дандре. Отпрыск аристократического рода с французскими корнями числился в «списках сливок» петербургской золотой молодежи: богат, хорош собой, имел чин придворного советника и в сенатском департаменте занимал не последнее место. Ему по «чину» положено было иметь «малютку из балета». Виктор слыл заядлым балетоманом и Павлову выделил сразу: воздушное хрупкое

создание, обладающее чарующей выразительностью каждого жеста. Анну стали часто замечать в его роскошной квартире. Она мучилась положением содержанки и мечтала стать «мадам Дандре».

Жениться на танцовщице Виктор не собирался. Он говорил, что нужно думать о ее карьере, а она мечтала о семье. Любовь, вспыхнувшая между ними, стала единственной и в ее, и в его жизни, но была полна боли и надрыва, каждый из них побывал в роли и тирана, и жертвы. В 1906 г. Виктор купил на имя Анны прекрасный дом, и «Петербургская газета» тут же сообщила своим читателям: «Наши балетные артистки позволяют себе роскошь, которой не знали прежние балерины: г-жа Павлова 2-я устраивает у себя на квартире танцевальный зал со всеми приспособлениями для практических занятий». Теперь она могла репетировать даже дома.

Конец 1905 – начало 1906 г. стали цепью сплошных триумфов для Павловой: «Дон Кихот», «Очарованный лес», «Дочь фараона», гастроли в Москве. Она не просто достигла уровня признанных балерин Мариинки, но сумела превзойти их, придавая «допотопным композициям» классического танца утонченность, очарование и неземную грацию.

Новую живую струю в репертуар Павловой внесла работа с Фокиным как с балетмейстером («Виноградная лоза», «Евника», «Шопениана», «Египетские ночи», «Павильон Артемиды», «Сильфида» и др.). Но вершиной сотрудничества двух гениев балета стала созданная за несколько часов под звуки мандолины (Фокин учился играть на этом инструменте) и завывание декабрьской вьюги легендарная хореографическая миниатюра «Лебедь» (1907 г.).

Одинокая, тоненькая женщина, изящно-нежная, как сама мелодия, на непривычно пустой сцене с первым аккордом арфы тихо поднималась на носочки и «грустно плыла через сцену». Руки-крылья вторили раздумьям виолончели, чуть заметный перебор ног вился, словно волна на озерной глади. Печальные, умиротворяющие, сплетенные воедино танец и мелодия… Лишь через несколько лет перед названием «Лебедь» появился эпитет «умирающий», и тема лирического покоя сменилась тихой мукой страдания. И когда последнее движение жизни мягкой судорогой бежало по телу к кончикам пальцев – зал замирал. В минутной гремящей тишине люди приходили в себя. От начинавшихся оваций содрогались стены. С этой миниатюрой к Павловой пришло бессмертие. «Гадкий утенок» стал «Лебедем», воплотив в танце жизнь человеческого духа. «Я только сейчас понял, какую музыку написал», – сказал К. Сен-Санс, увидев танец Павловой.

Русскую танцовщицу вся Европа единодушно признала первой балериной. Шведский король Оскар II вручил Павловой орден «За заслуги перед искусством» (1907 г.). Немцы назвали ее «идеальной Кармен» («Пахита», 1908 г.). На берлинской сцене Павлова впервые танцевала Одетту в «Лебедином озере», и критики выделили в ее героине царственную гордость, девичью печаль и тревожащую душу надежду.

В 1909 г. Павлова с труппой дягилевского балета уехала во Францию. «Весь Париж сидел по ту сторону рампы, восторгаясь и рукоплеща». Анну назвали «неподражаемым явлением в искусстве» и наградили вместе с Фокиным и Нижинским Академическими пальмами. Но в самый разгар своего триумфа Павлова неожиданно для всех подписала кабальный контракт с лондонским менеджером агентства Брафф (1910 г.).

«Звезда» репертуара покинула труппу, стараясь не замечать косых взглядов: все думали, что дело только в баснословном гонораре. Конечно, деньги были очень нужны Павловой, но танцевать в течение года по два раза в день и не только в театрах, но и в мюзиклах, в очередь с дрессированными собачками и куплетистами, прославленная балерина согласилась только из-за любви к Виктору. Он, не рассчитав свои финансовые возможности по оплате ее дома, влез в долги, запутался в строительных аферах и попал в тюрьму. «…Я ему всем обязана! А без него чем бы я была? Тут я решила, что без Дандре жить не могу и выписала (выкупила) его», – вспоминала Павлова. (Официально залог в 35 тыс. руб. внес брат Виктора.) И к тому же Анне пришлось уплатить неустойку в дирекцию императорских театров за нарушение контракта в размере 21 тыс. руб.

Павлова ни о чем не сожалела. Ее концерты в Лондоне газеты назвали «несомненным возрождением танца» как «совершенного лирического произведения». Отработав кабальный контракт, Павлова создала свою труппу и уехала в США. Здесь в 1911 г. Анна и Виктор тайно обвенчались. Теперь условия диктовала Павлова: «Если ты осмелишься хотя бы намекнуть, что мы повенчаны, между нами все будет кончено, – заявила Анна. – Я теперь Павлова! Теперь мне наплевать на какую-то мадам Дандре!» А своей знакомой Н. Трухановой откровенно призналась: «Он знает, что виноват. И пусть терпит! Он ведь мой, только мой, и я его обожаю». И Виктор терпел все выходки и истерики капризной примадонны, работая при этом за целое агентство: был управляющим труппы, импресарио и бессменным менеджером несравненной Анны Павловой. Его существование стало подвигом самопожертвования и культа великой балерины.

Путешествуя с континента на континент, Павлова сделала

необыкновенно много для того, чтобы слава русского балета пронеслась по всему миру. Танцовщица стала легендой при жизни. Последний раз в России она выступила в 1914 г., а затем Первая мировая война и революция навсегда разлучили ее с родиной. Своим домом Павлова считала Айви-Хауз – Дом Плюща – в окрестностях Лондона. Здесь среди живописного сада в пруду плавали белоснежные лебеди. Грозные птицы, которые ударом крыла могли поломать человеку ногу, доверчиво обвивали шею балерины, клали голову ей на плечо. Они чувствовали в хозяйке свое грациозное подобие – изумительное произведение природы и искусства.

Настоящим же домом балерины стали сцены всего мира – США, Япония, Китай, Индия, Египет, Южная Америка, Австралия, Новая Зеландия, Англия, Бирма, Ява…. Иногда ее упрекали, что она остановилась в своем творческом развитии, не вносит ничего нового. Но Павлова оставалась «ожившей классикой», и модные веяния были чужды ее стилю. «Я ценю в вас не просто прекрасное, но нечто возвышенное, чудесное, необъяснимое! И ценю настолько, что готов убить вас для того, чтобы это видение осталось последним образом, не искаженным вами же, чтобы никогда не видеть вас недостойной вашего гения!» – сказал ей осенью 1930 г. знаменитый танцовщик Сергей Лифарь. Этого боялась и сама балерина. Мир не увидел увядания гения. Нелепая простуда и плеврит сожгли ее за неделю. Врачи ничего не смогли сделать. 23 января 1931 г. Анна Павлова скончалась. Последними ее словами были: «Приготовьте мой костюм Лебедя…» Дандре не позволил чужим рукам снять посмертную маску. В гроб, покрытый императорским флагом старой России, положили ее любимые цветы – ветки сирени. Отслужили панихиду в русской церкви. «Буквально физически ощущалось исчезновение какого-то божественного существа», – писала пресса, пытаясь осмыслить значение творчества Павловой, давшего мощный толчок развитию мирового балета на основе русских традиций. Глубже всех передала свои чувства маленькая девочка-норвежка, которой довелось видеть танец неповторимой Павловой: «Это как мечта о том, что никогда не сбудется».

ЮРЬЕВА ИЗАБЕЛЛА ДАНИЛОВНА

(род. в 1899 г. – ум. в 2000 г.)

Звезда русского романса XX ст., легенда эстрады. Народная артистка России (1992 г.). Награждена орденом «За заслуги перед Отечеством» IV степени.

Когда в 1998 г. отмечалась символическая дата – 200-летие русского романса, знаменитые певцы и публика с почтением и восторгом восклицали в адрес Изабеллы Юрьевой: «Да здравствует королева!» И она достойно принимала поклонение. Годы, прожитые ею, – это целая эпоха, а творчество – живой песенный мостик, переброшенный из XIX столетия в XX век. Певица, увенчанная, как короной, любовью нескольких поколений слушателей, прошла трудный путь гонений на жанр, в котором она блистала, не изменила ему, не утратила веру и сумела не

только сохранить неповторимую чистоту романса, но и поднять его на невиданную высоту, оживить его звучание.

Легенда гласит, что 7 сентября 1899 г. в мастерской музыкальных инструментов в Ростове-на-Дону, надрывно зазвучав, порвалась фортепианная струна. Так инструмент поведал миру о рождении будущей великой певицы. В большой семье мастера по театральным шляпам Данила Георгиевича Юрьева она была самой младшенькой. Мама, Софья Исааковна, пастижер ростовского театра, словно предугадав сценическое будущее дочери, дала ей звучное имя Изабелла. Крохотная белокурая Беллочка моментально получила круговую опеку от Семена, Маши, Ани и Кати, которые были значительно старше сестренки. Никогда и никуда ее не отпускали одну. Однажды во время прогулки к пятилетней Белле привязалась цыганка и, выклянчив монетку у сестры Анны, пробубнила что-то про долгую жизнь, а потом, задумавшись, нараспев добавила: «Сама цыганкой станешь. Золотые мониста, бриллиантовые кольца наденешь. Королевой назовут, на трон посадят. Жених пряничный по жизни на руках понесет».

Об одном не сказала гадалка – какую дорогу избрать, чтобы все предсказанное сбылось. Но уже в одиннадцать лет абсолютно равнодушная к школьным премудростям девочка решила, что будет певицей и обязательно такой, как несравненные В. Панина, А. Вяльцева или Н. Плевицкая. Родители не были против ее самостоятельных занятий пением, и уже в 1917 г. соседский юноша Ефим Цимбалист (позже, покинув Россию, стал знаменитым американским скрипачом) организовал ее дебютное выступление в саду при Клубе приказчиков. Белла исполнила старинную русскую разбойничью песню из репертуара Плевицкой «По старой Калужской дороге». Чистый голос девушки, то льющийся ручейком, то проникновенно шепчущий, буквально потряс публику. Песни «Над полями да над тихими» и «Помню, я еще молодушкой была» также были приняты с восторгом. Слушатели рукоплескали, родители гордились, а Белла на крыльях успеха буквально полетела к сестре Ане в Петербург. Профессор консерватории, где та училась, прослушав юную исполнительницу, дал уникальное заключение: «Голос поставлен самой природой. Учебой его лишь испортят. Сделают выше, а до оперы не дотянут. Пойте так, детка». Известный эстрадный пианист А. В. Таскин, аккомпанировавший Н. Фигнеру, В. Тартакову, Ф. Шаляпину и «воспитавший» легендарную А. Вяльцеву, подтвердил, что Юрьева – «готовая певица». По его рекомендации Изабелла выступала в кинотеатрах около полугода, а затем переехала в Москву к сестре Кате.

О пяти годах становления певицы (1917–1922 гг.) практически ничего не известно. Время было тревожное, тяжелое – революции, войны. Да и сама Юрьева сочиняла свою биографию «как бог на душу положит». Во время смены паспортов кокетливо указала в графе «год рождения» 1902 г. Как заправская цыганка тасует колоду карт, так Изабелла Даниловна жонглировала фактами из своей биографии. Прошлое имело для нее мало значения, она всегда жила днем настоящим и радовалась ему. Известно только, что помимо концертов Изабелла работала швеей в магазине «Меха», сшивая вручную шкурки для чужих пальто и жакетов. Юрьева признавалась, что в этот период, имея бешеный успех у московской и ростовской публики, в России она оставалась практически неизвестной. У нее уже был «собственный» автор и аккомпаниатор М. Бессмертный, ее величали на афишах «известной и талантливой исполнительницей цыганских романсов» и сам Б. Фомин написал для нее «День и ночь роняет сердце ласку…», но в Петроград-Ленинград она попала «оптом»: столичный администратор Рафаэль даже не прослушал Изабеллу, «купившись» на звучное имя «Мадам Аншлаг». Именно так в то время в сценическом мире именовали Юрьеву.

После пробного выступления на своеобразной «актерской бирже» администраторы наперебой стали предлагать свои услуги «жемчужине романса». Всех их обошел Иосиф Аркадьевич Эпштейн (более известный в артистическом мире как Иосиф Аркадьев). Он стал для Изабеллы Даниловны тем «пряничным женихом», обещанным гадалкой. Муж и первый поклонник ее таланта окружил свою красивую и необыкновенно обаятельную женщину любовью и вниманием, как крепостной стеной. Все вопросы по устройству гастролей, ненавистных для «Заиньки» переездов и быта он с удовольствием взвалил на себя. Освобожденная от тягостных обязанностей певица покорила столичную эстраду. В обширнейший репертуар русских и цыганских романсов вошли такие шлягеры середины 20-х гг., как волжская песня «Жигули», народная «Широка в полях дорога» и старинная таборная «Валенки» (более известная в поздней обработке Л. Руслановой). Медовый месяц, растянувшийся на год, супруги провели в Париже, куда Эпштейн был откомандирован по службе.

Ни «Олимпия», ни французский кинематограф не удостоились выступления Юрьевой: в ожидании ребенка она сильно располнела и стеснялась своей внешности. 17 декабря 1926 г. Изабелла родила сына. Довезти роженицу до «непременной» русской лечебницы в Найти под Парижем не

успели. Владимир появился на свет прямо в такси. Вот теперь, казалось, пришло время покорять французскую публику, как это делали сотни русских эмигрантов, но молодую маму потянуло от западной роскоши в необустроенную Москву. Почти на два года оторванная от эстрады Юрьева вернулась на сцену. Сына отправили в Ленинград к ее заботливым родственникам, но мальчик, страдающий от рождения пороком сердца, вскоре умер. Присутствовать на похоронах Изабелла Даниловна не смогла – концерт не отменили. Вцепившись в стул, стоявший на сцене мюзик-холла на площади Маяковского, она пела для ничего не подозревающей публики. Голос ее звучал как никогда проникновенно. А в ложе рыдала оперная певица Клавдия Новикова, которая знала, какое горе переживает ее подруга.

Больше детей у Юрьевой не было, и все свои чувства она вкладывала в песни. Зрители восторженно принимали весь ее репертуар: русские народные песни и романсы, любовно-лирические и шуточные. За неповторимое своеобразие исполнения старинных цыганских и таборных песен и живое воссоздание национальных народных интонаций Изабеллу Даниловну стали называть «белой цыганкой». Но в конце 20-х гг. жанр, в котором выступала певица, подвергся нещадным гонениям. «Цыганщина», а с ней и русский романс были провозглашены безвкусицей, вредительством, плодом распущенных нравов.

Юрьевой пришлось пройти через унизительную «генеральную экспертизу» таланта и репертуара. Любимица публики получила только *«2* категорию», как певица легкого жанра, разлагающего моральный облик строителей нового общества. Изабелла Даниловна могла изменить репертуар – артистические данные это позволяли, но не позволила душа певицы. В ее исполнении никогда не было штампа, пошлости, даже при банально звучащих стихах. Она привносила в пение собственные чувства и музыкальную чуткость. Незамысловатый песенный сюжет – «две верных подруги – любовь и разлука» – отличался разнообразием и тонкостью музыкальных интонаций. Юрьева обладала голосом редкостной красоты: сильные, звонкие, заливистые «верхи», мягкие, сочные, певучие нижние регистры и неповторимая «соловьиная нота», близкая к звучанию народных напевов. Певица от природы владела чутким артистическим даром и секретом общения со зрителями. Она умела выразить в романсе то, что выстрадано и пережито многими.

Романс «отменяли» как жанр, но запретить Юрьеву не могли. Чиновники от искусства безжалостно «кромсали» ее репертуар, изымали из продажи грампластинки, хранили записи для радио

со штампом «в эфир не давать». И все же ни уникальный голос, ни невероятная энергетика исполнения не спасли певицу от официального запрета. С 1934 по 1937 г. Юрьева не выступала. Рассказывают, что в тот период, когда даже И. Дунаевский требовал «осоветить» ее репертуар, Сталин украдкой ставил на патефон ее пластинку «Сашка».

Изабелла Даниловна, конечно, могла позволить себе не работать. Ее огромные гонорары и солидные доходы преуспевающего мужа позволяли им жить безбедно. Муж обожал свою «Заиньку»: каждое утро букетик гиацинтов, плитка шоколада под подушкой, роскошная квартира, обставленная антикварной мебелью, огромная дача с шестью балконами и террасой, серебристый «крайслер» (второй, по слухам, был у самого Ежова). Но как человек творческий, Иосиф Аркадьевич понимал, что значит для певицы многолетнее молчание. Он сам писал тексты для ее романсов («Если можешь – прости») и организовывал редкие выступления. «Запрещенную» Юрьеву любили слушать и высшие эшелоны власти. На ночных концертах в Кремле она исполняла не песни о светлом будущем, а свои «жестокие» романсы.

С 1938 г. гонения на «цыганщину» поутихли, и выступления Юрьевой вновь собирали полные залы. Единственный раз Изабелла Даниловна решила «выйти из образа». Во время войны для выступления в шефских концертах в прифронтовой полосе, медсанбатах и госпиталях она специально разучила патриотическую песню. Но лишь только Юрьева появлялась на импровизированных сценах, отовсюду слышались привычные слуху названия: «Сашку», «Белую ночь», «В старом саду», «Падают листья», «Письма», «Бирюзовые колечки», «Ночь светла», «Улыбнись», «Пой, цыган»… Солдатам на фронте эти песни напоминали дом и любимых.

В конце 40-х гг. «цыганщина» вновь была признана вредительством. Изабелла Даниловна пыталась хитрить: в первом отделении пела советские лирические песни, а во втором, которого так ждали слушатели, – романсы. Она стояла на сцене – пышнотелая фея с кукольно-светлыми пушистыми волосами, с беспомощным взглядом, какой бывает у сильно близорукого человека, и брала за душу исполнением. А руководители «от культуры» по-прежнему твердили о том, что лирическая тематика, «уводившая слушателя от злободневных задач в мир сентиментальных переживаний, чужда строителям коммунизма». Юрьева сопротивлялась сколько могла, но в 1959 г. была вынуждена уйти на пенсию. От случая к случаю она выступала в сборных концертах, но имя певицы, недосягаемой для

подражания, все реже появлялось на афишах. В 1964 г. Изабелла Даниловна перестала петь со сцены. Но настоящие ценители песни не забывали о ней. А. Конников, ожививший в конце 60-х гг. мюзик-холл, включил для поездки в Париж и Юрьеву. Сбылась ее мечта – на сцене «Олимпии» в 1968 г. певица пережила очередной звездный час.

В 1971 г. Изабелла Даниловна овдовела. За 46 лет супружеской жизни она никогда не пожалела, что отдала предпочтение Иосифу Аркадьевичу. А ведь претендентов было предостаточно: американский миллионер Арман Хаммер, поэт Самуил Маршак, влюбленного Михаила Зощенко Эпштейн даже обещал спустить с лестницы. Певица всегда любила пококетничать с поклонниками, но счастлива была только рядом с мужем. Теперь она самостоятельно боролась с бытом и хорошо поставленным голосом командовала постоянно меняющимися домработницами. Юрьева «не скисла», она жила настоящим и верила, что «слава еще вернется».

В 1978 г. фирма «Мелодия» выпустила долгоиграющий диск с записями песен Юрьевой 30-х гг. К ней зачастили журналисты, посыпались письма со всех уголков страны. Все попытки написать хотя бы биографический очерк о выдающейся певице оканчивались провалом: много воспоминаний, но ни в чем нет полной уверенности. Ни старых писем, ни афиш, ни дневников. Только Юрьева – кокетливая женщина и великая певица с душой ребенка, жаждущего похвал. Превратившись с годами в худенькую старушку, она носила костюмы «от кутюр», туфли на «шпильках» и, попадая на сцену, самозабвенно пела. Она была феерической женщиной, последней из «могикан» старинного русского романса. Юрьеву открыли заново в конце 80-х гг., и она возродилась из пепла, не утратив песенного мастерства. Минуя «заслуженную», Изабелле Даниловне присвоили звание Народной артистки России (1992 г.). Но она и без звания всегда была народной певицей. На Площади Звезд рядом с именами А. Вертинского и П. Лещенко вспыхнула и ее звездочка. На своем 100-летнем юбилее, презрев годы, Юрьева пела. Это была песня длиною в человеческую жизнь. Песня длиною в целую эпоху.

20 января 2000 г. «королева русского романса» скончалась.

УЛАНОВА ГАЛИНА СЕРГЕЕВНА

(род. в 1910 г. – ум. в 1998 г.)

Выдающаяся советская балерина, балетмейстер-репетитор, народная артистка СССР. Удостоена прижизненных памятников – в Стокгольме установлена ее скульптура, а в Санкт-Петербурге – бронзовый бюст. Ее творчеству посвящено два фильма и множество книг.

Уланову называли богиней танца XX столетия, непревзойденной и несравненной. Еще при жизни она стала живой легендой и олицетворяла собой целую эпоху русского балета. До сих пор феномен ее таланта остается загадкой.

В ней соединились два дара – великой балерины и драматической актрисы. Магия ее таланта, артистизм, прозрачный рисунок образов – все было совершенно. Может быть,

поэтому ее танец рождал у зрителей волнение и восхищение. Ее искусство балерины и сегодня незабываемо для всех, кто имел счастье прикоснуться к нему хоть однажды. Двадцатому веку она подарила своей талант, а двадцать первому – оставила легенду, имя которой Уланова.

Будущая звезда русского балета, «его неуловимая душа и вдохновенная поэзия» родилась 8 января 1910 г. в Петербурге в семье балетного актера и режиссера Сергея Уланова и известной классической танцовщицы Марии Романовой. После революции в холодном, голодном Петрограде ее родители зарабатывали тем, что танцевали в кинотеатрах перед сеансами. На эти выступления они брали с собой маленькую дочь.

Пришло время, и мать привела Галю в интернат при хореографическом училище: «Я поступала в балетное училище, как поступают все. Был просмотр, экзамен. Мама моя вела у нас класс. Она старалась не выделять меня, как бы я не должна была у нее отнимать больше внимания. Но замечания мне, конечно, делала, как всем. Мне было очень трудно, хотелось домой и не хотелось заниматься».

В 1928 г. Уланова окончила хореографическое училище по классу А.Я. Вагановой и сразу была принята в Ленинградский театр оперы и балета. «Родители мои дали мне то первое, что могли дать и что помогло мне потом в балетной школе и в жизни. Это были советы, добрые советы – не нравоучения. Я старалась пронести их через всю жизнь. Но после школы я поняла, что многого не хватает, – впоследствии вспоминала балерина. – И вот я познакомилась с семьей драматической актрисы Е. Тиме. Это был открытый, гостеприимный и очень скромный дом. Когда бы мы к ним ни приходили, здесь всегда были актеры, музыканты, литераторы. У них часто бывали Мейерхольд, Мичурина-Самойлова, Алексей Толстой. Старшие разговаривали, спорили. А мы, несколько человек молодежи, сидя в уголочке, только слушали».

Галина умела держать дистанцию. В те страшные 30-е гг. она не хотела вступать с властью в какие бы то ни было отношения. Власть сама выбрала Уланову (которую Сергей Прокофьев назвал «обыкновенной богиней») своим кумиром. Ее предпочитали всем другим блистательным звездам – Семеновой, Лепешинской, Вечесловой. Ею восхищался сам Сталин (хотя досуг предпочитал проводить с оперными артистками).

«В молодости мне везло, – говорила Галина. – Мне встречались люди, у которых я училась всему: общению, чистому отношению, даже не отношению – служению искусству. Училась долгу, дисциплине, умению понимать природу, слушать музыку.

Разные это были люди, у которых, как у всех живых людей, были свои огромные достоинства и маленькие недостатки».

От «Жизели», «Лебединого озера», «Бахчисарайского фонтана», «Ромео и Джульетты», «Умирающего лебедя» в ее исполнении сходили с ума простые солдаты и балетоманы, выдающиеся композиторы и артисты. Она же всегда держалась холодно и отстраненно. За эту черту ее прозвали Великой Немой.

Годы войны Уланова провела в эвакуации вместе с Театром им. Кирова в Перми и Алма-Ате, выступая с концертами перед ранеными красноармейцами. У нее почти не было друзей, она была неизменно ровна и корректна даже с самыми близкими людьми. В 1944 г., после разрыва с танцовщиком и хореографом К. Сергеевым (он предпочел великой Улановой Наталию Дудинскую, вскоре ставшую королевой ленинградского балета), Галина переехала в Москву и стала ведущей солисткой Большого театра. В этом качестве она оставалась до декабря 1960 г., когда последний раз станцевала «Шопениану» на главной сцене страны.

О многих звездах Большого небезосновательно сплетничали, что они были фаворитками членов Политбюро. Одна купалась в шампанском в ванне, обложенной по периметру черной икрой, другая прославилась художествами похлеще… Про Уланову никогда ничего подобного не говорили. Она просто не давала повода. Хотя, по ее словам, «не была монашенкой и не вела совсем замкнутый образ жизни. Но старалась уравновешивать. Если на одной стороне весов лежало дело, работа, театр, – это всегда перевешивало все другое. Для меня всегда главным было главное.

Я выстраивала свою жизнь постепенно… Не торопиться, как в спорте, чтобы быстрее других прийти к цели, а идти к ней терпеливо и честно. Любая жизнь не обходится без самоограничений, без умения от чего-то отказываться. Мне кажется, все удается, если человек строит свою жизнь сам. Не по звонкам, не по знакомству, а честно – сам. Это трудно, но надежно».

Все мужья Галины Улановой и ее близкие друзья были намного старше артистки: режиссер-красавец Юрий Завадский, театральный художник Вадим Рындин, выдающийся артист Иван Берсенев, знаменитый дирижер Юрий Файер. Ее сопровождали блестящие мужчины, ценившие прежде всего редчайший талант и человеческую уникальность балерины. Расставаясь со своими мужьями, Галина сохраняла с ними достойные отношения. На похороны Завадскому послала венок с лаконичной надписью: «Завадскому – от Улановой». На панихиде по Берсеневу у гроба стояли две женщины – законная жена актриса Софья Гиацинтова

и великая балерина Галина Уланова.

Она не стремилась ни к богатству, ни к славе, все само ложилось к ее ногам. Артистка жила в огромной квартире в высотном доме на Котельнической набережной, населенном творческой и военной элитой. В последние годы жизни главному педагогу Большого театра, легенде русского балета не хватало денег, чтобы содержать пять комнат, из которых постепенно исчезали остатки былой роскоши. Ей пришлось перебраться в квартиру поменьше. Она если и не презирала богатство, то была к нему блистательно равнодушна. Уланова не замечала всего этого – ни дорогих шуб, ни «ЗИМов», на которых возили звезд первой величины. Однажды у нее украли машину. Когда балерине сказали об этом, ни один мускул не дрогнул на ее бесстрастном лице.

Столько наград, сколько было у Улановой, не имел ни один представитель «творческой интеллигенции» коммунистической эпохи. Народная артистка СССР, дважды Герой Социалистического Труда, четырежды лауреат Государственной премии СССР (1941, 1946, 1947, 1950 гг.), лауреат Ленинской премии 1957 г.; Премии имени Анны Павловой Парижской академии танца (1958 г.), премии Оскара Парселли «Жизнь ради танца» (1988 г., Милан)… Уланова была почетным членом Американской академии искусств, награждена Командорским орденом за заслуги в области искусства и другими орденами и медалями.

«Кстати, мне легко ничего не давалось. Это в ответ на все определения обо мне. И о загадочности, и о простоте, и о прочем. Я боялась всего легкого. Это в балете особенно видно: чем способнее человек, чем легче ему даются роли, партии, тем скорее он теряет форму. Когда все легко, исчезает привычка трудиться, упорство. Если, конечно, не ставить самому себе трудные задачи.

Я старалась себя контролировать, всегда смотрела на себя как бы со стороны. Глаз у меня такой, что я вижу свои недостатки больше, чем достоинства. Я не была обойдена похвалами, но я старалась их не слушать, они мне мешали в работе. Хотя я и понимаю: каждому приятно, когда тебя хвалят. Но в любом искусстве нужна дисциплина и самодисциплина. Надо уметь себя контролировать. Особенно у нас в балете, где все содержание в жесте, в движении».

Уланова не была ослепительно красива: небольшие глаза, не самые идеальные линии лица, неяркая, без блеска. Магия ее таланта заключалась в поразительной одухотворенности танца, в его строгой выразительности и редчайшем совпадении со вкусами

своего времени. Ее героини были кумирами и идеалами, а не секс-символами. Уланова была непорочна, как снег. И именно эта целомудренность сделала ее королевой.

Галина Сергеевна, до конца жизни ходившая на высоких каблуках и ежедневно делавшая балетную гимнастику, немногословная и погруженная в себя, полностью соответствовала своей высокой репутации. В последние годы, идя по коридорам Большого театра, иногда она не слышала обычных приветствий. Новое поколение танцовщиков, лицом к лицу столкнувшись с живой легендой, не узнавало ее. На это «первая балерина эпохи» лишь улыбалась: «Лучи юпитеров обнажают не только плохой грим, неряшливый костюм, некрасивые декорации. Лучи юпитеров, как и глаза зрителей, обнажают человеческую сущность. Хочешь ты или не хочешь, а то, что в тебе глубоко, твое настоящее все равно видно».

Уланова никогда не участвовала в политике, в отличие, скажем, от Натальи Бессмертновой, жены Ю. Григоровича, бывшей депутатом Верховного Совета. Галина Сергеевна танцевала в правительственных концертах – и все, пожалуй. Когда разразился скандал между бывшим руководителем Большого театра Ю. Григоровичем и нынешним директором В. Васильевым, Уланова заняла подчеркнуто нейтральную позицию. Сама она говорила о своем характере: «Мой недостаток в том, что я не всегда боролась. Я не очень умею требовать, стучать кулаком. Громко защищать и отстаивать свое я умею не всегда. Надо просто жить честно и чисто и не делать людям зла».

В Москве Уланова всегда чувствовала себя не в своей тарелке. За полгода до своей смерти великая балерина говорила журналистам: «Я ленинградка, или, как сейчас надо говорить, петербурженка. Москву я не люблю. Никак не могу привыкнуть, что я в ней живу. В Ленинграде я родилась, училась, там ко мне пришла слава. А потом меня взяли в Москву.

Да, я живу в высотном доме, но я живу одна. Мои близкие, даже те, кто был моложе меня, покинули этот мир. Я не царица Савская, я должна сама себя обслуживать. Я осталась совсем одна, и оказалась, по большому счету, никому не нужной».

Национальная гордость России, прославленная балерина Галина Уланова умерла 21 марта 1998 г. в возрасте 88 лет. По свидетельству нескольких близких ей людей, незадолго до смерти она уничтожила все бумаги, из которых можно было что-то узнать о ее частной жизни. Не оставила она и завещания.

ПИАФ ЭДИТ

Настоящее имя – Эдит Джованна Гассион
(род. в 1915 г. – ум. в 1963 г.)

Великая французская эстрадная певица и автор песен. Гордость Франции, символ ее культуры, явление мирового музыкального искусства.

Ее голос невозможно спутать с каким-либо другим. Страстный, будоражащий душу, он как будто исторгается из глубины сердца певицы. Удивительно сильный голос для такой миниатюрной, хрупкой женщины, какой была Эдит Пиаф. Однажды отец маленькой Диди с сожалением сказал: «У этой девочки все в горле и ничего в руках», ведь он был уличным акробатом и хотел сделать ее партнершей. Но Луи Гассион угадал и предназначенье своей дочери: ей предстояло стать великой

певицей.

Пиаф всегда подчеркивала, что пришла на сцену с улицы. Она и родилась-то холодной декабрьской ночью прямо на тротуаре, на плаще полицейского. Ее мать Анита Майар была цирковой певицей. Вскоре после рождения девочка оказалась у бабки-алкоголички, потому что отец ушел на фронт (ведь полыхала Первая мировая война), а легкомысленная мамаша исчезла и вспомнила о дочери, когда та уже стала знаменитой, – для того, чтобы через полицию требовать деньги на пропой. В конце концов однажды ее нашли мертвой в канаве.

С отцом Эдит повезло больше. Когда он вернулся с войны и увидел грязного, истощенного, рахитичного и слепого ребенка, то немедленно увез к своей матери в Нормандию. Новая бабушка определила кроху в… публичный дом, где работала кухаркой. Именно здесь Эдит узнала настоящую заботу. «Мадам» Мари и ее девицы в течение трех лет нежно опекали девочку и пытались лечить ее от катаракты. Медицина оказалась в ее случае беспомощной. И тогда кому-то из девиц пришло в голову всем заведением помолиться Св. Терезе в соборе Лизье. Приняв благочестивый вид, барышни поехали туда и целый день провели на богомолье. Через несколько дней Диди прозрела.

Вскоре она пошла в школу и проучилась около полугода. Но тут вмешалась общественность, которая, как всегда, лучше знает, кому и где место. Из «неприличного» дома Луи пришлось дочь забрать и сделать бродячей артисткой: он устраивал акробатические представления, а она собирала деньги и пела песенки типа «Я потаскушка». Ее исполнение нравилось людям. К 14 годам она уже почувствовала себя настолько уверенной, что ушла от отца, нашла аккомпаниатора – такого же самоучку, а потом уговорила сводную (по отцу) сестру присоединиться к ней. Симона была на два с половиной года младше, но решилась уйти от матери, которая была вечно пьяной. Так сестрички начали самостоятельно зарабатывать на жизнь и отныне пошли по ней рука об руку.

Ведущую роль в этом дуэте играла Эдит. Ее мощный голос собирал толпы, перекрывал шум и гудки автомобилей. Больше всего девчонки любили петь для солдат Иностранного легиона и моряков, потому что среди них находили понимание, признание и любовь. Те гроши, которые зарабатывали, они с легкостью пропивали в веселых компаниях. Такой образ жизни мог бы показаться ужасным, но другого сестры не знали. Они не имели дома, одежду никогда не стирали, а изнашивали до непригодности, о манерах не имели понятия точно так же, как и о ванне. Они пребывали на социальном дне, в окружении воров и

пьяниц, шулеров и скупщиков краденого, сутенеров и проституток. Своих «парней» часто не знали даже по имени. Один из них запомнился тем, что научил Эдит играть на банджо и мандолине. А Луи Дюпон подарил ребенка и даже предложил вместе жить. Но 17-летняя мама не испытывала особой привязанности к маленькой Сесиль, ее больше влекло на улицу, и никакие уговоры, ссоры и даже драки не могли ее образумить. Однажды Эдит уложила девочку в коляску и ушла от Луи, насовсем. Тогда он выкрал девочку, надеясь вернуть маму, но и это не помогло. А через два года малютка заболела менингитом и ушла из жизни, как будто ее и не было.

Для Эдит все текло по-прежнему. Она пела так много, что временами теряла голос. Ее не покидала уверенность, что в один прекрасный день появится какой-нибудь импресарио и предложит настоящую работу. И она дождалась такого дня. В толпе слушателей оказался элегантный мужчина, который буквально впился в нее глазами. Это был владелец шикарного кабаре «Жернис» Луи Лепле. На клочке газеты он написал адрес и назначил место встречи. С нее, собственно, начался отсчет творческой биографии Эдит Гассион.

Она беспрекословно слушалась «папу Лепле». Знаток своего дела сразу поверил в талант уличной певички и решил удивить изысканную публику «Жерниса» своей находкой. Он дал ей пианиста, отрепетировал номер, сделал широкую рекламу и придумал сценическое имя Мом Пиаф – Малютка Пиаф. На парижском жаргоне оно означало «воробышек». У нее не было нарядов. На сцену пришлось выйти в черном вязаном платье с одним рукавом, которое они с Симоной едва успели закончить, а оголенную руку прикрыли чужим платком сиреневого цвета. С тех пор она считала, что сиреневое приносит ей счастье, а маленькое черное платье неизменно было в ее гардеробе.

Первое же выступление на сцене кабаре покорило публику. Но не вскружило голову Эдит. Она уже хорошо знала жизнь и понимала, что предстоит много трудиться, чтобы эта победа не оказалась последней. Терпеливо и целеустремленно добивалась она своего: искала песни у издателей, слушала других певцов и вникала во все тонкости профессии. Кроме того, ей пришлось учиться элементарному – грамоте, умению говорить, одеваться, вести себя за столом и даже чистить зубы. В этом ей помогали Лепле и еще Буржа, который был почти вдвое старше Эдит и долгие годы оставался сначала любовником, а потом другом, опекал певицу, писал для нее песни, посвятил поэму, а она поверяла ему свои мысли и чувства.

Благодаря настойчивости Буржа Пиаф делала заметные

успехи. В начале 1936 г. состоялся ее большой концерт, а затем вышла первая пластинка «Чужестранец». И хотя она частенько удирала на улицу, в солдатскую казарму или кабачок, в работе преображалась и трудилась как каторжная.

Эдит была счастлива. Но счастье оказалось так велико, что не могло продлиться долго. 6 апреля среди ночи в своей квартире был убит Луи Лепле. Все рухнуло в один день. Эдит пережила потрясение не только из-за утраты. Ее и дружков с Пигаль, которых она в последнее время приводила к дверям кабаре, обвинили в причастности к убийству. Прямых доказательств полиция не нашла, и Пиаф вскоре выпустили, но «дело Лепле» еще долго отравляло ее существование. Где бы она ни пыталась выступать, падкие на сенсацию журналисты снова и снова вытаскивали на свет эту историю, а публика встречала «убийцу» оскорблениями и свистом. Ей приходилось петь в дешевых забегаловках и кинотеатрах между сеансами, скитаться и голодать, потому что все, вплоть до одежды, уже было распродано.

Несколько месяцев неразлучные сестры жили как в кошмаре, пока им не встретился новый ангел-хранитель – Реймон Ассо, бывший солдат Иностранного легиона. Он стал секретарем у знаменитой певицы Мари Дюба, перед талантом которой Эдит преклонялась. Они раньше встречались в актерском бистро. Ассо заинтересовался начинающей, а теперь отверженной певицей, пригласил ее на концерт Дюба, а потом они стали видеться часто. Однажды он произнес: «Тебе нужен кто-то, кто “сделает” тебя целиком. Тебе надо всему учиться». И взял на себя нелегкий труд по укрощению строптивой.

Эдит не сразу подчинилась обаянию и влиянию Реймона. Она мучила своего благодетеля, сводила на нет все его старания. Стоило ему отвернуться, как она тут же пускалась в новый загул. А он очень любил «свою девочку» и ради нее расстался с женщиной, которую все считали его женой. Он самоотверженно служил таланту Пиаф, создал индивидуальный стиль певицы, сформировал репертуар, написал целый ряд песен, привлек талантливого композитора Маргерит Монно, которая научила Эдит играть на рояле, чувствовать музыку всей душой и стала ей близкой подругой. Ассо был единственным из мужчин, кому Эдит верила и который не обманул ее ожиданий, что, впрочем, не помешало ей выставить его за дверь, когда в доме появился новый «патрон». Если Лепле вытащил Эдит с улицы на сцену, то Ассо создал ее как профессиональную певицу. Она была его творением. Забегая наперед, скажем, что Реймон Ассо умер в 1968 г., пережив Пиаф на пять лет. Незадолго до кончины он

работал над предисловием к новой пластинке певицы. И так сожалел, что не смог ее уберечь.

«Период Ассо» был для Пиаф взлетным. Состоялся ее дебют с оркестром в престижном концертном зале «АВС», открывший новую страницу в карьере. Все газеты написали тогда, что во Франции родилась великая певица. Наступило время успехов, миллионных гонораров, путешествий, славы. Эдит стала посещать модельеров, жить в шикарных отелях, обзаводиться дорогими машинами. Она раз и навсегда обрела сценический образ: бледное лицо, большой лоб, выразительные глаза, ярко-красные губы, одинокая фигурка в коротком черном платье на сцене, где нет ничего лишнего. Часто она пела с закрытыми глазами, как бы возвращаясь в свое незрячее детство, когда мир воспринимался только слухом, и все свои чувства старалась выразить и донести до слушателей именно голосом.

После Ассо такую же большую роль в жизни певицы сыграл Поль Мёрисс – педантичный и чопорный красавец, сын владельца банка, который испробовал разные занятия и остановился на театре, пел в мюзик-холле и кабаре. С ним Пиаф прошла своеобразную школу изысканности, обрела класс, начиная с того, что стала жить в престижном районе Этуаль. Они были настолько разные, что походили на лед и пламень, а их сожительство превратилось в постоянную борьбу с шумным выяснением отношений и боем посуды. Они вместе выступали в музыкальных спектаклях. Наблюдая столкновение таких ярких характеров, Жан Кокто – поэт, драматург, писатель и художник, хорошо разбиравшийся в музыке, – написал одноактную пьесу «Равнодушный красавец» и предложил парочке сыграть самих себя. У Мёрисса роль была без слов, Пиаф же предстояло буйствовать на сцене и нести на себе основную нагрузку. Она блестяще справилась с этой работой – пьеса стала гвоздем сезона 1940 г.

Тяга к драматическому искусству привела уже известную певицу и на съемочную площадку. Первая проба сил состоялась в 1937 г. в фильме «Холостячки», затем появилась картина «Монмартр-на-Сене», где Пиаф получила главную роль, и уже в 50-е гг. – фильм «Любовники завтрашнего дня». Возможно, работа в театре и кино была бы более плодотворной, если бы не война. В Париж немцы вошли в июне 1940 г. и хозяйничали долгие четыре года: ввели массу запретов, систему аусвайсов, облав и прочих «прелестей» оккупации. Пиаф не захотела пополнять армию беженцев. Куда бежать и зачем? Что спасать? Материальными благами она не умела дорожить. Все ее богатство – талант – было с ней. Пройдя регистрацию в Управлении пропаганды, она

получила допуск к работе, без которой просто не мыслила существования.

В годы войны, как и большинство соотечественников, Эдит мерзла в неотапливаемом жилье, выстаивала очереди за всем необходимым, носила вещи на черный рынок, испытывала жуткий страх. И неистово работала – репетировала и выступала, преимущественно давала концерты в пользу военнопленных и Красного Креста, но приходилось петь и для фашистов. Иногда ей удавалось заработать приличные деньги, но она тратила их на помощь тем, кто нуждался больше, и на посылки в лагеря для солдатиков, которых Эдит всегда любила, а теперь стремилась поддержать. Известен такой факт. По просьбе друзей она уговорила начальника лагеря сфотографироваться с пленными. Участники Сопротивления изготовили с групповой карточки маленькие, на каждого солдата, и приклеили их на фальшивые удостоверения. В следующей поездке Пиаф провезла их в лагерь. Некоторые узники сумели бежать и выжить, имея на руках эти документы.

Часто бывает так, что человеку, нашедшему свою дорогу в жизни, вроде бы сама судьба посылает нужных попутчиков. Так было и с Пиаф. Кроме уже упомянутых друзей, огромную роль в становлении певицы сыграл Луи Барбье. Как импресарио, он был профессионалом высокого класса и сумел внести организационное начало в ее концертную деятельность. Барбье устроил две недели ее выступлений в одном из лучших мюзик-холлов страны «Мулен-Руж». А потом гастроли не только по Франции, но и во многих странах мира. Он обеспечил Пиаф гонорары на общую сумму около полутора миллиардов франков.

Но Эдит не умела экономить, любила одаривать всех подряд, могла привести в дом или ресторан компанию бродяг и угощать их, умудрялась покупать платья по цене до трех миллионов, а потом ни разу их не надеть. Она по-прежнему много пила, и этой слабостью пользовались мелкие людишки. Но появилась и еще одна страсть, требовавшая больших денег, – Пиаф стала выискивать и поддерживать молодые таланты. Этот период творчества она сама назвала фабрикой. А первым ее «продуктом» оказался Ив Монтан, которого предложили певице для разогрева публики в одном из концертов. Эдит не только заставляла его трудиться до изнеможения, прорабатывала до мелочей каждое его выступление, написала для него первые свои песни. Конечно же о любви, которая возникла между ними. В кипении страстей за два месяца родился новый Монтан. После освобождения от фашистов он уже на равных пел с Пиаф в одном концерте в самом престижном мюзик-холле «Этуаль». Поняв, что сделала для Ива

все возможное, Эдит рассталась с ним, хотя это было трудное решение, ведь любимый предлагал ей замужество.

Она пошла дальше, в ногу со временем, чутко реагируя на перемены, безошибочно определяла одаренных исполнителей и превращала в явления песенного мира. Так состоялся ансамбль «Друзья песни», объехавший с Пиаф города Америки. Так появились знаменитые впоследствии шансонье Шарль Азнавур, Робер Ламуре, Эдди Константин, Феликс Мартан и многие другие. Отныне жизнь Эдит стала похожа на марафон. Популярность ее стремительно росла, в лучших концертных залах страны зрители плакали и целовали ей руки. Она стала гордостью нации и представляла Францию во многих странах мира. Ее слушали и удостаивали чести общения такие особы, как генерал Эйзенхауэр, который еще не был президентом, принцесса Англии Елизавета и герцог Эдинбургский. Во время турне по США Пиаф пела в Голливуде, гостила у Чарли Чаплина и заставила его прослезиться, а о ее работах в кино мэтр отозвался примерно так: «Эта женщина должна была бы делать на экране то, что я».

Пиаф вообще очень любила бывать в Америке, и посещала ее девять раз. Здесь началась самая романтическая и печальная история любви певицы и участника чемпионата по боксу Марселя Сердана. Оба они находились на пике славы и приехали покорять Америку. Правда, чемпионом Сердан так не стал, в чем – не без оснований – упрекали Пиаф. А через два месяца он погиб в авиакатастрофе. В тот вечер, 26 октября 1949 г., публика «Версаля» стоя встречала певицу, а она исполнила посвященный памяти Марселя «Гимн любви», слова которого принадлежали ей самой, а музыка – Маргерит Монно. Эта любовь осталась самой светлой песней Эдит. Возможно, именно потому, что оборвалась на самой высокой ноте и так внезапно. Останься Марсель в живых, кто знает, как бы все сложилось, ведь у него были жена и трое сыновей. После гибели Сердана Эдит в память о нем заботилась об этой семье.

Многие годы она существовала в шальном ритме, меняя местами дни и ночи, доводила себя до изнеможения, растрачивала не только деньги, но и здоровье, не задумываясь над тем, что за это придется расплачиваться в будущем. Первым серьезным сигналом стал приступ белой горячки. А дальше… За последние 12 лет жизни, по свидетельству сестры Симоны, Эдит пережила четыре автомобильные катастрофы, одну попытку самоубийства, четыре курса дезинтоксикации, один курс лечения сном, три гепатические комы, один приступ безумия, два приступа белой горячки, семь операций, две бронхопневмонии и один отек легкого. Этот «послужной список» усугубляла

наркомания. Впервые она познакомилась с морфием после операции и дошла до того, что вводила себе до 10 доз в сутки. Ее мучил артрит, и вместо кортизона больная колола наркотик, обманывая всех.

Совсем еще молодая женщина, у которой было все для счастливой и безбедной жизни, превращалась в развалину, мучилась и искала путь спасения. Она нашла его в новой любви. 29 июля 1952 г. в возрасте 37 лет Пиаф обвенчалась с 46-летним Жаком Пилсом. Ей казалось, что брак способен возродить все лучшее, оставшееся в ней. Но это был самообман. Наркотики подтачивали силы, а вскоре начали сказываться и на работе. Эдит стала терять память и забывать тексты, могла заблудиться на сцене, упасть перед микрофоном. Часто с концертов певицу увозили тайком, чтобы ее не видели посторонние. С ней начали расторгать контракты. Самое ужасное состояло в том, что Жак не помогал Эдит исцелиться, а стал ее собутыльником.

После четырех лет замужества она опять осталась одна, мало веря в то, что счастье для нее возможно. Внешне певица выглядела просто ужасно: руки и бедра были в сплошных ранах, синяках и струпьях, лицо ее спасал только грим. И тем не менее на сцену она выходила, пожалуй, не реже, чем раньше, хотя близкие буквально следили за ней. Во время гастролей за рубежом в течение 12 недель зал «Олимпия» был переполнен. Врачи предупреждали, что каждый концерт укорачивает дни Эдит, запрещали ей репетировать, но она повторяла одно и то же: «Не мешайте мне петь. У меня больше ничего не осталось в жизни». Она работала как в горячке, в невероятной борьбе, поражая всех неизвестно откуда появлявшейся силой. Программа «Олимпия-бО» стала вершиной творчества Пиаф, так как в нее были включены лучшие произведения певицы, среди которых была и песня-исповедь «Нет, я ни о чем не жалею». Она, как всегда, пела о любви, трагической, такой какой была полна ее собственная жизнь. Ведь по меткому выражению Симоны, «ни один мужчина не пощадил ее. Каждый отметил своим шрамом».

Только последний возлюбленный Эдит Пиаф оказался тем, кого она ждала всю жизнь. Это был Теофанис Ламбукас – парикмахер, античный красавец, поклонник Пиаф, мечтающий петь. Он был на двадцать лет моложе. Явившись в больничную палату проведать угасающую звезду, он вошел в ее судьбу, и своей любовью сумел продлить ей жизнь. Тео ухаживал за Эдит нежно и тактично, познакомил с родителями и сестрами, а вскоре сделал предложение. Он знал, что эта женщина обречена (у нее диагностировали рак), и все-таки боролся. И произошло чудо – она снова начала работать: репетировать и готовить Теофаниса.

25 сентября 1962 г. Эдит Пиаф и ее воспитанник Тео Сараппо (псевдоним придумала сама Эдит, «сараппо» в переводе с греческого означает «я люблю тебя») дали совместный концерт на Эйфелевой башне, и их голоса слушал весь Париж. 9 октября в православной церкви две звезды обвенчались.

Они еще успели выступить в нескольких концертах. Последний раз Пиаф вышла на сцену в оперном театре Лилля 18 марта 1963 г. Молодые авторы писали для нее песни, похожие на завещания, а публика с замиранием сердца слушала их. Состояние здоровья Эдит неуклонно ухудшалось, рецидивы следовали один за другим. Тео не отходил от жены ни на шаг, возил ее то на море, то в горы и ухаживал, как за ребенком. Но 10 апреля начался отек легкого, и ночью Эдит Пиаф скончалась. Их брак продлился один год и два дня.

В больничном фургоне тело самой маленькой из великих певиц, как называли Пиаф американцы, было доставлено в Париж. Действительно, она стала похожа на воробышка, поскольку уменьшилась в весе до 33 кг. 14 октября на кладбище Пер-Лашез собралось 40 тыс. человек, чтобы проститься с этой незаурядной женщиной, ставшей легендой при жизни. Рим запретил отпевать певицу, так как она «жила во грехе», но два священника все-таки отслужили заупокойную мессу как частные лица. Да, она была великой грешницей, но и великой мученицей, и великим талантом…

Через семь лет в той же могиле был похоронен и Тео Сараппо, погибший в автомобильной катастрофе. Он ничего не унаследовал от Пиаф, кроме огромных долгов, которые выплачивал до конца дней. Все, что он мог сделать в память о супруге, – это петь, в том числе и ее песни во славу любви, которая и есть торжество жизни.

ФИЦДЖЕРАЛД ЭЛЛА

(род. в 1918 г. – ум. в 1996 г.)

Американская джазовая певица. Записала более 250 альбомов общим тиражом около 100 млн экземпляров.

Она принадлежит к небольшому кругу избранных людей искусства, которых в любом уголке земного шара узнают по одному лишь имени на афише. Если эта певица захотела, она могла бы украсить все стены своего дома в Беверли-Хиллз медалями, призами, грамотами, скульптурками премий «Грэмми» и почетными докторскими дипломами – наградами, накопившимися у нее за почти 60-летнюю творческую карьеру. Однако до самой своей смерти она так и не привыкла к заслуженному положению звезды – в артистической среде трудно было найти другую такую скромную исполнительницу.

Элла Фицджералд родилась 25 апреля 1918 г. в городке Ньюпорт-Ньюс, штат Вирджиния, в бедной негритянской семье. В раннем детстве отчим увез семью в Йонкерс под Нью-Йорком, где ее мать нашла работу в прачечной. «Я никогда не считала себя певицей, – вспоминала Элла. – Моим настоящим увлечением были танцы. У моей мамы было много граммофонных пластинок с записями популярных исполнителей. Больше всего мне нравилась Конни Босуэл, и я стала петь ее песни».

Будущая королева джаза училась музыкальной грамоте по школьному учебнику. Но дальше дело не пошло, и она до конца своей жизни завидовала тем певцам, которые имели настоящее образование и могли свободно читать ноты. Элла даже пыталась брать частные уроки фортепиано, но «мама скоро заметила, что я играю все время одни и те же упражнения. По тем временам пять долларов были большие деньги, и занятия пришлось прекратить».

В 1934 г. Фицджералд решила принять участие в любительском танцевальном конкурсе, но выйдя на сцену, от волнения… запела. За исполнение песни «Джуди» жюри присудило ей первую премию, составлявшую 25 долларов. Слух о молодой певице дошел до компании «Коламбия бродкастинг систем», и ей предложили работу в одном из первых радио-шоу. Но тут совершенно неожиданно умерла ее мать, и за несовершеннолетнюю Эллу некому было подписать контракт. Так она упустила свой шанс выйти на «взрослую» сцену.

Однако ее профессиональный дебют все-таки состоялся. Целую неделю в феврале 1935 г. Элла выступала на сцене Гарлемского оперного театра, после чего приятель привел ее к руководителю джазового оркестра Чику Уэббу. Фицджералд спела ему три песни, но с оркестром Чика уже выступал певец, солистка была ему не нужна, и он сказал сквозь зубы: «Завтра мы выступаем в Йельском университете. Приходи к нашему автобусу – если понравишься публике, получишь работу». Публике она понравилась.

Худую 16-летнюю негритянку в купленном в складчину гарлемскими хористками скромном платье приняли в серьезный коллектив. Так певица появилась на джазовом небосклоне, где царил свинг с его четкой мелодической линией. Когда же на смену ему пришел более «развязный» би-боп, именно Элла ввела в джаз новые формы импровизационного вокала. Сама себя она считала еще одним инструментом в оркестре и говорила: «Когда я пою, я мысленно ставлю себя на место тенора-саксофона».

На сцене и в жизни Элла мало заботилась о своем внешнем виде – да и откуда у девочки из семьи прачки мог появиться вкус к нарядам и украшениям? Легкий нрав, оптимизм создали ей

славу контактного, обаятельного в общении человека. У Чика Уэбба и его жены не было своих детей, и они со временем так привязались к Элле, что стали считать ее дочерью, хотя девушка по возрасту годилась Чику в сестры – ему было немногим за тридцать.

В этом же 1935 г. вышла первая пластинка Фицджералд «Любовь и поцелуи», которая принесла певице гонорар в 25 долларов – такой же, как и приз на памятном любительском конкурсе. Зато через три года старинная народная песня «Желтая корзина», аранжированная в джазовом стиле, вышла рекордным для того времени тиражом – один миллион экземпляров. В 1938 г. известность новой исполнительницы затмила популярность самого Уэбба. Легкой суинговой манерой пения и четкой фразировкой Элла была способна придать очарование любой, даже бессмысленной эстрадной песенке.

Ее наперебой стали приглашать работать в большие оркестры, предлагали высокую оплату, но она хранила верность коллективу «отца», как она называла Чика. И вот когда казалось, что жизнь обрела устойчивость и впереди ожидает неуклонный подъем, пришло горе: в июне 1939 г., пролежав неделю в больнице, Уэбб скончался.

Вскоре по единодушному решению музыкантов оркестра Фицджералд возглавила коллектив. В этот период она на короткое время связала себя брачными узами: «Замуж я вышла на спор. Я была такая глупая, что пошла на пари с парнем, который утверждал, что я не решусь выйти за него. Когда ребята из оркестра узнали об этом, они прямо рыдали».

В 1941 г. джаз-бэнд Уэбба распался, и несколько лет Элла провела в гастрольных поездках с вокальной группой, с известными оркестрами и с сольными концертами. Впоследствии она вспоминала: «Самое сильное впечатление у меня осталось от гастролей с оркестром Диззи Гиллеспи. В то время у музыкантов было принято после концерта собираться на так называемые «джем-сейшн», где они играли «для души». Именно так и появилась песенка «О леди, будьте добры» – Диззи уговорил меня исполнить ее вместе с ним на радио. Об этом узнали в компании грамзаписи «Декка рекорде» и пригласили меня сделать запись…»

Как-то в 1948 г. Фицджералд попала на «Джаз в филармонических концертах» знаменитого продюсера Нормана Гранца. Ее узнали в зале и попросили выйти на сцену. Эта встреча с Гранцем стала поворотной в ее карьере, и через два года они начали вместе гастролировать. Став в 1954 г. ее официальным импресарио, Норман уговорил Эллу расторгнуть договор с «Деккой» и записать серию вокальных альбомов (песни Портера,

Эллингтона, Гершвина, Берлина, Харта и Роджерса) на его студии «Верв». Позже он говорил: «Я считаю, что исполнение Эллой «Танцев в Савойе» Б. Гудмена – это самый невероятный, самый блистательный образец вокального джаза, когда-либо выпущенный на пластинках».

В самом начале своего сотрудничества с Гранцем 29-летняя Элла вышла замуж за контрабасиста Рея Брауна: «Наш брак был удачным, но семейная жизнь двух людей, занятых в искусстве, протекает сложно. Нужно по-настоящему научиться понимать друг друга». Супруги усыновили мальчика, тоже Рея, но в 1952 г. все же развелись. После этого они поддерживали хорошие отношения и время от времени вместе выступали на эстраде.

После развода с Брауном Фицджералд четыре года прожила в Копенгагене («у меня там был роман»), а вернувшись в Америку, впервые выступила с симфоническим оркестром в Бостоне. После этого она могла петь с кем угодно: «Я выступала с доброй дюжиной симфонических оркестров, с большими «бэндами», с трио и с отдельными музыкантами. И если даже одну песню исполнять с таким разнообразным музыкальным сопровождением, то все время остается ощущение новизны». Успех был огромным.

Но в то же время Элла жаловалась, что когда ей приходилось выступать в больших залах с резонирующей акустикой, то ей «очень не хватало ощущения интимности». Несмотря на всемирную известность, она всю жизнь была застенчива и одинока и не поддерживала отношений даже с теми музыкантами, с которыми успешно работала, встречаясь с ними только на записях и концертах. Преображалась певица лишь на сцене, чувствуя себя абсолютно раскованной и свободной.

В 1967–1970 гг. Фицджералд записывалась на студиях «Кэпитол» и «Реприз», решив добавить в свой репертуар популярные хиты того времени. Но этот эксперимент не нашел поддержки у публики, и Элла вернулась в новую студию Гранца «Пабло рекорде», где продолжила работу со своими давними друзьями Джо Пассом, Оскаром Петерсоном и Каунтом Бэйси. Гранц считал, что выступать даже шесть месяцев в году для нее многовато, но… «она любит петь, и остановить ее невозможно».

Второй страстью Фицджералд после пения стала кулинария. Во всех комнатах ее дома в Лос-Анджелесе были горы книг: «Мне их присылают со всего света. Поваренные книги захватывают не меньше, чем любовные истории – ловишь себя на том, что начинаешь сравнивать, какие блюда способны приготовить разные повара из того же мяса…» В силу этого увлечения Элле частенько приходилось бороться с полнотой и периодически

худеть. Это при том, что перед выступлением она вообще никогда не ела, поскольку на сцене «было бы трудно контролировать дыхание».

Сотрудничество с Норманом Гранцем принесло певице большие доходы, что позволило ей много сил и времени отдавать общественной деятельности. Главное внимание она уделяла детям, создав специальный детский центр имени Эллы Фицджералд в Уоттсе, одном из районов Лос-Анджелеса. А в своем уютном доме в Беверли-Хиллз она жила в полном уединении в окружении двух собак и любила принимать племянницу, с которой ее всегда связывала тесная дружба.

Последние двадцать лет жизни всемирно известная певица провела в непрерывных мучениях и борьбе за жизнь. В 1971 г. после перенесенной операции по удалению катаракты она едва не ослепла и до конца жизни видела практически одним глазом. В 1985 г. было прервано концертное турне из-за проблем с легкими. Потом – сердечный приступ, обострение диабета и как следствие – ампутация обеих ног ниже колена. 15 июня 1996 г. она умерла.

Полвека Элла отдала любимому делу, во многом определив направление джазового вокала. Она была двенадцать раз награждена самой престижной американской премией «Грэмми», присуждаемой Национальной академией звукозаписи и техники, двадцать два раза получала призы читателей журнала «Даун бит» и была удостоена в 1980 г. награды Центра исполнительских искусств имени Кеннеди. Газеты восторгались: «Элла Фицджералд может спеть даже телефонный справочник».

В одном из своих последних интервью Первая Леди Джаза сказала: «Существует мнение, что начало карьеры обязательно связано с пением в церкви или со счастливым случаем в жизни. Дело же между тем не в истоках творчества, а в отношении к своему призванию, в умении переносить неудачи. Были в моей жизни счастливые увлечения, были и такие, которые плохо закончились. Мне бы не хотелось сосредоточивать на них внимание, как не хотелось бы никого осуждать, и все же я считаю, что повидала на своем веку столько удивительных мест, пережила столько прекрасных минут, встречалась с такими великими людьми, что все вместе могло бы составить замечательный рассказ».

КАЛЛАС МАРИЯ

Настоящее имя – Сесилия София Анна Мария Калойеропулу (род. в 1923 г. – ум. в 1977 г.)

Выдающаяся греческая оперная певица, которая произвела революцию на сцене своим голосом и яркой манерой исполнения.

Ее называли непревзойденной, гениальной. Толпы поклонников обожествляли Марию Каллас. Лучшие оперные театры мира сражались за то, чтобы заключить контракт с ней. Когда певица выходила на сцену, публика, затаив дыхание, ловила каждую ее ноту, каждую фразу. Когда ее не стало, критики единодушно заявили: «Мы не увидим больше подобную ей».

Мария Каллас родилась 3 декабря 1923 г. в Нью-Йорке в

семье греческих эмигрантов. Когда девочке исполнилось 14 лет, родители разошлись и Мария вместе с матерью и старшей сестрой вернулась в Грецию. Здесь ее мать, Евангелия, приняла решение сделать из Марии настоящую оперную певицу, потому что дочь отличалась неплохими вокальными данными. В афинской консерватории, в классе Эльвиры де Идальго она получила прекрасное музыкальное образование, освоила основы актерского мастерства и отточила свое потрясающее сопрано. Позднее Мария с любовью вспоминала свою талантливую учительницу, ведь именно благодаря ей имя Каллас стало всемирно известным. Эльвира де Идальго обладала настоящей школой бельканто и все свое мастерство передала Марии, для которой стала по-настоящему близким и родным человеком. Дома Марию не понимали, а отношения с матерью у нее не складывались. Евангелия не любила своего ребенка, дочь была для нее лишь возможностью реализовать честолюбивые замыслы.

Каллас была некрасивой близорукой студенткой, очень полной, застенчивой, неуверенной в себе. Но вместе с тем являла собой воплощение таланта и трудолюбия. Она усердно выполняла все требования педагогов. Пение стало для Марии радостью, смыслом жизни, а порой и самой жизнью. Так, в течение Второй мировой войны она неоднократно спасала себя и свою семью от голодной смерти, потому что многие солдаты и офицеры с удовольствием отдавали ей часть своих пайков, чтобы только послушать, как она поет.

Когда Марии исполнилось 17 лет, Эльвира де Идальго выхлопотала для своей способной ученицы место в Афинском оперном театре. Партия Сантуццы («Сельская честь» П. Масканьи) стала ее первым серьезным выступлением в опере и привлекла внимание к молодой певице. Многие критики с восторгом отмечали рождение новой звезды, что конечно же не понравилось другим певицам театра. Мария нажила в Афинской опере множество явных и скрытых врагов, которые всеми силами пытались помешать ее карьере.

Однажды, когда заболела исполнительница арии Тоски, руководство театра предложило Каллас заменить ее. Заболевшей актрисе эта идея не понравилась, и она отправила своего мужа в театр с наказом во что бы то ни стало помешать Марии. Дело не обошлось без драки, но Каллас все-таки пела в тот вечер. Когда она вышла на сцену, один ее глаз был гораздо темнее другого. Мария пела, мечтая отомстить своим обидчикам. В ее голосе было столько страсти, любви, отчаяния и боли, что публика пришла в восторг.

В 1944 г. она отправилась в Америку в надежде продолжить

начатую карьеру, однако начинающей певицей там не заинтересовались. Один итальянский импресарио предложил Марии дебют в Италии в опере «Джоконда», на что Каллас с радостью согласилась.

2 августа 1947 г. она с успехом выступила в Вероне. Ее голос, большой (две с половиной октавы) и сильный, был высоко оценен публикой и знатоками музыки. После дебюта посыпались новые предложения. Репертуар Марии был труден и разнообразен. В течение четырех лет она спела партии в операх Вагнера («Тристан и Изольда», «Валькирия», «Парсифаль»), Пуччини («Тоска» и «Турнадот»), Верди («Сила судьбы», «Аида», «Трубадур»), Россини («Турок в Италии»), Беллини («Норма», «Пуритане»). Имя Марии Каллас было у всех на устах. К певице пришла слава и всеобщее признание.

Через два года после своего блестящего дебюта в Вероне она вышла замуж за итальянского промышленника, миллионера Джованни Баттиста Менегини. Этот брак еще больше упрочил положение Марии в Италии. Муж был старше почти на 30 лет и стал для Каллас надежной опорой и защитой. Наконец она обрела настоящий дом и определенную стабильность. Менегини принял на себя обязанности менеджера певицы, предоставив жене возможность целиком посвятить себя творчеству.

В 1951 г. Мария заключила контракт со знаменитым театром «Да Скала». Первое время с ней на равных правах выступала и другая примадонна – Рената Тебальди, но Каллас поставила руководство перед выбором: она или соперница. Тебальди была вынуждена уйти. Администрации театра ни на одну минуту не пришлось усомниться в правильности выбора – в жизни «Да Скала» началась новая эпоха. Благодаря инициативе и авторитету Марии Каллас стали создаваться новые спектакли, к работе привлекались лучшие режиссеры драматической сцены, прекрасные дирижеры. Афиша театра необычайно обогатилась. На сцену вернулись многие оперы, которые долгое время были забыты: «Альцеста» Глюка, «Орфей и Эвридика» Гайдна, «Армида» Госсини, «Весталка» Спонтини, «Сомнамбула» Беллини, «Медея» Керубини, «Анна Болейн» Доницетти. Главные роли в них с блеском исполняла Мария. Публика была очарована ею. Несмотря на то что примадонна была очень полной и не слишком привлекательной, завораживал и покорял ее потрясающий голос – сильный и страстный.

Каллас без остатка отдавалась искусству: «Все или ничего», «Я помешана на совершенствовании», – часто повторяла она. Для того чтобы больше соответствовать ролям, она в 1954 г. похудела со 100 килограммов до 60. Что певица для этого предприняла, до

сих пор остается загадкой. В обществе ходили самые разнообразные слухи: говорили о каком-то необыкновенном курсе лечения для похудения. Некоторые утверждали, что для достижения такого результата Каллас пришлось заразить себя глистами. Как бы там ни было, Мария полностью перевоплотилась. Из неуклюжей типичной оперной певицы она превратилась в стройную, изящную красавицу-гречанку. Каллас в новом облике прекрасно подходила на роль героинь воскрешенных ею ранее романтических опер – Нормы, Медеи, Амины, Джулии, Лючии.

Слава Марии вышла далеко за пределы Италии. Она гастролировала по Европе и Америке, покоряя одну за другой сцены театров мира. Вместе с известностью к Каллас пришло и богатство.

Певица много выступала, репетировала, подписывала новые контракты. С каждым днем она становилась все более нервной и раздражительной – сказывалось и резкое похудение, которое отразилось на состоянии нервной системы. Мария была требовательна как к своей прислуге, так и к администрации театров, без конца ссорилась с коллегами и становилась зачинщицей многих скандалов. Один из них произошел в 1958 г. в Риме, когда Каллас прервала свое выступление в «Норме» и ушла за кулисы. Певице изменил голос, и она не пожелала давать какие-либо объяснения публике, несмотря на то что в зале присутствовал президент Гронки с супругой. После этого в Рим она не возвращалась, в основном гастролируя по Америке и Европе. Мария выступала все реже и реже – у нее возникли проблемы с голосом.

В это время в ее жизни произошло знаменательное событие, которому суждено было перерасти в глубокую драму. Между великой певицей и известным богачом Аристотелем Онассисом завязался бурный роман, разбивший обе семьи и продолжавшийся до смерти Аристотеля в 1975 г. Страсть, переживания, ссоры и примирения оказались губительными для голоса Марии. Ей пришлось уйти с большой сцены. В 1969 г. она снялась в фильме Пазолини «Медея», но картина успеха не принесла: зрители и сама Каллас еще раз убедились, что она потрясающая «поющая драматическая актриса», и образ, созданный ею вне музыки, не так ярок и красочен, как образы ее оперных героинь. После этого провала Мария занялась преподавательской деятельностью, изредка принимала участие в небольших концертах.

Последние годы певица провела в Париже. Она вела достаточно уединенный образ жизни: почти никого не принимала, кроме своей учительницы де Идальго. 16 сентября

1977 г. Мария Каллас тихо скончалась от первого и последнего в своей жизни сердечного приступа.

Ив Сен-Лоран как-то сказал о ней: «Она была дива из див, императрица, королева, богиня, колдунья, работящая волшебница, короче говоря, божественная». Певица произвела настоящую революцию в опере: она вернула на сцену стиль бельканто, который был сформирован к концу XVII века. Это позволило воскресить к жизни многие почти забытые оперы Керубини, Спонтини, Россини, Беллини. Кроме того, Каллас великолепно играла свои роли. Известный критик Ф. д'Амико назвал ее «гениальной поющей актрисой». Ее безупречная пластика, психологическая интуиция и прирожденное чувство стиля покоряли слушателей. В каждой опере у нее был какой-то особенный жест, который являл собой кульминацию переживаний героини. Так, в «Медее», прежде чем обнять детей, она наклонялась и касалась рукой земли, что заставляло зрителей вздрагивать от воспоминания о чем-то давно забытом, погребенном в тайниках исторической памяти.

Мария Каллас вкладывала в каждую роль частицу своего сердца и души. В ее героинях воплощались переживания, мысли, чувства самой певицы. Именно поэтому эта талантливая греческая примадонна была так популярна и оставила яркий след в истории мирового искусства.

ПЛИСЕЦКАЯ МАЙЯ МИХАЙЛОВНА

(род. в 1925 г.)

Одна из самых знаменитых балерин Большого театра XX в. Народная артистка СССР, Герой Социалистического Труда, лауреат Ленинской премии. Руководила балетом Римской оперы и Национальным театром в Мадриде. Почетный президент труппы Имперский Русский Балет.

Слово «вопреки» стало для Майи Плисецкой едва ли не главным в ее длинной, яркой, до жестокости трудной, но прекрасной жизни. В день прошедшего в 2000 г. юбилея президент России В. Путин вручил ей орден «За заслуги перед Отечеством» II степени. А еще балерину наградили орденом Почетного легиона и президент Франции Ф. Миттеран лично прикрепил награду к ее костюму. Однажды в Кремле

высокопоставленный российский чиновник недоуменно протянул: «Я думал, что орден Почетного легиона дают только участникам движения Сопротивления». «А я всю жизнь и сопротивлялась», – рассмеялась балерина.

Плисецкая родилась 20 ноября 1925 г. в Москве в семье потомственных интеллигентов. Ее мать – черноволосая, тихая Рахиль Мессерер, актриса немого кино, была дочерью известного зубного врача, имевшего свой кабинет на Сретенке. Отец Майи был родом из Гомеля. На заре советской власти он «записался в коммунисты», искренне поверив в эту идею. Юный Миша Плисецкий, как многие выходцы из черты оседлости, получил высшее образование и добился солидного положения в обществе. В 1932 г. он был назначен начальником угольных рудников на Шпицбергене.

Из своего детства Майе запомнилось многое: неповторимо красивое северное лето с его бледными цветами; первая в жизни роль Русалочки в опере Даргомыжского («Я с шиком сыграла свою крошечную роль»); но больше всего – «чистый, белый, хрустальный, светящийся снег». Этот снег однажды чуть было не стал причиной ее гибели. Возвращаясь домой, она решила передохнуть и села на лыжи. «Снег стал превращать меня в андерсеновскую деву. Начала засыпать, впала в сладкую дрему. Моя спасительница – умница-овчарка Як раскопала меня из снежного сугроба и поволокла за шиворот к людям. Так я родилась во второй раз…»

В 1934 г. семья после длительных зимовок на Шпицбергене приехала в отпуск в Москву, и Майю, уже проявившую склонность и любовь к танцам, определили в балетную школу в класс к Е. И. Долинской.

Училась она с упоением. Ей было 11 лет, когда отца, занимавшего высокий пост, исключили из партии, уволили с работы. Рано утром 1 мая 1937 г. в дом ввалились чекисты и увезли Плисецкого с собой. Рахиль, беременная третьим ребенком, кричала, цепляясь за мужа, плакал маленький Саша, а Майя плохо соображала, что происходит.

Отца расстреляли через год после ареста, а мать в это время уже была в Бутырской тюрьме. Ее взяли прямо в Большом театре, куда она пришла вместе с Майей посмотреть свою сестру Суламифь Мессерер, танцующую «Спящую красавицу». Майя так увлеклась происходящим, что не заметила, когда исчезла мама. После спектакля, поискав ее и не найдя, девочка понесла букет цветов домой к тете. Там ей попытались объяснить, что мама с недавно родившимся братиком срочно уехала к отцу… Тетка оставила Майю жить у себя, а Сашу взял в дом брат матери –

Асаф.

Лишь весной 1941 г. благодаря ходатайствам орденоносцев Асафа и Суламифи Мессереров мать с братишкой освободили. Она вернулась в Москву, но тут грянула война, и семья была вынуждена эвакуироваться в Свердловск. Целый год Майе было не до балета, еще немного, и с профессией она могла бы попрощаться. Тогда Плисецкая решила вернуться в столицу и продолжать занятия. Поехала без согласия матери и без пропуска и все боялась, что в город ее не пустят. Но ей удалось прошмыгнуть мимо патруля.

Окончив хореографическое училище в 1943 г., 17-летняя Майя Плисецкая была принята на работу в Большой театр. Основная масса артистов Большого находилась в эвакуации, поэтому в труппу взяли всех выпускников.

На «главной сцене страны» в то время царили Семенова, Лепешинская, Мессерер, Головкина. Чтобы не терять форму, Майя стала танцевать сольные партии в Домах культуры, а потом в стране началась кампания «по выдвижению молодежи», и ей выпала честь представлять молодое поколение балета. Она танцевала мазурку в «Шопениане». Успех был оглушительным. За ним последовал следующий – «Раймонда». Плисецкая стала ведущей балериной среди молодых солисток. И наконец – «Лебединое озеро». Впоследствии этот балет станет главным в ее жизни. А станцевала она его более 800 раз на протяжении 30 лет, объехав весь мир.

«Жалею, что никогда не вела счет, сколько раз я станцевала «Умирающего лебедя». Но если вы напишете «50 тыс.» – не ошибетесь, – говорила Майя журналистам. – В этом маленьком балете, который Фокин поставил для Павловой, я каждый раз танцевала иначе. Я вообще импровизатор по натуре. На меня жаловались балетмейстеры: на Плисецкую невозможно ставить, она все равно сделает по-своему. Фокинского «Лебедя» мне интересно танцевать всегда». Последний раз «Умирающего лебедя» балерина танцевала в 75 лет – это настоящий рекорд для Книги Гиннесса.

Но это будет потом, а пока же, в 1953 г., Плисецкая стала «невыездной»: ставка в Большом была сделана на Уланову. Да, зал взрывался аплодисментами, когда Майя выходила на сцену. Но у нее был репрессированный отец, бывшая ссыльная мать, родственники за границей и «пятый пункт» в паспорте. Да, всех заморских гостей вели на «Лебединое» с Плисецкой, но из страны ее никуда не выпускали, и не то что о мировой славе – даже о возможности быть признанной коллегами за рубежом и речи быть не могло.

Труппа ехала на гастроли за границу, Майя оставалась. «Почему?» – спрашивала она. «В следующий раз непременно!» – обещали ей. Театр попытался вступиться, было написано коллективное письмо в защиту балерины Плисецкой, на которой держится весь репертуар. Его подписали Уланова, Лавровский, Файер. Поступок по тем временам был, прямо сказать, геройский, но… все напрасно. Глава КГБ генерал Серов Майю невзлюбил, за каждым ее шагом следили. Знакомые стали ее сторониться – кому хочется быть рядом с опальной балериной?

Однажды театр отправился в Лондон, Плисецкая, как всегда, осталась. Англичанам объяснили, что она заболела. Сидеть без дела было нестерпимо, и Майя решила продемонстрировать, как «болеют» советские артисты. Собрав оставшуюся труппу, она предложила показать «Лебединое» в Москве. Дирекция (а ее первые лица в это время наслаждались красотами британской столицы) согласилась. Известие облетело Москву со скоростью звука: «Пойдет «Лебединое» с невыпущенной Плисецкой». Министр культуры СССР Фурцева советовала отказаться от этой идеи, но Майя настояла на своем. Театр был забит до отказа…

Следующий спектакль строго запретили, но он все же состоялся: приехал премьер-министр Японии. Через день снова спектакль: еще один высокий гость изъявил желание посмотреть русский балет.

Здесь можно возразить – подумаешь, за границу не выпускали. Танцевать-то разрешали, на приемы приглашали, титулами жаловали… Чего еще надо? В своей книге Плисецкая написала: «Про других не знаю. А про себя скажу. Не хочу быть рабыней. Не хочу, чтобы неведомые мне люди мою судьбу решали… Не таить, что думаю – хочу… Голову гнуть не хочу и не буду. Не для этого родилась…»

С Родионом Щедриным Майя встречалась неоднократно. Они познакомились в гостях у Лили Брик, потом обменивались случайными фразами, но в марте 1958 г. после премьеры «Спартака», где Плисецкая танцевала Эгину, он позвонил ей и напросился прийти на репетицию. В то время композитор работал над «Коньком-Горбунком» для Большого театра. Эффектная Майя произвела на него впечатление, и, не откладывая дело в долгий ящик, он тем же вечером пригласил ее на прогулку по Москве…

Летом театр опять уехал без Плисецкой в Париж, а она отправилась в Карелию, где под Сортавалой в Доме отдыха композиторов ее ждал Щедрин. Они жили в лесу, в неотапливаемом коттедже. Зверски кусали комары, и умываться приходилось из деревенского рукомойника. Потом на новой машине Родиона они отправились в Сочи. Покупали еду в

придорожных селах, спали в машине и много говорили о музыке, танце, будущих постановках.

Вернувшись домой, Плисецкая поняла, что беременна. Она была в самом зените славы (знать бы тогда, что зенит этот затянется на два десятилетия – случай в балете беспрецедентный). Несмотря на горячие протесты Щедрина, Майя решила не рожать. Самый романтичный, страстный и трагичный период в их отношениях закончился тем, что 2 октября 1958 г. Родион и Майя зарегистрировали свой брак.

Свадебным подарком от мамы стала выхлопотанная отдельная двухкомнатная крохотная квартира на Кутузовском проспекте. Этот год стал переломным в судьбе Плисецкой. Ее известность благодаря опале достигла своего апогея. Любовь удивительного человека укрепила веру в собственные силы. Вдобавок с политической сцены ушел Серов…

«Щедрин всегда был в тени прожекторов моего шумного успеха, но, на мою радость, ни разу не страдал от этого. Иначе не прожили бы мы безоблачно столь долгие годы вместе. Щедрин – профессионал самой высокой пробы, может сделать отменно и оперу, и что угодно. А балеты написал просто-таки мне в помощь. В вызволение от надвигающегося возраста: новый репертуар обязательно выводит на следующую ступень искусства…» На титульных листах четырех балетов Родиона стоит имя жены. Майе он посвятил «Конька-Горбунка», «Анну Каренину», «Чайку», «Даму с собачкой». Его гений, любовь и самопожертвование помогают ей до сих пор быть в форме, не терять веры в собственные силы.

Именно муж и вызволил Плисецкую из гастрольного застоя. Он записался на прием к заместителю председателя КГБ, и после этой встречи дело сдвинулось: в 33 года Майя первый раз в жизни улетела с театром на гастроли в США, а Щедрин остался заложником в Москве. Успех был ошеломительный. Америка приняла и полюбила русский балет и Майю Плисецкую – одну из лучших балерин мира.

Ее героини необычайно щедро одарены природой. Их жизнь – духовный подвиг. Они всегда отстаивали право оставаться собой, не примиряясь с обстоятельствами, не страшась смерти. Это Майя отлично чувствует, потому и сама поступает так, как это свойственно ее героиням. В те годы, когда балерины на своих юбилеях сидят в ложах, она ставит балеты и сама танцует специально созданные для нее сольные номера.

20 ноября 2000 г. на сцене Большого театра прошел большой гала-концерт в честь 75-летия Плисецкой. «Большой был, есть и будет всегда самым любимым, а его сцена самой лучшей в

мире», – всегда говорила она. В концерте приняли участие артисты из Италии, Франции, Германии, Швеции, Испании, Польши, США, Кубы. Сама легендарная танцовщица выступила трижды: кроме «Умирающего лебедя» зрители увидели премьеру поставленного специально для нее Морисом Бежаром трехминутного мини-балета «Аве Майя» на музыку Баха-Гуно и фрагмент из балета «Айседора» на музыку Шуберта, также поставленного для нее в свое время Бежаром.

Сейчас Майя живет в Мюнхене. В 1990 г. ей пришлось покинуть стены Большого, которому было отдано 50 лет жизни, но театры всего мира с радостью распахнули двери перед российской балериной.

О ней можно говорить бесконечно. Независимо от возраста и от стремительно летящего времени искусство Плисецкой всегда останется молодостью, полетом и символом XX в. И время не властно над Майей. Американский хореограф Роберт Джофри некогда сказал о ней: «В Советском Союзе много сокровищ. Майя Плисецкая – одно из величайших». А как известно, сокровища – вне времени.

ВИШНЕВСКАЯ ГАЛИНА ПАВЛОВНА

(род. в 1926 г.)

Одна из самых знаменитых оперных певиц Большого театра XX в. Народная артистка СССР.

Для многих людей на Западе Галина Вишневская – мадам Ростропович. Но в России еще живы тысячи поклонников, которые бегали на ее выступления в Большой театр. В круг ее общения входили Булганин и Фурцева, Шостакович и Бриттен, Солженицын и Бродский, ее принимают в домах Ельцина и Ширака. Так что Вишневская – не только знаменитая певица, но и человек-эпоха.

Будущая оперная примадонна родилась 25 октября 1926 г. в Ленинграде. С 6-недельного возраста маленькая Галя росла в доме у бабушки Дарьи Ивановой, куда ее пристроил отец.

Родители забирали к себе ребенка на очень непродолжительное время. Мать была равнодушна к дочери от нелюбимого человека, а та, признавая, что «была неласковым ребенком», даже не могла выговорить слово «мама». Отца же девочка люто ненавидела: «В моей детской душе разгоралось пламя ярости и ненависти к нему самому, к его словам, даже к его голосу. У меня бывало непреодолимое желание подойти к нему сзади и ударить по красному затылку».

В 1930 г., когда родители расходились, отец спросил четырехлетнюю дочь, с кем она хочет остаться, и та ответила:

«С тобой», то есть с бабушкой. Так Галя окончательно перебралась в Кронштадт. Наследственность и окружающая девочку обстановка наложили свой отпечаток на ее характер: «Что и говорить, характерец у меня, конечно, был не сахар… Упрямая я была ужасно и настойчивая. Уж если чего захочу – подай и кончено. Во что бы то ни стало… Если же ставила перед собой цель – то шла напролом. Хоть кол на голове теши».

В школе училась, как все, уроки дома никогда не делала, запоминая материал прямо в классе. Терпеть не могла точные науки, отдавая предпочтение литературе, истории и пению: «Мне кажется даже, что я научилась говорить позднее, чем петь. Я росла и всегда пела. В школу пошла – пела, и первая кличка в первом классе у меня была «Галька-артистка». Я с детства знала, что буду на сцене».

Когда пришла война, Галя отказалась эвакуироваться из Кронштадта. Это странное решение она объясняла тем, что не видела смысла в отъезде: «Как и все, в блокаду я была истощена от голода. Бабушка сгорела у меня на глазах в квартире. Меня спасло желание жить и – мечта. Я лежала, умирала с голоду и видела, как пою – в бархатном черном плаще и в большой шляпе. Если бы мечтала о куске хлеба, то уж точно умерла бы».

Из лап голодной смерти ее вырвали бойцы отряда МПВО. Весной 1942 г. Галя Иванова была зачислена в отряд, где получала армейский паек и до самого прорыва блокады работала на разборке завалов, тушении пожаров и оказании медицинской помощи жителям города. С тех пор прошло много времени, и прославленная певица заслужила огромное количество наград, но самой главной она до сих пор считает медаль «За оборону Ленинграда».

В сентябре 1944 г., по прошествии двух месяцев неудачного супружества с военным моряком Георгием Вишневским 17-летняя Галина была принята в Ленинградский областной театр оперетты. У нее не было никакого музыкального образования, но зато был от природы поставленный голос. Ее консерваторией стала сцена:

«Еще шла война, и меня взяли в театр просто так. Я иногда пела в хоре, а все остальное время сидела в кулисах и слушала спектакли». Просидев несколько месяцев в кулисах, она выучила наизусть весь репертуар – и ансамбля, и хора, и солистов.

Однажды артистка, которая играла Поленьку в спектакле «Холопка», сломала ногу: «Никто не знал ее роль, кроме меня. На следующее утро была единственная репетиция, а вечером мы сыграли спектакль». За 4 последующих года Галина сыграла в театре сотни постановок, научилась танцевать, приобрела сценическую свободу и вместе с тем поняла, что искусство – «не кринолины, не сказочно-счастливые короли и королевы, а тяжелый, изнурительный труд. И если хочешь быть большой актрисой, надо быть готовой ко многим жертвам».

В 18-летнем возрасте Вишневская стала гражданской женой директора театра Марка Рубина и наконец обрела то, чего у нее никогда не было – дом и семью. Через год Галине довелось пережить очередную трагедию – от отравления умер ее маленький сын, не прожив и 2,5 месяцев. Едва оправившись от горя, она снова окунулась с головой в концертную работу.

В 1952 г. провинциальная певица переступила порог московского Большого театра и сразу же «ворвалась» в список ведущих артисток. О том времени известный оперный режиссер Борис Покровский писал: «Как будто кто-то свыше для проверки нашего художественного чутья заслал к нам молодую, красивую, умную, энергичную женщину с экстраординарными музыкально-вокальными данными, уже кем-то когда-то отработанными, отшлифованными, натренированными, с актерским обаянием, темпераментом, природным сценическим самочувствием и дерзкой правдой на устах. Совершенно готовую для того, чтобы стать первоклассным исполнителем любой партии, любой роли. В высшей степени профессионал!»

«Я пришла в Большой театр, – вспоминала спустя десятилетия Вишневская, – и сразу стала работать с Мелик-Пашаевым. Какой он был дирижер! Впервые в России он ставил единственную оперу Бетховена «Фиделио». И на главную роль Леоноры взял меня – бывшую опереточную «певичку». Я стала его любимой певицей. А с замечательным оперным режиссером Покровским я сделала все свои роли в Большом театре – от первой до последней. Вот такие люди встречались на моем пути. Это моя единственная привилегия, данная Богом».

За 22 года выступлений на главной сцене страны Галина создала множество незабываемых женских образов в русских и западноевропейских оперных шедеврах. Каждый год певица отмечала новой оперной партией. И что удивительно, у нее ни

разу не было неудачной работы! Она была просто рождена для сцены. Вишневская представляла собой певицу, в которой все вокальные и артистические свойства проявлялись чрезвычайно ярко и гармонично. Это сделало ее карьеру в Большом театре поистине искрометной.

В апреле 1955 г. на одном из приемов в ресторане «Метрополь» Галина познакомилась с виолончелистом Мстиславом Ростроповичем. Вскоре они оказались на фестивале «Пражская весна» в Чехословакии и, пробыв вместе всего 4 дня, решили больше не расставаться.

После молниеносной женитьбы сюрпризом для Вишневской оказалось только то, что ее Слава – не рядовой музыкант, сидящий в оркестровой яме, а виртуозный виолончелист и дирижер, а для Ростроповича – то, что Галина не просто хорошая, а гениальная оперная певица. Зависть к творческим достижениям друг друга в «звездной» семье никогда не возникала: «Я преклоняюсь перед успехами, перед гениальностью мужа. Он чтит меня как певицу. У нас разные жанры, поэтому и речи не может быть о какой-то зависти друг к другу…»

В марте 1956 г. у счастливых молодоженов родилась дочь Ольга, а через год с небольшим – Елена. Сейчас Елена живет в Париже, у нее четверо детей, Ольга с двумя детьми – в Нью-Йорке. У их родителей – поместья в Париже, Англии, Америке. В США – большое имение, 400 гектаров земли. Есть у них квартиры и в Вашингтоне, и в Нью-Йорке, и в Лозанне, и в Лондоне. Но больше всего Галина любит жить в Париже, на авеню Жорж Мандель, недалеко от Эйфелевой башни и Булонского леса. Часто она бывает на родине в Петербурге и в Москве.

За границей Вишневская оказалась вместе с семьей в 1974 г. после вынужденного отъезда «в творческую командировку» и последующего за ним лишения советского гражданства. Когда Галина уезжала из СССР, за ее плечами было тридцать лет оперной карьеры: «На Западе меня знали (я ездила за границу с 1955 г.), приехала туда известной певицей. Для меня ничего нового там не было – просто продолжила свою карьеру до тех пор, пока могла петь. Могла бы пропеть еще несколько лет. Но считаю, что лучше уйти раньше, чем позже. Я ушла на самом пике карьеры и очень этому рада».

Последний раз Вишневская вышла на сцену в 1982 г. в своих прощальных спектаклях парижского Гранд-Опера – это была Татьяна в опере Чайковского «Евгений Онегин». Позже с мужем они сделали запись оперы Прокофьева «Война и мир», записали 5 дисков с романсами русских композиторов-классиков: Глинки, Даргомыжского, Мусоргского, Бородина и Чайковского. «Я всегда

очень критически относилась к себе, к своему творчеству прежде всего, и, пока не добивалась результата не на сто – на пятьсот процентов, не позволяла себе выходить на сцену, – говорила Галина журналистам. – Но в какой-то момент я почувствовала усталость, знаете, когда пение не приносит счастья, естественного наслаждения от самого присутствия на сцене. Я пела сорок пять лет – достаточно?»

Потом она ставила оперные спектакли: «Царскую невесту» в Риме, Вашингтоне и Монако, «Иоланту» в Англии, но поняла, что ее это не увлекает: «Я привыкла в искусстве делать только то, что мне безумно нравится. И потом, я диктатор, а режиссер не должен быть диктатором. У меня как: чтобы за две недели репетиций абсолютно все было сделано, чтобы артисты все это время были на высоте, чтобы… В общем, слишком много требований. Для актеров это очень трудно, и не у всех получается. Но иначе я не могу».

В последнее время Галина вместе с Ростроповичем готовила к постановкам оперу Шостаковича «Леди Макбет Мценского уезда» с русскими певцами и на русском языке. Везде – в Мадриде, в Мюнхене, Буэнос-Айресе и Риме – этим спектаклям сопутствовал огромный успех.

В 1990 г. Вишневской и Ростроповичу было возвращено российское гражданство. Свой 75-летний юбилей прославленная певица отмечала на самой любимой сцене – в Большом театре. Она по-прежнему красива, привлекательна, в великолепной форме. Сегодня Галина продолжает активно трудиться, проводит мастер-классы, патронирует благотворительные фонды. Она создала в Москве театр-школу, в которой обучаются дети от 7 до 16 лет. Вдвоем с мужем Галина помогает детским учреждениям в Нижегородской области, они основали фонд помощи Академии педиатрии в Санкт-Петербурге.

Но главным своим делом Вишневская считает Школу оперного искусства для выпускников консерваторий, которую она смогла открыть 1 сентября 2002 г. в Москве. Свою задачу Галина видит в том, чтобы «научить артиста выходить на сцену». Она считает, что «когда певец приходит в театр, никто с ним не занимается: театр – это организм, который работает на публику, ему не до личностей. Молодой артист где-то сбоку, пробивается, как может. Такой школы, как я задумала, в мире не существует – по замыслу, программе, дисциплинам. Я же все это знаю на своем опыте. Еще Шаляпин мечтал о такой школе».

В недавнем своем интервью Галина Вишневская сказала: «У меня всю жизнь не было и минуты неудовлетворенности моей судьбой. Я счастлива во всех отношениях. У меня была самая

счастливая карьера».

КАБАЛЬЕ МОНТСЕРРАТ

(род. в 1933 г.)

Известнейшая испанская оперная певица, исполнительница 125 оперных партий. Кавалер католического ордена Доньи Исабель и Креста Командора искусств и литературы. Является послом Мира, Послом доброй воли ЮНЕСКО. За благотворительную деятельность и помощь в решении экологических и гуманитарных проблем ей присвоено звание Почетного доктора Политехнического университета Валенсии и Российского химико-технологического университета им. Д. И. Менделеева.

В одном из живописнейших районов Испании – Каталонии – расположена гора Монтсеррат. Согласно легенде, здесь явилась

людям Дева Мария. В память об этом событии прямо в самом камне горы был основан монастырь. В его церкви в 1933 г. крестили девочку, которой через 32 года суждено было стать непревзойденной оперной певицей.

Чета Кабалье, боявшаяся потерять долгожданного первенца еще до рождения, принесла обет назвать своего ребенка в честь монастыря с надеждой, что Пресвятая Богородица сохранит и защитит его от бед. Родители сдержали данное обещание, и небо до сих пор бережет их дочь.

Семья жила бедно, и маленькая Мария де Монтсеррат не очень любила ходить в школу. Не столько из-за того, что не блистала умом, а потому, что одноклассники смеялись над ее замкнутостью и боязливостью (и особенно – над единственным старым платьем) и всячески издевались. Но когда после рождения брата Карлоса тяжело заболел ее отец, девочка с присущим детям максимализмом убеждала отчаявшуюся маму: «Я обязательно стану знаменитой. И у нас будет все, что пожелаешь!» Монтсеррат поверила в это в семилетнем возрасте, впервые попав в оперу на знаменитую «Мадам Баттерфляй». Ее юный чарующий голос требовал только небольшой шлифовки. Но ни о каком обучении пению не могло быть и речи: вокруг – послевоенная разруха, а в доме – нищета.

Монтсеррат пошла работать на фабрику, изготавливающую носовые платки, чтобы хоть как-то помочь матери содержать семью. Она готова была попрощаться с мечтой о карьере оперной певицы, но на ее талант обратили внимание супруги-меценаты Бертран. Чтобы окончательно решить, достойна ли девушка помощи, была созвана профессиональная комиссия. После исполненных Монтсеррат оперных арий и народных песен ответ оказался однозначным: «Да!» Позже один из участников этой проверки сказал о Кабалье: «Даже вздох она способна превратить в чистую ноту». В результате Монтсеррат начала обучение в барселонской консерватории «Лисео», где ей и поставили голос, восхищающий теперь весь мир.

Покорив испанскую публику, девушка отправилась завоевывать итальянскую сцену. Но там ее вначале постигло разочарование. Какой-то импресарио заявил, что с такой полной фигурой (Монтсеррат попала в автокатастрофу, в результате которой атрофировалась часть мозга, отвечающая за сжигание жиров) ей не место в опере, и посоветовал выйти замуж и рожать детей. Тогда брат Кабалье взял на себя всю работу по заключению контрактов и организации выступлений.

Кабалье дебютировала на профессиональной оперной сцене 17 ноября 1956 г., исполнив партию Мими в опере «Богема» на

сцене базельского театра. Слушателей привело в восторг ее мягкое, но очень сильное сопрано. Мечта о профессиональном успехе превращалась в реальность, но чрезмерный вес, казалось, навсегда закрыл ей путь к женскому счастью. Недоброжелатели злословили, что «Монтсеррат должна выйти замуж за оперу». Но судьба улыбнулась певице: в 31 год она влюбилась в тенора Бернабе Марти, и он ответил ей взаимностью. Они вместе уже почти четыре десятка лет: венчание состоялось 14 августа 1964 г. в церкви монастыря, чья покровительница принесла Кабалье удачу. Там же крестили и родившуюся дочку, Монтсеррат Марти, впоследствии ставшую оперной певицей, как и мать.

А 20 апреля 1964 г. настал звездный час Монтсеррат Кабалье. Заболела певица, исполняющая основную партию в опере «Лукреция Борджиа». Представление в Карнеги-Холле нельзя было отменить, и петь предложили солистке базельского театра, чей импресарио Карлос солгал, что она с партией знакома. Арии были выучены в минимальный срок, и звезда Монтсеррат взошла на американской сцене. Вскоре после этого ее пригласили в «Метрополитен-Опера» – и голос Кабалье заблистал в Маргарите из «Фауста». Детская мечта Монтсеррат стать знаменитой исполнилась.

Музыкальные критики единодушны: певица признана мастером бельканто, никто не ведет пианиссимо, как она, ее считают лучшим сопрано, исполняющим оперные партии Доницетти и Верди. Кабалье выступает на крупнейших мировых сценах в известнейших операх и с лучшими дирижерами. Ее репертуар – 125 оперных партий. Есть и любимые: Баттерфляй, Манон, Лукреция Борджиа, Аида, Травиата. Выпущены 80 альбомов, записанные одной Монтсеррат или в содружестве с другими певцами, которые направлены на привлечение молодежи к классической музыке. Общепризнано, что за 400 лет жизни оперы немного найдется певцов, сделавших столько для развития этого жанра музыки, сколько сделала Монтсеррат Кабалье.

Однако на самом пике славы певица неожиданно для всех практически полностью прекратила выступления в опере, а если и пела, то только в небольших камерных залах. Причина этого крылась в неумолимом диагнозе врачей – рак. Монтсеррат отказалась от операции и прошла сложнейший курс лечения. Специалисты рекомендовали ей избегать стрессовых ситуаций и не перенапрягаться, что нереально при полноценной оперной деятельности. С 1992 по 2002 г. Кабалье ограничивалась сольными и благотворительными концертами по всему миру. Часто она приезжала в Россию, с которой связана кровными узами. Ее родственники по материнской линии были вывезены из

Испании в 30-х гг. как политэмигранты и теперь проживают в Санкт-Петербурге. Каждый раз, бывая в городе, певица непременно посещает Эрмитаж, который считает лучшим музеем мира. И сама она неплохо рисует: «Рисую для себя, мне просто нравится изображать цвет и свет».

Но самое главное во время приездов Монтсеррат в Россию – это благотворительная акция «Звезды мира – детям». Певица всегда была социально активна, в ее поместье в Риполе уже много лет открыт центр для детей с синдромом Дауна, куда приезжают отдохнуть и набраться сил и бедные дети из Барселоны. А в 1986 г. на открытии XXV Олимпийских игр вместе с лидером группы «Queen» Фредди Меркьюри Монтсеррат спела песню о родной Барселоне (хотя некоторые это событие относят к факту, что певица – страстная футбольная болельщица). Когда Кабалье во время присуждения ей звания Почетного доктора Российского химико-технологического университета им. Д. И. Менделеева спросили, согласна ли она отдавать все силы для счастья детей, она ответила: «Только ради этого стоило родиться и быть нужной людям». Именно ей поклонники оперы обязаны рождением гения Хосе Каррераса и появлением на мировых сценах Николая Баскова. Но «Звезды мира – детям» занимают отдельное место в сердце певицы. Она говорит: «Этот проект особый: полученные средства идут на помощь одаренным детям-инвалидам… Я чувствую себя как бы обязанной перед этими детьми и необходимой им. Я верю в чудеса, сотворенные человеком». Ведь и сама Кабалье достигла необыкновенных высот благодаря покровительству Святой Девы, человеческой доброте, невероятному жизнелюбию и постоянному труду. О 45 годах ее творчества киностудией «Морена фильмес» снят фильм, основанный на воспоминаниях Монтсеррат и документальных съемках.

В 2002 г. «сеньора Сопрано» наконец-то вернулась на большую сцену, исполнив в оперном театре «Лисео» партию Екатерины Арагонской в опере Сен-Санса «Генрих VII». Как обычно, певицу приветствовали овациями, ее голос все так же прекрасен. И пусть кто-то говорит, что карьера Кабалье движется к закату, но права Майя Плисецкая, сказавшая о Монтсеррат: «Такие звезды не гаснут. Никогда».

ПУГАЧЕВА АЛЛА БОРИСОВНА

(род в 1949 г.)

Знаменитая эстрадная певица, композитор, актриса, режиссер-постановщик, продюсер, бизнесмен. Народная артистка РСФСР (1985 г.) и СССР (1991 г.), лауреат Государственной премии России в области театрального (эстрадного) искусства. Обладательница Гран-при фестиваля «Золотой Орфей» (1975 г.) и Гран-при «Янтарный соловей» на конкурсе «Сопот-78», Национальной музыкальной премии «Овация» и музыкальной премии «Звезда». Награждена орденами «За заслуги перед Отечеством» и Николая Чудотворца.

Я шут, я Арлекин, я просто смех.
Без имени и, в общем, без судьбы.
Какое, право, дело вам до тех,
Над кем пришли повеселиться вы.

Кто бы мог подумать, что незамысловатая мелодия Э. Димитрова, давно позабытая в Болгарии, и текст, написанный за 30 минут малоизвестным поэтом Б. Баркасом, способны перевернуть заунывно-патриотическое существование советской эстрады. Впрочем, такой фантастический успех песня получила только благодаря своей исполнительнице. Пройдя «по острым иглам яркого огня», через десять лет от начала творческой деятельности А. Б. Пугачева прорвала все заслоны и все «не пущать!». Она пела на международном конкурсе «Золотой Орфей» (Болгария, 1975 г.). Странный балахон, марионеточные движения рук, знаменитый смех «Арлекина» и голос-театр, наполненный болью, насмешкой, иронией и печалью… И хотя пресса на родине певицы охарактеризовала это выступление как «пугачевский взрыв», песню удалось «пробить» во всесоюзный эфир только спустя месяц. По мнению высокопоставленных «товарищей», ее «успех был не советский». Эта непохожесть на других, неординарность творческого «Я» только мешали певице с уникальными вокальными данными. Много сил ушло на преодоление барьеров, это испортило характер и превратило закомплексованную девчонку в Примадонну и «Живую легенду» советской и постсоветской эстрады.

Родители Аллы прошли войну. Борис Михайлович Пугачев был на фронте разведчиком и вернулся домой без одного глаза. На цирковой карьере пришлось поставить крест, но до последних дней жизни в нем бурлил неуемный артистизм, озорство и балагурство, впоследствии так свойственные дочке. Его супруга, Зинаида Архиповна Одегова, была бойцом противовоздушной обороны, но так хорошо пела, что практически сразу ее перевели в концертную бригаду. Алла, родившаяся в Москве 15 апреля 1949 г., и ее младший брат Евгений считали родителей идеальной парой. Зинаида Архиповна благодаря мужу могла позволить себе какое-то время не работать и занималась детьми. Для пятилетней дочки она пригласила учительницу и внимательно следила за ее фортепианными занятиями в музыкальной школе. Даже летом на дачу перевозилось пианино, но Алла никогда не бунтовала против этого, хотя по характеру была лидером и давления не терпела.

«Алла была у нас самой главной заводилой и выдумщицей», –

вспоминал ее брат. К ее чудачествам и беззлобным выходкам привыкли. Поэтому никого не удивило, когда с присущей ей непредсказуемостью после восьмого класса она поступила на дирижерско-хоровое отделение музыкального училища им. Ипполитова-Иванова (1964 г.), хотя педагоги ей пророчили блестящее будущее концертирующей пианистки. Позже она призналась: «Я с детства любила петь. И боялась это делать. Аккомпанировала другим, помогала подругам ставить песни на школьных концертах. А сама… Сочиняла песни и пела их в пустой комнате, когда никого не было. Стеснялась, что плохо это делаю». И все же она преодолела свою робость. Первая ее песня «Робот», прозвучавшая в программе «С добрым утром» на всю страну, имела у слушателей грандиозный успех. Но Пугачева не нравилась начальству, и редакторам радио приходилось сражаться за каждую ее запись.

Девушка, которая никогда не училась петь, имела уникальный слух и голосовые данные. Сейчас бы она в один день превратилась в «раскрученную столичную звезду», но в 60-х гг. об этом не могло быть и речи. Уже на первых гастролях с сатирическим дуэтом Лившица и Ливенбука (1965 г.), а затем в составе агитбригады радиостанции «Юность» (1966 г.) слушатели принимали ее восторженно. Алле пришлось долго жить с чувством, что ею «заполняют перерыв». Ей было тесно в рамках ВИА «Новый электрон» и «Москвичи». В эстрадном оркестре под управлением О. Лунд стрема она «разогревала» публику перед появлением В. Ободзинского, и даже в таком популярном ансамбле, как «Веселые ребята», ей не удавалось много солировать.

Пугачева не исполняла комсомольских и патриотических песен и значит, даже не могла надеяться на скромное звание лауреата. Первый серьезный успех пришел к певице осенью 1974 г. на Всесоюзном конкурсе артистов эстрады, когда жюри чуть ли не с боем присудило ей третье место за песню «Посидим-поокаем». Шуточную незамысловатую песенку Алла превратила в мини-спектакль, проявив великолепные артистические данные. Но ни это выступление, ни прекрасное исполнение песен в фильмах «Король-олень», «Дорогой мой мальчик», «Стоянка поезда три минуты» не изменили отношения администраторов филармоний к Пугачевой. И слушатели, с восторгом распевавшие «До свиданья, лето», «Куда уходит детство», «Волшебник-недоучка» и песни из «Иронии судьбы», зачастую не знали имени певицы.

Только после конкурсов «Золотой Орфей» и «Сопот-78», где прозвучала знаменитая песня «Все могут короли», мэтры эстрады

были вынуждены признать «рыжую нахалку из самодеятельности». К тому времени Пугачева успела стать любимицей всей страны, поступить на режиссерское отделение Государственного института театрального искусства (1976–1981 гг.) и дважды побывать замужем. Ее первым мужем и отцом единственной дочери Кристины был музыкальный эксцентрик Миколас-Эдмундас Орбакас (согласно литовскому лингвистическому феномену дочь получила всем известную фамилию Орбакайте). Затем была встреча с режиссером «Мосфильма» Стефановичем. Именно Александр Борисович принял деятельное участие в создании неповторимого сценического образа певицы. Исповедальность в песнях тонкой и ранимой женщины стала настоящим бунтом на советской эстраде. Стефанович построил выступления Аллы именно на том, к чему она всегда стремилась: «Каждая песня должна стать маленьким спектаклем, потому что ты человек с актерскими способностями и надо сделать спектакль с минимумом реквизита – обыгрывать пластику, обыгрывать детали декораций, если они существуют…» Фактически это были первые шаги к созданию «Театра Аллы Пугачевой».

В 1979 г. страна восторженно штурмовала кинотеатры. Фильм «Женщина, которая поет», получивший от Госкино уничижительную третью категорию, просмотрело 55 млн человек. Сама Пугачева говорила, что «фильм получился не плохой и не хороший – а музыкальный». После его показа на экранах Алла Борисовна уже не могла уйти с концерта без наряда милиции. В этом фильме она впервые выступила как композитор. Правда, некоторое время ей удавалось скрываться под именем мифического парализованного юноши Бориса Горбоноса. Алла Борисовна не была уверена, что и «королевы могут все». Хотя пока снимался фильм, в СССР разошлось свыше четырех миллионов экземпляров пластинки «Зеркало души» с тремя песнями Б. Горбоноса.

Песенное искусство Пугачевой было самобытным и неповторимым. Если она исполняла какую-то песню, то другим артистам уже не стоило за нее браться. Все свои сольные программы («Монологи певицы», «Как тревожен этот путь», «Пришла и говорю» и др.) Алла Борисовна продумывала до мелочей и ставила сама. Благо, что все организационные вопросы взял на себя ее новый муж и директор Росконцерта (впоследствии и личный менеджер) Евгений Болдин. Он обивал пороги кабинетов, отстаивал концертные ставки, помог с созданием музыкального коллектива «Рецитал», организовывал гастроли по стране и за рубежом, где слушатели были покорены талантом

певицы. Пугачева удостоилась «Золотого диска» за свой «скандинавский» альбом «Soviet Superstar» в Швеции, и финский паром носит ее имя (1985 г.). Голос Аллы Борисовны завораживал, как волшебная свирель. Гитарист ее ансамбля А. Левшин говорил: «Вы знаете, что много певиц у нас фальшиво поют вживую? Она действительно пользуется богатой интонацией своей души, она может произвести в одной фразе так много оттенков… Она не мучается у микрофона, как многие! У нее есть возможность точно воспроизвести музыку, которая у нее внутри!»

С приходом славы имя певицы, ее песни, поступки и личная жизнь стали «всенародным достоянием». Со злым задором Алла Борисовна выдавала журналистам «спонтанные дерзости» и, как положено звезде, обрастала легендами, слухами, скандалами. Публика с напряжением наблюдала за развитием ее сценического романа с Р. Паулсом во время исполнения «Маэстро». Затем у всех на устах были «Две звезды» – Пугачева и человек-оркестр и певец Владимир Кузьмин. Все любимые мужчины Аллы Борисовны были людьми творческими, в дешевой рекламе не нуждались и говорили о творческом союзе. «Пугачева, по сути, была в то время моим продюсером, – признал по окончании романа Кузьмин. – Обсуждала со мной аранжировки, нюансы исполнения, придумывала образ, костюмы». Но сама певица оставалась в душе «шаловливым прикольщиком» и о себе «живописала» так, что журналисты дрожали в предвкушении сенсации. А она после многих публикаций заявляла, что это очередной «прикол».

Близкие друзья уверенно говорят, что Алла Борисовна исключительно теплый и отзывчивый человек, всепрощающая, мудрая, волевая и мужественная женщина. Сама Пугачева признавалась: «Ну, может быть, несколько раз подмочила себе репутацию, потому что уж слишком незапятнанной она была. Скучновато быть правильной». Пугачева имела полное право на титул звезды. С «Монологами певицы» она покорила парижскую «Олимпию», где некогда пела ее любимая певица Эдит Пиаф. Алла Борисовна не понаслышке знала, каким вниманием и комфортом окружены артисты за границей за свой нелегкий труд. Не то что «советский ненавязчивый сервис». Обычное по мировым нормам требование заказанного ею номера в ленинградской гостинице вызвало бурю негодования «общественности» и переросло в настоящую травлю. Пугачеву почти год в наказание не выпускали на сцену, и ее песни изъяли из эфира. Но лучшие эстрадные площадки мира, включая Карнеги-холл (1988 г.), распахнули двери перед неповторимой русской певицей.

По своей натуре Алла Борисовна – творческий трудоголик и

не почивает на лаврах от концерта к концерту. В 1988 г. она организовала «Театр песни» и создала первую программу из цикла «Рождественские встречи». Народная артистка СССР (1991 г.) А. Б. Пугачева никогда не боялась, что ее могут потеснить на пьедестале молодые исполнители. Наоборот, она их отыскивает, представляет публике и помогает встать на ноги, возможно, памятуя, как тяжело прорывалась на эстраду сама. Десятки певцов и групп обязаны ей своим стремительным успехом и сценическим образом. Помощь Пугачевой в высшей степени профессиональна. Но многие видят в каждом протеже мужского пола очередного любовника, а роман певицы с музыкантом Сергеем Челобановым окрестили «челобановским периодом». В любви Алла Борисовна всегда бескорыстна. Так и в этом случае, она забросила все свои дела и открыла дорогу на эстраду одаренному человеку.

Пугачева известна не только как эстрадная певица, режиссер, продюсер, композитор и актриса. В 1992 г. она создала фирму-студию «Алла» и начала выпуск духов. Этот год был для нее очень тяжелым. Серьезная операция, сделанная в Швейцарии, чуть не закончилась летальным исходом. Свое спасение Алла Борисовна назвала «вторым рождением». Вернувшись на сцену, она совершила большой гастрольный тур по России, СНГ и США с программой «Поет Алла Пугачева» (1993 г.). А в январе 1994 г. огорошила своих поклонников помолвкой с Филиппом Киркоровым. Даже близкие друзья считали это очередным розыгрышем Примадонны и Лучезарного. Но свадьба в Ленинграде и венчание в Иерусалиме состоялись, и «шутка» звезд продолжается уже почти десять лет.

В 1995 г. после большого гастрольного тура, выхода на экраны пятисерийного телефильма «Жди и помни меня» и выпуска дисков «Путь звезды», «Не делайте мне больно, господа» Пугачева ушла в творческий отпуск. Занималась режиссурой (концертная программа А. Укупника), как дизайнер создала не одну коллекцию обуви марки «Alla Pugachova». Но публика не верила, что певица может расстаться с песней, и Алла Борисовна вернулась на сцену. Она по-прежнему умеет подобрать песни, характерные для нашего времени («Мадам Брошкина», «Девочка секонд-хенд») и для всех возрастных категорий («Белый снег», «В Петербурге сегодня дожди»).

По колоссальной силе воздействия на зрителя ярче Пугачевой нет никого на российской эстраде. Ее друг со времен учебы в музыкальном училище М. Шифутинский как-то сказал: «Есть два вида популярных людей: люди просто популярные и люди не только популярные, но и любимые. Алла Пугачева – любимая.

Она прошла с музыкой через всю жизнь, создавала такие песни, которые, услышав однажды, уже невозможно забыть. Ее песни, если они звучат по радио или телевидению, никогда никто не выключит: они сразу западают в душу, притягивают как магнит». Именно за эти поразительные качества и за приумножение добра на Земле Пугачева награждена орденами «За заслуги перед Отечеством» (Россия, 1999 г.) и Николая Чудотворца (Украина, 2000 г.). Обладательница уникальной коллекции званий, призов и наград признана «Живой легендой» (премия «Овация», 1994 г.) и певицей века (читателями «МК», 1999 г.), поскольку сумела создать свою эпоху эстрадного песенного искусства. Антология из 210 песен Пугачевой («Коллекция», 1996 г.) с трудом поместилась на 13 лазерных дисках (около 70 песен из-за низкого качества старых записей не были включены), и ее творчество по-прежнему никого не оставляет равнодушным. Алла Борисовна умеет достучаться до сердец.

ХЬЮСТОН УИТНИ

Полное имя – Уитни Элизабет Хьюстон
(род. в 1963 г.)

Известная американская певица, исполнительница в стиле ритм-энд-блюз. Обладательница шести премий «Грэмми» и премии BET Awards. Снялась в фильмах «Телохранитель» (1992 г.), «В ожидании выдоха» (1995 г.), «Жена священника» (1996 г.).

Иногда Бог дает человеку все необходимое для счастья и удачной карьеры: незаурядный талант, привлекательную внешность, поддержку знаменитых родственников. Некоторые счастливы тем, что имеют. Но есть и другие люди, которым словно бы не по душе легкий путь к вершинам. Они живут и работают в бешеном напряжении, с надрывом, с ощущением, что

каждый миг жизни – последний. А когда срываются, их спасает только сила воли. Этих людей сравнивают с птицей Фениксом, сжигающей себя и возрождающейся из пепла. К таким странным натурам относится и звезда ритм-энд-блюза Уитни Хьюстон.

Детство Уитни, родившейся 9 августа 1963 г. в Ист-Оранже (штат Нью-Джерси), можно назвать безоблачным. Ее семья была хорошо известна в музыкальных кругах. Мать, Сисси Дринкард, работала вокалисткой с Элвисом Пресли, Лу Роилсом, Чакой Ханом и Аретой Фрэнклин; а тетка, Дайана Уорвик, до сих пор считается королевой блюза и выпускает диски. Так что у девочки и ее братьев Гари и Спайки (сейчас музыканты Big G и Spikey) была одна дорога – на сцену.

Петь Уитни начала еще совсем малышкой, в детском хоре баптистской церкви Ньюпорта, где ее мать преподавала вокал, а к 11 годам стала солировать и исполняла псалмы так проникновенно, что у прихожан из глаз катились слезы. (Певица и сейчас подчеркивает свою принадлежность к баптистам и жалеет, что ее исключили из хора из-за невозможности присутствовать на всех репетициях и службах). Кроме этого, Сисси Дринкард постоянно брала девочку на свои концерты, и Уитни мечтала работать «на подпевках», как и мать. Но родные уже тогда понимали, что ей суждено стать знаменитой. Свою карьеру она начала моделью на подиуме и фотомоделью для журналов «Seventeen» и «Glamour», демонстрируя подростковую моду, но, несмотря на прекрасные внешние данные и связи, особого успеха там не достигла.

Когда Уитни исполнилось пятнадцать, в ее жизнь ворвалась первая боль: отец и мать заявили о своем разводе. Семья распалась. Девушка была потрясена известием, что ее родителей, которых она считала образцом супружеской четы, удерживали вместе только взаимоуважение и любовь к детям, и у каждого из них были романы на стороне. Именно тогда Уитни и решила для себя: «К черту! Ни за что не выйду замуж за человека, про которого нечего будет сказать, кроме того, что он спокойный и рассудительный». Этими словами она словно предопределила свою дальнейшую судьбу.

Спустя несколько недель после своего совершеннолетия Уитни самостоятельно подписала контракт с известным менеджером Джином Харви, под руководством которого начала усиленно заниматься разработкой голоса, танцами и актерским мастерством. Одновременно она училась в Нью-йоркской консерватории. Ее усилия не остались незамеченными: на начинающую певицу обратил пристальное внимание президент концерна «Ариста Рекорде» Клайв Девис. Среди многих

достоинств этого человека следует выделить терпеливость и неспешность в достижении цели. Он сам подбирал для безызвестной дебютантки композиторов, раскручивал невиданную по финансовому размаху рекламную кампанию. Ставки на афроамериканку Уитни были высоки, ведь тогда музыкальный Олимп занимали в основном белые исполнители. Первый сингл Хьюстон, увидевший свет в 1985 г., стал неожиданным прорывом в поп-музыке: он продержался 14 недель на вершине хит-парада и был продан тиражом свыше 13 млн экземпляров. «You Give Good Love» превзошел по популярности хиты «Битлз» и «Би Джиз» и стал самым продаваемым в США альбомом.

К Уитни Хьюстон пришел успех. В мгновение ока она стала признанной поп-дивой. А вскоре еще больше укрепила свое положение, выпустив в 1987 г. пластинку «Whitney» («Уитни»), благодаря которой заняла первое место в чарте альбомов, до этого принадлежавшее лишь мужчинам. Через несколько лет вышел альбом «I'm Your Baby Tonight» («Я твоя этой ночью»), ставший платиновым. Он был более танцевальным и технически совершенным, чем предыдущие. Певица постоянно находилась среди номинанток престижной музыкальной премии «Грэмми». На данный момент она является обладательницей шести таких статуэток.

После выпуска дебютного сингла Уитни пять лет провела в постоянных разъездах с концертами, но это не мешало ей иметь бойфрендов и при этом не давать повода для сплетен. Вездесущие папарацци не могли преподнести читателям ни единой скандальной подробности из личной жизни звезды: ее романы с Рендаллом Канингемом, Джерманом Джексоном и Эдди Мерфи (с которым певица даже была помолвлена) считались верхом приличия, а сами избранники слыли весьма уважаемыми и воспитанными людьми среди разномастной музыкальной богемы. Любой бы на месте Хьюстон жил да радовался. А Уитни – тосковала, ее тяготил этот размеренный ритм. Она помнила, чем закончились внешне безупречные отношения родителей, и боялась повторения этой истории, но уже в своей жизни.

В 1992 г. певица получила приглашение сыграть роль Рэйчел Мэррон в фильме «The Bodyguard» («Телохранитель»). Хьюстон, привыкшая к реву толпы и репортерам, боялась сниматься и аргументировала свой отказ тем, что ей не нравится героиня: «капризная, глупая примадонна» – и, что она никогда не играла. Кевин Костнер, продюсер и исполнитель главной мужской роли, приложил все свое умение, чтобы убедить Уитни: «Я не потерплю, чтобы моя партнерша играла плохо. Поэтому не волнуйся, ты

будешь играть хорошо». Певица сдалась, ведь названные причины являлись лишь отговорками. Истина была проста: Уитни ни на миг не хотела расставаться со своим женихом, 24-летним танцовщиком и рэпером Бобби Брауном. Но тот поддержал актерское будущее Хьюстон.

Фильм получил ошеломляющий успех, кассовые сборы составили более 400 млн долларов. А главный саундтрек «I Will Always Love You» («Я буду любить тебя вечно») в исполнении Уитни Хьюстон, диапазон голоса которой в этой песне достиг пяти октав, получил место самого продаваемого сингла в истории шоу-бизнеса Соединенных Штатов (33 млн экз.). Вот теперь, когда певица достигла всех возможных высот, Бобби начал вымещать обиду за то, что жена («свадьба десятилетия» состоялась 18 июля 1992 г.) намного удачливее, богаче и популярнее его, за не вовремя заданный вопрос или не понравившийся ответ дражайшей половины. А она, в своей искренней любви и христианском смирении, безропотно сносила все: и оскорбления, и измены, и побои – никак не хотела поверить, что Брауном движет простая зависть.

Надо сказать, что Уитни Хьюстон выходила замуж не «за кота в мешке». Она знала и о психической неуравновешенности Бобби, и о его «послужном списке»: наркозависимость, пристрастие к спиртному, частые аресты за хулиганство, трое внебрачных детей от разных женщин… Знала и не слушала увещевания друзей и семьи. Только повторяла, смеясь: «Бобби хорош уже тем, что у него не может обнаружиться тайных пороков». И даже гордилась мужем: «Я нашла себе хорошего мужчину. За ним – как за каменной стеной. Скажите ему что-нибудь поперек, и у вас будут проблемы». И, наверное, самым главным аргументом в его пользу была явная гарантия беспокойной жизни.

Но очень быстро «беспокойная жизнь» певицы превратилась в ад. Не спасло даже рождение дочери, Бобби Кристины. Приступы гнева у Брауна учащались, и Уитни вынуждена была практически полностью оставить карьеру, чтобы находиться рядом с мужем. Но тот все чаще стал оказываться в полицейском участке, а журналисты печатали все новые и новые статьи, «украшенные» снимками избитой певицы. И Хьюстон не выдержала. На одном из концертов в 1994 г. у нее полностью пропал голос: врачи установили только одну причину – нервный стресс. Позже это повторялось неоднократно, и ее выручали профессиональные бэк-вокалисты. Постоянные срывы привели к нескольким выкидышам. А жуткий шрам на лице, оставленный Бобби, певица маскирует по сей день. Но она прощала ему все: ведь именно это и есть настоящая сумасшедшая любовь, о которой так мечталось. Как в

русской пословице: «Бьет – значит, любит».

Пять лет прошли в нескончаемых ссорах и примирениях, и за это время Уитни Хьюстон не выпустила не одного альбома. Но потом произошло неожиданное для всех событие: Хьюстон заявила мужу, что между ними все кончено. Она словно бы опомнилась и сказала себе: «Стоп!». Сила воли не подвела певицу. Уже в 1998 г., спустя год после разрыва, вышел ее новый сольный альбом и саундтрек к мультфильму «Принц Египта» «When You Believe» («Когда ты веришь»), записанный вместе с Мэрайей Кери. Уитни восстановила отличную физическую форму, выглядела лучше, чем прежде. Исчезли даже мучившие ее проблемы с голосом. Пресса говорила о воскрешении Хьюстон, музыкальные критики в один голос утверждали, что она снова превзошла саму себя. Жизнь певицы постепенно налаживалась.

Но Бобби Браун скучал по своей богатой и знаменитой жене. Он постарался «завязать» с прошлым, стал приглашать Уитни на свидания, дарить цветы и был просто шелковым, как во время их первых встреч. Хьюстон опять поверила в перспективу счастливой супружеской жизни, вернулась к Брауну. И начались отказы от концертов, съемок, поездок – она выплачивала огромные неустойки, лишь бы быть рядом с любимым мужчиной. А тот, завоевав сердце певицы во второй раз, быстро вернул все на круги своя. Уитни снова оказалась «под огнем»: только еще более жестким, агрессивным, болезненным.

2000 г. принес Хьюстон не только запись нового альбома «Just Whitney» («Только Уитни»), но и новые неприятности. Не выдержав семейного ада, певица «подсела» на наркотики. Сначала ее задержали на Гавайях: она везла с собой 15 г марихуаны (судебные обвинения были сняты совсем недавно). Потом начала употреблять кокаин. Уитни стремительно падала в пропасть. Ее боялись приглашать на выступления, знаменитые пять октав превратились в две. Пение стало проблемой, и ее снова «вытягивал» бэк-вокал. Финансовая империя Уитни Хьюстон была в плачевном состоянии.

Певица понимала, что происходит, и сумела взять себя в руки. Избавилась от наркотической зависимости, управление компанией передала отцу, опытному менеджеру. Ее выручило желание жить и страх за будущее дочери. Но многие связывают ее моральный подъем с записью версии гимна США «The Star Spangled Banner». Деньги от продажи сингла Уитни перечислила в помощь полицейским и пожарным Нью-Йорка, снова подчеркнув свою социальную сознательность (еще в 1989 г. она основала Детский фонд Уитни Хьюстон, собирающий средства для бездомных и больных раком детей). Также она подписала

ошеломляющий контракт с «Ариста Рекорде» на сумму 100 млн долларов.

Новый альбом под названием «Ну чего ты уставился», спродюсированный Брауном (от которого Уитни все-таки не ушла), разошелся минимальным тиражом – всего один миллион экземпляров. К тому же ее отец, Джон Хьюстон, пытается отсудить у нее крупную сумму денег за оказанную ей моральную поддержку и материальные услуги его фирмы. Но Уитни не сдает своих позиций: в июне 2001 г. она получила премию BET Awords (развлекательного канала темнокожих) за то, что единственная из афроамериканцев достигла таких высот в музыкальном бизнесе.

«А сейчас я хочу поблагодарить короля рэпа, мистера Бобби Брауна. Только ты настоящий, все остальные копии. Бобби Браун, я люблю тебя, дорогой. Ты мое сердце» – прозвучали слова певицы на церемонии награждения. Взлеты и падения нисколько не изменили Уитни Хьюстон. Она по-прежнему любит мужа. И все так же верит в то, что все будет хорошо. Ведь жизнь любого человека состоит из чередующихся черных и белых полос.

Волшебницы резца и кисти

КАУФМАН АНГЕЛИКА

(род. в 1741 г. – ум. в 1807 г.)

Знаменитая немецкая художница и график, представитель классицизма. Член Академии Св. Луки в Риме (1765 г.), Французской королевской академии (1768 г.), Английской академии художеств (1768 г.), Венецианской академии.

Только один из автопортретов знаменитых художников, хранящихся во всемирной галерее Уффицы, принадлежит женщине. Ее имя мало что говорит нынешнему поколению любителей живописи. А ведь это о ней, об Ангелике Кауфман, великий немецкий поэт И. В. Гете сказал: «Ее глаза так умны, ее знание механизма искусства так велико, ее чувство прекрасного столь глубоко, а она остается так непостижимо скромна…» Умна,

скромна и обаятельна… С автопортрета на зрителя смотрит милое, спокойное лицо женщины, оживленное чуть заметной улыбкой. Но почему же столько грусти в лице художницы, на долю которой при жизни выпали великий успех и признание? Причина кроется в ее женской судьбе, полной разочарований, обмана и обид. Личная жизнь Ангелики очень похожа на дамский роман, над которым можно проливать слезы. Такая книга – «Ангелика Кауфман» – действительно была написана Леоном де Вайи в 1838 г. и издана в Париже и Брюсселе на французском языке. Кроме того, один из самых драматических моментов ее биографии лег в основу драмы В. Гюго «Рюи Блаз».

Ангелика родилась в 1741 г. в маленьком швейцарском городке Кур (Хур). Спустя год ее отец, небогатый немецкий художник Иоганн Иосиф Кауфман, с женой и крошечной дочкой перебрался в Италию, где, переезжая из города в город, расписывал небольшие церкви и делал заказные портреты. Ангелику Бог одарил красотой, умом, прекрасным голосом, добрым нравом и огромным живописным талантом. Отец быстро оценил способности дочери и, хотя сам был слабым художником, стал для нее первым и единственным учителем. С шести лет Ангелика училась и работала с нагрузкой и упорством взрослого мужчины, в девять – пробовала писать маслом, а в одиннадцать – исполнила в технике пастели первый заказной портрет епископа Наврони. И часто у ворот богатых особняков можно было увидеть хорошенькую девочку с папкой рисунков, которые она продавала, чтобы помочь деньгами семье.

В 1754 г. Кауфманы переехали в Милан, и вскоре дворцовая знать выстроилась в очередь, чтобы заказать у юной художницы свои портреты. Ангелика, тонко чувствовавшая веяния галантного века, изображала на своих картинах кукольных красавиц в виде пастушек на лоне природы или в уютных золотых будуарах. Ей были приятны поклонение и ранняя слава, но и работала она, как каторжная. Тот факт, что юной Кауфман, единственной женщине, разрешили копировать произведения великих мастеров в Миланской галерее, говорит о профессиональном признании ее таланта.

После смерти матери в 1757 г. отец увез дочь к себе на родину в Шванценберг (территория нынешней Австрии). Но здесь никто не интересовался галантными картинами, и Ангелика исполнила фрески для приходской церкви. Затем она работала при дворе графа Монфорта, а в 1763 г. вместе с отцом переехала в Рим, где попала в художественную среду, увлеченную античностью. Огромное влияние на формирование дарования Ангелики оказал известный немецкий ученый-археолог и историк

искусства И. И. Винкельман. Его находки при раскопках в Помпеях и Геркуланум открыли перед восхищенной девушкой античное искусство и направили ее художественное мировоззрение в сторону классицизма. Винкельман высоко ценил талант Кауфман: «Мой портрет для одного друга сделан исключительной личностью, одной немецкой художницей. Она очень сильна в портретах…» Парадный портрет археолога (1764 г.) искусствовед Ханне Гагель считает более тонким и психологичным, чем другие изображения Винкельмана, исполненные мужчинами, так как он «подчеркивает не столько официальный фасад, сколько внутренние свойства изображенного лица».

Полное профессиональное признание Кауфман получила в 1765 г., когда была принята в члены Академии Св. Луки в Риме, а спустя три года – Французской королевской академии.

В 1766 г. Ангелика, заручившись многочисленными приглашениями, переехала в Лондон. Пятнадцать лет, проведенные в Англии, были самыми плодотворными в ее жизни. Успех и слава Кауфман были ничуть не меньше, чем у таких прославленных английских живописцев, как Гейнсборо и Рейнолдс. К тому же хорошенькая девушка, прекрасная певица, музыкантша и художница была богата, независима, принята в высшем свете и не знала отбоя от женихов. Президент Английской академии художеств Рейнолдс предлагал Ангелике заключить блестящий союз, но она отказала ему. Дальнейшие события больше похожи на детективный роман. Именно они впоследствии послужили сюжетом для драмы «Рюи Блаз». Обиженный отказом, художник воспользовался путаницей в документах внебрачного сына графа Горна, Фредерика Брандта. Он оказал поддержку неутвержденному в правах мнимому наследнику и представил его Ангелике как своего друга и графа. Юноша был красив, воспитан, умен. Молодые люди полюбили друг друга и обвенчались, и тогда мстительный Рейнолдс вскрыл обман. Эта сенсация наделала много шума. За присвоение чужого имени Ф. Брандт был арестован. Ангелика не смогла простить обмана и через два месяца, в феврале 1768 г., использовав все связи, получила развод. Потрясение окончилось жестокой горячкой. Кауфман стала нелюдимой, но из Лондона все же не уехала. Она активно работала там еще тринадцать лет, со всех сторон получая многочисленные заказы и знаки внимания. Высшим признанием ее таланта стал факт избрания художницы в 1768 г. членом Английской академии художеств.

Личная трагедия отдалила Ангелику от высшего общества, теперь она общалась только с узким кругом интеллигенции и

продолжала много работать. Ее престарелого отца очень волновало, что дочь после его кончины остается совершенно одинокой и беззащитной. И он настоял в 1781 г. на ее браке с посредственным венецианским художником и гравером Антонио Дзукки (Цукки). С ним Ангелика вернулась в Италию. Вначале они жили в Неаполе, где Кауфман работала при дворе Марии-Каролины. Но очень скоро ей надоело создавать красивенькие, похожие один на другой, заказные портреты придворных, и в 1782 г. художница переехала в Рим.

Живописное наследие Кауфман велико и по-настоящему не изучено. Она была разносторонней художницей, писала на мифологические и библейские, аллегорические и исторические сюжеты. Картины на мифологические темы ей не всегда удавались, так как требовали умения писать обнаженную натуру, а знаний анатомии – ни женской, ни тем более мужской – Ангелика не получила. Полотно «Амур и Психея» (1792 г.) выглядит приторно-сладким и безжизненным. В полностью одетой Психее и Амуре с ангелоподобными крыльями нет ни малейшего намека на эротику. Но там, где сюжет не требовал изображения обнаженных тел, художница отличалась тонкой моделировкой композиции, виртуозным исполнением и прекрасным чувством колорита («Вергилий, читающий «Энеиду» Октавии и Августу», 1788 г., «Венера уговаривает Елену любить Париса», 1790 г., «Овидий в изгнании пишет “Метамарфозы”», 1790 г.). Хотя термин «иллюстратор» не применим к творчеству Кауфман, но многие свои работы она создала на основе литературных произведений («Прощание Абеляра и Элоизы» – по мотивам стихотворения А. Подпа; «Безумная Мария» – по сюжету романа Л. Стерна «Сентиментальное путешествие по Франции и Италии»).

Кауфман увлекалась энкаустикой (живописью восковыми красками) и прекрасно справлялась с этой сложной техникой восковой живописи, выполняемой горячим способом и расплавленными красками. Она отлично гравировала и много работала в области разработки мебели и интерьера, создавала сложные графические узоры для росписи посуды, была настоящим мастером портрета («Портрет фон Бауэр», 1786 г.; «Портрет графини Протасовой с племянницами», 1788 г.). «Портрет Н. И. Плещеевой» специалисты оценивают как одну из лучших работ художницы. Он сочетает в себе воздушную прелесть и ту одухотворенность, которую может передать только большой талант. К числу самых тонких и психологических изображений относится «Портрет И. В. Гете» (1787–1788 гг.), хотя сама Кауфман считала, что не сумела передать все многообразие

творческого гения поэта и оставила работу незавершенной.

Ангелика познакомилась с Гете в Риме, и они стали близкими друзьями, беседовали об искусстве, ходили на выставки. Единственный дом, который поэт посещал в Риме, принадлежал Кауфман. Гете не пропустил ни одного музыкального и литературного вечера в ее салоне. Он видел, как эта родственная ему душа, эта модная и хорошо оплачиваемая художница была одинока и скучала в обществе бесталанного, скупого, старого супруга, но не роптала на судьбу. Поэт высоко ценил профессионализм, талант и богатый внутренний мир этой интересной женщины и ей первой читал только что написанные строки. Эта дружба долгое время согревала душу стареющей Ангелики.

Кауфман умерла 5 ноября 1807 г. в Риме. Вся Академия Св. Луки проводила ее в последний путь, а за гробом, как на похоронах Рафаэля, несли две последние картины, написанные ее рукой. В Римском пантеоне впоследствии был установлен бюст Ангелики Кауфман – красивой женщины и талантливой художницы.

БАШКИРЦЕВА МАРИЯ КОНСТАНТИНОВНА

(род. в 1860 г. – ум. в 1884 г.)

Талантливая русская художница-реалистка. Автор около 150 картин, рисунков, акварелей, скульптурных этюдов и личного «Дневника».

Мария Башкирцева – явление в искусстве яркое и самодостаточное. Ее девиз: «Ничего – прежде меня, ничего – после меня, ничего – кроме меня», звучит на первый взгляд претенциозно и надменно. Но эти слова вызваны ранним осознанием своего предназначения в этом мире, предельным откровением мыслей и чувств талантливого человека, которому в земной жизни был отмеряй малый срок. В одном из залов

Люксембургского музея в Париже находится статуя скульптора Лонжелье «Бессмертье». На ней изображен умирающий гений, протягивающий ангелу смерти свиток из восьми имен, преждевременно сошедших в могилу великих людей. Среди них одно русское имя – Мария Башкирцева.

«Звездная ее дорога» началась в имении Гавронцы, возле Полтавы, 11 ноября 1860 г. Маша принадлежала к богатому аристократическому роду. Ее отец, Константин Павлович Башкирцев, довольно образованный и не лишенный литературного дарования человек, долгое время был предводителем полтавского дворянства. Мать, урожденная М. С. Бабанина, принадлежала к древнему роду, ведущему свое происхождение от татарских князей. Гадальщик-еврей предсказал ей, что «сын будет как все люди, но дочь твоя будет звездою…»

Родители и многочисленные родственники и относились к Мусе как к звезде, любили и обожествляли, прощали шалости и восторгались любыми ее достижениями. В детстве она была «худа, хила и некрасива», но в голове невзрачной девчушки, уже тогда обещавшей стать хорошенькой, теснились мысли о дарованном ей свыше величии.

Мусина мама из-за разногласий в семье решилась на развод и выиграла бракоразводный процесс. С двухлетнего возраста девочка фактически оставалась на попечении теток и деда, С. Бабанина, блестяще образованного человека. Переживая за ее хрупкое здоровье, семейство Бабаниных в 1868 г. отправило девочку с матерью и теткой за границу. После двухлетнего путешествия по городам Европы они обосновались в Ницце. Маша подолгу жила в Италии: Рим, Венеция, Флоренция, Неаполь, самые лучшие отели и дорогие виллы, светские приемы высшей знати, известнейшие музеи мира – все было у ног маленькой, но такой не по возрасту мудрой девочки, которая ощущала себя запертой в золоченой клетке. Богатство и то, что оно давало, нравилось и принималось ею как должное, но ее душе и уму было тесно в домашних рамках. Маша категорически не вписывалась в какие-либо традиционные каноны. Жизнь била в ней ключом. Противная, заносчивая аристократка, насмешливая и надменная даже в детские годы, она постоянно искала для себя занятий, не характерных для барышень ее возраста.

С пяти лет Маша училась танцам, но мечтала не о балах, а об актерской карьере. В 10 лет она начала рисовать, и успехи были налицо, но желание петь оказалось сильнее. Обладая редкостным слухом, девочка в совершенстве играла на арфе, рояле, гитаре, цитре, мандолине, органе. Ее великолепный и сильный от природы голос (меццо-сопрано) охватывал диапазон трех октав

без двух нот. Она знала ему цену и уверенно стремилась стать великой певицей, а не музицировать в модных салонах. Одновременно Мария занималась химией и языками: русский был «для домашнего обихода», думала и писала она по-французски, хорошо владела итальянским, английским, немецким, а позже древнегреческим и латинским.

«До 12 лет меня баловали, исполняли все мои желания, но никогда не заботились о моем воспитании. В 12 лет я попросила дать мне учителей, я сама составила программу. Я всем обязана самой себе». И чем больше Мария училась, тем глубже понимала, как много ей надо успеть. С этих пор (1873 г.) все свои мысли, каждый поступок, любую интересную фразу она заносила в свой дневник.

Это не дневник барышни с пустыми «ахами», это дневник-исповедь самодостаточной личности, которая с беспристрастной откровенностью обнажает свои мысли, мечты, стремления, уверенно осознавая, что пишет она не только для себя, но и для всех. «К чему лгать и рисоваться! Да, несомненно, что мое желание, хотя и не надежда, остаться на земле во что бы то ни стало… это всегда интересно» – жизнь девочки, девушки и, прежде всего, женщины, записанная изо дня в день, без всякой рисовки, как будто бы никто в мире не должен был читать написанного, и в то же время со страстным желанием, чтобы оно было прочитано.

106 больших рукописных томов за неполные 12 лет. В них она вся, со своим «безмерным тщеславием», желанием быть то герцогиней, то знаменитой актрисой, «самолюбивая настоящая аристократка», предпочитающая богатого мужа, но раздраженная общением с банальными людьми, «презирающая род людской – по убеждению» и пытающаяся разобраться, чего стоит окружающий мир, человек и его душа. С детским максимализмом в свои 12 лет она заявляет: «Я создана для титулов. Слава, популярность, известность повсюду – вот мои грезы, мои мечты…» И рядом мистические строки, обостренные чувством быстротечности времени: «…Жизнь так прекрасна и так коротка!.. Если я буду терять время, что же из меня выйдет!» и это избалованное дитя нашло себе прибежище в каторжном труде.

Мария не теряла времени. Трактаты Горация и Тибула, Ларошфуко и Платона, Савонаролы и «любезного друга Плутарха» занимали ее ум, как и книги Коллинза, Диккенса, Дюма, Бальзака, Флобера и Гоголя. Это было не просто беглое чтение, а вдумчивый труд, сопоставление их взглядов с ее мироощущением.

К любому вопросу она подходила серьезно, открыто

рассказывала о самой себе, как психолог, разбираясь в своих чувствах. Влюбившись в герцога Г. (Гамильтона?), Маша на страницах дневника обстоятельно рассуждала о своей любви и предстоящем, в мечтах, замужестве. Попытка разобраться в чувствах, возникших между нею и племянником кардинала Пьетро Антонелли (1876 г.), приводит Марию к убеждению, что она переросла своих потенциальных женихов и уровень своего окружения. Это сознание обрекло ее на душевное одиночество.

Как много было даровано этой девушке, но слабое тело с трудом справлялось с запредельными нагрузками, которые взвалила Башкирцева на свой мозг и душу. В 16 лет состояние ее здоровья резко ухудшилось. Врачи, курорты, светская жизнь, путешествия – но темп работы над собой не замедляется ни на минуту. Мария жила с ощущением приближающейся смерти. «Умереть?.. Это было бы дико, и однако мне кажется, что я должна умереть. Я не могу жить: я ненормально создана, во мне – бездна лишнего и слишком много недостает; такой характер не может быть долговечным… А моя будущность, а моя слава? Ну, уж разумеется, тогда всему этому конец!»

Первый удар Мария выдержала, расставшись с мечтами стать певицей. Катар и воспаление гортани лишили ее прекрасного голоса, а преждевременная глухота – идеального слуха. Надежда то вспыхивала, то угасала. «Я буду иметь все или умру», – писала она в 1876 г., накануне поездки в Россию. За полгода она посетила Петербург, Москву, Харьков. Юная красавица блистала, кокетничала, влюбляла в себя местных аристократов и считала бесцельно прожитые дни. Маша мечтала примирить родителей, которые по-прежнему любили друг друга. И этой капризной барышне удалось воссоединить семью.

Наконец, Мария решила не распылять свои способности и самостоятельно заняться рисованием: «Живопись приводит меня в отчаяние. Потому что я обладаю данными для того, чтобы создавать чудеса, а между тем я в отношении знаний ничтожней первой встречной девчонки…» Осенью 1877 г. она поступила в частную Академию Р. Жюльена (Жулиана). Своими недюжинными способностями Мария покорила преподавателей. Наверстывая упущенное время, девушка работала по 10–12 часов в день и достигла успехов, каких обычно не ждут от начинающих (семилетний курс она освоила за два года).

Ее учителя Р. Жюльен и Т. Робер-Флери уже через неделю занятий признали в Башкирцевой природный дар. «Я думал, что это каприз балованного ребенка, но я должен сознаться, что она хорошо одарена», – сказал Жюльен матери начинающей художницы. Весной 1878 г. Мария приняла участие в первом для

себя конкурсе учащихся Академии и заняла третье место. А после 11 месяцев обучения жюри присудило ей первую медаль. «Это работа юноши, сказали обо мне. Тут есть нерв, это натура».

Это была заслуженная награда, ведь Мария жила, подсчитывая часы, растраченные безвозвратно на сон, одевание, светские приемы, и в то же время изыскивая резерв для занятий римской историей и литературой. Такого напряженного режима организм не выдержал. Начинающая художница вынужденно прервала занятия для консультации у светил медицины и поездок на воды. Диагнозы врачей были расплывчаты («кашель чисто нервный»), и Мария несерьезно отнеслась к лечению, мечтая только о достижении высот в живописи.

В 1880 г. под псевдонимом «Mademoiselle Mari Constantin Russ» она приняла участие в Салоне. Первая картина «Молодая женщина, читающая «Развод» Дюма» была замечена и одобрена критикой. Ее работы, отличающиеся жизненностью и твердостью рисунка, выдержаны в реалистической манере, близкой к натурализму и даже к символизму. «Поразительная сила кисти, оригинальность замыслов, глубокая правдивость исполнения», – таковы были единодушные отзывы прессы о ее таланте. Ей все удавалось: портреты, жанры, пейзажи, исторические полотна и марины. А еще она пробовала себя как скульптор («Навзикая», 1882 г.)

«Ателье Жюльена» (1881 г.) – сложная многофигурная композиция – получила второе место в Салоне. На 1883 г. приходится основная часть творческого наследия Башкирцевой: «Жан и Жак», «Осень», серия «Три улыбки» («Младенец», «Девочка», «Женщина»), «Парижанка», подкупающие своей добротой и правдивостью. Эти полотна уже говорили о зрелом мастерстве художницы. Картина «Дождевой зонт» (1883 г.) изображает дрожащую девчушку, укутанную в залатанную юбку. Она стоит, держа над головой сломанный зонт, а в ее недетских серьезных глазах застыл немой укор маленького существа, рано познавшего нужду. Написанная на пленэре, под дождем, она так же реальна, как и прогрессирующая болезнь художницы. И теперь врачи категоричны – туберкулез полностью поразил правое легкое и есть очаги в левом.

Башкирцева полна новых идей и замыслов. Но все чаще и чаще она вынуждена прерывать работу. Мария полностью осознавала, как мало ей отпущено: «Меня еще хватит на некоторое время». Она верит, что живопись спасет ее, и если не продлит жизнь, то не позволит исчезнуть бесследно. Башкирцева торопится все успеть, но ее работы отличаются продуманностью композиции, цветовой гаммы и мельчайших деталей. На большом

автопортрете «Портрет Башкирцевой у картины» (1883 г.) она изображает себя в творческом порыве – взгляд серых глаз сияет вдохновением, черты лица уверенные и в то же время нежные. Как и в написанном ранее маленьком автопортрете, она объективно и самокритично подчеркивает раскосость глаз и выпирающие скулы.

Представленные в Салоне 1884 г. изящный пейзаж «Осень» и жанровая картина «Митинг» (вместе с «Портретом натурщицы» приобретены французским правительством для Люксембургского музея в Париже) приносят художнице долгожданную славу. Марию не смущают постоянные сравнения ее творческой манеры с работами Ж. Бастьен-Лепажа. Ей нравились его картины, она дружила с художником, а неизлечимые недуги сблизили их еще теснее. Но Башкирцева ясно видела ограниченность мастерства своего друга и намного превзошла его в колорите, сюжетной раскованности и мастерстве.

А еще Башкирцева мечтала состояться как писательница. Она ощущала потребность, чтобы какой-то знаток, писатель смог по достоинству оценить ее эпистолярное творчество. Свой дневник она хотела поручить Ги де Мопассану, так много пишущему о женщинах в своих книгах. Но переписка с ним, затеянная Марией, разочаровывает ее: «Вы не тот человек, которого я ищу…» И Башкирцева 1 мая 1884 г. сама пишет предисловие к своему феноменальному «Дневнику» (ее завещание было написано еще в июне 1880 г.). Такой дневник, полный страсти, желания славы и величия, понимания своей гениальности и творческого потенциала, по мнению психологов, мог бы написать любой писатель или художник, только никому, кроме Башкирцевой, не хватило честности и откровенности, чтобы раскрыть свои тайные стремления и надежды. Может быть, она была так искренна потому, что подсознательно знала, что для жизни ей отпущен малый срок. Не дожив 12 дней до своего 24-летия, 31 октября 1884 г. Мария Башкирцева скончалась и была похоронена на парижском кладбище Пасси. На плитах у большого белого памятника, напоминающего русскую часовенку, всегда лежат скромные фиалки.

Через год после ее смерти французским обществом женщин-художниц была открыта выставка работ М. К. Башкирцевой, на которой было представлено 150 картин, рисунков, акварелей и скульптур. В 1887 г. на Амстердамской выставке картины русской художницы мгновенно раскупили самые известные галереи мира, в том числе и представители музея Александра III. В этом же году был издан (в сокращенном варианте) «Дневник», которым «переболели» И. Бунин, А. Чехов, В. Брюсов, В. Хлебников, а

Марина Цветаева посвятила ей свой «Вечерний альбом». К сожалению, большинство полотен, перевезенных матерью художницы в родовое поместье под Полтавой, погибло в начале Второй мировой войны. Но в открывшемся в 1988 г. музее искусства XIX в. д'Орсе целый зал отдан картинам Башкирцевой. Она могла стать великим художником, «Бальзаком живописи», если бы ей была дарована целая жизнь.

«Я, которая хотела бы сразу жить семью жизнями, живу только четвертью жизни… И потому мне кажется, что свеча разбита на четыре части и горит со всех концов…»

«Ей даровал Бог слишком много!
И слишком мало – отпустил.
О, звездная ее дорога!
Лишь на холсты хватило сил…»

КЛОДЕЛЬ КАМИЛЛА РОЗАЛИ

(род. в 1864 г. – ум. в 1943 г.)

Знаменитая женщина-скульптор, возлюбленная великого Огюста Родена.

Много ли имен прославленных женщин – общественных деятельниц, писательниц, поэтесс, ученых, художниц, насчитывает история? По сравнению с мужскими, до обидного мало. А женщина-скульптор в этом списке – редкая драгоценность. Камилла Клодель является таким дивным алмазом редчайшей красоты и достоинства, только очень хрупким и слегка замутненным горькой долей: иметь талант и быть женщиной.

Франция. Провинция Шампань. Городок Фер. 8 декабря 1864 г. В этот день в семье добропорядочного буржуа Луи

Проспера и Луизы Клодель родилась дочь Камилла Розали, а с интервалом в два года семья пополнилась Луизой-младшей и сыном Полем. Разросшееся семейство перебралось в Вильнёв, где у матери были наследственные земли и дом. Дети жили в достатке, но без материнской ласки: Луиза замкнулась в молчаливой покорности рядом с постоянно скандалящим мужем, который лишь на людях вел себя благопристойно. Вызывало беспокойство и поведение старшей дочери: замкнутая, ни подруг, ни игрушек, то часами смотрит на облака, то вся перемажется глиной. Фигурки выходили из-под ее детских пальчиков словно живые. Но разве это женское дело? Да и младший Поль ходит за Камиллой как привязанный, а затем витает мыслями неведомо где. Брат во всем доверял сестре, и их дружба и доверие крепли из года в год.

В связи с частыми переездами отца всех детей обучал домашний наставник. Классическое образование Камиллы дальше основ латыни, орфографии и арифметики не пошло, но она много, хотя и бессистемно читала и по уровню знаний значительно превосходила своих сверстниц. А затем ее обогнал Поль. Он поверил сестре, что они избранные – им предначертано великое будущее, и семимильными шагами устремился к нему. Поль Клодель стал прославленным писателем, драматургом, поэтом, академиком и послом Франции. А Камилла со всей пылкостью отдалась ваянию. Все домашние были обречены позировать девочке, смело лепящей с натуры, не получив ни единого урока.

Скульптуры 15-летней Клодель «Наполеон», «Бисмарк», «Давид и Голиаф» своей выразительностью и зрелостью исполнения привлекли критика М. Морхарта и известного скульптора Альфреда Буше. Именно к нему на курсы поступила Камилла в 1882 г., когда отец перевез семью в Париж, чтобы дать детям первоклассное образование. Так как Школа изящных искусств для девушек была закрыта, юная бунтарка настояла на обучении в Академии Колароссии и вместе с тремя подругами-англичанками с упоением работала в их общей мастерской.

Многие признавали дар Клодель исключительным и не скрывали своего восхищения. Ее работы казались легкой импровизацией, заряженной живой энергией чувств. За этот стиль директор Школы изящных искусств П. Дюбуа сравнил произведения Камиллы с роденовскими. Из первых парижских работ особое внимание привлекают скульптурные портреты «Поль Клодель в 13 лет» и «Старуха Элен». Хотя с Роденом Камилла даже не была знакома, но она понимала, что в своем творчестве стоит на правильном пути, и оттачивала свой стиль – изящный,

чувственный, наполненный жизненной силой.

Юная женщина была так же совершенна, как и ее произведения. Брат Поль так описывал ее: «Прекрасный лоб над дивными глазами того густо-синего цвета, который часто встречается в романах и столь редко в жизни, большой чувственный, но еще очень гордый рот, густая копна каштановых волос, спадающих до самой поясницы. Вид, впечатляющий дерзостью, прямотой, превосходством и веселостью». Такой предстала Камилла перед Роденом, когда ее наставник Буше перед своим отъездом в Италию уговорил прославленного мэтра взять Клодель ученицей. Она стояла среди многочисленных скульптурных шедевров и, отринув гордыню, согласилась на все условия: быть секретарем и помощником, строить каркасы и выносить мусор. Роден не верил в женскую талантливость. В его представлении она могла радовать глаз, вдохновлять и обслуживать мужчину, а Камилла работала за двоих и еще успевала делать наброски и лепить. Огюст неотрывно следил за ней. Когда Камилла начала лепить его бюст, он стал уделять ей больше внимания, но в ее присутствии все реже ощущал себя учителем. Скульптор вынужден был признать, что девушка, безусловно, талантлива. К тому же пылкие чувства обуревали Родена при виде ее прекрасного лица, и он мог только догадываться, какое тело таится под грубым рабочим платьем. Этот внешне неотесанный, нелюбезный, с колючим взглядом художник обожествлял красоту женского тела и сравнивал ее с солнечным светом.

Кто знает, как бы сложилась творческая и личная жизни Клодель, если бы она оставалась только ученицей, а затем помощницей Родена. Но они были созданы друг для друга: талантливые, упорные, трудолюбивые и страстные в творчестве. Прошло какое-то время, и Огюст уговорил Камиллу позировать. У него был особый стиль работы с обнаженными натурщиками: он заставлял их свободно передвигаться по мастерской, застывать в нужных позах и, словно слепой, руками ощупывал, изучал каждую мышцу. Юной женщине было трудно устоять перед зовом плоти, и она стала любовницей великого скульптора, его Музой и наваждением. Он чувствовал постоянную потребность видеть ее. С Камиллы Роден лепил свои знаменитые скульптурные группы и бюсты: «Рассвет», «Радуга», «Мысль», «Франция», «Данаида», «Аврора», «Сирена», «Вечная весна», «Поцелуй». В голове Клодель роились радостные мысли о том, что их скоро объединит не только творческий, но и брачный союз, и она с воодушевлением работала. Бюст «Поль Клодель в 16 лет» до сих пор представлен в музеях мира как один из лучших образцов скульптуры XIX в.

Самобытностью и совершенством исполнения веет и от портретных бюстов сестры «Луиза», зятя «Фердинанд де Массари» и «Шакунталы».

Клодель из ученицы уже давно превратилась в серьезного мастера, достигла совершенства в технике, как формовщик не знала себе равных, а мрамор обрабатывала с точностью, не доступной Родену. Мэтр ценил и доверял ее мнению, она постоянно помогала в работе над его произведениями, которые с появлением Камиллы в мастерской и в его жизни стали более чувственными. Но в личной жизни женщины ничего не изменилось. Все тот же ненавистный треугольник: Клодель – Роден – Роза Бере. С этой женщиной Огюст прожил 20 лет и был многим ей обязан, но узаконить отношения не собирался (она стала мадам Роден за две недели до своей смерти), а их сын так и ходил в незаконнорожденных. Роза слепо любила Огюста, была преданной и терпеливой и ни в чем не перечила, настолько бескорыстно было ее чувство. Камиллу же душила гордыня, ведь она по сравнению с постаревшей Розой была хороша, талантлива, образованна и лишена всяческих предрассудков, ради него пошла на конфликт с семьей и поселилась в мастерской (одну мастерскую он всегда держал для любовниц). Роден с гордостью представлял ее друзьям (в чем всегда отказывал Розе), известным писателям, художникам, правительственным чиновникам. Но жалость к «серой мышке» оказалась сильней любви.

Клодель угнетало и то, что ее работы («Вальс», «Клото», «Забвение») постоянно сравнивали с роденовскими. Слова критиков «заимствует», «копирует» глубоко ранили художницу, которая не только вдохновляла, но и активно участвовала в создании скульптур Родена. «Свои произведения я извлекаю из себя самой, скорее страдая избытком, нежели нехваткой идей», – говорила она, щедро делясь ими с возлюбленным. В настоящее время искусствоведы утверждают, что некоторые из работ Клодель – «Девушка со снопом», «Этюд мужской головы», «Молящаяся» – стали основой или частью роденовских скульптур «Галатея», «Скупость и роскошь», «Крик».

Камилла изводила себя, впадала в депрессию, но Огюст оставался неумолим. Ему были нужны обе женщины: одна для дома, другая для любви. Клодель приходилось многим жертвовать: свое творчество оставляла «на потом», отказалась от счастья материнства (по свидетельству биографов она в период 1890–1892 гг. прервала беременность). Работы «Выздоровление», «Прощание», «Девочка из Иллет» считаются эхом этого горького события. В поступках Камиллы Огюст не находил ничего противоестественного, ведь так поступала и Роза, лишь бы он не

оставил ее. Клодель же в жизни надо было большего – взаимной отдачи. Конечно, она заслуживала лучшей доли.

После 15 лет «совместной» жизни, потеряв надежду стать законной женой Родена и рядом с ним достичь вершин славы, Камилла решилась на разрыв. Наверное, она до конца не осознавала, что разорвав связывающие их узы, она не только осталась без любимого, но и лишилась необходимой поддержки в дорогостоящем по своему производству искусстве. Теперь небольшую мастерскую, натурщиков, помощников ей приходилось содержать на свои, довольно ограниченные средства, а ведь кроме того требовались огромные деньги на материалы. Еще два года Камилла изредка встречалась с Огюстом, а с 1895 г. прервала все контакты и отказалась от помощи. От любви до ненависти один шаг.

Клодель упорно работала и пользовалась признанием в художественных кругах. В 1895 г. она создала одно из самых выразительных произведений «Зрелый возраст», которое было по достоинству оценено критикой, а три года спустя на эту же тему создала еще более драматическую композицию. Работа Клодель мраморная «Клито» была преподнесена работниками искусства Люксембургскому музею. Но Камилла замечала только, как на фоне ее скромных успехов стремительно растет слава Родена. Это иссушало женщину. Бывший возлюбленный в ее представлении стремительно превращался в «вора идей», наживающего на этом миллионы. Все чаще Камилла впадала в депрессию, месяцами не появлялась на людях, в каждом посетителе видела шпиона. В перерывах между приступами она продолжала ваять. В этот период появились произведения малой пластики: «Болтушки», «Глубокая задумчивость» (или «Камни»), «Поющий слепой старик». Она создала заказные скульптурные портреты художника Л. Лермита и его сына, «Графа Мегре в костюме Генриха II» и шесть скульптур на мифологические темы. Все работы доказывали, что широкое признание публики уже не за горами. Критики посвящали ей похвальные статьи, работы Клодель появлялись в Салонах Парижа, Брюсселя, Женевы, Рима. Скульптура «Гамадриада» украсила Всемирную выставку 1900 г.

Но Камилле нет покоя, она затаила глубокую обиду на Родена за разрушенные мечты и творческую карьеру. Клодель не может простить ему ни отдельного павильона на Всемирной выставке, ни трех орденов Почетного Легиона, ни высокооплачиваемых правительственных и частных заказов. Огюст же продолжал втайне заботиться о любимой, договариваясь о выставках и статьях о ее творчестве. Он никогда не сомневался в таланте Камилы и хотя вины за собой не

чувствовал, но ее бедственное положение мучило его, а психическое здоровье волновало. Роден писал Октаву Мирбо: «Что до мадмуазель Клодель, чей талант достоин Марсова поля… Все как будто считают, что она моя протеже, когда это непризнанный талант… я уверен, в конце концов ее ждет успех, но бедная художница будет несчастна, еще несчастнее потом, узнав жизнь, сожалея и плача, осознав, может быть, слишком поздно, что она стала жертвой собственной гордыни; она художник, честно работающий, но, может быть, ей придется пожалеть о силах, растраченных на эту борьбу и запоздалую славу, раз за них приходится расплачиваться болезнью».

С 1905 г. Клодель обрекла себя на затворничество. Окна и двери мастерской всегда были наглухо закрыты, посетителей она встречала с палкой, утыканной гвоздями. Психика, не выдержав нагрузок, превратила всех друзей, родственников и заказчиков в участников роденовского заговора. Нищета и одиночество усугубляли манию преследования. Деньги, которые высылали брат и отец втайне от двух Луиз, и полученные ею за прекрасно изготовленные предметы прикладного искусства в стиле модерн (пепельницы, лампы), быстро таяли, их поглощали попытки работать над большими скульптурами. Но все, что ни выходило из-под талантливых рук Камиллы, каждое лето разбивалось ею, чтобы ее идеи не достались Родену. Камилла нуждалась в постоянной дружеской помощи, но единственная родственная душа – брат Поль постоянно находился за границей как посол Франции. Вернувшись в 1909 г., он с трудом узнал свою синеглазую красавицу-сестру в «огромной, чумазой, без умолку говорящей монотонным голосом» женщине.

Последняя чудом сохранившаяся работа Клодель – «Ниобида» (1908 г.). Упоминаемые ею в письмах другие скульптуры, по всей видимости, она уничтожила. Камилла, доведенная до критической точки болезнью, не замечала своих странностей. 10 марта 1913 г., с согласия матери и любимого брата, Клодель была принудительно госпитализирована. Тридцать долгих лет провела она в приюте для душевнобольных в Мондеверге близ Авиньона. В письмах Клодель взывала к родным: «Если бы я снова могла вернуться к нормальной жизни, то счастье мое было бы слишком велико, чтобы посметь хоть в чем-то вас ослушаться. Я так настрадалась, что не решилась бы и шага лишнего сделать…» Но мать, сестра и брат не желали стать посмешищем в глазах общества. Если абстрагироваться от темы «Роден и творчество», то мысли Камиллы носили абсолютно вменяемый характер, ум и память ей не изменили до последних дней. Но кто такая Клодель без любви к Огюсту и без искусства? К глине она больше не

прикасалась. Даже смерть Родена в 1917 г. ничего не изменила в ее рассудке, помраченном манией.

19 октября 1943 г. Камилла Клодель скончалась в своем холодном и печальном приюте. Могила ее не сохранилась. Все работы гениальной женщины-скульптора, заплатившей за свою посмертную славу непомерно высокую цену, размещены в музее Родена – самого любимого человека и злейшего врага. Но теперь уже никто не может сказать, что она копировала великого мастера. Клодель была личностью и творцом и в своих скульптурах «благородство Донателло одушевила трепетом сегодняшней жизни».

ГОНЧАРОВА НАТАЛЬЯ СЕРГЕЕВНА

(род. в 1881 г. – ум. в 1962 г.)

Видная фигура «левых» художественных группировок русского искусства начала XX в. Живописец, график, иллюстратор книг, театральный художник. Крупнейший мастер неопримитивизма и первая женщина-художница, взявшая на себя роль авангардиста.

Выдающиеся достижения русского художественного авангарда начала *XX* в. хорошо известны. Они оказались одной из наиболее плодотворных глав в истории современной живописи. Количество новых художественных приемов, представленных различными движениями и школами, остается до сих пор ни с чем не сравнимым. Многие русские художники-авангардисты воплощали свои живописные идеи в прикладном искусстве:

театре, кино, моде, книжной графике. Жившие в начале века как в России, так и в Западной Европе, они теперь постоянно представлены в самых известных западных коллекциях. Их картины часто экспонируются на престижных выставках в лучших музеях мира.

В России была богатая традиция женщин-покровительниц искусства, владелиц салонов и галерей, но одновременно с этим в обществе господствовали средневековые нравы. Появление в начале века «женского» авангарда было сенсацией. Основоположником этого направления в живописи была жена Михаила Ларионова – Наталья Гончарова. Творческий дуэт «самой лучшей и самой слитной пары русского авангарда» продолжался более 60 лет и был до предела насыщен творческими исканиями и открытиями.

Гончарова родилась 4 июня 1881 г. в селе Нагаево Тульской губернии в известной дворянской семье и была двоюродной правнучкой жены А. С. Пушкина. В 1901 г. она поступила в Московское училище живописи, ваяния и зодчества на скульптурное отделение П. П. Трубецкого. Но, успешно овладев навыками скульптора, даже удостоенная малой серебряной медали за одну из работ, Наталья, выйдя из училища в 1909 г., к скульптуре больше не обращалась, всецело посвятив себя живописи. Смолоду в ее работах обнаружилось стремление к декоративности, яркой красочности и в то же время монументальности образов.

В училище Гончарова познакомилась со своим будущим мужем, учеником К. Коровина и будущим художником-модернистом Ларионовым. С тех пор они были вместе и в творчестве и в жизни.

Начав выставочную деятельность довольно рано – еще в 1906 г., художница открыто провозгласила свой радикализм, как в искусстве, так и в жизни. Она шокировала московскую публику и небрежной одеждой, и нескрываемым сожительством с Ларионовым, появлялась в скандальных фильмах и спектаклях, публиковала эпатирующие манифесты. Ее искусство было пропитано фантазиями родной земли, мистическими религиозными мотивами, изображением примитивного крестьянского быта и особенностей человеческого тела.

Живопись Натальи в то время была не только в высшей степени декоративна, но и чрезвычайно темпераментна. В 1907 г. произошел поворот в сторону примитивизма в живописи и у Ларионова, и у Гончаровой. Именно в примитивистский период раскрылась индивидуальность Гончаровой как живописца. С этого момента отчетливо обозначились принципиальные различия в

творческих позициях двух мастеров и особенности их эстетических устремлений. Михаила стал интересовать городской фольклор, в его работах была ощутима игровая стихия, Наталью влекло традиционное крестьянское искусство, в ее творчестве не было места иронии. Она всецело сосредоточилась на постижении внутренней сущности народного творчества, его монументальности и глубины.

По окончании обучения Наталья преподавала в подготовительной школе Московского училища живописи, ваяния и зодчества и входила в общество бунтующей молодежной богемы «Бубновый валет».

В 1910-х гг. Гончарова создала ряд произведений на религиозные сюжеты, вызвав праведный гнев московской публики. Нет ничего удивительного в том, что Наталья становилась жертвой враждебных выпадов и очернительства прессы после каждой выставки. Полиция регулярно конфисковывала выставленные ею картины как богохульные и порнографические. Эта участь постигла картину «Бог плодородия» и четырехчастный цикл «Евангелисты».

Влиятельный критик писал: «Ее творчество какое-то полосатое – полоска импрессионизма, полоска примитивизма, полоска кубизма». Добавим сюда щедро заплаченную дань модной тогда экзотике – китайской, еврейской, кавказской. Перепевы малых голландцев, иконы, лубка. Откровенные заимствования у Сезанна, Лотрека, Матисса, неизжитый символизм.

Ларионов подвел философскую базу под это неистовое ученичество и назвал его нелепым словом «всечество», от слова «все», которое открывало путь к использованию любых традиций, толкуя историю мировой художественной культуры как предмет для заимствований и новых интерпретаций.

1911 г. стал кульминационным в живописном творчестве Гончаровой. Она достигла наибольшей работоспособности и мастерства. Диапазон ее сюжетных пристрастий стал до такой степени разнообразен, как, пожалуй, ни у одного другого художника ее круга. Проявила она себя и как талантливый иллюстратор. Одной из первых в среде европейских художников Гончарова использовала в оформлении книги технику коллажа. К примеру, на обложке сборника «Мирконца», вышедшего в 1912 г., был наклеен вырезанный из золотой тисненой бумаги цветок. На каждом экземпляре книги он выглядел совершенно иначе.

В следующем году группа русских художников отделилась от известного объединения «Бубновый валет» и организовала две своих выставки (в Москве и Петербурге), известные как «Ослиный

хвост». Такое эпатирующее по тем временам название получила и сама группировка во главе с Ларионовым, в которую вошли также Гончарова, Малевич, Шагал и др. Название должно было подчеркнуть бунтарский характер участников.

Некоторые из них (Ларионов и Гончарова) стали «лучистами», обратившись к традициям русской иконописи и лубка, но большинство образовало течение, названное «кубофутуризмом», которое оказалось близким западноевропейским модернистским направлениям. «Яркие живописные дарования Ларионова и Гончаровой, – вспоминал П. Кончаловский, – естественно делали их нашими союзниками, но в отношениях к искусству у нас была большая разница… группа Ларионова, Гончаровой и тогда уже мечтала о славе, известности, хотела шумихи, скандала».

Идею «лучизма», одного из первых теоретических обоснований беспредметного искусства Михаил выдвинул в 1912 г. Она была с энтузиазмом подхвачена Натальей и разработана ею на практике. Значительным, во многом итоговым событием в ее творческой судьбе явились две персональные выставки, прошедшие в Москве и Петербурге в 1913–1914 гг. Именно на них демонстрировалось знаменитое, динамичное футуристическое полотно Гончаровой «Велосипедист», в композицию которого очень естественно и органично вошли вывески, мимо которых проезжал герой картины.

С началом Первой мировой войны Наталья работала над созданием альбома литографий «Мистические образы войны» в традициях древнерусской иконописи и лубка. В это время она входила в художественное объединение «Мир искусства» и увлекалась театром – была ведущим декоратором антрепризы С. Дягилева. Вместе с Ларионовым, который едва оправился от фронтового ранения, она принимала участие в «Русских сезонах» в Париже в 1914 г. Тогда же состоялась их совместная выставка. Аполлинер в своей рецензии отметил, что художники принесли «утонченность лучизма не только в русскую, но и в европейскую живопись», что некоторые из произведений, показанных на Парижской выставке, «можно считать вошедшими в арсенал современного искусства».

Собственно, мировая слава Гончаровой – это слава театрального декоратора, которую принес спектакль «Золотой петушок» на музыку Н. А. Римского-Корсакова, поставленного Фокиным в парижской Гранд Опера. Это был оперно-балетный спектакль, где певцы-солисты, восседая на лавках по краям сцены, создавали раму для балетного действия, разворачивавшегося на фоне живописных декораций Натальи. Горевшие чистыми

радостными красками, сказочно-затейливые и веселые, доморощенно-грубоватые и наивные, они соответствовали угловато-стилизованным пляскам мужиков, баб и воинов в хореографии Фокина.

Декоративность всегда была самой сильной чертой Гончаровой-художника. Что бы она ни делала, получалось красиво, легко и мощно – хоть живопись, хоть скульптура, хоть книжные иллюстрации, хоть модные картинки.

После парижского лета Наталья по приглашению Дягилева уехала в Швейцарию, затем перебралась в Италию. С 1918 г. она постоянно жила в Париже. В России не только о ней не забыли, но и внесли ее в список художников, чьи работы предполагалось закупить для создаваемого Музея художественной культуры – первого в мире музея авангардного искусства, просуществовавшего до 1926 г. В 30-х гг. имя Гончаровой, как и многих других русских художников-авангардистов, было изъято из истории русского искусства. Вспомнили об этой «амазонке» русского авангарда спустя достаточно продолжительный срок.

Более 50 лет прожила знаменитая «авангардная пара» в Париже, в причудливом старинном доме, из окон которого можно было любоваться крышами города. Часто посещавшая их дом Марина Цветаева вспоминала, что Гончарова жила и творила очень гармонично: «Как работает Наталья Гончарова? Во-первых, всегда, во-вторых, везде, в-третьих, все… Такое же явление живописи, как явление природы». Творческий облик художника Гончаровой позднего периода жизни в основном определялся работой в театре. Активно выступая на поприще театрально-декорационной живописи, она не оставляла и станковой. Писала натюрморты, создала серию «испанцы», ряд композиционных портретов. Продолжала тенденции предреволюционного творчества, постепенно отказываясь от лучистских и футуристических экспериментов.

Хотя вскоре после переезда в Париж семейный союз Гончаровой и Ларионова распался, они сохранили дружеские отношения до конца своих дней, а в 1950 г. даже официально оформили брак, чтобы таким образом сберечь совместное творческое наследие.

В последние годы Наталья почти не могла работать из-за артрита и очень страдала от этого. Превозмогая боль, она двумя руками сжимала карандаш, чтобы сделать хотя бы небольшой рисунок. 17 октября 1962 г. Гончарова умерла в Париже, а через два года скончался и Ларионов.

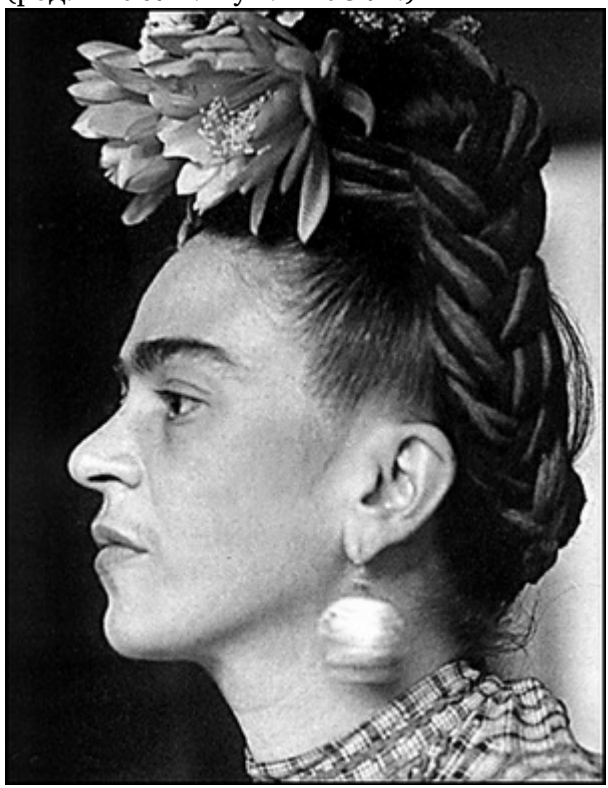
В 1910-х гг. у них была репутация отчаянных авангардистов, смущавших публику скандальными выходками, дерзкими

манифестами и рекламными трюками. Наталья расписывала красками свое лицо и лица друзей, и так они гуляли по Москве. Михаил проектировал ввести моду на татуированные мужские ноги и дамские груди (сбылось, между прочим). Современники Гончаровой, однако, вспоминали застенчивую, серьезную, странно или плохо одетую, невероятно трудолюбивую женщину (за 15 лет она ухитрилась сделать около 800 работ). Но тихоней, конечно, она не была.

«Мною пройдено все, что мог дать Запад… Теперь я отряхаю прах от ног своих и удаляюсь от Запада, считая его нивелирующее значение весьма мелким… Искусство моей страны несравненно глубже и значительней… Источник вдохновения Запада – Восток и мы сами… Пускай мой пример и мои слова послужат хорошим уроком для тех, кто поймет их настоящее значение». Эти запальчивые слова – из манифеста Гончаровой, написанного для персональной выставки 1913 г.

КАЛО ФРИДА

Полное имя – Магдалена Кармен Фрида Кало-и-Кальдерон (род. в 1907 г. – ум. в 1954 г.)



Знаменитая мексиканская художница, творчество которой проникнуто духом «наивного искусства», ключевая фигура арт-феминизма, автор почти 200 картин, половина из них автопортреты. «Дневник и переписка Фриды Кало» изданы факсимильно (1995 г.).

«Порой я спрашиваю себя: не были ли мои картины скорее произведениями литературы, чем живописи? Это было что-то вроде дневника, переписки, которую я вела всю жизнь… Мое творчество – самая полная биография, которую я смогла написать». Неумолимая судьба забрала у Фриды Кало здоровье, но не сломила дух, и предопределила все в ее жизни – «от

живописи до умения любить». Художница писала: «Страстное желание выжить породило большую требовательность к жизни. Я очень много ждала от нее, каждую минуту осознавая, что я могу все это потерять. Для меня не существовало полутонов, я должна была получить все или ничего. Отсюда эта неутолимая жажда жизни и любви».

Имя Фрида, что по-немецки означает «мир», дал ей отец Гильермо (Вильгельм) Кало, венгерский еврей, приехавший из Германии в Мексику в поисках лучшей доли. Здесь он приобрел известность как фотограф, женился на Матильде Кальдерон-и-Гонсалес, которая родила ему четырех детей. Для своей большой семьи Гильермо построил огромный «голубой дом» – дом цвета мечты – в пригороде столицы, в Кайокане. В нем 6 июля 1907 г. и родилась Фрида. Она росла порывистой, по-мальчишечьи непоседливой и независимой. Любознательная девчушка часто сопровождала отца на съемки и с удовольствием наблюдала за его работой.

Фриде исполнилось семь лет, когда она перенесла полиомиелит: правая ступня атрофировалась, нога стала тоньше и короче. Мужественная маленькая девочка, превозмогая боль, усиленно тренировалась и уже через год гоняла с мальчишками в футбол и даже сколотила уличную банду, которая обносила сады и пакостила вредным учителям. Пара лишних чулок на правую ногу – и практически ничего не заметно. А вот непрекращающаяся, изматывающая боль – она научилась жить с ней. Никаких слез на людях и муки на лице. Вскоре все забыли, что когда-то дразнили ее «Фрида – деревянная нога».

Девочка превратилась в стройную красавицу с глубокими черными глазами под густыми, сросшимися бровями и роскошными черными волосами. Всегда приветливая, улыбающаяся, Фрида притягивала внимание тем скрытым очарованием, которое целиком проявилось, когда она превратилась в женщину. Девушка не зациклилась на своей ущербности, не комплексовала и, может быть, поэтому в нее влюбился самый привлекательный и умный юноша из Национальной подготовительной школы, Алехандро Гомес Ариас. Фрида поступила в нее в 1922 г., выдержав серьезный экзамен. Она готовилась стать врачом. Это было неслыханным делом для мексиканской женщины. Но знавшие Фриду уже давно поняли, что этой умной девушке все по плечу, и жизнь свою она построит так, как сама захочет, без оглядки на чужое мнение.

17 сентября 1925 г. Фрида и Алехандро, оживленно болтая, втиснулись в переполненный автобус, который спустя несколько минут был протаранен трамваем. Юноша не пострадал, а

Фрида… Врачи не оставляли никаких надежд. «Перелом четвертого и пятого поясничных позвонков, три перелома в области таза, одиннадцать переломов правой ноги, вывих левого локтя, глубокая рана в брюшной полости, произведенная железной балкой, которая вошла в левое бедро и вышла через влагалище. Острый перитонит. Цистит…»

Фрида выжила. Чего ей это стоило, знала только она. Чужую боль не измерить. Сестре Матильде пришло в голову приделать к «скучной» кровати Фриды балдахин, да еще и закрепить на нем зеркало, чтобы она могла видеть себя. «Зеркало! Палач моих дней, моих ночей… Оно изучало мое лицо, малейшие движения, складки простыни, очертания ярких предметов, которые окружали меня. Часами я чувствовала на себе его пристальный взгляд. Я видела себя. Фрида изнутри, Фрида снаружи, Фрида везде, Фрида без конца…»

Девушку безудержно потянуло рисовать, и она стала своей единственной моделью. Первый автопортрет был подарен Алехандро, которого родители отправили подальше – в Европу – от искалеченной любимой. Когда он вернулся в 1927 г., Фрида уже была на ногах и самостоятельно серьезно занималась живописью. Авария словно раскрыла творческие родники подсознания. Она работала упорно и сосредоточенно, столько, сколько выдерживало тело. Кал о начала посещать художественные кружки и многолюдные вечеринки, привлекая к себе внимание не столько экстравагантным мужским костюмом, который скрывал корсет и деформированную ногу, сколько неукротимой жизненной силой.

С Алехандро теперь Фриду связывала исключительно дружба, хотя его женитьба стала крушением первой любви и больно отозвалась в девичьем сердце. Но на пороге уже стояло новое чувство, взявшее в плен женщину до конца жизни. Диего Ривера, прославленный художник-монументалист, всегда был окружен толпой поклонниц, хотя был очень толст и некрасив. Фрида помнила его еще по подготовительной школе, где он расписывал амфитеатр. Она часами просиживала в уголке, следя за его работой. А как-то в шутку заявила друзьям: «Я обязательно выйду замуж за этого мачо и рожу ему сына». Теперь Кало обратилась к нему как к художнику, чтобы услышать откровенное мнение о своих работах. «Продолжайте. Ваша воля приведет вас к собственному стилю», – сказал он, с удивлением рассматривая ее автопортреты. Какое-то неповторимое чувство духовного и творческого родства потянуло Риверу к молодой женщине.

21 августа 1919 г. 22-летняя Фрида и 43-летний Диего поженились. Спустя годы Кало скажет об этом событии: «В моей

жизни было две аварии: одна – когда автобус врезался в трамвай, другая – это Диего». Союз «голубки и слона» казался многим странным и загадочным, но для Фриды он был священным союзом любви.

В жизни Кало не существовало полутонов. Она целиком отдавалась чувствам. В этом и была тайна ее магической стойкости и притягательности. Несмотря на мучительные физические страдания, закованная в корсет женщина искрилась юмором и могла хохотать до изнеможения. Но оставшись наедине с кистью, она была до конца откровенной. Ни одной улыбки на десятках автопортретов – «Моя жизнь – это серьезная история». Боль и любовь, потери и творческие взлеты – все запечатлено в картинах. Фрида так мечтала о ребенке, но страшная травма не позволила иметь детей. Три беременности – настоящий подвиг при ее физическом состоянии – закончились выкидышами. Вся безутешность откровенно запечатлена в картинах. «Впервые в истории искусства женщина выразила с абсолютной откровенностью, так обнаженно и, можно сказать, со спокойной свирепостью то общее и частное, что присуще женщине», – писал Ривера. Но он не оплакивал вместе с женой потерю детей, не чувствуя в них потребности. От двух жен и любовницы у него было три дочери, которыми он никогда не интересовался. Для Фриды же это было крушением еще одной мечты, трагедией. В ее картинах появляются дети, но чаще всего мертвые. И хотя большинство натюрмортов и пейзажей пронизаны солнцем и светом, а последняя работа называется «Да здравствует жизнь!» (ее жизненное кредо), картины 30-х гг. проникнуты болью, отчаянием и страшной символикой безысходности. На металлической пластине «Госпиталь Генри Форда» (1932 г.; художница рисовала на жести, дереве и холсте) Фрида лежит обнаженная на больничной железной кровати. Живот вздут, волосы растрепаны, слезы заливают лицо, кровь – белую простыню. Она держит в руке шесть нитей, объединяя шесть символов: улитку, зародыш мальчика, свой живот, странную металлическую машинку, орхидею и тазобедренные кости. Вместо больничной стены – на горизонте промышленный город.

Символика Кал о опирается на национальную древнюю индейскую мифологию, которую она блестяще знала. Ее работы проникнуты духом «наивного искусства» доколумбовского периода. Фрида изображала себя в национальной мексиканской одежде, которую очень полюбила после свадьбы, в окружении животных, растений и предметов («Автопортет с обезьянкой и пластиной на шее», «Автопортрет с ожерельем из шипов и колибри», «Мое рождение»). Иногда она рисовала у себя на лбу и

груди лица людей и события своей жизни («Думая о смерти», «Диего в моих мыслях»). Везде яркие краски, отсутствие перспективы, четкие силуэты и детали, в которых прослеживаются традиции мексиканского магического реализма («Раненый олень»).

В некоторых работах проявляется доля жестокости, излишней откровенности чувств и бесстыдства («Мое рождение»), потому что Фрида всегда называла вещи своими именами («Портрет Дороти Хейл»). По словам Риверы, она «ни разу ничего не преувеличила, не изменяя точным фактам, сохраняя глубокий реализм, извечно присущий мексиканскому народу и его искусству, даже тогда, когда она прибегает к аллегориям, доводя их до космогонического обобщения». Творчество Кало с конца 30-х гг. стало привлекать внимание коллекционеров, а ноябре 1938 г. в Нью-Йорке состоялась выставка из 25 картин, половина из которых была куплена. Фрида произвела фурор не только своим искусством, «суровым, хрупким и твердым, как сталь, и тонким и нежным, как крылья бабочки, восхитительным, как улыбка ребенка, и жестоким, как горечь жизни» (Ривера), но и умом, характером, манерами, жизнелюбием. Ее картины покорили не одних американцев. В январе 1939 г. перед ней склонился Париж. Андре Бертон, «отец сюрреализма», организовавший выставку «Вся Мексика», причислил Фриду к своему лагерю. Но она категорически отказалась войти в «компанию интеллектуальных сукиных детей», которые «расчистили дорогу всем гитлерам и Муссолини», отвергая их искусство как европеизированное и наносное. Всех поразила уникальность и загадочность яркой и обаятельной женщины. Знаменитая модельер Эльза Чапарелли (Скьяпарелли) создала «платье синьоры Риверы» и духи «Шокинг», а на обложке журнала «Вог» появилась рука Фриды, унизанная оригинальными кольцами. Картины Кало были высоко оценены (одну купил Лувр) и, потрясенный напором живописных чувств, Пабло Пикассо писал Диего: «Ни ты, ни Дерен, ни я не в состоянии написать такое лицо, какие пишет Фрида Кало».

Говорить об этом Ривере не было необходимости. Он лучше всех понимал творчество жены, их объединяли общность взглядов на общество (оба вступили в компартию) и искусство. А вот семейная жизнь разваливалась. «Лупоглазому Пузану» было мало любовниц-натурщиц, и он совратил младшую сестру Кало, Кристину. Простить этого она уже не могла. Состояние «холодной войны» затянулось на годы, и Фрида тоже стала допускать вольности. Американский скульптор Исаама Ногучи, мексиканский поэт Карлос Пеллисер, американский фотограф

Николас Мюрей и коллекционер живописи Хайнц Берггрюэн были покорены магией этой раскованной женщины. Кало приписывали и лесбийские пристрастия (Полетт Годар, Долорес Дель Рио, Тина Модотти), хотя ни в воспоминаниях друзей, ни в многочисленных письмах и дневнике Фриды ни о чем подобном не упоминается. Но самым известным романом Фриды стала любовная связь с изгнанным из СССР Львом Троцким. Сведения об интрижках жены доходили до Диего в последнюю очередь. Изменять было его привилегией. Но если бы он вовремя узнал о нежной страсти престарелого Троцкого к своей жене, то, как считают историки, Сталину не пришлось бы прибегать к услугам Р. Меркадера. Ривера сам бы «свершил правосудие».

Фрида и Диего не всегда могли быть вместе, но никогда – врозь. В 1939 г. они развелись, а в декабре 1941 г. вновь поженились, чтобы уже не расставаться. Здоровье Кало стремительно ухудшалось. Все чаще она попадала на хирургический стол: в 1951 г. перенесла семь операций, а за всю жизнь 32. Картина «Сломанная колонна» (1944 г.) стала аллегорией ее невыносимых страданий. Диего как-то сказал, что Фрида – «единственный художник в истории искусства, который разорвал свою грудную клетку и сердце, чтобы раскрыть биологию своих чувств».

Кало все реже покидала свой любимый «голубой дом». Здесь она проводила и занятия с учащимися художественной школы «Эсмеральда», в которой преподавала с 1942 г. «Дом цвета мечты» был не обычным жилищем, он напоминал музей. Фрида с Диего всю жизнь собирали произведения искусства доколумбовской эпохи. В саду разместились каменные идолы и животные, индейские маски. В доме царили предметы древних мексиканских культов и народных промыслов: куколки, яркие национальные платья ручной работы, шали, украшения, в которые она так любила наряжаться. Фрида передвигалась по дому и саду в инвалидной коляске, радовалась ученикам и гостям, дорожила каждой минутой, которую она могла посвятить искусству. Но после ампутации из-за гангрены правой ноги духовные силы покинули измученное тело. Фрида устала бороться с болью. В депрессивном состоянии она несколько раз пыталась уйти из жизни и однажды чуть заживо не сожгла себя. В самые отчаянные минуты рядом всегда оказывался Диего, не представляющий жизни без любимой им женщины.

13 апреля 1953 г. в прекрасной галерее Лолы Альварес в Мехико состоялась ретроспективная выставка работ Кало. Даже находясь в больнице, Фрида не могла пропустить такое событие. Под вой сирены «скорой помощи» художницу внесли в зал и

уложили на ее знаменитую кровать с балдахином. Это было поразительное зрелище: Фрида, судорожно пытающаяся через боль улыбнуться окружившим ее людям, и десятки суровых, строгих Фрид на картинах. Больше работать Кало не могла, и это сильно тяготило ее. 13 июля 1954 г., после тяжелого воспаления легких, художница скончалась.

«Надеюсь, что уход будет удачным, и я больше не вернусь», – такова ее последняя дневниковая запись. Но такая сильная женщина не могла уйти бесследно. В 1980–1990-х гг. в связи с бурным расцветом культурологического феминизма творческое наследие Кало выдвинулось на авансцену современного искусства. Ее произведения оцениваются в миллионы долларов. «Голубой дом» превращен в музей и никогда не пустует. Жизни Фриды посвящены десятки романов и искусствоведческих работ, на эту тему поставлены драматические и оперные спектакли. В 2002 г. о ней вышел художественный фильм, в настоящее время снимаются еще два. Бурный интерес к личности художницы перерос в настоящую «фридоманию», а представители творческой богемы создали новую религию «калоизм» и молятся у «алтаря Фриды». Но смогут ли они возложить на него что-либо достойное этой истинной женщины, которая жила, влюблялась и творила без оглядки на окружающих?..

Королевы спорта

ЛАТЫНИНА ЛАРИСА СЕМЕНОВНА

(род. в 1934 г.)

Советская гимнастка, Заслуженный мастер спорта, Заслуженный тренер СССР. Абсолютная чемпионка олимпийских игр 1956 и 1960 гг. Награждена 18 олимпийскими медалями, из которых 9 золотых, 5 серебряных, 4 бронзовых. Восьмикратная чемпионка мира, многократная чемпионка Европы и СССР. Тренер олимпийской команды гимнасток в 1968, 1972 и 1976 гг.

Весной 1958 г. на прием к маститому киевскому гинекологу А. Лурье пришла известная гимнастка Лариса Латынина, собиравшаяся стать мамой. «Вы планировали выступать в июле на чемпионате мира? – поинтересовался профессор. – Вот и выступайте. Только никому ни слова. Начнутся комиссии, советы.

В гимнастике я разбираюсь плохо, но в балете известен как повивальная бабка. Думаю, ребенок родится здоровым, мама будет счастлива, а профессор – доволен». На этих соревнованиях 23-летняя спортсменка завоевала 4 золотые медали и стала абсолютной чемпионкой мира.

Кроме Латыниной, получить столько же золотых олимпийских наград за всю спортивную карьеру удалось только финну Пааво Нурми, за что ему на родине был установлен памятник. По количеству завоеванных медалей гимнастка не имеет равных в 100-летней истории Олимпиад, а ее имя внесено в Книгу рекордов Гиннесса.

Лариса родилась 27 декабря 1934 г. в Херсоне. Когда началась война, ее отец, Семен Андреевич Дирий, ушел на фронт. «Войну я никогда не забуду, – вспоминала впоследствии прославленная гимнастка. – И не забудет ее никто из моего поколения. Тысячи бед принесла она нам. И нет среди семей моих сверстников ни одного, которого бы ни опалили частые неразборчивые молнии военной грозы. Где-то в районе великой Сталинградской битвы, в земле, усеянной осколками и пропитанной пороховой гарью, похоронен мой отец».

На долю маленькой Лоры и ее матери Пелагеи Анисимовны Барабанюк выпали нелегкие годы вражеской оккупации и послевоенной разрухи. Чтобы прокормить семью, маме приходилось работать днем и ночью – уборщицей и истопником. Тем не менее ее непоколебимый принцип – дочка должна воспитываться не хуже, чем у людей, – действовал при любых обстоятельствах.

Мировая спортивная гимнастика должна быть благодарна случаю, что Лариса не стала балериной – в родном Херсоне после уроков в школе она прилежно занималась в хореографическом кружке, но он быстро закрылся, а балетного училища, о котором мечтала складная, бойкая девчонка, в городе не было.

Не удалось ей проявить и свои великолепные вокальные данные. Ее первый тренер в гимнастике Михаил Сотниченко пришел к руководителю хора, куда хотела поступить его юная способная подопечная, и упросил: «Скажите, что нет у нее ни слуха, ни голоса – ничего нет». Так и получилось. Услышав: «Нет, милая, для хора ты не подходишь», девочка вернулась домой.

Гимнастика все больше входила в ее жизнь. В 1950 г. Лора выполнила первый разряд и в составе сборной команды школьников Украины отправилась на всесоюзное первенство в Казань. Однако выступление сложилось неудачно: юная гимнастка получила ноль на перекладине и долго потом переживала, в одиночку заливаясь слезами. Именно тогда она

усвоила одно твердое правило: смейся со всеми, плачь в одиночку.

После Казани Лариса тренировалась с удвоенной энергией и уже в 9-м классе выполнила норматив мастера спорта. В Херсоне на городском стадионе ей торжественно вручили значок и удостоверение. Она стала первым мастером спорта СССР в своем родном городе. В 1953 г. Лора окончила школу с золотой медалью и собралась ехать в Киев поступать в политехнический институт. Почти одновременно из Москвы ей прислали вызов на всесоюзный сбор в Братцево, где готовилась сборная команда страны, выезжающая на Всемирный фестиваль молодежи и студентов в Бухарест. Решающие контрольные отборочные соревнования она прошла достойно и вскоре получила заветный синий шерстяной костюм с буквами «СССР».

В столице Румынии были выиграны первые в спортивной карьере Ларисы Дирий золотые медали на соревнованиях международного масштаба.

В Киеве студентка электротехнического факультета политеха продолжала тренировки под руководством заслуженного тренера СССР Александра Мишакова. Из простого увлечения гимнастика перерастала в дело жизни. Ей все яснее становилось, что надо избирать путь, где будущая профессия будет связана со спортом. А когда это стало очевидным, она перешла учиться в Институт физической культуры.

Так раскладывала судьба свой пасьянс, по которому мировой спорт «приобрел» в итоге самую титулованную гимнастку XX в. «Иногда я начинаю подсчитывать все свои спортивные награды, – смеялась Лариса, – так запутываюсь где-то между цифрами 140 и 150. Меня подчас спрашивают: «Какая из медалей вам особенно дорога?» Конечно же, нельзя забыть о первой, это долгожданное счастье. Ну и, верно, последняя – знак скорого расставания с активным спортом. Не могу не сказать о наградах чемпионата мира 1958 г. Тогда на помосте я думала не столько о призах и возможном месте в таблице, сколько о том, что у меня скоро должен родиться ребенок. И через пять месяцев появилась Татьяна. Когда Таня была маленькой, и к нам приходили гости, она любила показывать эти награды и говорила: «Это наши с мамой медали, мы их вместе завоевали…»

Во время Олимпийских игр 1964 г. «Таймс» писала: «В жизни каждого человека бывает несколько моментов такой красоты, которая вызывает слезы и стеснение в груди. Это может быть закат в горах, картина, какой-нибудь музыкальный отрывок, это может быть один из тех редких моментов, когда спорт внезапно становится формой искусства.

Один такой момент мы испытали здесь, в Токио, когда Латынина очаровала нас своими вольными упражнениями. В этот момент она была не просто великолепной гимнасткой. Она была воплощением молодости, красоты и блеска… В памяти остается Латынина. Сейчас ей 29 лет, возможно, мы уже никогда не увидим ее такой. Но именно такие моменты, как те, которые она нам дала в этот вечер, порождают вечные надежды».

И по сей день Лариса остается единственной гимнасткой, которой удалось выиграть золотые медали в вольных упражнениях на трех Олимпиадах подряд – в Мельбурне (1956 г.), в Риме (1960 г.) и в Токио (1964 г.), – и единственной за всю историю Олимпийских игр обладательницей 18 олимпийских медалей, из которых 9 – золотые.

В 1966 г., на ее последнем в качестве гимнастки чемпионате мира 32-летняя Латынина была рядом с совсем молодыми Ольгой Карасевой, Зиной Дружининой, Наташей Кучинской, Ларисой Петрик. «Это же наша мама, – говорила тогда Карасева. – Она добрая и внимательная, но и сердиться умеет, особенно когда мы с девчонками втихомолку едим мороженое. Думаю, что Ларисе Семеновне бывает очень грустно. Наверное, это ее последний чемпионат…»

Да, это был ее последний мировой турнир. А потом пришла пора нового взлета легендарной чемпионки: Латынина стала старшим тренером женской сборной СССР и десять лет была на этом посту. Под ее руководством спортсменки трижды выиграли золотые медали Олимпиад 1968, 1972 и 1976 гг. Именно в это время Латынина и ее помощники создавали гимнастические шедевры Ларисы Петрик, Эльвиры Саади, Нины Дроновой, Людмилы Турищевой, Ольги Корбут – достойнейших учениц и наследниц великой Латыниной.

И все это «золотое десятилетие» Лариса отстаивала в гимнастике ее главные, непреходящие ценности – красоту, женственность, лиризм. Она следовала этим принципам всю жизнь, стараясь не дать восторжествовать гимнастике супертрюковой, жесткой, больше цирковой, нежели спортивной. Гимнастика души, гимнастика вдохновения была для нее превыше всего.

Но большой спорт – это нередко и большие интриги. Не миновала чаша сия и Латынину. После Монреаля ее стали обвинять в том, что она проповедует женственность, а нужны трюки, скорость и сложные элементы. В 1977 г., устав от незаслуженных упреков, Лариса подала заявление об уходе с тренерской работы: «Бороться было трудно, даже бесполезно. Но вот спустя годы смотрю выступления сегодняшних мастеров и

вижу, что возвращаются прежняя красота, изящество, гармония гимнастики. Значит, я была права, и сознание этого придает мне силы».

В течение четырех лет Латынина работала в оргкомитете «Олимпиада-80», где курировала подготовку и проведение соревнований по гимнастике. После привычной тренерской работы она осваивала новое для себя поприще: занималась вопросами строительства и оборудования гимнастических залов, обеспечения спортсменов формой и необходимым инвентарем, представляла оргкомитет на всех проводившихся в те годы крупнейших международных соревнованиях по гимнастике, в том числе на чемпионатах мира и Европы.

Затем она работала в Спорткомитете Москвы, на протяжении 10 лет была старшим тренером сборной команды столицы по гимнастике. С 1990 г. Латынина работала в Фонде милосердия «Физкультура и здоровье», в 1997–1999 гг. была заместителем гендиректора СП «Гефест». С 1991 г. и по настоящее время она – член бюро Союза спортсменов России.

И все же в Москве «бабушка русской гимнастики» бывает нечасто. Большую часть времени она вместе с мужем Юрием Фельдманом (он – один из руководителей электротехнической компании АО «Динамо», в прошлом мастер спорта по гонкам на треке) постоянно живет в своем имении близ подмосковного Семеновского. Это настоящая ферма – с коровой, козой, свиньями, овцами, кроликами, домашними собаками и котом…

«Мне нравится новая роль управительницы большого хозяйства, – говорит знаменитая российская спортсменка. – На склоне лет приятно жить на природе, заниматься полюбившимся делом. Всю жизнь, пока я выступала, тренировала, моталась по городам и весям, своим домом, квартирой заниматься было некогда. Теперь все по-иному, и я с радостью живу каждый день, благо рядом любимый муж, неподалеку дом дочери с двумя внуками. Думаю, что мы живем счастливо…»

За выдающиеся спортивные заслуги заслуженный работник физической культуры РФ Лариса Латынина награждена орденами Ленина, Дружбы народов, Почета, тремя орденами «Знак Почета» и медалями. Президент Международного олимпийского комитета Самаранч вручил Ларисе в 1991 г. серебряный орден МОК, ЮНИСЕФ наградила ее «Золотым камертоном». Ее имя внесено в уникальный список спортсменов в Нью-Йорке – «Холл Олимпийской славы». В 2000 г. на Олимпийском балу в номинации «Лучшие спортсмены России XX в.» Латынина была включена в эту великолепную десятку, а по опросу ведущих мировых спортивных журналистов, она была названа в числе 25

выдающихся спортсменов столетия.

СКОБЛИКОВА ЛИДИЯ ПАВЛОВНА

(род. в 1939 г.)

Знаменитая российская спортсменка, единственная в мире шестикратная олимпийская чемпионка по скоростному бегу на коньках, абсолютная чемпионка мира, десятикратная чемпионка СССР. В ее спортивной коллекции более 100 медалей. На протяжении 16 лет возглавляла федерацию по конькобежному спорту. Награждена двумя орденами Трудового Красного Знамени (1960, 1964 гг.) и серебряным знаком Олимпийского ордена (1983 г.). Президент Фонда социальной поддержки ветеранов спорта.

В обычной жизни королевский титул дается по праву наследования и не всегда заслуженно. А вот награждают званием

«королева» только необычайно талантливых и одаренных женщин. «Ледовой королевой» восхищенный мир признал симпатичную девушку с выбившимися из-под спортивной шапочки непокорными золотыми вихрами – Лидию Скобликову из маленького городка на Южном Урале со сказочным названием Златоуст.

Будущая звезда ледовой дорожки родилась 8 марта 1939 г. Детство Лиды и ее трех сестер и брата пришлось на тяжелые военные и послевоенные годы. Их отец, Павел Иванович, работал на заводе металлоконструкций, а впоследствии стал заместителем директора абразивного завода. Мать, Клавдия Николаевна, была домохозяйкой. Дружная четверка девчонок Скобликовых опекала друг друга и младшего Славика. Худенькая, маленького росточка Лида была «главной» егозой и непоседой, любила попроказничать и повеселиться. А еще она всегда умела постоять за себя: обидчик мог получить знатную трепку, но слез от девчонки не дождался бы.

Все сестры мечтали работать учительницами и поэтому проблем с учебой ни у кого не было. Благодаря прекрасному педагогу Б. Н. Мишину, открывшему Лиде дорогу в большой спорт, любимым уроком у нее стала физкультура. Она с увлечением занималась волейболом, легкой атлетикой (чемпионка области в беге на 800 м), спортивной гимнастикой и лыжами (II взрослый разряд). «Занозистое самолюбие» мешало Скобликовой плестись где-то в конце, и везде она достигала отличных результатов. Особых успехов Лида добилась в лыжном спорте. В городе шутили, что если лыжня свободна, то Скобликову никому не догнать – девочка принципиально не терпела чужой спины впереди. Ей нравилось нестись наперегонки с ветром. Силы и выносливости у нее хватило бы на троих, поэтому, не задумываясь над спортивными премудростями, она шла на штурм рекордов с веселым азартом и напористостью.

Особой любви к конькам Лида не испытывала: никакого раздолья, знай бегай да наматывай круги, пока не увидела у своей подруги блестящие длинные ножи «бегашей». Ей тоже захотелось иметь такие же, но в секции скоростного бега на коньках их выдавали только сдавшим на третий разряд. Ждать Лида не умела и поэтому без какой-либо подготовки, на одном энтузиазме, на первой же межшкольной спартакиаде перевыполнила норму второго разряда. Тренеры с восторгом и укором качали головами: руками машет, как мельница, техники ноль – коньки задевают друг друга, но боец!

Разряд разрядом, но постигать тайны голубого льда Скобликовой пришлось, как первокласснику азбуку. Оказалось,

что правильно зашнурованный ботинок – это целая наука. Первое время на ледовой дорожке ее спасали неукротимый темперамент и упорство. Не прошло и года, как Лида стала чемпионом города по скоростному бегу на коньках (1956 г.). Успешно окончив школу, она присоединилась к старшим сестрам, Валентине и Тамаре, поступив на отделение анатомии, физиологии и физической культуры Челябинского педагогического института. Тренеры секции конькобежцев Б. М. Лукин и Б. А. Кочин, увидев ее на тренировке, только руками развели: «Кому нужен такой бег?» Золотое правило – сначала точность, а затем скорость – давалось ей с трудом. Скобликовой хотелось нестись, лететь, но наставники были строги и неумолимы. «Поэзия ледовой дорожки» требовала отточенной техники и тактики бега, причем весьма отличной на разных дистанциях. Обычно спортсмены постигали это в течение 7–8 лет.

Нетерпеливой Скобликовой в первую очередь предстояло победить свою торопливость, а затем своих соперниц. Секундомер был неумолим: хромает техника – теряются секунды. Первыми ей покорились стайерские дистанции (1500 и 3000 м). Лидия научилась не суетиться и расчетливо распределять силы, преодолевать «мертвую точку» в дыхании и стремительно финишировать. В 1958 г. Скобликова, став мастером спорта и призером спартакиады РСФСР, вошла в десятку лучших конькобежцев страны. И чем выше результаты она показывала, тем серьезней становились соперницы – И. Воронина, В. Стенина, Т. Рылова.

С чемпионата мира в Свердловске (1959 г.) Скобликова привезла свою первую «бронзу» мирового значения. Но это была лишь прелюдия к ее ледовой симфонии. Как мощный стайер, она уверенно вошла в число лучших многоборцев мира, ни на день не ослабляя подготовки. Даже летом – кроссы, велосипед, ролики, гимнастические снаряды, толкание ядра, бег, а вместо отдыха – плавание, волейбол, пешие прогулки. И в результате – ошеломляющий результат на чемпионате мира в шведском Эстерсунде (1960 г.) – две золотые медали на дистанции 500 и 3000 м. «Обаятельная челябинская студентка» сделала серьезную заявку на победу на Олимпиаде в Скво-Велли (США, 1960 г.)

В тот год женский скоростной бег на коньках впервые был включен в олимпийскую программу, и Скобликова горела желанием победить. Она верила в свои силы и дважды поднялась на высшую ступень пьедестала почета, установив мировой рекорд на дистанции 1500 м и обогнав всех на свой любимой «трехкилометровке». Портреты веселой «русской молнии» заполнили первые полосы газет. Шквал восторга обрушился на

смущенную девушку – только она и Е. Гришин смогли добиться такого успеха на зимней Олимпиаде. Лидия была награждена орденом Трудового Красного Знамени. Слова «высоко держать знамя советского спорта» Скобликова и по сей день считает не пустозвонной фразой. Поднимаясь на пьедесталы, она испытывала гордость за свою страну, ведь «подготовкой спортсменов высокого класса занималось государство, которое было заинтересовано в наших победах и медалях».

1960 г. был поистине счастливым для Лидии. Скобликова успешно окончила институт, и ей предложили там же преподавательскую работу. А еще, спустя четыре года после знакомства, она соединила свою судьбу с сокурсником, легкоатлетом Александром Полозковым, мировым рекордсменом по спортивной ходьбе. Правда, долгое время их семейная жизнь больше походила на «первое свидание» между сборами и чемпионатами всех уровней.

Только после Скво-Велли Скобликова осознала, что ледовая дорожка лишь приоткрыла ей свои тайны. Лидия без амбиций олимпийской чемпионки снизила скорость на стайерских дистанциях, шлифуя технику. Она выработала свой стиль – легкий, изящный, летящий, безошибочный. Сознательная потеря нескольких «промежуточных» золотых медалей обернулась триумфом на чемпионате мира в Каруидзаве (Япония, 1963 г.). Ни жестокая боль в травмированном пальце, ни сильнейшая простуда, выжимавшая град слез, не помешали Лидии выиграть не только две стайерские дистанции, но и спринтерские на 500 и 1000 м. К четырем золотым медалям и лавровому венку абсолютной чемпионки мира потрясенные японцы добавили жемчужное ожерелье. Каждая его бусинка, добытая тяжелым трудом ловцов жемчуга, была сродни спортивным нагрузкам и победам «уральской молнии».

На Олимпийских играх в Инсбруке (Австрия, 1964 г.) Скобликова совершила практически невозможное: четыре раза гимн Советского Союза звучал в ее честь – вновь все медали высшей пробы легли в копилку «Золотой девушки России». Лидия доказала, что обладает неиссякаемым запасом моральных и физических сил, редким талантом. Адски трудной оказалась ее коронная дистанция, которая шла в последнем забеге. Лед стремительно таял и напоминал, по образному выражению Скобликовой, «мокрый сахар». Коньки погружались в него словно в трясину. Все внимание спортсменка сосредоточила только на одном – не упасть. Не надеясь на рекорд, она сражалась до последнего и победила! Скобликова чувствовала, что в этом забеге сожгла все нервы. «Королева беговой дорожки»,

«Уральский самородок» приобрела очередной титул «Царицы медалей»: восемь золотых медалей мирового значения из восьми возможных за один зимний сезон (1963–1964 гг.). Такое достижение можно только повторить, но не превзойти.

Скобликовой исполнилось всего 25 лет, но она приняла не по возрасту мудрое решение. Королева сошла с престола по своей воле. Это было мучительно трудно, но она поняла, что на ледовой дорожке в качестве спортсменки раскрылась полностью. У Лидии Павловны была профессия, семья, и она продолжала учебу – теперь уже на химико-биологическом факультете – и взвалила на свои плечи непростые тренерские обязанности. Не привыкшая к каким-либо компромиссам на беговой дорожке, Скобликова категорически не принимала сложных отношений большого спорта. Выручали ее безграничная доброта, бойцовский характер и необычайные человечные качества, о которых часто вспоминали друзья-соперники.

На протяжении 16 лет Лидия Павловна была бессменным Президентом федерации по конькобежному спорту. В 1983 г. Президент МОК Хуан Антонио Самаранч вручил «ледовой королеве» серебряный знак Олимпийского ордена за вклад в популяризацию олимпийских идеалов и выдающиеся достижения в спорте. Скобликова «не затерялась» в перестроечном и демократическом буме. Она стала кандидатом исторических наук, вырастила достойного сына (Григорий Полозков был старшим тренером сборной России по конькобежному спорту), а теперь с удовольствием «работает» дачницей и по совместительству бабушкой. Уважаемая «пенсионерка» также является Президентом Фонда социальной поддержки ветеранов спорта. Скобликова по сей день считает, что «людей надо уважать не только за их прежние заслуги, но и за то, что они делают сегодня. И особенно это относится к олимпийским чемпионам, у которых не бывает приставки «экс».

КУЛАКОВА ГАЛИНА АЛЕКСЕЕВНА

(род. в 1942 г.)

Российская лыжница. Заслуженный мастер спорта, 4-кратная олимпийская чемпионка, 9-кратная чемпионка мира, 39-кратная чемпионка СССР. Первая победительница Кубка мира по лыжным гонкам.

В 1972 г. в Ижевске был торжественно открыт монумент «Дружба народов», и в том же году, выиграв «золото» на двух дистанциях и в эстафетной гонке, лыжница Галина Кулакова стала абсолютной чемпионкой Олимпийских игр в японском городе Саппоро. Возможно, это совпадение и стало поводом для неофициального переименования памятника – в знак благодарности к знаменитой землячке его стали называть «Лыжами Кулаковой».

В Удмуртии есть еще одно место, которое решили связать с легендарной спортсменкой. Бывшую турбазу «Югдон» недавно начали перестраивать в республиканский лыжный комплекс ее имени. Но финансирование, как водится, выделили крайне недостаточное, так что запланированный там чемпионат России 2002 г. по лыжным гонкам проходил в неблагоприятных условиях.

Будущая олимпийская чемпионка родилась 29 апреля 1942 г. в деревне Степаново, в 30 км от Воткинска, в семье школьного учителя Алексея Николаевича Кулакова, уже погибшего к тому времени на фронте. Детство маленькой Гали было трудным. На руках у матери, Дарьи Арсентьевны, было девять детей, и девочка с пеленок была приучена к тяжелому труду. Едва закончив семилетку, она пошла работать на ферму телятницей, а потом стала дояркой.

Никто в ее большой семье не мог предположить, что она станет к сорока годам живой легендой отечественного спорта, добьется на лыжных трассах мира всего, о чем только можно мечтать настоящему спортсмену. Простая деревенская девушка благодаря неуемной энергии и поразительной трудоспособности смогла достичь вершин славы. Около полутора десятков лет, начиная с конца 60-х гг., она не знала себе равных на лыжне.

Ее стремительное восхождение к спортивным вершинам началось по чистой случайности. Однажды 22-летняя доярка гостила в Воткинске у сестры, которая и попросила ее пробежать вместо нее 3 километра на заводских соревнованиях. Результат настолько поразил судей, что удравшую с финиша Кулакову разыскали даже в ее родном селе и уговорили приступить к тренировкам. Так она встретила своего первого тренера и будущего мужа Петра Наймушина…

Галина могла стать олимпийской чемпионкой еще в Гренобле в феврале 1968 г. Откровенно говоря, невысокой, светловолосой шведке Тойни Густафссон там просто здорово повезло, поскольку Кулакова явно выигрывала пятикилометровую гонку. Она стремительно летела к финишу, опережая по времени соперницу. За пятьсот метров до финиша Галина проходила элементарный спуск и, что называется, потеряла бдительность. В конце спуска, на вираже, ее, как из катапульты, выбросило с лыжни. Она упала и потеряла несколько секунд. Позже выяснилось, что всего 3,2 секунды стоили ей победы. Газеты писали: «Это случайное падение лишило Кулакову золотой олимпийской медали». Она поначалу поддалась всем этим вздохам и причитаниям, чуть ли не рыдала… Действительно, Галина отлично бежала в тот день пять километров. Будто и не было перед этим изнурительной и

неудачной десятикилометровой гонки. Теперь она и «в мазь попала», и лидировала всю дистанцию, оставалось совсем немного, каких-то пятьсот метров. И вот этот спуск с легоньким поворотом…

Спустя несколько дней Кулакова получила «бронзу» в эстафете 3 по 5 километров. Не у многих так проходит олимпийский дебют: Галина привезла из Гренобля две медали. И все-таки было ей не очень весело: так нелепо упустила ту гонку!

На Олимпиаде 1972 г. в Саппоро три советские спортсменки – Галина Кулакова, Любовь Мухачева и Алевтина Олюлина – выиграли все золотые медали, которые разыгрывались на лыжне. Особенно успешным было выступление Кулаковой: 29-летняя лыжница из Удмуртии победила в обеих индивидуальных гонках, а вместе с подругами выиграла эстафету.

В Инсбрук Галина приехала уже первым номером. И хотя внезапная болезнь выбила ее из строя, но, несмотря на недомогание, Кулаковой удалось выиграть «бронзу» на десятикилометровой трассе. Тогда же прославленная лыжница оказалась в центре допингового скандала. Накануне старта она сильно простудилась: «Дышать не могла, не то что бежать»! Обратилась к врачу команды, тот посоветовал закапать эфедрин. И на следующий день Кулакова «попалась»: хорошо пробежала свою дистанцию, завоевала медаль, но допинг-контроль дал на ее пробу положительный результат… Международный скандал! Ни слезы, ни уверения не помогали – ведь эфедрин входит в «черный» список. Вина врача была очевидна, но олимпийские правила строги, и решение комиссии было оставлено в силе.

Через четыре года Кулакова вновь приняла участие в Олимпийских играх. На этот раз ей удалось стать только серебряным призером эстафеты.

В 1982 г. 40-летняя спортсменка завершила карьеру лыжницы. Спустя два года президент Олимпийского комитета Хуан Антонио Самаранч вручил ей серебряный Олимпийский орден за заслуги перед мировым спортом. А в 2000 г. Галину Алексеевну на общероссийском балу олимпийцев выбрали в число пятнадцати «Легенд отечественного спорта», внесших в уходящем столетии наибольший вклад в его развитие.

Когда ее спросили, сколько километров за двадцать лет в спорте она набегала, Кулакова ответила: «Наверное, раза три вокруг Земли обошла». И нелюбимых дистанций у нее не было: «Мне что 5 км бежать, что 30. Однажды на гонках в Сыктывкаре один из тренеров удивился, что я, стартовав в хорошем темпе на дистанцию 20 км, в том же высоком темпе и финишировала: нисколько не сбавила». Еще в большей степени достойно

удивления расписание тренировок Галины: «Самая большая дистанция у меня была летом, на старых лыжероллерах с надувными колесами, каждый из которых весил килограммов по пять, – за день я прошла 109 км. А зимой на лыжах – 84 км: утром после завтрака вставала на лыжи и пробегала 30 км; переодевалась, обедала и снова 30 км; после полдника – еще 24 км».

Сейчас королева лыжного спорта живет в поселке Италмас, в 10 км от Ижевска. Она не осталась в городе, потому что считает себя деревенским человеком: «Я очень не люблю Москву: шумный город. Предлагали еще в 1965 г. – я сразу отказалась. Где родился, говорят, там и пригодился, и бегать туда-сюда не надо никогда. Вот мы с Раисой Сметаниной так и поступили: остались жить на родине – она в Коми, я в Удмуртии. На родине совершенно другое к нам отношение, нежели бы мы жили в столице: там никто бы сейчас на нас внимания не обратил».

Место она выбрала случайно: заехала как-то к директору местного совхоза «Восточный» за мясом на свадьбу лыжницы Тамары Тихоновой, заодно и поинтересовалась – нельзя ли получить землю под строительство в поселке? С тех пор Галина живет в своем доме на опушке березовой рощи: «Мне очень нравится, в поселке ко мне относятся хорошо. Теплички вот на днях поправили, и уже кое-что растет…»

У нее свое хозяйство и даже собственный дом-музей. Накануне 60-летнего юбилея Кулаковой ей торжественно вручили ключи от музея, мысли о котором она вынашивала не один год: «Исполнили наконец мое заветное желание. Всегда мечтала о музее, чтобы могла показать детям, народу свои медали. Раньше приходилось в свой небольшой дом гостей приглашать, места всем не хватало. Пусть люди видят, чего я добилась в спорте, и стремятся к тому же».

За свою спортивную карьеру прославленная лыжница покорила немыслимые высоты. В ее коллекции 26 медалей чемпионатов мира и Олимпийских игр (13 из них золотые), 39 раз она поднималась на высшую ступень пьедестала на чемпионатах страны. Галина Кулакова награждена высшей спортивной наградой МОК и является первой обладательницей Мирового кубка по лыжам. 29 апреля 2002 г. Президент Удмуртии вручил Кулаковой орденский знак «Надежда нации» от имени Высшего совета комитета наград.

Еще 30 лет назад, на Олимпиаде в Саппоро, Галина мечтала, что будет счастлива, если сможет «после всех перелетов и странствий прийти к ребятишкам в школу, свою, Степановскую, показать им медаль и сказать: «Я была такой, как вы, и каждый из

вас может стать такой, как я». Она и сейчас считает себя счастливой, несмотря на то, что с мужем разошлась еще в конце 70-х гг.: «Много повидала, многого добилась в жизни. Хотя я и одна, но несчастной себя не чувствую – судьба моя такая. Всем довольна. А счастье мое заключается в том, что у меня много друзей».

РОДНИНА ИРИНА КОНСТАНТИНОВНА

(род. в 1949 г.)

Легендарная советская фигуристка. Трехкратная чемпионка Олимпийских игр (1972, 1976, 1980 гг.). Десятикратная чемпионка мира (1969–1978 гг.), одиннадцатикратная чемпионка Европы (1969–1978, 1980 гг.), шестикратная чемпионка СССР (1970–1971, 1973–1975, 1977 гг.). Занесена в Книгу рекордов Гиннеса как спортсменка, не проигравшая ни в одном турнире за всю карьеру. Тренер. Награждена орденами Трудового Красного Знамени (1972 г.), Ленина (1976 г.), «За заслуги перед Отечеством» III степени (1999 г.) и многими медалями. Автор книги «Негладкий лед» (1978 г.).

Легенда советского спорта Ирина Роднина, величайший мастер фигурного катания, как никто знает, сколько кропотливого труда, пота, травм, нервов, а порой боли и разочарований стоит за пышными титулами и громкой славой. Известна ей и горечь незаслуженного забвения, когда после того, как отгремят фанфары и стихнут аплодисменты, спортсмен вдруг резко может оказаться ненужным. И, не найдя себе места на родине, он вынужден искать счастья там, где умеют ценить мастеров своего дела.

Ирина родилась 12 сентября 1949 года в Москве. Ее отец, Константин Николаевич Роднин – полковник, и мать, Юлия Яковлевна – врач, прошли суровую школу войны. Их очень беспокоило слабое здоровье дочери, которая одиннадцать раз перенесла воспаление легких и состояла на учете в туберкулезном диспансере. В 1954 г. родители решительно привели свою болезненную девочку на каток в парке культуры имени Прямикова. Простое незамысловатое катание, безо всякой претензии на будущее мастерство, привило девочке любовь к конькам на всю жизнь и укрепило не только тело, но и дух.

Карьера многих мировых знаменитостей начинается с человека, который смог разглядеть талант с первых неуклюжих попыток. Для Иры таким человеком стал Станислав Алексеевич Жук, который, определив индивидуальность спортсменки словами «Подобных ей нет!», на долгие годы стал ее тренером. Мастер своего дела, он в то же время был человеком тяжелым и деспотичным. Ира надолго запомнила эпитеты, которыми он ее награждал, – «крокодил на коньках», «камень на шее общества»…

Чтобы выдержать такое давление вместе с выматывающими тренировками, надо было иметь поистине характер «железной леди фигурного катания», как ее именовали впоследствии. Ира с детства обладала обостренным чувством независимости и справедливости. Например, когда девочке было шесть лет, ей не хватило места за праздничным столом и родители приказали сесть за маленький столик отдельно от других. Это так ее задело, что, не долго думая, она ушла из дому. Только поздно вечером Иру нашли милиционеры и вернули домой.

Начинала Роднина кататься в одиночку, но Жук быстро понял, что ее будущее – это спортивное парное катание. Первым ее партнером был Алексей Уланов, стройный белокурый мальчик, до этого катавшийся в паре со своей сестрой. С ним она и выступила впервые на соревнованиях «Московские коньки» (1966 г.). Ирина и сейчас вспоминает, как растерялась при виде трибуны, как, выйдя на тренировку, падала (а в зале уже сидели

судьи и собирались зрители) и как Жук шептал им сквозь зубы что-то угрожающее. Их каскад прыжков приняли на «ура». А в общем публика оценила их так: «Бегают они быстро, но корявые какие-то, неаккуратные, все у них недоделано» (из книги отзывов). Но уже на следующий год, всех немало удивив, их пара выиграла это соревнование.

После успеха тренировки, проходившие на неровном льду под снегом, стали просто бешеными – по восемь часов. Тогда лидерами парного катания были Белоусова и Протопопов, а Жук мечтал их обогнать, утвердить свой стиль, отличный от классического. Для Иры же пределом желаний было выполнить норму мастера спорта. А возможность конкуренции со звездами, окруженными неким ореолом? Для нее это вообще казалось странным.

1968 год принес паре Роднина – Уланов третье место в чемпионате СССР. Это было просто шоковое состояние для девушки, не имеющей амбиций тренера. Она стояла через ступеньку от величайших спортсменов страны. Именно с того момента Ира начала смутно чувствовать, что перед ней лежит поистине фантастическая задача – стать лучшей в мире. Знала бы она тогда, что все только начиналось!

Однако взлет был настолько стремительным, что Ира чувствовала себя морально неготовой к своему первому чемпионату Европы в Вестеросе (1968 г.). Там были избранные, те, кого она только по телевизору и видела. Они так красиво катались на экране! И вдруг уже на первой тренировке она с удивлением заметила множество ошибок у ее конкурентов. Просто прошло время, и Ира смогла оценить чужую технику уже профессионально, а не взглядом новичка. И все-таки страх не прошел, наоборот, он усилился от сознания того, что у них есть шанс выиграть. В результате – всего пятое место и язвительные слова тренера-именинника: «Ну, спасибо, Иришенька, с днем рождения ты меня поздравила». Но не бывает худа без добра! Ира поняла просчеты и сумела трезво оценить свои силы.

На чемпионат Европы в Гармиш-Партенкирхене (1969 г.) Ира ставила очень многое. Она четко осознавала – скатится ниже третьего места – спортсменкой ей не быть. О победе Роднина даже не думала – она просто не знала, как посмотрит в глаза своему тренеру, если «опозорится». Напряжение перед выступлением было просто громадным… Но уже после первой части их программы музыки слышно не было – зал ревел от восторга. Их программа по сложности, скорости, скольжению и красоте исполнения была на порядок выше, чем у остальных пар. Роднина и Уланов, взорвав установившиеся годами каноны, стали

носителями нового, прогрессивного направления в фигурном катании. По окончании выступления их кинулись обнимать тренеры, кричали о победе, о каких-то медалях. Ошеломленная Ирина осознавала только то, что справилась.

Руководство Спорткомитета СССР тут же решило, что такая пара достойна представлять страну на чемпионате мира в Колорадо-Спрингс. И они вновь победили. Это были первые шаги Ирины Родниной в легенду. И как может не стать легендой человек, который с 1969 по 1978 г. неизменно был чемпионом мира и чемпионом Европы?

Напряженнейшая подготовка к Олимпиаде в Саппоро (1972 г.) проходила в тяжелой атмосфере. Алексей протестовал против стиля, навязываемого Жуком, – технически более сложного, но, по его мнению, менее художественного, и вовсе тренировался с прохладцей. К тому же он хотел танцевать со своей женой, известной фигуристкой Л. Смирновой. Ира поняла – вместе они сказали все, что могли. А потому был вынесен вердикт – после выступления тихо-мирно расстаться. Об этой Олимпиаде Роднина до сих пор вспоминать не любит – да, они взяли золото, да, эта победа увенчала самый стремительный взлет за всю историю фигурного катания, но в душе остался горький осадок – там недоработала, там комбинацию сорвала. Сказался раскол с партнером, к которому она была неравнодушна.

На чемпионате мира в Калгари (1972 г.) Ирину ждала проверка на прочность. Во время тренировки Уланов не удержал ее в поддержке (как говорили многие, не случайно). Множество ушибов, сотрясение мозга, внутричерепная гематома… О выступлении и речи быть не может. Но человек потому и Человек, что способен на подвиг. Роднина вышла на лед, и они стали четырехкратными чемпионами мира. Под шквал аплодисментов силы покинули фигуристку, и она рухнула на колени. Ее буквально унесли.

Начался короткий период сомнений и переживаний. Оставшейся без партнера Ирине казалось, что ей стоит бросить спорт, но тренерской практики у нее не было, как и высшего образования (позже она окончила институт физкультуры)… Куда идти? Пока она восстанавливалась после травмы, Жук подыскал ей нового партнера. Высоким, сильным «парнишкой» со смешной прической оказался еще никому неизвестный Александр Зайцев, танцевавший одиночником. Он оказался удивительно надежным и «совместимым» партнером. Ирина Роднина говорила: «Мне с ним было удобно кататься в паре. Я протягивала руку и не оглядывалась. Это потрясающее чувство! Не оглядываться. Даешь руку, а ее подхватывают. Всегда с тобой сила какая-то!»

У Иры началось «постоянное возбуждение, жажда действовать, и не просто действовать, а словно все время кому-то что-то доказывая». Буквально за девять месяцев они с Зайцевым освоили программу высочайшего класса (чего никто не ожидал) и «с лету» стали чемпионами СССР.

Впереди были новые достижения. 1973 г. ознаменовался двумя событиями – на чемпионате Европы за произвольное катание они получили десять высших оценок – 6.0. Это был наивысший результат за всю историю фигурного катания. И уже через месяц они проявили себя на чемпионате мира в Братиславе. Во время исполнения короткой программы из-за замыкания в радиорубке оборвалась музыка, но пара докаталась до конца под аплодисменты трибун. Потом оказалось, что их движения разошлись с мелодией всего на одну секунду. Всю эту ситуацию, как ни странно, Ира видела во сне…

В 1974 г. Жук и Роднина расстались. Ирина выросла и не могла больше работать как из-под палки (спустя много лет они встретились и все простили друг другу). Новым тренером пары стала Татьяна Тарасова – мягкая, тонко чувствующая музыку женщина. Роднина и Зайцев продолжали выигрывать все международные соревнования самого высокого ранга. Яркая, порывистая, целеустремленная Ирина и уверенно-спокойный, крепкий Александр были на ледовой арене единым целым. Но все же лидером в паре оставалась Роднина. После победы на Олимпиаде в Инсбруке (1976 г.) они поженились. Ирине этот брак позволил познать материнское счастье. Для измученного тренировками и травмами женского тела это было тяжелейшим испытанием – восемь месяцев постельного режима предшествовали рождению Александра-младшего (1979 г.). Но уже через два месяца Роднина вновь приступила к тренировкам. Рождение сына и возвращение на лед уже само по себе стоило золотой медали.

Последнее олимпийское золото Лейк-Плэсида (1980 г.) было омыто слезами Ирины, вошедшими вместе с ней в историю мирового спорта. Камеры крупным планом показывали, как плакала стоящая на пьедестале чемпионка. Когда ее спросили о причине слез, ответила, что это – из-за удивительной гордости за себя. Ее тут же толкнул в бок какой-то советский начальник, идущий рядом. Нужно было говорить о любви к Родине, а не выпячивать простые человеческие чувства, которые были понятны миллионам телезрителей всех стран и народов без всякого перевода.

После этой победы Роднина и Зайцев оставили большой спорт и ушли в профессиональный. Но еще долго у любителей

фигурного катания при звуках русской народной песни «Калинка» возникал образ стремительно летящей по льду Ирины в сложном сплетении каскадов прыжков, поддержек и дорожек шагов.

Но в жизни Родниной началась черная полоса. Она вдруг резко оказалась никому не нужной. Спортсменка стала работать в ЦК комсомола, потом старшим тренером в «Динамо», затем преподавала почасово в Институте физкультуры. Сразу появилась толпа злобствующих завистников, которых не было видно и слышно во времена ее звездного прошлого. От одного из тренеров она как-то услышала: «Позвездила? Ну а теперь черпай дерьмо вместе с нами…» Вместо работы Роднина получала холодное: «Займитесь лучше материнством». Но отношения в семье складывались непросто. Ирина и Александр замечательно подходили друг другу как партнеры на льду, но устоять в обыденной жизни без совместного увлечения для них оказалось гораздо сложнее, чем новичку на коньках. Вслед за спортивным распался и их семейный дуэт.

От полного разочарования в жизни спасла любовь, о которой многие женщины мечтают всю жизнь. Рискнуть родить дочь Алену в 37 лет можно было только от любимого мужчины. Ее новый муж, бизнесмен Леонид Миньковский быстро понял, что его жене больше нечего делать на родине. И когда пришло приглашение поработать в Американском международном центре фигурного катания, сказал: «Поехали. Я открою тебе другой мир». И она согласилась. Роднина стала первой в истории советского спорта, кто заключил частный контракт на работу за границей. Ей пришлось все начинать с нуля: язык, общество, законы – все было чужим. Но была работа, и она чувствовала себя необходимой людям, детям, мужу.

Однако в жизни ничто не бывает вечным. Муж ушел к другой. Ирина вдруг осталась одна в незнакомой стране. Вернуться на родину она не могла, так как по решению суда после развода с мужем ее дочь не имела права покидать пределы США до совершеннолетия. Ирине не хватало ни времени для детей, ни денег, ни друзей – иногда приходили мысли о самоубийстве. Ей помог сын, сказавший, глядя на депрессию матери: «Мама, посмотри на себя, на кого ты похожа. Вся седая стала, некрасивая».

Ирина выстояла. Черная полоса начала подходить к концу – она стала тренером с блестящей репутацией, подняв на высшую ступень пьедестала почета чешских спортсменов Радку Коваржинкову и Рене Новатного. Ее услуги стали стоить два доллара за минуту, и ученики со всего мира стремились попасть в ее группу. Она уже могла оплачивать обучение повзрослевшего

Саши в колледже. Наверное, это заложено в Родниной – уметь преодолеть слабость, стать на ноги, доказать всем – людям, жизни, себе, – что ты можешь победить, даже когда все кажется проигранным.

В 1998 г. она вернулась домой, где была награждена орденом «За заслуги перед Отечеством» III степени (1999 г.). Фактически ее «выдернули» из заморской жизни, обещая воплотить в жизнь проект «Международного центра фигурного катания» в Москве – Ледового дома Ирины Родниной, где имели бы возможность заниматься обычные люди, а не только те, которые могут заплатить за это удовольствие. Но оказалось, что государству «не по зубам» такой гигантский проект. Сейчас Ирина «разрывается» между двумя странами. Она продолжает тренерскую работу в Лос-Анджелесе, где живет ее дочь, и вместе со своей близкой подругой и менеджером Оксаной Пушкиной обивает пороги кабинетов российских чиновников, не теряя надежды открыть престижную школу фигурного катания мирового класса. Сын Александр вернулся с ней в Москву.

С 2002 г. на спортивном канале «7 ТВ» Ирина Роднина ведет авторскую программу «После пьедестала», в которой рассказывает о знаменитых спортсменах, принесших родине славу. О таких людях она знает не понаслышке. Для многих из них после лавровых венков и грома фанфар наступала тишина безызвестности. Не все сумели справиться с этим. Роднина выстояла. Сейчас она говорит: «Впереди большая жизнь. Я была очень счастливо, успешно и фантастически реализована в спорте (мало кто может сказать так же). Как женщина была счастлива с разными мужчинами в разные периоды моей жизни. У меня двое детей. Есть дело, которое я люблю. Может, оно не такое прибыльное, не столь амбициозное, но я люблю учить тому, что сама любила и что приносило мне огромное удовольствие. Передавать свой талант, свои знания – наверное, самое большое счастье. Вообще счастье – это отдавать».

НАВРАТИЛОВА МАРТИНА

(род. в 1956 г.)

Чешская теннисистка. Обладатель уникального звания победителя во всех разрядах (одиночном, парном и смешанном) на всех четырех турнирах «Большого шлема».

Самая великая теннисистка всех времен и народов. Так, пожалуй, можно назвать Мартину Навратилову, в ноябре 1994 г. решившую расстаться с большим спортом и с тех пор лишь изредка появляющуюся на некоторых соревнованиях. За почти четвертьвековую спортивную карьеру эта чешка, ставшая «суперзвездой» американского спорта, участвовала в 1649 матчах, из которых выиграла 1438. Она победила в 167 турнирах, в том числе и в таких престижных, как британский «Уимблдон» (9 раз), французский «Ролан-Гаррос» (2 раза), открытое первенство

Австралии (3 раза) и открытое первенство США (4 раза).

Навратилова перевернула представление о женском теннисе, она сделала эту игру жесткой, наступательной, силовой… Впрочем, это и не случайно – ведь чемпионка чемпионок никогда не скрывала, что она мужчина не только по своему темпераменту. Не случайно и то, что на своей рубашке-тенниске, там, где другие спортсменки носят рекламные бирки текстильных и парфюмерных фирм, королева кортов прикрепила розовый треугольник «Экт Ап» – знак Ассоциации гомосексуалистов и лесбиянок по борьбе со СПИДом. Любовные победы и альковные перипетии чешки, оставшейся в Америке в 1975 г. и получившей гражданство США только в 1981 г., впечатляют не менее, чем ее крученые удары с дальней линии и стремительные выходы к сетке на корте.

Ее имя стало нарицательным для мира тенниса. Нынешняя первая ракетка Мартина Хингиз была так названа своими родителями в честь славной землячки. Кончита Мартинез, помешавшая Навратиловой округлить число уимблдонских побед, называла «Мартиной» дворовый забор в своем захолустном испанском городке, по которому в детстве несколько лет долбила мячом, представляя, как побеждает великую спортсменку. В разных странах мира ее имя носят популярные корты. А в небольшом селении Ржевнице под Прагой местные жители на свой лад именуют улицу, на которой выросла Навратилова, – «Мартинка».

Здесь будущая чемпионка жила у бабушки, Агнес Семанской (когда-то пятой теннисистки Чехословакии), поскольку родители девочки были в разводе. В Ржевнице она начала ходить в теннисную секцию, которой руководил Мирослав Навратил. Однажды тренер познакомился с мамой ученицы, а спустя год они стали мужем и женой. Навратил дал Мартине свою фамилию, научил играть в теннис, а главное – сумел развить силу воли и честолюбие. «Через 15 лет ты станешь первой в Уимблдоне», – внушал отчим своей пятилетней воспитаннице.

Пока ее сверстницы осваивали танцплощадки, ходили в походы и на первые свидания, коротко стриженная и по-мальчишечьи одевавшаяся Мартина, полистав по дороге в столичный спортклуб учебники, долгие часы сновала по корту, осваивала технику ударов и психологию поединков. А вернувшись домой, в деревню, садилась на велосипед или вставала на лыжи, но чаще всего – просто бегала по окрестным холмам, нередко с рюкзаком, наполненным камнями. Отсюда ее выносливость, резкость удара, ладная мускулистая фигура.

В 8-летнем возрасте девочка впервые приняла участие в

официальном юниорском турнире и выиграла его. Потом пришли следующие победы пражского и чешского масштабов. Многие здесь еще помнят, как на состязания приезжал «дуэт Навратиловых»: отчим за рулем старенького мотоцикла и прилепившаяся к нему сзади и обвешанная ракетками Мартинка – худющая и угловатая, своим мальчишеским видом пугавшая других девчонок при появлении в раздевалке.

Таинственный западный мир с детских лет манил спортсменку и пленил ее окончательно при первом же выезде за социалистический кордон. А уж когда она впервые оказалась в США, то была вне себя от восторга. Переезжая с турнира на турнир, она проводила в Америке по нескольку месяцев, наслаждаясь долгожданной личной свободой и общением с представительницами мировой элиты. Не зная толком, что делать с первыми крупными зарубежными гонорарами, Мартина тратила их на сладости и драгоценности.

Вернувшись домой, она узнала, что заработанными деньгами нужно делиться с государством. Однако все-таки не это было главным побудительным мотивом, когда, уехав в очередной раз, она решила не возвращаться в Чехословакию. Бесконечная индивидуальная свобода во всем и всегда – вот чем влекла ее жизнь на Западе. Решение об эмиграции она приняла не спонтанно, в одночасье, а после многомесячных раздумий, посоветовавшись с отчимом и ничего не говоря матери.

К тому времени Навратилова уже не однажды сумела устроить переполох на крупных турнирах, однако дальше финала французского первенства пока не добиралась. В Париже она проиграла первой ракетке Крис Эверт, своей будущей подруге, партнерше в парном разряде и многолетней главной сопернице в одиночных состязаниях. Помимо хладнокровия, Мартине явно недоставало в ту пору техники и тактического мастерства, она чаще всего «выезжала» на врожденном таланте и инстинкте. Чтобы продираться на самую вершину мирового тенниса, необходимо было многое менять – и тренеров, и систему подготовки, и образ жизни в целом.

В сентябре 1975 г. американские газеты вышли с заголовками: «Талантливая 18-летняя теннисистка из коммунистической Чехословакии Мартина Навратилова обратилась в иммиграционное управление на Манхэттене с просьбой о получении разрешения на временное проживание». Другими словами, это соответствовало просьбе о предоставлении политического убежища. Но это сообщение, к удивлению многих, не вызвало большого переполоха у пражских властей. Видимо, принимая во внимание неукротимый характер спортсменки, чего-

то подобного от нее ожидали.

Тем временем сама Мартина весьма непросто переносила случившееся. Она тосковала по родителям и по родным местам, хотя отнюдь не рвалась домой. Предоставленная сама себе, долго не могла сориентироваться в чужом образе жизни, никак не могла отладить методику тренировок. Нередко срывалась морально и физически.

Она заказывала одежду у самых модных кутюрье, покупала роскошные автомобили. Увешанная драгоценностями, не вылезала из «Макдоналдсов» и кондитерских, из-за чего потолстела почти на 15 кг. О каких серьезных победах при подобном отношении к себе можно было говорить? Немудрено, что большинство специалистов вскоре поспешило исключить ее из потенциальных претенденток на успех, а пресса придумала ей прозвище «дитя в кондитерской». Сама же Мартина долгое время ничего этого не замечала, надеясь, что ее врожденное мастерство вот-вот само раскроется в полной мере и она взойдет на мировой теннисный трон.

Именно в этот период, в возрасте двадцати лет, судьба свела ее с Сандрой Джейн Хейни, которая входила в пятерку лучших гольфисток мира. Роман этот получил огласку и произвел эффект взорвавшейся бомбы. Впрочем, любовь длилась недолго, и спустя два года Навратилова бросила свою подругу ради писательницы Риты Браун. Два года они жили вместе в шикарном особняке в Вирджинии.

Всякий новый человек, входивший в жизнь теннисистки, давал ей энергию и корректировал направление движения. Когда чувства или необходимость в этом человеке исчезали, она искала новый источник вдохновения. Не всегда расставание с былым кумиром проходило безболезненно. Во время последней встречи с Ритой та напала на Мартину, а потом выстрелила вслед отъезжающей машине, причем пуля, разбив заднее стекло, прошла всего лишь в паре сантиметров от ее головы. Порвав с Браун, спортсменка влюбилась в юную баскетболистку Нэнси Либерман, и та ответила взаимностью…

Одна из следующих подруг, Джуди Нельсон, бросившая ради Мартины мужа и двоих детей, оказалась многим предусмотрительнее своих предшественниц, подписав в самом начале их союза своеобразный договор о сожительстве, оформленный юристами и зафиксированный на видеопленку. В результате их расставание спустя шесть лет обошлось Навратиловой в миллион долларов на судебные издержки, а сумма отступных, выплаченных Джуди ради того, чтобы поскорее прекратить шумиху, поднятую репортерами вокруг столь

пикантной истории, осталась неизвестной.

Тем временем на кортах Мартина шла от одного рекорда к другому. В канун своего 30-летия она встречалась с 17-летней Штеффи Граф, сокрушившей всех остальных фавориток турнира. Многие расценивали их поединок в качестве своеобразной передачи эстафеты от стареющей королевы юной принцессе. Граф действительно была легка, технична, играла мощно, но и Навратилова не спешила «на пенсию». Собрав в кулак все свое мастерство и волю, на сей раз она с трудом, но победила, выиграв юбилейный, сотый открытый чемпионат США.

Потом Мартина еще вернется на корт в парных состязаниях, выиграет престижные кубки, установит новые рекорды. Но они лишь добавят новые штрихи к портрету славной теннисистки, которая до сих пор остается непревзойденной в большинстве своих достижений. Так, в мае 2002 г. на открытом чемпионате Австралии 46-летняя Навратилова вместе с индусом Леандером Паесом победила в миксте и установила «рекорд всех времен и народов», впервые в истории выиграв в столь почтенном возрасте турнир «Большого шлема».

Появление Мартины на авансцене большого тенниса состоялось в компании смуглого юноши, с которым прославленная спортсменка то и дело обменивалась откровенными поцелуями. И хотя смешанный разряд, где первенствовали Навратилова и Паес, традиционно не слишком высоко котируется, успешные выступления дуэта породили массу слухов и кривотолков. Причем публика вновь была вынуждена заговорить о сексуальной ориентации спортсменки, которая всегда была далека от традиционной.

Обсуждая последний «финт» Мартины, ряд западных бульварных газет характеризовали Леандера Паеса как «весьма пластичного и женоподобного юношу». Может быть, именно это и сыграло для Навратиловой главную роль.

ДЕРЮГИНА ИРИНА ИВАНОВНА

(род. в 1958 г.)

Советская гимнастка. Чемпионка Олимпийских игр, двукратная абсолютная чемпионка мира, Европы и пятикратная чемпионка СССР по художественной гимнастике.

Главной чертой характера прославленной гимнастки, по свидетельству ее мамы и тренера, является целеустремленность. Причем не только в достижении спортивных побед: Ирина четко знает, чего она хочет и как этого добиться. По ее собственному утверждению, она никогда не впадала в отчаяние и не испытывала разочарований. Существует расхожее мнение, что человек сам волен выбирать судьбу, но в жизни порой происходит все совсем наоборот. Именно так и случилось с Ириной

Дерюгиной. Да и как могло быть иначе, если, едва научившись ходить по земле, она уже полностью окунулась в мир спорта, тренировок и сборов.

Будущая олимпийская чемпионка родилась в Киеве 11 января 1958 г. в семье профессиональных спортсменов: ее отец, Иван Константинович Дерюгин – олимпийский чемпион по пятиборью, мать, Альбина Николаевна – тренер по художественной гимнастике.

Маленькую Иру мама брала с собой на работу в спортивный зал. Там было шумно и интересно: звучала музыка, мамин голос заставлял гимнасток несколько раз подряд повторять какой-нибудь элемент, доводя его выполнение до совершенства. Дочка не мешала матери, потому что понимала: та занята делом. Да ей вовсе и не было скучно. Она то играла в куклы, то внимательно наблюдала за грациозными движениями мамы и гимнасток. И ей самой хотелось так же, как они, изящно и виртуозно порхать под звуки музыки, мастерски выполняя упражнения…

Как-то раз Альбина отвела четырехлетнюю дочку в балетную школу. Ей хотелось, чтобы малышка овладела азами хореографического искусства, и даже если в будущем она не станет балериной, то отличная танцевальная подготовка на помешает. И хотя балет действительно серьезно увлек маленькую Иру, после занятий она все равно прибегала в гимнастический зал к матери. Девочка уже тогда подсознательно рвалась на помост, мысленно повторяла все движения гимнасток, но мать не спешила подвергать ее серьезным спортивным нагрузкам. В то время будущая легенда гимнастики еще мечтала стать балериной и в 10-летнем возрасте поступила в Киевское хореографическое училище.

Окончательный выбор между балетом и профессиональными занятиями гимнастикой Дерюгина сделала летом 1972 г., когда ее пригласили в молодежную сборную страны. А уже следующей зимой она записала в своем спортивном дневнике: «Мой идеал в художественной гимнастике – Мария Гитова и первая абсолютная чемпионка мира 1963 г. Людмила Савинкова».

Юная спортсменка очень требовательно относилась к себе, а особенно к тому, чем она занималась. Каждую ошибку старалась проанализировать и сделать все, чтобы впредь ее не повторить. Неутомимое желание борьбы и здоровый спортивный азарт помогали будущей олимпийской чемпионке. Ничто не могло ее остановить, даже травма – защемление мениска правого колена. Тогда, на Кубке СССР, который проходил в родном Киеве, она выступала, превозмогая невыносимую боль. Однако, глядя на нее, никто не мог об этом догадаться – Ирина лучезарно, во весь рот,

улыбалась своим землякам. И победила!

Спортивный характер Дерюгиной помогал преодолевать любые трудности. Ей было 15 лет, когда она приняла участие в своем первом чемпионате. Тогда на первенстве СССР спортсменка заняла общее 22-е место. Как справедливо считала мама, Ире просто не хватило опыта. Но эта первая неудача никак не отразилась на дальнейших планах.

Затем был дебют за границей, в Голландии. Ирина очень волновалась, но это выступление привлекло внимание профессионалов мирового уровня. Про ее манеру исполнения, артистизм и старательность много писала пресса, предсказывая ей большое будущее. Юной гимнастке аплодировали даже судьи, особенно за упражнения с лентой, поставленные на музыку вальса Андрея Петрова из кинофильма «Берегись автомобиля». Так начиналось воистину триумфальное шествие будущей олимпийской чемпионки.

В ноябре 1980 г., после окончания Киевского института физической культуры, Дерюгина вышла замуж за «лучшего футболиста Европы», нападающего киевского «Динамо» Олега Блохина. 15 января 1983 г. в их семье родилась дочь Ирочка, которая сейчас живет в Америке и вот-вот должна получить диплом юриста. Ира Блохина – натура столь же одаренная и увлекающаяся (будущий правовед пробует себя на эстраде, серьезно и успешно занимается изучением иностранных языков), сколь и целеустремленная. Как и ее легендарные родители, она знает, что ничто на свете не дается легко и чтобы добиться успеха, необходимо приложить немалые усилия. Главное, чтобы дело, которым ты занимаешься, тебя по-настоящему волновало.

Семейную жизнь Дерюгина строила в полном соответствии со своими убеждениями. «Домашняя работа останавливает развитие женщины и рано или поздно приводит к разрыву с мужчиной, – утверждала Ирина. – У нее должно быть дело, причем совсем не обязательно в качестве источника существования. На данный момент карьера – не главное в моей жизни, хотя работа и забирает львиную долю времени. Но я считаю, что все должно быть гармонично и сбалансировано, надо уметь совмещать приятное с полезным».

Прославленная спортсменка сама разрабатывала дизайн своей квартиры: продумывала, как расставить мебель, где будет лучше всего смотреться та или иная вещь. По ее собственному признанию, она вообще мастер на все руки: хорошо вяжет, шьет, вышивает, рисует. Однако проявить таланты бывает просто некогда, поскольку практически все время Ирина посвящает работе с молодыми гимнастками, а также судит крупнейшие

международные соревнования.

В последнее время многие талантливые спортсмены из СНГ уезжают за границу – просто подзаработать или насовсем. Из-за этого в свое время распался 19-летний брак Дерюгиной и Блохина. Олег уехал работать в Грецию, а Ирину всецело поглотили заботы частной спортивной школы в Киеве. В итоге, как сказала гимнастка в одном из интервью, «отношения превратились в скучнейший телефонный роман».

Ирину такое положение вещей совсем не устраивало. Хотя она и сознается: «Не исключено, что я была в чем-то не права, когда отказалась ради спасения семьи сжечь все мосты и, бросив работу, уехать с Олегом сначала на Кипр, а позже в Грецию. Тогда-то наш брак и зашатался. Два года назад, когда Блохин сменил футбол на политику и стал депутатом Верховной Рады, я полагала, что все наконец вернется на круги своя. Задержись он в парламенте подольше, как знать, может, на личном фронте у нас все бы и наладилось. Но Олега вновь понесло в Грецию, и я поняла, что на семье в широком понимании этого слова можно поставить крест».

Предлагали заманчивые контракты и Дерюгиной, однако Ирина отказалась наотрез: «Чисто профессионально за границей работать неинтересно, потому что там нет перспективных гимнасток. Поэтому на работу за рубежом я не соглашусь ни за что, какие бы золотые горы мне ни сулили».

Прославленная гимнастка считает, что сильные люди могут влиять на свою судьбу, потому что их сила дает им на это право. Она уверена: человек способен повернуть свою жизнь так, как считает нужным. Поэтому она старается ничего не планировать – просто шаг за шагом, последовательно, спокойно и уверенно идет к поставленной цели. Это в спорте, а дома был период, когда мужчины совсем перестали ее интересовать: «Разочарования оказались слишком сильными, и в какой-то момент я решила, что надо держаться от них подальше. Слава богу, все это позади и сегодня в моей жизни есть любимый человек. Ведь любить и быть любимой – величайшее счастье на земле!»

Сегодня Ирина занимается подготовкой украинских гимнасток к различным отечественным и зарубежным соревнованиям. Она директор специальной детско-юношеской школы олимпийского резерва: «У нас не цирк, а вид спорта для детей с нормальными физическими данными. Я считаю своей главной задачей вырастить Личность с богатым внутренним миром. Смысл, например, нашей с мамой школы не сводится к раздиранию ног. Потому что сложить ноги «бантиком» за ушами – это не художественная гимнастика. Художественная гимнастика –

это прежде всего образ. Все элементы являются просто средствами для более эмоциональной, точной его передачи». Состоявшееся в марте 2003 г. соревнование на кубок Дерюгиных лишний раз подтвердило правоту ее слов. Оно стало настоящим праздником спортивного мастерства, красоты и артистизма.

ГРАФ ШТЕФФИ

Полное имя – Стефания Мария Граф
(род. в 1969 г.)

Немецкая теннисистка. Обладательница 22 титулов «Большого шлема», продержавшаяся на женском теннисном Олимпе рекордные 378 недель.

Список ее побед, несомненно, впечатляет. Три года подряд, с 1987 по 1989 г., она становилась победительницей открытого чемпионата Франции, а в 1988–1990 гг. трижды выигрывала открытый чемпионат Австралии. На турнирах Уимблдона она выигрывала пять раз, с 1988 по 1993 г., уступив первенство только в 1990 г. Дважды, в 1988 и 1989 гг., побеждала на открытом чемпионате США. В 1989 г. Граф стала первой на открытом чемпионате Германии.

Она единственная (из женщин и мужчин) завоевала «Золотой Большой шлем», т. е. выиграла четыре турнира Большого шлема за сезон 1988 г. и в том же году стала олимпийской чемпионкой в Сеуле. Кроме того, Штеффи была чемпионкой мира по теннису семь раз – это мировой рекорд. Ко всем своим победам в 1992 г. она получила еще и Кубок федерации. Пока ей нет равных по стабильности игры и по количеству побед, но на корте уже появляются молодые дерзкие соперницы, которые жаждут прославиться так же, как этого хотела она, скромная немецкая девочка, целиком посвятившая себя теннису.

Будущая королева ракетки родилась 14 июня 1969 г. в Маннгейме в семье страхового агента и автомобильного маклера Петера Графа. Как и большинство других теннисистов, она начала заниматься этим видом спорта в раннем детстве – в четыре года. Интересно, что некоторое время Граф тренировалась в одной спортивной школе с Борисом Беккером, жившим по соседству.

Когда девятилетнюю Штеффи показали Клаусу Хользасу – тренеру сборной Германии – он похвалил ее: «У нее есть все данные, чтобы войти в тройку сильнейших теннисисток Европы», а отец оскорбился: «Нет, Штеффи будет первой ракеткой мира». Исключительные способности позволили девочке начать профессиональную карьеру уже в 13 лет и стать второй самой молодой профессиональной теннисисткой за всю историю этого вида спорта. А красивая и в то же время жесткая манера игры в сочетании с чисто женским обаянием всегда привлекала к Штеффи много поклонников и сделала из нее одну из культовых фигур нашего времени.

Когда в 16 лет Граф обыграла непобедимую Мартину Навратилову, а в 19 стала олимпийской чемпионкой, ее судьба решилась окончательно и бесповоротно. Теннис стал всем в жизни Штеффи. Корт, сетка, ракетка, мяч – и ничего больше. Все время и силы уходили на то, чтобы взять главный приз на очередном турнире «Большого шлема». Нетрудно понять, что ни о приличном образовании, ни о мало-мальски насыщенной личной жизни речи идти не могло.

Ходили слухи, что в 20 лет Граф встречалась с немецким теннисистом Александером Мронцем, а три года спустя, в 1992 г., ее избранником стал немецкий же автогонщик Михаэль Бартельс. С Михаэлем Штеффи виделась дважды в месяц, строго по графику, в коротких промежутках между бесконечными тренировками и играми.

И, странное дело, она казалась довольной: «Именно такого человека я ждала всю жизнь. Я вполне с ним счастлива». В том же

интервью Штеффи призналась, что ее заветная мечта – родить Михаэлю кучу детишек и посвятить оставшуюся жизнь их воспитанию. При этом она прекрасно понимала, что ей не создать семью с человеком, с которым видится по выходным. Пока же перед ней стояли другие планы – довести число побед как минимум до 500 (что она с блеском совершила) и, главное, одолеть Габриэлу Сабатини, свою давнюю соперницу.

В конце 1987 г. Граф стала первой ракеткой мира. «Мы не покинем Германию, как Борис Беккер. Мы платим налоги здесь, на родине!» – заявлял журналистам ее отец. Ни слова не говоря о пластиковых пакетах, в которых поступала львиная часть спонсорских и рекламных денег. Наличными. И ни слова о фирмах, которые «крутили» деньги его дочери, перебрасывая их со счета на счет. Почему герр Граф упорно, год за годом, не предоставлял местным чиновникам декларации о доходах? Зачем испытывал их терпение?

Самый важный человек в ее жизни был арестован 2 августа 1996 г., как только Штеффи уехала играть очередной турнир в Америке. Он был доставлен в неприступную и довольно зловещую средневековую крепость, описанную Фейхтвангером в романе «Еврей Зюсс».

Об этом периоде своей жизни Штеффи не любит вспоминать. Ей пришлось многое пережить. Отец ограждал ее от мира. И вот его не стало рядом – и мир обрушился на нее. Одиночество под вечным прицелом объективов – самое страшное одиночество. В те дни не было никакой журналистской доблестью запечатлеть слезы Штеффи Граф. Чтобы чемпионка заплакала, нужно было только спросить ее, желательно участливо, про отца.

Телеграфные агентства мира сообщали: «Петер Граф скрыл от налоговых органов 42 млн марок, заработанных его дочерью в 1989–1993 гг. То есть не заплатил 19 млн марок налогов». И еще оставался вопрос, на который до сих пор нет ответа: «Знала ли Штеффи?» «Она не знала, она ничего не знала», – твердил отец. Он вышел из тюрьмы в 1998 г.

90-е гг. принесли знаменитой спортсменке первые серьезные проблемы. В ее игре все чаще стали наступать кризисные периоды. Сильные боли в спине и проблемы с суставами в конце концов заставили Штеффи покинуть большой спорт. После победы в 1999 г. в Ролан-Гаррос на открытом чемпионате Франции она еще раз попала в финал турнира «Большого шлема» – это было в Уимблдоне, где Штеффи пришлось уступить американке Линдсей Девенпорт.

Через месяц после этого поражения лучшая немецкая теннисистка всех времен заявила: «Это было непростое время.

После Уимблдона я впервые поняла, что теннис – это не самое главное в моей жизни. Во мне, вероятно, угасла воля к победе. Я стала осознавать, что большего в спорте мне уже не добиться!».

Граф решила раз и навсегда: она уходит из профессионального тенниса. И что же дальше? Штеффи не ушла на тренерскую работу. Она расторгла свои контракты с фирмами «Адидас» и «Вильсон» – ей было абсолютно неинтересно общаться со спонсорами и подписывать автографы. Она не сделала ровным счетом ничего, чтобы как-то продолжить свою карьеру – никаких телеинтервью, никакой рекламы или хотя бы мемуаров.

Что же остается у Штеффи Граф? Остается Андре Агасси, ее Андре, который заполнил всю ее жизнь, как когда-то ее заполнили честолюбивые мечты о теннисной славе. «Она стала самой настоящей фанаткой, – сказала одна знакомая Штеффи. – Ей хочется быть рядом с Андре, она не сводит с него влюбленного взора. Достаточно посмотреть на нее во время его матча… Спросите Штеффи, чего еще она ждет от жизни, и она не сможет ответить».

Граф и Агасси вместе уже четыре года. Когда их впервые засняли целующимися в одном из лондонских ресторанов, эффект был подобен взрыву бомбы. «Как они вообще могут быть вместе? У них же нет ничего общего!» – захлебывались от волнения разноязыкие репортеры. А парочка тем временем посещала показы парижских мод, боксерские поединки в Лас-Вегасе и уютные кабачки Майами…

«Она – та, которую я только и ждал», – признавался Андре. «Он – мужчина моей жизни», – говорила Штеффи. Сойдясь с Агасси, Граф оставила карьеру профессиональной теннисистки, за которую она стала обладательницей 107 теннисных титулов и в том числе выиграла 22 турнира «Большого шлема». Агасси же, которого уже начали было списывать со счетов, вернулся в десятку сильнейших. «Штеффи поражает меня своей мудростью и спокойствием, – откровенничал Андре. – В игре мне больше всего мешают излишняя нервозность и эмоциональность. Штеффи помогла мне это познать, и сейчас я, как немецкая машина, работаю на пределе, не допуская сбоев».

В середине сентября 2001 г. две крупнейшие звезды тенниса, Агасси и Граф, поженились. По их словам, скромная церемония, совершенная в Лас-Вегасе, где они живут, прекрасно соответствовала их представлению о том, каким брак должен быть. Спустя месяц после свадьбы у Штеффи родился сын, которого назвали Джейденом Джилом. Звездный ребенок получил на свой первый день рождения 21 теннисную ракетку. Размеры всех ракеток крошечные, и вряд ли когда-нибудь они будут

использованы на теннисном корте.

Незадолго до женитьбы Андре специально для Штеффи за 23 млн долларов купил шикарную виллу в Сан-Франциско. Дом, окруженный садом с фонтанами и водопадом, два бассейна, детская площадка – настоящая идиллия для семейной жизни. «Когда я увидела этот дом, то поняла, что хочу навсегда в нем остаться, – растроганно говорила Граф. – Я никогда не была так влюблена… Раньше я была всего лишь знаменитой спортсменкой, но теперь обрела себя как женщина. И я уверена, что смогла сделать Андре счастливым».

notes

1

По мнению историка В. П. Наумова, «Петр III страдал маниакально-депрессивным психозом в слабой стадии (циклотомией) с неярко выраженной депрессивной фазой».

2

Предприятие, получившее эксклюзивные права от головной фирмы на распространение своих услуг на данной территории.